ВОЛОДЯ ТЕЙТЕЛЬБОЙМ
НЕРУДА
ВОЛОДЯ ТЕЙТЕЛЬБОЙМ
НЕРУДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного писателя, литературного критика и общественного деятеля Чили В. Тейтельбойма представляет собой наиболее полную из всех опубликованных биографий великого чилийского поэта Пабло Неруды. Превосходно владея необозримым по богатству материалом, автор сумел воссоздать в неразрывном единстве все три аспекта жизни Неруды: творчество, общественную деятельность и сферу личных взаимоотношений. В книгу вошли и собственные воспоминания о Пабло Неруде В. Тейтельбойма, который был близким другом поэта, в течение десятков лет находился рядом с ним в гуще литературной и общественной жизни.

В книге использованы архивные фотографии.

- Володя Тейтельбойм
  - ○
  - ○ Л. С. Осповат
  - ○ Часть первая
    - ■ I
      - ■ 1. В гостях у матери
      - ■ 2. Прощай, Парраль!
      - ■ 3. Новая встреча
      - ■ 4. Город-лагерь
      - ■ 5. Дорогая мами́ка
      - ■ 6. Суровый отец
      - ■ 7. Не знаю — когда и как…
      - ■ 8. Сон?
      - ■ 9. Друзья детства
      - ■ 10. Первый поэт
      - ■ 11. Страус
      - ■ 12. Мальчик стучится в дом Габриэлы…
      - ■ 13. Первые шаги…
      - ■ 14. Мальчик и фортепьянная музыка
      - ■ 15. День рождения брага
      - ■ 16. Начало
      - ■ 17. Прозаик поневоле?
    - ■ II
      - ■ 18. Безумные двадцатые годы
      - ■ 19. Унамуно и «акционеры патриотизма»
      - ■ 20. Пансионы и дома бедноты
      - ■ 21. Марури. Сумерки и закаты
      - ■ 22. Почему Неруда?

- 23. Студент
- 24. Дружба и богема
- 25. Рохас Хименес улетает
- 26. Пабло де Рока
- 27. Девушка из Темуко
- 28. Женщины и посвященные им стихи
- 29. Обжигающее пламя пыльцы
- 30. Могила птиц
- 31. Девушка из Сантьяго
- 32. Похититель чужих тайн
- 33. Любовь и поэзия
- 34. Стихи меняются, а имя музы — нет
- 35. Исповедь и тоска в письмах
- 36. Худой и длинный, как осетр
- 37. Прощание
- 38. Разрыв с богемой
- 39. Поэт трудится, как целый завод
- 40. Писатели и слоны
- 41. На острова!
- 42. Отъезд

- III
  - 43. Настойчивые просьбы издалека
  - 44. Настойчивые просьбы из Батавии
  - 45. Переписка с родными
  - 46. Сны и бессонные ночи в открытом море
  - 47. Одиночество в Бирме
  - 48. Мечты и устремления
  - 49. Вести от человека, потерпевшего кораблекрушение
  - 50. Сомнения в Рангуне
  - 51. Реализм «Местожительства»
  - 52. Письма с Востока
  - 53. Торжественное сообщение
  - 54. Возвращение к Злюке
- IV
  - 55. Поэт и маска
  - 56. Песнь песней?
  - 57. Речь «al alimón»
  - 58. Приезд в дом праматери
  - 59. Два необычных консула
  - 60. Беда за бедой
  - 61. Хлопотливая Мураша или соседка?
  - 62. Поэты и их четвероногие друзья
  - 63. Доброе гостеприимство

- 64. Черты сходства
- 65. Споры и раздоры
- 66. Смена позиций
- 67. Полемика между Антологией и «Садовником»
- 68. Схватка с тяжеловесом
- 69. Канун
- 70. Казнь в Виснаре
- 71. Перемены…
- 72. Книга об Испании
- 73. Поэт на улице и роковая женщина
- 74. Литературные страсти
- 75. Лидер творческой интеллигенции
- 76. Вода жизни и смерти

○ Часть вторая

- V
  - 77. Про́клятые города
  - 78. Выборы в Чили
  - 79. Дома́
  - 80. Спасательная операция
  - 81. Эпопея «Виннипега» продолжается
  - 82. Размышления об Испании
  - 83. Раскаяние
  - 84. Волшебная и яростная страна
  - 85. Литературная смесь. Мексика
  - 86. Баталии, серенады, сабельные удары
  - 87. Восхождение к истокам
  - 88. «Вершины Мачу-Пикчу» в творчестве Неруды
  - 89. Четыре путешествия
  - 90. Удивительная речь
  - 91. Первая речь в сенате
  - 92. Проблема времени
  - 93. Высокочтимый сеньор Рейес
  - 94. Pro memoria[122]
  - 95. Странный вальс
  - 96. Поворот на сто восемьдесят градусов
  - 97. Поэт обвиняет
  - 98. Жизнь в подполье
  - 99. В поисках выхода
  - 100. Приготовления в сельве
  - 101. К землям-антиподам
- VI
  - 102. Сан-Мартин свободных людей

- 103. Как издавалась «Всеобщая песнь»
- 104. Парижский дебют
- 105. Европа совершает открытие
- 106. Ветер старого Нового Света
- 107. Прощай, сенат!
- 108. Встреча с Пушкиным
- 109. Строка, подчеркнутая молодым самоубийцей
- 110. Любовь и тромбофлебит
- 111. Беседа изгнанников
- 112. Итальянское интермеццо
- 113. Женщина с двумя головами
- 114. Полигамия и дезинформация
- 115. Добро пожаловать домой
- 116. Деятели культуры объединяются
- 117. Радости и печали птицы софре́
- 118. Рассказы и расчеты
- 119. Вокруг премий
- 120. Дар, фонд и ошибки

- VII
  - 121. Пятьдесят поздравлений и два проклятия
  - 122. Дома́ и женщины
  - 123. Разрыв
  - 124. Человек-невидимка становится видимым
  - 125. Никакая война не длится сто лет
  - 126. Обмен названиями
  - 127. Неруда — да! Неруда — нет!
  - 128. Дни ясные и дни пасмурные
  - 129. «Себастьяна» и сапоги
  - 130. Гостеприимный хозяин
  - 131. Эпистолы
  - 132. Забытая героиня
  - 133. Землетрясение на родине
  - 134. «Барбудос», вошедшие в историю
  - 135. Пересмешник
  - 136. Наброски
  - 137. Поэзия в воздухе и на земле
  - 138. Совпадение идей во времени
  - 139. Треугольный человек
  - 140. Между турком и испанцем
  - 141. Запись актов гражданского состояния
  - 142. Свинцовый груз славы

- 143. Итоги и самокритика
- 144. Товарищ Уильям
- 145. Синие от холода ножки
- 146. Книга счастливого застолья
- 147. Воздушные змеи
- 148. Ряженый
- 149. Гнев «paparazzi»[198] во время брачной церемонии
- 150. Благородный разбойник
- 151. Х. С
- 152. Птахи и пташки
- 153. Дом под голубым флагом
- 154. Колыхание «Баркаролы»
- 155. Трутрука[205] и трубадур
- 156. Малаколог
- 157. Немного философии
- 158. Знаменосец
- 159. Необыкновенная кампания
- 160. Глухой старик с аккордеоном
- 161. Поэт и век
- 162. Безумцы смежных профессий
- 163. Город цезарей
- 164. Камни, подождите!
- 165. Ночное выступление и утренний разговор

- VIII
  - 166. Тревожные вести
  - 167. Решение Шведской академии
  - 168. Вспышки магния
  - 169. Торжества дома
  - 170. Красные кровяные шарики
  - 171. Тайна открыта
  - 172. Воздушный замок
  - 173. Сестра футуризма
  - 174. Страна-буревестник
  - 175. Планы и возвращение болезни
  - 176. Арауканский камень
  - 177. Мечта о «Каталао»
  - 178. Ткацкие мастерские бедняков
  - 179. Исправленное посвящение
  - 180. В дозоре
  - 181. Куртка
  - 182. Посмертные произведения
  - 183. Мемуары и неизданное

- 184. Прощание
- 185. Смерть среди смертей
- 186. Кочующий гроб
- 187. Каменные гости
- 188. Траурная процессия
- 189. «До свидания»
- 190. Значит, буду жить
- 191. Еще несколько строк
- 192. Спустя полгода

- Фотографии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146

- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

Володя Тейтельбойм
НЕРУДА [1]

Любовь и долгий путь рождают книгу, и если нет в ней стран и поцелуев, нет человека с полными руками и женщины нет в каждой капле, нет голода, желанья, гнева и дорог, — ни колоколом, ни щитом не станет книга…

Вот почему я шел вперед и пел.

Пабло Неруда

* * *

Пабло Неруда
Ода типографии
Veo lo que viene y lo que nace
PULGOR Y MUERTE de Joaquin MURIETA
NERUDA EN VALPARAISO
SARA VIAL
ВЕНОК НЕРУДЕ
ПАБЛО НЕРУДА
МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО –ЗЕМЛЯ
PABLO NERUDA
20 POEMAS DE AMOR
PABLO NERUDA
PIEDRAS DE CHILE

Л. С. Осповат
По живому следу

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь…

Борис Пастернак

В сознание людей моего, да и следующего, послевоенного поколения Пабло Неруда вошел как человек-легенда, олицетворение самых добрых надежд нашего жестокого века. Не было, кажется, места на земле, где не слыхали бы о чилийском поэте, который обрел себя в борьбе за свободу Испании, восславил сражающийся Сталинград, стал коммунистом, «шахтерским сенатором», бросил в лицо изменнику-президенту гневное: «Я обвиняю!» — а потом, укрываемый своим народом, переходя «от двери к двери, от руки к руке», в подпольных скитаниях создал грандиозный эпос Латинской Америки — «Всеобщую песнь»…

Самое удивительное — что в общих чертах так оно все и было: в роли автора выступила сама жизнь, имевшая, правда, достойного соавтора в лице Пабло Неруды, который выстраивал свою судьбу по законам художественного творчества. Ну, а если легенда, тяготея к эпической обобщенности, несколько выпрямляла реальный путь поэта, выравнивала его человеческий облик, так на то она и легенда.

Любопытные, кстати сказать, отношения с этой легендой сложились в дальнейшем у ее героя и, отчасти, творца. Неруда оставался ей верен, хорошо сознавая, чего она от него требует и может еще потребовать. Человек далеко не аскетического склада, он был готов и к лишениям, и к «гибели всерьез», что и доказал в последние дни своей жизни. Однако поэт не совпадал с легендой до неразличимости и, что особенно важно, не разрешал ей собою командовать. Я рискнул бы сказать, что Неруда непринужденно и не без удобств расположился в этой легенде, как в одном из тех домов, которые любил для себя строить. В органическом симбиозе двух начал — легендарного и житейского, — позволившем ему сохранять и отстаивать свое «я» при любых обстоятельствах, быть может, и заключается феномен Пабло Неруды, который так восхищал Илью Эренбурга: «Он никогда ни

к чему не приспособляется… другие приспособляются к нему».

…Шли годы; мы познавали поэзию Пабло Неруды, учились плавать в океанских ее волнах, читали все новые, приходившие издалека книги поэта — его «дружеские письма миллионам людей», радовались, когда ему была присуждена Нобелевская премия по литературе. Не всегда поспевали мы за безостановочным движением его поэтической мысли, открывавшей неведомые горизонты. С опозданием вникли как следует в освободительный, раскрепощающий смысл «Книги сумасбродств», созданной после XX съезда КПСС, который, как вспоминал ее автор впоследствии, «точно огромная волна, поднял нас, революционеров, и нам открылись новые возможности, новые решения». Глубокое потрясение — а именно так охарактеризовал Неруда то, что было им пережито в 1956 году, — потребовало от него самокритической переоценки и собственного недавнего прошлого («Я, грешный, тоже внес свою лепту в культ личности Сталина») и вместе с тем способствовало бесповоротному отказу от догм, сковывавших развитие его творчества. Так и возникла «Книга сумасбродств», утверждавшая свободное, трезвое, принципиально антидогматическое отношение к миру, к людям, к себе самому. «Эта книга мне очень близка из-за ее непочтительности к почтению», — скажет о ней поэт.

И только теперь мы способны по-настоящему оценить то, что сделано Нерудой в написанной по горячим следам августовских событий 1968 года книге «Светопреставление», подводящей «предварительные итоги» двадцатого столетия и посвященной глубочайшим противоречиям нашей эпохи. Знаменитые свершения и победы этой эпохи чилийский поэт прославлял во многих стихах. Но в «Светопреставлении» он обратился к самым мрачным и постыдным страницам ее истории — к опустошительным войнам, к гибели миллионов людей в лагерях уничтожения, к оболваниванию целых народов при помощи орудий массовой пропаганды, к обожествлению палачей их безгласными жертвами, к использованию во имя высоких целей таких средств, которые извращали и фактически обессмысливали эти цели, к эксцессам левого экстремизма, к смертоносным издержкам научно-технической революции, к ядерной угрозе, поставившей под вопрос само существование человечества…

При этом Неруда отнюдь не становился в позу прокурора; его саркастическая, гневная, скорбная книга — настолько же обвинительное заключение, насколько и покаянная исповедь. «Соучастник всего человечества, где живут мои братья-убийцы», он разделяет со всеми «бездонный… этот стыд — быть людьми, такими же точь-в-точь, как расщепляющий и расщепленный».

Исполненные этого бездонного стыда и неизбывной боли за человека, лишенные и тени национальной или классовой ограниченности, взывающие ко всему человечеству, стихотворения книги «Светопреставление» ныне звучат актуальнее, чем когда-либо. Не будет, пожалуй, натяжкой сказать, что в них угадываются элементы того, что мы сегодня называем новым мышлением.

Если в этих стихотворениях поэт опередил нас, своих читателей, то в других он, как нам казалось, в чем-то от горького нашего опыта и отставал. Мы могли досадовать, могли даже спорить с ним, но никогда не оставались равнодушными. И потому, когда вслед за гибелью Сальвадора Альенде остановилось сердце Пабло Неруды, мы оплакивали уже не человека-легенду, а просто человека, который своей поэзией помогал нам жить.

А потом мы узнали, какое величие — не легендарное, а воистину человеческое — явил этот поэт перед лицом смерти. Уже прикованный к постели неизлечимой болезнью, он ответил на вызов судьбы небывалым творческим взлетом — писал агитационные стихи, в которых славил чилийскую революцию и разделывался с ее врагами, диктовал свои мемуары и создал *восемь* поэтических книг, увидевших свет после его кончины.

Со страниц этих книг встает человек, распахнувший свое сердце навстречу всему миру, не отрекающийся ни от своей веры, ни от своих мучительных сомнений и горьких разочарований, убежденный революционер и пылкий любовник, философ и озорник, человек, которому внятны и тяжкая поступь истории, и несказанная прелесть родной природы, и страдания каждого живого существа.

Обстоятельная, с начала и до конца документированная, в точном смысле слова научная биография Пабло Неруды — дело будущего, и, по-видимому, еще не близкого. У автора такого грядущего жизнеописания будут определенные преимущества перед нынешними биографами — в том числе и перед написавшим книгу, которую вы открываете. Ему, надо надеяться, будет целиком доступен рукописный архив поэта, включающий и всю его переписку, а также полный свод воспоминаний современников (иные из этих воспоминаний, возможно, еще не опубликованы, а то и не написаны). Дистанция времени позволит ему свободно говорить о таких обстоятельствах, которых пока что трудно касаться, не задевая живущих. Наконец, этот будущий биограф, наверное, сможет более объективно, чем удалось бы сегодня, представить и оценить эпоху, в которую жил поэт, исторические события, современником или участником которых

он был.

И все же по крайней мере в одном отношении никакой будущий биограф не сможет сравниться с автором этой книги, которого с Нерудой связали долгие годы дружбы и совместной политической деятельности. Вот что в первую очередь побудило В. Тейтельбойма после смерти поэта пройти его путь *по живому следу.*

Младший современник Неруды Володя Тейтельбойм (родился в 1916 году) — один из самых видных деятелей общественной и культурной жизни Чили. Еще в годы студенчества он занялся литературой и начал работать в Союзе прогрессивной интеллигенции, организованном Нерудой, в 1939 году вступил в компартию, а с 1946 года и поныне является одним из ее руководителей. Но литературное творчество осталось вторым его призванием. В. Тейтельбойм — автор трех романов (все они переведены на русский язык): «Сын селитры», «Семя на песке», «Внутренняя война», а также публицистических и литературоведческих работ. Книга «Неруда» увидела свет в 1984 году.

Словно три человека одновременно обращаются к нам в этой книге. Один — прилежный биограф, освоивший и изучивший все доступные ему материалы, собравший и использовавший многие неопубликованные воспоминания родных и друзей поэта, благодаря чему его труд стал самым полным жизнеописанием Неруды из всех ныне существующих. Другой — литературовед, знаток и ценитель стихов Неруды, который прослеживает историю замыслов и публикаций основных его произведений, дает им сжатые, по-эссеистски выразительные характеристики. И третий — мемуарист: не просто современник, а, как уже сказано, друг Неруды, выступавший его доверенным лицом во многих и притом весьма сложных обстоятельствах. Этот голос — ведущий, он объединяет и организует все повествование.

Но ведь и сам Неруда неоднократно рассказывал свою жизнь —.и в стихах, и в прозе. Не случайно, однако, во вступлении к посмертно опубликованной книге воспоминаний «Признаюсь: я жил», хорошо известной советским читателям, он счел нужным предупредить: «Воспоминания поэта не похожи на обычные мемуары. Мемуары пишутся человеком, который пережил, быть может, и меньше, но сфотографировать ему удалось больше, и он воссоздает события скрупулезно, с мельчайшими подробностями. Поэт же дарит нам галерею видений, рожденных огнем и мраком его эпохи».

Разумеется, автор книги «Неруда» хорошо помнил эти слова, принимаясь за биографию своего великого друга. Возможно, ими

он в какой-то степени и руководствовался, создавая свое собственное мемуарно-биографическое повествование, которое, помимо того, что оно значит само по себе, можно рассматривать как своего рода спутника книги «Признаюсь: я жил». Спутника ценнейшего — ведь «галерею видений», подаренных поэтом, В. Тейтельбойм дополняет и, так сказать, фундирует многочисленными «фотографиями» людей и событий, запечатленных тщательно, нередко с такими подробностями, которые свидетельствуют о наблюдательности и цепкой памяти автора.

«Моя жизнь соткана из множества жизней», — сказал Неруда. И действительно, он обладал особым талантом втягивать в водоворот своего бытия множество самых разных людей, вбирая в себя их человеческий опыт, претворяя его в поэзию. Немало таких людей проходит и по страницам книги В. Тейтельбойма. Тут и родные поэта, и верные его друзья, но также и заклятые враги, великие поэты и художники нашего века, авантюристы, а еще — безумцы и чудаки, к которым Пабло Неруда питал особое, можно сказать, любовное пристрастие. Как бы скупо ни был очерчен каждый из них, он по-своему участвует в создании образа поэта, тем подтверждая правоту его слов.

Но, пожалуй, главным достоинством этой книги я считаю то, что вместе с поэтом в ней почти безотлучно присутствует Поэзия. Причем не только в разборах, не только в виде цитат, прямых или скрытых. Поэзия ощущается, вернее, угадывается здесь, как некая властная стихия, определявшая жизнь Пабло Неруды, как могучая сила, побуждавшая его и к сочинению стихов, и к совершению поступков. Авторы книг о писателях нередко толкуют творчество посредством биографии, выискивают в произведениях отражение тех или иных жизненных обстоятельств. Лучшие страницы книги «Неруда» — такие, где автор поступает противоположным образом: истолковывает жизнь поэта через его творчество, в потребностях его поэзии ищет глубинные мотивы его решений. И тогда детство Неруды предстает как великая школа, в которой, говоря его же словами, «поэзии учишься медленно, среди вещей и существ, не отдаляя их от себя, а собирая вместе слепым притяжением любви». Тогда и в скитаниях Неруды по странам Востока обнаруживается смысл, который в них вкладывала его блуждающая поэзия. И становится ясно, что окончательный выбор, который сделал Неруда в Испании, был продиктован насущными нуждами его творчества. Поэт или гражданин — такой дилеммы для него не существовало: гражданином он стал именно потому, что был поэтом.

Иным читателям, воспитанным литературой достопамятных

лет в традициях принудительного целомудрия, покажется, возможно, чрезмерным внимание, которое уделено в этой книге интимной жизни Неруды: женщинам, которых он любил, подробностям его увлечений. Но ведь все это формировало личность поэта, образуя глубоко залегающий пласт его опыта, куда уходит корнями вдохновенная любовная лирика. И особенно хочется подчеркнуть, что, как признавался Неруда, для него смолоду и на протяжении всей жизни быть влюбленным являлось необходимым условием творчества. Любовь была источником энергии, в которой нуждалась мощная и ненасытная натура поэта. Порой это рождало драматические коллизии…

Книгу В. Тейтельбойма с интересом и благодарностью прочтут все, кто любит поэзию Неруды, да и вообще поэзию. Но думаю, что она привлечет и более широкий круг читателей. Порукой тому — сама личность удивительного чилийца, как мало кто в наше время сумевшего — и тут я позволю себе еще раз вернуться к стихотворению Бориса Пастернака, с которого начал:

…быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Часть первая
ОТ ЛИВНЕЙ ДО ВОЙНЫ

I
МАЛЬЧИК С ДАЛЕКИХ ЗЕМЕЛЬ ФРОНТЕРЫ

1. В гостях у матери

Что-то сжимается в душе, когда мы входим в полуразрушенный дом. Я пристально смотрю на того, кто рядом… Неруда приходит сюда в надежде узнать что-нибудь новое о матери, которая умерла вскоре после его рождения. Я хочу увидеть, вернее, почувствовать сердцем все до конца. Мне яснее ясного, что в данном случае между его «я» и мною, скажем «местоимением в третьем лице», — огромное расстояние. «Первое лицо» воспринимает все глубоко, обостренно. «Третье лицо» — как бы в отдалении, на другом полюсе. Я понимаю-угадываю, как разительно не сходится, не совпадает внешний облик поэта с его скрытым волнением. Прославленный на весь мир человек, располневший, уже не молодой… Он только что вышел из машины и с внешним спокойствием расспрашивает о своей матери, которая оставила его сиротой в далеком младенчестве. Навстречу нам спешит старая женщина, когда-то дружившая с покойной. Она смущена, не знает, как держаться со знаменитым человеком; ведь он приехал, чтобы с ним поделились воспоминаниями, рассказали о каком-нибудь случае — словом, обо всем, что связано с его матерью. Сам он, как ни горько, ничего припомнить не может.

Женщина — она местная учительница — исчезает, а через минуту-другую возвращается. В руках у нее пожелтевшая фотография. «Вот, смотрите — Роса Нефтали Басоальто!» Она передает фотографию Неруде и торопится сказать, что это единственный снимок Росы.

Поэт впервые видит фотографию матери. Много позже — в 1980 году — эта фотография появится в книге, названной «Незримая река», где собраны стихи и проза юного Неруды.

В книгу «Незримая река» войдут два посвященных матери стихотворения. Первое — «Луна»: «Когда родился я, мать умирала, / в смирении святом и скорбном, / вся плоть ее была прозрачной, / как будто из глубин лучился звездный свет. / И умерла она. А я родился. / Вот почему во мне течет незримая река, / и никогда не стихнет песнь закатов, / и пламень смеха моего, едва взметнувшись, тут же угасает».

Второе стихотворение Неруда назовет «Скромные строки памяти покойной матери»: «О мама милая, я слишком поздно на

свет явился / и не успел поцеловать тебя, / принять пречистое благословенье. / Твой свет недолгий уже истаивал, / он снова в глубь земли сходил, / ведь ты от жизни малого просила, / быть может, лишь букет фиалок в капельках росы, / да и они глядятся щедрым даром в твоих ладонях нежных, / которые уже не ждали ничего».

Стихи, конечно, наивные, незрелые, но они дышат искренностью. Поэт не раз в мыслях говорил с матерью, и вот впервые его слова, обращенные к ней, становятся поэтической строкой.

Роса Басоальто сфотографирована почти в полный рост. Неруда пристально вглядывается в лицо матери и, наверно, думает о том, как быстро свел ее в могилу гибельный недуг. Потом передает фотографию Матильде. А чуть погодя она протягивает ее мне. Я смотрю и смотрю на эту фотографию… На обороте выцветшими каллиграфическими буквами (так писали в старину) выведено: «Нефтали Басоальто Опасо де Рейес, мать Пабло Неруды». Нефтали — материнское имя — поэт получил при крещении… Я изучаю ее лицо. Искоса поглядываю на сына. Сходство обнаружить совсем нетрудно: те же черты, тот же овал.

Под дугами бровей — одна чуть выше другой — глаза с тяжелыми веками и небольшими зрачками. В глазах притаился немой вопрос, а может, и отсвет лукавства. Крупный нос выдается вперед, как у многих крестьянских людей, привычных различать по запахам смену времен года и открывать — как потом скажет поэт — «тайные гнезда птиц». Можно ли уловить по какому-то особому знаку, что эта женщина на краю пропасти? Что она предчувствует приближение смерти? Но как это узнать? Ее лицо излучает жизненную силу. В нем не найти ничего обманного, нет ощущения, что вглубь загнаны какие-то тайные переживания. Однако во взгляде есть что-то дремотное, болезненное. Да… на всем лице печать внутренней борьбы. Большой четко очерченный рот. Полные губы говорят о чувственности, нет, скорее о тяге к жизни. Слегка выступающий подбородок, в ушах длинные серьги, темные, точно переспелые вишни. Причудливая, старательно сделанная по моде тех времен прическа, легкие завитки прикрывают широкий лоб. Серебряная брошь светлеет на темном платье, которое могло бы показаться траурным, надетым раньше срока, не будь кокетливых кружев на длинных рукавах. Большая рука лежит на спинке кресла, обитого кожей. Видно, что женщина — высокая, худая, что смотрит она прямо в загадочный ящик фотографа, застыв на миг, чтобы ее запечатлели навечно. А может, подозревала, боялась, что ей осталось жить считанные дни, часы. Может, это ее последнее «прости» миру и сыну, и она

посылает его, помня изречение Блаженного Августина, которое не случайно подчеркнула в прочитанной книге, взятой у священника. «Вечность — не более чем истинная суть человека, которой дано проявиться в одно-единственное мгновенье». По настороженному выражению лица на этом старом снимке можно судить, что женщина не хочет расставаться с жизнью. Но в дуэли света и тени, запечатленной на пожелтевшем тонком картоне, мерцают тревожные блики.

Неруда снова берет фотографию. Пусть навсегда вживется в память образ матери. Ему так хочется понять — покой или тоска в ее лице? Без сомнения, он увидел и то и другое.

Фотография, похоже, была сделана именно в этом доме и в этой самой комнате, куда мы вошли. Судя по снимку, даже тогда, в далеком 1904 году, стены были пропитаны влагой — кое-где пятна сырости, облупившаяся побелка. Кроме спинки стула, не видно никакой другой мебели.

Мы выходим в патио. Тут она подолгу читала, поглядывая временами на небо — быть или не быть дождю. Тут она поливала цветы; они растут и поныне, неухоженные, в беспорядке. Старая учительница становится нашим Вергилием, но слишком мал круг, по которому она может провести поэта, жаждущего узнать что-нибудь еще о своей матери — Росе Нефтали. Неруда улавливает, как она настойчиво со значением повторяет, что Роса любила читать. «Она обожала стихи, вся уходила в них, будто уплывала куда-то в другой мир!»

Время идет, а Неруда все спрашивает и спрашивает о матери, о ее характере, привычках, манере говорить, о том, были ли у нее любимые слова, выражения. Ему хочется разгадать сокровенные черты ее натуры. «А кто бы еще мог рассказать о ней?» И эта фотография… она ему очень нужна. Учительница дарит ее растроганному Неруде: «У кого же, как не у вас, она должна храниться?!» Поэт не спеша оглядывает убогую обстановку заброшенного дома, где он родился, проходит по его пустым, запыленным комнатам. Вот он заржавевший ключ, который открыл дверь к его истокам! Как же Неруде, всегда готовому прихватить любой ключ для своей знаменитой коллекции ключей, не унести именно этот, не спрятать его в копилке памяти? Тут все, что осталось от его матери, от первых дней его жизни. Совсем мало… И все же как радостно ему слышать, что она почти не расставалась с книгой.

Старая подруга матери продолжает свой рассказ, но говорит о том, что Неруде уже известно.

На первых порах Роса была сельской учительницей. В 1900 году она стала преподавать в начальных классах Второй женской

гимназии Парраля. Замуж Роса вышла довольно поздно. В 1903 году, когда она сочеталась браком с Хосе дель Кармен Рейесом, ей исполнилось тридцать восемь лет. По тогдашним понятиям ее уже давно считали старой девой, для которой поезд супружеской жизни ушел навсегда. Она сама потеряла всякую надежду… но вдруг каким-то чудом успела вскочить в последний вагон. И дорого за это поплатилась…

Роса Нефтали Басоальто родилась в 1865 году и была законной дочерью Буэнавентуры Басоальто и Томасы Опасо… Молодая чета, которую вскоре развела смерть, поселилась именно в этом доме на улице Сан-Диего, куда мы теперь приехали.

Их сын родился 12 июля 1904 года, когда матери было уже тридцать девять лет. А 14 сентября 1904 года, через два месяца и два дня после его рождения, в регистрационной книге была сделана запись под номером 1454 о ее смерти. Через два месяца и два дня…

Матильда почти не вступает в разговор. А я снова обхожу маленькое патио, и мне чудится, что оно было точно таким, когда родился мальчик, чье появление на свет, как мы знаем, стоило жизни его матери. Она болела чахоткой, но скорее всего ее свела в могилу послеродовая горячка: в те времена горячка губила женщин так же часто, как и туберкулез. Женщины умирали, но рождались дети. Эта неразрывная связь, последовательность смерти и рождения, была привычной в ту пору и в той среде.

2. Прощай, Парраль!

После смерти Росы Нефтали двухмесячного младенца взял к себе в дом дед Хосе Анхель Рейес Эрмосилья. Выхаживала ребенка не родная бабушка, а Энкарнасьон Парада, вторая жена деда, с которой он вступил в брак в 1885 году. Отец мальчика был сыном от первой жены. Донье Энкарне не стоило труда отыскать в округе здоровую молодую крестьянку с грудным ребенком. Она выбрала в кормилицы Марию Луису Лейву, супругу Эстанислао Леона. Мария заливалась молоком — хватало и на своего и на чужого. Мальчик рос без матери хорошо, хотя и прихварывал.

Не только земля в тех краях была плодородной. Дед Неруды по отцовской линии имел четырнадцать законных детей. А кто знает, сколько он наплодил еще и внебрачных — уачос — и пользовался ли правом первой ночи? Он был хозяином «Вифлеема» — какое-никакое, но все-таки поместье, фундо. Первая жена, Наталия Моралес Эрмосилья, родила ему единственного сына — Хосе дель Кармена, который стал отцом

Неруды. Остальные тринадцать были от Энкарнасьон Парады. Некоторых окрестили библейскими именами: Авдий, Амос, Иоиль, Осия.

Долго тянутся дни в «Вифлееме». Дед часто и всегда ласково беседует с мальчиком. Но порой рассказы деда похожи на проповеди: он произносит их торжественным голосом, и мальчик слушает, мало что понимая.

— Я назвал одного Авдием, чтобы он не вырос гордецом и не взирал со злорадством на бедствия и печали своих ближних.

Другого дядю я нарек Амосом, чтоб он не уехал в город, а стал пастухом и разумным человеком, чтоб знал, что «не бегают кони по скалам» и что «нельзя вспахать море волами».

Особенно сурово бог обошелся с Осией. «Иди и возьми себе жену-блудницу», — возглашал дед, читая Библию и тыча прямо перед собой указательным пальцем…

— Блудницу? Я не понимаю, что это, дедушка.

— Ну, это женщина, которая плохо себя ведет и ходит к мужчинам, и никто из них ей не муж. В наказание дети с ней ссорятся. Они злы на нее за то, что она такая. А бог пригрозил «выставить ее как в день рождения ее», раздеть донага, «сделать ее пустыней, обратить в землю сухую…» Ты же знаешь, что сухая земля гибнет от жажды?

— А вот дядя Иоиль, дедушка… Почему его так назвали?

— Чтоб он будил пьяниц. На этой земле много пьяниц… В Библии говорится: «Пробудитесь, пьяницы, и плачьте, и рыдайте… Изойдите стоном все пьющие до безобразия, потому что я отниму вино от уст ваших…» «У меня есть виноградники, но не затем, чтобы люди помрачались умом» — так говорит Иоиль в Священном писании.

Дед читал торжественно, как бы возглашал: «Не бойтесь, животные, ибо пастбища пустыни произрастят траву…» Дед прожил почти мафусаилов век{1}. Он умер в 1939 году, пережив своего старшего сына…

У молодого вдовца не было деловой хватки. На его небольших виноградниках росли лучшие сорта, из которых получалось отменное вино. Но заметного дохода они не приносили, несмотря на то что Хосе дель Кармен был человеком работящим, трудолюбивым. Уж его-то не назовешь приживалой, «мужем при учительнице», хоть хрупкая здоровьем Роса в единственный год их совместной жизни трудилась не за страх, а за совесть.

Оба клали все силы, чтобы свести концы с концами. Но в Чили школьные учителя получали гроши и нередко им месяцами задерживали жалованье.

Начавшийся XX век не принес благоденствия стране и не сделал бедных богатыми. 1904 год в историческом плане ничем не примечателен, сохранились лишь сведения о небольших землетрясениях и ужесточении мер против недовольства рабочих в крупных городах на севере страны.

Дон Хосе дель Кармен — выходец из семьи обедневших идальго. В Чили слово «дон» выражает уважение к человеку, и оно вовсе не всегда означает, что он богат.

После смерти жены дон Хосе дель Кармен, как уже говорилось, оставил новорожденного сына на попечение отца, который жил вполне сносно, а сам тут же попал в армию чилийцев, которые бродили по стране в поисках работы. Позже он пересек Кордильеры, надеясь немного заработать в Аргентине, но вернулся с пустыми руками. В общем, самый что ни на есть бедолага, которому некуда деться.

Он мог бы двинуться на север, по примеру многих земляков, которые прямо на городских площадях заключали контракты с вербовщиками, поверив в их россказни о том, что селитра — это новоявленное «золотое руно» — сделает их богатыми. Но нет, Хосе дель Кармен вырос в самом центре Чили, он любил зелень лугов, деревьев. Глаза его устремлены не на север, а на юг, ему по душе леса и дожди, а не высохшая земля пустыни. Он переезжает на двести, потом на триста километров к югу, а в те времена места за сто километров от родного дома казались несусветной далью.

Мелкий полуразорившийся землевладелец становится простым рабочим и тем доказывает свое мужество, свое пренебрежение к социальным предрассудкам. Он нанимается на строительство дамбы в порту Талькауано.

Хосе дель Кармен страдает молча, без слез. Никому не рассказывает о своих бедах. Но ему не живется на одном месте. Все тянет куда-то подальше от родных краев. Кругом твердят, что селитряная пампа — это что земля обетованная. Но он смотрит в другую сторону, его влечет к себе старая Араукания, где три столетия не стихала война между испанскими завоевателями и индейцами мапуче. Теперь она зовется Новой Араукание́й, замиренной землей. Для чилийцев Фронтера[2], где когда-то проходила граница между государственными владениями и землями воюющих индейцев, — это почти то же самое, что для Соединенных Штатов — Дальний Запад. Потому что и здесь лишь пушки последнего образца предопределили исход неравной трехвековой войны…

Итак, Хосе дель Кармен — теперь уже простой рабочий — отправляется в путь. Он добирается до Темуко в запряженной

повозке, напоминавшей дилижансы, которые тогда можно было увидеть в фильмах о Far West[2], и обнаруживает, что Темуко совсем новый, необжитый городок; но все же в один из дней привозит туда маленького сынишку. Багаж их скуден. Отец прихватывает фотографию с надписью на обороте: «Нефтали Рейес Басоальто. Вилья Прат. 13 октября 1906 года».

На снимке двухлетний мальчик с грустными глазами. Вокруг шеи, закрывая плечи, — то ли большая белая пелерина, то ли детский нагрудник. Халатик чуть ниже колен — светло-серый в складку, с накрахмаленными манжетами. А под ним черные брючки и ботинки с застежкой на боку. Как и его мать на той единственной фотографии, мальчик левой рукой опирается о стул темного лакированного дерева с резными ножками. Снимок сделан весной, и, судя по тому, как тепло одет малыш, его берегли от простуды, боялись, видимо, чтобы не случилось того, что с матерью.

Другую фотографию Хосе дель Кармен оставил в Парале… Его покойная супруга временами писала стихи, только он их не нашел.

Что ж, может, она и писала стихи, но они исчезли бесследно. Да и вдовца это мало заботит. Поэзия — занятие всех мечтательных женщин.

Зато он увозит с собой выписку, сделанную в епископской курии Линареса: «Сим удостоверяется, что на странице 269 Книги крещений за номером 39 имеется следующая запись о совершении обряда крещения за номером 1033. В Паррале в приходе святого Иосифа 26 сентября тысяча девятьсот четвертого года был помазан крестильным елеем Рикардо Эльесер, младенец двух месяцев и двенадцати дней от роду, законный сын Хосе дель Кармен Рейеса и Росы Нефтали Басоальто. Крещение совершил священник из Сан-Мартина. Восприемниками при таинстве крестильного обряда водой и елеем были Мануэль Исидо Басоальто и Беатрис Басоальто. В чем и подписуюсь. Хосе Мануэль Ортега». Далее под чертой стоит подпись приходского священника и печать.

А за месяц с лишним до этого, 1 августа 1904 года, в гражданский реестр рождений было занесено имя младенца Рикардо Эльесера Нефтали Рейеса Басоальто…

Прощай, Парраль!

3. Новая встреча

Мы приехали вместе с Нерудой в его родной Парраль. Теперь, по прошествии стольких лет, он — знаменитость, человек с

громкой славой. Однако я не вижу никакой торжественной встречи. Где толпы взволнованных, радостных людей, вышедших навстречу герою? Где их ликующие возгласы? Никого, кроме родственников, нескольких приятелей и, как водится, местных поэтов. Они пригласили Неруду в полутемный клуб с продавленными креслами и донельзя рады приезду своего земляка, который — как выразился здешний журналист, склонный к пышным фразам, — завоевал весь мир. А в общем-то чуть ли не полное равнодушие. И даже, если хотите, определенное недоброжелательство со стороны исконных хозяев земельных угодий — парральской «аристократии», на редкость невежественной и не видящей ничего дальше своих виноградников. Есть еще одно обстоятельство, объясняющее, почему Неруду встретили с явной неприязнью, с пренебрежением. Ведь дело не только и не столько в том, что эти люди равнодушны к поэзии и знать не знают никакой литературы, — им не по нутру политические взгляды поэта.

«Никогда не видел такого скопления „мошкары“», — говорит мне Пабло. Но он благодарен простому люду: они не просто рады своему земляку, а гордятся им.

Поздним вечером в Городском клубе в честь поэта откупоривают бутылки вина, быть может из тех самых сортов винограда, которые выращивал его отец.

Мы разместились в доме его родного дяди — Хосе Анхеля Рейеса Парады. Это мужчина чисто креольского типа, приятной внешности: светло-каштановые волосы, пушистые усы. Во всем облике — истинное крестьянское достоинство. Вместе с женой он принимает знаменитого племянника, его супругу и меня, политика, коммуниста, принимает с такой сердечностью, с таким радушием, какое сохранилось лишь в наших деревнях и старинных городках. Вот где настоящее, искреннее гостеприимство! «Я земледелец, тружусь в „Лос Аламосе“», — говорит он гордо, торжественно, словно дарит мне свою визитную карточку. Но главный предмет его гордости — многочисленное потомство: «У меня девять детей и тринадцать внуков». Его жена, красавица Матильда Мора, расцветает от удовольствия.

«Отец нашего Пабло — единственный в семье, кто носит фамилию Рейес Моралес, — поясняет Хосе Анхель, а у нас всех — Рейес Парада… Когда умерла мама Пабло, — говорит он, поворачиваясь к Неруде, — мы его взяли к себе. Моя мать его и вырастила. Мы жили на улице Свободы. Я играл с поэтом, когда ему было лет пять-шесть. Но чаще он гостил у деда по соседству с Парралем, в „Вифлееме“ — вот такое название, прямо из Евангелия…»

Пабло слушает дядю с удивлением. Хосе Анхель Рейес Парада, который старше его лет на пять, не больше, рассказывает что-то совсем новое. Выходит, он переехал в Темуко, когда ему было уже шесть лет? Дядя привык иметь дело с лошадьми, рабочим скотом… Лет в двадцать с небольшим Неруда написал не без влияния русских писателей маленькую повесть «Житель и его надежда». В этой повести тайными тропами едут конокрады, разыгрываются любовные драмы, вспыхивают смертельные драки. И сейчас, вспоминая об этих удальцах, Неруда подозревает в душе, что его дядя, который узкими тропами легко пересекает Кордильеры, причастен и к дерзким, рискованным делам контрабандистов. За разговорами Пабло присматривается к своему товарищу по детским играм. Разглядывает его, отыскивая родственное, кровное. И наверное, что-то находит.

Дядин младший сын — ему около двадцати, и он напоминает Неруду времен «Собранья сумерек и закатов» и «Двадцати стихотворений о любви» — испытывает радостное смущение оттого, что в их доме такой знаменитый родственник, а ведет себя совсем просто. Как с ним держаться? Он не важничает и шутит по-свойски… Юноша звонко хохочет и уже без робости расспрашивает о неведомых землях, где побывал его двоюродный брат, прославленный поэт.

На другое утро Парраль как бы искупает свою вину. Мы идем в Женскую гимназию. Все ученицы чинно стоят во дворе, а потом проходят в актовый зал, чтобы послушать, что станет говорить этот уже полысевший сеньор, который родился в их городке и пишет стихи о любви и о многом другом.

Я всегда восхищался умением Неруды чувствовать себя везде непринужденно, как дома. Он вынимает из кармана маленький томик и двадцать минут подряд читает именно те стихи, которые понятны всем и легко проникают в юные сердца.

Известно, что Данте Алигьери преследовали при жизни и даже изгнали из родной Флоренции, куда он так и не смог вернуться.

А после его смерти Флоренция торжественно провозгласила себя колыбелью автора «Божественной комедии». Другие города Италии оспаривали у нее эту славу. Что же до Парраля, то он не расплескался в чувствах. Оно и понятно — на его земле родился человек, вставший на сторону бедняков… Матильда только улыбалась. А я, как политик, получил еще один яркий, наглядный урок.

Спустя годы — я тому свидетель — справедливость взяла верх. Неруду все-таки объявили пророком в своем отечестве. Но для этого нужно было, чтобы в Паррале произошли серьезные

общественные перемены и алькальдом города стал социалист Энрике Асторга, владелец поместья «Флорида». Итак, в воскресенье 26 ноября 1967 года, как говорят у нас, «масло смешали с уксусом», день с ночью, и состоялось сразу два торжественных акта, на которых присутствовали все, кто мог. Был проведен ежегодный праздник — Большое родео, а на торжественной церемонии Пабло Неруде присвоили звание Почетного гражданина города Парраль. Это звание присваивалось впервые в истории города. Люди держались вместе, по-братски. Праздник, по сути, начался на день раньше, в субботу. Здесь были ловкие наездники-уасос на лошадях в нарядном убранстве, пожарники в ярко-красных куртках и металлических касках, бойскауты, школьники, общество Красного Креста, учителя, журналисты, профсоюзные деятели, священники, местная власть. Собрались и крестьяне, у которых не было лошадей. Словом, одновременно парад ротос — оборванцев и принаряженных кабальеро, лихих всадников и тех, кто ходит пешком. День стоял очень жаркий. Главной фигурой на этом празднестве был поэт; он укрывался от солнца маленькой светлой кепочкой и темными очками. Рядом с ним шла Матильда, беседуя на ходу с женой алькальда — Хименой Перейрой.

— Как вы добились такого звания для Неруды, — спрашиваю я у алькальда.

— Единогласным решением, — ответил он.

Городской театр Парраля переполнен. Алькальд Энрике Асторга — человек своеобразный; он землевладелец и социалист. Асторга худощав, высокого роста, с ранней сединой в волосах, большой поклонник женской красоты и, похоже, способен восторгаться поэзией.

— История города Парраля, — говорит он, — насчитывает свыше двухсот лет. И его Почетная книга терпеливо ждала все это время, чтобы ее первую страницу украсило имя Пабло Неруды. Трудно человеку, живущему в «низине», — добавляет он, — говорить о человеке, достигшем вершин. Но разве чувства измеряют метрами? Сегодня с нами весь народ, люди из всей округи, из ближних селений, наши дети, наши чилийские уачос.

Неруда любил быть среди людей в знаменательные дни своей жизни. Он шумно и весело отмечал дни рождения. А на юбилеи — каждое десятилетие — созывал друзей со всего света. И на этот раз в Паррале устроил все с большим размахом. Я всегда поражался, как легко приглашал Неруда — по телефону, телеграммой, письмом — людей, проживающих за пять, десять, двадцать тысяч километров от него. Приглашал на свои поэтические вечера, торжественные обеды, праздники… Он делал

это так, будто звал гостей из соседнего дома, с соседней улицы. И что удивительно — приезжали, как правило, все, даже из самых дальних стран.

На празднествах в Паррале присутствовали не только местные жители — бедные и богатые парральцы, но и приезжие, среди которых были и зарубежные гости. К примеру, ответственный сотрудник ЦК КПСС Анатолий Черняев, советский латиноамериканист Игорь Рыбалкин и депутат Верховного Совета СССР Юрий Жуков.

На обеде, устроенном 26 ноября возле теплых целительных вод Катильо, присутствовали и его румынские друзья. Среди них — Штефан Андрей, который позднее был министром иностранных дел, и Михай Флореску. Сквозь немолчный гул, где слились все звуки дня, чужестранная речь, звон бокалов, с трудом пробился застенчивый голос преподавателя Мужского лицея, который одновременно исполнял обязанности казначея комитета по проведению родео. Он обратился с просьбой к почетным гостям написать приветственные слова его ученикам и всем детям Парраля. Неруда тут же смахнул со стола крошки, надел очки, вынул ручку с зелеными чернилами и быстро написал:

> «Парраль. 26 ноября 1967 года. Добрый день всем юношам Лицея. Добрые дни — это главное в жизни. Это — единство людей, которое рождает Надежду. Надежду на лучшее в жизни каждого из нас и — что куда важнее — надежду на лучшее в жизни всех. Мы живем, чтоб выразить самих себя и понять других. Их жизнь должна быть нам дороже собственной. Добрых вам дней!»

Выступает Франсиско Колоане — президент Общества чилийских писателей и лауреат Национальной литературной премии. Это крепкий мужчина ростом 1 метр 80 сантиметров. У него львиная грива, глаза испуганного ребенка и трепетная душа. Громовые раскаты его голоса смягчаются искренней теплотой. В прозе Франсиско Колоане, в его речах, которым он предается с упоением талантливого самоучки, есть истинная поэзия и стихийность.

Он восторгается одним из поэтических образов Неруды. Как это сказано — «электрические искры орешника»! Теперь, бродя по дебрям чилийского Юга, Колоане непременно увидит сиянье дерева, всполохи, которых раньше не замечал. Девственная природа отдается во власть поэта, и он дарит нам огненную россыпь. С ветвей волшебного орешника уже не раз слетали искрящиеся листья в музыку, в танец, в народную песнь, в театральное действо. Оратор говорит вдохновенно, с особым

жаром. И похоже, его волнует присутствие хозяйки дома. С ходу он рассказывает придуманный сон. «Когда я был ребенком, мне приснилась прекрасная женщина. И это были вы!» Стоящий рядом Мигель Отеро Сильва восклицает негодующе: «Бесстыжий! Взял и украл мой сон!»

В этот день, когда родной город щедро дарил Неруде улыбку, как бы заглаживая вину за былое пренебрежение, на торжество прибыл из Каракаса его старинный друг Мигель Отеро Сильва, романист, венесуэльский сенатор и владелец одной из ведущих латиноамериканских газет — «Насиональ». Его представили со сцены Городского театра. Отеро Сильва, связанный прочной дружбой с поэтом, рассказал о нем так много нового и неожиданного, что это сразу расположило к нему всех собравшихся.

А поздно вечером в поместье алькальда состоялся праздник, где были соблюдены все чилийские традиции. Выступала знаменитая актриса Мария Малуэнда. Новый судья Альберто Рубио, совсем еще молодой человек, оказался очень неплохим поэтом. Директор Управления общественных работ сочинил акростих «Неруде из Парраля» на вполне профессиональном уровне. В газетах всей провинции были опубликованы статьи о жизни и творчестве Неруды. Словом, Парраль как подменили.

Поэт с добрым юмором, по-философски отнесся к столь рьяному желанию «паррализовать» его. Ну и что из того, что родной город, встретивший его так тепло, знает о нем совсем немного! В конце концов, он прожил чуть ли не полвека в других краях… «Зато в Паррале, — напоминает Неруда, — могила моей матери. Да и род Рейесов разросся очень сильно. Но пока, — тут он лукаво подмигивает, — в нашем роду нет другого поэта».

Дом, в котором мы побывали, позже разрушился во время землетрясения. Не знаю, отстроили его заново или нет…

На этом празднике многие спрашивали Неруду о Паррале. Он отвечал просто, без всякой позы, и его слова были близки по настрою одному из стихотворений в книге «Местожительство — Земля»: «Я помню мало. Ведь увезли меня отсюда совсем ребенком». Неруда разговаривает, сидя возле потрескивающего костра, где готовят креольское асадо. Потом, прислушиваясь к веселым звукам куэки[3], вспоминает что-то из детства, к примеру — свой неописуемый восторг при виде замечательного моста над рекой Мальеко.

«Да, вы меня признали, как сына блудного».

4. Город-лагерь

Через два года после смерти Росы Нефтали Басоальто отец Неруды женился на Тринидад Марверде. Вторая фамилия — Марверде[4] — звучит поэтично. Некоторые злословили, что на самом деле ее фамилия — Мальверде[5]. И все же бесспорно одно: в этой женщине совсем не было зла. Она — воистину добрый ангел-хранитель поэта, его любимая «мами́ка». Родом Тринидад Кандиа Марверде из Парраля. Но и Темуко не чужой для нее город — там не меньше десятка ее родичей.

Как же соединилась их судьба? К этому в известной мере причастен сын поселенцев из Северной Америки — Карлос Массон, который имел деловые интересы в Паррале и был приятелем Хосе дель Кармен Рейеса. В Паррале Карлос Массон познакомился с молодой девушкой Микаэлой Кандиа Марверде и женился на ней. Но Парраль не позволял предприимчивому человеку развернуться. Вот почему в 1903 году он перебрался в Темуко, буквально на глазах рождающийся город, где все, казалось, сулило удачу. Люди осваивали небольшое пространство земли, совсем недавно отвоеванное у сельвы и у ее исконных жителей — индейцев. К тому времени туда уже успели протянуть линию железной дороги, и расторопный Карлос Массон открыл пекарню, а при станции — небольшую гостиницу. Его жена Микаэла привезла в Темуко сестру — Тринидад. Массон, добрая душа, не забывал о своем приятеле. И как только узнал, что тот овдовел да еще и бедствует, тут же предложил ему переехать в Темуко и работать вместе с ним в пекарне. Удрученный горем, без гроша в кармане, Хосе дель Кармен, не долго думая, отправился в Темуко. Ну а в том, что он женился на свояченице приятеля, нет ничего чрезвычайного… Маленький Рикардо Нефтали по-прежнему жил в доме у деда, то в Паррале, то в «Вифлееме». Доподлинно неизвестно, когда именно отец перевез мальчика в Темуко. Судя по всему — не позже 1910 года. Но и потом дедушка с бабушкой не раз забирали к себе внука на лето… Позднее Карлос Массон продаст пекарню — она стояла на перекрестке улиц Матта и Лаутаро — своему другу Хосе дель Кармену. А со временем пекарня перейдет в собственность Рауля Рейеса Толедо, племянника поэта.

Как же возник Темуко? Что это за город? На землях, где оставались последние редуты индейцев мапуче, лишь в 1887 году образовали две провинции — Мальеко и Каутин, чтобы упрочить господство белых людей. Маленького Неруду, по сути, привезли в провинцию Каутин, едва закончилась колонизация этого края. Центральные власти в Сантьяго отнюдь не забывали о грозной опасности, таившейся на юге Чили. Остерегались не только индейцев. Понимали, что попытка бесноватого француза

Орелио[3] провозгласить себя королем Араукании — Антонио Первым — не просто забавное проявление безумства. Все было куда серьезнее. Возвел же в конечном счете Наполеон III на мексиканский трон Максимилиана[4]!

То была пора захватов и пора строительства железных дорог. Так, Франсиско Киндерман приказал управляющему своей асьенды «Санто-Томас» скупать у индейцев мапуче все земли, которые тот посчитает пригодными к делу. А Висенте Перес Росалес[5], человек почти угасший, утративший силы в пору «золотой лихорадки» в Калифорнии, вдруг оживает и, подхлестнутый любовью к авантюрам, становится рьяным агентом по ввозу в Чили рабочих и ремесленников из Германии и других стран Европы. И все же территория между провинцией Консепсьон и заливом Релонкави будет долгое время оставаться непокоренной. Это и есть Араукания. Лидеры борьбы за независимость страны восславили мужественных индейцев мапуче как символ свободы. Со временем и Неруда воспоет подвиги их вождей — Кауполикана[6] и Лаутаро[7].

По существу, борьба с araуканами сводилась к их массовому истреблению. Полковник Корнелио Сааведра Родригес, этот чилийский Кастер[8], приобрел большой опыт по очистке территории путем насилия. Однако это не помешало ему заявить, что он, «не пролив ни единой капли крови, принес благо всем: и индейцам, и цивилизованным чилийцам». В 1868 году, после войны с Испанией[9], Сааведра Родригес возобновил поход против индейцев. В 1870-м наступает временное затишье, но вскоре он с беспощадной жестокостью огнем и мечом оттесняет индейцев на юг и отбирает у них один миллион сто шестьдесят тысяч гектаров плодородной земли. По примеру испанских конкистадоров этот ретивый «патриот» строил на захваченных территориях военные форты, которые постепенно становились небольшими поселениями. Так возникли Мульчен-Негрете, Анголь, Кольипульи, Лебу, Каньете, Тольтен. Правда, некоторые из них существовали еще со времен испанской конкисты и теперь, по воле новых завоевателей, возродились к жизни. Пламя войны не утихало на землях фронтеры — границы, за которой лежали неприкосновенные территории araуканов. Регулярная чилийская армия не раз терпела серьезные неудачи и настоящие поражения. В жестоких битвах с araуканами при Корипуэ, Трайгене, Сентинеле, Курако, Кольипульи прошли выучку те самые офицеры, которые позднее стали военачальниками в Тихоокеанской войне против Перу и Боливии.

Перед Тихоокеанской войной и сразу после нее все чилийские власти начинали войну против araуканов, которая с

перерывами длилась более трех столетий…

Еще в XVI веке тому, кто при королевском дворе в Мадриде оказывался не в чести, в немилости, говорили: «Остерегайтесь! Вас могут отправить в Чили!» Чилийская армия считалась краем света. Именно тогда Лопе де Вега назвал эту землю «Последняя Тулé»[10]. Индейская Фландрия[11] вдохновила Алонсо де Эрсилью на создание эпической поэмы «Араукана», которая увидела свет в 1569 году. Хуан де Гусман, истый прозорливец той эпохи, провозгласил Эрсилью новым Гомером. Сам Эрсилья в прологе ко второму изданию поэмы «Араукана» говорит: «Всяческой хвалы достойны арауканы, ибо более трех десятилетий отстаивают они свою правоту и даже на миг не выпустили оружия из рук».

И вот на эту землю, где только что окончилась долгая кровопролитная война, попадает маленький Неруда. Тему ко в те годы — большая деревня. Поэт навсегда запомнил, как строили первые дома, как выделяли земли новым поселенцам. Вокруг Темуко простирались поля и леса, где жили индейцы мапуче.

Когда Неруда стал лауреатом Нобелевский премии, французский журнал «Экспресс» обратился к нему с рядом вопросов, в том числе и о школе, где он учился в детстве. В своих ответах Пабло четко обрисовал те годы в Темуко. Да, это была государственная школа. Его однокашники носили самые разные фамилии: немецкие, французские, норвежские, сефардские[12] и, разумеется, чилийские, вернее — испанские. Это новое, рождавшееся «сообщество» отличалось хорошими чертами: на первых порах в нем не было никакой кастовости. «Мы все были равны!» — убежденно говорит поэт. Много позже, когда некоторые семьи стали богатеть, началось классовое расслоение. А поначалу в Темуко царил демократический дух. Все имели работу, никаких помещиков, никаких аристократов… На вопрос о тогдашних индейцах Неруда отвечает, что их согнали со своих земель в конце прошлого века и они жили особняком, в стороне, никогда не селились в Темуко, а лишь по соседству. Стоит где-нибудь сиротливо индейская хижина, а другая — в нескольких километрах от нее. Индейцы приходили в город продавать шерсть, ткани, яйца, ягнят. К вечеру всегда возвращались домой. Мужчина едет верхом, а женщина семенит рядом. Никакого общения с ними не было. «Мы не знали их языка, разве что несколько слов. А они и вовсе не говорили по-испански, да и сегодня говорят совсем плохо».

Французского журналиста удивляют эти слова, и он убежденно говорит, что при всем при этом в поэзии Неруды глубоко осмысляется духовный мир индейцев. «Так оно и есть, —

отвечает Неруда. — Я всегда воспринимал историю как выражение народного сознания». В Темуко разыгралось самое большое сражение арауканской эпопеи. Испанские конкистадоры искали лишь золото, золото! Но им не удалось раздобыть его у арауканов. Не только потому, что те были бедны, а еще и потому, что ни один индейский народ не оказывал такого яростного сопротивления испанцам. «Об этом историческом факте основательно подзабыли», — заключает Неруда.

В нашей последней беседе с поэтом тоже шла речь об индейцах. Правители Чили, считал он, всегда скрывали правду о судьбе арауканов. Они постоянно стараются занизить их численность. Согласно официальным данным, индейцев всего 50 или 60 тысяч. А на самом деле их более полумиллиона. Это, разумеется, этническое меньшинство, но у них свой язык — по мнению Неруды, красивейший в мире, — свои древние традиции, своя культура.

5. Дорогая мами́ка

Поэт не раз говорил, что главный персонаж его детства — дождь. На юге Чили часто шутят: у нас только одно время года — дождливое.

Раскисшая грязь точно темная враждебная сила, великан-людоед, который не дает ни пройти, ни проехать по немощеным дорогам. Кругом лес. Самое главное сырье — древесина. Лесопильни похожи на причудливые замки из свежих досок. Плотники, куда ни кинь взгляд, вовсю орудуют пилами и фуганками. От взвихренных опилок тянет густым смолистым запахом только что сваленных стволов.

Деревянные дома неказисты, но просторны. Цинковые крыши протекают, и с потолка падают и падают капли дождя. Дождь стал для Неруды фортепьянной музыкой детства. Дождевые капли били и били по невидимым клавишам ведер, ночных горшков, плевательниц, бочек, умывальных тазов. Не хватало посудин для этих назойливых дробных ударов дождя. Струйки должны были попасть точно в цель, чтобы не затопило дом.

Был у города грозный враг — оранжево-багровый огонь, который нападал на дома в ночной тьме. Ночами люди в испуге просыпались от отчаянных криков — пожар! Деревянные постройки воспламенялись так же легко, как нефть. Зловещее чудище в считанные минуты пожирало целые кварталы. Добровольные пожарные, да и все, кто мог, старались побыстрее сбить алчное пламя.

Затяжные дожди и частые пожары навсегда вписались в

панораму детства Неруды. Мальчик смотрел вокруг внимательными глазами. Он вбирал в себя все, что видел. Особенно страшили его пожары, когда отец не ночевал дома… Дело в том, что Хосе дель Кармен поступил работать на железную дорогу. И тоже благодаря Карлосу Массону. В его гостинице, как правило, собирались железнодорожники; с некоторыми из них Хосе дель Кармен завязал близкое знакомство, и они подыскали ему подходящее место.

К концу жизни он стал главным кондуктором. Но не на пассажирских поездах, а на грузовых, тех, что перевозили щебень, гравий, песок, чтобы подбивать деревянные шпалы; нередко сильные ливни размывали железнодорожный путь. Обычно Хосе дель Кармен работал по нескольку дней подряд и ночевал в поезде чаще, чем дома. Поезд стал ему вторым, пожалуй, даже первым домом. У него был свой спальный вагончик.

Самая большая радость, какую помнит Неруда из своего детства, — это поездки вместе с отцом на грузовом поезде, который увозил их в сельву. Вот где мальчику открывались разные чудеса: удивительные цветы, жуки, лесные тайны! «Мне казалось, — вспоминает Неруда, — что мы — вольные странники». Там он впервые познавал природу, любовался ручьями, склонами гор. И думать не думал, что, путешествуя на поезде, груженном щебнем и гравием, накапливает в себе драгоценный материал для будущей поэзии. В поезде мальчуган тосковал по матери, особенно к ночи. Хотелось ласки, которой он почти не видел от отца. А вот мами́ка на нее не скупилась. Ему страшно не нравилось слово «мачеха». Да оно совершенно и не подходило к донье Тринидад: эта женщина была воплощенная нежность. И наверно, чтобы убить извечное представление о «злобной мачехе» из детских сказок, он в знак любви к чудесной женщине, заменившей ему мать, придумал слово «мами́ка». Когда ему было лет семь-восемь, Пабло попробовал сложить в ее честь первые стихи. И прочел их вслух, не заметив, что родители заняты чем-то своим. «Откуда ты их списал?» — спросил равнодушно отец. «Вот так, — вспоминал Неруда много позже, — я впервые встретился с небрежением литературной критики». Донья Тринидад никогда его не бранила, не упрекала. У нее было редкостное сердце, и мальчик это чувствовал. Поэтому-то ни разу и не назвал ангела-хранителя своего детства суровым словом «мачеха». Ласковая, заботливая, с врожденным крестьянским юмором, всегда в делах, в хлопотах… Так говорил о ней с благодарностью приемный сын.

Когда Неруде было лет десять, он в день ее рождения сделал на поздравительной открытке надпись, в которой уже проступает

поэзия: «О мама дорогая, посмотри, / сияет золотом земля вдали, / и выбрал эту чудную картинку я, твой Нефтали». Три слова — «посмотри», «вдали», «Нефтали» — в рифму. Совсем неплохо для десятилетнего мальчугана… Потом, в годы зрелости, он поднимется на иные высоты. «О, нежная мами́ка!» — воскликнет Неруда в первых строках посвященного ей стихотворения. «… Святая доброта, / в одеждах темных, неприметных, / воды и хлеба чистота святая, / тебя дороже нет…» Это она, мами́ка, неустанно сражается против зимних холодов, против ливней, которые грозят затопить дом. Это она с великой мудростью раздает то немногое, что есть у бедноты. Все, кого согревала ее тихая материнская любовь, были для нее одинаково дороги. «Ты будто делишь между нами алмазов россыпь…» — писал поэт позднее. Он помнит, как его мами́ка в грубых деревянных башмаках-суэко — их носили тогда все простые женщины — старается ступать бесшумно, как торопится успеть везде ко времени — не дай бог остервенелый ветер сорвет крышу или повалит изгородь. Завоет-зарычит этот ветер, точно разъяренная пума, а ему наперекор донья Тринидад Марверде — «нежная, как солнца робкий луч / в день неприветный, грозовой… / как самый малый трепетный фонарик», который освещал им путь. Поэтический символ Неруды прост и ясен, мать — всё для своих детей, их хлеб насущный. Хлеб, который она делила поровну. А мешок из-под муки пошел на штанишки маленького Неруды. Донья Тринидад сама их скроила, сама сшила… Она делала всю жизнь то, что извечно делают женщины: стряпала, мыла, стирала, гладила, — выхаживала заболевшего ребенка. Сеяла, выращивала посевы, выращивала жизнь и отношение к жизни у своих детей. И все у нее выходило будто само собой, ладно, без лишних слов. Это был ее долг, ее материнское призвание. А когда дети, став взрослыми, отправились в свой путь по свету, мами́ка «легла в гроб маленький под стук дождя, / свободная от всех забот впервые».

6. Суровый отец

Некоторые эрудиты усматривают антагонистическое противопоставление образов отца и матери в поэзии Неруды. Кое-кто прибегает в своих рассуждениях к истории и психоанализу. Когда заходит речь о Диего де Альмагро{13}, о хищных конкистадорах, жаждавших овладеть неведомыми землями, то порой видят в разбойном поведении этого испанского свинопаса символ теллурического насилия над собственной матерью. Вот и усердные нерудисты приходят к выводу, что поэт в известной мере неосознанно чувствует в своем отце нечто сродни

насильнику-завоевателю.

Вырванные из контекста поэтические строки, быть может, дают основание делать и такие умозаключения. Однако там, где все доведено до крайности, нет правды. Отношение Неруды к отцу много сложнее. Тут сплелись страх и нежность, отстраненность и сочувствие. Да, Неруда действительно рисует отца резким и суровым, прежде всего в «Мемориале Исла-Негра». Он вспоминает, что тот, подходя к дому, каждый раз давал о себе знать чисто «профессиональным способом» — долго и пронзительно свистел в железнодорожный свисток. И следом гремел дверью. Когда приходил отец, «весь дом содрогался, пистолетным сухим выстрелом хлопали испуганные двери. Стонали лестницы и неприветно гудел высокий голос». Это мрачный «ночной образ» отца.

А в следующих строках поэт говорит убежденно: «А все же он — дневной». Создавая целостный образ отца, он называет его «капитаном» поезда, который летит навстречу занимающейся заре… Едва взошло солнце — высветились сигнальные железнодорожные флажки, фонари на маленьких станциях, отцовская борода, уголь, что кидают в топку… Его отец трудился, как и должно настоящему железнодорожнику. «Железнодорожник, ты моряк на суше, / где каждый малый порт — лесные дебри, / где нет волны морской, / и поезд твой летит вперед, / свершая плаванье земное».

У этого сурового человека было доброе сердце, он любил шумное застолье с друзьями, где торжествовал дух братства. Звенели сдвинутые стаканы, в которых искрилось вино. Рассказывают, что, когда ему не с кем было разделить обед или ужин, он вставал в дверях дома и звал первого встречного, чтобы есть и пить за общей беседой.

Сын унаследовал этот обычай, который, верно, восходит к далеким предкам. Поэт не терпел одиноких трапез. Он всегда хотел, чтобы за столом царила «мужская дружба и наполненный бокал».

Мы говорили, что Неруда сочувствовал отцу. И это так. Он с восхищением и состраданием относился к его тяжелому труду. Ведь жизнь отца, как и многих других, сводилась к тому, чтобы встать затемно, прийти, потом наспех уйти, словом, тратить себя в работе без продыха. И вот: «В один из самых хмурых и дождливых дней / Хосе дель Кармен поднялся на поезд смерти / и навсегда исчез».

7. Не знаю — когда и как…

В мальчике рано проявился мужской характер. Так уж повелось, что именно тетушки взяли за правило вспоминать о детстве своих племянников. Тетки Неруды говорили, что он был слабенький мальчик, но нрав у него был твердый. За первые стихи его стегали ремнем. И тем не менее, преодолевая все преграды, он добился всего, что задумал.

В 1910 году Неруду отдали в Мужской лицей Темуко. Сосед по парте, Хильберто Конча Риффо, на четыре года старше его. В детском возрасте это очень много. Неруда вообще оказался самым младшим в классе — в ту пору не было четких правил, с каких лет детям начинать учиться, — и с годами в нем утвердилось ощущение, что он всегда моложе всех. «Откуда вдруг эти шестьдесят лет, если я всю жизнь был самым младшим?» — сказал он мне печально, но с лукавой улыбкой в свой день рождения…

Хильберто — сосед по парте — не обижает малыша, вообще никого не обижает. Он очень молчалив, как молчалив камень, а скорее — дерево, чилийское дерево коиуэ. Хильберто приезжает в лицей из местечка Альмагро, что по соседству с городом Нуэва-Империяль. У его семьи есть небольшая мельница. Во время уроков нельзя разговаривать. Ну что ж, Хильберто даже доволен. А маленький Рейес почти не слушает учителя. Он весь в мыслях об отцовском поезде, о лесных жуках, о крохотных яйцах куропатки, о «змеиных матках» и о Монхе — теперь он работает с отцом на железной дороге, а раньше… разбойничал. Все лицо его пересекает глубокий шрам. Маленький лицеист подружился с Монхе, который знает тайны леса, показывает хитро спрятанные птичьи гнезда… На уроках арифметики у Пабло любимая тетрадка в клеточку, но он вовсе не пишет в нее цифры, а рисует — все, что взбредет в голову. Вот взял провел черным карандашом тонкую черточку и говорит своему соседу по парте: «Хильберто, смотри, какой волосок упал на страницу. Сними его». Хильберто старается сдуть волосок. Рикардо тихо смеется. Они выходят из лицея и шагают прямо по раскисшей от дождя улице. Идут не спеша, с интересом разглядывая все вокруг. В дом Рейесов являются промерзшие до костей, а нередко насквозь мокрые. Донья Тринидад дает им во что переодеться, развешивает одежду. Приносит кофе с булочками, виновато улыбаясь молчаливому Хильберто. Ему налила черный кофе, а Рикардо — с молоком: «На обоих не хватило, Рикардо у нас простудливый, без молока нельзя».

Со временем Хильберто назовет себя Хувенсио Валье, Рикардо Эльесер — Пабло Нерудой. Оба — поэты с чилийского Юга. Оба — лауреаты Национальной литературной премии. Они,

можно сказать, подружились на заре жизни. Хувенсио — человек неразговорчивый, но не из тех, кто отмалчивается. Его голос звучит во всю силу, когда надо отстоять справедливость. В такие минуты этот голос подобен грому, а хрупкий Хувенсио — могущественному великану. Такова его натура. Таков он в жизни. Каждый раз, когда возникала необходимость сражаться за честь, за достоинство, за права — не свои, а других, — он вставал в ряды самых решительных и благородных борцов. И подумать! Неужели это он простодушно сдувал со школьной тетрадки ворсинку, нарисованную озорником, который на уроках уносился мыслями в свои удивительные путешествия! Когда оба стали большими поэтами, Неруда переиначивал в шутку литературный псевдоним своего друга — Хувенсио Валье. Однажды окрестил его Хувенсио Силенсио — Хувенсио-молчун, а в другой раз — Силенсио Валье — молчун Валье.

Уже в зрелом возрасте Неруда, отвечая на вопрос, который ему неизменно задавали, говорил, что знать не знает, как к нему пришла поэзия. «Когда, откуда, как она ко мне явилась — я не знаю». Должно быть, Хувенсио Валье, верный товарищ Неруды во всех детских играх и проказах, даже не предполагал в те далекие годы, что сам станет настоящим поэтом. Зато он твердо верил, что его маленький друг — прирожденный поэт. Хувенсио быстро угадал вещие приметы в худеньком, рассеянном мальчике со взглядом, в котором было все, кроме ленивого равнодушия. Он изумлялся тому, как остро и живо воспринимал Неруда окружающий мир. Особенно удивляли его небольшие глаза, всегда распахнутые, глядящие пристально, почти беззастенчиво. Меня это тоже всегда поражало. Я понял, как важно, когда у человека широко раскрыты глаза. Однажды я задал Неруде довольно наивный вопрос: «Как можно было проникнуть в тайны стольких вещей, в тайны деревьев, птиц, камней, всей природы?» «У меня свой способ смотреть», — ответил мне поэт, которому тогда уже исполнилось шестьдесят лет. Может, людям от рождения выпадает такой дар? Бесспорно, если вспомнить, что разглядел в маленьком Нефтали Рикардо Рейесе такой талантливый человек, как Хувенсио Валье. Но это еще не все. Необходимо и постоянное самовоспитание, шлифовка зрения, врожденная любовь к материальному миру, глубокий интерес к вещам, к их фактуре, цвету, к их сокрытой сути. В моей памяти сохранились слова Висенте Уйдобро о том, что у камня есть своя сердцевина. Вот и Неруде открывался не только лик вещей, но и их сердцевина…

Как должен был выглядеть поэт в представлении маленького лицеиста Нефтали? Поэт — это избранник, человек, наделенный

даром проникать в глубь предметов, в тайники человеческой души. Стало быть, он отмечен каким-то особым знаком, зримым для людей? Может, он всегда в длинной накидке и широкополой шляпе с заломленными полями — так одевались люди искусства прошлого века в Европе? Хувенсио рассказывал, что однажды, возвращаясь вместе с Нерудой из лицея, они вдруг увидели на другой стороне улицы какого-то странного сеньора, одетого подобно персонажу из оперы «Богема». Изумленный Хувенсио ахнул: «Ну и тип!» А Пабло уперся в своего школьного друга сосредоточенным взглядом и с твердой убежденностью — Хувенсио навсегда запомнил эту сценку — сказал, что им встретился человек, посвятивший себя замечательному делу: «Он поэт!»

Нет, Пабло вовсе не узрел таинственного ореола над головой странного человека, а просто-напросто узнал своего дядю — Орландо Массона, владельца газеты «Маньяна».

К Неруде гораздо раньше, чем к Хувенсио Валье, пришло понимание того, что они поэты, хотя именно Хувенсио написал, что —

> «…человек и поэзия рождаются одновременно… В нас изначально есть это неизъяснимое горение, оно — внутри, будто в особой капсуле. Я знаю Неруду с самого детства, и, хоть в ту далекую пору трудно было провидеть, что со временем он станет огромным поэтом, я все же всегда ощущал в нем какую-то особую трепетность, что-то присущее ему одному, делавшее его непохожим на остальных.
>
> Вокруг него было какое-то магнетическое поле, может, сторонние люди этого не замечали, но на меня оно оказывало явное и сильное воздействие. Наверно, это была сама поэзия. Я отошел от многих сверстников и сблизился с Нерудой. Мы стали верными друзьями. Его таинственное внутреннее свечение притягивало, и с ним всегда было хорошо. Наши школьные товарищи неслись куда-то гурьбой, прыгали, галдели вокруг нас, а мы могли, не замечая времени, часами приглядываться ко всякой малости на земле — к листку, к насекомому, к любой едва заметной щербинке. В часы этой прекрасной дружбы безмолвно сотворялась поэзия».

Неруда и Хувенсио, вовсе не задаваясь такой целью, создали настоящее исследование психологии ребенка-поэта, внеся этим ценный вклад в литературу. Но, помимо всего, это была как бы и компенсация за их детство, где в первую очередь ценилась сила,

ловкость, и потому оба не раз испытывали чувство какой-то неполноценности. Хувенсио, правда, оспаривает представление о ребенке-поэте, который не играет, как другие, не ссорится, не затевает драк. Он четко говорит:

> «Мы отнюдь не казались излишне серьезными, углубленными в себя. Наше детство протекало совершенно естественно. Мы постоянно что-то придумывали, чем-то загорались. Но никогда не одерживали верх в „кричалках“, в беге наперегонки. Нас обгоняли все кому не лень. И нам ничего не оставалось, как укрыться на нашей „территории“, в чудесном мире мечты, где мы всегда были первыми, а значит, бесспорными победителями».

Неруда видит свое детство точно таким же. Когда школьники устраивали битву желудями, он всегда в ней проигрывал. Застынет вдруг и следит изумленно за полетом прекрасного желудя — какая зеленая, глянцевая дуга! — пока это чудо красоты не попадет ему в голову. Кто не испытывал на себе резкий, как выстрел, удар желудя, представить не может, до чего это больно!

8. Сон?

Казалось, что это только снится… Сон ребенка? Он не помнит, сколько ему было лет. Они с отцом едут в поезде, не грузовом, а пассажирском, ночном. Какое событие! Он вместе со взрослыми уплетает жареного цыпленка и свиной рулет. Отца узнают все железнодорожники, даже машинист и кондуктор. Маленький Неруда слышит их тихую беседу. Чуть заметно подрагивает на столике возникшая откуда-то бутылка вина. Мальчика спрашивают, куда он едет. Нет, вовсе не в Сантьяго… И не в Консепсьон. Он, по правде, не знал куда. Но у папы какое-то срочное дело. Мальчику очень нравится поезд, хотя в вагонах третьего класса нет бархата. Ни зеленого, ни красного, никакого вообще. Но причем тут бархат, когда так приятно вслушиваться в мерный перестук колес, в дремный отзвук деревянных шпал — трик-трак, трик-трак, — в то, как поезд говорит: «Эльесер Рикардо, Эльесер Рикардо, Эльесер Рикардо». Приятели отца курят крепкий табак. Вечереет. Мальчик следит, как в густеющих сумерках исчезают за окном деревья, поля. Когда ночь стирает все, что можно разглядеть снаружи, он начинает присматриваться

к пассажирам в вагоне… Слепой человек затянул танго. Приятель отца подсвистывает ему. Неруду клонит в сон. «Это у тебя с непривычки», — говорит тот, что так хорошо насвистывал танго. «Нет, — гордо отвечает мальчик, — я привык к поездам». Отец одобрительно кивает: «Мой постоянный спутник. Истинный сын железнодорожника, оттого и растет молодцом». «Как жаль, что помялся воскресный костюм», — мелькнуло в голове Рикардо, но он не пай-мальчик, а настоящий путешественник. Надо побороть сон. Уткнувшись носом в окошко, он шумно выдыхает воздух и выводит на запотевшем стекле свои инициалы. Не зря раньше других выучился читать и писать. Снова дышит ртом прямо в стекло. Но тут голос отца: «Подъезжаем!»

Сразу расширились ноздри, повлажнели губы. Слишком разволновался? Да нет, просто не терпится скорее сойти с поезда. «А кто нас встречает?» «Никто», — говорит отец. Но сын пристально смотрит сквозь слабый свет фонарей на перрон. Неправда, их встречает старый знакомец — дождь. Здесь, в Сан-Росендо, льет как из ведра. На выстуженном неприглядном вокзале народу всего ничего. А ведь это настоящий железнодорожный узел, и отсюда уходят поезда в Сантьяго. Люди отогреваются в маленьком привокзальном ресторанчике, где продают сандвичи с утиным паштетом и другую дешевую еду; ее готовят тут же на глазах. Но отец ведет его в сторону от ресторана. Да и есть совсем не хочется. Снится ему или не снится, что ему хочется спать, что они уехали из дождя и снова приехали в дождь глубокой ночью? И теперь под непрерывным дождем идут и идут квартала два, а может, и больше… Ну и что тут такого? Ведь он всегда, всю жизнь ходит под сеевом воды! Ему кажется, что они шагают слишком долго, потому, наверно, что очень холодно, хочется спать, да и башмаки совсем мокрые. Наконец отец останавливается перед какой-то дверью. В робком свете маленькой лампочки едва проступает надпись, выведенная белыми буквами: «ПАНСИОН». Удивительно — отец вынимает из кармана ключ и уверенно, по-хозяйски открывает дверь, будто входит к себе домой. Тут же появляется высокая светлоглазая женщина в накинутой на плечи шали. Она моложе матери. Не сказав мальчику ни слова, просовывает руку под его рубашку и ахает: «Он весь вымок!» «Хоть выжимай», — бормочет отец, слегка кивнув высокой женщине. Она ласково проводит рукой по шее мальчика, по спине, по его мокрым волосам. «Пошли, я тебя переодену», — говорит незнакомая сеньора и берет его за руку. Она усаживает мальчика на стул, раздевает догола, заворачивает в простыню и уходит. Через минуту возвращается с ночной рубашкой. А он уперся: «Это для девочек!» Не хочет надевать

рубашку. «Ну не будь глупеньким!» — ласково увещевает сеньора. Речь у нее четкая, она будто не выговаривает, а чеканит слова. «Надо же, — спохватывается мальчик, — сижу совсем голый, а думаю о том, как странно говорит эта женщина». А она меж тем силится надеть ему рубашку через голову. Труднее всего получается с рукавами. Все-таки настояла на своем, справилась, с силой вытащила его голову за уши. Он отбивался, как мог, но напрасно. А потом и вовсе затих, когда она сказала, что в этих рубашках спят все малыши и малышки. Почему она не говорит «девочки» и «мальчики»?

Потом женщина снова ведет его за руку в соседнюю комнату. Позади них отец. В комнате две кровати. На одной крепко спит совсем маленькая девочка. Она точно в такой же рубашке, какую напялила на него сеньора, так странно выговаривающая слова. У девочки огромные ресницы. На этой большой кровати она похожа на темноголовую птичку, спрятавшуюся в белой-белой клетке. Видно лишь ее лицо и край плечика. Девочка спит, закусив уголок простыни. Одна рука — поверх одеяла, все ноготки у девочки обкусаны. По оконному стеклу барабанит дождь. Кто-то требовательно стучит в дверь, и сеньора идет в прихожую. Теперь маленькому Неруде совсем не хочется спать. И куда подевалась сеньора? Пока ее нет, мальчик спрашивает отца: «Почему она говорит не так, как мы?» «Потому, что она — каталонка», — отвечает отец. «Каталонка? А что это такое?»

Женщина возвращается в просыревшую комнату и говорит: «Сегодня ты будешь спать здесь, вместе с твоей сестренкой. Ты ее люби!»

Он вопросительно смотрит на отца. Тот молча отводит взгляд. А на другой день они уже не вдвоем, а втроем с сестренкой уезжают в Темуко. Всю жизнь Неруда спрашивал себя: «Это был сон?»

Но ни разу не спросил об этом ни у отца, ни у любимой мами́ки, ни, само собой, у Лауриты…

9. Друзья детства

В день своего шестидесятилетия Неруда рассказал нам, что на прошлой неделе у него в Сантьяго обедали три школьных товарища: Алехандро Серани, Висенте Сид и Альберто Арасена. Тремя мушкетерами их не назовешь, но они вместе росли на Юге, вместе учились в лицее в Темуко и вместе поступали в университет.

«Только благодаря светлой голове Серани, — признается поэт, — я и закончил лицей. Кто, как не он, решал за меня задачи

по алгебре? А мне не удалось осилить даже таблицу умножения!» Странно ли это? Да нет… Абстрактное, логическое мышление совсем не вяжется с поэзией Неруды, земной, из живой плоти, столь далекой от мира цифр.

Встретив спустя полвека своих школьных приятелей, Неруда увидел, что́ делает с людьми всепобеждающее время и как по-разному выстраивает их биографии.

А впрочем, встреча прошла радостно, почти так же весело, как в далеком 1918 году, когда они в Темуко на свой страх и риск организовали футбольный клуб. Игроков в нем было раз-два и обчелся, и потому они его назвали *«Клубочек»*.

Еще один его друг из Темуко, писатель Диего Муньос, рассказывает, что они с Пабло были в параллельных первых классах лицея. Диего жил в лицейском интернате и учился в первом «Б», а Неруда ходил в первый «А». Худющий, как спичка, Пабло был всегда сосредоточен, смотрел как-то прямо перед собой и позже всех вставал в строй, когда надо было идти в гимнастический зал. Диего Муньос уже тогда распознал поэта в этом узколицем мальчике, всегда углубленном в свои мысли. А может, прочитал в ту пору и его стихи?

Болезненного с виду поэта точно магнитом тянуло к приключениям. Вместе с приятелями он часами пропадал в Эскалерилье, где все желторотые юнцы города отстаивали свою честь кулаками. А еще они убегали к реке Каутин, воровали яблоки в школьном саду, отмахивали километры по железнодорожным шпалам, любили наведываться в окрестные деревни и знали наизусть каждый уголок на высоком холме Нъелоль. Там они с удовольствием выполняли домашние задания, собирали травы для гербария, ловили насекомых.

Неруда и его школьные товарищи, с которыми он гонял в футбол, подрастали на земле, где властвовали Дождь и Непролазная Грязь. Со временем эти подростки стали поэтами и литераторами одного поколения… Норберто Пинилья — вот кто еще меньше, чем Пабло, годился в спортсмены! — стал преподавателем испанского языка, работал в столичном Педагогическом институте и написал книгу о чилийской прозе и поэзии. Еще один его соученик, мальчик с длинным костистым лицом — Херардо Сегель, сын протестантского пастора, — тоже ударился в поэзию. Он получил диплом учителя, а позднее в Сантьяго написал стихи о реке Тольтен. Сегель одним из первых чилийских интеллигентов вступил в коммунистическую партию, а позднее стал членом Центрального Комитета. Он опубликовал несколько книг, в которых исследовал творчество хронистов былых времен, стремясь проследить истоки подлинной

чилийской литературы. Одна из книг посвящена Эрсилье, другая — Пинеде-и-Баскуньяну{14}. Сегелю принадлежит и сборник стихов «Распахнутый горизонт». При диктатуре Гонсалеса Виделы его раздавил грузовик… А было время, когда три молодых всадника отправились в арауканскую деревню Пильянльебун.

10. Первый поэт

Не раз отмечали, что Неруда рано приохотился к чтению, но с арифметикой был не в ладах. Возможно, это уже вошедшее в легенду утверждение несколько искажает правду. Чилийский писатель Гонсалес Вера уверял, что когда маленькому Неруде давали книгу, перевернутую вверх ногами, он читал ее очень бегло и в то же время с удивительной быстротой складывал любые числа, мало заботясь о правильном результате. Складывать, наверно, умел, но умножать нет. Рассказывают, что, когда Неруда, уже Исла-Негра, просматривал бумаги в очках, съезжавших на кончик носа, он нередко спрашивал с глубокой озабоченностью: «Лаурита, сколько будет пять на восемь?» Лаура Рейес глядела на него жалостливо, с укором, точно на самого незадачливого ученика Технической школы, где работала, и качала головой, не понимая, как можно столько раз спрашивать об одном и том же. «Господи, Пабло! Да сорок!» — со вздохом говорила она. История и впрямь забавная, но она свидетельствует о том, что Неруде, если он и не умел множить, да и вообще был лишен математических способностей, всегда кто-то спешил на выручку. Тогда еще не вошли в моду карманные калькуляторы. Будь они в ходу, как сейчас, поэт наверняка облегчил бы себе жизнь, купив калькулятор. Ведь с годами поэзия принесла ему не только славу, но и деньги, которые, хочешь не хочешь, надо считать.

Дядя Орландо Массон, тот легендарный персонаж, чье имя уже упоминалось в нашей книге, был не только первым живым поэтом, которого узнал Пабло, но и первым борцом за социальные права, которого он увидел воочию. Неруду все восхищало в этом человеке. Шутка ли — настоящий мятежник, бунтарь. Орландо Массон основал газету и на ее страницах вел борьбу за справедливость, обличал всякое зло. Он открыто называл имена всех бесчестных людей. В отместку враги подожгли здание, где печаталась газета, отстаивающая правду. Это был последний пожар, который Неруда увидел до отъезда из Темуко. Чаще всего пожары в городе случались не сами собой, а были делом рук поджигателей. Иногда какой-нибудь неудачливый хозяин поджигал свое заведение, лишь бы не

платить долги. А порой таким образом вымещали свою злобу уязвленные богатеи. Пример тому — сгоревшее до тла помещение газеты «Маньяна», где находилась и типография. Пламя взметнулось в непроглядной ночной тьме, чтобы скрыть лицо коварного преступника. Душу юного Неруды глубоко ранила подлая месть. Он переживал гибель газеты «Маньяна» не только потому, что там напечатали его первую заметку и самые первые стихи, но и потому, что из ее типографии вышли в свет «Цветы Арауко» — поэтический сборник неистового Массона, самая первая книга стихов — причем откровенно бунтарских, — изданная на чилийском Юге.

Неруда с любовью вспоминал типографию, где впервые услышал едкий запах сурьмы и, как заправский наборщик, пачкал пальцы типографской краской.

Спустя годы Пабло встретил в Индии поэтов, которые напомнили ему дядю Орландо. Они читали свои длинные стихотворные монологи нараспев, как и он. Много позже, в Советском Союзе, Неруда увидел, что поэты могут быть талантливыми чтецами и актерами и в их манере декламировать органично сочетаются высокое мастерство и страстность.

У дяди Массона была чуткая, весьма пылкая аудитория. Когда на поэтическом вечере Орландо предстояло читать стихотворение «Нищий», его одежду для большего эффекта рвали в самых заметных местах. А если затем он собирался прочесть стихотворение «Поэт», тоже пользовавшееся огромным успехом, все тут же чинили, зашивали дыры. Правда кое-как, на скорую руку — во-первых, времени в обрез, а во-вторых, все скрывал широкий романтический плащ.

Дядя Орландо всячески поддерживал в своем племяннике тягу к поэзии, твердо веря, что из него выйдет толк. В тринадцать лет Нефтали относит в газету «Маньяна» свою статью, озаглавленную «Энтузиазм и упорство», которая по остроте мысли и накалу чувств вполне заслуживала места передовицы. Дядя опубликовал ее с гордостью. «Чтобы укрепить дух энтузиазма, надо осваивать опыт всего человечества, равно как и опыт великих людей, оставивших след в истории».

Похоже, никто, кроме Массона, не придавал никакого значения тому, что пишет задумчивый подросток. В домашнем кругу он по-прежнему — Нефтали Рикардо Эльесер Рейес. Но в городке к нему надолго прилепилось прозвище Спица, должно быть из-за его невероятной худобы. Он был похож на голодающего индуса, лицо почти зеленое, а взгляд — невидящий. Чаще всего близкие звали его — Нефтали. Из трех имен, которые он получил при крещении, выбрали только это, взятое из

Священного писания.

11. Страус

Неруда сказал, что ему «не нравится Буффало Билл[15] — он убивает индейцев, но зато — это великолепный наездник!» Школьником поэт глотал сотни книг. То же самое будет с ним и на Востоке, где он изнывал от одиночества… В родном Темуко Неруда читает все подряд, перескакивая от приключенческих романов к Варгасу Виле[16]. В его чтении царит полный хаос. От смятенного скандинава Стриндберга[17] он бросается к Фелипе Триго[18], которого в ту пору считали скабрезным. От насквозь рационального энциклопедиста Дидро — к странствующему по российским просторам Максиму Горькому, который поведал миру о босяках и о бесстрашных революционерах. Неруду глубоко волнуют злоключения Жана Вальжана, несчастья Козетты, любовные страдания Мариуса в «Отверженных». Тринадцатилетний романтик вздыхает над страницами Бернарден де Сен-Пьера[19]. Встреча с этими писателями была для него радостным потрясением. «Словно вдруг прорвался волшебный мешок, и зерна человеческой мудрости падали и падали в ночную тьму Темуко. Я читал, забывая о еде и о сне». Он глотал книги, как голодный страус. Пожирал без разбору все, что попадалось на глаза. Само собой, настал черед Сальгари[20] и Жюлю Верну, затем книгам в доме Орландо Массона и, разумеется, всей лицейской библиотеке. «Дон Кихота» он прочел в издании, которое ему подарил Хувенсио Валье. Поэт Эрнесто Торреальба, учитель французского языка, старался определить круг его чтения. Увлеченный русской литературой, он однажды принес Неруде несколько произведений Максима Горького. Эрнесто Торреальба предостерег Неруду, вернее, дал ему хороший совет: «Если ты твердо решил писать, не следуй красотам испанской словесности. Иначе останешься вечным учеником». Благодаря Торреальбе юный лицеист узнал Рембо и Бодлера. Ему нравилась французская и английская литература, и он с удовольствием переводил стихи с этих языков. Однажды Нефтали показал учителю свой перевод английского стихотворения. Тот бегло прочел и ничего не сказал — то ли задумался, то ли растерялся… Неруда на его глазах порвал исписанные листки. Тогда Торреальба принялся складывать все клочки бумаги. Но пока он пытался справиться с этой головоломной задачей, Неруда снова написал текст стихотворения… Ему изготовили в Темуко резиновую печатку, на которой вырезали имя — Нефтали Рейес. Этой печаткой он метил

листы бумаги, куда переписывал стихи Верлена, Сюлли-Прюдома в оригинале или в собственном переводе. Неруда наизусть знал по-французски «Разбитую вазу» Поля Фора… Вот так он брал уроки у европейской поэзии. Так учился.

12. Мальчик стучится в дом Габриэлы…

Одной из самых обаятельных, самых тонких женщин, с которыми мне выпало дружить, была Лаурита Родиг — убежденная революционерка, художница и скульптор. Как-то раз — я еще был совсем молодым — она захотела написать мой портрет и даже вылепить мой бюст. Я отнесся к этому недоверчиво, скептично, считая, что на полпути Лаурита все бросит. Но тем не менее радостно спешил после рабочего дня в ее мастерскую на улицу Монхитос; с такой великолепной собеседницей часы пролетали, как минуты. Она была близкой подругой Габриэлы Мистраль, жила вместе в ней и в Пунта-Аренасе, и в Темуко. Вдвоем они ездили в Мексику, и Габриэла посвятила ей свое знаменитое стихотворение «Мыслитель Родена», которое вошло в книгу «Отчаяние». «Подбородок тяжелой рукой подпирая, / вспоминает, что он только остова плоть, / обреченная плоть, пред судьбою нагая»[6].

В Мексике Лаура Родиг познакомилась с выдающимися художниками-муралистами{21}: Диего Риверой, Ороско и Сикейросом. Их творчество произвело на нее сильнейшее впечатление. Она вернулась на родину, твердо веря, что для ее современников необходима именно такая живопись, и вскоре сама расписала большую стену в столичном книжном магазине на улице Ла-Монеда. В этот магазин, по ее рассказам, приходили все крупные чилийские писатели — и старшего поколения, и молодые. Среди них выделялся тридцатилетний Неруда, он всегда был в центре внимания.

Наши беседы с Лауритой происходили много позже. Она делала наброски к моему портрету, а я расспрашивал ее о различных событиях, по большей части о том, что уже знал от других. Лаурита рассказывала с удивительным тактом, сдержанно, и ее благородная безупречная речь была чужда выспреннему многословию. В Темуко, где она жила вместе с Габриэлой Мистраль, ей, как секретарю поэтессы, кроме всего прочего, приходилось выполнять роль своеобразного «фильтра», чтобы сдерживать ежедневный поток визитеров и визитерш. После того как Габриэла Мистраль получила в Сантьяго литературную премию за книгу стихов «Сонеты смерти» — это был 1914 год — ее malgré-t-elle[7] возвели в сан Верховной жрицы,

раздающей милости всем, кто мечтает о литературном поприще. Дом Габриэлы осаждали стада, вернее, стаи юных поэтов и поэтесс, им, должно быть, казалось, что Великая Учительница благословит их прикосновением волшебного жезла. Почти все они еще учились в лицеях, и Габриэла встречала их ласково, по-матерински: выслушивала, задавала вопросы, пробегала глазами стихи. Однажды пришел бледнолицый мальчик и спросил Лауриту, можно ли увидеть Габриэлу Мистраль. Она ответила, что ее нет дома. Нефтали прождал три часа, не проронив ни единого слова секретарше, молоденькой девушке лет двадцати, приветливой, но очень застенчивой. В общем, поэт со своей музой удалился в глубокой печали. Однако он не из тех, кто сразу сдается. На другой день, замирая от волнения, зажав в руке тонкую тетрадь, Нефтали снова постучал в дверь Габриэлы. «Да, она дома, — сказала Лаурита, — но к ней нельзя. У нее приступ мигрени». Бледный до желтизны подросток изо всех сил пытается скрыть огорчение. Девушка спрашивает участливо: «Молодой человек, скажите пожалуйста, какое у вас дело?» «Я принес стихи», — сбивчиво бормочет Неруда. Обычная история, думает Лаура, уже сотни раз я это видела. Однако не столько из вежливости, сколько из сочувствия к удрученному, поникшему мальчику она ласково говорит: «Оставьте стихи мне, если можно. А Габриэла их прочтет, когда выберет время». «Да, я могу оставить эту тетрадь, — отвечает Неруда, — но мне так нужно увидеться с ней. Я сам хочу услышать, что она скажет». «Хорошо, тогда наберитесь терпения и приходите часа через два-три. Быть может, она…»

В назначенное время лицеист Неруда снова стучит в дверь. И вот перед ним она, женщина, олицетворяющая поэзию. Он смущенно склоняется в низком поклоне. Габриэла, словно сойдя с незримого трона, заговаривает с ним мягко, сердечно. «Я даже переоделась, чтобы принять вас. Мне очень нездоровилось, но, едва я стала читать ваши стихи, боль утихла. Вы настоящий поэт. В этом я твердо убеждена». Чуть погодя, она добавляет: «Ни разу в жизни не говорила такого».

Их дружба никогда не распадалась.

Спустя десятилетия — Габриэлы Мистраль уже не было в живых — Неруда приехал в Антофагасту по приглашению Университета дель Норте. Маленькие школьницы встречали почетного гостя песнями.

Его друг, поэт из Антофагасты, Андрес Сабелья спросил девочку, которую Неруда погладил по голове: «Ты поешь в честь самого великого поэта Чили?» «Нет, — твердо проговорила школьница, — я пою для сеньора Неруды. А самая великая у нас

— Габриэла Мистраль». Неруда рассмеялся, потрепал малышку по волосам, обернулся к Андресу Сабелье и шепнул: «Я непременно расскажу ей об этом в долине Иосафата[22]… Вот уж она порадуется!»

13. Первые шаги…

Он заполнял тетрадь за тетрадью, переписывая в них каллиграфическим почерком свои стихи, и уже сотрудничал в столичном журнале «Корре-вуэла», который покупали нарасхват. Это был популярный журнал, где публиковались свежие новости и развлекательные статейки. Постоянный раздел журнала «Чилийская муза» стал истинным прибежищем для многих провинциальных поэтов Чили. В этом журнале к Неруде сразу отнеслись благосклонно — и напечатали семнадцать его стихотворений… Начинающий поэт вовсе не намерен писать только для себя. Он усердно посылает свои творения в самые разные места. И чуть ли не с детства охотно принимает участие в литературных конкурсах. Его стихи появляются то в одном, то в другом студенческом журнале страны. В городе Вальдивия это журнал «Культураль», в Вальпараисо — «Сьемпре», в Чильяне — «Ратос илюстрадос», который самоотверженно издают ученики Мужского лицея города Чильян.

Но о чем пишет наш поэт? Что думает о поэзии? Что читает в те годы?

Хосе Сантос Гонсалес Вера, вспоминая в своей книге «Когда я был подростком» о первой встрече с Нерудой в Темуко, пишет, что у того была в руках книга Жана Трава «Умирающее общество и анархия». Этот худой, как спичка, поэт утверждал, что мир, в котором он живет, плохо устроен, его надо изменить и начать все с огромного «НЕТ». В шестнадцать лет Неруда считал себя анархистом и настолько увлекся книгой Жана Грава, что перевел ее на испанский язык. Вскоре ярко обнаруживается очень важная черта его натуры: он приходит к выводу, что его поэзия никогда не отвернется от реального мира.

С юных лет Неруда одержим мечтой о братстве, о людском единении. Мальчишкой он принимает самое горячее участие в организации футбольного клуба, не смущаясь, что в клубе будет так мало игроков. А позже берется со всем пылом за создание в Темуко общества поэтов — Литературного атенея и, ни много ни мало, становится его президентом. Этот немыслимо худой президент в каком-то темном облачении, с трудом преодолевая «устрашающее косноязычие» (Неруда считал, что в его краях это общий порок), путаясь в словах, просит Габриэлу Мистраль,

которая в 1920 году стала директрисой Женского лицея в Темуко, принять звание почетного члена Литературного атенея… Молодой человек застенчив, он каким-то чудом решился заговорить с этой сеньорой в строгом длинном платье. Она прибыла из заснеженного Пунта-Аренаса уже в ярком ореоле поэтической славы… Но вдруг он обнаруживает, что знаменитая поэтесса удивительно похожа на его погибшего друга, стрелочника Монхе, лишь без шрамов на лице. Да, эта рослая женщина — плоть от плоти чилийского народа. Она проникнется расположением к Неруде, и ее зеленоватые глаза будут смотреть на него приветливо. Габриэла расскажет молодому поэту о Толстом, о Достоевском, о Чехове… Благодаря ей он прочтет книги великих русских писателей и они навсегда оставят в его душе глубокий след.

Русские классики не только открывают ему совершенно новую литературу, они учат, как надо писать, как видеть жизнь своих современников. Они учат прислушиваться к самому тихому зову, ко всем голосам. И вот в стихах четырнадцатилетнего Неруды уже звучит гражданская тема. А в пятнадцать лет он распространяет среди лицеистов Темуко столичный журнал «Кларидад» — издание революционно настроенной молодежи тех лет — и становится его постоянным корреспондентом. Молодой поэт не мог остаться в стороне от тех настроений, чувств и взглядов, которые присущи не только его поколению, но и тем, что придут позднее. Все они получат боевое крещение в упорной борьбе студентов за свои идеалы. Вот почему Неруда пишет для журнала «Кларидад» (где опубликованы его стихи, получившие в столице большой отклик) самые острые политические статьи и картелес — зажигательные воззвания, что печатаются из номера в номер на первой странице.

14. Мальчик и фортепьянная музыка

Когда вспыхнула первая мировая война, маленький Неруда пристрастился к газетам — ему уже хотелось знать, что происходит в мире. Лицей сразу распался на два лагеря: «союзников» и «немцев». Глубокая трещина разделила городок, где столько переселенцев из Германии, Франции, Англии и других стран. Немало молодых людей отправились в Европу — сражаться за родные земли своих родителей.

Мальчику в ту пору всего десять лет, и он, пожалуй, «сражается» лишь с настырным дождем, проникающим во все комнаты его дома. Но вообще-то поэт с самого начала относится к дождю как к своему соучастнику, соавтору. Да, они всегда пишут

вдвоем! Однажды Неруда сказал: «Я мог писать лишь под шум дождя, который летал над крышами домов». Ему очень нужен приглушенный звук дождевых капель, падающих через прохудившуюся крышу. Это — фортепьянная музыка его детства, влажная, совсем простая…

Каждый раз маленький Нефтали вздрагивал от надрывного гудка, который извещал о прибытии отцовского поезда в Темуко. Как много вокруг самых разных звуков! А он все мечтает о настоящем пианино. Ему страшно хотелось, чтобы оно вдруг возникло в их доме. И вовсе не для виду, не для того, чтобы другие говорили с почтением: «У них есть пианино», а чтобы слушать и слушать любимый вальс «Над волнами», который его тетушки играли под неустанный стук дождя. Но чуда не случилось — никто не привез им ни «Stanway», ни самого плохонького инструмента. Зато в свой урочный час на незримом пианино начинали играть капли дождя. Эта привычная музыка звучала долгими месяцами. Со временем мальчику открылось, что дождь, ударяя по великому скопищу посудин — а они были расставлены в самых разных местах, — умел извлекать из каждой свою неповторимую мелодию. Нет, в этих звуках не было однообразия. Тихая, «фоновая» музыка дождя была рядом с поэтом, когда он писал свои первые стихи, а потом она следовала за ним повсюду, пропитывая влагой всю его поэзию, подчиняя ее своему ритму.

Один из исследователей творчества Неруды утверждает, будто поэт в своих первых стихах проклинает дождь и вечную слякоть, в которой, как в зыбучем болоте, утопали улицы Темуко. И если Эса ди Кейрош{23}, поэт скептичный, разочарованный во всем, сказал однажды, что в его родной Португалии доброго слова заслуживает только южный экспресс — «он непременно довезет до Парижа», то, мол, Неруде был дорог Темуко лишь потому, что там жила Она, девушка, в которую он был влюблен…

Думается, вернее всего сказать, что Неруда испытывал к стихии дождя сложное чувство любви и ненависти. Другой ученый, говоря о стойкой неприязни Неруды к дождю, рисует для убедительности целую картину: в проеме дверей стоит сгорбившийся подросток и с мрачной яростью смотрит на густую завесу дождя… Так, наверное, бывало. Однако дождь все время вторгается в поэзию Неруды, он — ее неизменный спутник, и без него нельзя постичь детства поэта, вылепленного из влажной глины.

15. День рождения брага

Записан ли поэтический талант в генетическом коде? Если да, то все равно это тайна за семью печатями. Отец Неруды, как мы знаем, откровенно презирал поэтов. Он так и не смирился с тем, что его сын занялся поэзией. Ему мечталось, чтобы тот получил серьезную профессию. Он не терпел никакой богемы, не выносил паяцев, даже печальных, его злили все чудаки и ленивцы. Скорее всего, он не хотел и того, чтобы сын стал железнодорожником. Зачем, если нет к тому никакого интереса? Был бы дантистом, инженером, адвокатом, учителем — другой разговор. А поэтом — ни за что! Разве это достойное дело? Отцу представлялось в мыслях, как кто-нибудь из товарищей, скажем, машинист или кочегар, говорит со смешком: «Познакомьтесь, это папаша поэта». Позорище! Сколько раз он отчитывал сына за то, что тот занимается невесть чем — где-то прячется и пишет стихи. Отец презрительно говорил — «дурацкие вирши». И наказывал его нещадно. По этой причине, собственно, и возник несколько позже псевдоним — Пабло Неруда. Псевдоним понадобился главным образом затем, чтоб отец ничего не знал, не мучился стыдом за беспутного сына.

Возможно, Неруда унаследовал особую впечатлительность и страсть к чтению от своей матери? Мы располагаем некоторыми сведениями о Росе Нефтали Басоальто, но точно ничего не подтверждено. В общем, с генетическим кодом все весьма непросто.

Лауру, родную сестру поэта, мало интересовала поэзия да и литература в целом. Но Пабло — ее родной брат, и она его беззаветно любила, как, впрочем, и младшего брата — Родольфо. Это была истинно сестринская любовь, незамутненная преклонением перед славой. У Лауриты — маленькой, хрупкой с виду женщины с ястребиным носом — дьявольски независимый нрав: ей чужда лесть и она умеет выпустить острые коготки, если старший брат чем-то ее заденет; она спокойно говорит ему в лицо даже малоприятную правду. Он родной брат — и все тут! Какое ей дело до его славы, до всех почестей на свете? Она любит обоих братьев и, уповая на силу кровного родства, всячески пытается их сблизить, хотя они давным-давно отошли друг от друга. Из-за чего? Будто сама жизнь зачем-то вырыла меж ними глубокий ров и повела их разными путями. Но Лаурите одинаково дороги оба брата, что старший, что младший… Так испокон веку велось в их роду.

Братья встречались очень редко. И все же Пабло по-своему любил Родольфо. В нем он видел истинного представителя семейного клана Рейесов: все та же череда самых разных профессий, постоянное невезенье в делах… Но зато какая любовь

к прекрасному полу! Этой семейной чертой Пабло всегда гордился. После всех провалившихся начинаний Родольфо наконец утих и стал муниципальным служащим. Однако через несколько лет, выйдя на пенсию, он все-таки открыл магазинчик в Ла-Гранха. Приезжая в этот район Сантьяго по своим депутатским делам, я всегда навещал его. Пабло с восхищением рассказывал мне о бесчисленных женах брата. «Под стать знаменитому Родольфо Валентино[24]», — как-то заметил я. «Да нет, наш, пожалуй, поскромнее», — возразил Пабло, приподняв одну бровь. Себялюбивый, мнительный Родольфо, хоть умри, не хотел ни в чем уступать старшему брату.

Впервые я познакомился с ним однажды утром в «Лос Гиндосе», в доме у Пабло. Поэт сдержанно представил мне человека, внешне спокойного, с приятными чертами лица чисто испанского типа.

«Мой брат, Родольфо», — сказал он. Почувствовав, что шумное проявление радости здесь ни к месту, я пожал руку и, бросив привычное «очень приятно», почти тут же оставил их вдвоем. Братья о чем-то поговорили, стоя в саду, и Родольфо удалился.

Спустя какое-то время Лаурита с сияющим видом, приложив палец к уголку рта, точно речь пойдет о важной государственной тайне, поведала мне, что в «Лос Гиндосе» собираются отметить день рождения Родольфо. Она, как главная зачинщица этого праздника, радовалась больше всех. Еще бы! У братьев вроде налаживаются отношения!

Ни до этого, ни после я уже никогда не видел, чтобы поэт так тщательно, так любовно, вникая во все мелочи, готовился к празднику. От Лауриты я узнал, что гости соберутся не вечером, а, по желанию Родольфо, прямо к обеду… Большой стол вынесен из дома и поставлен возле деревьев, словно в какой-то пьесе Чехова. Мне рассказывали, что Неруда с детства обожал пить воду из бокалов цветного стекла. Вот и теперь на столе красуются великолепные мексиканские бокалы — синие, темно-красные, густо-зеленые, правда, для вина, а не для воды. Их расставил сам хозяин. Он и фарфор выбрал по своему вкусу, и обошел весь сад, срезая к столу только что распустившиеся цветы… Против каждого прибора Неруда кладет нежные розы и анютины глазки, чтобы они лучше оттеняли холодный металл ножей. День по-настоящему весенний, благодатный. Он и должен быть благодатным, потому что станет днем памятной, знаменательной встречи. Все начнется ровно в час. Гости — в основном это друзья Неруды — заметно взволнованны. Они ждут не дождутся того момента, когда сумеют отпраздновать «великое воссоединение»

братьев. Часы бьют один раз. Проходит несколько долгих минут. Виновник торжества явно задерживается. Но мы еще готовы считать, что он, как некоторые теперешние чилийцы, опаздывает намеренно, «для фасону». Половина второго — Родольфо нет и нет. Лицо бедной Лауриты каменеет. В расширенных глазах — тревога. Кто-то из гостей уходит в сад, беседует о том о сем, чтобы убить время, вернее, не томиться ожиданием. Два часа ровно. Неруда все еще в хлопотах. Он — хозяин дома и обязан как можно радушнее встретить брата! В три часа поэт сдается, хотя не говорит ни слова о своем поражении. Он хлопает в ладоши и зовет гостей к столу, чтобы отпраздновать день рождения Родольфо, так и не почтившего их своим присутствием. Неруде наверняка не по себе. Подумать — такая странная выходка! Но он не показывает виду и лишь бросает, пожав плечами: «Ох уж этот братец!..» Сестра подскакивает как ужаленная и кричит пронзительным голосом: «Что значит — братец! Да он всегда был умнее тебя. А в детстве ты вообще плохо соображал!»

Дальше все шло, как положено. Мексиканские бокалы осушались с удивительной быстротой. Поэт разговаривал легко и оживленно. Лишь Лаурита не могла скрыть своего отчаяния.

16. Начало

Я не однажды рассказывал, что мне посчастливилось обнаружить в двух объемистых распечатанных пакетах, которые лежали на длинном столе поэта в Исла-Негра. Дело было зимой, в воскресный час сиесты, когда кругом все затихло. Меня как толкнуло заглянуть в эти пухлые конверты. Оказалось — школьные тетради Лауриты для контрольных работ. Но на обратной стороне каждой странички — стихи, переписанные совсем другой рукой. Знакомый почерк поэта… Как мало он изменился за сорок с лишним лет! Это стихи мальчика, подростка. Сам Неруда говорит, что его первое стихотворение — несколько неумело срифмованных слов. На одной из страниц тетрадки — непременный для поэтов «Ноктюрн». Неруда опубликовал его, когда ему не было и четырнадцати лет. Видно, что стихи написаны еще неопытной рукой.

В газете своего дяди Орландо Массона, которую раскупал «народ грубый и вольный», Нефтали Рейес печатает стихи, рифмуя «любовь» — «кровь», «пламень» — «камень», «разлука» — «мука». Это еще не настоящая поэзия, но в ней есть нечто дерзкое для слуха такого будничного деловитого городка, как Темуко.

Стихи, опубликованные в столичном журнале «Корре-вуэла» от 20 октября и 25 декабря 1918 года, а затем от 5 и 12 февраля

1919 года, тоже не шедевры, но они предварили рождение поэта, и в этом их несомненная ценность.

В предисловии к своей книге «Житель и его надежды» Неруда утверждает, что у него в те времена было драматическое восприятие жизни.

В пятнадцать лет поэт напишет свободным стихом «Простые минуты». И кто-то будет ломать голову — читал или не читал он в ту пору уругвайского поэта Карлоса Сабата Эркасти. Позже Неруда снова обращается к рифме.

Его очень радует первая литературная награда за стихотворение «Идеал единства». И не важно, что это всего лишь третья премия на скромнейших поэтических состязаниях в Каукенесе, неподалеку от родного Парраля. Члены жюри — Анибаль Хара, Доминго Мельфи и Альберто Мендес Браво. Первые двое станут со временем известными журналистами. Мельфи, с его аналитическим умом, займется еще и историей Чили.

Следом за первой литературной наградой пойдут и другие — одна за одной, но пока еще негромкие, скромные. А в 1920 году Неруда завоюет первую премию на Весенних поэтических состязаниях в Темуко.

Не раз отмечалось, и вполне справедливо, что нерудовская поэзия в своей основе автобиографична. Об этом говорит одно из его самых ранних стихотворений — «Моя студенческая жизнь». Поэт сидит с рассеянным видом на занятиях, ему слышатся женские голоса, а в голове бродят бунтарские мысли. Он еще в преддверии, в предчувствиях… Стихотворение «Плач опечаленных» — о собственных переживаниях. И одна из постоянных тем — «Ты вечером мне приснилась…» Поэт уже сознает, что сама его жизнь может стать предметом поэзии. Он с детства любил писать стихи ко дню рождения — себе, своим близким, друзьям. В стихотворении «Мои ощущения» он напишет: «Шестнадцать лет тому назад / родился я в том городке, / белесом, запыленном и далеком, / и ничего о нем еще не знаю». Это одно из первых упоминаний о Паррале в его поэзии. В Неруде рано проявилось стремление утвердить себя как личность. «О, как мне памятно, что в десять лет / я прочертил свою дорогу, наперекор всем бедам, / готовым одолеть меня, / пока я буду пробираться тропою долгой». А о чем он мечтал в ту пору? Полюбить женщину и написать книгу. Неруда не без иронии признается, что потерпел полное поражение. «Нет, я не победил, / коль вместо книги — рукопись, да черновая, / и не одну-единственную полюбил, / а пять иль даже шесть».

В школьных тетрадях Лауриты есть названия задуманных

поэтом книг: «Чужие острова» и «Бесплодная тоска». Они так и не увидели света, но некоторые стихи из них вошли в «Собранье сумерек и закатов» — первый поэтический сборник Неруды, изданный в августе 1923 года.

1920 год в Чили знаменателен не только бурными политическими волнениями, которые возникли из-за избрания на пост президента блистательного демагога — Артуро Алессандри Пальмы{25}. Это не только год боевого крещения университетских студентов-бунтарей, в чьих рядах уже поэт из Темуко. В октябре этого года рождается имя нашего поэта — Пабло Неруда. Темукский лицеист должен был во что бы то ни стало избавиться от родительского надзора, неотступного и сурового; Хосе дель Кармен, кондуктор грузового поезда, откровенно ненавидел поэзию и предвзято, с непомерной строгостью следил за учебой сына. Поэт находит выход: он больше ничего не опубликует под своим именем — Нефтали Рейес. И его новое стихотворение, которое называется «Загубленная любовь», подписано уже новым псевдонимом — Пабло Неруда. «То буйной, то стихающей волной / мое желанье устремляется к любимой, / и под ее глубоким взглядом в ознобе бьется, / словно роща, насквозь пронизанная ветром».

Молодой поэт пока еще живет в Темуко, но его двоюродный брат Рудесиндо Ортега, студент столичного университета, увозит его стихи в Сантьяго и вскоре пишет оттуда, что часть из них будет напечатана в журнале «Кларидад». Теперь Неруде не терпится обрести признание, хотя бы под псевдонимом.

Рауль Сильва Кастро подготовил подборку нерудовских стихов и написал к ним небольшое предисловие, поставив вместо собственного имени имя героя романа Пио Барохи{26} «Путь к совершенству» — Фернандо Осорио.

«Из Темуко явилась к нам, — писал он, — поэзия, за которой грядущее, поэзия, проникнутая едва ли не вселенской печалью. Вскоре мы увидим ее творца в нашем городе».

В единоборстве с отцом Неруда отстаивает свое поэтическое призвание, пытаясь прорваться сквозь все поставленные ему запреты, и его мятежный голос звучит в стихотворении «Лицей», которое сохранилось в тетрадке Лауриты.

«Как тяжко мне в убогой клетке жить, / где молодость моя погибла безвозвратно… / А впрочем, стоит ли тужить? / …ведь завтра-послезавтра я буду лекаришкой в пенсне и сюртуке, / иль адвокатом, иль буржуем сытым, / и, значит, к новолунью ясному пути мои закрыты… / Нет, к черту все, мечты отдам на слом, / коли поэт дантистом должен стать / и непременно получить диплом!»

И в следующем стихотворении, в самом его названии — «Руководство к мятежу» — тот же воинствующий дух. «Стать деревом крылатым… расправить крылья и взметнуться ввысь».

Неруда писал стихи не только в школьных тетрадях сестры, но и на бланках газеты «Маньяна», той самой, что принадлежала его дяде Орландо Массону… С тех пор под всеми его стихами неизменно появлялось имя Пабло Неруда.

У Лауриты Рейес Кандиа есть тетрадь с рукописью задуманной поэтом книги «Гелиос». С детства поэту нравилось делать рисунки к своим стихам. Нередко он сам делал наброски к обложкам собственных книг.

Я не соглашусь с теми, кто считает, что «Крестьянские руки», опубликованные в темукском журнале «Южная сельва» в 1920 году, — это стихотворение, в котором у Неруды впервые лишь контурно намечена социальная тема. Полагаю, что она выражена вполне четко.

Поэта, уже пишущего социальные стихи, властно притягивает и тема любви, своевольной, ускользающей… «Вот ты в руках моих, любовь, / но я не знаю, почему приходишь и почему вдруг исчезаешь».

В стихотворении, названном «Наслаждение», поэт с обнаженной откровенностью пишет обо всем, что испытал молодой мужчина, познавший женщину: «Раскрылась плоть твоя глубокой бороздой, / чтобы принять мой высший дар… / В тебя погружено все естество мое… / и, содрогаясь, тонет, тонет, тонет, / как огненное солнце в час закатный».

17. Прозаик поневоле?

Неруда никогда не говорил с особым воодушевлением о своей прозе. Но многое писал прозой, причем с начала и до конца жизни. Смотря в глаза смерти, он диктовал последние страницы своих воспоминаний «Признаюсь: я жил». Он пишет прозу как журналист, как автор политических воззваний и как огромный художник слова.

Творческую траекторию Неруды можно проследить до конца, лишь глубоко постигнув главное: движение по восходящей линии определено не только поэзией, но и прозой.

Весь пафос ранней нерудовской прозы направлен против провинциализма, против его духовной тусклости. Пятнадцатилетний юноша прочитывает Асорина{27} как бы наоборот. Ему не по душе бесцветные провинциальные городишки: они наводят тоску. Его коробит пошлое сочинительство, словесная мишура, безликие метафоры,

затертые, как самые расхожие монеты. Он высмеивает «цветочки-листочки», «алые, как кровь, розы», «тайны непроходимой сельвы», «бессмертную славу героической расы».

Он не терпит этих людей «из общества», «особ благородных кровей», что вечерами церемонно прохаживаются по главной площади. Неруда награждает их самыми нелестными эпитетами: пустоголовые, невежественные, кичливые, пошлые… В его глазах истинно благородный человек тот, кто трудится, кто пишет, мыслит, кто сохраняет собственное достоинство, даже если нет ничего, кроме одиночества и мечты… Обо всем этом он говорит в своей статье, острой, язвительной, но с мелодраматическим оттенком. На то есть причины. Статья вызвана обстоятельствами его собственной жизни. Неруда возмущен, что люди из «хороших домов» не желают с ним знаться, коль скоро он — сын кондуктора грузового поезда, сын человека, который в прошлом был простым рабочим. Бросая вызов высокомерному обществу, он открыто объявляет себя поэтом и одевается дерзко, непривычно: на нем всегда широкий черный плащ-накидка… Поэт влюблен в девушку… «из хорошего дома». Но ее семья отвергает его, потому что он голодранец — рото. Но этого мало! Ему припечатали унизительное прозвище — Хоте[8]. Назвали бы Вороном, как в стихотворении Эдгара По, — другое дело. А Хоте для любых ушей — настоящее оскорбление. Нет, у него хватит пороху защититься, он не из трусливых… В новой статье Неруда возвращается к той же теме: «Мы все: я, он и ты, молодой и сильный человек, читающий сейчас эти строки, — должны ненавидеть бездушных, эгоистичных людей, которым нет дела до чужих страданий. Они подло прячутся под свои мрачные зонтики, меж тем как осенняя ярость взрывается ливнем…» Поэт откровенно говорит, что «пылающий костер лона и высшее блаженство» — это самое естественное и чудесное в жизни. И потому ему омерзителен лицемерный святоша и любострастный филистер, который спешит на русский балет лишь затем, чтобы похотливо разглядывать ножки балерин.

Неруде пятнадцать-шестнадцать лет, и он во всеуслышание провозглашает себя бунтарем, ниспровергателем. В «Глоссах к городу», в главе «Служащий», поэт выступает за необходимость классовой борьбы.

> «Мы, — пишет Неруда, — называем все это своими словами: „эксплуатация“, „власть капитала“, „насилие“. А в газетах, которые ты, читатель, торопливо проглядываешь в трамвае, это называется „правопорядком“, „патриотизмом“, „справедливостью“ и

т. д. Напрасно ты думаешь, что у тебя не достанет сил на борьбу. Мы рядом с тобой, и мы уже не одиноки. Мы — равные во всем. Нас терзают, эксплуатируют, но мы не бездействуем, мы — бунтуем».

Да, в этого поэта, слагающего стихи о любви, с юных лет вселился бес политики, шипят его враги, и что еще страшнее — революционной борьбы.

Временами в его поэзию вторгается анархистский дух. Неруда говорит об «эксплуатируемых на всех заводах мира», высмеивает тех, кто восхищается «патриотами, готовыми к войне», и призывает к каждодневному, непрерывному бунту против всех и вся.

Неруда — автор одного из воззваний (в основном их пишут для журнала «Кларидад» университетские студенты анархо-синдикалистских взглядов), где он приветствует Октябрьскую революцию, возвестившую начало новой эры. В мемуарах Неруда пишет, что по приезде в Сантьяго он сразу примкнул к тогдашнему студенческому движению. Свои статьи поэт подписывает разными псевдонимами. Порой его имя — Лоренсо Ривас. А прокламацию «Отверженные» он подписал — Сашка, именем героя романа Леонида Андреева «Сашка Жегулев»[{28}].

Начинающий прозаик Неруда выступает с пламенными призывами к свержению старых устоев. С первой статьи этот журналист, выражающий взгляды передовых студентов, обнаруживает удивительную хватку в политической полемике.

II
ЮНОША СУМЕРЕК И ЗАКАТОВ

18. Безумные двадцатые годы

Неруда все еще живет в Темуко. Он — в шестом, последнем классе лицея. Его волнует то, что происходит в стране.

В ту пору молодые прогрессивные политики, спасаясь от преследований и полицейских репрессий, уезжают в самые отдаленные провинции Чили. Вот почему в Темуко попадает писатель и умеренный анархист Гонсалес Вера, человек мягкий, добросердечный. Он оказывается в южном городке в июле 1920 года, вскоре после того, как в Сантьяго был совершен разбойничий налет на помещение Федерации студентов. Гонсалес Вера давно заинтересовался темукским юношей, который публиковал в журнале «Кларидад» стихи и острую зажигательную прозу. Прямо с вокзала писатель направился в лицей и стал дожидаться Неруду… И вот перед ним молодой поэт — в его глазах горят две темные точечки, а лицо узкое, будто лезвие ножа. Приезжему писателю подумалось в первую минуту, что юноша очень слаб здоровьем, но почти сразу ему ясно, что он крепок духом. Неруда говорил мало, и, приглядываясь к нему, Гонсалес Вера заметил, какая у него теплая и грустная улыбка.

Позже, во время прогулок, они, оживленно беседуя, незаметно доходили до соседней деревушки Лас-Касас.

Впоследствии Гонсалес Вера стал работать репортером в одной из газет города Вальдивия, а со своим остролицым другом-поэтом он встретился вновь на одной из бесед-тертулий, которые устраивал журнал «Кларидад» в Федерации студентов.

После нападения на Федерацию студентов надо было многое менять. Об этом разгромном налете говорили на всех собраниях и студенческих митингах. Жарким огнем пылали сердца молодых людей, и Неруда стал их поэтом, ведущим поэтом поколения двадцатых годов. Ревностные читатели энциклопедистов, Прудона, энтузиасты Октябрьской революции и убежденные противники войны, они постепенно обнаруживали, что в их стране, протянувшейся узкой полоской на самом краю света, нет ни справедливости, ни уважения к простым труженикам, к их человеческому достоинству. Это было время бесконечных дебатов, бурных собраний, где с одинаковым пылом обсуждались проблемы политики и литературы. Ими владела жажда открытия новой культуры, новых истин, и дискуссии шли по много часов

кряду, затягиваясь порой до рассвета. Жаркие споры нередко переходили в ожесточенные полемические схватки. На этих студенческих встречах ораторы обычно не могли правильно разъяснить истинное положение дел, прибегая к романтическим туманным аргументам и доводам…

Когда шестнадцатилетний Пабло Неруда приехал в Сантьяго, он незамедлительно отправился в Федерацию студентов. Его поразило, потрясло все, что он там увидел. Какими удивительными ораторами были Хуан Гандульфо — ему Пабло посвятил свою первую книгу, «Собранье сумерек и закатов», — Педро Леон Угальде, Сантьяго Ла-барка, Эухенио Гонсалес Рохас, Гонсалес Вера, Рубен Асокар…

В Федерацию студентов приходили и Оскар Шнаке, Даниэль Швейцер, поэт Меса Фуэнтес. Все вели богемную жизнь: курили дешевый табак, играли до изнеможения на бильярде, пили «молоко с керосином» — так у них именовалось скверное кислое вино. Словом, едва сводили концы с концами, оставляя в залог у «богатой тетки» — тогдашнее прозвище ломбарда — то часы, то одежду. Ели в долг, где попало — в жалких харчевнях или в заведениях с дурной славой.

Как-то разговорившись с Нерудой о том времени, я спросил его, почему он посвятил «Собранье сумерек и закатов» Хуану Гандульфо. Пабло пожал плечами. «Он был настоящим борцом. Огонь, а не человек. Я не встречал более острого памфлетиста. Проживи он дольше, может, шагнул бы вперед в своем политическом развитии. А впрочем, как знать». Хуан Гандульфо, умевший, как никто, зажечь аудиторию, погиб в автомобильной катастрофе по пути к Виньа-дель-Мар 27 декабря 1931 года. Ему было всего тридцать шесть лет. Весть о его трагической смерти пришла к Пабло на Восток. Студенческий лидер поколения двадцатых годов — поистине харизматическая{29} личность — простился с жизнью на холме Сапата в двухстах метрах от шоссе Касабланка.

Двадцатый год, двадцать первый и двадцать второй — словом, период университетской жизни Неруды прошел под знаком кризиса, который парализовал работу на селитряных рудниках, резко увеличил число безработных и обострил недовольство трудового люда. Все это с особой остротой воспринимали студенты Чилийского университета. Слово «политика» им не нравилось. Вместо него они избрали термин «социальный вопрос» и применяли его где только можно, к месту и не к месту, во всех дискуссиях и спорах о положении рабочего класса. Чилийские правители считали рабочих безгласным быдлом и безнаказанно чинили над ними всяческий произвол…

Поэтами студенческого поколения двадцатых годов были Гомес Рохас и Пабло Неруда. А политическим вожаком — Хуан Гандульфо. Так называемые благонравные, добропорядочные люди видели в нем опасного врага всего праведного, всего, что должно почитаться: правопорядка, патриотизма, частной собственности, религии, морали. Для них он был антихрист, изменник, купленный за перуанское золото. Таким всегда кажется, что те, кто выступает против власти, обличая ее в беззаконии, продаются за золото врагам. Когда военный министр Ладислао Эррасурис понял, что вот-вот взорвется кипящий котел кризиса, он мгновенно придумал «casus belli»[9] на перуанско-боливийской границе, перебросил армию на Север и провел мобилизацию нескольких воинских контингентов. Хуан Гандульфо сказал о его действиях: «Ложь!» И за это единственное слово Гандульфо упрятали в тюрьму на несколько месяцев. Неруда, как мы уже знаем, писал для журнала «Кларидад» острые политические передовицы — картелес, но чаще всего их автором был Хуан Гандульфо; он выбрал себе псевдоним Хуан Герра{30}. Его стиль, несмотря на привычную для тех времен риторическую пышность, отличался особой живостью и остротой. «Молодые — вперед! Настал наш час. Нельзя его упустить. Почва подготовлена!» — писал он в четырнадцатом номере журнала «Кларидад»… Хуан Гандульфо был низенького роста, хрупкого сложения. И старше Неруды на девять лет, что в молодости — существенная разница. Писатель Мануэль Рохас, в ту пору простой рабочий, был связан с бунтарским поколением студентов. Позже он вспоминал, что самая главная черта характера Гандульфо — исключительная смелость.

Не каждый стал настоящим трибуном. Но все как один разделяли идеи, вызванные к жизни Движением за университетскую реформу в Кордове{31} в 1918 году. Вот девиз аргентинских студентов: «Вместе с рабочими рука к руке, сердце к сердцу претворим в жизнь дело социальной справедливости!» Власти назвали все это «подрывной и антипатриотической деятельностью». Молодые студенты Чили, не убоявшись угроз, совершили и другие «преступления»: основали Народный университет имени Ластаррия, а Студенческий центр Педагогического факультета открыл первую вечернюю школу. В июне 1920 года они «совсем осмелели». Студенческий съезд в ходе обсуждения «социального вопроса» и «международных ориентаций» объявил во всеуслышание, что «интересы отдельной личности, семьи и всей страны должны быть подчинены высшим идеалам справедливости и всечеловеческого братства». Это уже не лезло ни в какие ворота! Один почтенный сенатор повысил

голос и потребовал, чтобы сочинители и сторонники подобной крамолы «старились и умирали в тюрьмах».

19. Унамуно и «акционеры патриотизма»

На страну обрушился шквал событий. Казалось, вот-вот даст трещину, рухнет здание, возведенное чилийской знатью, которая, как могла, поддерживала шумный водевиль «Война дона Ладислао», и на фоне этого затянувшегося спектакля разворачивала предвыборные маневры, с тем чтобы не допустить победы на президентских выборах кандидата от Либерального альянса — Артуро Аллессандри. Консерваторы предъявили ему обвинение в том, что он «подкуплен золотом», причем — вот новость, так новость! — золотом Перу и одновременно золотом Москвы. Аллессандри, к слову сказать, показал впоследствии свое подлинное лицо ловкого демагога… Президент Хуан Луис Санфуэнтес вместе с военным министром Ладислао Эррасурисом подписали приказ о всеобщей мобилизации. И вот 18 июля 1920 года Федерация студентов устроила чрезвычайное собрание, на котором открыто говорилось о том, насколько опасны для чилийского народа военные приготовления правительства. На другой день на улице Аумада перед домом номер 17, где находилась федерация, собралась толпа разъяренных молодчиков, чилийских «белогвардейцев», которые выкрикивали, размахивая оружием: «Да здравствует война!», «Все на Лиму!» Они набросились на Хуана Гандульфо и Сантьяго Лабарку и, оттолкнув их, ворвались в типографию «Нумен», где крушили все подряд и уничтожили рукопись романа Хосе Гонсалеса Веры «Дом бедноты». Хулио Валиенте — один из совладельцев типографии — был брошен в тюрьму для особо опасных преступников и просидел там шесть месяцев. Столичные газеты не опубликовали ни строчки обо всем, что произошло, но Федерация студентов отпечатала листовки с протестом. Студенты и рабочие раздавали их прохожим прямо на улицах. Многие из смельчаков были избиты полицейскими и взяты под арест.

21 июля во втором часу пополудни реакционеры совершили налет на Клуб университетских студентов. Бандиты порезвились на славу: выбросили из окон мебель и сожгли все, что им попалось на глаза.

А чилийской поэзии пришлось уплатить кровавую дань, почти так же, как через шестнадцать лет в Испании, когда казнили Лорку. Полицейские схватили студенческого вожака и поэта Хосе Доминго Гомеса Рохаса и упрятали в ту самую тюрьму, где сидел Хосе Валиенте. Поэта пытали с такой изощренной

жестокостью, что он лишился рассудка. 25 сентября Гомес Рохас умер, вернее, был зверски убит в сумасшедшем доме «Оратес», куда его перевели из тюрьмы. Гомеса Рохаса, поэта редкого темперамента, загубили в самом начале его творческого расцвета.

Дон Мигель де Унамуно[32] в знак протеста и солидарности с передовой чилийской молодежью направил из Саламанки в Сантьяго послание. Оно написано 26 июля 1920 года, но и поныне не потеряло своей актуальности и политической остроты.

«Порядок! Порядок! — возглашают держатели акций патриотизма, точно такие же фарисеи, как те, что повелели распять Христа, обвинив его в измене родине. Ловкие акционеры патриотизма твердят об авторитете власти, дабы скрыть, что эта самая власть обязана служить справедливому устройству жизни — основе основ любого цивилизованного общества. Что у вас, то и у нас. Именно в Чили, в этой благородной и щедрой стране, где смешалась кровь Вальдивии[33] и Кауполикана (и немало баскской крови), олигархическая псевдоаристократия, что всегда прячет свои богатства у самого алтаря или под крышей казармы, породила черную легенду о вас, о чилийцах, черную легенду об империалистической стране прусского образца, которая ради наживы увязла по горло в гуано и селитре.

…Алчные акционеры патриотизма. Им ли говорить о любви к родине! Для них родина — это выгодное коммерческое дело, и держатели акций — они, и только они! А у тех, кто не имеет земли, по сути, нет и родины. Те, кому суждено ходить по темным штольням, прорытым под землей, никогда не видят солнца, которое должно светить всем. Вас, я знаю, обвиняют в том, что вы подкуплены перуанским золотом. Что ж, пущен в ход избитый прием! Они не способны на иную уловку, на иную хитрость. Акционеры патриотизма твердо верят, что все делается за деньги. Они не умеют мыслить иначе. Деньги — их единственное Божество.

Они превратили патриотизм в профессию. И стали профессионалами трескучего патриотизма, главными подстрекателями разбойничьего налета на типографию. Я просмотрел список участников этого разбоя. Там числится и „гонщик-sportsman“… Не знаю, как у вас, но по мне эти „аристократы-sportsmen“ — чистые бездельники, как правило, с двумя, а то и без единой

извилины в мозгу. Я обнаружил, что в списке учинивших разгром много студентов. Но разве это настоящие студенты, что стремятся к знаниям? Это — школяры лжепатриотизма и шовинизма!

Я знаком с этими жалкими студентами, выкормышами олигархической плутократии и акционеров патриотизма. Я их вижу насквозь. Это они вступают в ряды „добровольных полицейских", а со временем станут „добровольными палачами", и, защищая устои правопорядка, изничтожат справедливость, во имя которой и должен существовать этот правопорядок. Настал час самых больших испытаний! Последний мучительный час рождения Нового, рождения поистине всеобщей, всечеловеческой борьбы за торжество справедливости на земле. Империалисты-плутократы и милитаристы пытаются удержаться на своих последних рубежах. Им ничего не осталось, как громить типографии. Они люто ненавидят интеллигенцию. В ризницах, в казармах, там, где хранятся хоругви и знамена, слово „интеллигент" цедят сквозь зубы с откровенным презрением. Это — презрение, за которым прячется зависть и гнев бессилия.

Главное развлечение этих вельмож, этих акционеров патриотизма, а по сути, махровых жуликов — картежная игра и рулетка. Здесь, в Европе, по крайней мере в Испании, по-прежнему царит все тот же произвол. Повсюду разгул, азартные игры, гнуснейшая порнография, темные махинации, всюду угодливое прислужничество властям…

Через просторы океана, где погребено столько надежд, но еще больше надежд зародилось, я протягиваю вам мою горячую, трепетную руку…»

20. Пансионы и дома бедноты

Умер поэт, да здравствует поэт… Гомес Рохас обладал драматическим, вернее, трагическим талантом. Он — поэт молодых, анархически настроенных романтиков. Его смерть была для них тяжелым ударом. Неужели молодежь навсегда лишилась голоса, который воспевал ее с такой страстностью? Неужели потеряла поэта, что дышал полной грудью, находил простые и вместе с тем великие слова и открывал подлинную красоту, чуждую пышной красивости?

Но каждый народ, каждое поколение, испытывая потребность

сказать о своих чувствах и переживаниях, выдвигает личность, способную выполнить эту высокую миссию. Так вышло и в Чили, где очень скоро люди увидели, что явился новый поэт, который говорит от имени всех.

На литературном конкурсе, организованном при участии Федерации студентов, премию получил Неруда. Жюри обнародовало свое решение 14 октября 1921 года, а на следующий день в журнале «Кларидад» появилось стихотворение, которое выучили наизусть тысячи молодых людей. Стихотворение называется «Праздничная песнь».

> Пылью клонятся хлеба налитые,
> грозная дрожь пробегает по недрам,
> и выступают в строю молодые,
> как паруса, окрыленные ветром[10].

В автобиографическом пятикнижии Неруды — «Мемориал Исла-Негра» — есть стихотворение под названием «1921», где говорится об этом событии: «Октябрь… Праздничная песнь… Весны награда, / Пьеро, неведомый, мою поэзию на волю отпускает, / и та к безумству устремилась. / А я, худой, как черной шпаги острие, / иду еще угрюмый, одинокий / средь чуждых масок и цветущего жасмина / и рассекаю грустью южных ветров / толпу под звон бубенчиков и взлеты серпантина».

Молодежь обрела своего поэта. Мощный водопад его стихов с небывалой до той поры очевидностью убедит всех, что в стране есть поэт, который встанет вровень с Габриэлой Мистраль, той самой женщиной, что приносила ему в Темуко мудрые книги.

Где бы Неруда ни появлялся, его неизменно просили прочесть «Праздничную песню». То же самое будет позже с его стихотворением «Farewell»[11]. Но ему не по душе повторять старые стихи, он читал только новые.

Наши перипатетические беседы с Нерудой всегда были в чем-то схожи с той памятной поездкой в его родной дом — неизбежно возникало что-то отдаленное во времени, которое мы открывали как бы заново. Вспоминались люди, дома, убогие пансионы, площади. Мы говорили обо всем, о самом разном. О литературе, но чаще — о политике… Я никогда не предполагал писать биографию Неруды. Однако при знакомстве с обширной литературой, посвященной жизни или различным сторонам творчества поэта, у меня всегда появлялись какие-то соображения, вопросы.

Бывало так: мы идем, беседуем, и он неожиданно прерывает меня: «Посмотри, вон какой дом на нашей улице Падура». —

«Позволь, но эта улица Конная». — «Прежде она называлась Падура. Мне больше нравится старое название. Я здесь жил в двадцать втором году». И тут я сразу спохватываюсь: в это время он, наверно, работал над книгой «Собранье сумерек и закатов».

Неруда тогда вел жизнь забулдыги, босяка, вроде тех, что описаны в ранних рассказах Горького. Длинный одноэтажный дом — конвентильо. В комнату Неруды, где дверь выходит на улицу, часто наведывались друзья. Все богатство этой комнаты — складная железная кровать, грубошерстное индейское покрывало и низенький подсвечник на круглой подставке. Одинокая свеча зажигалась только для поэзии, беседы велись в полутьме. Правда, им тогда было восемнадцать-девятнадцать, не более. Они без особого труда засыпали на голом кирпичном полу. Орландо Ойярсун, неисправимый мечтатель, задумал стать коммерсантом, чтобы вызволить друзей из нищеты, из унылых стен с облупившейся побелкой. Его мечты разбогатеть, стать капиталистом не разделял никто в кругу Неруды. Да и сам Орландо, при всех своих фантазиях, мог спокойно спать, прикрывшись страницами пухлой газеты «Меркурио». Дом, где обитал Неруда, находился неподалеку от площади Мануэля Родригеса, в старой части Сантьяго, отстроенной в XIX веке. Здесь, где многое принадлежало прошлому, была своя тихая прелесть. Но нередко ночной покой сотрясали крики разгулявшейся студенческой братии.

21. Марури. Сумерки и закаты

Неруда говорил, что почти всегда забывал номера своих прежних домов, телефонов, но один адрес запомнился ему навечно: Марури, дом номер 513. Дом «Закатов на Марури»… Мне тоже пришлось жить на этой самой улице, когда я, приехав из провинции, поступил на юридический факультет Чилийского университета. Марури — улица бедноты и нищих студентов. И хоть я попал туда на десять лет позже Неруды, улица совершенно не изменилась. Она идет параллельно проспекту Независимости, на северной стороне реки Мапочо. По соседству был район с дурной славой, назывался он в ту пору Лас-Орнильяс — царство публичных домов и бандитских притонов. Я долго задавался вопросом: как могла возникнуть именно здесь проникновенная поэтическая книга «Собранье сумерек и закатов»? Это же одно из самых антипоэтических мест, какое можно себе представить! Но поэту дано творить поэзию везде! И вот на улочке Марури постепенно рождался «Вечер над кровлями»: «Вечер над плиткою кровель / глуше и глуше… / Кто мне его посылает стайкой

пичужьей?»[12] А потом взлетела «Осенняя бабочка». Сколько людей прочитало это стихотворение со сцены и читают его поныне! «Взлетает бабочка и чертит / круг огнецветный и последний»[13]. Раздумывая над тайной слова «saudade»[14], Неруда угадывает его сокровенную суть у португальского поэта Эсы ди Кейроша и пишет: «Кто постигнет значенье этого слова, / что, сверкнув белизной, ускользает, как рыбка?»

На улице Марури был захудалый студенческий пансион, где жили впроголодь, считая каждый грош. Неприглядная улица насквозь пропахла газом, рухлядью, пропыленным кирпичом и дрянным кофе. Запах этого кофе поэт ощутил сразу, едва сошел с ночного поезда, который привез его в столицу, где он хотел поступить в университет. Стоял март 1921 года. Впоследствии поэт вспомнит об этой улице с ее унылыми домами, где обитали незнакомые люди и полчища клопов. Осенью и зимой, когда с деревьев облетала последняя листва и они стояли голые, сиротливые, печальные, все вокруг становилось еще более неприбранным, серым, безотрадным.

Но поэт видит то, что другие видеть не могут, он по-особому воспринимает мир. Вот почему ему открылось чудо, которое не сумел открыть никто — ни до него, ни после. Этой скромной улочке являлись замечательные по красоте закаты… Ясновидящий предчувствует явление Пресвятой девы или Всевышнего. А Неруда, быть может единственный из всех, кто жил на этой неприметной улочке, восторгался полыхающим заревом, мгновенной сменой причудливых красок, игрой закатного света, который проникал в его комнату и угасал в краткие мгновенья. А может, свет — субстанция, основа основ не только для импрессионистской живописи, но и для поэзии? Или поэту казалось, что феерическое действо устраивал незримый факир?

Вспоминая студенческий пансион на улице Марури, Неруда говорит, что там он «написал куда больше стихов, чем раньше, хотя жил бедно и, понятно, ел куда меньше». Да… так можно и впрямь уверовать, что голодные, бедствующие поэты пишут больше и лучше!

Когда мне позднее довелось жить на улице Марури, каждое утро, в восемь часов, я провожал взглядом очень красивую студентку в сером берете, которая садилась в «гондолу». Она училась на историческом факультете Педагогического института, а со временем вышла замуж за Сальвадора Альенде… Мы с ловкостью акробатов влезали в обшарпанные автобусы и кое-как добирались до проспекта Испании. На этой остановке из дверей переполненного автобуса высыпали все студенты. Надо же! Кто

назвал разбитые колымаги — «гондолами»? Вот она, сила поэтического воображения!

Где уж Сантьяго до Венеции, а проспекту Аламеда до знаменитого Большого канала? Но поэт Неруда прославил утаенное от всех очарованье «закатов на Марури», как Байрон столетием назад — красоту площади Риальто…

Позднее Неруда переехал в квартал, расположенный между Педагогическим институтом и Центральным вокзалом, на улицу Гарсиа Рейеса. В нижнем этаже дома номер 25 была фруктовая лавочка доньи Дельмиры, нашей доброй приятельницы. А наверху пока еще неразлучные Неруда и Томас Лаго работали над переводом романа «Негр с „Нарцисса“» — Джозеф Конрад{34} был их тогдашним кумиром. Однако корабль, который начали строить два друга, так и не был спущен на воду.

Неруда и его приятели бились в такой нужде, что однажды утром, чуть ли не на рассвете, поэт взорвался и стал поносить последними словами — в духе Франсуа Вийона — злосчастную жизнь, все мытарства и невзгоды, а более всего — горький удел поэтов, которым только и остается выть воем. К разъяренному Неруде тотчас присоединился Томас Лаго… Но тут, заглушая неистовые крики друзей, заорал Орландо, усердный читатель биржевых сводок в газете «Меркурио», все еще мечтавший о карьере финансиста. «Ребята! — воскликнул он торжественно. — Не падайте духом! Все изменится к лучшему. Меня чутье не подведет…» Приятели мало верили в чутье этого неисправимого прожектера. Но Орландо не сдавался. Он пытал будущее по картам и по столбику цифр в биржевых ведомостях.

22. Почему Неруда?

В одном из писем к сестре поэт говорит: «Я еще не расстался с этой привычкой — есть каждый день». Он мог тешить себя шуточками сколько угодно, а жить, в общем-то, было не на что.

Он и его приятели чаще всего думали и говорили о двух вещах: о поэзии, и о том, как поесть досыта.

Поэт приехал в Сантьяго совсем молодым, с радужными надеждами на будущее, но вскоре совсем отощал от недоедания… Ему не пришлось прочитать свое стихотворение «Праздничная песнь», получившее премию на литературном конкурсе в 1921 году. Вместо него это сделал Роберто Меса Фуэнтес, который почти всегда одерживал победы на всевозможных литературных состязаниях и повсюду чувствовал себя хозяином… Прежний псевдоним поэта, как вы помните, был Сашка Жегулев. А на этом конкурсе члены жюри, открывшие конверт победителя, с

удивлением обнаружили новое, незнакомое имя и фамилию — Пабло Неруда. Поэта сотни раз спрашивали, почему он выбрал такую фамилию. Этим вопросом его буквально затерзали. Пабло вспоминает, что известный чешский писатель и прекрасный журналист Эгон Эрвин Киш сгорал от любопытства: ему, видимо, как чеху, было непонятно, откуда взялась эта чешская фамилия, и он без устали пытал Неруду в любой стране, в любом городе, где им доводилось встречаться — в Испании во время Гражданской войны, в Мексике, куда Эрвин Киш эмигрировал, спасаясь от нацистского террора, и, наконец, в Праге, после ее освобождения. Там чешский писатель привел поэта к дому Яна Неруды на Ма́лую Стра́ну и взмолился: «Ну объясни, наконец! Я уже состарился, а все пристаю к тебе с этим „почему“!..» Ничего таинственного тут нет. Просто Неруда, как, кстати, и пражанин Кафка, не на шутку испугавшись угроз отца, — поэту было всего четырнадцать лет — решил изменить свое имя, выбрать новое nom de plume[15].

В молодости боялся отца и пражанин Кафка, однако его отец был мясником, а у Неруды — как-никак служащим железной дороги. Но он знал: его сын Нефтали не справляется с математикой из-за проклятых стихов. Да и вообще, Хосе дель Кармен лютой ненавистью ненавидел поэтов и верил свято, что от них нет никакого проку. И надо же — такой удар судьбы! Его сын оказался среди этой шантрапы! Уж лучше бы отсидел в тюрьме! Хосе дель Кармен мечтал увидеть своего сына в кругу уважаемых людей, занимающихся нужным делом. Как всякий человек из средних слоев да еще самого скромного достатка, он хотел, чтобы Нефтали пробился наверх, занял определенное положение в обществе. У него не было ни денег, ни земли, и ему думалось, что единственный путь выбиться в люди — закончить университет и получить дельную, хорошую профессию. Вот почему он даже сжигал книги сына и его тетради, исписанные стихами… Ну а сын, убоявшись гнева отца, понял: надо затаиться, скрыть, что он по-прежнему занимается «постыдным делом». И однажды поэт решил, что пошлет новые стихи в журнал так, чтобы его настоящее имя — Нефтали Рейес — не появилось в печати, а то, не дай бог, снова рассвирепеет, придет в бешенство родитель. И вот тут-то на страницах одного журнала ему случилось прочитать рассказ чешского писателя Яна Неруды. Фамилия Неруда показалась ему очень звучной, а имя Пабло нравилось давно. Поэт, правда, считал, что лишь на время выбрал себе такой псевдоним. Но за долгие годы настолько к нему привык, что из его сознания, а может и подсознания, навсегда исчезло прежнее, настоящее имя.

Словом, через тридцать пять лет после той истории имя

Пабло Неруды было узаконено официальным актом — оно появилось в метрическом свидетельстве поэта, вместо навсегда исчезнувшего Нефтали Рейеса…

Бедные студенты, что понаехали из провинции, всеми правдами и неправдами отыскивали в Сантьяго какую-нибудь позабытую тетку или других родственников, державших пансион. Недорогие студенческие пансионы славились двумя свойствами: там прескверно кормили и не было спасенья от блох. Вспоминая те времена, Неруда говорил, что его товарищи по университету, которые пристроились в эти пансионы, были на грани полного истощения и лишь чудом не умирали с голоду.

23. Студент

Неруде хотелось, чтобы его будущая профессия — раз уж ее нужно получить — хоть как-то соприкасалась с любимой поэзией. Потому он и поступил на отделение французского языка. В Латинской Америке тех времен французский язык еще не был окончательно вытеснен английским и к тому же считалось, что именно этот язык приобщает к святыням культуры. Шутка ли — читать в оригинале Бодлера, Рембо, Аполлинера, Малларме! Осваивая французский язык, Неруда с жадностью глотал книги этих авторов. Он проучился на отделении французского языка все четыре положенных года, но так и не получил диплома. Причина? Его, как он говорил, целиком захватила бурная политическая жизнь университета. А литературная жизнь? Молодые безумцы ночами напролет говорили о своих открытиях в мире поэзии, упоенно читали стихи новых для них поэтов, гуляли-веселились. Мир распахивался перед ними. И поэту было всего девятнадцать лет.

Университетские годы были решающими, ключевыми для всей остальной жизни. Когда мне пришлось покинуть родину, я перед отъездом сжег много книг и важных бумаг. Но у меня по сей день хранится машинописный текст выступления Неруды с его подписью, где он говорит о политике и о своей студенческой юности. Думаю, этот текст достоин особого внимания (замечу, что он напечатан на бумаге со знаменитым нерудовским экслибрисом-рыбкой) и потому приводится здесь полностью.

«Исла-Негра.
Апрель 1973 года.

В один из дней 1923 года возле парадной двери старинного здания Педагогического института появился

тогдашний президент республики — дон Артуро Алессандри Пальма. Мы, студенты, сбившись в небольшие группы, смотрели на него молча, с любопытством. Никто из нас не поклонился ему, не поздоровался почтительно, как подобает. По правде, мы не считали его нашим благожелателем. Леон — престарелый „лев“ из Тарапаки — тряхнул в гневе остатками львиной гривы и, погрозив нам массивной тростью, обозвал нас невежами. Мы — ни слова в ответ. И он зашагал прочь, негодующе размахивая тростью.

С тех пор прошло полвека, и вот теперь товарищ Президент пришел к вам, чтобы торжественно открыть новый учебный год, чтобы понять сердцем, к чему стремятся, чем живут и дышат студенты и их наставники.

Да, ныне наш Президент, наши студенты и вся наша жизнь — все стало иным.

И тем не менее я с теплым чувством вспоминаю старый университет, где познал дружбу, любовь, где постиг всю значимость борьбы за интересы народа. Для меня это были годы ученичества, когда складывалось мое понимание жизни и отношение к ней. В стенах университета, в наших бедных студенческих пристанищах родились мои первые книги. „Собранье сумерек и закатов“ вышло в 1923 году, а книге „Двадцать стихотворений о любви“ стукнет пятьдесят лет в новом, 1974 году.

Поэзия, безудержная пытливость ко всему, наплыв новых мыслей и чувств после прочитанной книги, хмельной восторг от встречи с теми, чьи мечты совпадали с нашими мечтами… Улица Эчауррена, улица Республики, проспект Испании, где на каждом шагу студенческие пансионы. Поэты Сифуэнтес Сепульведа, Ромео Мурга, Эусебио Ибар, Виктор Барберис, навсегда ушедшие из жизни, но не из поэзии… Беспокойные улочки, где вечерами внезапный порыв ветра приносил густой, волнующий аромат сирени и голубой жимолости. И любовь — то нежная, то страстная, то мимолетная… Все это тогда определяло мою жизнь.

Серьезные вопросы всегда решались в доме Федерации студентов на улице Агустинас. По пути туда, у входа в здание Федерации рабочих — оно было по соседству с нашей федерацией — я не раз Замечал человека без пиджака, в рубашке и темном жилете. Это

был главный рабочий вожак — дон Луис Эмилио Рекабаррен{35}…

Пусть эти воспоминания прозвучат моим приветственным словом на открытии нового учебного года, 1973-го, которое вы празднуете сегодня.

И если ныне все так переменилось, если мы под руководством президента Альенде совершаем революционные преобразования — а успех этого дела зависит от активности народа и передовой университетской интеллигенции, — то я убежден, что те далекие годы были предвестием, предтечей того, чего мы уже достигли и чего достигнем в недалеком будущем — и прежде всего понимания высокой гражданской ответственности, упорства в борьбе, твердой веры в неприложность нашего долга и в благотворную роль культуры, которая сегодня щедро открывает величайшие перспективы перед нашей страной.

Братский привет проректору Руису и почетному профессору Сальвадору Альенде, а также всем вам — моим старым и новым друзьям.

Пабло Неруда»

Значимость приведенных строк несомненна. Поэт на последнем году жизни снова встречается со студенческой молодежью. Перед нами панорама того времени, где друг другу противостоят Артуро Алессандри Пальма, лидер буржуазии, и Луис Эмилио Рекабаррен — самый яркий вожак чилийских рабочих в XX веке. Современность в ее политическом и общественном ракурсе представлена Сальвадором Альенде, теперь этот человек принадлежит не только своему времени, но и вечности.

Слова Неруды — живые яркие воспоминания о его студенческой жизни, об улицах, прилегающих к старому Педагогическому институту, о пансионах, окутанных полутьмой, о поэтах его поколения. Неруда говорит о своей любви и о накале политической борьбы… В двух шагах от Федерации студентов находилась Федерация рабочих. Это соседство имеет глубоко символический смысл в контексте чилийской истории нашего века.

Неруда почти каждый вечер приходил на улицу Агустинас в Федерацию студентов и работал, разумеется ad honores[16], в ее журнале «Кларидад». На это здание и был совершен налет в 1920 году. В нашей стране сплошь и рядом разрушали, громили, поджигали здания прогрессивных организаций. Вспомним, как в

Темуко мгновенно сгорела типография, где издавалась газета Орландо Массона — дяди поэта. Но среди печально известных погромов в чилийской истории — не говоря уже о кровавой расправе с рабочими в Икике в 1907 году — два следует выделить особо: из памяти народа никогда не изгладится поджог Федерации рабочих в Пунта-Аренасе, когда в огне погибли десятки овчаров Патагонии, и нападение на Федерацию студентов 21 июля 1920 года. Даты этих злодейских актов близки по времени. Они вполне сопрягаются с тогдашним политическим режимом, с волной регресса, и как бы предвосхищают тот страшный разгул военного террора, который затопит Чили в море крови. Не пройдет и полгода после памятной встречи поэта со студентами, как это случится.

24. Дружба и богема

Неруда утверждал, что «дружба — прекрасный континент для поэта». «Я высоко, как и подобает чилийским южанам, ценю дружбу. Сам я никогда не расставался с друзьями. Их отнимала у меня только смерть». Смерть действительно похитила у него многих друзей. Их имена по его просьбе вырезали резцом на деревянных потолочных балках, украшавших бар «Альберто Рохас Хименес» в его доме в Исла-Негра. При мне однажды эти имена, беззвучно шевеля губами, читал Камило Хосе Села{36}. Неруда решил, что не найти лучшего места для верной памяти об умерших друзьях, чем этот бар, с бутылками цветного стекла, с чилийской водкой писко, с заморскими винами; те, кто пока еще живы, сядут за круглые столики, выпьют, заведут разговоры, а в какой-то миг, бросив взгляд наверх, увидят имена, высеченные на тугой древесине, и вспомнят об ушедших навсегда.

Но не одна смерть отбирала у него друзей. Порой и сложные жизненные обстоятельства. Иногда дружеские узы рвались очень круто. После его развода со второй женой, Делией дель Карриль, разгорелись настоящие страсти. Круг Неруды разделился на два лагеря, многие из его давних и близких друзей стали ему врагами. Совсем незадолго до этих событий он рассказывал: «Я снова гуляю с Томасом Лаго по улицам Сантьяго, мы и теперь не ведем разговоров о литературе. Словом, все как тридцать четыре года назад. Тогда мы вдвоем с ним издали книгу „Кольца“, и страницы Томаса — настоящая, глубокая поэзия». Но вот с Томасом Лаго все порвано. В нерудовском «клане» идет настоящая гражданская война, вспыхнувшая из-за разрыва между поэтом и Делией.

Однако у Неруды, как у настоящего южанина, навсегда

сохранилось святое отношение к дружбе. Много позже я познакомился с адвокатом, членом демократической партии Алехандро Серани. Неруда как-то сказал: «Не будь Саши, мне бы в жизни не кончить лицея». Так он называл Алехандро, своего школьного друга. В лицее они вместе переводили английских поэтов. Ненавистная математика, как известно, страшила лицеиста Неруду. Алехандро решил помочь поэту. Они выбирали для занятий красивые места на берегу реки Каутин. Серани не хотел нарушать лицейские правила: сорок пять минут — урок, пятнадцать минут — переменка. А Нефтали требовал, чтобы все было наоборот. Саша упорствовал: иначе нельзя продвинуться в алгебре и геометрии. Оба едва выдерживали эти проклятые сорок пять минут. Взгляд Неруды то и дело ускользал к реке, к берегам, к пышной зелени и цветам. Зато в перерыве они устраивали состязания. Выберут самые плоские и гладкие камешки и пускают их по поверхности воды, стараясь, чтобы те не тонули, а задевая воду, отскакивали как можно дальше, оставляя после себя маленькие фонтанчики…

Эта дружба не остывала. В предпоследний год учебы Нефтали был избран президентом Лицейского атенея, а Саша — секретарем. Позднее Алехандро стал президентом Ассоциации студентов, а Неруда — ее секретарем… Настоящей китайской стеной, почти непреодолимым барьером грозили обернуться для Неруды выпускные экзамены. Провалиться — навсегда будет закрыта дорога в университет. Ведь Неруду подстерегал экзамен по математике — страшный и беспощадный дракон, от которого не спастись. Саша помогал поэту изо всех сил, и к тому же надеялся, что на известные поблажки Неруде пойдет сам ректор лицея — Марко Аурелио Летельер; наверно, ректору подсказало чутье, что его питомец, неспособный разобраться в самых простейших теоремах и уравнениях, светится изнутри особым светом, который озарит не цифры — бог с ними! — а слова.

В своей первой столичной квартире на проспекте Испании поэт жил вместе с другом Алехандро. Жилье вполне приличное, но дорогое. К тому же у квартирной хозяйки был нюх полицейского сыщика. Она следила за их приятелями, и особо — за приятельницами. Повсюду совала свой нос, знала, когда кто пришел, когда ушел. Раздосадованный Пабло переехал в дешевый доходный дом — в Чили они называются конвентильо, — там никому ни до кого нет дела. Его позвали к себе Рубен Асокар и Томас Лаго. Но чего только не бывает — и вот случилось, что в Сантьяго на операцию к столичному хирургу приехал дон Хосе дель Кармен Рейес. Делать нечего — пришлось разыграть маленькую комедию: добряк Саша переехал в убогую комнату

конвентильо, а поэт вновь перебрался в ту вполне пристойную квартиру на проспекте Испании, где и пробыл все дни, пока отец не уехал домой в Темуко.

Число друзей заметно росло. Неруда сблизился с университетскими товарищами, писателями, художниками. Излюбленными местами дружеских встреч стали таверны, бары: «Геркулес», «Эль Хоте», «Венеция», а вскоре вполне респектабельные немецкие клубы на улице Эсмеральды и на улице Сан-Пабло, не говоря уже о «Постоялом дворе коррехидора». Шумной компанией они заявлялись в кабаре доньи Инес, чуть позже это кабаре стало называться «Цеппелин». В ту пору сдружились поэты Альберто Рохас Хименес, Анхель Кручага, Росамель дель Валье, Херардо Сегель, Омеро Арсе, Рубен Асокар. Художники Армандо Лира, Хулио Ортис де Сарате, Исаис Кабесон, Исраэль Роа, Пасчин, карикатурист Виктор Бианчи, который спустя двадцать лет помог Неруде пересечь Кордильеры и спастись от преследований диктатора Гонсалеса Виделы. Среди участников бесед-тертулий был близкий приятель Неруды Орландо Ойярсун и неисправимые любители богемной жизни — журналист Антонио Рокко дель Кампо и Ренато Монестьер. Они с упоением пели песни на языках, которые знали, и на языках, из которых не знали ни слова. Под звон бокалов, под звуки нестройного хора являлась поэзия. Кто-то вдруг вытащит книжку и вдохновенно заговорит об ее авторе. На этих встречах в Чили впервые были названы имена Марселя Пруста и Джеймса Джойса. Много позже, когда очередной литературовед допытывался у Неруды о литературных влияниях, поэт ответил: «Об одном из них почти нигде не упоминается, а меж тем для меня очень существенным было влияние Марселя Пруста». В пору студенческой молодости Неруда перевел на испанский язык некоторые стихотворения Джойса.

Неруда никогда не изменял мужской дружбе, мужскому товариществу. На улице Марури и на улице Гарсиа Рейеса он жил вместе с Томасом Лаго. Но в обхождении оба друга были подчеркнуто учтивы, они, к примеру, всегда были между собой на «вы». Сколько раз нам доводилось слышать: «Вы знаете, Пабло…», «Вы бы, Томас…» Это обращение на «вы» в Чили весьма любопытно. В недалеком прошлом супруги говорили друг другу только «вы». Некоторые супружеские пары следуют былому правилу и поныне… И дети тоже никогда не говорили «ты» своим родителям. Теперь этот обычай исчез безвозвратно.

Диего Муньос рассказывает, что в молодости ему поручили расписать стены будущего кабаре «Цеппелин». Плата за труд, оговоренная в контракте, была весьма странной, точнее сказать —

«сногсшибательной»: пять тысяч песо чистыми деньгами и пять тысяч песо напитками по их стоимости. В общем, художник и его дружки-помощники могли выпить в счет заработка двадцать пять тысяч бутылок пива или чего-нибудь спиртного, на сумму, указанную в договоре. Долгие месяцы вся честная компания не знала забот по части горячительного. Диего Муньос говорил, что донья Инес, хозяйка кабаре, питала к ним особое расположение и называла их «верным патрулем». Она даже кормила в долг своих любимцев… На сцене кабаре пела молодая одноглазая женщина, прикрывавшая прядью волос половину лица. Друзья, как правило, пили самый дешевый кларет. Порой везло на щедрого гостя, который заказывал для всех вино. Случались и танцы, но Неруда не танцевал.

25. Рохас Хименес улетает

Однажды в полдень в переполненном холле центрального здания Чилийского университета, где и всегда тьма народу, ко мне подошел Рохас Хименес. Толпящиеся студенты — негде яблоку упасть — собрались в поездку за город и, разумеется, готовились совершить возлияние Бахусу. Рохас Хименес попросил у меня взаймы денег, чтобы внести свою долю. «К сожаленью, — сказал я, — ни гроша». Мне тоже хотелось поехать, но увы! А он захотел — и поехал! Какие сомнения! Он готов был сорваться с места в любой момент, особенно если знал, что где-то взмоет ввысь радость, точно пробка из бутылки шампанского. Он был тонким, искусным поэтом. Долгие годы я напрасно пытаюсь вспомнить маленький шедевр Рохаса Хименеса. На свой страх и риск цитирую здесь его начало, наверняка неточно: «Слова твои скромны. Но как мне не любить твои слова! Ведь в них так много твоего, что им совсем не надобен глубокий смысл, они и без того меня блаженством наполняют». В конце стихотворения он говорит, что слова порхают-кружат вокруг него, точно бабочки над лампой… Он и сам порхал бабочкой в жизни и сгубил себя постоянным, неистовым горением, безудержной тягой к вину. В определенном смысле Рохас Хименес принадлежал к трагическому поколению. По своей судьбе он схож с братом Орландо Ойярсуна — Алиро Ойярсуном, автором «Желтого корабля».

Самым богемным из всех, кого я знал в тридцатые годы, был Альберто Рохас Хименес. Это — чудодей безумств, бредовых выдумок и бумажных птиц. Он написал прекрасные стихи, где всеми красками сиял необыкновенный талант. Богема разрушила этот талант, а потом сгубила и его самого. Стоило ему прийти на

студенческий вечер во Дворец изящных искусств, его, я помню, непременно просили что-то сказать, выкинуть что-нибудь этакое, ошарашивающее, или вспомнить о днях в Париже или о своем друге Неруде. Он вскакивал на стол, соглашался, но с одним условием — извольте бутылку вина.

Рохас Хименес совсем не похож на Пабло. Он был беспечным гулякой, истинным язычником, гедонистом, обожавшим хмельное вино, эпикурейцем во все дни и душой богемы во все ночи до рассветного часа. У него было то, чего недоставало остальным, — чувство театра, уменье превратить все вокруг себя в веселый спектакль, удивительный дар общения и целое море обаяния. Он был своим в любой таверне. Меланхолический Неруда тех лет видел в нем как бы оборотную сторону самого себя. Дьявольская веселость Рохаса Хименеса, несомненно, притягивала его и одновременно страшила. Перечитывая поэзию Неруды той поры — «Собранье сумерек и закатов», «Двадцать стихотворений о любви», «Восторженный пращник», — мы встречаем человека, склонного к грусти, но при этом его неотвратимо манит вакханальная безудержность. Быть может, из Темуко он привез эту вошедшую в плоть и кровь привычку: разделить с кем выпадет случай бутылку вина и самую скромную трапезу? Оттого и стал Рохас Хименес его Великим Искусителем, он склонял Неруду ко всем блаженствам рая и ада, призывал безбоязненно зажигать зеленый свет всем земным радостям. Орландо Ойярсун долго задавался вопросом: неужели Рохас Хименес оказал на Неруду такое сильное влияние, что тот взял и оставил Педагогический институт, чтобы посвятить себя литературе? Возможно, это влияние и сыграло свою роль, но вряд ли только этим можно объяснить поступок Неруды.

В эту разудалую компанию входил еще и художник Паскин, его настоящее имя и фамилия — Абелярдо Бустаманте. Вот кто бредил Парижем! Однажды по счастливой случайности — чего только жизнь не устроит! — ему свалился на голову билет первого класса на английский пароход, идущий рейсом в Лондон. Из самых благородных чувств Пасчин предложил Орландо Ойярсуну сменить билет на два билета третьего класса и вдвоем отправиться в Европу. Орландо Ойярсун с великой радостью согласился. И тут к нему примчался Рохас Хименес. Пустив в ход все свои чары, он стал вымаливать этот билет и приводил миллион доводов, чтобы разжалобить сердце Орландо. Добряк Орландо сдался… Все дружно отправились в Вальпараисо — и с ними Неруда — провожать двух приятелей, которые поплывут в Европу. Соило Эскобар стал их Вергилием и посвятил всю компанию в тайны ночной жизни порта Вальпараисо. Им бы не

видать ночлега, но на счастье, их приютил журналист Новоа — они спали у него на голых матрасах, прикрывшись ворохом газет. Утром вся братия явилась в Морское агентство — сменить один билет на два. Невозмутимый английский чиновник смешался, услышав такую странную, даже безрассудную просьбу. И поняв, что ему не унять отчаявшихся безумцев, призвал на помощь портовое начальство… Рохас Хименес, окинув быстрым и цепким взглядом просторный кабинет на втором этаже с окнами на площадь Сотомайора, сделал интенданту весьма красноречивое заявление: «Если вы ответите отказом, я не вернусь живым в Сантьяго и клятвенно обещаю выброситься прямо из этого окна». В половине второго пополудни оба путешественника прощально махали платками с палубы парохода.

Рохас Хименес был невысокого роста, «красавчик», как называл его Неруда, и в профиль напоминал Родольфо Валентино. В те годы «латинский роковой любовник» стал легендой, эталоном мужской красоты. Женщины буквально не давали проходу Рохасу Хименесу, но он не выказывал к ним особого интереса.

У Рохаса Хименеса есть замечательные стихи, к примеру «Письмо-океан». В этом путешествии, которое Рохасу Хименесу подарил художник Паскин, а точнее — в порыве великодушия преподнес мягкосердечный Орландо, родилась тоненькая, искрящаяся остроумием книга «Чилийцы в Париже». Должно быть, в Европе Рохас Хименес научился делать бумажных птиц, скорее всего перенял это искусство у Мигеля Унамуно. Просиживая ночи в своих излюбленных барах, он мастерил этих птиц и запускал ими поразительно метко в кого-нибудь из приятелей. Бывало, вконец истратившись, он попадал в тюрьму, а оттуда рассылал украшенные затейливыми рисунками письма, требуя-умоляя денег, помощи, свободы.

Однажды в «Постоялом дворе коррехидора» Рохас Хименес не смог расплатиться за ужин. Оставив в залог пальто и свитер, он вышел на улицу под проливной дождь в самый разгар зимы. И конечно, схватил воспаление легких… Хрупкий организм не выдержал болезни. Через несколько дней — это было в доме сестры в квартале Кинто Нормаль — на ночное бдение у его гроба собрались друзья. А утром, перед самым выносом гроба, в дом вошел незнакомый человек и, приблизившись к покойнику, пристальным взглядом уперся в его лицо. Через минуту-другую он вдруг взял и с ловкостью циркового акробата перепрыгнул через гроб и тут же, не сказав ни слова, удалился{37}. Все были ошарашены. Может, он сделал это на спор? А может, по чьему-то наущенью? Похороны были странными с самого начала и до

конца. На Сантьяго обрушился невиданный ливень. Провожавшие еле-еле перешли вброд реку Мапочо, которая грозила выйти из берегов. Висенте Уйдобро, бледный, как бумага, шагал под зонтиком, с которого текла в три ручья вода. На обратном пути кое-кто из друзей зашел в таверну «Забудь печаль». О смерти Рохаса Хименеса написали Пабло в Испанию, где он был консулом.

Неруда прочел письмо в Барселоне и отправился в собор Санта-Мария дель Мар. Там он зажег свечи на помин души умершего друга. А в Чили послал простой почтой стихотворение «Альберто Рохас Хименес пролетает».

Этот религиозный обряд во спасение заблудшей души великого грешника, которого ожидали самые страшные муки в глубинах ада, говорит о том, что поэт словно бы верил, что его друзья обретут прощение после смерти. Мария де ла Лус Урибе — она работала с Нерудой в 1964 году — слышала от него этот рассказ о свечах, зажженных в соборе Санта-Мария дель Мар. Ее брат, Армандо Урибе, чрезвычайно строгий к себе поэт, человек глубокого ума, просвещенный католик, не возжигал свечей, но очень долго был рядом с Нерудой и не расставался с его поэзией на чужбине.

26. Пабло де Рока

В голодные дни, когда хоть зубы клади на полку, время тянется дольше, чем Чили на географической карте. Узнав, что сын бросил учебу, Хосе дель Кармен пришел в неистовство и лишил его всякой денежной поддержки. Мами́ка тайком посылала немного денег — что могла — через Лауру. Поэт ласково называл в письмах сестру «кроликом», «крольком», «кролей», «кролюшей», «Лаурой-кролюшей» и писал ей: «Я в том возрасте, когда надо есть каждый день». Но скудные почтовые переводы истаивали в один миг. Сегодня что-то перепадало из еды, завтра — нет. Неруда и его приятели походили на героев произведений Кеведо и Сервантеса — студентов-пикаро. Полуживые от голода, они заявлялись в первоклассный ресторан на улице Сан-Антонио, который по чисто креольскому легкомыслию назывался «Китайцы из Токио». Улучив момент, когда рядом — никого, хватали со стола хлеб и, макая его в оливковое масло, в соль, в чесночный соус, заглатывали наспех, не прожевывая. По милости судьбы молодой официант вечно куда-то отлучался, так что несколько дней подряд они лихо проворачивали эту операцию. Но однажды он незаметно подошел к их столику и, коверкая слова на китайский манер — он был

китайцем, — проговорил: «Вас обслуживать запрещено». — «Это почему?» — «Вы съели все масло». Приятели не знали, что и придумать, чтобы не сводило кишки…

Однажды Пабло, подняв бровь, заявил друзьям, что, мол, без его финансовой смекалки они бы давно пропали. «Если б не эта голова — он ткнул в свою голову пальцем, — вы бы с голоду перемерли. Я один все устраиваю, думаю за всех, а к примеру от вас, Томас, помощи — почти никакой…» Самолюбивый Томас вскипел: «Тоже мне голова! Курам на смех. Вас только и хватает, чтобы гонять меня к Рудесиндо Ортеге — может, расщедрится на пять песо… Или вон пошлете Орландо продать затрепанные книги. Тут ума не надо!»

Изголодавшиеся поэты легко сходились со всяким сбродом. Их нередко принимали за нищих, да они, собственно, и были попрошайками. Лишь милосердные ночные подружки не брали с них денег… В общем, самые что ни на есть бездомные бродяги, бездельники, пропащие головы. Каждый божий день приятели должны были исхитриться и найти какую-то лазейку, чтобы без гроша в кармане раздобыть еду. По сути, они воплощали в себе давно известный и реальный в нашей истории тип молодого человека, в котором слились воедино студент и герой плутовского романа — пикаро, причем чаще всего это происходило от безвыходного положения, у них самих не было склонностей ни к плутовству, ни к попрошайничеству. Дон Кихот говорил, что нет более трудной победы, чем победа над самим собой. Однако преодолевать каждодневный лютый голод, должно быть, еще трудней? Ласарильо с Тормеса{38} и Гусман де Альфараче{39} поистине стали их собратьями, товарищами по несчастью…

И вот тут в жизнь наших друзей вторгается человек на десять лет старше, с властным, крутым характером. Он успел накопить немалый опыт в нелегком искусстве изворачиваться, жить без гроша за душой. Нисколько не интересуясь мнением своих новых знакомых, поправ все правила демократии, он объявил себя их вожаком. Его имя — Пабло де Рока, и он тоже поэт. Он издал книгу огромного формата, которая вызвала шумные споры и была беспощадно осмеяна критикой. Антиномия «поэзия — деньги» долгие годы составляла содержание его жизни. Пабло де Рока с пафосом относился к своей постоянной бедности, а когда ему везло, напивался и наедался до отвала. Каждое утро де Рока придумывал очередную хитрость, уловку, чтоб не лечь спать голодным. Он ходил по домам, предлагал свои книги. Клал все силы, чтобы продать плуги или что-нибудь еще для земледельцев. Разъезжая по провинциям, он ловил на удочку тщеславия

распухших в непомерном богатстве помещиков и подсовывал им картины якобы знаменитых художников — короче, не гнушался и подлогом. То ли герой, то ли антигерой, он в ежедневной борьбе за существование стал настоящим авантюристом. Ему удавалось выйти сухим из самых разных передряг. В тридцать лет он водит дружбу с двадцатилетними поэтами. Их сближает поэзия, нужда, яростное желание продержаться, устоять. Этот широкоплечий человек с густыми бакенбардами, которым мог бы позавидовать, скажем, статист из оперы «Кармен» (у него было лицо испанского конкистадора), ходил враскачку, точно медведь или орангутанг. Говорил требовательным, непреклонным голосом, и юноши по его приказу куда-то шли, просили взаймы денег, продавали книги, а то и обстряпывали какое-нибудь рискованное дельце. Многое в их жизни уже на грани человеческой порядочности и никак не совместимо с любовью к литературе, с пониманием чистосердечия, дружбы, солидарности. Эти молодые люди незаметно для себя стали некой сплоченной группой, в их поступках и в их сочинениях есть явный вызов буржуазной морали. Они бедны, но ума им не занимать… Все свои рискованные похождения друзья совершают в пределах Сантьяго. Что ни день, то беготня, они шныряют по улицам и закоулкам, им надо угодничать перед каждым, лишь бы не урчало от голода в животе. Удача — редкий случай. Куда чаще им отказывают, стыдят. Пабло и его товарищей мучает совесть. Попрошайничать, ползать на брюхе за кусок хлеба перед кем попало — разве не позорище? Как можно уважать самого себя? Где чувство собственного достоинства? Да, они пытались относиться ко всему проще, без предрассудков, но им уже невмоготу. Это не жизнь, от нее разит тухлятиной. У молодых людей растет желание порвать этот позорный союз, отречься от главаря. Но страшно! Он ими вертит как хочет. От его громового голоса, от его угроз у них мурашки по коже. Но все-таки они решают избавиться от рабства, восстать против диктатора… Всегдашнее место встречи с Пабло де Рока — ресторан «Геркулес». Ражий детина появляется в свой обычный час. А они приходят с пустыми руками. У всех виноватые лица. Вот-вот посыплется ругань. Заговорщики готовы дать ему отпор. Он требует от них отчета за день, а они не раздобыли ни единого сентаво. Он разражается грязной бранью. Юноши цепенеют, молчат. Как отважиться? Как поднять на него голос? Чего стоят все их планы-договоры? От досады, от злости на самих себя они вдруг набираются храбрости и с криками бегут за ним… в туалетную комнату. Вот там, среди едких стойких запахов, они вступают в открытый бой со своим врагом. Томас Лаго первым начинает атаку. За ним — Диего Муньос. Бунтари

берут на прицел растерявшегося деспота. Он орет как оглашенный, но деваться ему некуда. Со всех сторон на него летят тугие струи, пахнет отнюдь не порохом, а мочой. К бунту присоединяются остальные. Неруда что-то кричит. Он навсегда запомнил восстание в «Геркулесе». Шли годы, и Неруда стал рассказывать об этом с веселой усмешкой, хотя не забывал подчеркнуть, что они той ночью совершили ратный подвиг, отстаивая свою свободу.

Пабло де Рока — вожак голодного племени, человек резких крайностей и необузданных страстей — весьма сложная фигура в чилийской литературе. Он мечтал сделать своими учениками тех, кто был под его властью, стать главой поэтической школы. Его собственная поэзия — бесформенная лавина, нечто клокочущее, кипящее, напористое, еретическое, барочное. Насмешники подсчитывали, сколько килограмм в его увесистой огромной книге, которую он назвал «Стоны». Она и впрямь ошарашивала, но не только размером и весом. В ее бурлящей хаотичности было свое величие. Эта книга передает всю боль отчаявшегося человека. Де Року не назовешь последовательным участником революционного движения. Но к его чести, он никогда не был отступником. Этот человек был чужд аскетизма и любил жизнь чувственной любовью. Но она обрекала его на печальные и тягостные испытания. Пабло де Рока, которого природа не обделила юмором, шельмовал жизнь на все лады. Он швырял черный юмор полными горстями в лицо жизни, столь суровой и беспощадной. Да и где ему быть благодушным, умиротворенным, если не на что прокормить хрупкую здоровьем жену и целый выводок детей, а они появлялись на свет один за другим! Де Рока не выносил угодливых, подчеркнуто учтивых людей, но сам волей-неволей обхаживал каждого, кто готов был купить его сочинения или очередную подделку под картину знаменитого мастера. Скрепя сердце, он кланялся каждому заимодавцу.

Жизнь его была неустроенной, бурной. Она хлестала поэта по щекам, и он давал ей сдачу при первой возможности. Поливал ее грязью в своих книгах и при этом любил ее необоримой любовью.

Злополучный наставник нищих поэтов до конца своих дней не простил им бунта в ресторане «Геркулес» и постоянно обрушивался на них с яростными нападками. Он писал не только статьи, но и книги, полные злобной язвительности по отношению к Неруде. «Неруда и Я» — это нечто выходящее за пределы литературного соперничества. В этой книге обнажено необузданное, вернее, разнузданное честолюбие автора, который возомнил себя новым пророком.

Временами Пабло де Рока пишет жизнеутверждающие стихи,

выступает как сатирик, способный разглядеть комическое… Но в основе своей — он большой трагический поэт. Настолько трагический, что покончил с собой, когда решил, что ему нет места на земле.

Надо сказать, что Пабло де Рока не отрицал ценности человеческого бытия и не следовал идеям Маэзе Кабра{40}. Он пришел в жизнь не затем, чтобы стать главарем некоего братства мошенников, поэт оказался жертвой собственных иллюзий, уверовав, что в том неправедном мире, где он жил, можно любить одну поэзию, а деньги дозволено добывать и нечистыми способами, следуя примеру пресловутых пикаро или занимаясь всякими махинациями, которые, к слову сказать, ему не удавались и приносили жалкие гроши. Иногда он изображал из себя этакого громилу, дебошира, не сознавая, что времена этих героев давно миновали. Жизнь приучила его ловчить, пускать в глаза пыль, но по своей сути он не был прощелыгой, ни тем более равнодушным негодяем. Этот поэт бесновался, не зная края, когда желудок сводило от голода. Порой в своем негодовании он выглядел внушительно, иногда — жалко, а нередко его запальчивость казалась вздорной, безрассудной.

Он стал самым закоренелым и неотступным врагом Неруды… Этот поэт кеведовского склада{41} чуть что кидался в драку и тешил свою разгневанную душу отборной бранью. Часто в приступе ярости он совершал мрачные, карикатурно нелепые поступки. Однако этот оголтелый ругатель мечтал о «глубинной» революции, и, надеясь, что она избавит его от беспросветного отчаяния, крушил все подряд. А потом искренне страдал от оскорблений — мнимых и истинных. Неруду он всегда изображал своим злым гением, лютым зверем и целился в самое сердце его поэзии. Но не понимал, не хотел понять, что сердце нерудовской поэзии одето в прочную броню.

27. Девушка из Темуко

В мемуарах Неруды и прежде всего в его поэзии немало строк посвящено любви, любовным переживаниям. Эти строки выхватывают на миг, освещают, как огни рампы, то обширную, то заповедную территорию, то полускрытую полоску или уголок, давно запрятанный в чащобе интимной жизни поэта.

В раннем детстве он испытывал смутное волнение, испуг, когда две девчушки что-то рассматривали, расстегивая его одежду. А много позже он — молодой парень — прикорнул в стогу свежей соломы, когда над сжатым полем сгустились сумерки. В ночной темноте к нему бесшумно проскользнула

женщина и легла рядом… Пронизывающее до самой глуби блаженство… Тишина. Незнакомка исчезла в непроглядной тьме. А он так и не узнал — кто же подарил ему эту сладостную радость… Неодолимый зов плоти молниеносным ударом настигал поэта, и он всегда, неизменно шел ему навстречу.

Бывают любовные связи — бурные и недолгие. Бывает любовь, что с первых минут кажется единственной, решающей судьбу. Бывает и та великая любовь, что порой оборачивается великой ненавистью.

Неверный муж, успокаивая ревнивую жену, говорит: «Милая, не волнуйся. Ты для меня — прекрасная соборная церковь, а все остальное — так, церквушки».

У Неруды было великое множество «церквушек» и несколько «соборов». Некоторые «соборы», погруженные в бурные волны его поэзии, лишь теперь всплывают на поверхность.

Были еще и аэролиты, которые робко прочертили небо юного поэта. Звездочкой блеснуло имя Бланка… На сей раз поэт поначалу выступил в роли благородного Сирано де Бержерака{42}. А Роксаной стала Бланка Уилсон, дочь темукского кузнеца. Приятель Неруды влюбился в нее без памяти. Но по робости не мог признаться в этом — не находил слов. И не было под рукой письмовника для влюбленных, чтобы списать красивые слова. Зато был друг, и все знали, что он — поэт. Значит, ему не составит труда сочинить самое прочувствованное любовное послание! Неруда был поистине самоотверженным другом и к тому же обожал совать нос в сердечные тайны своих приятелей. В каждое письмо поэт вкладывал весь пыл своей души, мало заботясь о том, что не он поставит под ним подпись. Неруда с готовностью выручал своего незадачливого друга. Но шло время, и он уже чувствовал, что это его собственные признания в любви к Бланке. А девушка совершенно растерялась. Может, ей подсказывало чутье, что здесь какой-то подвох, а может, не верила, что ее обожатель способен на такие письма.

Неруда вспоминает, что однажды Бланка подошла к нему и спросила, не он ли автор этих писем.

> «У меня не хватило духу отречься от своих творений, и, сильно смутившись, я признался во всем. Тогда девушка протянула мне айву, которую я, конечно, не съел, а хранил дома, как драгоценное сокровище… И вот, вытеснив из сердца девушки своего приятеля, я по-прежнему писал ей любовные послания и в ответ неизменно получал айву».

Мальчиком он часто влюблялся. Порой его избранницы даже

не подозревали об этом. Долгие-долгие годы поэт хранил в душе память о платонической любви к девушке из семьи немецких переселенцев. Уже в зрелом возрасте он выразил пережитое в детстве чувство с каким-то проникновенным целомудрием:

К сестре пришла она в гости,
и, когда я открыл ей двери,
к нам солнце вошло, вошли звезды,
вошли две пшеничные косички,
вошли два бездонных глаза[17].

Героиня его детской влюбленности не могла и предположить, что ее прославят в стихах и удостоят таких высоких почестей. Неруда назвал посвященное ей стихотворение «Где теперь Гильермина?». А в просторном зале дома в Исла-Негра он поставил корабельный ростр — вырезанную из дерева женскую фигуру, и дал ей имя девушки, в которую был влюблен.

Сколько труда и сил положили усердные журналисты, чтобы выяснить, дознаться, кто эта неведомая Гильермина… После долгих стараний им, наконец, удалось ее отыскать. И вот перед ними смущенная пожилая женщина, вдова, у которой двое взрослых детей, внуки. Она не может скрыть изумления, узнав, что ей посвящены стихи. В ее чистосердечных, бесхитростных словах как бы вырисовываются картины далекого прошлого: «Да мало ли на свете Гильермин? Я всего несколько раз видела его у нашего дома, и мы словом не перемолвились». А под конец добавляет с милой непосредственностью: «Вот так в наше время ухаживали за девушками…»

Платонические увлечения поэта длились недолго. Его сердце тянется теперь не к весенним бутонам, а к спелой красоте. Он влюбляется в прекрасную вдову — Амалию Альвисио Эскалону, дочь американца и чилийки. После смерти мужа Амалия осталась одна с двумя детьми. По рассказам тех, кто ее знал, это была женщина редкой красоты — притягательной, чувственной. У Неруды, похоже, памятливое сердце. Лаура, его сестра, что жила в Темуко, получала от Пабло письма из Сантьяго, с острова Явы, из Коломбо, Рангуна, из Буэнос-Айреса. В этих письмах он непременно спрашивал о вдове, о прекрасной вдове из семьи богатых коммерсантов, которая оказалась совершенно недосягаемой для него. Судя по всему, она так и не ответила взаимностью настойчивому и восторженному поклоннику в длинном темном плаще, какие носили железнодорожники, и в стародавней шляпе с широкими полями. Поэт смолоду не был однолюбом, и тому наберется немало доказательств. Этот

меланхолический юноша стрелял глазами во все стороны и щедро расточал многозначительные улыбки.

Только ли двум возлюбленным посвящены «Двадцать стихотворений о любви»? Многие свято верят, что вполне достаточно двух — Альбертины и Терусы. Но прошли годы, и поэт, опьяненный сладостными воспоминаниями, вдруг раскрывает карты:

> «Весь Пуэрто-Сааведра полнился запахом моря и жимолости. За каждым домом виднелся сад с беседкой, и благоуханье цветущих вьюнков разливалось в безмолвном одиночестве прозрачных дней. Там меня внезапно пленили черные глаза Марии Пароди. Мы обменивались записочками, сложенными в несколько раз, и они незаметно исчезали в зажатой ладошке. Позже я посвятил ей Двенадцатое стихотворение из книги „Двадцать стихотворений о любви“. На всех страницах этой книги есть приметы Пуэрто-Сааведры — сосны, пристани и чайки, что бесконечно кружатся над водой…
>
> …Теперь-то я понимаю, что рассказывал всякую ерунду. Те книги, те кровли, те черные глаза — все это, должно быть, давно унес с собой ветер».

Позже возникает прекрасная троица — Мария Луиса Бомбаль и две ее сестры-близняшки. Они приезжали в Темуко на летние каникулы и приводили в смятение благонравных жителей своими дерзкими выходками. Все три были очень недурны собою, ходили с длинными распущенными волосами или вызывающе коротко стриженные à la garçonne[18]. Одевались по столичной моде, нередко щеголяли в парижских туалетах. Им до смерти нравилось выдавать себя за иностранок, а то и просто за полоумных. Впрочем, они и вытворяли бог знает что… С Пабло эти барышни познакомились в Сантьяго. Каждый раз по приезде в Темуко три сестры первым делом спешили к дому поэта и барабанили в дверь. Обычно им открывала донья Тринидад. При виде этих девиц с сомнительной репутацией достойная женщина пугалась и торопливым шепотом говорила: «Его нет…» Ей хотелось уберечь своего Пабло от дьявольского искуса.

Сестры разражались громким хохотом и уходили — чаще всего на главную площадь Темуко. А там резвились без удержу, привлекая внимание тихих провинциалов. Ели мороженое, танцевали чарльстон, во весь голос читали стихи, в общем, не унимались до тех пор, пока не приходил Пабло; он, скорее всего, был неравнодушен к одной из сестер — Лорето… Через много лет Пабло с Матильдой решили навестить ее в Винья-дель-Мар. У

Лорето была опухоль мозга. Пабло один вошел в комнату, где лежала больная. Ему хотелось немного развеселить несчастную Лорето, вспомнить об их проделках в Темуко. Он вышел от нее совершенно убитый. А вскоре Лорето умерла.

Самой большой любовью поэта, пока он жил в Темуко, была, без сомнения, Теруса. Этим именем он называет ее в «Мемориале Исла-Негра». В его памяти она осталась навсегда радостной, сияющей… Он восторгался ею: «Какая прелесть!» Было в ней что-то особое, притягательное, что обычно открывается взору влюбленного. Хотя в данном случае это открылось всем: в 1920 году девушка была выбрана королевой красоты на весенних празднествах в Темуко. Стихи Неруды в честь победительницы конкурса были удостоены премии. Значит, их сблизила поэзия! Теруса стала его музой: благодаря ей бурлило, кипело его поэтическое вдохновение, выплескивался поток образов, метафор… а иногда рождалась и проза, посвященная любви.

«Знай, женщина, теперь я, не любя, люблю тебя… Твоя любовь прошла сквозь все мои пределы, она глубже моих глубин. К моим губам поднесли бокал со сладостным, колдовским вином — вином любви», — говорит он Терусе в «той спасительной ладье».

Юношеская любовь в те времена, когда еще не забывали о поясе целомудрия. До нынешней сексуальной революции — целая вечность. Девушке не дозволено терять невинность, да и какой ужасный грех — прижить ребенка! Молодой Пабло говорит об этом иносказательно в своем прозаическом произведении «Перелистать страницу». «Необоримое желанье огромной волной вздымается над нашей жизнью. И гаснет, как волна. Как все это трагично! Сердцу моему, увы, не проникнуть пчелой в цветок раскрытый, и не отыскать своего гнезда перелетной птице. И мои губы не прижмутся к звонкому рожку, не зазвучит пастушья песнь».

Поэт называет себя Паоло. Что это? Тяга к таинственному или необходимость уйти в подполье, укрыть любовь от чужих глаз? Итальянское имя Паоло станет впоследствии испанским Пабло. Причем под влиянием… Д'Аннунцио.

«А уходя, я написал на влажном песке наши имена. Вот такими крупными буквами, смотри: ПАОЛО и ТЕРЕСА». А дальше Неруда добавляет: «Буквы, что остались на песке у моря, красивее этих».

Имя Паоло возникнет под влиянием трагической истории двух молодых людей, сокрушенных исступленной страстью… Мне однажды довелось исходить вдоль и поперек Римини — знаменитые подмостки роковой любовной бури. Этот город-порт,

но уже времен Муссолини, появится в «Амаркорде»; там, в этом городе, по воле волшебного ока Федерико Феллини{43} оживут фантастические картины-сновиденья его детства.

Феллини, как и наш поэт, сумел показать, с каким мучительным отчаянием, с какой безудержной силой и неизъяснимым ликованием пробуждаются от дремы эротические чувства у подростка… Но Неруда в те далекие годы тяготел к классической литературе, к ее персонажам. В стихотворении «Ivresse»[19] он — Паоло, она — Франческа.

> Во мне сегодня пляшет страсть Паоло
> И замирает сердце, опьяневшее от радостной мечты,
> Сегодня — вольный, одинокий средь лепестков
> цветущей вечно маргаритки, — познал я счастье.
> О женщина — плоть и мечта! — приди и зачаруй меня.
> Пусть на мою тропу прольются твои солнечные чаши
> и пусть в ладье моей трепещут твои груди,
> безумные от молодости пьяной.

Два этих литературных персонажа помогают молодому поэту перенестись в другое временное измерение, передать пыл любовных чувств. В ту пору его влекло к книжным сюжетам. Он пытался подражать им в собственной жизни, жаждал пережить такую же сильную любовь, как его трагические герои. Но дело не в одной экзальтации, вызванной литературным произведением. Главное тут — зов плоти, неугасимый жар крови, что течет в жилах поэта, а не огонь, заимствованный из чужих строк. Да и невозможно уподобить его отношения с Терусой тем страданиям, через которые прошли Паоло и Франческа в XIII веке! Наш поэт и его подруга скорее уж сверстники Ромео и Джульеты, но мало что общего у будничного, мокнущего под дождем Темуко с залитой солнцем Вероной. Неруда возносит свои чувства на небывалую высоту, но они отнюдь не слепок с шекспировских страстей.

Поэт усмотрел свое сходство с Паоло Малатестой, влюбленным в свояченицу Франческу де Полентини, вовсе не на страницах «Божественной комедии», где эта молодая пара обречена на адские муки за преступную любовь, а в «Гимне крови и сладострастию» Габриэля Д'Аннунцио{44}. Этот поэт, дерзко обнажавший все самое сокровенное, настолько поразил воображение молодой Габриэлы Мистраль, что она сделала его имя своим псевдонимом. И добавила к этому имени фамилию провансальского поэта Фредерика Мистраля. На какое-то время этот великий шарлатан Д'Аннунцио захватил и Неруду.

28. Женщины и посвященные им стихи

Целая армия людей — критики, академики, университетские профессора, как весьма сведущие, так и несведущие, дилетанты, экзегеты, картографы поэзии, структуралисты, импрессионисты, «водолазы», спускающиеся на самое дно неразгаданных тайн, новые Шампольоны, упорно расшифровывающие письмена на своих розеттских камнях, составители подробных «навигационных карт» и «аэрофотограметрических планов» — кладут все силы, чтобы разобраться досконально, миллиметр за миллиметром, во всех загадках атласа поэзии и языка Неруды.

Самые дотошные, настойчивые, те, что вторглись в заповедные глубины и обшарили все закоулки, достигли определенных результатов. И хотя многое, что является подосновой, подтекстом нерудовской поэзии, по сей день — область неведомого, мы уже располагаем несомненно ценными находками, которые не только открыли нам имена и лики тех женщин, что стали музами поэта, но и помогли узнать, кому из них посвящено то или иное стихотворение.

Много стихотворений в книге «Двадцать стихотворений о любви» адресованы Терусе. Третье: «На устах у любви твой голос влажнеет, крошится / в час, когда вечер гулкий катится в пустоту!»[20]. Четвертое: «Распадается ворох лиственных поцелуев / у входа в обитель ветра летним ненастным днем»[21]. Седьмое: «Склонившись над вечерами, я грустные сети забросил / в твои зрачки-океаны, в глухую их глубину»[22]. Восьмое: «Звенишь пчелою белой, от меда охмелев, / в моей душе — и вьешься в тягучих струях дыма»[23]. Одиннадцатое: «Ты жаждой меня спалила. И значит, пора пришла / новым путем пойти, улыбок твоих избегая»[24]. Двенадцатое: «И разлукой горбишь горизонт, / вечная волна в кочевье сонном»[25]. Четырнадцатое: «Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет / с дикой вишней в лесу»[26]. Семнадцатое: «Думаю, хороню фонари в глухомани. / А ты — ответь мне: кто ты?»[27].

Фамилия девушки вовсе не Васкес Леон, как принято считать, и не Леон Васкес… Теруса проводила лето со своими родителями в Пуэрто-Сааведре, где широкий морской берег всегда окутан «тишиной одиночества и грусти». Рейесы тоже приезжали туда в летние месяцы и жили обычно в доме, который занимала семья Пачеко. Поэт изобретал для своей возлюбленной самые разные имена. (Он всю жизнь был удивительным выдумщиком имен и прозвищ.) Она — Теруса, Марисоль… Обратите внимание на имя Марисоль — море и солнце! Молодой человек, склонный к печальным раздумьям, видел в этой притягательной девушке

воплощение всего, что противоположно его натуре. Она — «веселое тело», «темнокрылая нежная бабочка, / совершенная, как налитые колосья, как солнце, / как алые маки и чистый родник».

Но заметьте: другую любовь своей юности он назовет не «Марисоль», а «Марисомбра» — море и сумрак. Во всех придуманных именах был глубокий смысл.

Терусе посвящены стихи, что вошли в «Собранье сумерек и закатов», в «Восторженного пращника», в «Двадцать стихотворений о любви», а также и те, что долгое время оставались неопубликованными. К ней поэт обращается в своей знаменитой «Песни отчаяния».

«Она легла моей тропою на земле… / в час поцелуев / мы были виноградной гроздью и жадным ртом… / Пусть о любви моей безмерной ей бог расскажет». В честь Терусы написана «История безумного принца» — стихотворение, оставшееся незаконченным: «И от любви, не встретившей любви ответной, / принц впал в безумство». В «Альбоме для Терусы. 1923 год» есть два стихотворения: «Речной порт» и «Едва задумаюсь, что умереть должна и ты…».

> Едва задумаюсь, что умереть должна и ты —
> на миг с тобой расстаться не могу:
> повелевает сердце быть возле тебя!
> Ну почему должна ты умереть? Неужто ты умрешь?
> Глаза твои закроют, руки сложат,
> как матери моей в гробу сложили,
> и в путь отправишься, в неведомую глубь,
> которая неведома и мне, познавшему твою любовь.

Неруду нередко одолевают мысли о матери, о ее ранней смерти, и он невольно переносит их на Терусу. Быть может, безмерная, безоглядная страсть сумеет обмануть, побороть смерть? «Тобой овладеть я жажду, / чтоб ты во мне длилась вовеки… / вспыхни огнем разметным, / вырви меня из тьмы». Это к Терусе взывает поэт в стихотворении «Любовь моя, не умирай, не уходи». К ней обращены его слова в «Южном береге» и в «Двадцати стихотворениях о любви». Неруда не разлучается со своей возлюбленной в «Восторженном пращнике». Его преследуют ночные виденья и необоримое желанье: «Это — как наважденье, / когда она в сердце вонзает / взор своих глаз, / трауром омраченных»[28]. Поэт вырезает ее имя на стволах деревьев, он становится вольным, неудержимым ветром… Она должна одарить его всем. А он — желать ее, взять ее, укрыться в ней… «Наполнись мной, / испей меня, желай меня, испепели меня, / не

отдавай меня, сокрой меня!» «Я тебе — что парусу ветры, ты — зерно в моей борозде», — говорит Неруда в «Гимне Мужчине и Женщине».

В день своего пятидесятилетия Неруда сказал собравшейся публике, которая слушала его, затаив дыханье:

> «Я обещал вам пояснить подробно каждое свое стихотворение о любви. Но забыл, что прошло столько лет. Нет, ничего не стерлось в моей памяти… Но рассудите сами, что́ дадут вам имена, если я назову их? Что добавится к моим словам о черных косах на закате или о расширенных горячих глазах под дождем, если я скажу, в какой это было час, месяц? Поверьте! У меня нет ни одного неискреннего слова о любви. Я бы не мог написать ни единой строки, поступившись правдой».

В «Двадцати стихотворениях о любви» воспеты две возлюбленные Неруды, оставившие глубокий след в его сердце. Одна — любовь его юности, прошедшей в провинции. Другая — любовь, которую он встретил в лабиринтах столицы. Девушка из Темуко. И девушка из Сантьяго.

29. Обжигающее пламя пыльцы

Порой он называет девушку из Темуко привычным для влюбленных словом «куколка». Но в Терусе — звонкое пенье рек. Ее талия соткана из тумана. Ее образ гармонично вписан в морской пейзаж: «О сосновые дали, шум опадающих волн…». В Четвертом стихотворении перед нами «раннее утро, набухшее бурей, в самый разгар лета». У Неруды несколько иное представление об Утраченном времени, нежели у Пруста:

> Мы потеряли закатный сумрак: никто
> не увидел наших сплетенных пальцев,
> когда над землей густела синяя полутьма.

Возлюбленная поэта неотделима от южной природы Чили, от моря, от предчувствия скорой разлуки:

> Как сосна и мачта на ветру,
> ты напевом достигаешь дали.
> Твоя стать от них и грусть от них.
> Ты — как боль прощанья на причале[29].

Теруса невольно оказалась причастной к литературному скандалу, который разгорелся из-за Шестнадцатого стихотворения. Я расскажу об этом позже, поскольку волей случая связан с этой историей.

Девушка из Темуко — смуглая, быстрая, гибкая. Она — полная противоположность поэту, всегда задумчивому, медлительному. Но он стремится всей душой к этой девушке, играющей с солнцем, хотя ему по нраву сумерки. Поэта мучает мысль, как они несхожи друг с другом.

> Девочка, смуглый ветер, ничто меня не сближает
> с тобой, — все отдаляет, как тяжкие облака.
> Слепая юность пчелы в теле твоем смешалась
> с опьяненьем волны и упругостью колоска[30].

Терусе посвящено и знаменитое Двадцатое стихотворение, которое стало hit parade[31] сотен и сотен чтецов-декламаторов:

> Я волен сегодня ночью стихи доверить печали.
> Могу написать к примеру, вызвездило небосвод,
> и дрожат голубые в дальней дали планеты[32].

А заключительные строки — прощальные — стали уже классикой:

> Я разлюбил, все верно. Но я и люблю, наверно.
> Так коротка любовь, так долог путь в забытье.
>
> Ведь я обнимал ее точно такой же ночью.
> Не согласится никак душа с потерей своей.
> Хоть эта боль и последняя, которой она меня ранит.
> И эти строки последние из тех, что пишу я ей[33].

Живя в Сантьяго, поэт не забывает Терусу. Она вдохновила его на знаменитую «Песню отчаяния», которую знают наизусть, декламируют везде и всюду. В пятьдесят лет Неруда написал:

> «Пристани в моей „Песни отчаяния“ — это старые пристани Карауэ и Нижнего Империяля. Обломанные доски обветшалого настила похожи на страшные культи, о которые бьется, плещет вода сильной реки… Я лежал на узкой палубе пароходика, что курсирует между

> Карауэ и Пуэрто-Сааведрой. Сердце мое сжималось от любви, от воспоминаний… С другого конца палубы неслись звуки аккордеона. Нет, аккордеон не литературная выдумка, я ничего не приукрашиваю… Впервые я услышал его прочувствованный голос на реке Имперьяль…»

Неруда пишет Терусе из Сантьяго с 1922 года по 1924-й. Его письма, словно короткие вспышки света, озаряют не только радостное начало их любви, но и то, что заботило, печалило возлюбленных. «Помнишь, как вечерами, в „биографо“, мы неотрывно смотрели друг на друга? Я еще не сказал тебе ни единого слова, но был счастлив, как никто!» Милые далекие времена, когда чилийцы называли кинотеатры — «биографо»… Через несколько дней — новое письмо: «Уже осень. А ты прекрасна и радостна, как та весна, когда я научился тебя любить».

На другой год Неруда часто пишет о приступах тоски. «Как сладостно и чудесно получать из далекой дали письма от тебя, моя дорогая, и снова любить жизнь, снова испытывать радость!» — восклицает поэт, которому чудится, что он брошен в темный колодец одиночества. Два дня подряд льет дождь в Сантьяго, и Неруда тоскует по вечным дождям в Темуко. «Люби меня, моя маленькая!» Он чуть ли не с гордостью говорит о своем мрачном настроении: «Ты — царица Весны, а я — царь Осени и Зимы. Мое царство несравненно больше твоего». Поэт посылает Терусе свою фотографию, где виден любимый уголок его комнаты.

> «Уже совсем поздно. Я только что пришел. Я бы отдал все на свете, чтобы быть с тобой в эту звездную ночь! Что ты поделываешь? Я работаю. Послать тебе мою фотографию или нет? Она очень неудачная. Ты мне напишешь? Ты меня не разлюбишь? До завтра. Целую. Один раз, два, три, четыре и еще, и еще…»

Поэт делает для нее забавные рисунки. На одном — бегун мартышка по имени Пепе. Ему приказано доставить Терусе много-много ласки. Пепе повинуется поэту во всем. Неруда — ревнив. Он пишет, что Пепе превосходный танцор.

> «По воскресеньям в International Tennis Club он без труда заткнет за пояс любого красавчика, который рвется танцевать с тобой „шимми“, чтоб поскорее заключить тебя в объятья».

Влюбленных разделяет не только расстояние, но и неравное положение в обществе. Двадцатилетний поэт спрашивает свою любимую: «Скажи, ты хоть раз подумала обо всем, что так терзает мое сердце? И хоть на минуту, беззаботная сеньорита, ты озаботилась, взгрустнула о покинутом тобой друге, который тебя безумно любит?»

Беззаботная сеньорита! В другом письме — оно написано в 1924 году — он говорит: «Какая даль легла между нами! Правда? Или мне только кажется?»

Одно из последних писем пронизано безысходностью, как Двадцатое стихотворение и «Песня отчаянья»: «Нет, я больше не могу тебе писать. Печаль сжимает мое сердце. Неужели все кончено? Моя андалусочка, скажи, что нет, нет, нет!»

«Андалусочка» (Неруда называет ее так, потому что однажды она пришла в андалусском наряде), видимо, не говорит «нет» и не говорит «да», должно быть, готова сказать «нет», но боится прямого ответа. Вскоре мы поймем — почему… В стихотворении «Любовь моя — Теруса. I», которым открывается поэтический цикл «Луна в лабиринте», поэт задается вопросом:

Так где ж покоится
та давняя любовь?
Она теперь —
могила птицы, иль капля
кварца черного,
или обломок
дерева, источенный дождем?

А следом еще и еще вопросы, в которых все явственнее звучат нотки отчаяния. Что станет с телом, которое светилось, как Луна, с ладонями, вобравшими прозрачность? С широко раскрытыми глазами, где затвердевала ночная тьма? Поэт спрашивает, как умирает любовь, где девушка, владевшая его мечтами: «Куда ты умирать уходишь, скажи, любовь? / К стогам далеким, к навсегда увядшим розам?» Сколько печали, нежности в этих поисках былого чувства, которое нарушило одиночество юного поэта! Осыпалась, увяла так расточительно цветущая огромная фиалка. Но не забыть бессчетных поцелуев, что поднимались по волшебной коже… Теруса — черная искра, первой болью пронзившая сердце, лиловая птица первой бездны. И не в спальне свершалось таинство любви, а среди ветвей душистого миндаля, под обжигающей цветочной пыльцой, в густых зарослях дрока, в заповедных владеньях мха… Должно быть, все так и было, как об этом шепчет в стихах поэт.

Теруса — воплощенная краса его родных краев. Она явилась из чащоб сельвы, из царства корней, где вспыхивает мята, где падают обвальной гривой папоротники, где вечно увлажнен лобок земли. Любовь Терусы вдохнула новую жизнь в юного Неруду. Для него это чувство — вихрь, срывавший листья, которые ложились на истомленную жаждой кожу… Мне очень редко доводилось читать стихи, исполненные такой верностью к ушедшей любви. «Теруса, неизбывная, даже теперь, в забвеньи».

Они виделись в Темуко, а с наступлением летних каникул — в Пуэрто-Сааведре. Возможно, девушке случилось кого-то встретить в Сантьяго. Поэт вдруг заметил, что она к нему охладела. Он молит ее снова посидеть с ним рядом на траве. «Мне кажется, что весь твой облик изменился… / Ну где глаза твои? / Зачем, прищурившись, ты на меня глядишь, / коль знаешь — я все тот же! / Где обитает тело золотистое твое? / И почему навстречу рук не раскрываешь? / Что стало с их свечением жасминным?»

Он умоляет ее вернуть прошлое. Но нет! Напрасно! Он уговаривает девушку быть такой, как прежде, среди цветущих кустов жимолости, у «янтарного кресла» в разливе лунном. Но нет! Поэт заклинает Терусу вновь стать такой же лучистой, как на фотографии, и так же неотрывно смотреть ему в глаза, пока он — влюбленный юноша — не обретет себя, не станет прежним, каким казался ей, когда она его любила.

Фотографии, упомянутые Нерудой в его стихах, сослужили свою службу. Вот передо мной снимок, сделанный фотографом на главной площади Темуко. По времени он соответствует бурному роману Неруды с Терусой. На снимке девушка сидит рядом с матерью и своим отчимом. У нее и впрямь каскад черных как смоль волос и большие завораживающие глаза. В ней есть что-то порывистое, танцующее, словно из души ее плещет безмятежная радость.

Да, поэту казалось, будто от Терусы исходят животворящие токи. Ее удивительная красота — словно вдохновение среди грохота поездов, что несутся сквозь зиму. Она — единственное пристанище его восторгов на пустынной карте Одиночества. Его первая большая любовь.

30. Могила птиц

Шестьдесят лет отделяет нас от той пылкой любви. Срок более чем достаточный, чтоб лишить юридической силы запреты — рассказывать, говорить… Время открывает любой архив. Почти все главные действующие лица ушли из жизни. Новое поколение родичей Терусы превратило эту любовь в неотъемлемую часть своей фамильной хроники. И пока росла слава, росла популярность поэта, история этой любви становилась все более красочной, зримой, и наконец печать безмолвия была сломлена. О любви тети Тересы заговорили дальние и близкие родственники, заговорили со всей непринужденностью, с гордостью и даже порицая в какой-то мере социальные предрассудки былой поры.

1971 год. Чилийское посольство в Париже. Неруда с какой-то особой улыбкой на чуть дрогнувшем лице — будто пробежали отсветы воспоминаний о далекой сердечной тайне — представил мне человека лет сорока приятной наружности. Я знал, что это наш видный экономист из Центрального банка, что он приехал в составе экономической делегации, посланной президентом Сальвадором Альенде в Парижский клуб{45} для пересмотра вопроса о внешней задолженности Чили. Неруда как посол возглавлял эту делегацию. Поэту оставалось лишь посмеиваться над собой, памятуя о своих сложных отношениях с цифрами. Он, понятно, не разбирался в финансовых премудростях. Однако политическая сторона этого дела была ему совершенно ясна.

Итак, среди чилийских экспертов, что умело вели свой корабль, минуя все подводные камни и рифы, сложенные из астрономических цифр, оказался человек, которого Неруда представил мне весьма кратко — племянник Тересы Васкес. Тот улыбнулся, видимо удивленный, что Неруда в столь официальной обстановке отметил лишь его родство с Тересой… Из немногого, о чем он со мной поделился, я понял, что любовь Тересы и Неруды стала семейной гордостью, и никто из родных теперь не считал нужным об этом умалчивать.

Спустя время появилась более словоохотливая племянница. 15 августа 1982 года она поместила в приложении «Буэн Доминго» письмо, в котором было много новых подробностей о первой любви Пабло Неруды.

Теперь о том, о чем попутно уже говорилось… Поэт, сменивший свое имя и фамилию на Пабло Неруда, оформил это официальным актом лишь в зрелом возрасте. Новая фамилия возникла и у Тересы, его возлюбленной номер один (по

хронологическому принципу). Она — не Тереса Васкес, а Тереса Леон Беттиенс. Нет, это вовсе не литературный псевдоним. Просто ее мать вышла замуж во второй раз и захотела, чтобы ее дети получили фамилию ее нового мужа. Семья Тересы принадлежала, скажем так, к высшему обществу Темуко. Полудикий маленький городок, о котором пишет Неруда, вспоминая годы своего детства, скоропалительно утратил все свои демократические черты.

В городке-лагере на всех парах шло классовое расслоение. Семья Рейес оказалась в низах, стало быть, без права доступа в «благородное общество». Семья Леон попала наверх — в высшие слои. Племянница Тересы — Роса Леон Миллер (она опубликовала свою статью, уже будучи заместителем директора французской школы в районе Сан-Мигель, в Сантьяго) убедительно показала, какую фатальную роль сыграли социальные предрассудки в отношениях Пабло и Тересы.

> «Моя тетя много раз мне рассказывала, почему все кончилось разрывом. Да и в моей семье нередко возникали разговоры на эту тему. Причина ясна: родители Тересы открыто воспротивились ее дружбе с молодым человеком из безвестной семьи. Родные поэта не были приняты в их кругу, да и он сам — тоже. Словом, девушке запретили с ним встречаться. Вдобавок ко всему его прозвали Хоте — за темный длинный плащ и широкополую шляпу…»

Хоте, как мы уже знаем, — оскорбительное прозвище, его, как правило, давали железнодорожникам, поэтам, художникам… Некоторые вольнодумцы награждали этим унизительным прозвищем священников… Словом, темукское общество не желало знаться с Нерудой: ведь он поэт и к тому же человек без средств. Открытая неприязнь, выказанная молодому поэту, безусловно, повлияла и на Тересу. Но так или иначе в ее сердце навсегда осталась эта первая любовь, перед которой оказалось бессильным «вероломство безграничного забвенья». Пабло стал неотъемлемой частью жизни Тересы, и она, несомненно, страдала от порушенной любви. От любви, что озарила ярким сияньем «весь мир и сизое детство» поэта и навечно сохранилась в его памяти. Может, ее боль — запоздалое раскаяние, и оно пришло к ней, когда стала восходить звезда нерудовской славы? Как знать… Однако, что ни говори, Тереса бережно хранила каждую записку, письмо, рисунок — словом, все, что возвращало ее во времена, наполненные ароматом цветущих апельсиновых рощ. Она часами листала страницы пухлых альбомов со множеством

фотографий и писем, подписанных самыми разными псевдонимами, и в ее огромных глазах, столько раз воспетых поэтом, всплывала печаль. Юный Неруда скрывался под псевдонимом не только от собственного отца, но и от родственников любимой девушки, которые глумились над безродными кавалерами, над презренными «хоте». Племянница Тересы хорошо помнит один альбом, обтянутый светлой кожей, с листами плотного картона — желтого, розового и светло-зеленого цветов. В самом низу одного из листов были те памятные слова, обведенные квадратной рамкой, которые поэт когда-то вычертил на морском берегу в Пуэрто-Сааведре: «А уходя, я написал на влажном песке наши имена — ПАОЛО и ТЕРЕСА».

Но вряд ли Тереса была тихой овечкой, безропотно повиновавшейся законам своей касты! Сохранилась фотография, где девушка стоит в костюме индианки мапуче. Если бы в андалусском — другое дело. Андалусское, цыганское было уже дозволено и воспринималось как некая экзотика в духе Мериме. А вот подражать индейцам — это не просто «полная безвкусица», это уже проступок, нарушающий законы белой расы. Появиться в наряде индианки, надеть на лоб индейские украшения — все равно что перейти в стан извечного врага. Словом, это дерзкая выходка… Да, любовь с поэтом — явный вызов всему темукскому обществу. Решиться на такую любовь и не скрывать ее — куда труднее и опаснее, чем надеть смелый маскарадный костюм…

Душу темукской красавицы, скорее всего, долго жгла незаживающая рана любви, вспыхнувшей в краю, где «вода бежит и бежит из-под дрожащих ресниц неба», любви, которую Неруда сделал достоянием мировой литературы. Ну как по-другому объяснить, почему эта очаровательная, жизнерадостная женщина, окруженная толпой поклонников, оставалась незамужней многие годы?

Лишь четверть века спустя она обвенчалась с человеком на двадцать лет моложе ее! Он был шофером и прекрасно разбирался в пишущих машинках. Ее победительная красота не угасла и в сорок пять лет — Тереса оставалась все такой же прелестной. Она умерла чуть раньше Неруды, в 1972 году, в доме своей племянницы в Сантьяго, на улице Сан-Николас.

«Луна в лабиринте» как бы продолжает традицию ронсаровских сонетов о прекрасной Елене (ностальгия по утраченной красоте), но, хотя Неруда еще более драматичен, это все же не элегические стихи об ушедшей возлюбленной или, скажем, о том, что ее обезобразило всесокрушительное время. Это песнь о порушенной любви, о страждущем неостывшем пепле, который жжет сердце. Страстная любовь не захоронена на

кладбище чувств, она — в могиле птицы, в осколке черного кварца, в маленьком обломке дерева, источенного дождем. И такой любви не страшно вступить в единоборство со Временем.

31. Девушка из Сантьяго

Сорок лет подряд я присматривался к ней и так и эдак, задавая себе один и тот же нелепый вопрос, хотя ответ уже давно содержится в словах: «разум сердца не уразуметь». Да и вообще, оценивать вкусы поэта — занятие малодостойное.

В жизни Неруды настало время Марисомбры — его любви в Сантьяго. Время Альбертины Росы Асокар. Я познакомился с Альбертиной, когда все уже было позади… Неруда вернулся с Востока и привез оттуда свою первую жену — Марию Антониэту Ахенаар. Альбертина встречалась с молодоженами в разных домах Сантьяго и была, как и прежде, молчаливой, отрешенной от всего. Ее задумчивые дремные глаза лишь изредка веселели. Но она, думаю, умела и смотреть и видеть. В долгий период царствования Мураши — все еще блистательной Делии дель Карриль — Альбертина была ее верной и на редкость неразговорчивой подругой. Она оказалась в числе «приближенных» Делии, «при ее дворе». И подумать! Никто словом не обмолвился ни в тридцатые, ни в сороковые годы о долгом любовном романе, который был в прошлом у Альбертины с хозяином дома! Удивительно: в той обстановке, когда говорилось откровенно обо всем и обо всех, а уж о сердечных делах — тем более… В общем, я, вошедший в этот дружеский круг несколько позже других, длительное время, как наивный дурачок, думать не думал, что именно Альбертина, женщина, способная молчать часами, когда-то воспламенила сердце Неруды; что ей — кто мог подозревать! — посвящены те самые стихотворения из книги «Двадцать стихотворений о любви», которые я знал наизусть; что Альбертина, которая тихим голосом, подчеркнуто любезным, нередко говорила со мной о каких-то самых обыденных вещах, была музой Неруды, вдохновила его на такие прекрасные стихи.

Это потом нагрянули всякого рода знатоки, взломщики запертых спален, шпионы, агенты — любители любовных ретроспектив… В общем, я с большим опозданием узнал, что Альбертина, моя молчаливая приятельница, порой соседка по столу, — та самая девушка в сером берете из знаменитого стихотворения, что по памяти читали тысячи и тысячи людей, включая меня, отдаленно не предполагая, ни кто она, ни как ее зовут.

Альбертина была старше Пабло всего на год. А когда они, студенты отделения французского языка Педагогического института, встретились впервые, ни ему, ни ей еще не было и двадцати.

Итак, узнав обо всем, я стал смотреть на Альбертину другими глазами. Выходит — она! Поначалу мне это показалось невероятным, но потом я многое понял и оценил по достоинству. Глядя на Альбертину — признаюсь! — я старался представить, что успело с ней сделать время, наш самый беспощадный враг… В те давние годы Неруду мучило то, что его страсть нередко оставалась неразделенной… Да еще этот проклятый социальный барьер между ним и Марисоль. Для девушки из Темуко любовь, видимо, была еще и сложной, прихотливой игрой: волна накатывает и тут же стремительно отступает. Любовь с девушкой из Сантьяго тоже оказалась нелегкой, но она дарила ощущение полноты жизни… Да, к чему сомнения! Передо мной она — та самая девушка, нежная целительница Альбертина. Я и сейчас могу прочесть наизусть строки о ней:

> Женское тело, белые дюны, белые бедра,
> в своей податливости ты как пашня весной.
> Тело мое, как пахарь грубый, в тебя зарылось,
> и сын на свет выносится из глуби земной[34].

Лицо Альбертины светилось, «как угасающий закат». Неруда, стало быть, любил не только «закаты на Марури»… В доме Пабло идет общая оживленная беседа. Поэт вроде бы намеренно не смотрит в сторону Альбертины, он словно «повернулся спиной к прошлому». А она — повторюсь, — как всегда, обменивается со мной двумя-тремя фразами и умолкает. Да… Неруда при всем его безудержном воображении, безусловно, строгий реалист. Теперь, зная, что к чему, я сравниваю стихи, посвященные Альбертине, с ней самой. С той, что была «моделью художника». «Подруга моя, ты застыла, молчанье храня… отрешенная». Все сходится.

Один из самых прекрасных гимнов молчанию — это, несомненно, прославленное Пятнадцатое стихотворение — «Люблю, когда ты молчишь…»:

> Поскольку все вещи в мире полны моею душою, —
> ты брезжишь из всех вещей, душою моей полна,
> бабочка полусна, ты с душою моею схожа,
> схожа со словом «грусть», бабочка полусна[35].

Прекрасный психологический портрет — он отражает глубинную суть его возлюбленной. В стихотворении сначала говорит сам поэт. Но потом он передает слова своей любимой: «Мои слова удаляются, / уже слова мои стали твоими»[36].

У нее белые руки, нежные, как виноградная кисть… Поэт помечает «огненными крестами… белую карту» ее тела. Он рассказывает своей подруге про лебедя, придумывает разные истории, чтоб развеять ее грусть. Она — пуглива, но страстно отдается его ласкам, и он хочет восславить ее, «петь, пылать, лететь… как набат, творимый рукой безумца…»[37].

Альбертина приходит в дом Неруды вместе со своим братом — Рубеном. На нерудовских тертулиях, как правило, много гостей, и среди них выделяется Анхель Кручага — всеобщий любимец. Он старше других и всегда ровен, приветлив со всеми. Анхель Кручага — поэт, но его голос слышен лишь тогда, когда рекой течет вино. Нередко он читает стихи, сложенные в честь кого-нибудь из друзей. У него особая манера чтения: голова низко опущена, близорукие глаза прикрыты… и будто из его глубин вырывается клокочущая лава поэзии — пантеистической, религиозной, мирской. Анхель Кручага — крупный чилийский поэт; одно время он писал стихи мистического характера, видимо потому, что, влюбляясь в женщин, он каждый раз творил из них недоступных богинь. Я не раз слышал от Висенте Уйдобро (он одного поколения с Анхелем Кручагой Санта-Мария), что Анхелито — так он его называл — испытывал мистическую любовь к тогдашней своей жене — горделивой Мануэлите Порталес. Прошло время, и он полюбил вполне земной любовью женщину, которую в былые годы любил Неруда. Спустя год-другой Анхель Кручага женился на Альбертине. Странно, но и Марисомбра и Марисоль вышли замуж через много лет после того, как оборвались их любовные отношения с Нерудой. Что за этим стоит? Что заставило обеих женщин так медлить, тянуть время, прежде чем сделать решительный шаг? Неугасшее чувство? Живая рана? Надежды? Неруда, похоже, был рад, что эти две женщины, уже далеко не первой молодости, устроили наконец свою жизнь. Когда наш поэт получил Национальную литературную премию, он отдал часть денежной суммы Анхелю Кручаге.

Анхель Кручага происходил из обедневшей аристократической семьи, где все были ревностными католиками. Обычно малоимущие люди «благородного происхождения» уповают на служебную карьеру. Анхель Кручага довольно долго, но безуспешно занимал разные административные должности, не имевшие ничего общего с его поэтическим призванием. Позже

ему все-таки удалось совместить чиновную службу со своими творческими интересами. Он стал директором Дома культуры в городе Нуньоа. Лицом Анхель напоминал доброго епископа, и ему — неисправимому романтику — надлежало родиться веком раньше. Его первый поэтический сборник, «Сложенные руки», по сути — элегическая лирика. Она навеяна смятением и тоской по любимой девушке, которая умерла. К тому же Анхель Кручага — натура стоическая — находил красоту в человеческом страдании. Поэта притягивало и все демоническое, но в следующей книге он обращается к страдающему праведнику Иову: «Святой среди гноища, / святой обезображенный и грозный, / твои стенанья сложены из камня, / они восходят к Вечному, как башня, / которую раскачивает ужас». У Анхеля Кручаги есть стихотворение, которое как бы предрешило его судьбу: «Всевышний, ослепи меня! / Пусть не увижу я земных просторов, / но во владеньях темных моей души / пребудешь — Ты». Бог покарал его, как Иова. Анхель Кручага заболевает тяжелым ретинитом. Из-за диабета болезнь усугубилась, и он стал терять зрение. Поэтические книги Кручаги «Золотые мечты», «Незримый город», «Брошенный костер» — творения поэта, погруженного в свой внутренний мир. В ноябре 1927 года Неруда посылает в Чили из Мадраса статью, где, создавая образ поэта Кручаги, говорит о сумрачных рыбах, о поющих рыбах с бархатным нутром… Неруде думается, что такую рыбину, приплывшую из вод всемирного потопа, проглотил Анхель Кручага… В феврале 1931 года Неруда отправляет с острова Явы, из Батавии — это уже после разрыва с Альбертиной, но еще до начала ее романа с Анхелем, — небольшую статью «Введение в поэтику Анхеля Кручаги», которая потом предварила новую книгу поэта, «Порыв души». Это две страницы проникновенной поэтической прозы, созвучной по духу первым книгам знаменитого цикла «Местожительство — Земля». Неруда начинает статью с утверждения, от которого с годами откажется: «Тот, кто, изрыгая проклятья, подобен разъяренному изгою, кто, поддаваясь чувству, исходит слезами, тот не останется за порогом дома, где обитают музы поэзии. Но двери этого дома навсегда закрыты для того, кто радостно и безмятежно смеется». Нет, сиятельные музы не всегда схожи с дамами, что украшают себя траурными лентами. Позднее в стихах Неруды мы услышим безудержный смех. «Книга сумасбродств» — яркое свидетельство того, что музы распахивают двери своего дома и тем, кто умеет заразительно смеяться. Но та давняя статья, поистине созданная в минуты озаренья, отразила глубинную суть поэзии Анхеля Кручаги: «Героини Анхеля, пока еще живые или уснувшие навеки, обладают титанической

готовностью к смерти, их бытие столь безгрешно и чисто, они так истово прижимают к груди сложенные ладони, так верно означены их контуры в сумеречном свете за бесконечным повтором витражей, так томительно замедлен их переход к бестелесности, что они кажутся водорослями, влажными и недвижными цветками под водой».

Есть в тексте предвестие: жизни поэтов будут сплетены. Послание Неруды, похожее на зашифрованный текст, заканчивается совсем таинственной фразой, смысл которой прояснят некоторые события в неблизком будущем. «Погружаясь в мир его поэзии, где повсюду мистические знаки, я ощущаю чьи-то легкие, но долгие прикосновения, я слышу их приближенье. Я — в их власти!»

Это легкие и долгие прикосновения Альбертины… Анхель Кручага и Альбертина были совсем разными, и все же что-то их прочно связывало. Анхель Кручага, как говорил Неруда, был «внеземной и подлунный». Но далеко не всегда! Он общался с кометами, со стихией, жадно вдыхал запахи небес, однако не мог жить без земли. И землю, «траченное временем убранство комнат, густые ковры, желтоватые розы, старые конверты с адресами» ему неизменно дарила Альбертина, «женственно теплая»… Она была сладостной и желанной как для своего возлюбленного, так потом и для своего мужа. Волей судьбы Альбертину полюбили два поэта. Но она сама на всю жизнь осталась удивительно сдержанной и скрытной. Лишь коварству удалось нарушить ее долгое молчание.

32. Похититель чужих тайн

В 1975 году Серхио Фернандес Ларраин опубликовал в Испании книгу, где собраны письма Неруды, которые он посылал Альбертине в пору их любви. После выхода книги разразилась целая буря. И не только потому, что к сокровенной тайне, к событиям, которые полвека никто не предавал огласке, прокрались по черной лестнице, но и потому, что сделал это человек, которому вообще не следовало даже дотрагиваться до этих писем. Разве не он, Фернандес Ларраин, опубликовал в 1954 году нечто неудобоваримое и весьма сходное с докладом тайной полиции, в котором Неруда был назван опаснейшим агентом тех, кто опутывает «дьявольской паутиной гибельного коммунизма весь мир»?

Пабло Неруда никогда не был тихой овечкой. И на выпады презренных врагов отвечал впрямую, без дипломатических недомолвок. Ларраин получил от него сполна. 12 октября 1954

года на первой странице газеты «Сигло» появилась обличительная статья Пабло под заголовком: «Сеньору Фернандесу Ларраину не изменить ход истории».

Совершенно иной стиль в сравнении с теми страницами, что посвящены Анхелю Кручаге Санта-Мария. На сей раз проза Неруды — ясная, простая, функциональная, бьющая в цель. Приведем для примера несколько убедительных абзацев:

«Судя по опубликованным отрывкам, речь идет о непомерно длинном и унылом романе. Полная безвкусица в монархическом и фашистском духе, который так близок Фернандесу Ларраину.

Не велика беда, если б все ограничилось лишь его пристрастием к определенным сюжетикам. Но эта насквозь лживая стряпня льет воду на мельницу тех, кто с помощью угроз и клеветы ведет настоящую войну против демократических свобод в Чили, против достоинства всех нас, чилийцев.

Американским монополиям удалось на какой-то срок проглотить Гватемалу. Кровавой акции предшествовала оголтелая антикоммунистическая кампания. Фернандесы ларраины Центральной Америки поначалу использовали в качестве оружия газетные полосы, а уж потом вели стрельбу с самолетов, обагряя кровью лик нашей Америки.

Они остановили выбор на Ларраине, зная наперед, что он распишет все как надо и про катакомбы, и про мрачное средневековье. А еще, видимо, и потому, что у него в прошлом был достойный предшественник.

Вспомним, что в отечественной истории есть один предательский документ, подписанный 9 февраля 1817 года кучкой отступников, торговавших нашей родиной. В этом документе говорится: „Мы признаем единовластным монархом и владетелем Фердинандо VII, в послушании коему обрели благоденствие… и изъявляем готовность, не щадя живота своего, поместий и прочего имущества, защищать законные права короля". Мало того! Они просили „карать со всею строгостью и справедливостью гордыню и дерзость инсургентов вражеского лагеря".

„Вражеским лагерем" они назвали отцов нашей родины: О'Хиггинса[46], братьев Каррера[47], Мануэля Родригеса[48], Камило Энрикеса[49], Хуана Эганью[50], которые бесстрашно вынесли и каторгу, и переход через грозные Кордильеры, и тяжкие годы изгнанья в

Мендосе.

Имя одного из предателей — маркиз де Ларраин.

Через сто тридцать пять лет еще один Ларраин, правда не маркиз, а обычный Фернандес, требует тюрем, островов-концлагерей, колючей проволоки и кнута для наших патриотов. Стоит ли удивляться?

Сеньор Фернандес Ларраин, ярый сторонник Гитлера, прилежный ученик каудильо Франко, благоговеет теперь перед маленьким временщиком и шакалом по имени Кастильо Армас[51]. Вполне понятно, почему он так ополчился против Чилийского университета и его ректора, против университетских организаций, против поэтических центров, против простых чилийцев, учителей, рабочих — словом, против всех, кто хочет, чтобы в нашей стране было больше свобод, больше уважения к человеку и меньше голодных и оборванных…»

Есть еще одно отягощающее обстоятельство: Фернандес Ларраин воспользовался этими письмами весьма беспардонно… Сама Альбертина все с тем же невозмутимым на первый взгляд выражением лица рассказывает, как все случилось. В свои восемьдесят лет она выглядит женщиной крепкого здоровья (а когда-то Неруда, судя по его письмам, так волновался из-за ее бесконечных болезней). Альбертина хранила письма поэта более пятидесяти лет. Вернее, похоронила их, спрятала от чужого глаза, и прежде всего от собственного мужа. Какая нужна ловкость, уменье, сообразительность, чтобы найти столь надежный тайник, который никто не смог обнаружить годы и годы! Альбертина сумела понять, что значат письма Неруды, и не уничтожила их. А это дорогого стоит! Ведь многие спешат избавиться от бумаг, которые могут подставить их под удар, повредить репутации. Альбертина — честь ей и хвала — хранила письма, как святыню. Выходит, за ее молчанием скрывался истинный талант, особое чувство такта, позволившее так долго хранить свою тайну.

Когда вспыхнуло affaire[38] в связи с письмами, опубликованными Фернандесом Ларраином, и Альбертина обратилась в суд, ее тотчас осадили толпы журналистов… Она отвечала на все вопросы спокойным тоном. Лицо Альбертины, по-прежнему замкнутое, бесстрастное, иссеченное глубокими морщинами, удивительно похоже теперь, в старости, на лицо брата Рубена. «Лицо мужчины»…

«У нас был небольшой участок земли — „Ла Рейна“, там мы и жили с Анхелем. Но после его смерти я не

смогла там жить».

Ей назначили маленькую пенсию и совсем скромное пособие как вдове лауреата Национальной литературной премии. Переехав в Сантьяго, Альбертина, разумеется, перевезла туда и свое имущество. Племянник ее мужа Фернандо де Ластра, наведываясь к ней, всякий раз старался чем-нибудь поживиться. «Ты бы продала эти книги! К чему они тебе?» Он шнырял по дому, заглядывая во все углы. Точно высматривал, вынюхивал что-то такое, о чем предпочитал помалкивать. Несколько книг племянник купил у Альбертины… И вот однажды — эврика! — он наткнулся на ту самую шкатулку, где она хранила письма Неруды. Племянник сетовал, ахал, дескать, шкатулка совсем никуда, вся растрескалась от времени! В общем, он тут же предложил Альбертине привести письма в порядок и найти для них какую-нибудь новую надежную коробку, куда не проникнет ни моль, ни прочая нечисть. Племянник ушел, сунув под мышку драгоценную находку. Вскоре он заглянул к Альбертине, похвастался, что разложил письма по датам, составил хороший каталог. И снова исчез со своим сокровищем. Больше он на глаза не показывался… Как раз в ту пору Альбертина начала работать в цветочном магазине, что держала Делия Солимано — белокурая красавица, сестра Мануэля, хорошего приятеля Неруды, который называл его Cacciatore[39]. Мануэль и Делия родились в Лигурии и еще детьми уехали из Италии в Эквадор, а потом перебрались в Чили. Мануэль занимался куплей-продажей автомобилей и однажды подыскал автомобиль для Пабло… В первый раз Делия вышла замуж за коммерсанта итальянского происхождения. Он открыл бар с прохладительными напитками на улице Агустинас. Делия сидела в этом баре за кассой. Висенте Уйдобро — это был 1933 год — таскал меня туда чуть не каждый вечер и тратил там свои скудные деньги, чтобы, подойдя к кассе, в тысячный раз сказать Делии, что она — первая красавица Сантьяго. Делия выслушивала это с полным равнодушием и, не поднимая головы, быстро пересчитывала деньги. От первого мужа у нее была дочь. Со временем она с ним разошлась, вышла замуж за Томаса Лаго и открыла цветочный магазин… В один из дней, когда Альбертина отбирала для покупателей букеты роз и гвоздик, в магазин зашел ее хороший знакомый и чуть ли не с порога задал ей вопрос: «У тебя, говорят, есть письма Пабло Неруды?» «Да», — смешавшись, сказала Альбертина. И тут же в тревоге позвонила Фернандо, чтобы узнать в чем дело. «Ни в чем, — ответил он. — Просто я их показал своему шефу». После телефонного разговора племянник как в воду канул. Зато в цветочный магазин пожаловал Серхио

Фернандес Ларраин и в самых любезных выражениях обратился с Альбертине с просьбой переговорить с ним об одном важном деле. Она, полагая, что это коснется Анхеля, пригласила Ларраина к себе домой. К ее великому изумлению, он прибыл с письмами Неруды. Альбертина не могла взять в толк, как они к нему попали. «Ваш племянник обменял их со мной на канделябры», — разъяснил ей гость. «Он не стал ни о чем договариваться, — рассказывает Альбертина, — просто поставил меня в известность, что опубликует их и напишет к ним хорошее предисловие». Напористый Ларраин приходил к ней еще два или три раза и добился ее разрешения на публикацию писем. Позже, в связи с десятилетием со дня смерти Неруды, журналистка Моника Гусман взяла у Альбертины интервью, которое опубликовано в мадридской газете «А-Бэ-Сэ» от 23 сентября 1983 года. На вопрос, получила ли она какой-то процент от гонорара за книгу, старая женщина ответила: «Он подарил мне книгу, вот и все».

Спустя восемь или десять месяцев после выхода книги Альбертина с помощью двух адвокатов возбудила судебное дело против Серхио Ларраина. Решением суда его заставили вернуть письма владелице… но они уже были опубликованы.

Почему Альбертина разрешила опубликовать эти письма? Быть может, не захотела унести в могилу свою тайну? А может, на старости лет поддалась соблазну — пусть ее запомнят двадцатилетней девушкой в сером берете, вдохновившей великого поэта на любовные стихи, пусть имя ее всегда будет окутано романтическим ореолом?!

Фернандес Ларраин — ярый политический враг Неруды, богатый помещик из Мелипильи, принял непосредственное участие в «Ариостасо» — безуспешном мятеже против Народного фронта, который вспыхнул 25 августа 1939 года. Возглавил мятеж генерал Ариосто Эррера. Спустя три года после событий в Африке{52} он возмечтал стать чилийским Франко и свергнуть конституционное правительство президента Педро Аггире Серды, одного из лидеров радикальной партии. Фернандес Ларраин питал слабость ко всем каудильо на свете. Он исхитрился стать членом всех антикоммунистических лиг, куда его допустили. Этот воитель показал и свое обличье, и свою прыть, будучи депутатом парламента, а потом сенатором от консервативной партии. Позже исполнилась его голубая мечта: он успел стать послом в Испании при жизни Франко. Смерть каудильо была им оплакана такими горючими слезами, будто мир потерял одного из самых великих людей XX века.

Но при всем том как же Ларраин осмелился, преступив закон,

нарушив моральные нормы, завладеть чужими письмами и, мало того, опубликовать их, зная, что не миновать громкого скандала? Ведь что ни говори, а это — письма идейного противника, которого он, Ларраин, в свое время пытался опорочить, оклеветать. Ему ли не помнить, что Неруда в резкой, атакующей статье изобличил его нравственное и политическое банкротство?

Тут, очевидно, следует принять в расчет не одно, а несколько соображений, способных прояснить все психологические мотивы, весь сложный механизм страстей, интересов, притязаний Ларраина как человека, готового совершить столь противоречивые с виду поступки.

Может, в нем живет неодолимая тяга именно к тем, кто в его глазах — изверг, исчадие ада? Есть определенный тип людей, которых всегда влечет к тому, кого они ненавидят прилюдно, в открытую. Некая магнетическая сила заставляет такого человеконенавистника погружаться в самые глубины жизни того, кому он же приписывает все смертные грехи.

Быть может, таким изощренным, вернее, извращенным способом он отдает должное своему недругу, который владеет тем, чего у него, при всех деньгах, нет и не будет! А ему неймется заполучить это сокровище.

Именно — неймется. Ведь маленький феодал из Мелипильи дорого бы заплатил, лишь бы его считали писателем, творческой личностью, интеллектуалом! Бесталанный Ларраин льнет к чужим талантам. А чтобы найти к ним ход, он готов на подкуп, а то и на обман. Ну что его связывает, к примеру, с такой яркой фигурой XX века в Испании, как Мигель де Унамуно? Однако Ларраин добывает письма автора «Агонии христианства» и публикует их ни больше ни меньше как со своим предисловием. Дело сделано! В руках у него входной билет в мир литературы, а то, что он проник туда в чужом облачении — ему наплевать…

В 1975 году Фернандес Ларраин издает в Испании отдельной книгой письма Пабло Неруды к Альбертине Росе, а в 1978-м в Сантьяго издательство «Андрес Бельо» выпускает в свет «Любовные письма Габриэлы Мистраль к Альфредо Видела Пинеде и тридцать восемь писем к поэту Мануэлю Магальянесу Моуре». Кто станет отрицать ценность этих писем? А письма к Магальянесу — неожиданно открытая золотоносная жила! — переворачивает наше представление о мире чувств Габриэлы.

Этим письмам, которые стали козырем в руках заурядного компилятора и сделали его членом Чилийской академии словесности, нет цены. Самая звонкая монета — ничто в сравнении с их литературной и исторической значимостью. Это богатейший материал, богатейший источник для понимания

сокровенного мира тех, кто их писал. Они дают совершенно новые штрихи к портрету, корректируют сложившийся в нашем представлении образ.

Альбертина в конечном счете продала письма Неруды. Вызволив свое сокровище из цепких рук Фернандеса Ларраина, она спрятала его в подвале Внешнеторгового банка Испании, в Сантьяго, а потом согласилась продать президенту банка — тот приехал на совещание Генерального правления акционеров—115 писем, 17 стихотворений, написанных рукой поэта, и несколько фотографий.

33. Любовь и поэзия

Письма Неруды к Альбертине Росе — уникальное, бесценное дополнение к его литературному творчеству раннего периода. Они неотделимы от нерудовской поэзии, от «Собранья сумерек и закатов», от «Восторженного пращника», от «Двадцати стихотворений о любви». В них, как в интимном дневнике, воссоздан мир переживаний поэта, отражены все его душевные волнения, терзания, все проблемы, помыслы, планы. И помимо всего, они рисуют картину того времени, той жизни…

Любовь Пабло и Альбертины зародилась в старинном здании Педагогического факультета, которое стояло на перекрестке проспекта Аламеда и улицы Кумминга. Вместе они слушали одни и те же лекции, вместе гуляли по коридору в перерывах между занятиями. И Пабло и Альбертина — из чилийской провинции, оба — южане. Он жил в Каутине, она — в Арауко, в Лота-Альто, поблизости от угольных рудников, что вдохновили Бальдомеро Лильо на знаменитую книгу рассказов «Под землей». Альбертина тоже выросла на земле индейцев мапуче, в краю бесконечных дождей. Но в ее семье все учительствовали… Что-то в лице Альбертины и еще заметнее в лице ее родного брата Рубена выдавало индейскую кровь…

Лекции, занятия — утром и вечером. Литература, грамматика французского языка, латынь, психология… Однако, на беду молодых влюбленных, через год в Университете города Консепсьон открывается отделение французского языка. По воле отца Альбертина едет учиться в Консепсьон — это совсем недалеко от Лота-Альто, от ее дома. Поэт тяжко переживает разлуку.

Каким остался в памяти Альбертины ее возлюбленный шестьдесят лет спустя после их романа? «Пабло был на год моложе меня. Стихи читал врастяжку, каким-то полусонным голосом. Он был худой и молчаливый. Всегда провожал меня до

пансиона, где мы жили с братом».

Сколько времени они были вместе? «Думаю — год, а может, чуть больше. На каникулы мы ездили в одном поезде, а в Сан-Росендо расставались. Я доезжала до Консепсьона, а он — до Темуко. Тогда каникулы были в сентябре, целый месяц, а потом — в декабре».

Альбертина проучилась на Педагогическом факультете два года, а поэт — до конца, все четыре. От Сантьяго до города Консепсьон — пятьсот километров. Для Пабло это огромное расстояние, и потому в его письмах столько тоски. А казалось ли Альбертине, что он так далеко от нее? Она отвечала не сразу, или скупо, кое-как, или вовсе не отвечала…

Альбертина была целиком во власти семейных уз и чувства долга. Ее отец Амбросио Асокар Пенья и мать Хуана Сото Родригес — учителя. Значит, и она станет учительницей. В одном из писем Неруда упрекает Альбертину за сухость ее эпистолярного стиля и говорит, что у нее самый настоящий «комплекс учительницы». Со школой были связаны три брата и обе сестры Альбертины. Старшего брата звали Виктором, за ним идет Рубен, автор поэтических книг «Дверь» и «Люди острова». Аугусто, самый младший, умер совсем молодым. Старшая сестра — Этельвина, средняя — Аделина. Альбертина — самая последняя. Все три женских имени с окончанием на «а».

Однажды воскресным вечером, много лет спустя, я пришел к Рубену и застал там трех его сестер, уже старых женщин. Однако, глядя на них и на Рубена, я понял, что они еще бодры, хоть куда…

Учебный год в чилийских университетах начинается в марте. В конце февраля, на исходе лета, молодые провинциалы, мечтавшие поступить в столичный университет, садились в вагоны третьего класса, и колеса поезда, летящего по рельсам, перерезали «пуповину», которая связывала их с семьей, с беззаботным отрочеством. Я, к примеру, испытал именно такое чувство…

Считается, что стрелы амура поразили Пабло и Альбертину 18 апреля 1921 года. Откуда, собственно, взялась эта дата? Разве coup de foudre[40] означена в космическом календаре или подчиняется математическому закону небесных тел? Точные даты любви принадлежат, видимо, легендам a posteriori[41], всяческим домыслам, которые со временем будут окружать поэта.

Давайте обратимся лучше к самим письмам, хотя многие из них не имеют ни числа, ни месяца, ни указания, откуда они отправлены.

В официальном документе Внешнеторгового банка Испании

числятся сто пятнадцать писем, Фернандес Ларраин опубликовал сто одиннадцать. Неруда писал Альбертине из всех мест, где ему довелось побывать в ту пору. Из Темуко, из Пуэрто-Сааведры, из Сантьяго, из Вальпараисо, Анкуда, Коломбо и т. д. Переписка не оборвалась, даже когда они перестали видеться. Первое письмо послано в 1921 году. Последнее — спустя одиннадцать лет, 11 июня 1932 года. Почти все письма написаны от руки. Лишь в редком случае отпечатаны на машинке. Письмо от 11 апреля 1925 года написано на машинке поэта Аугусто Винтера. Во многих письмах есть рисунки Неруды, даже автопортреты, планы домов, эскизы комнат, которые он снимал. Поэту нравится цветная бумага. Он попеременно пишет красными, черными, синими, кирпично-красными чернилами и лишь в зрелости отдаст предпочтение зеленым. Ему бы макать перо в яркую радугу!

Судя по письмам, у юного Неруды есть тяга к самонаблюдению. Он хочет понять себя и отнюдь не склонен восторгаться собою. В дни каникул поэт шлет письмо за письмом, не дожидаясь ответа от любимой.

С годами у Неруды смешалось в памяти, какие стихи он посвятил девушке из Темуко, а какие — девушке из Сантьяго. В пятьдесят лет Пабло утверждал, что Марисоль посвящены Третье, Четвертое, Шестое, Восьмое, Девятое, Десятое, Двенадцатое, Шестнадцатое, Девятнадцатое, Двадцатое стихотворения в книге «Двадцать стихотворений о любви», а Марисомбре — поистине соломоново решение! — остальные десять. Поначалу он отдает «серый берет» темукской Марисоль, а позднее, в письмах, надевает его на головку Марисомбры. Эмир Родригес Монегаль в своей книге о Пабло Неруде — «Неподвижный странник» — подробно говорит о «периоде беретов». А вдруг обе девушки носили серые береты? Либо поэт сотворил из двух героинь — одну?

Но, как уже отмечалось, Пятнадцатое стихотворение, бесспорно, адресовано Альбертине. Впервые поэт опубликовал его в ноябре 1923 года в журнале «Вендимиа» (город Серена) под заголовком «Поэзия твоего молчанья». У этого стихотворения есть еще один вариант, но поэт впоследствии от него отказался:

Молчи, любимая, тебя не потревожу:
чтоб ты была моей, молчание — твоим.
А в детстве ты молчала, расскажи?
И так же складывала руки на груди?
Что ж, если не дождусь ответа,
спрошу у брата твоего — поэта.

В январе 1924 года Неруда публикует это же стихотворение, правда, несколько измененное, в столичном журнале «Зиг-Заг»… Думается, что Второе стихотворение, «Свет тебя пеленает в смертное пламя», написано позже других, и оно заменило то, что было опубликовано в первом издании книги. Совсем иная структура стиха, но героиня все та же — Марисомбра. «Подруга моя, ты застыла, молчанье храня…» В Пятом стихотворении поэт как бы говорит вместо своей безмолвной подруги: «Мои слова удаляются, / уже слова мои стали твоими»[42].

Седьмое стихотворение — о неизъяснимой тайне ее взгляда; поэт угадывает в нем надвигающуюся беду: «А ты отвечаешь туманом, / моя даль и подруга, / из глаз твоих выплывают обмеревшие берега»[43].

Тринадцатое стихотворение продолжает тему Первого: это новая песнь во славу женского тела. У поэта ликующий голос, но стихотворение заключают пронзительные строки: «Стоит мне заглянуть в дерзкий студеный омут, / и закрывается сердце, словно цветок ночной»[44].

«С тех пор как я полюбил, ты ни с кем не сравнима!»[45] — восклицает поэт в Четырнадцатом стихотворении.

Совершенно земная, реальная женщина, выросшая в лесном краю, предстает в воображении поэта единственной, неповторимой, той, что каждый день «играет светом целой вселенной».

«А ты ответь мне: кто ты?»[46] — спрашивает он в Семнадцатом стихотворении. Альбертина по-прежнему — вечная, непостижимая загадка. «Мне мило то, чего нет. А ты — как в далеком сне»[47], — печально звучат слова поэта в Восемнадцатом стихотворении.

Почти все эти стихи были написаны в бедных студенческих пансионах, где-то меж улицей Брасиль и Центральным вокзалом, и лишь немногие — в другой части Сантьяго, поблизости от вокзала Мапочо. Они созданы самой любовью, жаром неугасающей страсти.

«Двадцать стихотворений о любви» стали настольной книгой у всех влюбленных Латинской Америки. Она служила безотказно и, скажем, безвозбранно всем, кто мечтал красиво объясниться в сердечных чувствах. Стихи Неруды, даже не упоминая его имени, использовали как верное средство, чтобы увлечь, обольстить, добиться взаимности… Поэт радовался от души, считая, что его поэтический труд вполне оправдан.

Когда Альбертину спросили, какие из посвященных ей стихов самые лучшие, она ответила скупо и уклончиво: «„Молчание“ — самое известное стихотворение. Неруда посвятил мне много

стихов, но какие именно — уже не помню. Прошло столько лет…»

Неруда любил ее всю и за все. Так, как Мужчина должен любить Женщину. И эта любовь дала ему вдохновенье, энергию, заряд для великого броска в поэзию… Поэт стремится выразить словом весь мир, и к тому же он молод, полон мужской силы. Ему предстоит связать, сплавить воедино стихию молодости и поэтический дар, чтоб его поэзия, где кипит безудержная страсть, достигла небесных светил: «Это она раскрутила пращу, посылая отчаянно камни в ночь, в которой кишат и блуждают холодные звезды»[48]. В этой строке отражен весь душевный настрой «Восторженного пращника» — книги, опубликованной в январе 1933 года, хотя поэт закончил ее на десять лет раньше. Как бы оправдывая свое творенье юных лет, Неруда говорит, что оно «лишь свидетельство его пылающей молодости». И в самой глуби многих строк проглядывает образ Альбертины.

Поэт вынашивал план создать многотомный поэтический цикл, в котором будет развиваться основная тема. Так впоследствии будут написаны все три книги цикла «Местожительство — Земля». Неруда уже придумал названия для всех томов «Пращника»: «Восторженный пращник», за ним — «Возлюбленная пращника», «Город пращника», «Звуки горна в лесу»… Одно время он собирался назвать первый том «Восторженный стрелец». Поэт говорил, что это будет «большая, масштабная поэзия», и все же «она не охватит того, что способна вместить». Альбертина — приливная волна, наважденье. Она пронзает его «траурно-скорбными глазами». Он ощущает тепло ее «ослепительно белого трепетного тела». Это Альбертина вырывает из его груди крик: «Любовь моя, не умирай, не уходи!»[49]. Первый вариант этого стихотворения с теми же начальными строками был написан на двух бланках Федерации студентов. Позднее оно войдет в книгу «Восторженный пращник», но уже со значительными поправками. Первый рукописный вариант получат обе девушки — и Альбертина, и Тереса. Дело в том, что какое-то время в сердце поэта жила любовь и к Тересе, и к Альбертине. Но его отношения с Альбертиной были более глубокими, завершенными. Все сбывается в этих встречах мужчины и женщины… «Восторженный пращник» — поистине свидетельство неукротимой страсти. В какие-то мгновенья поэт верит, что он — любим. «Ты здесь, ты есть, и я тебя люблю! / Тебя зову — и ты мне отвечаешь».

Юноша, обуреваемый чувством, хочет слиться в своей любви со всей вселенной, стать частью самой природы и вместе с возлюбленной «пламенеть закатом в полнеба».

Вслед за «Собраньем сумерек и закатов» было написано

много стихов. Неруда сказал, что большая часть из них затерялась навсегда. В книге «Восторженный пращник» всего двенадцать стихотворений: 1. «Камни вылетают из моей пращи»; 2. «Это — как наважденье»; 3. «Ты вся из легкой, нежной пены»; 4. «Чувствую — твоя нежность к коже моей приникает»; 5. «Любовь моя, не умирай, не уходи!»; 6. «Не ставь моим рукам преграды»; 7. «Душа моя, любимая — исток моей неудержимой страсти»; 8. «Наполнись мной!»; 9. «Мужчина и Женщина»; 10. «Моя рабыня, страшись меня. Люби меня, моя рабыня!»; 11. «По тебе я ночами изнываю от жажды»; 12. «Все так, любимая, все так, сестра». Из двенадцати стихотворений Альбертина сохранила лишь семь, написанных рукой поэта. Нет слов, как жаль потерянных стихотворений! Неруда говорил, что писал их на одном дыхании. Его пьянило вино из звездных чаш.

> «Я был влюблен, и к моему пращнику рекой, потоком устремлялись любовные стихи».

34. Стихи меняются, а имя музы — нет

Позднее Пабло расскажет, что «Двадцать стихотворений о любви» — «это его роман в Сантьяго, там, где университет, где тянутся студенческие улочки». Это его «сладостно разделенная любовь, пронизанная ароматом цветущей жимолости». Несколько раньше поэт говорил, что книгу помогла ему написать «река Империяль, ее широкое устье, куда заходит океанская волна, и привычные пейзажи детства». Ему, естественно, помогла и любовь, хотя она вовсе не всегда была «сладостно разделенной». Из самых его недр рвалось наружу стремление воплотить в стихах свою страсть, красоту родной земли, где набирала силу его поэзия. Он любил, потому что любил и потому что хотел выразить свою любовь в поэтическом слове. Он познает жизнь, любовные муки, он будет наслаждаться страстью, как земной человек, как мужчина из плоти и крови. Но тотчас воссоздаст это в слове, переплавит в поэзию, ибо он рожден поэтом. Он чувствует — и тут же, немедля, пишет о своих чувствах. Никакой временной дистанции!

Одно за другим идет след в след. Бумага успевает вобрать в себя тепло ложа любви… Поэт пришел в мир, чтобы сказать не только о себе, но и о других. И он не будет ничего откладывать до поры до времени. Движение от жизни к поэтической строке — постоянно, непрерывно, и потому эта строка отражает малейшее изменение в его бытии, в его плоти, в его душе.

В нескольких книгах поэта будет трепетно жить его любовь к

Альбертине.

Каждая новая книга Неруды не схожа с предыдущей и с теми, что последуют за ней. Это в полной мере относится к каждому тому «Местожительства». Неруда — поэт, который порывает с собой, прежним, от книги к книге. Между произведением «Порыв стать бесконечным» и тремя предыдущими книгами — «Собранье сумерек и закатов», «Двадцать стихотворений о любви» и «Восторженный пращник» — проходит главный водораздел его поэзии. Творчество Неруды на раннем этапе еще отдает дань подновленному модернизму и европейской поэзии кануна эстетической революции. Поэт считал, что «Порыв стать бесконечным» волей судьбы оказалась самой непонятной из его книг и потому попала на обочину… Мне довелось слушать выступление Неруды — это был день его шестидесятилетия — в Национальной библиотеке. И он сказал, что именно эта книга — ядро всей его поэзии. Она занимает важнейшее место в его творчестве, хотя и обойдена вниманием читателей и критики. Дальше Неруда объясняет — почему. Работая над книгой «Порыв стать бесконечным» (поэт крайне редко употреблял слово «работа» применительно к поэзии, к поэтическому творчеству, хотя всегда считал это трудной работой; но ему нравилось почему-то выдавать себя за этакого бездельника, ленивца), он постигал то, чему раньше не уделял особого внимания. «Именно в этой маленькой книге, где, как ни в одной другой, столько личного, сокровенного, взвешено, продумано до конца все — и слог, и ясность и тайна».

Еще раньше, в 1961 году, в стенах Чилийского университета — Неруду сделали почетным членом факультета философии и словесности — поэт вспоминал те далекие времена, когда под влиянием Стефана Малларме и Гийома Аполлинера он решил покончить с грамматикой, с ее нормами и правилами и лихо убрал из своих книг все знаки препинания и заглавные буквы. «Наверно, где-то можно набрести, — сказал Неруда, — на старое издание „Порыва стать бесконечным“ без единой запятой и точки».

«Порыв» — это мост, охваченный пламенем, где не только сгорают прописные буквы, точки, запятые, но и рушатся под яростным огнем те литературные концепции и структуры, что прежде определяли его творческий метод, рушатся, падают, чтобы расчистить путь к новому этапу — к этапу «Местожительства».

Поэзия меняется. Но у музы прежнее имя — Альбертина. В одном из писем к ней поэт просит подробно, не спеша рассказать, что она успела сделать, что делает, о чем думает, не болеет ли. Он пишет Альбертине во вторник утром, и ему слышатся ее шаги.

В это письмо он вкладывает стихотворение, которое впоследствии войдет в книгу «Порыв стать бесконечным».

«Со мной лишь ты, моя влюбленная сеньора, / тебе одной пьянящим звоном колокольцев / дано украсить песню без названья».

Это стихотворение — «Песнь во имя твоей судьбы» — будет впервые напечатано в журнале «Динамо» в 1925 году.

Альбертина молчит, не отвечает на посвященные ей стихи. То ли сердится, то ли робеет… Для кого же пишет поэт? Для любимой? Для самого себя? Для всех? Пиши Неруда для одной любимой, ему бы не дождаться желанного отклика. Он это прекрасно понимает. Но так хочется услышать от Альбертины хоть слово о его стихах, о жизни, о нем самом! Пусть муза прочтет эти стихи… Да, он знает наперед, что они не взволнуют ее и вряд ли она удостоит его даже скупым ответом. И тем не менее посылает ей письмо, где говорит:

> «…я все-таки переписал набело стихотворение из моей новой книги, что вот-вот выйдет в свет. Скажи, тебя интересует хоть немного то, что я пишу о тебе? Твое странное равнодушие к моим стихам разжигает во мне любопытство».

Если «Порыв стать бесконечным» — перекресток на пути Неруды, то «Местожительство — Земля» — счастливое прибытие в совсем другие пределы. Но в промежутке будет острый кризис роста, когда, словно от сокрушительных подземных ударов, сгинет все на той территории прозы, где поселились «Житель и его надежды» и «Кольца».

Маленькая книга «Житель и его надежды», быть может сгоряча названная романом или повестью{53}, была опубликована в 1926 году. В коротком, но проникновенном предисловии к ней двадцатидвухлетний Неруда говорит о себе: «У меня драматическое и даже романтическое мироощущение. Мне нет дела до того, что не отзывается в моем сердце волнением… Как настоящий гражданин и вполне благонамеренный человек, я протестую против всех законов, правительств и всех существующих институтов. Мне отвратительны буржуа и по душе жизнь людей беспокойных, испытывающих чувство неудовлетворенности, и не столь важно — художники они или бандиты». Перед нами автопортрет молодого поэта в поворотный час его жизни… Вот еще одна примечательная черта Неруды тех лет: его «всегда влечет к великим идеям». Но он не может одолеть сомнений, душевных колебаний и пока не знает, как наиболее верно выразить самого себя. Книга «Двадцать стихотворений о

любви» принесла ему радостное ощущение одержанной победы. Но его радость сочетается с неприкрытой насмешкой: «Такое чувство незнакомо беспечальным и бесталанным глупцам, которые подвизаются на литературном поприще». Книга «Житель и его надежды» — рассказ и одновременно поэзия. Поэт признается, что ему не по нраву просто повествовать о каких-то вещах. Героиня книги Ирена совсем не похожа на Альбертину. Она — «светловолосая, пышнотелая говорунья». Ей не терпится поскорее услышать истории своего приятеля, удивительного рассказчика. Он и ее муж — конокрады. Рассказчику очень нравится конокрад Диего Копер: гордец и собой не дорожит… Полиция упрятала Диего в тюрьму за угон лошадей. Приятель пышнотелой Ирены тоже попадает в тюрьму. Но вскоре его выпускают на волю… Он встречает свою подругу в ее доме, смотрит ей в глаза и грызет яблоко… Ему хочется рассказать Ирене о себе, о своем детстве, об одиночестве в лицейские годы… Ночью светловолосую Ирену убивает ее муж, Флоренсио Ривас… Он вместе с безымянным рассказчиком скачет галопом по берегу моря. И вот рассказчик видит свою Ирену — она лежит бездыханная на кровати, «точно морская ослепительно белая рыбина, которую бросили в ночную пену».

«О горе мне, горе человеку, что окружен одними призраками!» В конце книги четко вырисовывается образ меланхолического Неруды той поры: «Я уткнулся в окно, и от великой печали замутились стекла. Что это? Где я был? А теперь вдруг стою здесь, не шелохнувшись. И от стен этого безмолвного дома, будто из огромной морской раковины, исходит терпкий запах моря».

Наступает час, когда одиночество наполняется призраками. В ночной тьме мерцает точечный огонек — тусклый, беззащитный, и «заря с глазами, полными слез, восстает из воды».

Неруда называл себя поэтом. Но не стоит задаваться вопросом — почему он обращался к прозе. Не стоит и сожалеть об этом. Прозаик по ошибке, поневоле, по собственной воле… — так часто шутил Неруда. Чтобы там ни говорилось, «Житель и его надежды» убеждают нас в том, что поэту по плечу все литературные жанры. Как-то беседуя при мне с одним одаренным молодым писателем, Неруда сказал: «Ты можешь писать все — стихи, рассказы, романы, статьи, но сумей определить главное, то, что тебе ближе».

Несходство прозы «Жителя и его надежд» с прозой книги «Кольца» очевидно, хотя оба произведения опубликованы почти одновременно в 1926 году. Первое — рассказ, созданный поэтом. Второе — поэтическая проза. «Осень вьюнков» дышит поэзией.

Поэзия — даже в самом расположении строк. Так же написана «Река Империяль на юге»: «…таинственная воля, неотступное множество моря, яростная свора на привязи у планеты. Есть в тебе то, что темнее Ночи, глубже Времени». В этой книге поэт мысленно обращает свой взор к Югу Чили, к пристаням Карауэ, к весне в августе, ко всему, что всплывает в воспоминаниях о «Провинции Детства»:

> «…С высокого романтического балкона ты, мой край, раскрываешься передо мной прекрасным веером… О грозная зима в час, когда накатывает огромная волна, и мы с матерью дрожим при каждом налете тугого ветра. С неба низвергаются потоки воды. О этот расточительный дождь, неприкаянный, не ведающий, что делать со своими богатствами! Воют, рыдают поезда, заблудившиеся в лесу. Трещит дощатый дом, страшась кромешной тьмы. Ветер, точно разъяренный конь, выбивает окна, валит наземь изгородь… А я, влюбленный, беру за руку большеглазую сеньориту и веду ее долгими тропами под закатным солнцем в раннее незабвенное утро… Провинция Детства, ускользавшая в тайные часы, о которых никто не знал! Край одиночества, распростертый на мокром, еще не просохшем от недавнего дождя деревянном настиле. Пусть судьба дарует мне милость, пусть сделает тебя моим пристанищем на пути возврата».

И всегда дождь. «Дождь — закадычный друг всех мечтателей, друг потерявших надежду, верный товарищ всех, кто тихо сидит у окна, всех, кому недостало сил».

В некоторых главах, к примеру в «Грусти» или в «Возлюбленной офицера», слышится далекий аромат русской и скандинавской литератур тех времен.

35. Исповедь и тоска в письмах

Неруда начал писать «Местожительство — Земля» в 1925–1927 годах, еще до первой поездки за границу. Это была суровая полоса его жизни. В странах Востока он продолжает работу над книгой. Там долгими, нескончаемыми днями поэт с тоской вспоминает Альбертину. 18 сентября 1929 года он сообщает ей в письме: «Моя новая книга скоро выйдет в Испании, в ней многое о тебе». Неруда посылает в этом письме первое четверостишие из «Мадригала, написанного зимой»:

В самой бездне бездонного моря
по бесконечным перечням ночи
скачет, словно конь, через время
твое немое, немое имя[50].

Немое, немое имя! Рафаэль Альберти не раз вспоминал о книге «Местожительство — Земля», которую он с друзьями хотел опубликовать в Испании, но потом все сорвалось. Впервые книга была выпущена в свет в Сантьяго 10 апреля 1933 года издательством «Насименто». Ее тираж был всего сто нумерованных экземпляров с подписью автора.

С Цейлона поэт посылает Альбертине стихотворение «Долгий плач». К тоске и усталости, ко всему безотрадному, что скопилось у Неруды в душе за последние годы юности, добавляется новое, гнетущее чувство оторванности от всего на свете. Он не может сладить с этим чувством на чужой земле Азии, еще не сбросившей цепи колониализма.

Неруда начинает переписываться с Альбертиной в семнадцать лет. В двадцать шесть лет он пошлет ей последнее письмо с Востока, с Явы. А по возвращении в Чили напишет этой женщине еще несколько писем.

В этих письмах заключена сокровенная история любви, которую не назовешь счастливой: в ней сошлись два настолько разных темперамента, два настолько несхожих человека, что даже любое ответное движение, равно как и молчание, неминуемо заставляло страдать того, кто отдался чувству всем своим существом. Письма к Альбертине — ключ к пониманию душевных свойств молодого Неруды. В каждом письме слышится биение его сердца. Эти письма — богатая и подробная летопись его бытия, его молодости.

В первом письме — оно послано из Пуэрто-Сааведры — есть автопортрет Неруды в полный рост. Вот он — молодой поэт! Стоит на морском берегу, без плаща, в шляпе с заломленными полями, в костюме, узколицый, глаза устремлены вдаль, руки в карманах. Неруда рассказывает своей подруге о маленьком событии: «Я украл котенка, совершенно очаровательного. Непременно привезу его в Сантьяго!»

Как герой из стихотворения Малларме, наш поэт тоже перечел все книги и давно разглядел все звезды южного неба, переговорил со всеми знакомыми. Он уже наизусть знает этот «унылый и пожухлый» городок. «Нестерпимо унылый», потому что рядом нет Альбертины. Их разделяет полтысячи километров. Отношения с родными совсем разладились.

> «Все мои планы — писать, заниматься, о чем-то подумать спокойно — роковым образом срываются. Мне плохо в этом городе, плохо в собственном доме, плохо — везде. Сегодня в полдень меня охватило нестерпимое желание уехать в Сантьяго и там добровольно запереться в своей каморке… В понедельник брошу все и поеду в лес, отмахаю верхом километров восемь».

Ему неприютно, и он тоскует по Альбертине. Второе письмо написано летом, скорее всего — в январе. Неруда не занимается, отложил все на февраль… Но его согревает надежда:

> «В марте я увижу медовые глаза моей девочки, моей бессовестной малышки, которая за одиннадцать дней соизволила написать мне всего десять строчек и, похоже, вообще позабыла мой адрес».

В третьем письме Неруда рассказывает о своей поездке в ночном поезде. Оно интересно и тем, что в нем есть беглая зарисовка жизни того времени. Многие ездили тогда «зайцем» (в Чили безбилетников называют «павлинами») и спасались от контролеров в самых невероятных местах. «В полночь меня запихнули под нижнюю полку. Я там пролежал пять часов и промерз до костей». Заметьте, что это ко всему еще и вагон третьего класса… Поэт мечтает вместе с Альбертиной греться у затухающего огня камина. «О, если б со мной были твои прекрасные грустные глаза, твое молчание, что мне так мило, твой рот, который ждет моих поцелуев!» Сколько раз сказал Неруда в стихах той поры об этих глазах, о молчанье и жаждущих устах! Неруда, как истинный творец, играет словом, наделяет его новым смыслом.

> «Мне теперь очень нравится слово „яблонька“… Вот будет у меня дочь, и я назову ее Яблонькой. Если она будет и твоей дочерью, то вырастет долговязой и совсем бледной, без тени румянца, как те продолговатые желтые яблоки, которые оборачивают папиросной бумагой и хранят в домах всю зиму».

Вернувшись в Сантьяго, поэт снимает комнату по прежнему адресу — улица Мануэля Родригеса, дом номер 758. Отсюда он пишет Альбертине, что больше всего его мучит безысходная нужда.

> «Каждый божий день я ломаю голову над тем, где

раздобыть денег на еду. Я уже настрадался сполна, и порой хочется покончить с жизнью от тоски и беспросветности».

Летом он уезжает из Сантьяго — на природу, в маленькое местечко Мирамар, неподалеку от Темуко. В письме к Альбертине он описывает тамошние красоты: высокие хлеба, закаты солнца, черную смородину, пахучую мяту, девственную гору, где бродит лишь пума. По вечерам он лежит под высоким темно-зеленым пеумо{54}, и все его мысли — об Альбертине. Это письмо он пишет на красивой бумаге с разводами. А вот чернила раздобыл с превеликим трудом… Поэт забросил все учебники и в восторге от своего охотничьего ружья. А еще ему хотелось стать спортсменом, чемпионом по прыжкам. Он извел понапрасну все патроны и так и не подстрелил ни одного орла. Эти птицы облюбовали самые высокие дубы. По утрам поэт объявляет войну всем птицам сельвы.

В письмах Неруды то и дело появляется имя брата Альбертины. Рубен Асокар «разгуливает по этим письмам совершенно свободно, как по собственному дому». Поэт посылает с Рубеном одиннадцатое письмо, где самым решительным образом указывает Альбертине, что ей надо сделать: «…ты приедешь с Рубеном, добейся этого „разумом или силой“{55}. Раз у тебя так плохо со здоровьем, тебе надо уехать немедленно. Гори все огнем, но ты сядешь в поезд! Сегодня у меня был тяжелый разговор с Рубеном. Я его ругал за малодушие. Я ему намеренно сказал, что не могу открыть, почему тебе непременно надо приехать. Пусть сам решится на что-то». Строки написаны человеком властным, упорным. И не нужно быть графологом, чтобы это сразу разглядеть и понять. Указания даны твердым, уверенным тоном: «…тебе надо уехать немедленно… Гори все огнем, но ты сядешь в поезд…» Неруда не из числа слабохарактерных. У него прирожденное умение главенствовать, повелевать, особый дар организатора. Он мог легко расшевелить людей, нацелить их на какие-то поступки, дела… Эти свойства его натуры со временем стали той «пружиной», что способствовала его литературному росту. С виду несобранный, неорганизованный, Неруда обладал редким талантом сопрягать собственные усилия с усилиями других в осуществлении какой-либо цели. У него постоянно созревали планы, не только относящиеся к литературе, но и к личным или общественным делам. И вот при всех этих качествах, что помогли ему добиться стольких успехов на жизненном пути, он натолкнулся на сопротивление, вернее, на пассивность Альбертины. Она точно

пропускала мимо ушей его наставления, не соглашалась с доводами «разума и силы» и вовсе не желала, чтоб в ее жизни что-то «горело огнем». В упорном молчании Альбертины, в ее твердом намерении делать лишь то, что она полагает целесообразным, было что-то непоколебимое, бесчувственное, твердокаменное.

А наш поэт — полная ей противоположность! Он, пожалуй, пишет Альбертине каждодневно. Шлет газету, где напечатано его стихотворение о «Той, что исчезла».

> «Это ты исчезла… Хороша! За десять дней — одно-единственное письмо. По вечерам я лежу на мокрой траве и вспоминаю тебя в сером берете… Я поссорился со всеми бывшими „пассиями“ и остался совсем один. Какое было бы счастье видеть тебя здесь, рядом… Завтра запущу в твою честь четырехцветного змея — пусть взмоет в небо и долетит до Лота-Альто. Тогда, моя любимая, ты получишь длинное-предлинное послание. Это случится в одну из ночей, в тот час, когда Южный крест заглянет ко мне в окно. Завтра я пошлю тебе томик Чехова. Он тебя развлечет».

В одном из писем Неруда вдруг называет ее Арабельей. Он придумывает ей сотни имен. В жизни я больше не встречал человека, который умел бы так искусно придумывать и переиначивать разные имена. Должно быть, эта привычка, эта, я бы сказал, «мания» без конца изобретать новые прозвища, фамилии, клички, имена идет у него от необычайно яркого воображения. А может, еще и от того, что он вырос в мире, который только-только приобщился к европейской цивилизации. В этом, пока не названном, мире надо было окрестить людей, горы, реки, вещи, надо было дать им имена.

А вот самое раннее воспоминание Неруды о своем детстве… Неруда видит, как он, совсем маленький, сидит на одеяле, расстеленном прямо на траве, а неподалеку полыхает в огне их дом. Соответствует ли это воспоминание реальным событиям? Может, это плод фантазии? Или что-то смутное запомнилось из рассказов взрослых? В деревянном Темуко чуть что, днем ли, ночью — начинались страшные пожары.

И в июле 1923 года все вроде повторяется: «Прошлой ночью, — пишет поэт, — напротив нашего дома вспыхнул пожар. Нас чудом не спалило. Столбы огня — высокие, красивые, — бочки с водой, мамин плач. А я смотрел на все с безучастием. Потом пошел дождь…» Обыденность яростного завывающего пожара, обыденность беспрестанного неистового дождя.

«Льет и льет. Меня все время тянет ко сну. Я уселся у огня в глубокое старое кресло, точно моя бабушка, и думаю, что в аду так же хлещет дождь, как в нашем глухом городишке».

Поэт посылает Альбертине стихи и фотографию Полы Негри{56} и снова корит ее за то, что она совсем забросила своего Поля. В следующем письме он называет подругу Неточной, именем героини повести Достоевского «Неточка Незванова».

Ему семнадцать-восемнадцать лет. Он извелся от сомнений, от душевной смуты. Жизнь в Темуко, вдали от Альбертины, становится невыносимой.

«Какими горькими были все эти дни, моя маленькая Альбертина. То ли нервы разошлись, то ли кругом — сплошная мерзость, но мне невероятно одиноко. Меня замучила бессонница. Ночи тянутся до бесконечности. Мне тошно, зябко. Этой ночью я прочитал два романа, длинных до ужаса. На рассвете я все еще метался в постели, будто тяжелобольной. Здесь мне не дают спать по утрам. В собственном доме меня окружают тупые бездушные люди. Какое одиночество! Господи! Зачем мама родила меня здесь! Возле меня не люди, а какие-то камни. Я так устал, что нет сил подняться в вагон поезда и уехать прочь. И прошло-то всего четыре дня… По-моему, я плачусь, как немощная женщина? Не правда ли, сеньорита Альбертина?»

Поэту тяжко на душе: женщина, которой он пишет, — не отвечает, отмалчивается. Он страдает, понимая причину.

«Кто ты? И кто я? Тебе нет дела до того, чем я занят, что может причинить мне боль! Что я значу для тебя? Должно быть — ничего! Но ты запрятала эту правду в глубь своей души. Я тебе — чужой, просто человек, который рядом с тобой движется, что-то говорит, уходит, приходит…»

Страсть не делает его слепым. Он любит Альбертину всем сердцем, но как бы искоса наблюдает за ней и не поддается обманчивым надеждам.

А может, Неруда так медлил с окончательным разрывом и воспевал свою любимую в стихах не только потому, что она занимала все его помыслы? Может, им владело неизъяснимое желание обратить в стихи все, что он чувствует? Что из того, что

его муза причиняет ему боль и нередко холодна и равнодушна, как камень? Он высечет из этого камня голубые искры! Сотворит поэзию. Но у него невольно вырывается крик отчаяния. И он, горько усмехаясь, бросает письмо в почтовый ящик… «с надеждой, что оно затеряется. Впрочем, с ним будет то же самое, даже если ты его и получишь. Дозволь поцеловать тебя».

Эта любовь со всеми ее перипетиями будет длиться долгие годы.

36. Худой и длинный, как осетр

Времена «Собранья сумерек и закатов»… Неруда пишет стихи ко дню рождения сестры; в них он горюет, что беден, что ему нечего ей подарить. Но и о своей бедности он говорит языком поэзии: «В какой дали все, чем владею я, / порой мне кажется далекой-предалекой — моя душа!» У него нет денег на подарки, однако он отпразднует годовщину любви к Альбертине — 18 апреля, — и она получит в подарок новое имя — Неточка. Это полюбившееся ему имя будет появляться в письмах очень часто. Неруде необходимо пятьсот песо, чтобы Альбертина приехала к нему в Сантьяго. Он готов расшибиться, чтоб достать эти деньги на билет и на пансион…

Ему все очевиднее, что Неточку мало интересуют его стихи, но он не может не говорить о них. В конце января поэт делится с ней радостью:

> «Я доволен, потому что вчера и позавчера писал с подъемом, на одном дыхании, и подумать, сколько времени меня одолевала лень… Теперь буду писать как одержимый. Впрочем, тебя это мало трогает».

Да… хоть поэт и подарил своей подруге имя Неточка, она, судя по всему, равнодушна к русской литературе, и не только к русской — к любой.

> «…Ты настоящий лодырь, и никогда не читала „Сашку Жегулева“. Это о жизни одного бандита, очень похожего на меня. В общем, о „фулюгане“».

Однажды солнечным утром мы с поэтом бродили по старым кварталам его молодости и на улице Эчауррен остановились перед домом номер 330. Как-то раз поэт в письме к Альбертине нарисовал этот дом с вывесками «Прачечная» и «Кондитерская». Он писал ей тогда, что ему нравится комната светлая и веселая, но он по-прежнему грустит и все чаще думает об отъезде за

границу… Письма очень разные. Вчера письмо было горьким, печальным. А сегодня искрится радостью.

> «На твое прекрасное письмо сиреневого цвета я отвечу письмом, которое напишу чернилами цвета крыльев попугайчика… Ты готовишься к экзаменам? Я вовсю правлю рукопись новой книги „Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния“. В ней много всего о тебе, моя далекая девочка».

В одном письме — укоры, даже какие-то угрозы. В другом он смиряется, отступает.

> «По-моему, в Консепсьоне вполне можно учиться. Попробую остаться там — с тобой. Хотя, ты знаешь, в провинции мне тяжко. Если в этом году мы не сумеем быть вместе, едва ли когда-нибудь потом, во все остальные годы нашей жизни, нас сведет судьба… Если опять все сорвется, мы с Рубеном приедем в этом году, но чуть попозже».

Неруду постепенно затягивает богемная жизнь. Однажды в три часа ночи он попадает в здание газеты «Меркурио». На большом столе для материалов по торговой рекламе он находит бумагу, чернила и ручку и тут же строчит очередное письмо Альбертине. Он признается ей, что зашел в редакцию спьяну и что у них попойки чуть ли не каждый вечер.

Неруда, влюбленный в жизнь, не мог, казалось бы, и помыслить о самоубийстве. И все же в годы бурной, чадной молодости его вдруг ожгла эта мысль, но, слава богу, он сумел отнестись к ней с должной иронией.

> «Вчера у меня было настроение хуже, чем у покойника. Весь день жутко хотелось покончить с жизнью. Но стоит ли? Вдруг и это не поможет!.. Сестра так и крутится возле меня, ей до смерти любопытно, о чем я пишу. Вот взяла и открыла флакон с тальком, зачем-то завела разговор о лесных голубях, а потом вдруг сказала, что терпеть не может вина, ушла в другую комнату…»

Неруда решил уехать из Чили, но у него нет четкого представления — куда, в какую страну. Наконец, он предлагает Альбертине отправиться в Мексику, где в ту пору был ее брат Рубен.

> «Вот скоро в Мексике завершится Революция{57}, и мы с тобой, конечно, уедем туда. Там никто не будет препятствовать нашей любви, даже если нас ожидает бедность».

Потом возникает план перебраться в Германию, плыть туда на пароходе «Адриана», но ничего из этого не выйдет… Влюбленный поэт называет Альбертину как ему придет в голову: «моя сопливая дурнушка», «моя маленькая каналья».

В одном из писем Неруда обронит несколько слов о человеке, который станет его врагом:

> «Я, честное слово, рад, что тебе не понравился Пабло де Рока, мне он тоже неприятен… Я, учти, донельзя ревнив. Бесстыдница! Твой стол о трех ножках нашептал мне, что ты любила трех мужчин. О себе я догадываюсь, кто второй — предполагаю, но хотелось бы знать, как зовут третьего, кто он?»

Нам известно, что писал Неруда своей подруге, а что было в ее письмах, мы совершенно не знаем. Вот почему некоторые строки нерудовских писем остаются неясными, загадочными. Что, к примеру, стоит за этими словами:

> «Я отнюдь не законченный эгоист, моя родная, и умею отличить добро от зла. Я прекрасно понимаю, что принес тебе не только радости, но и огорчения. И все же пойми, что по большей части я это делал намеренно, думал — пусть тебе будет больно, и тогда ты не бросишь меня, не сможешь этого сделать, а значит, будешь для меня еще более дорогой и желанной».

Почему возникли эти строки? Загадка…

Письма Неруды — это монолог. И неясности в отдельных местах неизбежны.

Его преследуют мысли об экзаменах. «Я почти не занимался. На меня нашла смертельная слабость, все кругом постыло», — пишет Неруда в письме от 17 марта. И тотчас его настроение меняется: «Я так рад, что в будущем году придет конец невыносимой разлуке».

Однако радость быстро улетучивается. Вот уже поэт подозревает, что у его «любимой девочки» — черствое сердце. «Что может быть страшнее в человеке?» Он готов биться головой о стенку от тоски и отчаяния. «Хитрюга, лягушонок, змеюка, мохнатая гусеничка» (сколько нежности вкладывает Неруда в эти

слова!). Есть письмо, из которого можно понять, что Альбертина заболела, что она чем-то поранилась.

Поэта по-прежнему тянет к веселым вечеринкам.

> «Вчера ночью я вернулся домой совершенно пьяный и написал тебе письмо. Сейчас утро, и мне неохота открывать конверт, хотя я совсем забыл, о чем писал. Когда получишь это письмо, расскажи, что в нем было».

Бури, размолвки следуют одна за другой. Пабло пишет Альбертине странное новогоднее письмо:

> «…Я вырву тебя из своего сердца, позабуду навсегда (хотя это тебе совершенно безразлично). Ты, как выяснилось, плохой друг, а я, к моей великой печали, обманывался, верил, что ты добра и умна. И вот мой вердикт: пусть наступающий Новый год принесет тебе радость, если у тебя ее все еще нет!»

В скором времени все меняется. Поэт торопит Альбертину, просит, не откладывая, сходить на почту за его письмами — они посланы на имя Альбертины Неруды. Потом он ее забросает письмами на имя Неточки Неруды. Но «дождевой червячок» молчит и молчит.

Пабло молит ее в письме из Вальпараисо приехать к нему немедля — он ей расскажет на ушко такие удивительные вещи, о которых никто на свете не знает. Это можно услышать только сейчас, больше — никогда. В другом письме поэт обещает Альбертине, что вечером на берегу моря он напишет ее имя на песке. А порой, видимо для большего эффекта, прибегает к фантазии. Пишет, к примеру, что вот, мол, в десять утра ни с того ни с сего… ослеп. А какими забавными прозвищами награждает он Альбертину:

> «Моя мохнатая гусеничка, любимая игрушечка, мое сердце, золотая песчинка, Арабелья, Азалия, пчелка, морская ракушка, родная кикимора, ну зачем ты ссоришься со мной? Почему твои письма меньше крохотной мошки?»

Из Темуко поэт пишет шестьдесят пятое письмо (все письма были пронумерованы много позже, после долгой и серьезной работы исследователей) на бланке газеты «Маньяна», где сообщает, что дает уроки двум ученикам, чтобы заработать немного денег. Он снова жалуется на отчаянную бедность… Его

огорчают коротенькие письма Альбертины. Что значит «я себя плохо чувствую»? Она должна тотчас написать самым подробным образом, что у нее с ногой, какое применяют лечение, какие делают уколы — внутримышечные или внутривенные?.. Он в восторге от новой фотографии Альбертины. И какой замечательный зонтик над ее прелестной головкой!

> «Я, признаюсь, не сразу узнал твою ножку, она чуть пополнела… и меня так и потянуло к тебе… Не вздумай работать, особенно стоя. Лежи спокойно, не вставай, даже если твоей бабушке стукнет в голову приготовить жаркое для сеньоры Аманды и всех домашних».

Неожиданно поэт получает от Альбертины письмо, которому очень радуется. А затем новые упреки — Альбертина опять молчит, не пишет. Он растерян, угнетен.

> «Ну как будто я говорю с тобой, а ты в это время думаешь о чем-то своем, или я пытаюсь докричаться до тебя через стенку и не слышу твоего голоса. Я ведь тоже самолюбив, и все это очень горько».

В новом письме промелькнуло название книги — должно быть, она пользовалась популярностью в Чили в те годы, — которая, по мысли Неруды, должна заинтересовать его несловоохотливую подругу: «У тебя уже есть „Жан Кристоф“? Выбери время, прочитай, а потом поделись со мной впечатлением».

В понедельник, летом, пятого числа (месяц неизвестен), Неруда пишет из Темуко, что они вдвоем с завидным упорством мастерят прекрасное ожерелье — нанизывают на него беды и несчастья.

> «Не будь нашей взаимной нежности, на этом ожерелье с успехом мог бы повеситься кто-то из нас…»

Отношения с домашними совсем испортились.

> «Я безвылазно сижу в своей комнате наверху и не спускаюсь к столу. В семье говорят, что я дикарь и что у меня жуткий характер. Но разве это так?.. То и дело меня сравнивают с кузиной Карлоттой, молодой вдовой. Эта на редкость мрачная особа чурается всех людей. Но, признаться, стоит мне попасть в наш городишко, на меня находит страшная тоска и скукотища».

В конце письма тон шутливый:

> «Может, доктора вообще махнули на тебя рукой? Смотри, не худей. Ешь побольше, смейся, гуляй. Обзавелась ли ты кавалером? Учти, это — необходимо. Вот у меня нет никого, и поэтому я худющий, как осетр. Ты что-нибудь читаешь? Что тебе прислать? Книгу или жука?»

37. Прощание

> «Вчера в поле я видел необыкновенную радугу. Скоро уеду в одно местечко по соседству и займусь рукописью своей книги. Ты готовишься к экзаменам? Готовься. Не ленись. И напиши мне сегодня. Слышишь?»

Экзамены не выходят у него из головы: «…по правде, — признается поэт, — я плоховато разбираюсь в политической экономии».

В те годы, обычно в самый разгар лета, по провинции неслась волнующая весть: «Венгры приехали!» Это означало, что где-то возле городка, под открытым небом расположился цыганский табор. Неруду привлекали цыгане — с ними весело, занятно. Он вовсю заигрывает с молоденькими цыганками, просит их погадать по руке. Его, безусловно, ждет счастливая дальняя дорога и встреча с женщиной. Это, конечно, ты, пишет поэт Альбертине и рассказывает о своей дружбе с цыганками. Молодая цыганка сунула ему вдруг в руку амулет и велела, не глядя, спрятать в правом кармане. Оказалось — какой-то непонятный желтый корешок. И на самом деле чудотворный!

> «Теперь я с ним ни за что не расстанусь: представляешь, именно вчера мне пришел денежный перевод, который я ждал бог знает сколько времени!»

Но «мохнатую гусеничку», похоже, занимают лишь две вещи: собственные болезни и бесконечные слухи о поэте.

Опечаленный Неруда обращается к ней с длинным риторическим вопросом:

> «Значит, ты не ешь, сидишь дома, ни с кем не разговариваешь, не ссоришься, ничего не читаешь, тебя совсем не лечат, ты не ходишь в кино, не бываешь в гостях, не заглядываешь на почту, не куришь, не завела новой подружки, не получила письма от своего

поклонника (у которого мотоцикл), не узнала ни одной новой сплетни обо мне, не читаешь газет? Неужели это так, моя таинственная девочка?»

А может, приезжая в Темуко, поэт встречается с Марисоль? Временами он в хорошем настроении… В ясные дни с берега виден остров Моча. Из воды выныривают темные головы дельфинов и скорбные морды тюленей. В следующем письме Пабло вдруг заявляет, что вообще не пойдет на экзамены. На него снова напала тоска, но ему кажется, что у Рубена еще более нескладная судьба. «Ему везет как утопленнику». Неруда досадует, что «Рубен — слабовольный и нерешительный человек». Ну хоть бы помог им с Альбертиной, раз в его семье «все настроены против их любви».

В письме от 9 января — обратный адрес: Сантьяго, улица Амунатеги, 733; Неруда как бы вскользь, мимоходом сообщает Альбертине о выходе своей новой книги: «Завтра я тебе ее отправлю. Интересно — дойдет она или нет?» Совершенно небрежно, между делом! А ведь речь идет о книге «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния»! Письмо от 6 февраля отправлено уже из Темуко. Поэт сокрушается, что долго не было марок и он не мог послать Альбертине ни одного из своих писем. В тех строках, где Неруда говорит о «злополучных странствиях де Роки и Рубена Асокара, которым пришлось заложить собственные сапоги», жизнь той поры предстает перед нами в ином ракурсе… Как-то при мне рассказывали, что Пабло де Рока оставил в залог… Рубена в одном из пансионов Темуко. У них не хватило денег, чтобы расплатиться с хозяйкой.

Деньги! Всесильные деньги! Как, где их раздобыть? Эта мысль тиранила Неруду, сидела гвоздем. Он все время в поисках хоть какого-нибудь заработка. Пабло уже вполне известный поэт, однако, чтобы издать свою первую книгу, он влез в долги и заложил часы — подарок отца! Об авторских правах тогда и не мечтали… Неруда умоляет Альбертину откровенно поговорить с братом: «Кровь из носу — пусть достанет денег!» Поэт принял решение — он всю жизнь что-то затевал, строил планы, — что они втроем уедут за границу. Все это пока несбыточные мечты. Химера!.. Однако поэт упорен. Придет время, и он своего добьется.

Своенравная Альбертина держится слишком независимо, похоже, ее мало трогают упреки поэта. В письме Пабло вспоминает один случай: у них с Альбертиной было назначено свидание, а капризница удрала на студенческий праздник: «…ты, „совершенно больная“, брошенная своим старым другом,

веселишься, вся в лентах серпантина, со своими новыми приятелями из пансиона…» Он уговаривает Альбертину уехать с ним на Юг Чили, обещает ей рассказать о своей жизни «все до последней мелочи, каждый шажок…» в первую ночь, когда «они заснут под звездами Анкуда».

Из письма следует, что у него резко испортились отношения с родными:

> «Совсем недавно уехала и сестра, и все мои. Я с ними почти не виделся за это время и даже не пришел их провожать. Словом, сама понимаешь — разрыв полный. К великому счастью, мама успела купить мне новый костюм. Если б не ее доброта, ты бы увидела страшного оборванца! А костюм просто замечательный, полосатый, как зебра».

Дальше Неруда признается, что все вечера у них «шумное веселье»… Придя домой после веселой вечеринки, захмелевший поэт забрался в ботинках на кровать и в приливе нежности страстно поцеловал портрет «далекой молчуньи».

Письма Неруды интересны и важны для понимания его творчества на раннем этапе. В шутливых фразах Пабло об умении творить чудеса уже есть нотки того самого «магического реализма», который со временем заявит о себе во весь голос на земле Латинской Америки.

> «Прошло уже двадцать дней, и представь — вот где чудо! — мой поцелуй навсегда приклеился к твоему застекленному портрету».

В маленькой комнатушке поэта не одна, а несколько фотографий Альбертины. Без них он «не мыслит жизни». Сам Неруда посылает подруге рисунки своей комнаты — он называет их моментальными снимками. Каждый предмет на рисунке шутки ради имеет пояснение: «Вот это кровать и твоя фотография…» Умывальник с графином. В зеркале силуэт Неруды. Чуть правее — цыганский талисман. Одежная щетка. «Это чернильница без чернил. Израсходовал все». Курительная трубка. Деревянная лошадка. Большая дверь под шторой.

И снова жалобы, жалобы…

> «Ну что ж, может, и к лучшему, что ты решила забыть меня. Значит, ты мне не друг, вот и все!.. Это очень печально, куда печальнее, чем ты думаешь… Да, я действительно написал тебе на Новый год, что у нас все

кончено. Но с какой болью я писал это! По правде говоря, только ты и даешь мне силы жить в такое недоброе для меня время… Ну как мне, при моем невезении, взять и отказаться от любви, забыть то, что так дорого моему сердцу? Но поверь, я вовсе не хочу, чтобы ты страдала от моей бедности, от всех моих бредовых дел!»

А вот одно из немногих писем, отпечатанных на машинке. «Я стукаю на машинке, возомнив, что уже освоил это дело… Оказывается, так куда легче солгать. Это машинка доктора Аугусто Винтера. Я пишу на ней все вечера, отвечаю на письма… Надо же, вместо слова „отвечаю“ у меня — „овечаю“! И сразу сделалось грустно». В начале письма все тот же упрек: «Альбертина, какая ты недобрая! Совсем не пишешь!» Неруда шлет ей в письмах и свои стихи… Он надеется, что его «взбодрят загородные прогулки», пускает лошадь в галоп по холмам. Набивает карманы лесными орехами, срывает алые копиуэ, больдо, веточки мирты. С морем у него никак не складывается дружба. Да и, по правде, у Тихого океана слишком суровый нрав. «Ничего не рассказывай морю, — пишет он Альбертине. — Это мой враг. Я его вовсю ругаю, когда купаюсь, плаваю, а оно, злобное, так и норовит меня утопить, исхлестать…»

В эти дни он работает над книгой стихов «Порыв стать бесконечным» и готовится к поездке в Чилоэ. Ему хочется повидать Рубена, который устроился школьным учителем в городе Анкуд. Неруда думает попасть туда в конце ноября. Иногда от Альбертины приходят и ласковые письма. Поэт требует, чтобы она все бросила и переехала к нему.

> «Зачем ты губишь себя в этой отвратительной школе? Я хочу, чтоб ты была всегда молодой и красивой, какой я тебя полюбил. Пойми, ведь от тебя зависит мое счастье».

Но чтобы мечты сбылись, позарез нужны хоть какие-то деньги… Поэт пишет Альбертине, что надумал подзаработать в кино. Из письма мы узнаем, что он отдал в печать новую книгу, что будет руководить журналом «Кабальо де Бастос». По ночам поэт не спит. Днем порой не встает с постели. В восемь вечера, лежа в постели, он пишет письма своей возлюбленной. Наконец получает от издателя немного денег и тратит их в мгновение ока. Теперь у него есть стол. «Только из-за того, что не было стола, я не мог тебе писать…» Альбертина, видимо, удивилась в каком-то из писем, что к нему не приходят ее послания. Неруда отвечает не

без колкости: «Как правило, приходят все письма, а в первую очередь те, что посылают». Поэт на все лады расхваливает комнату, которая ждет и ждет Альбертину: «…новые диванные подушки, плетеный коврик из желтой тоторы[51], на нем так удобно сидеть…» Настоящая живая черепаха по кличке Лука. Он с ней ведет разговоры допоздна. Она такая же «словоохотливая собеседница», как и его дорогая Альбертина. Черепахе нравится серебряная бумажка из-под сигарет… Из-за той собачки, которую нарисовала ему в письме Альбертина, ревнивая до смерти черепаха со зла изгрызла книгу о скульпторе Тотиле Альберто Шнейдере. Неруда просит Альбертину известить их общего друга Иоландо Пино, который учится в Германии, о том, что скоро выйдут в свет его книги «Порыв стать бесконечным», «Колода карт» и «Собранье сумерек и закатов». И пусть Иоландо пришлет поскорее свои стихи и стихи любимых им немецких поэтов для журнала «Кабальо де Бастос», который выйдет дней через десять. В конце письма Неруда нежно целует Альбертину, а черепаха сердито фыркает…

22 февраля 1926 года Неруда сообщает Альбертине, что собрался в Анкуд. Последняя новость: к «макаке» Рубену два дня назад прикатил Пабло де Рока.

> «Оба остановились в захудалой гостинице, я только что оттуда».

Следующее письмо — настоящий взрыв негодования. Неруда потрясен: ему возвратили его письма, невостребованные да еще и вскрытые. Таковы новые правила почтового ведомства; в Чили властвует военная диктатура, и немудрено, что письма распечатывают.

> «Тебе, видимо, все равно, что тайны наших сердец откроются совершенно чужим людям. Ну и ну! Теперь я готов думать все, что угодно, о твоей персоне. Такая же участь, скорее всего, постигла мои письма из Темуко, из Осорно, из Пуэрто-Монта. Да, Альбертина, время бежит, и ты уже не та».

А через несколько дней — совершенно иной тон. Радостное письмо, в котором Неруда говорит, что ему вдруг повезло: его направляют во Францию для совершенствования — вот смеху! — французского языка. В Министерстве народного образования уже подписан приказ. Одна загвоздка — дадут ли билет. Неруда просит у Альбертины фотографию, но непременно в профиль. Вот такую — и поэт для ясности рисует собственный силуэт.

38. Разрыв с богемой

Это были времена, когда поэты — студенты Педагогического факультета — устраивали вечера в главном здании Чилийского университета. На этих вечерах чаще всего читали свои стихи Пабло Неруда, Хулио Бенавидес и Виктор Барберис. Позже Виктор Барберис стал моим учителем французского языка в городе Курико и первый открыл мне стихи автора тоненькой книжки «Собранье сумерек и закатов», стихи Неруды — своего товарища по университету, где они оба страстно увлекались литературой… На поэтических вечерах выступал еще и Ромео Мурга, высокий простоватый на вид парень. Вскоре он умер от чахотки.

Молодой поэт Неруда был, что называется, нарасхват. Восторженные девицы целыми делегациями приходили в дом номер 330 по улице Эчауррен и упрашивали поэта выступить в их школах. Не раз они заставали его лежащим на пружинном матраце с самодельными ножками, возле которого стоял ящик из-под сахара — он служил ночным столиком. Поэт великодушно соглашался на просьбы своих поклонниц. Одна из них, Лаура Арруэ, училась в школе номер 1 и жила при ней всю неделю. Молодой Неруда зачастил к Лауре в гости по воскресеньям. Чтобы добраться до ее дома в Пеньяфлоре, он в восемь утра садился в поезд, а в Мальоко пересаживался в дилижанс, запряженный четверкой лошадей… В 1924 году Неруда подарил Лауре Арруэ свою только что вышедшую книгу «Двадцать стихотворений о любви». И при этом дал совет: «Спрячь книгу подальше от своих тетушек, под матрац, а то они ее затаскают и порвут». Перед отъездом на Восток поэт оставил Лауре на хранение рукопись «Порыва стать бесконечным».

Пролетели годы, и Лаура Арруэ стала женой чиновника почтового ведомства — Омеро Арсе, сухонького смуглолицего человека в очках, из-за которых благожелательно смотрели большие темные глаза. Выйдя на пенсию, Арсе стал секретарем Неруды и не расставался с поэтом до самой его смерти. Двадцать лет он печатал на машинке рукописи поэта…

Неруда посвятил ему стихотворение, которое назвал «Арсе». Оно вошло в «Мемориал Исла-Негра».

Благодарю тебя, Омеро, что ты жил
так, будто жизнь моя была твоею.
Благодарю за дружбы чистоту,
за деньги, щедро данные тобой,
когда, как нищий, не имел я хлеба.
За руки, поддержавшие меня,

когда безвольно опускал я руки.
Благодарю, что сил ты не жалел,
в путь провожал поэзию мою
своею теплотой, сердечной, неустанной[52].

У Неруды все больше и больше поклонниц, но он грустит. Ему все яснее, что богемная жизнь — не выход из положения, а тупик. Пора отринуть от себя это сумбурное царство ночи, где над всем властвует вино, где в клубах табачного дыма пляшут охваченные страстью Мужчина и Женщина, где не стихают горячечные споры и стелется коварный шепоток. Неруде опостылели эти «взрывы зеленого хохота», мимолетные встречи с платными красотками, что заполняют бары в ночные часы. Юный поэт, сидящий за столиком, среди батареи бутылок, устремлен к иному; его уже не привлекают «безоглядно дерзские беседы». Нет, он не станет таким, как его закадычный друг Рохас Хименес: «… безумец исступленный, он поднимал / в одной руке бокал с плывущим дымом, / в другой — свою блуждающую нежность, / и вот однажды ушел он, спотыкаясь, / послушный воле злого хмеля / в далекий-предалекий край».

Когда к Неруде пришла весть о смерти Рохаса Хименеса, он уже твердо верил, что избежит такой страшной судьбы. Поэт говорит о своем безвременно погибшем друге: «Мимо цвета горького бутылок / и колец аниса и несчастья, / со слезами руки поднимая, / ты — пролетаешь»[53].

Пабло знает, что ему не должно повторить путь и другого близкого друга — Хоакина Сифуэнтеса Сепульведы, который совершил убийство из-за любви к женщине. Неруда вспоминает Хоакина — статный, бледнолицый, всем обликом схожий с героями Войны за независимость. «Лицо вожака… поистине „гусар смерти“!»

Неруде необходимо покинуть Чили. Та жизнь, которую он ведет, — верная гибель. Он понимает, что его друзья просто роют себе могилу, они — самоубийцы… Едва поэт окажется за пределами Чили, он напишет скорбные элегии о своих погибших друзьях. Стихотворение «Уход Хоакина» вошло в первую книгу «Местожительство — Земля». «Теперь я постоянно вижу: / он камнем падает в пучину смерти, / а дальше — гул, / то дни его прервало Время».

Неруда должен бежать от всего, что сгубило Хоакина, — от ночного разгула, от собственного нездоровья, от своей «непокорной души», презревшей даже инстинкт самосохранения.

И все-таки Хитрый Крот его восхищает. Он — король ночных

кабаков, истинный маэстро непотребной хулы, он пестует своих учеников, точно «апостол хмельного веселья». Мужчина, по его понятиям, рождается на свет, чтобы знать толк в вине, наслаждаться женщиной и крушить все устои порядка. Было в нем что-то от стихийного доморощенного анархиста. Он не желал проводить грань между собой и преступным людом. Хитрый Крот проповедовал грозное всеохватное братство. Он был бардом площадной брани, преемником всех ругателей, каких знала история. Он негодовал, буйствовал, и молнией сверкал не только его нож, но и острое словцо. Этот полуграмотный человек был наделен той мудростью, которая хоть и рождается в самых недрах человеческого естества, но служит лишь отрицанию, себялюбию, насилию и никуда не ведет…

Несмотря ни на что, в Неруде взяла верх воля к созиданию. Нет, его жизнь не пропадет зря, он этого не допустит. Ни голод, ни бурные ночи — ничто не Истребит в нем желания творить. А это требует самодисциплины. У Неруды было такое чувство, будто поэзия выплескивается из него сама собой. Он сознавал, что владеет могучим поэтическим даром, к которому нельзя относиться с небрежением. Неруда понимал сердцем, что ему предначертано воплотить в стихах скрытую в нем творческую силу. Поэт знал, что сама земля оделила его этим тайным сокровищем, которое надо ценить, беречь от пагубы.

Отношения с Альбертиной становились мучительно трудными. Роман в Темуко истаял, отошел в прошлое. Поэта влекли теперь новые женщины… У него были друзья, он интересовался и жизнью столичного «света». И все же чувствовал себя одиноким, затерянным в толпе, на улицах, по которым так часто бродил, тщетно силясь подавить голод. Поэт много и жадно читал. Но более всего на свете он хотел писать стихи, добывать «из недр души редчайший минерал, / чтоб сотворить строку, достойную прочтенья, / чтоб на устах рождалась песнь воды прозрачной».

39. Поэт трудится, как целый завод

Когда Неруда писал стихи, его охватывало чувство, будто он заново начинает жизнь. Странное это занятие — от него никуда не укрыться, и оно переполняет душу радостью. Нет, Неруда не намерен отступать. И он не отступит. Он сбудется, состоится вопреки всему.

Непокорная Альбертина заставляет поэта страдать. Но, слава богу, ему важнее всего поэтическое творчество, судьба его книг. Однако где найти издателя, такого, который бы в него поверил?

Им станет Карлос Георг Насименто. Пройдут годы, и его забросают вопросами о первом знакомстве с Пабло Нерудой.

> «В ту пору, — вспоминает Насименто, — я, признаться, был еще новичком на издательском поприще. Как-то раз ко мне пришел Эдуардо Барриос — у меня вышел его роман „Брат Осел“ — и сказал: „К вам обратится вполне скромный и очень сдержанный молодой человек. Пабло Неруда — его литературный псевдоним. Он станет большим поэтом. Наступит час, когда о нем заговорят везде и всюду. Отнеситесь к нему со вниманием“. Я так и сделал. Что-то было в нем, чего не выразишь словами… Худющий, бледный как смерть, еле цедит слова. Но его достоинство, спокойная уверенность покорили меня настолько, что я даже не заметил, в какую минуту дал согласие напечатать его книгу, как он просил: большим форматом, квадратную, что крайне невыгодно — без всякой пользы пропадает много бумаги. Словом, сами видите, худющий, почти бессловесный, а своего добился».

С ранней молодости поэт не воспринимал свою литературную деятельность как нечто замкнутое, ограниченное строгими рамками. Литература — это дом с длинной анфиладой комнат, и каждая комната, куда он беспрепятственно входит, становится его творческой мастерской, где ему легко и вдохновенно работается. Поэту нет и двадцати, а на его счету множество прекрасных рецензий, лучше сказать — литературно-критических статей. Одна из них называется «Романтическая история Саши Погодина{58}, рассказанная Леонидом Андреевым». Он, как сказано, взял себе псевдонимом имя Сашка, увлекшись русским писателем. В его заметках, рецензиях, статьях есть и радостное изумление, и страстность первооткрывателя, чьи широко распахнутые глаза пристально вглядываются в литературную панораму. Неруда анализирует творчество Карлоса Сабата Эркасти{59} и, вчитываясь в строки «Стихотворений человека», в «Книги Сердца, Воли, Времени и Моря», на какое-то время попадает под его влияние. Нашего поэта приводит в восторг новый поэтический сборник Габриэлы Мистраль «Отчаяние». В августе 1921 года в 15-м номере журнала «Хувентуд» он публикует статью, где высоко оценивает стихи Мануэля Рохаса и дает самый похвальный отзыв о книге Хоакина Сифуэнтеса Сепульведы «Башня». Словом, в каждом номере журнала «Кларидад» появляется сразу несколько рецензий Неруды на новые книги. В девяносто пятом номере «Кларидад» он пишет

сразу о четырех новых поэтических книгах. Это — «Дверь» Рубена Асокара и «Хмельной корабль» Сальвадора Рейеса, «Умиротворение» Фернандо Мирты и «Свист паяца» Мануэля Чавеса. Немного позже Неруда будет с восхищением говорить о поэзии своего земляка Херардо Сегаля. А в 1924 году появятся его статьи об Алиро Ойярсуне и Томасе Лаго.

Поэту еще неполных двадцать два года, а у него лишь в одном журнале «Кларидад» — сто восемь публикаций. И одновременно он активно сотрудничает в литературных приложениях к газетам «Меркурио» и «Насьон» и во многих журналах: в «Зиг-Заг», «Атенеа», «Хувентуд», «Эдукасьон», «Динамо», «Али-Баба», «Реновасьон», «Панорама», «Абанико» (город Кильота), «Химера» (Анкуд).

Еще одна комната, еще одна творческая мастерская, куда часто наведывается Неруда, твердо верящий в закон сообщающихся сосудов, — художественный перевод. Поэт считает, что на испанский язык следует перевести произведения всех великих мастеров мировой литературы. В мае 1923 года он горячо поздравляет Торреса Риосеко, чилийского литературоведа, живущего в США, который перевел на испанский язык стихи Уолта Уитмена. Этот поэт не переставал восхищать Неруду всю жизнь. Позже он переводит отрывки из «Заметок Мальте Лауридса Бритте», принадлежащих перу Райнера Марии Рильке, который произвел на него огромное впечатление. Эти отрывки напечатаны в 1926 году в октябрьских и ноябрьских номерах журнала «Кларидад». В этом же году Неруда работает над переводом рассказов Марселя Швоба «Спящий город» и «Земной пожар».

Он отбирает материал для журнала «Кларидад» и охотно пишет предисловия к книгам. Всю свою жизнь Неруда любил писать предисловия. В 1924 году в издательстве «Насименто» выходит «Избранное» Анатоля Франса со вступительной статьей Пабло Неруды.

Словом, этот человек — хоть ему и хотелось прослыть ленивцем — смолоду был настоящим тружеником.

40. Писатели и слоны

Неруда видит свое призвание в писательском труде. Ему необходимо писать, создавать новые книги, новые стихи. Но он понимает, что при такой жизни, когда каждый день нужно думать о куске хлеба, он не многого добьется как поэт, что бы там ни проповедовалось во всех романтических и идиллических теориях. Неруда убежден, что мало печься только о самом себе, необходимо озаботиться и драматической судьбой всех

чилийских писателей, которые страдают от бедности, от того, что их не хотят понимать, что к ним подозрительно, с неприязнью относятся власть имущие. Писатель, по мысли Неруды, должен обладать чувством гражданской ответственности и профессиональной солидарности. В нем самом эти чувства были развиты очень сильно. Есть немало публикаций, свидетельствующих о гражданских позициях раннего Неруды. 8 октября 1921 года он выступил со статьей под заголовком «Об интеллектуальной жизни в Чили», где подверг суровой критике одного писателя, который не пожелал встать на защиту университетского преподавателя Карлоса Викуньи Фуэнтеса, смещенного с должности за свои политические убеждения.

Неруде была чужда зависть к успеху собратьев по перу. В отличие от многих писателей, он всегда был готов к искреннему участию, к деятельной помощи и не скупился на похвалу. Но его острый глаз подмечал любую погрешность, любой промах. В сентябре 1921 года Неруда поместил в журнале «Хувентуд» обращение «К поэтам Чили», где призывал своих коллег к борьбе за освобождение Хоакина Сифуэнтеса Сепульведы, заключенного в городскую тюрьму города Тальки: «…Друзья! По приговору суда его держат в тюремной камере, он лишен солнца, воздуха и света за преступление, которого не совершал. А если б и совершил, на нем нет вины, ибо он — Поэт». Семнадцатилетний Неруда наивно пытается обойти закон, твердо веря, что поэт вообще не должен привлекаться к судебной ответственности…

Неруда всячески поощрял труд писателей, поэтов. Он высказал немало хвалебных слов и о тех, кто впоследствии без зазрения совести чернил его имя.

В том же номере журнала «Хувентуд» Неруда вовсю хвалит «Стоны» — том огромного формата Пабло де Роки, того осатанелого Вараввы{60}, который со временем откроет по нему беглый огонь и не поленится написать книгу, где на каждой странице будет поливать его грязью. В июне 1924 года Неруда опубликует статью «В защиту Висенте Уйдобро», а тот через десять лет станет поносить его на всех перекрестках…

Когда Неруда вернулся из Испании, у нас состоялся долгий разговор. Он сказал тогда — я это хорошо помню, — что необходимо покончить с эгоцентризмом тех писателей, которые тщатся утвердить свой авторитет, уничтожая всех соперников. По их милости в чилийской литературе царит закон джунглей. Литературная жизнь не должна походить на борьбу динозавров с глиптодонтами или жирафов с канарейками. Литературная жизнь не может превращаться в собачью свару или в скачки с препятствиями. Долой литературное ячество! Долой агрессивных

монополистов поэзии! Коль скоро все люди имеют право жить на земле, значит, и мы, поэты, должны стремиться к мирному сосуществованию. Последуем лучше примеру слонов! Они — такие огромные, а им всем хватает места в лесу. Пабло призывал поэтов к дружбе, к солидарности, но кто-то потом съязвил, что он заделался «слонофилом».

В ответ Неруда с самым серьезным видом принялся развивать свою мысль.

> «Писатель, загнанный в угол жестоким обществом той эпохи, где царствует дух наживы, писатель, которого не хотят услышать, нередко устремляется на рыночную площадь и там, чтобы привлечь внимание к своему товару, бьет на эффект, запускает голубей под восторженные вопли толпы… Но однажды на исходе безмолвной ночи, перед кроваво-красной утренней зарей, его поверг в отчаяние одинокий лучик света. И он решил сорвать гнетущую тишину… „Я — первый!“ — воскликнул этот себялюбец. „Я — единственный!“ — кричал и кричал он, исходя восторгом. И остался совсем один. Людям надоело слушать его крики».

41. На острова!

На смену ранней молодости, бурной и греховной, пришла пора прислушаться к голосу рассудка. Перед глазами Неруды страшными призраками встают погибшие друзья: Альберто Рохас Хименес и Хоакин Сифуэнтес — Хитрый Крот… Совсем иной характер у Рубена Асокара. Он тоже весельчак, острослов и может вдруг сыграть на тарелке, воображая, что это гитара. Но у него есть чувство ответственности за свою судьбу. В 1922 году Рубен успешно сдал выпускные экзамены и получил диплом преподавателя испанского языка и философии.

Вскоре он добился назначения в Лицей города Анкуд, на острове Чилоэ. И позвал с собой Неруду. «На острова! — мы сказали…»{61} В марте 1923 года Рубен уехал в Мексику по вызову Хосе Васконселоса{62}, который незадолго до этого подписал контракт о работе с Габриэлой Мистраль… Перед самым отъездом Рубена, само собой, устраивается шумная вечеринка на улице Генерала Макенны, в таверне, где всегда пахло жареным мясом. Денег, разумеется, не хватило, чтобы расплатиться за все, что ели и пили. Пришлось оставить в залог жилеты… В мае 1925 года Рубен Асокар вернулся в Чили. Но с приключениями. В порту Кальяо перуанская полиция взяла его

под арест, заподозрив в связях с «левыми крамольниками». Три недели он просидел в самой мрачной тюрьме Лимы — жители столицы прозвали ее «Паноптикум». В Вальпараисо Рубен прибыл на японском пароходе «Сею Мару». Сердобольные пассажиры, те, что узнали о его нелепом аресте, собрали ему солидную сумму денег. В Сантьяго разбогатевший Рубен попал около двенадцати ночи. Прямо с вокзала Мапочо он направился в бар «Венеция», который стоит на улице Бандера. Рубену до смерти хотелось увидеть своих друзей. Но не повезло — никого не застал. Тогда он направился в бар «Эль Хоте». Тоже впустую. Он обошел все знакомые бары и рестораны в бесплодных поисках. Как ни печально, но его план отпраздновать свое возвращение в кругу друзей явно провалился. Рухнули надежды на горячий прием… Огорченный Рубен плелся по улице Бандера. И вдруг у церкви видит: прямо на него идет… Неруда. Обрадованные встрече, оба двинулись в свой любимый бар «Венеция». Это была прекрасная встреча настоящих друзей после двухлетней разлуки. Из бара они вдвоем зашагали в Лесной парк — хотелось найти на счастье четырехлистный клевер. А в девять утра направились в Педагогический институт…

Неруда, несмотря на неслыханную популярность книги «Двадцать стихотворений о любви», по-прежнему беден, он еле-еле перебивается. На душе тяжко — не помогает ни громкий успех, ни дифирамбы критики. Его приводит в уныние мысль о том, что жизнь растрачивается попусту. Ему совершенно ясно: или он все круто изменит, или — верная гибель. Поэт сознает, что один этап его жизни завершен и пора одуматься, стать серьезнее во всех отношениях… Не все ладится и в сердечных делах. А что до творчества, то и тут Неруду раздирают сомнения. Новая книга пользуется шумным успехом, это бесспорно. И все же он чувствует, что еще не обрел себя.

И вот в разгар всех этих переживаний поэт соглашается уехать вместе с Рубеном в Анкуд. По пути на остров они останавливаются в Консепсьоне. Рубен решил воспользоваться случаем и повидать своих, а Пабло — встретиться с Альбертиной. В Консепсьоне в это время был и Хоакин Сифуэнтес Сепульведа, автор поэтического сборника «Башня». Он закатил друзьям такой обед, будто один из них — Гаргантюа, а другой — Пантагрюэль… Неруда решил побывать в Темуко. Там произошло шумное объяснение с отцом. «Почему ты бросил университет?» Отца возмущает искренний ответ Пабло. Что это за профессия — писать стихи? Нет, такое в голове не укладывается!

Неруда приезжает в Анкуд вслед за Рубеном. Оба живут в гостинице «Нилсон». Полная перемена декораций! Из нищих они,

точно по мановению руки, превращаются в крезов. Еда отменная, сколько хочешь! Они не забывают о голодной братии в Сантьяго и время от времени шлют им целые мешки марисков. «…Не скупясь, во все стороны света, / друзьям посылали мы устриц». В Анкуде поэт писал книгу «Житель и его надежды» и превратился в безупречного секретаря Рубена — он усердно правил контрольные работы учеников лицея, проверял домашние задания… А ближе к ночи оба друга выходили на Гербовую площадь Анкуда и с двух противоположных концов громкими голосами выкрикивали стихи. Один — за бакалавра, другой — за капитана:

Капитан дон Габриэль де ла Луна
И бакалавр дон Габриэль де ла Флор
бесстрашно бились вместе
ночью лунной
за блеск прелестных глаз,
за нежный взор…[54]

Алиса, смуглая девушка с большими глазами, по уши влюбилась в Пабло… В один из дней поэт сказал, задумчиво глядя на Рубена: «Вот бы здесь сшить брюки последнего фасона — „Оксфорд“ и заявиться в них в Сантьяго». Поскольку на острове Чилоэ никто еще не знал об этом крике моды, Неруде пришлось нарисовать брюки для портного: широкие, как у моряков, отвороты — вот что самое главное…

Перед отъездом Неруда устроил прощальный вечер, и к нему в гостиницу пожаловало ни много ни мало — человек сто пятьдесят. Весь цвет города. И вот на глазах de tout-Ancud[55] произошла история, которая свидетельствует о том, что и поэтам порой изменяет чутье. Иной раз и они не замечают счастливого для них расположения созвездий. Один из приглашенных, по фамилии Охеда, — он занимался парикмахерским делом и заодно распространял билеты городской лотереи — настойчиво уговаривал Рубена купить последний оставшийся билет. Зная уступчивый характер своего друга, Пабло делал ему всяческие знаки, мол, не бросай впустую деньги. Но Охеда не отступался, он подошел к Рубену снова, и в третий раз, и в четвертый. Когда Рубен полез было за бумажником, Неруда остановил его, сумел отговорить от напрасной траты денег. Дело кончилось тем, что этот билет купили два их приятеля.

На другой день в восемь утра Неруда сел на пароходик «Кауполикан», который доставил его на материк. В полдень Рубен получил от друга телеграмму из Пуэрто-Монта. В ней говорилось,

что на тот последний билет, который Охеда сбыл лишь к полуночи, выпал главный выигрыш — целое состояние, которое обеспечит счастливчиков (если они — с головой) на всю жизнь. Неруда сдобрил текст такими бранными словечками в свой адрес, что диву даешься, как это вытерпел благопристойный телеграф. С той поры друзья на протяжении сорока лет вспоминали об этой истории в любом разговоре. Каждый раз они упоенно фантазировали, как бы повернулась их жизнь, купи Рубен счастливый билет против воли Неруды. Оба, забывая обо всем, предавались игре воображения, строили догадки, придумывали все новые и новые варианты… И сыпались вопросы. Вся наша жизнь пошла бы по-другому? Мы изменили бы самим себе? Из нас получились бы настоящие миллионеры? Ты представляешь себя самодовольным буржуа? Неужели бы мы выставили за дверь поэзию? И не было конца самым неожиданным предположениям по поводу того выигрыша, который им не достался. Но друзья, люди жизнерадостные, отнюдь не сокрушались об упущенных возможностях, наоборот — считали, что им повезло. Еще бы нет! Страшно, даже противно думать, что бы с ними стало, приобрети они этот билет. Они были совершенно убеждены в собственной правоте еще и потому, что хорошо знали о печальной участи тех двух «счастливчиков», которые купили лотерейный билет на прощальном вечере Неруды в гостинице «Нилсон». Один в скором времени наложил на себя руки, а другой разорился дотла, вкладывая деньги в различные предприятия, заведомо обреченные на провал, и в конце концов попал в долговую яму. А всему виной, убежденно говорили друзья, этот злосчастный выигрыш!

42. Отъезд

В прежние годы Неруда, случалось, испытывал глубокое удовлетворение от литературного труда. В двадцать лет он опубликовал книгу, и его захлестнула радость от ощущения творческой удачи. Правда, ненадолго. Говоря об этой книге, поэт утверждал, что ему удалось вернуть высокий смысл забытому слову «искренность».

> «Искренность… Пожалуй, все мое творчество определяется этим словом, таким скромным, вышедшим из моды. Его отвергла, затоптала пышно разряженная свита, что покорно следует по пятам горделивой Эстетики и бросает на нее вожделенные взоры».

Неруда публикует в газете «Насьон» статью «Экзегеза[63] и одиночество», где поясняет ополчившимся на него учителям и чинушам, что он без труда мог бы стать преуспевающим учеником на отделении французского языка, но дерзнул избрать поприще литературы, чтобы в словах засиял свет. Он посвятил этому высокому делу, где человек всегда одинок, ровно половину своей жизни, и первые десять лет ушли на мучительные поиски самого себя. В результате этих поисков родились «Двадцать стихотворений о любви». Книга написана с болью в сердце. В ее песнях заключена его собственная жизнь, его любовные муки. Поэт безо всякого хвастовства говорит, что эта книга — творческая победа. Он одержал победу благодаря искренности и вере в поэзию. Неруда не станет хвастать своей собранностью — чего нет, того нет. Зато назовет себя «вдумчивым наблюдателем», но таким, который пишет лишь о том, что волнует его по-настоящему… День ото дня радостное чувство угасает. Неруда готов сжечь все корабли, разрушить все мосты. Ни одна книга не должна быть повторением пройденного. Он порвет со своей прежней поэзией. Он устремится на поиски новых континентов и на земле, и в мире поэзии.

Все, решительно все, побуждало его покинуть Чили.

Завершалась определенная пора его жизни. Ему, он понимает, нужно бежать от самого себя, уплыть за три моря, очутиться вдали от всего пережитого. Вот тут на горизонте Неруды возникает еще один друг его юности — Альваро Инохоса, который просто бредил путешествиями. В 1924 году он вернулся из Соединенных Штатов, но уже мечтал податься куда-нибудь еще. Альваро и познакомил нашего поэта со своей сестрой — Сильвией Тауэр. Двадцатилетний Неруда показался Сильвии болезненно бледным, до странности невозмутимым, чуть ли не равнодушным ко всему на свете, и на редкость молчаливым. Однажды при ней поэт обронил: «Кто это придумал, что люди должны разговаривать?» Сильвия была весьма романтичной особой и тоже не слишком словоохотливой. Заметив, что поэт очень мало ест, она простодушно решила, что он ведет аскетический образ жизни. Ей и в голову не приходило, что у Неруды нет денег ни на еду, ни на что вообще.

Семья Альваро Инохосы безвыездно жила в Вальпараисо, на улице Деформес. В период между 1925 и 1927 годами Неруда довольно часто посещал их дом. Его властно тянуло к морю. Они с Альваро заглядывали на все рынки Вальпараисо, обходили все его пристани, лазили по холмам и отважно знакомились с ночной жизнью порта. Перед первым приездом Пабло к Альваро тот, шутки ради, наказал всем домашним ни в коем случае не

вступать в беседу с молодым поэтом. Для него, мол, это — нож острый. А Пабло чуть не сразу завел долгий, часа на два, разговор с хозяйкой дома — матерью Альваро. Сильвия, сгорая от любопытства, еле дождалась удобного момента, чтобы узнать, о чем они беседовали. «Да о делах, о коммерции… Очаровательный молодой человек!» Она ничего не выдумала. В те времена оба приятеля без конца строили самые невероятные «прожекты», которые должны были вырвать их из беспросветной нужды и сделать… Рокфеллерами, ну хотя бы в скромных масштабах Латинской Америки. Как только у них будет верный доход, они сумеют посвятить себя одной поэзии.

В июне 1927 года Пабло и Альваро выйдут из дома, пройдут по улице Деформес, доедут на поезде до станции, где пересядут на другой поезд и прибудут в Буэнос-Айрес. А потом поплывут на пароходе «Баден» в Европу, чтобы оттуда добраться до Рангуна… Какое-то время после их отъезда в дом Инохосы приходили письма и телеграммы от разных девушек; они с тревогой допытывались, куда подевался Пабло. Поэт почти никого не известил о том, что уезжает в Азию. Вскрывала письма и телеграммы Сильвия, но отвечала «лишь из жалости» только на те, что трогали ее сердце.

Альваро пробыл на Востоке очень недолго и вернулся в Соединенные Штаты. Там в 1938 году я и познакомился с ним и с его женой — американской балериной. Едва увидев его, я тотчас вспомнил те удивительные истории, которые рассказывал о нем Неруда. Поэт утверждал, что ему не случалось встречать более самоуверенного и дерзкого донжуана, чем Альваро. Я спрашивал Неруду, как, собственно, вел себя этот донжуан. Да просто не терял времени даром. Перед отъездом в Бирму они с Пабло много гуляли по парижским улицам. Как только Альваро замечал женщину в своем вкусе, он подбегал к ней и на чудовищном французском языке предлагал… заняться любовью. В девяносто девяти случаях он терпел неудачу, порой получал и пощечину, но «сотая» по его статистике, не подлежащей проверке, соглашалась. Я встретился с Альваро через десять лет после всех его похождений. Теперь этот остроносый человек с густыми лохматыми бровями, из-под которых смотрели светлые, блеклые глаза, прочно «стоял на якоре» в небольшой нью-йоркской квартире. Этому «вольному стрелку» лишь изредка, с большим трудом удавалось пристроить рассказ в каком-нибудь журнале. На жизнь Альваро зарабатывал уроками испанского языка.

Я несколько растерянно разглядывал друга Неруды, силясь обнаружить в нем черты этакого Казановы. Но ничто в его облике не говорило о его амурных похождениях в Европе и Азии. В глаза

мне бросилась какая-то настороженная сдержанность, будто за ней что-то пряталось, скрывалось.

Когда Неруда вернулся в Чили из Испании, я пришел к нему в дом на проспекте Викунья Макенны и взял интервью, которое через несколько дней было опубликовано в «Новостях недели». В то время этим еженедельником руководил добрый друг поэта — благороднейший Луис Энрике Делано. Квартира, где временно остановились Неруда и Делия дель Карриль, принадлежала все той же Сильвии Тауэр. Когда-то из ее дома в Вальпараисо он отправился на Восток.

В 1958 году после тридцатилетней разлуки Пабло встретился с Альваро в Сантьяго у художника Немесио Антуньеса. Они кинулись друг другу в объятия и несколько минут не могли произнести ни слова.

В том же году Сильвия Тауэр познакомила Неруду с пуэрториканцем Антонио Сантаэльей; тот разъезжал по странам Латинской Америки, призывая всячески поддерживать борцов за свободу его родины. После встречи с ним Пабло решил написать книгу стихов в защиту независимости Пуэрто-Рико, он даже думал назвать эту книгу «Бедный порт». Первые стихи книги стали как бы прологом, предтечей его знаменитой «Песни о подвиге». В кратком предисловии к «Песне о подвиге», впервые опубликованной в Гаване в 1960 году, Неруда пишет:

> «Сначала я задумал книгу о Пуэрто-Рико, о страдальческой судьбе этой страны-колонии, о борьбе, которую ведут сегодня ее самоотверженные патриоты. Но после знаменательных событий на Кубе эта книга разрослась и объяла все пространство Карибского региона».

Альваро Инохоса перепробовал тысячу разных профессий, но потом, спрятавшись под странным хитроумным псевдонимом, который скорее был бы к лицу какому-нибудь персонажу Александра Дюма, стал торговать картинами. Этому новоявленному маршану удалось таким образом вернуться в Париж. Он хотел остаться до конца дней в городе своих мечтаний, безумств и любовных побед — в Париже 1927 года. Однако возникла одна маленькая загвоздка — прошло более сорока лет. Париж стал старше, но сохранил молодость. Альваро был моложе Парижа, но успел состариться. И потому сделал скоропалительный вывод: Париж уже совсем не тот, здесь все пришло в упадок. И, рассердившись, уехал…

III
ВОСТОК, ТОСКА И ТВОРЧЕСТВО

43. Настойчивые просьбы издалека

Наконец-то поэт добивается назначения почетным консулом… в Рангун. Позже он будет консулом в Коломбо (в те годы — Цейлон), потом в Батавии (остров Ява) и в Сингапуре (Малайзия).

Из всех этих мест он продолжал писать Альбертине. Однако сохранились лишь письма, отправленные с Цейлона. 17 декабря 1929 года Неруда шлет письмо своей «маленькой Неточке». Все как бы повторяется сначала: «Я не хотел тебе писать, пока ты не ответишь на мои прежние письма. Но сейчас — глубокая ночь, страшная духота и сна — никакого». И здесь, как в его комнатушке на улице Эчауррен, ночной столик украшает фотография Альбертины. Поэт всегда питал слабость к изделиям из ценных пород дерева и вставил фотографию в рамку из тамаринда. Глаза Альбертины смотрят на него днем и ночью. Выходит, зря он думал, что никогда не встретится с ними… В письме сквозит определенная настойчивость. Неруда знает о планах Альбертины и требует одного: приехать к нему.

> «Ведь это последняя возможность соединить наши жизни! Я так устал от одиночества, что возьму и женюсь на другой, если ты не приедешь! По-твоему, это дикая нелепость, дурь? Нет, дорогая, дико будет, если ты откажешься от меня. Знаешь, я ведь теперь „сеньор консул“ и на виду в здешнем обществе. Мамаши смотрят на меня выжидающе (заметь: у многих премиленькие дочки). Но пойми, послушай! Кроме тебя, я никого никогда не любил».

После окончания университета в городе Консепсьон Альбертина стала работать в экспериментальной школе. Однажды ее вызвал к себе директор и предложил поехать в Брюссель для освоения аудиовизуального метода обучения иностранным языкам, который разработал профессор Декроли. В скором времени Альбертина уехала в Бельгию. Туда и приходили письма от Неруды. Наш влюбленный консул разъясняет своей подруге все: и каким пароходом приехать, и в какое агентство обратиться.

> «Обратись в агентство Брэнч Сервис, у него есть

отделения в Париже и в Марселе, и приобрети там билет. Он стоит тысячу чилийских песо… Каждый день, каждый час я задаю себе один и тот же вопрос — приедет? О Чили я совершенно ничего не знаю, представляешь?»

На другой день Неруда шлет письмо авиапочтой: «Ни один самолет в мире не привезет столько поцелуев сразу». Поэт настроен решительно. Преступно губить их счастье, откладывать, медлить, придумывать какие-то препятствия. Он ни за что не позволит ей вернуться в Сантьяго. Она должна сделать все, чтобы быть с ним. Хорошо бы ей использовать обратный билет в Чили, обменять его в том же агентстве. Разве он склоняет ее на что-то дурное? Ему понятны ее опасения, но как только они поженятся, он обо всем напишет Рикардо Молине, ректору Чилийского университета в Консепсьоне и непременно оплатит ее билет в Чили, да и все расходы до последнего сентаво. Но при всем том Неруда осмотрителен. Альбертина — если она согласна — должна сделать все разом, немедля. И никому ни слова о нем, это может помешать его продвижению по службе… Он верит, надеется, что любимая приедет к нему и они наконец поженятся. Он велит ей «слушаться его тысячу и один раз». Но Альбертина упорствует…

Послав Альбертине стихотворение из книги «Местожительство — Земля», Неруда спрашивает: «Ты, наверно, поняла, что стихи по-прежнему о тебе?» Чуть ниже: «Почти все». А в конце письма с полной уверенностью: «Но лучшие из них посвящены тебе!»

Поэт, раздираемый сомнениями, приходит к местному факиру.

> «Он сказал, что может угадать имя той женщины, которую я люблю и которая любит меня. И представляешь, взял и написал это имя!»

Однажды было послано сразу несколько писем. Письмо от 19 декабря — два уже отправлены — значительно отличается от всех предыдущих.

> «Пишу тебе потому, что меня терзает одна мысль. Вдруг ты по моей вине нарушишь какие-то свои обязательства. Прости меня за то, что я опять тревожу тебя. В общем, я с радостью, поверь, предоставляю тебе полную свободу. Поступай по своему усмотрению, как считаешь нужным. Ни за какие блага я не хотел бы, чтоб ты приехала ко мне против своей воли. Грешно

принуждать тебя. Я не могу „войти в твое положение“ и, перечитав письмо в сотый раз, понял, что тебе, видимо, хочется уехать в Чили. Ну что ж, говоря откровенно, здесь, так или иначе, ты разделила бы со мной невзгоды и лишения, которые выпали мне в большей мере, чем другим. Живи, как знаешь».

Из писем Неруды с Востока даже по отдельным фразам можно представить, как он страдал от одиночества. Целыми днями не с кем перемолвиться словом. Разве что со слугой. Не на кого излить досаду, злость. «Ты же знаешь, характер у меня не самый лучший…» Настоящий взрыв последует, когда ему вернут заказное письмо из Бельгии со штампом: Parti sans laisser adresse[56]. «Где человечность? Где хоть какое-то чувство ответственности? Сеньорита даже не удосужилась написать ответ!» Неруда вне себя от гнева, от обиды. Тон его письма категоричен. «Как можно порушить все планы, извести понапрасну столько времени! Все должно решиться сейчас, немедленно или никогда!»

Когда Альбертина вернулась в Консепсьон, к ней пришло прощальное письмо поэта. Тон этого письма необычен:

> «Я хотел, чтоб ты стала моей женой, в память о нашей любви… И пожалуйста, уничтожь все мои письма, все, что я тебе посылал. И верни мои фотографии. Им незачем попадать в руки твоих новых приятелей в Консепсьоне (я наслышан порядком!). А главное, вышли почтой фотографию, которую я дважды отправлял на твой брюссельский адрес заказными письмами. Ту, где я в бенгальском наряде. Мне она срочно нужна. Верни ее как можно скорей. Окажи мне эту великую последнюю милость.
>
> Прощай навсегда, Альбертина. Забудь меня и верь, что я желал тебе только счастья!»

Это и в самом деле разрыв. Однако поэт напишет Альбертине еще несколько раз по возвращении в Сантьяго, в 1932 году. В одном из писем — они написаны на бланках Министерства иностранных дел, где Неруда тогда работал, — он известит Альбертину о том, что ей уже успели рассказать.

> «Должно быть, ты знаешь, что в декабре 1931 года я женился. Тебе не захотелось избавить меня от страшного одиночества, которое день ото дня становилось невыносимее. Ты поймешь, если вникнешь душой в то,

что такое долгие годы на далекой чужбине».

В следующих строках — как бы желание вернуться к прошлому: Неруда говорит, что чувство к ней не поблекло, не угасло.

> «Мне хочется поцеловать тебя в лоб, погладить твои руки, которые я так любил, рассказать, что в моем сердце все еще живет нежное дружеское чувство к тебе».

Третья строка свидетельствует о его осторожности:

> «Не показывай никому это письмо. И пусть никто не знает, что ты мне пишешь».

А в четвертой строке — вопрос, скорее просьба:

> «Может, ты сумеешь приехать в Сантьяго, хоть на денек?»

15 мая 1932 года Неруда снова пишет письмо на официальном бланке Министерства иностранных дел. Он хочет понять, в чем причина их разрыва.

> «Я не стану причинять тебе боль, но, по-моему, ты совершила роковую ошибку. В телеграммах и в письмах я говорил, что женюсь на тебе, как только ты приедешь в Коломбо. У меня уже было официальное разрешение оформить брак с тобой, Альбертина, мне даже выписали денежное пособие… А теперь моя сестра вдруг говорит, будто я звал тебя к себе, не собираясь узаконить наши отношения, и ты, мол, потому и отказалась. Зачем такая неправда? Мне и без того невыносимо горько, что ты так и не поняла меня, а тут еще и эта напраслина. Ужасно!.. Ну да ладно… Забудем то зло, что причинили друг другу, и останемся друзьями, пусть все-таки в нас живет надежда».

Есть и последнее письмо, от 11 июля 1932 года. Оно послано Альбертине из Сантьяго. В сердце поэта полная сумятица. Как часто люди не понимают, что возврата к прошлому — нет!..

> «Я думаю о тебе постоянно… но ты такая же неблагодарная, как и прежде. До сих пор не пойму, что с тобой было в Европе, не в силах понять, почему ты не приехала ко мне».

Спустя полвека Альбертина вспоминает обо всем без тени волнения, пожалуй, даже нехотя:

> «Пабло писал мне из Рангуна. Звал к себе, чтоб мы там поженились. А я уехала в Париж. Рождество мы провели с подругой в Лондоне. Некоторые письма Пабло я получила с большим опозданием, а другие вернулись к нему, и он страшно рассердился».

Возвратившись в Консепсьон, Альбертина стала преподавать французский язык по методу профессора Декроли. Письма в Консепсьон Пабло отправлял на университетский адрес.

> «Однажды наш директор, строгий моралист, правда лишь на словах, вскрыл письмо Неруды и выговорил мне за его содержание. Ну а я с возмущением сказала ему, что он не имел права читать чужое письмо. В общем, хлопнув дверью, я ушла из университета. И вскоре уехала к Рубену, он уже был женат, и у него в доме познакомилась с Анхелем Кручагой».

44. Настойчивые просьбы из Батавии

В 1983 году один из журналистов спросил Альбертину, хотела ли она стать женой Неруды. В ее ответе, как всегда, сквозило что-то затаенное, недосказанное. «Да. Я его очень любила, но тогда были другие времена. Я не могла…» Почему все-таки не могла?

В 1935 году Альбертина вышла замуж за Анхеля Кручагу. Почти через пятьдесят лет ее просят рассказать что-нибудь о муже, и она медленно роняет слова: «Он был на десять лет старше меня… Они совсем разные с Пабло… Анхель долго не женился. Он очень деликатный человек. Они совсем разные с Пабло (это Альбертина повторяет несколько раз). Анхель был очень выдержанным, спокойным…» Его отец был из басков — высокий, красивый, глаза голубые и густые длинные усы.

Неруда придумывал для Альбертины разные имена и прозвища, но больше всего ей нравилось имя Неточка.

Живя в Азии, поэт переписывался с Анхелем Кручагой, посылал ему письма с острова Суматры, из Батавии. Любопытная деталь: именно к Анхелю обратился Пабло с просьбой в письме из Батавии от 26 января 1931 года:

> «Я женился. Будь другом, помести эту фотографию моей жены в журнале „Зиг-Заг“, на видном месте. А мой

> негатив в редакции есть. Мне хочется порадовать ее, сам понимаешь. Она уже многое про тебя знает. Считай, что ты в нашем доме — свой человек. Потом пришли мне два экземпляра журнала. Смотри не забудь, а то нарушишь покой моего семейного очага!»

Через двадцать дней Пабло шлет ему новое письмо, где спрашивает, отправил ли он фотографию в «Зиг-Заг», и напоминает еще раз о двух экземплярах журнала с их портретами. И другая просьба — выслать экземпляр журнала «Атенеа», где опубликовано стихотворение «Ночная коллекция».

Анхель Кручага и Альбертина Асокар сочетались браком, когда Неруда был далеко от родины. Он их поздравил. Впоследствии супруги вошли в круг людей, близких Неруде, и поддерживали с ним теплые отношения многие годы, пока открыто не появилась Матильда; она внесла полный разлад в «содружество» прежних возлюбленных и подруг Неруды, которые вполне спокойно пребывали у трона старой королевы, но сразу ополчились против победного вторжения молодой пришелицы, «чужачки». А незадолго до этих событий, 6 июля 1944 года, Неруда послал Анхелю Кручаге изумрудную бабочку и сонет из Мичиокана, а может, из своего дома «Лос Гиндос»… «Приклей эти легкие крылышки / себе на спину, / чтоб парить над весенними крышами / и видеть всегда Альбертину…»[57]

Пройдут годы, и Неруда вспомнит об Альбертине-Росауре в «Мемориале Исла-Негра»: «Любовь, как топь, ты затянула нас, / и мы упали, пронзенные блаженством острым… / О страсть двух тел, сплетенных / без слов, в священной клейкой влаге…»

Это потрясение, эта любовь навсегда вошла в жизнь поэта, и память о ней не тускнела. «Там порванные простыни остались…» Поэту видится, как Росауру уводит вода, время, как его город уносит река. Неруда называет в стихах точную дату этой любви — цифру за цифрой — «один, девять, два, три — 1923 год». И все эти цифры падают в воду. Росаура давно забыла далекие дни «на улице Сасьё иль на уютной площади / Падура, в пьянящем аромате роз / той комнатки, что приютила нас».

Это любовь бедных студентов… Окно, «оно на дворик крохотный глядело, / весь кошками бездомными пропахший». А они вдвоем — нагие, на постели жесткой «убогого предместья», не спят, «готовясь к таинству любви».

Прошло столько лет, и вот Неруда обращается к ней с горечью, с упреком: «И может, лишь тогда в тебе пылал огонь, / и может, лишь тогда была сама собою. / Мы вместе целый мир зажгли и вместе погасили, / ты в полутьме осталась / я — с

дороги жизни не сошел».

Вглядываясь в прошлое, раздумывая над своими отношениями с Росаурой, поэт говорит: «Для нас существовала в мире лишь одна любовь», но добавляет, что и тогда в Альбертине была какая-то закрытость… «В том городе, где все замарано / обманом и продажною любовью, / не знала ты — куда шаги направить».

Обнажив всю глубинную суть великого противостояния Мужчины и Женщины, молодые любовники высекали неистовый огонь страсти. Этот огонь стихал долго, не вдруг, и оставил в их сердцах глубокие шрамы ожогов…

В далекое прошлое ушел тот памятный октябрьский вечер 1921 года, когда в Городском театре Темуко состоялось буффонно-торжественное действо, где обрела шумную славу «Праздничная песнь», которую сложил влюбчивый, до невероятия худющий поэт с заунывным голосом. Этот голос много лет спустя старательно исправляла исполнительница вагнеровских партий Бланка Хаусер, знавшая самые эффективные методы фониатрии{64}…

Однажды в разговоре Неруда мне признался, что никогда не мог устоять перед любовью женщины, перед ее зовущими глазами, особенно если она ему нравилась. Что ж, разве это противоречит понятию о мужской чести? Мужчина, если он настоящий мужчина, непременно должен откликнуться на зов женщины.

В жизни поэта не раз была большая любовь, бывали и сильные увлечения, но никогда он не опускался до любовных интрижек. Таков Неруда — с юности, со студенческих лет в Сантьяго, где городской шум прорезывали звонки трамваев, где, куда ни кинь взгляд — прекрасные молодые девушки. В каждой из своих подруг поэт видел воплощение самой весны, благоухающую «ветвь цветущей жимолости на любовном ложе». «Одна-единственная пламенная встреча…» Он придавал непреходящее значение и этим мимолетным встречам. «Моя поэзия, ты вызревала в одиночестве, / ты зарождалась в неистовом горении двух тел, / когда светила обнаженная луна / и торжествующе звучали все стихи земли».

45. Переписка с родными

В эпистолярном наследии Неруды есть двадцать восемь писем, которые он написал в самые разные годы. Они были опубликованы мадридским издательством Центра ибероамериканского сотрудничества — «Культура испаника» — в

1978 году. Уго Монтес написал к ним глубокое, содержательное предисловие. Лаурита, как мы уже знаем, была женщиной простой, непритязательной, но в чем-то весьма сложной. Она, эта хранительница рода Рейесов, с удивительным умением поддерживала отношения со всеми родственниками — близкими и дальними. В самом надежном месте, точно сокровище, берегла Лаурита все до одной бумаги старшего брата, начиная с его школьных лет. Лишь благодаря ей уцелели и дошли до нас многие тексты раннего Неруды. Лаурита, как уже упоминалось, говорила все напрямик и порой довольно резко. Люди или нравились ей, или не нравились. Никаких половинчатых оценок. Она считала, что Пабло унаследовал кое-что от своего деда Хосе Анхеля: тот не писал стихов, зато любил их декламировать, читал не только Библию, но и знал на память длинное стихотворение Виктора Гюго «Молитва за всех» в переводе Андреса Бельо. А вот общительность, способность легко заводить друзей — это у Пабло от отца. Так утверждала Лаурита. Она помнит, что в детстве по утрам на плите долго кипел чайник и в дом заходили позавтракать железнодорожники, кто совсем рано, кто попозже. Старший брат любил Лауриту. Однажды, когда она, еще совсем девочка, разбила фарфоровую вазу и заплакала от страха, он взял вину на себя.

Ее мало трогала слава, она относилась с восхищением и к Пабло и к Родольфо. Оба были ей одинаково близки. Лаурита безмерно гордилась тем, что у младшего брата поставленный от природы тенор и что он любит оперу, особенно «Травиату», знает из нее почти все арии. Родольфо мечтал стать оперным певцом и поступить в Государственную консерваторию. Но отец посчитал это блажью и решительно воспротивился желанию Родольфо. Мало ему, что старший сын занимается стихоплетством! Только этого не хватало! Сразу два бездельника в одной семье…

Я привык считать, что Лаурита не была замужем. Как-то не приходилось видеть ее в обществе мужчин… «Она — вдова», — объяснил мне однажды Пабло. Лаура вышла замуж за своего дальнего родственника — Рамона Кандиа Кеведо, владевшего небольшим земельным участком в Паррале. Но в 1941 году Кандиа Кеведо скончался от разрыва сердца. Они были женаты меньше двух лет. А ее единственный сын умер младенцем. «Не ладится у нас с потомством», — грустно шепнул мне Пабло. В 1938 году Лаура переехала в Сантьяго. Она работала воспитательницей в Женском училище номер 2 и пробыла в этой должности двадцать четыре года. Выйдя на пенсию, Лаурита совершила поездку в Европу и целых три месяца жила в парижской квартире у Пабло. Поэт в то время был послом Чили

во Франции. В Париже ей захотелось взглянуть, что такое ночная жизнь. И она решилась. А что тут страшного? Кто ее здесь знает?.. Вдвоем с подругой Марией Малуэндой строгая Лаурита отправилась в «Фоли-Бержер», а потом провела всю ночь в «Ла Куполь». Этого ей хватило сполна.

Лаурите хорошо запомнились годы детства в Темуко.

> «Когда Пабло заболевал и его укладывали в постель, он просил, чтобы я не отходила от окна и рассказывала ему обо всем, что делается на улице, не пропуская ничего, никакого пустяка, никакой мелочи. Вот я и говорила: „…теперь куда-то спешит маленькая женщина из индейской деревни, ну та, что продает цветные пончо. А на другой стороне играют ребята. Их четверо“. Мне надоедало, я уставала от этого, а он — нет, давай рассказывай, что там и как. Словом, я торчала у окна, точно на страже. Рассказывала и рассказывала, без конца».

Не следует думать, что это воспоминание — малоинтересно. Пабло с детства жадно впитывал в себя все, ему хотелось знать обо всем, что происходит в жизни. Он копил впечатления, точно муравей, который делает запасы на зиму.

Неруда — человек далекий от показной учтивости — держался с сестрой на редкость обходительно. Я, пожалуй, не встречал двух близких людей, столь не похожих друг на друга по характеру, по духу. Лаура, безусловно, почитала все, что касалось жизни Пабло. Но порой не могла удержаться, чтобы не пробурчать что-то неодобрительное по поводу его неразборчивости в знакомствах. «Этот человек мне не нравится», — цедила она сквозь зубы и вовсе не считала нужным объяснять — почему. В глубине души она верила, что должна оберегать брата от всего, от любой напасти, быть ему вместо матери. Но знала, что это надо делать так, чтобы он ничего не замечал, и — главное — помнить о неоспоримых правах его законных жен, которые могли бы упрекнуть ее в излишней опеке над поэтом, в чрезмерных и ненужных волнениях из-за его пустяковых промашек или невинных причуд. Он же поэт!

Пабло называл ее ласково — Лаурита. Никогда не говорил ей — Лаура. В его письмах она — Кролик, Кроля, Кролюша, Кралечка. В общем, поэт переиначивал ее имя на разные лады, не считаясь с правилами грамматики и орфографии.

Когда Пабло уехал в Сантьяго, Лаура стала чем-то вроде неусыпного Аргуса[{65}]: она во все глаза следила за жизнью Темуко и без промедления сообщала брату о всех новостях. У них

даже был свой условный язык. Поэт, спрашивая о ком-нибудь из общих знакомых, ставил лишь его инициалы. Порой ему не терпелось узнать о чем-то важном, и он торопил Лауру — сходи, посмотри, выясни… Для него она оставалась той прежней девочкой, что подолгу глядела из окна на улицу… Из писем поэта к сестре явствует, что ему совершенно не на что было жить в Сантьяго. Он отчаянно и безуспешно искал работу. «Рудесиндо Ортега по-прежнему ведет себя не самым лучшим образом… Но волноваться пока не стоит, я твердо верю, что мне все-таки заплатят. Запиши мой адрес: Сантьяго, улица Санто-Доминго, дом 736. Сеньору Рикардо Рейесу».

В одном из писем Пабло негодует: «Что за безмозглый народ эти портные! Требовать с меня расписку об уплате за работу! Я же не могу выложить сразу столько денег!» Нередко он жалуется сестре, как тяжки бесконечные переезды с квартиры на квартиру. В письме от 27 октября 1926 года Неруда сообщает своей «милой Кролюше»: «Со вчерашнего дня я лишился пансиона!» Новость невеселая, но поэт в том же письме спрашивает у сестры о женщине по имени Амалия, которой он не решился послать книгу (имеется в виду «Порыв стать бесконечным»), сомневаясь — понравится ли она. «…Но если ты настаиваешь, то пошлю. Слушай, вдруг А. все-таки приедет в Сантьяго? Ведь сам я вряд ли попаду на Юг. Хочется побыстрее удрать в Европу. Но будет обидно, очень обидно, если мы с ней так и не свидимся!»

Неруда жаждет уехать из Чили. Он пишет, что устал от бессмысленных сражений с отцом и потому уедет недели через три, не позже. Вся загвоздка в том, что, кроме билета, у него ничего нет. «В Женеве я, видимо, буду питаться одним дымом. Что бы такое придумать? А вдруг ты сумеешь раздобыть для меня немного денег?..»

Это письмо Пабло написал в середине декабря 1926 года; он еще жил в Сантьяго на улице Гарсиа Рейеса в доме номер 25.

А следующее письмо отправлено из аргентинского города Мендоса лишь через шесть месяцев — 15 июня 1927 года. Это прощальное письмо было послано с явным опозданием…

«Милый Кролик!

Передай отцу (заметьте — нет ласкового слова „папа“) и маме, что, к моему великому сожалению, я не смог их обнять перед отъездом, потому что мне дали билет на поезд, который уходил с минуты

на минуту.

Я весь извелся, мне было очень тяжко на душе. Но верь: мы разлучаемся ненадолго. Я скоро вернусь и отдеру моего Кролика за длинные ушки.

Рикардо».

46. Сны и бессонные ночи в открытом море

Рикардо-Пабло впервые едет за границу — ему все любопытно, все интересно, он жадно ловит незнакомые запахи, с радостным возбуждением вглядывается в незнакомый ему мир. Ну точно вырвавшийся на волю молодой и веселый пес!..

Буэнос-Айрес. Июль 1927 года. Неруда поднимается на немецкий пароход «Баден». Поэту надо добраться до далекого-предалекого Рангуна. Путевые заметки, которые он будет регулярно посылать в чилийскую газету «Насьон», с полным правом можно назвать страничками лирического дневника. По этим заметкам видно, что Неруда — очеркист с искрой божьей, прирожденный мастер путевых репортажей. Его внимательному, зоркому взгляду открывается не только красота природы, но и потаенные уголки человеческой души. В поэте живет и талантливый писатель-юморист, который умеет заразительно смеяться и находить совершенно неожиданный угол зрения. К тому же он не прочь иронизировать и над самим собой.

Как огромен Атлантический океан! Да и Бразилии, похоже, нет конца и края… В порту Сантус на их пароход обрушиваются пряные свежие запахи кофе и апельсинов, резкие, пронзительные крики макак и королевских попугаев. Кажется, что в воздухе растворена сама душа Бразилии. Но вот он, великолепный завершающий мазок, от которого все заискрилось еще ярче… По трапу поднимается женщина с глазами в пол-лица. До чего пленительная креолка!.. Пароход медленно удаляется от бразильского берега. Новая приятельница Неруды — Маринеш — «говорит на сладостно-мелодичном португальском языке, в ее устах этот занятный язык обретает особое очарованье. Пятнадцать поклонников обступили неотразимую бразильянку плотным кольцом…»

Лиссабон. Мадрид. Париж.

Париж 1927 года. Час Монпарнаса… Все пять дней и пять ночей в «Ле Дом» и в «Ла Куполь» (как полвека спустя его сестра Лаурита). Парижские кафе, наводненные аргентинцами. Бешеный успех танго…

Еще остались звуки танго на полу,
и золото булавок колумбийской церкви,
оскал улыбок и очки японцев,
и уругвайские томаты…
а рядом труп костлявого чилийца.
Все вскоре выметут,
потоком мощным смоют.
Все кончится, исчезнет безвозвратно:
золой отменной станет для утопших,
которые, покачиваясь странно,
плывут в забвенье равнодушной Сены.

Марсель. Оттуда по Средиземному морю — в Порт-Саид. Африканские пальмы, узкие шумные улочки. Огромные базары. Пропахшие прелью маленькие рынки. Буйство алых и зеленых красок. В памяти неизбежно всплывает имя Пьера Лоти, которым тогда зачитывались, а теперь напрочь забыли. Перед глазами оживают страницы его романа «Разочарованные». Арабские женщины под чадрой. Как сверкают их темные глаза! Женщины вроде бы отрешены от всего, что происходит на улице.

«Они, похоже, согнулись под тяжестью сложенных о них литературных легенд».

Молодой Неруда отправился по неведомым дорогам мира с наивной верой, что повсюду будет встречать героев и героинь из прочитанных книг. Вот они в непридуманной жизни — курильщики наргиле… Лица у них озабоченные, замкнутые. Они наверняка даже не подозревают, каким ореолом таинственности их окружили европейские писатели, которые возвели в настоящий культ восточную экзотику… Неруда день ото дня все больше убеждается в том, что на этой земле солнце лишь красочно декорирует ошеломляющую нищету.

В Джибути солнце жарит немилосердно, и поэт вынужден писать свои репортажи для газеты «Насьон» левой рукой, а правой — защищаться от обжигающих солнечных лучей… В заливе сомалийские мальчишки ловко выныривают с монетками в зубах… Неруде кажется, что он уже бывал в этом порту. Ведь именно здесь, в Африке, сломалась жизнь Артюра Рембо… Неожиданно поэт попадает на улицу танцовщиц, где его ждет сценка, достойная страниц романа «Саламбо». Но наш двадцатитрехлетний поэт еще не обременен печалью Флобера, решившего воскресить времена Карфагена. Секунда, другая — и Пабло уже возлежит на ковре, любуясь двумя обнаженными

танцовщицами. Их плавные, замедленные движения совершенно бесшумны, лишь слегка колышутся на земле слабые тени. Внезапно зазвенела музыка браслетов. Пабло неожиданно для себя обращается по-испански к одной из танцовщиц. Он говорит с таким азартом, так пылко, что маленькая танцовщица вдруг бросается к нему на шею. Подумать — она поняла все, что он сказал! Вот какая сила у испанского языка!

Пароход плывет, погруженный в сон. Скоро они будут на Суматре. Друг Неруды Альваро Рафаэль Инохоса «спит без снов». А бодрствуя, «спит и видит белошвеек Голландии, учительниц Шарлевиля, Эрику Полу из Дрездена…». Храпят китайцы, аннамиты, итальянские моряки, негры Мартиники. Корреспондент газеты «Насьон» боится спугнуть их сон… Он отметает пустые мечты о фонографе, о звоне маленьких колокольчиков, о Монмартре. Сейчас куда разумнее мечтать о встрече с молчаливой женщиной, с Лулу, а лучше с Лаурой… «Голос ее по губам лишь услышишь или увидишь во сне».

Полусонный корабль, как и положено по расписанию, причаливает к безмолвному, словно вымершему Коломбо. Глубокая ночь, священная тишина, ни песен, ни пьяных криков. К утру город оживает… Неруда взял рикшу, и тот бойко затрусил по улице, чем-то удивительно напоминая бегущего страуса. Неожиданно поэт встретил торговца листьями бетеля и ахнул, увидев, что он на одно лицо с Омеро Арсе. Да… путешествуя по свету, мы вдруг обнаруживаем, что у совершенно незнакомых людей бывают очень знакомые нам лица…

В Сингапуре поэт сошел на пристань — он плыл в третьем классе — без гроша в кармане. На что купить билет до Рангуна? Неруда отправился к чилийскому консулу и попросил у него денег в долг. Но тот преспокойно отказал поэту. «Тогда я ему пригрозил, что прочту в Сингапуре платную лекцию о Чили, — вспоминает Пабло, слегка улыбаясь. — Однако консул, испугавшись конкуренции, сразу выдал мне нужную сумму». Вот так Неруда добрался пароходом до Бирмы.

47. Одиночество в Бирме

Новое пристанище Неруды… Молодой консул попадает в мир влажных вязких запахов и москитных сеток. Без этих москитных сеток жизнь здесь просто немыслима. Поскорее бы лечь в постель. Вода в умывальнике теплая. Вокруг со свистом летают тучи огромных москитов и прочей нечисти… Так начинается новая пора жизни Неруды. Пора бесприютного одиночества и глубокой тоски.

Я побывал однажды в Бирме. И лишь там мне открылось, что первая книга поэтического цикла «Местожительство — Земля», которую многие считают усложненной, трудной, написана реалистом до мозга костей… Неруда, который так мечтал покинуть Чили, по сути, оказался в дыре, в темном колодце. И все же не утонул в его водах — ему достало жизненных сил спастись…

В Чили поэт долго и безуспешно ходил в Министерство иностранных дел, надеясь получить назначение на какую-нибудь дипломатическую должность. И вот в один из дней его покровитель назвал незнакомые города, рассеянные по миру, где тогда были вакансии на место консула. Взволнованный Неруда сумел удержать в памяти лишь одно название — Рангун… Он стал почетным консулом в Рангуне и с самого первого дня проклинал свою судьбу. Раз в четыре месяца из Калькутты приходил корабль с парафином и ящиками чая для Чили. Два дня консул ставил печати и подписи на бумагах и декларациях об отправке чая и свечного парафина. А потом снова четыре месяца вынужденного безделья. Ни один бирманец не выражал желания поехать в Чили. Ни один чилиец не ступил на бирманскую землю. Поэт, вспоминая об этом времени, говорит, что маялся, не зная, куда себя деть, и большей частью созерцал храмы и базары.

Он сразу заметил одну примечательную особенность: это страна, где правят женщины, изысканные дамы из местной аристократии. Как ловко и красиво они заворачиваются в саронги броских расцветок, где преобладает яркое золото. Или в синие ткани с белыми разводами…

Некоторые бирманские дамы курили огромные сигары. Женщины были везде и всюду. Английские колонизаторы дали им право голоса, когда британские суфражистки еще вели за это борьбу на улицах Лондона и взрывались гневом на Трафальгарской площади. Это была нищая страна, послушная власти светло-желтого золота, золотого сиянья Главной пагоды, ее золотых крыльев. Это золото давало право чтить три волоска Будды, что хранятся в сосуде, похожем на амфору, доверху наполненном рубинами и изумрудами. Человек, попавший в Рангун из края, где все затянуто мутно-серой пеленой холодного дождя, застывает в изумлении при виде живой оранжевой реки, которая катит свои воды по улицам, — это буддийские монахи выходят из храма, а навстречу им спешат люди с едой.

Вот оно — поразительное пиршество красок Рангуна! Точно кадры цветного фильма… Прокаленный зноем город расстилается позади отеля для белых, позади золотой пагоды, уходит вниз, к улице прокаженных, точно сбегает откуда-то сверху, из джунглей,

и течет по грязной дороге, покрытой засохшими плевками жеваного бетеля. И как много здесь уличных танцовщиц! Возле самых вод Мартабана наш консул встречает мимолетных подруг… «О женщина, что мне любовь подарит — любая: / чернокожая иль серебристая, / греховная иль чистая, / оранжевая, страстная, небесно-голубая…»

Неруда нередко провожал взглядом карету любви, которая медленно проезжала мимо него по какой-нибудь окраинной улочке города. Бирманский ослик, впряженный в эту красочную двухколесную повозку, лениво ступал посреди дороги. Он вез куртизанку с раскосыми глазами и высокой прической. Щеголяя яркими бусами в несколько рядов и дешевыми браслетами, она сидела, как бы в обрамлении раздернутых занавесок, и предлагала прохожим сладостное путешествие. Молодые или старые мужчины в белых одеждах и с непременными черными зонтиками в руке договаривались обо всем на ходу. Когда какой-нибудь распаленный фланер подымался в этот «экипаж страсти», занавески мгновенно задергивались, скрывая от постороннего взгляда все, что там происходило. Двуколка катилась и катилась по улицам, а время отмерялось философским шагом длинноухого ослика с влажными глазами, способного понять все на свете… Наш поэт не раз устремлялся в пламя этого любовного ложа на колесах…

Неруда часто посещал бирманские храмы. Поэта отталкивали боги, свернувшиеся змеей, точно Кецалькоатль{66}. Казалось, что они улыбаются самой вечности и нашептывают человеку, что превыше всего — Великое Ничто.

Самая лучезарная и самая скорбная страница жизни Неруды в Бирме — Джози Блисс. Мне довелось прочитать стихотворение «Танго вдовца» в одном чилийском журнале, до выхода в свет первой книги «Местожительства». Я как-то сказал, что это — одно из самых щемящих, горестных танго, какие я знал. Его слова звучат поистине еретически для слуха профессиональных сочинителей танго… Позже я не раз спрашивал Неруду о Джози Блисс, об этой молодой бирманке, что взяла себе английское имя, но наедине с поэтом сбрасывала и европейские одежды, и свой саксонский псевдоним, становясь той, кем была на самом деле… Это она появлялась ночью вся в белом с острым длинным ножом в руке, готовая из ревности убить поэта, спящего под москитной сеткой. Кончилось тем, что он тайком удрал от гневливой красавицы из Рангуна… Но едва пароход отчалил от берегов Бирмы и, бороздя воды Бенгальского залива, поплыл к Цейлону, поэт принялся писать «Танго вдовца».

На Цейлоне он тосковал по Джози Блисс.

«О, я бы с радостью отдал весь хор моих теней поющих, / отдал бы я удары шпаг, уже ненужных, что все еще звучат в душе, / чтоб вновь услышать, как звенит твоя тугая струйка в уснувшем доме, / как льется, будто мед прозрачный, / мед трепетный, искристый, теплый…»

Что означает для Неруды одиночество? Что означало это для мужчины, всегда окруженного женщинами, всегда стремящегося быть с ними? Поэт чувствовал себя отторгнутым от мира, отрешенным от самой жизни. Ему казалось, что он — на обочине, всем — посторонний.

Страны Востока, где жил Неруда, тогда еще не высвободились от колониального гнета Англии и Голландии. Поэт всем нутром презирал хозяев из высокомерных метрополий. Ему хотелось ближе соприкоснуться с национально-освободительным движением, но это оказалось трудным делом. Он так и остался чужаком на этой земле.

Чтобы осмыслить причины, породившие у Неруды чувство безысходного одиночества на Востоке, надо окунуться в воды его первой книги «Местожительства» и перечитать со вниманием письма, которые он писал аргентинскому другу прозаику Эктору Эанди. Эти письма — ценнейший документальный материал, позволяющий вникнуть во все, что вызвало тяжелое душевное состояние поэта. «Я должен вам признаться, — пишет он Эктору Эанди из Меркары, порта в Бенгальском заливе, 16 декабря 1928 года, — что сбежал из Бирмы, и, надеюсь, навсегда. Сейчас держу путь на далекий-предалекий от вас остров Цейлон. Здесь это не расстояние. Меня ждет все та же географическая широта, тот же невыносимо тяжкий климат, та же участь. Часа через два, не больше, пароход придет в Коломбо. Два месяца перед этим я прожил в Калькутте… Ну что ж, приготовимся к новым ужасам этих забытых богом колоний, выпьем порцию whisky and soda[58] или chot a pegg[59] за вас, мой добрый Эанди… Кругом пьют, жуткое пекло, лихорадка. Спившихся и больных — без счету. В соседней комнате слышен горячечный бред. Видели б вы глаза этого несчастного молодого грека! Три года подряд в Ассаме… Каждые пять минут он хочет кинуться в море! Les femmes soignent ces horribles maladies de retour des pays chauds»[60].

Нечто похожее мог бы написать и Артюр Рембо, «святой грешник», которому поклонялся Неруда.

Неруда изголодался по латиноамериканским газетам, журналам… Его мучит какая-то болезненная сонливость и нестерпимый зной. «Больше не пишу ничего — ни писем, ни стихов. В душе — тяжелый дым». Он чувствует, как постепенно впадает в оцепенение, замыкается на самом себе. Ему невмоготу

без вечного живительного кипения человеческих страстей, без борьбы. Здесь, на Востоке, он не слышит величавого звучания жизни, «хора торжественных и бескорыстных голосов». Неруда не приемлет окружающую его действительность, где правит вера, зовущая к инертной, бездеятельной созерцательности. Он не видит той высшей цели, которая настраивала бы на активное действие. Его ужасает безропотное покорство людей чужестранным хозяевам.

48. Мечты и устремления

Спустя четыре месяца Неруда пишет из Рангуна еще одно письмо аргентинскому другу. На сей раз поэт осуждает себя за малодушие, он готов одолеть свое отчаяние. Но на это потребуется много сил. Первая книга «Местожительства» показывает всю глубину его тоски… Неруда вступает в противоборство с самим собой. Он бесконечно благодарит Эктора Эанди за ободряющие слова, за его «выше голову!», но все же пытается объяснить ему причины своего душевного разлада. Письмо от 11 мая 1928 года настолько искреннее, пронзительное, что его нельзя читать без боли.

> «Я так хочу выйти из поистине мерзкого душевного состояния, чтобы достойно ответить Вам на Ваше благородное, мужественное письмо, которое перечитывал без конца с огромным удовольствием… С каждым годом мне все труднее и мучительнее писать. Я то отвергаю, то вовсе хороню те вещи, которыми в прошлом очень дорожил. Мой ум занимают теперь какие-то ничтожные дела и скудные мысли. И все это — следствие тех настроений, от которых я, пожалуй, уже освобождаюсь, но убийственно медленно.
>
> Размышляя над Вашим дружеским и сердечным письмом, я увидел себя со стороны жалким и совершенно никчемным. Часто и подолгу я чувствую себя опустошенным, не способным что-либо выразить, прояснить в самом себе. Неистовая тяга к поэзии, что и сегодня жива во мне, ведет меня все более крутой, малодоступной дорогой, и потому литературный труд все чаще доставляет мне не радость, а муки. Я потерял былую веру в свои силы, во вдохновение и чувствую, что мои старания бесплодны. Поймите, я говорю не о сомнениях и не о сумбуре в мыслях. Нет, я веду речь о том, что мои побуждения, мои помыслы все еще не

облечены в плоть. Мои книги — лишь ворох несбывшихся порывов, желаний. Вы, Эктор, относитесь ко мне с таким участием, таким пониманием, что, проникая за пределы литературной плоти моих творений, приблизились ко мне самому и затронули все самое сокровенное в моей душе. Обнимаю Вас, Эанди, и благодарю от всего сердца».

Заметим, что все это происходит с Нерудой еще и потому, что слишком велики его требования, притязания к самому себе. Он ставит перед собой сложнейшую задачу: выразить все, что его окружает, с предельной художественной полнотой. И более того, ему необходимо, чтобы его поэзия отражала самые донные глубины личности, вернее — самое человечное и человеческое. В свои двадцать четыре года он превращает эту «ужасающую жизнь», застойную, полную одиночества, в некий трамплин для творческого взлета и начинает писать так, как, пожалуй, до него не писал ни один европейский поэт. Новое произведение Неруды взрастет на гумусе всего, что было разрушено всевластием, которому покорствовала безответная нищета.

Этот молодой иноземец, этот консул без твердого жалованья почувствует, что ему судьбой начертано отразить в поэтическом слове плывущий, неосязаемый мир Востока. И «отразить» в данном случае вовсе не означает — объяснить, принять. Восток часто кажется Неруде человечно-бесчеловечным. Он не падает ниц перед восточными святынями и мудрыми гуру, а ведь в те времена Запад преисполнился благоговением к восточным учителям жизни. Вспомним, что делалось, когда Джидду Кришнамурти{67} совершал свою поездку по странам Европы и Америки! Я слушал его выступление в Сантьяго, в театре Кауполикан… Залы, где он выступал, всегда были переполнены. Многие шли из простого любопытства, многие, чтобы заполнить душевную пустоту. Ждали — а вдруг он изречет Слово Истины? Навстречу Востоку неслись потоки литературной экзальтации…

Неруда живет в самом чреве Азии и может судить о ней с той же основательностью, что и Хосе Марти{68} о Соединенных Штатах.

> «Мне странно, — пишет Неруда, — что наши писатели, приверженцы экзотики, так пылко и восторженно говорят о тропических восточных землях. А по сути, пышные панегирики и аллегорические словоизлияния здесь совершенно неуместны. Колониальные владения на Востоке в первую очередь требуют глубокого **непрерывного познания,**

пристального взгляда и серьезного изучения.

Полыхающий зной, слепящее буйство природы сделали человека малой малостью. В противоположность Западу человек здесь единое, нерасторжимое целое с флорой и фауной, скромная частица всего сущего. Великие культурные ценности, созданные в переходный брахманический период, не повредили корней человеческого бытия и не отняли у него вечного цветенья, в отличие от христианской религии. Индийские учения устремляются ввысь, словно большие монументальные стены, эти учения как бы отстранены от трагической стороны бытия, но зато полностью приобщают к тайне окружающего мира».

Однако не только против отстраненности от человеческих судеб восстает наш «житель Земли». Всем своим существом он противится тем принципам, которые обрекают человека на полное покорство всему и вся и не допускают мысли о том, что можно сломать жестокие рамки кастовой системы. Неруда не приемлет такого фатализма.

«Да, время здесь способно лишь творить идолов. Все былое, отошедшее в глубь времен, обожествляется. Преходящее и вечное — два антагонистических понятия. Все изначальное, первозданное подвластно стихии, переменам, разрушениям. А вечная жизнь — непреходяща, ибо в ней нет ни начала, ни конца. Погибая и все-таки не погибая, всякое живое существо вновь приходит к своему созидательному истоку. „Как капля морской воды, что возвращается в море“, — учит изречение из „Катхи{69} упанишад“. Быть сопричастным божественному, возвращаться к этой несокрушимой силе созидания… Разве не в этом мы видим семя, ядро фатальной непроясненности самой доктрины?»

Нет, томящийся в одиночестве поэт знает, что ему не раскрылись и никогда не раскроются тайны Востока. Знает, что многое просто неподвластно его пониманию. Он не обладает даром ясновидца, оракула. Он не умеет пророчить, предрешать, как Сивиллы{70}. Здесь, в этих краях, сфинкс хранит свои секреты за семью печатями… Но в одном Неруда уверен: ему чужда эта цивилизация, это мироощущение. Он не может насиловать себя, принимать то, что несовместно с его отношением к жизни. Местожительство человека на Земле не должно быть тем пространством, тем ареалом, где заранее предопределено

смирение, где человек изначально обречен на смирение, на полный отказ от всякой активности.

> «Я вовсе не спешу писать об Индии, Бирме и Цейлоне: мне темны, неясны многие причинные связи, мотивы. И по-прежнему необъяснимы многие явления. Кажется, все здесь в руинах, все неумолимо рушится, а между тем все явленное, зримое скреплено навеки какими-то тайными животворящими нитями».

Перед Нерудой встает суровая альтернатива. Либо он погибнет в этой удушливой атмосфере, либо сумеет превратить собственную слабость в источник творческой энергии. Поэт решается на трудную борьбу, веря, что сумеет одолеть себя. И ему удается обратить в материал для своей поэзии все, что его гнетет, все, что, казалось бы, несет ему гибель. Полем брани станет новая книга его стихов.

> «Я уже почти составил, — признается Пабло своему другу Эанди, — целую книгу стихов „Местожительство — Земля“, и вы сами увидите, как безоглядно, ничего не страшась, я отступаю от привычной мне поэтической манеры и настойчиво стремлюсь добиться внутреннего единства и силы».

Книга отразила все его переживания, все, что было вокруг него. И, по сути, спасла поэта. Этой книгой он заплатил за право жить на земле.

Специалисты легко обнаружат стилистическое сходство поэзии Неруды и его писем тех времен.

В этих письмах Неруда постоянно взывает о помощи. Ему необходима духовная пища. Он должен знать, чем живет латиноамериканская литература. Хоть бы один глоток далекого родного воздуха!

И поэт горячо благодарит Эктора Эанди за присланный роман «Дон Сегундо Сомбра»{71}, только-только опубликованный в Буэнос-Айресе.

> «Я прочитал роман залпом, — пишет Неруда, — мне почудилось, будто я перенесся в Чили и, лежа на лугу, среди цветущего клевера, слушаю рассказы своего деда или голоса своих родных. В романе есть что-то очень величественное и одновременно что-то очень естественное, трогательное до слез. Не так ли? Он источает терпкие запахи вольных просторов, табунов

лошадей, человеческих жизней. И все в нем чередуется естественно. Во всем есть цельность, согласие…»

Вскоре Неруда бежит от Джози Блисс, от коварной Злюки. Но через какое-то время после побега его охватывает острая тоска. «Я с радостью отдам теснящий душу мрак, / чтоб ты вернулась. Меня страшат всех месяцев названья, / и слово грозное „зима“ звучит угрюмой барабанной дробью».

5 октября 1928 года Неруда посылает Эктору письмо из Веллаватты, сразу по приезде на Цейлон. Он говорит другу, что окончательно пришел в себя и обрел спокойствие… «А вообще-то, какое может быть спокойствие, когда — о боже! — нет конца проблемам!» Неруда взывает к богу, но на сей раз речь идет о делах чисто материального свойства.

> «Консулы моего ранга — так называемые почетные консулы, — пишет Неруда, — получают нищенское жалованье… Я совершенно издергался из-за вечной нехватки денег. И сейчас у меня полно трудностей. Мне платят всего сто шестьдесят шесть американских долларов в месяц — жалкая сумма. Столько получает мальчик на побегушках в третьеразрядной лавке. И самое скверное, что мое жалованье полностью зависит от денежных поступлений в консульство. Если, скажем, в какой-то месяц нет никаких торговых операций, я остаюсь без денег. Как это противно и унизительно, мой друг! В Бирме пять месяцев подряд мне не выдавали ни гроша. К тому же я вынужден платить из собственного кармана за все: за аренду консульского помещения, за мебель, марки… Хуже — некуда. Но в довершение всего выяснилось, что мне не положено ничего на транспортные расходы. Если бы я не сообщил вам о своих планах, то теперь ломал бы голову: как в такой спешке добраться до нового места без единой монеты.
>
> Спасибо, огромное спасибо, Эанди! И не взыщите, что я без конца донимаю вас ничтожными мелочами. Но именно они — свидетельство моих каждодневных мук. Быть может, при твердом жалованье, то есть получай я деньги в конце каждого месяца, мне было б решительно все равно, в каком уголке земли, в холоде или в жаре продолжать свое существование.
>
> До сих пор я не испытывал чувства ответственности за жизнь — пусть свою собственную, пусть чужую — и считал, что главное в жизни — движение. А вот теперь мне до боли хочется осесть, пустить корни, жить не

суетясь или умереть в покое. Еще я настроен жениться, причем прямо завтра. И думаю переехать в большой город. Вот, собственно, все мои теперешние желания. Кто знает, осуществятся они или нет?»

49. Вести от человека, потерпевшего кораблекрушение

Неруда так же рвется покинуть Азию, как в свое время рвался покинуть Чили. Нет, это не эскейпизм! Не в характере поэта бежать от мира. Он всегда был жизнелюбив. Но пока к этой жизни его более всего привязывают женщины. Он, правда, еще не обрел настоящей возлюбленной, единственной Женщины, однако его уже тяготит нескончаемая череда подружек — местных, мулаток, англичанок…

А впрочем, главная страсть Неруды — поэзия, литературное творчество. Ему уже не так быстро и легко, как прежде, даются стихи. Он словно наталкивается на какую-то преграду внутри самого себя. А может быть, эта преграда возникает вовне его.

Поэт озабочен, встревожен. Порой кажется, что именно поэзия поможет ему высвободиться из вечных материальных пут. Так утомительно, мерзко постоянно думать о деньгах… Но они нужны позарез, чтобы расстаться наконец в Востоком. В 1931 году Неруда принимает окончательное решение уехать в Европу. Однако где взять средства? Его заветная мечта — опубликовать новую книгу в Мадриде, а вовсе не в Буэнос-Айресе. «Аргентина все-таки провинция», — пишет Неруда своему аргентинскому другу.

Неруда смолоду мечтал завоевать Мадрид, где говорят на его родном языке. Он мыслил, что тогда его поэзия получит признание в главных центрах испаноязычной культуры. Заметьте, что по возвращении Неруды с Востока на карте его консульской службы красными флажками будут отмечены три главных испаноязычных города: сначала Буэнос-Айрес, за ним — Мадрид и Мехико.

Но вернемся назад… Молодой поэт, изнуренный восточным зноем, ломает голову в мыслях о своем будущем. На каждом шагу новые трудности. Он написал в Испанию. Но что за напасть! Прошли все сроки — поэт отсчитывал по календарю, — и никакого ответа. Нет, отступать нельзя! Он отбросит в сторону ненужную скромность и сам скажет добрые слова о своем детище. И все же, как бы хотелось услышать добрые слова от других.

«Тем не менее, я полагаю, — пишет он Эктору Эанди, — что смогу там (в Мадриде) добиться

ощутимых результатов, какой-то искорки признания. Этого мне будет предостаточно. Эти стихи я писал почти пять лет. Пока что, как видите, набралось всего девятнадцать стихотворений. Но главное, мне удалось обрести собственный стиль. На мой взгляд, каждая строка пронизана моим „я“, из нее как бы цедится, сочится моя душа».

Лишь в крайнем случае Неруда решит опубликовать стихи в Чили. А пока незачем расписываться в собственном поражении. Незачем идти по легкому пути… Но не стоит пренебрегать и возможностью опубликоваться на родине… Если книгу не издадут в других странах, у него в Сантьяго есть верный издатель. Разве он не говорил, что возьмет все — и плохое и хорошее, да еще и заплатит. Хотя в Чили авторские права — одно название. Есть и еще соображение в пользу выхода книги в Чили. Новая книга — если ее опубликуют в Сантьяго — может быть особо отмечена в его послужном списке. И более того — она поспособствует решению властей вызволить его из этой дыры и перевести в какую-нибудь страну, где легче дышать.

Он, как и Габриэла Мистраль (но, пожалуй, не так обостренно и болезненно), ощущает, что в Чили найдется немало людей, которые ждут любого случая, чтобы проехаться на его счет, чем-то ему напакостить.

«Вы же помните, Эанди, мое стихотворение „Мы вместе“. Едва его опубликовали в Чили, газеты напечатали несколько жалких злопыхательских заметок, где как о чем-то бесспорном говорилось о моей „полной бездарности“ и о прочих вещах в том же духе».

Первые стихотворения книги «Местожительство — Земля» поистине застали врасплох многих поклонников его первых книг — «Собранье сумерек и закатов» и «Двадцать стихотворений о любви». Изумленные читатели загрустили по утраченной ясной мелодике в нерудовской любовной теме, по мягким, нежным, ностальгическим созвучиям постмодернистской поэзии. Им пришлось встретиться с тьмой бездны. Их глаза не могли сразу привыкнуть к непроглядному мраку. И вот нашлись наивные души, которые скоропалительно решили: Неруда исчерпал себя. Они не сумели понять, что это уже двадцатипятилетний, а не двадцатилетний Неруда и что он, живя в Рангуне или в Коломбо, не мог писать как прежде.

Поэт попал в иной мир, который изменил его мироощущение. Глубокие перемены в его жизни, в творческом процессе,

совершенно новая действительность — все это сказалось на его поэзии. Да и стремление Неруды к созданию всеобъемлющей, всеохватной поэзии, попытки прорубить к ней путь в «Восторженном пращнике» — поэт считал их неудавшимися, бесплодными — побудили его обратиться к новым поэтическим формам. Неруда задумал совершить в испаноязычной поэзии подлинную революцию, ибо считал эту поэзию уже обессиленной, лишенной могучего дыхания жизни. «… Вы же видите, — пишет он Эктору Эанди, — как обеднела, оскудела наша поэзия. Поэты утратили страстность и с наслаждением предаются чисто интеллектуальным упражнениям, будто поэзия — некий вид спорта. Да и здесь они весьма посредственные спортсмены. Им далеко до мастерства. Кто, на мой взгляд, по-настоящему одаренный поэт, так это Лугонес, столь плохо понятый критиками. Его поэзия, по-моему, всегда поэтична, то есть это истинная поэзия, хотя она и барочная, и анахроничная». В этих строках — ключ к пониманию поэтического кредо Пабло Неруды, в них выражена концепция той поэзии, которая «ближе к крови сердца, чем к чернилам». Это сказал о Неруде его друг Федерико Гарена Лорка. Ту же мысль высказала и Габриэла Мистраль, восхищаясь высочайшим смыслом нерудовской поэзии.

В следующем письме к Эанди (от 21 ноября 1928 года) Неруда еще более определенно развивает свою концепцию поэзии. Поэт не вправе уподоблять поэзию гимнастическим упражнениям, «…его предначертание — постичь жизнь и провидеть ее развитие…». Неруда приемлет лишь ту поэзию, что органически связана с человеком и его миром. Поэт не должен блаженно витать в облаках, он обязан взять на себя бремя всечеловеческих чаяний и страстей.

Переписка Неруды с аргентинским прозаиком представляет необычайную ценность. В этой переписке, как на фотографиях, запечатлены самые сокровенные мысли поэта тех времен, его взгляды и творческие устремления. Письма открывают нам миропонимание поэта и человека, не отвернувшегося от жизни, а нерасторжимо связанного со средой, с обществом, с природой, со всем сущим. Неруда дает весьма критическую оценку поэзии, вышедшей на первый план, поэзии, с которой он поминутно сталкивается:

> «Мышление поэтов уже давно оторвано от всех человеческих связей. В их поэтическом посыле, в их строках нет ни сердечного тепла, ни дружеского участия, они отошли от мира… А разве утешить человека, научить его мечтать — не самая главная задача поэзии?

> Быть может, я рассуждаю, как благонравная девица, что ж, в данном случае она была бы права — поэзия должна принять на свои плечи груз всего сущего, всех страстей и вещей. Вот почему я и хочу творить поэтическую поэзию. От моего особого интереса к науке, от моего восхищения автомобилями и от моего восторга перед экзотической природой почти ничего не остается, когда ближе к ночи я сажусь за письменный стол и передо мной чистый лист бумаги. В такие минуты существую лишь я со своими сокровенными переживаниями, радостями и терзаниями…»

Неруда одержим мечтой издать свои стихи в Мадриде. Он тщательно перепечатывает книгу «Местожительство — Земля» и посылает рукопись Рафаэлю Альберти, с которым подружился по переписке. Однако у Неруды нет никакой уверенности, что дело увенчается успехом… И действительно, это первое «Местожительство» так и не вышло в те годы в Испании… Но Пабло Неруда счастлив, что работа над книгой завершена. Подобное чувство испытывает мать, когда на свет появляется ее дитя. Ведь писатель тоже вынашивает свою книгу, и, прежде чем поставить в ней последнюю точку, он познает родовые муки… Но на смену ощущению счастья приходит глухая тревога. Пабло Неруда сомневается в своей книге, не знает, удалась ли она, как к ней отнестись. Лишь в одном он уверен: это честная, правдивая книга. Ему ли не знать, сколько в ней душевной искренности! Но разве художественная ценность книги зависит от одной честности и высоких нравственных критериев автора? Неруду многое тревожит в «Местожительстве». Быть может, она слишком «нутряная»? И слишком густой черный цвет? И нет в ней контрастности? Быть может, она слишком мрачная? И монотонная? Однако Неруда находит этому оправдание. Если «Местожительство» пронизано чувством безысходности, уныния, то главной причиной тому — его отчаянное неприятие миропорядка. Развивая свою мысль, Неруда приходит к весьма субъективному и рискованному выводу: «Литературные произведения давних времен отличались монотонностью, но это не умаляет их достоинств».

Он не получает из Испании известий о судьбе книги. Напряженное ожидание мучит его. Ему решительно не с кем говорить на родном языке. Он пользуется испанским языком лишь в письмах или разговаривая сам с собой. Не год и не два Неруда ведет эти долгие беседы без собеседника. Поэт не раз подчеркивал, что родился в тех краях, «где говорят мало и

плохо». «Я вырос, — пишет Неруда из Коломбо 24 апреля 1929 года, — совершенно неспособным к словесному общению». Все неопределенно — и его будущность, и его слова. Вынужденный внутренний монолог поэта слишком затянулся. Когда возникает желание поговорить с самим собой, он не находит верных слов и выражений. Это его пугает, приводит в отчаяние. «Все мои фразы просто банальны, в них нет ничего моего». Поэта терзает сонная тишина, бездельно текущее время, и от тоски он пьет «мерзкое тропическое виски». Ему одиноко! Слуга Ратнаик каждые пять минут наполняет его стакан. Неруда чувствует себя изгнанником, человеком на краю смерти… По сути, он оказался в той атмосфере, которая воссоздана в романах Грэма Грина. Однако в письмах Неруда чаще говорит о Джозефе Конраде и спрашивает аргентинского друга, помнит ли тот книги Конрада об изгнанниках, которым неоткуда ждать спасения. «Сколько романов создали бы вы, Эанди, если б воспользовались этими словами и сумели бы прочувствовать их здесь, в этой части нашей планеты. Быть может…» Что ж, Эанди не напишет этих романов — он в далекой дали, на другом континенте. А Пабло Неруда расскажет Обо всем языком поэзии, потому что судьба, наградив его поэтическим даром, забросила в этот край нещадного зноя. И напишет так, а не иначе, потому что он истерзан одиночеством. От этого нестерпимого одиночества он подбирает на улице бездомных собак, чтобы поговорить хоть с ними. А они, неблагодарные, убегают прочь. И все же Неруда верит, что жизнестойкий характер не позволит ему превратиться в одного из литературных героев Джозефа Конрада… «Я нахожу, что у жизни есть немало достоинств», — напишет он вопреки всему. Нет, Неруда и не помышляет отказываться от жизни. И эта жизнь при всем ее однообразии обернется поэзией. Ведь основа основ его поэтического творчества, его литературной философии — сама жизнь. В одном из писем к Неруде Эктор Эанди упоминает о Хорхе Луисе Борхесе{72}. Пабло Неруда в своем ответе аргентинскому другу пишет, в чем различие их творческих позиций. Борхес, как утверждает наш поэт, всецело поглощен проблемами культуры, которые далеки от того, что связано с человеком, с человечностью… Сейчас мы, пожалуй бы, сказали, что они лишь несколько отдалены от человека.

С юношеской дерзостью, с безоглядным запалом, с безбоязненной определенностью, твердостью Неруда, которому еще нет и двадцати пяти лет, говорит о своих вкусах, о своих убеждениях и предубеждениях. Говорит, что ему по сердцу и что не по сердцу.

> «Я люблю настоящее вино, любовь, страдания и книги, утешающие нас в нашем неизбежном одиночестве. А к культуре, толкующей о смысле вещей, я отношусь с некоторой долей презрения, потому что предпочитаю неопосредованное познание, чисто физический процесс восприятия, абсорбции мира».

Экзегеты, энтомологи от литературы, разнообразные «веды», проникающие в тайны познания, — все это кажется молодому поэту сложными и даже пустопорожними спекуляциями ума. Его зрение столь своеобычно, что ему недалеко до дальтоника. Глаза поэта острее видят плоть, капли пота, солнце. Его мало волнуют умозрительные вещи, он устал от ученых словес.

В книге «Местожительство — Земля» ощущается близость к древней восточной поэзии. Мне самому довелось видеть в Индии, как поэты часами декламируют свои стихи под аккомпанемент музыкальных инструментов. Заклинающие звуки длинных, изогнутых, точно змеи, рожков, глухие удары барабанов ритмизируют эту бескрайнюю поэзию и делают ее похожей на священные возглашения, на торжественную литургию. Наши западные литературоведы не усматривают влияния Востока на поэзию «Местожительства». Но Неруда с этим бы не согласился. Вот что он написал своему другу Эанди:

> «„Местожительство — Земля“ — это сонмище, лавина поэтических строк, осознанно монотонных, почти обрядовых… В них есть тайна и печаль, как в произведениях древних поэтов».

50. Сомнения в Рангуне

Творчество Пабло Неруды прерывается долгими паузами. Но молчание поэта не беспричинно. Неруду раздирают сомнения. Он сомневается в себе самом, в своей поэзии, да и вообще в целесообразности литературного творчества. Ему кажется, что он лишний человек, ненужный… Неруда считает, что все вещи сами по себе получили свое выражение, и коль скоро он не может быть неотъемлемой частью этих вещей, то ему и не удастся проникнуть в их суть. На поэта накатываются волны душевного разлада, кризиса после завершения книги «Местожительство». Он хочет избавиться от дум об этой книге, но его по-прежнему тревожит ее судьба.

Где же ее будут печатать?

И в то же время Неруда пока не находит ответа на

мучительные вопросы о смысле и правомочности его будущих книг и не в силах подавить в себе чувство вины. Ему хочется вырваться из клетки той литературы, главная цель которой — обретение новых форм. «Это „накожная“ проблема, — говорит поэт, — в ней нет особого смысла». Неужели на него нападет эта страшная болезнь — поиск формы ради формы? Неужели в него проникнет этот необоримый вирус? Нет, подобный недуг привел бы Неруду к творческому бесплодию. Ему грозила бы гибель.

После завершения первой книги «Местожительство — Земля» Неруда какое-то время находится в подавленном состоянии, он чувствует упадок сил. Ничто не побуждает поэта взяться за перо. И вовсе не потому, что все вокруг кажется ему бессодержательным, неинтересным. Просто незачем писать о вещах, ибо их глубокий внутренний смысл уже выражен в их существовании.

У Неруды пропало всякое желание писать. Зато с каким удовольствием он читает, слушает музыку, купается в море… Поэт читает целыми днями и говорит, что это единственная отрада в его жизни. В основном это английские книги. Его новый приятель Лайонель Вендт каждый месяц чуть ли не мешками посылает ему книжные новинки, вышедшие в Англии, большей частью — детективы. Вскоре Неруда начинает проявлять особый интерес к Т. С. Элиоту и Д. Г. Лоуренсу — двум наиболее популярным английским писателям в те годы. А еще наш поэт, почти не отрываясь, прочел «Семь столпов мудрости» Лоуренса Аравийского{73}.

Загадочным, непроницаемым оказался для Неруды мир Востока, и он ищет прибежища в английской литературе. Начитавшись Стивенсона и Диккенса, поэт чуть ли не наизусть знает названия многих улиц и таверн Лондона. Английская литература, несомненно, оказала влияние на нерудовскую поэзию тех лет.

Неруда — человек удивительно подвижный, мобильный, и в его поэзии происходят глубокие перемены. Тем не менее поэт, у которого каждая книга не похожа на предыдущую, поэт, чье творчество никогда не останавливалось в своем развитии, прав, утверждая, что все его произведения — единое целое, что он пишет одну-единственную книгу, и эта книга растет, разрастается… Тот, кто внимательно прочел произведения Неруды, без труда обнаружит, что у поэта повторяются ведущие, главные для него темы, но каждый раз они обретают новую поэтическую форму. И тут нет ничего удивительного, ничего выходящего из ряда вон. Вспомним одного из его учителей, поэта с белоснежной бородой… Разве «Листья травы» не были каждый

раз новым, расширенным изданием книги, которую Уолт Уитмен писал всю жизнь! Быть может, поэты такого склада творят свою Книгу Книг? Неруда стремится, следуя примеру Библии, назвать все, что узнал и увидел, объять словами как можно более широкое пространство мира. Он чувствует себя первооткрывателем, которому выпало судьбой назвать все заново. Видимо, поэтому у Неруды возникает ощущение, будто он каждый раз создает новые вариации на свои прежние стихи.

И все же мы можем увидеть определенные разрывы, расцепы, глубокие различия в поэтическом видении Неруды, в его манере говорить о вещах, о своих переживаниях, о чувствах. Книга «Местожительство — Земля» резко отличается от всего созданного им прежде. Тяга к новому, к преображению была у Неруды еще до отъезда на Восток. У «Местожительства» — чилийские корни, чилийские истоки. В середине 1925 года в Сантьяго было опубликовано первое стихотворение из «Местожительства» — «Мертвый галоп». Это стихотворение написано в период, когда поэт переживал кризис роста, когда он обретал иное, более острое зрение и его глаза не только схватывали все то, что лежит на поверхности, они уже проникали в глубь воды, земли, человеческой души.

Между 1924 и 1927 годами Неруда пишет в Сантьяго стихотворение «Бессильный рассвет»: «День всех несчастных, день мглистый, тусклый встает, / пронизывая мир дыханьем стылым и пряча в серый цвет могущество свое…» Для поэта наступают горькие, ненастные времена, полные душевной смуты, бесконечных сомнений и «неприкрытой бедности». День соткан из блеклых нитей; в отличие от утренних зорь на Востоке, свет «не льется колокольным звоном, он похож на слезы», он напоминает реденькое полотно, которым в самый раз «больному раны перевязывать или на прощание взмахнуть, / когда все — за чертой, все невозвратно». И прощается поэт с самим собой. Он готовится к долгой разлуке с родной землей. Ему предстоит «создать дистанцию, одолеть ее, проглотить…». В Чили написан и «Саднящий день». Зашифрованные темные строки становятся понятны, когда мы узнаем, как тяжко живется Неруде: «Слуга земной и смертный, одетый в голод…»

На Востоке поэт еще долго не может избавиться от тоски по Чили. Покинутая родина смотрит на него из всех углов его жилья. Ему до боли жаль всего того, что он оставил. В стихотворении «Призрак» из далекой дали является Альбертина.

> Из прошлого передо мной встаешь,
> горячая и бледноликая студентка.

Лишь от тебя я ожидаю утешенья
в мои неотвратимо тягостные дни.
Я жду из тех краев,
где запахи земли совсем иные
и вечера в слезах приходят,
а слезы — лепестки багровых маков.

Альбертина не дает ему покоя и в «Долгом плаче». В ночных снах Неруду преследует все то, что он любил на чилийской земле. В стихотворении «Ночная коллекция» — «…ветер в шелесте листвы, опавшей с дней ушедших, паровоза свист…». Поэт видит, слышит «сны друзей и сны любимых женщин / …сны друзей, что задремали, привалившись к бочкам, / что под силу лишь Гераклу».

И вновь тоска по далекой женщине. Вот строки из стихотворения «Мы вместе»: «Здесь, на чужбине, мой рот впивается в гроздь виноградную желанной плоти». Это она — «Тирания», «Жестокосердная дама». Неруду терзает ее «холодное забвенье» и «равнодушие, которое страшнее, чем клинок». «Анхелика-Адоника» скорее всего посвящено Марисоль, его любви в Темуко. «Сегодня я лежу с тобою рядом, моя подруга чистейшей белизны, / и ты как океан, что прибивается ко мне волною белой».

Еще в Чили поэт написал и другие стихотворения, которые он не включил ни в одну из книг «Местожительства». Но в них уже заметно новое видение природы. На первый взгляд в этих стихотворениях есть какая-то рассредоточенность, однако прорисовано углубленное, всеобъемлющее восприятие жизни. Стихотворение «Союз» могло быть создано в любом краю земли. Оно передает всю смятенность духа, что борется с надрывным чувством медленного увядания, опустошенности «в лучах последних солнца, похожих на тускнеющий металл». Молодой человек, уставший от жизненных невзгод, от неустроенности, полон решимости ринуться в мир поэзии, как его «Скакун сновидений»: «Из сердца своего я изгоняю владыку Ада… И наугад брожу во тьме, / пути не разбирая, / охваченный неясною мечтой». В стихотворении «Единение» Неруда говорит: «Творю я немо, бессловесно, / и над собой кружу, как ворон, / что кружит в трауре над мертвечиной».

Неуемное стремление Неруды передать языком поэзии, языком аллегорий все муки одиночества усиливаются, когда он попадает на Восток. Здесь он встретился с иным миром. С ужасающими контрастами.

51. Реализм «Местожительства»

В Рангуне наш поэт не раз слышал от одного из своих новых знакомых с изысканными манерами, что отель «Стренд» — самое шикарное место во всей Британской империи. Но Неруде претила навязчивая вычурная красота и старомодная помпезность «Стренда», где британские господа с подчеркнутой учтивостью улыбаются бирманским аристократам. Поэт относился с глубоким презрением к тем бирманцам, которые млели от счастья, что в 1886 году их страна стала частью империи, ее глухой провинцией, послушной власти королевы Виктории — далекой, суровой и недосягаемой. Но впрочем, бирманцы — отнюдь не пуритане, они пьют шотландское виски в любое время дня и ночи, живут в непозволительной роскоши и соперничают друг с другом, устраивая пышные приемы и пиры. Таким способом они поднимаются на высшие ступеньки общества. А если о подобном приеме хоть что-то напишут в лондонской газете, то это — предел мечтаний. Высшее счастье!

Однако стоит поэту выйти на улицу, он сразу видит, какая глубокая пропасть между этим кричащим богатством и ошеломляющей покорной нищетой. Покорной, потому что ей неведомо, что она — великое зло и несправедливость. Неруде объяснили, что слово «рангун» означает в переводе «конец войны». А ему кажется, что война между бедными и богатыми здесь еще и не начиналась. Поэт бродит по улицам, останавливается возле пагоды Швегадон, сплошь покрытой золотыми чешуйками. А неподалеку от пагоды прямо на улицах люди умирают от голода. В Бирме почти так же много монастырей, как и в Тибете. Монахи и молодые послушники бесшумно скользят по улице, словно лодки по водам Иравади… Наступила пора дождей. Река взбухла, вот-вот разольется.

По вечерам чилийскому консулу нравится приходить туда, где показывают свое искусство танцовщицы. Он неотрывно следит за каждым поворотом шеи, за вкрадчивыми движениями головы, за тем, как танцовщицы поводят глазами, как извиваются их тела, бедра. Напрасно поэт пытается сосчитать все позы, все движения танца. Ему никогда не насчитать те две тысячи движений, о которых сложены легенды. Ночной город разительно отличается от дневного. Днем повсюду встречаешь бритоголовых босых монахов в красных, огнисто-коричневых и пронзительно-желтых одеяниях. Женщины ступают осторожно, с опаской. Они похожи на жираф: их непомерно высокие шеи схвачены обручами, которые нельзя снимать до конца жизни. Бродячие торговцы наперебой предлагают Неруде статуэтки индуистских божеств.

Рядом с Нерудой вышагивает Джози Блисс, и в ее прекрасных волосах — цветы благоухающего жасмина…

Нищета здесь священна, извечна. И рядом красуются пять тысяч пагод и храмов.

Неруда решил побывать в мертвом городе Пагане. Река Иравади поглотила треть территории этого города — столицы Бирмы между XI и XIII веками. Потом он едет в Мандалай, ему хочется увидеть собственными глазами святыню искусства и литературы. Но с виду Мандалай почти не отличается от Рангуна. Все те же бесчисленные пагоды и храмы. На холме императорский дворец. А вокруг рикши, повозки с осликами, люди, протягивающие руку за подаянием. Это и есть тот мир, где Неруда создает большую часть первой книги «Местожительство — Земля». И в ее звучанье не могло быть шумного разноголосья.

Эта древняя незнакомая земля, где обосновался поэт, незримо проникает во все зазоры и щели его творения. Она приносит ветер Поры Дождей, зеленый майский муссон. Этот ветер дует ему в лицо — лицо чужестранца со смятенной душой. «Как отыскать покой, как полюбить надежду?» — спрашивает он себя. Среди хаоса теней и сновидений, среди томительных, лихорадочных ночей поэт вслушивается во все живое и неживое. Он станет «треснувшим зеркалом», «охрипшим колоколом», и все же сумеет сказать о том, что происходит вокруг, сумеет расслышать, уловить «хор голосов всего, что ждет и ждет ответа».

Это его «Ars poetica» в те годы жизни и творчества.

В одной из поездок на Восток — это было в декабре 1976 года — мы смогли удостовериться в истинном реализме азиатских «Местожительств» Неруды. Нас просто потрясла та почти математическая точность, с которой он воспроизвел все краски, звуки, дух этой восточной земли, как зорко схватил и подметил каждую деталь в своих стихотворениях.

Пересекая Индию на пути от Хайдарабада до Какинады, мы любовались розово-голубым рассветом, а потом те же краски видели на тихой глади Бенгальского залива. Когда мы приземлились в Рангуне, у нас захватило дух при виде живой змеи, которая извивалась неподалеку от самолета. Эта земля «вобрала в себя все краски мира, точно змея» — так сказал Неруда в стихотворении, созданном в Бирме полвека назад. И вот настал наш черед увидеть буйство красок, услышать запахи и звуки «Местожительства». Мы не застали пору муссонов, в которой Неруда жил «со скорбью вдовца, ненавидя, кляня каждый день наступивший». Вот слова поэта, относящиеся к тем далеким временам: «Среди племен магометанских торгашей, среди людей, так возлюбивших кобру и корову / я прохожу чужим, ненужным

всему и вся…» К северу расположен легендарный Мандалай… «И рядом с берегом моим, / с родными звуками, слетевшими издалека, / моя бирманская супруга — дочь королей».

Эта земля с буйной тропической природой — подмостки, откуда звучит знаменитое «Танго вдовца»: «Возле пальмы кокосовой ты откопаешь свой нож, / там я его схоронил, / страшась, что меня ты погубишь…» Река совсем рядом. Джози Блисс была погребена в водах Иравади «под звуки цепей и медных флейт». Вглядываясь впервые в лица простых людей, в лица красавиц, как бы прикасаясь к тайнам Востока, мы все больше убеждались в том, что Неруда был всегда неразрывно связан с реальностью, он осмыслял законы жизни, чувствовал стихию, видел сокрытую правду и зримую материю, ощущал подлинное дыханье вещей и всего живого… А мимо нас гордо плыли женщины в огнисто-лиловых нарядах или в алом муслине… Да, Неруда сердцем чувствовал эту восточную землю, понял суть огромного и разноликого континента, чьи очертания мы лишь смутно различали в монотонных ударах барабанов и в пепельных одеяниях танцовщиц. Наша поездка заставила нас убедиться в подлинности, в *веризме*{74} нерудовского «Местожительства».

Проза, вошедшая в первую книгу «Местожительство Земля», — еще одна яркая ипостась поэзии Неруды. Поэт изумленно всматривается в мир, будто попал туда с далекой звезды, и ни на минуту не забывает, что здесь он пришелец, чужак. Он тоскует по оставшейся на родине прохладе. Но ему нет и тридцати, и он не перестает восхищаться девушками с огромными глазами, с тугими, не тронутыми временем бедрами. В прическах девушек «молнией вспыхивает желтый цветок».

Нарастает чувство тревоги: поэту кажется, что за ним постоянно следят все, начиная с женщины, обезумевшей от любви, — Джози Блисс, которая стережет каждый его шаг, каждый его сон.

«Одинокий кабальеро» — будто обрывки многосерийного фильма, со множеством сюжетных линий, персонажей. И каждая сюжетная линия могла бы получить самостоятельное развитие. Тут и молодые педерасты, и расточительно ласковые девушки, и уставшие от одиночества вдовы, и женщины, зачавшие тридцать часов назад. Тут и охрипшие коты, и влюбленные в униформе, и супружеские пары — толстые, тощие, веселые, унылые… И пчелы, пахнущие кровью, и шелест шелковых чулок, и женские груди со сверкающими зрачками сосков, и запретная любовь, и закатные часы обольстителя… Все это — стихийные видения «Одинокого кабальеро».

Этот одинокий кабальеро в стихотворении «Ритуал моих ног»

пытается постичь секреты своего тела, поэтически осмыслить его структуру и понять, что за его пределом, за «ногами» скрыто многое — «имена всего, что рядом и в далекой дали».

Среди всей свистопляски впечатлений, предчувствий поэт то падает, то поднимается. Порой ему чудится, что он обнесен плотной стеной гибельной безысходности. И все же в стихотворении «Стать тенью», которая завершает первую книгу «Местожительства», Неруда дерзновенно утверждает: «Так пусть же длятся вечно существованье мое и кончина. / Да обяжет стальная сила меня к послушанью, / лишь бы судороги новых смертей и рождений / не проникли в потаенную глубь, которая мне суждена»[61].

Неруда вернулся на Восток через тридцать лет. Я получил от него письмо из Рангуна на бланке столь нелюбимого им отеля «Стренд». Гербовый знак этого нелепого здания — лев, повернувшийся спиной. Письмо Пабло Неруды датировано 4 июля 1957 года.

> «Дорогой Вол! После Коломбо мы и неразлучные Амаду отправимся в Китай. А пока что сидим здесь, в Рангуне, в ожидании чемоданов, потерявшихся в Мадрасе. Рангун — жестокий город, как я мог здесь жить?! (чудо ушедшей la jeunesse[62]) — превратил нас в истинных неврастеников. Мы попали в самую пору дождей, которые настырно поливают и поливают всю здешнюю мерзость…»

Да, у Неруды не изменилось отношение к этому городу.

52. Письма с Востока

Поэт читает жадно, взахлеб. Он похож на изголодавшегося коня, который долго бродил по голой земле. А еще он переводит Джойса. Неруду не привлекают формальные изыски. Ему по душе рассказы полнокровные, с живой плотью, рассказы, которые дышат… фронтальные, динамичные, пусть даже при этом в них меньше внешнего блеска. А еще совсем недавно он признавал полновластие формы!

9 июня 1930 года Неруда «навсегда» расстается с Цейлоном. У поэта щемит сердце — здесь он оставляет часть своей души. Он уже сказал «прощай» и своему дому у самого моря, и своим собакам и кошкам, с которыми беседовал поздними вечерами, доверяя им свои тайны. Он попрощался и со своим другом Эндрю. В том письме, где Неруда сообщает о переводе на должность

консула в Сингапуре, снова появляются строки, полные тревоги: ему по-прежнему ничего не известно о судьбе рукописи «Местожительства», которую он отправил в Мадрид в октябре 1929 года.

Что же происходит с этой книгой? Неруда дважды посылал рукопись в Испанию — и никакого ответа. Он и ведать не ведает, что уже нет издательства «Эдитора иберoамерикана», где эту книгу думали опубликовать. Неруда шлет срочные заказные письма. Одно за другим. И полное молчание. Однако в столице Испании уже кое-что сделано. Хосе Бергамин пишет о поэзии Неруды в своем предисловии к «Трильсе» Сесара Вальехо — классическому произведению латиноамериканской поэзии XX века. В испанских журналах появляются статьи о чилийском поэте Пабло Неруде. Мадрид не оказался благоприятным местом для издания рукописи «Местожительства», и ее переправляют в Париж, где некая сеньорита Альвеар собирается опубликовать стихи из этой книги в журнале «Иман». Она собирается послать поэту чек в качестве аванса (немаловажное событие!) и позже — издательский гонорар. Неруда и понятия не имеет ни о журнале, ни о сеньорите. У него нет никакой уверенности и в том, что книга выйдет в Буэнос-Айресе. «От всего этого я готов пить виски три месяца подряд. Книгу мою, скорее всего, опубликует господь бог. Я чувствую, что она состарится и пожухнет, так и не увидев свет».

Но это неверие в самого себя, в целесообразность, значимость литературы скоро пройдет.

> «…Оставить литературу! Какая глупость… — пишет Неруда своему другу Эанди уже из Батавии 5 сентября 1931 года. — Думаешь, что уже все, что с этим покончено, но нет, что-то внутри собирается капля по капле. Да я бы просто погиб, если б перестал писать…»

Эти взволнованные письма к другу Эанди настолько непохожи на письма к сестре Лауре, что кажется, будто их писали разные люди. Однако их пишет один и тот же человек из одних и тех же мест. Но разным адресатам. Неруда обладал удивительной способностью чувствовать человека и говорить с ним на близком ему языке. Он знал, что может довериться Эанди, может поведать ему о своих сложных переживаниях, о своих сомнениях по поводу литературы, поэзии, о сомнениях в самом себе. Неруда чувствовал, что аргентинский друг Эанди поймет его как надо. Этим и обусловлены стиль и содержание писем к Эктору Эанди. В то же время поэт хотел, чтоб и родные понимали, что его волнует.

Вот почему письма к ним донельзя простые, безыскусные и по большей части информативные. Неруда о чем-то спрашивает родных или рассказывает им о новостях и событиях собственной жизни. Ему хочется, чтобы его домашние не тревожились о нем понапрасну, знали, где он и как налажена его жизнь. И все же, несмотря на несколько банальный характер этих писем, мы можем и в них почерпнуть сведения о настроениях поэта, о его поездках, о разных событиях, о боязни заболеть в чужом краю, о тамошней удушливой атмосфере, о его страстном желании перебраться в Европу. Даже в письмах к родным явственно проступает ощущение Неруды, что он на Востоке изгой, изгнанник, что он прочно связан со своим домом в Темуко. Поэт ждет помощи из Чили, просит, чтобы его чилийские друзья что-нибудь предприняли, и тогда он сможет оставить опостылевший ему Восток и жить в какой-нибудь стране, где более легкий климат.

Письмо к Лаурите от 28 октября 1927 года написано на бланке со штампом Чилийского консульства в Бирме. Поэт шлет приветы брату Родольфо, его жене Тересе и их сыну Раулильо. «Расскажи мне о тех, кто еще интересуется моей персоной». А вот и конкретный вопрос: вышла ли замуж Амалия, вдова Альвисо де Шпрингфель? И сообщение, что лично он, Рикардо Нефтали, не собирается жениться.

Письмо от 22 февраля 1928 года поэт посылает из Шанхая, где разворачиваются политические события, которые Андре Мальро положил в основу своего романа «Условия человеческого существования»{75}. Неруда на целый месяц покинул Рангун и ездил по другим странам Азии.

Он побывал в Индии и в Индокитае. На земле Индокитая ему открылось многое. Он познакомился с талантливыми мастерами ремесел и познал удивительное чувство братства. Ему, затерянному в джунглях чужаку, устраивают настоящий праздник с песнями и танцами. Люди не знают его языка и не могут перебросится с ним ни одним словом, но праздник в его честь просто великолепен. Должно быть, там Неруда почувствовал сердцем, что все люди могут быть братьями. В ту ночь в чащобах вьетнамских джунглей поэт не ощущал никакого одиночества.

Неруда пишет сестре с борта парохода, на котором возвращается из Японии — очень красивой страны, где бы ему хотелось остаться навсегда. Он тревожится о своем здоровье — как бы не заболеть воспалением легких, как бы не простудиться… Холодина страшная. А кругом совершенно удивительные вещи, не то что в Рангуне, который надоел ему до смерти. «Там ты денно и нощно в раскаленной печи». «Жизнь в Рангуне — настоящая

каторга, не для того я родился на свет божий, чтобы сидеть в таком аду». Поэта страшит малярия. Ему хочется закончить университет в Европе, и он надеется, что в один прекрасный день сумеет сложить чемоданы и уехать, даже если ему будет суждено умереть с голоду.

В каждом письме Неруда спрашивает о стариках, но отнюдь не надеется, что они ему напишут, особенно отец, с которым он уже давно не общается. Матери он пишет мало и скупо о самых обыденных вещах, но беспокойство за нее слышится в самом тоне писем. Их пишет хороший, заботливый сын.

> «Передай моей святой маме, что я часто думаю о ней. Глаза у нее, по-моему, болят на нервной почве. Пусть принимает что-нибудь тонизирующее и поменьше вспоминает о своей болезни».

Внешне эти письма ничем не примечательны, малосодержательны. Высокая стена отделяет поэта от круга родных. Это два совершенно различных мира, связанных лишь по касательной; они решительно ни в чем не совпадают, не сближаются. Вот почему у писем такой обыденный, даже безликий характер, хотя, конечно, в них есть и теплота, и какое-то нарочитое балагурство, игра словами:

> «Сейчас буду обедать, привет всем, желаю тебе счастья, моя хлопотунья… Ну ладно, думаю, что тебе достаточно этих немногих слов, потому что обо всем другом, что со мной здесь происходит, писать не стоит. Вряд ли ты поймешь и вряд ли тебе это интересно».

В письме от 12 декабря 1928 года Пабло Неруда сообщает, что переехал в Коломбо и, хотя жалованья не повысили, он с радостью согласился, потому что в Рангуне нестерпимо плохо. О Чили за все годы ему довелось прочитать лишь одну заметку. Газеты сообщили о землетрясении в городе Талька… По его письмам не скажешь, что он одинок. Поэт тянется к женщинам, а они — к нему.

> «Все эти козочки норовят женить меня на себе, но я героически сопротивляюсь. Здешние барышни слишком умны, слишком много знают, а мне это — ни к чему. Если у меня начнутся какие-то сердечные дела, я тебя тут же извещу. Обними дорогих стариков и всех, кто меня помнит. И не забывай о своем брате.

Нефтали Рикардо»

Но однажды он написал длинное письмо «своей дорогой и любимой маме, сеньоре Тринидад К. де Рейес». Правда, в ответ на ее письмо. Он сообщил ей некоторые подробности о своей жизни, рассказал про нравы в Коломбо.

> «Я снял бунгало, или шале, у самого моря и живу в нем совсем один. Помещение очень просторное… Здесь косо смотрят на белого человека, если он сам что-то делает для себя. До чего мне это противно! От постоянного пекла я чувствую еще большую слабость, чем в Чили. Если бы вы, дорогая мама, вдруг приехали ко мне, то услышали, как я с утра до ночи кричу моему слуге: принеси спички, сигареты, бумагу, лимонад… Все мои вещи он содержит в большом порядке. Брюки и рубашки всегда выглажены, все на своем месте…»

Неруда живет на окраине в Веллаватте, напоминающей ему незабвенный Пуэрто-Сааведра. Ранним утром — это единственные прохладные часы — он выходит на пляж в купальном костюме. Однажды в таком виде его сфотографировал приятель Зальцберг. Поэт стоит под пальмой, а на лице — выражение невероятной скуки. Иногда он пытается плавать. Бывают дни, когда «совершенно нечего делать, разве что спать и спать… Мне, конечно, не хватает в доме жены. Но похоже, что никто не хочет полюбить вашего некрасивого сына…» Неруда спрашивает про всех родственников. Про весь клан Рейесов. Как поживают его дяди с библейскими именами — Амос, Оссий, как Хосе Анхелито, кузен-священник, ангел чистоты и благонравия. Нередко в его письмах звучат иронические нотки. «По правде говоря, в его лице нет ничего от святого, а впрочем, я и не видел в лицо святых». Вдали от Чили родственные связи становятся крепче.

> «Как там дон Мануэль Басоальто и тетя Роса? Скоро будет два года со дня моего отъезда из Чили, и кто знает, когда я смогу вернуться».

Из этой дали он шлет телеграммы и письма своему двоюродному брату — Рудесиндо Ортеге Массону и просит, чтобы тот вытащил его из ада как можно скорее. Он человек влиятельный, адвокат, и не забывает о поэте, которому до удивления не давалась математика. Рудесиндо — страшный модник, и его шутливо окрестили Франтесиндо.

Поэт много купается, плавает, играет с собаками и кошками. Он всю жизнь будет неразлучен с собаками. Ему очень одиноко.

53. Торжественное сообщение

Неруда отправляет домой письмо в несколько торжественном стиле. Оно написано на бланке Чилийского консульства в Сингапуре и Батавии. Сверху стоит голландская фамилия — Вельтвердн. Письмо от 15 декабря 1930 года. Это одно из немногих писем Неруды к отцу. На сей раз он действует по всем правилам и выполняет свой сыновний долг.

> «…Должен сообщить Вам важную новость. Я женился. Мы сочетались браком в городе Батавии 6-го числа нынешнего месяца. Моя супруга по национальности голландка и происходит из именитой семьи, которая давно обосновалась на Яве. Я очень хотел сообщить вам о своем намерении жениться и ждать вашего согласия, вашего благословения, но из-за непредвиденных обстоятельств мы поженились раньше, чем предполагали. Хоть все так вышло, я думаю, что и Вы и мама, доведись вам увидеть ту, кто стала моей женой, гордились бы ею, как горжусь я, и полюбили бы ее, как я. Для меня она — само совершенство, и мы бесконечно счастливы… Отныне вы не должны горевать и беспокоиться о том, что ваш сын одинок и живет в такой дали от вас. Потому что мы с женой всегда будем вместе. Посылаю Вам и маме наши свадебные фотографии. Моя жена чуть выше меня ростом, светловолосая, с голубыми глазами. Поскольку я не говорю по-голландски, а она по-испански, мы изъясняемся на английском, который оба знаем прекрасно. Состояния у нее нет. Ее отец разорился после рискованных биржевых операций. В общем, мы оба бедны, но счастливы. У Марии прекрасный характер, и мы понимаем друг друга, как никто».

Одинокий консул, которому тогда исполнилось двадцать шесть лет, был довольно экзотической фигурой в Батавии. Для некоторых мамаш, которые спешили выдать дочек замуж, он по всем данным мог казаться очень хорошей партией. Ходили, правда, слухи, что консул пишет стихи. Ну и что в этом плохого? Он же не лунатик или кто-нибудь еще! На всех суаре видят, как консул любезничает с девушками на выданье. У него есть шарм,

он не говорит глупостей. В общем, производит впечатление умного молодого человека с хорошим будущим… Неруда знакомится с Марией Антониэтой Ахенаар Вогельцанц в начале года. Рост у девушки — почти метр восемьдесят. Она хорошо сложена. Типичная голландка. Уставший от одиночества консул начинает думать, что именно она будет ему настоящей женой. Он потратил впустую столько усилий, чтобы к нему приехала Альбертина! Поэт сразу меняет, укорачивает имя молодой яванки европейского происхождения. Он называет ее — Марука. Неруде всегда нравилось самому назначать сроки событий. Вот он и решил, что ему непременно надо жениться в 1930 году и сделал это на исходе года — в декабре.

В письме, посланном из Батавии 28 июля 1931 года, Неруда размышляет о важных событиях в политической жизни Чили.

> «Только вчера пришло известие об отставке Ибаньеса (26 июля), и я страшно обрадовался, что не надо сбрасывать этого Пако революционным путем, раз он убрался сам. И еще я счастлив, что мои друзья смогут вернуться в Чили (вот имена моих друзей, что живут в изгнании: Карлос Викунья Фуэнтес, Педро Леон Угальде, Энрике Марта Фигероа, сын дона Элиодоро Яньеса и многие другие)».

В семейной переписке Неруды очень мало строк, касающихся политики. Но мы видим, что поэт с радостью воспринимает известие о падении военной диктатуры, что он сочувствует тем, кто оказался на чужбине. Да и самого себя Неруда причисляет к изгнанникам. Никто из названных людей не был ему близким другом. Разве что Альваро — сын Элиодоро Яньеса, — который со временем станет писать сложные «темные» вещи под псевдонимом Хуан Эмар. Его отец, известный лидер либералов, основатель влиятельной в те годы газеты «Насьон», поручит ему вести литературное приложение к газете. Альваро и есть тот самый человек, который просил Неруду присылать с Востока статьи для газеты «Насьон». Эти статьи вошли в полное собрание сочинений Неруды…

Поэт с волнением следил за всем, что происходило на сессии Всеиндийского Конгресса, которая состоялась в Калькутте в декабре 1929 года. В предместье Калькутты собралось более двадцати тысяч индусов, чтобы увидеть и услышать Махатму Ганди и Джавахарлала Неру. Толпы индусов принесли в этот город свои мечты, чаяния и горести. Народ, который населял целый континент, не желал больше терпеть иноземное господство. Неруда сумел лишь издалека увидеть совершенно

истощенного Ганди. Он, похоже, дремал на низком, едва возвышавшемся над землей ложе. Но минута-другая, и глаза Ганди загораются, он снова активный лидер людей, поднявшихся на борьбу со своим поработителем — самой большой империей в те времена. Еще тогда Неруда впервые задумался о том, как велики различия в политике тех стран, которые сегодня объединены общим названием — «третий мир». Это была пора относительной стабильности в Чили. Но вот разразился великий кризис сначала в Соединенных Штатах, а затем на всех континентах. Чили и другие страны Латинской Америки, где в основном правили военные, уже почувствовали мощь американских компаний, теснивших повсюду старого британского льва. Индия пока еще не окоротила гриву этого льва, но ее уже вовсю трепали бунтарские ветры. В политическом процессе латиноамериканских стран мистика не играла особой роли. И Неруда уже тогда считал это положительным явлением.

Экономический кризис, начавшийся после нью-йоркского биржевого краха в 1929 году, распространился по всему миру, опутанному финансовыми сетями. США. Неруда стал одной из жертв этого кризиса… Падение диктатуры Ибаньеса было обусловлено целым рядом причин, в том числе и тяжелым положением в экономике страны из-за крушения на Уолл-стрит. Правительство, сменившее диктатора Ибаньеса, пытаясь вести политику строгой экономии, объявило о закрытии консульств во многих странах. Министерство уведомило консула Рикардо Рейеса — который жалованье получал редко, или, как говорят чилийцы, «по случаю похорон епископа», — что у чилийского правительства нет средств для содержания консульства…

Неруда с женой возвращается на родину. «Я пишу тебе с борта голландского парохода», — сообщает поэт сестре Лауре. Он с Марукой плыл на пароходе «Питер Корнилизун Хофт».

На Цейлоне молодожены поднимутся на английское грузовое судно «Форэфрик», которое обогнет берега Южной Африки, пройдет через Магелланов пролив и причалит в Пуэрто-Монте. Плаванье будет длиться целых шестьдесят дней… Неруде нравились долгие морские путешествия. Они всегда были для него очень плодотворными — он много думал и писал.

54. Возвращение к Злюке

Неруда, навсегда распростившийся с Цейлоном, встретился с ним во второй раз через двадцать шесть лет — в июне 1957 года. Он приехал на форум участников Движения в защиту мира. На улице прохожие бросали вслед Неруде любопытствующие

взгляды. Что это за господин? Откуда он? А поэт попал в атмосферу далекого прошлого с персонажами, красками и запахами «Местожительства». Снова перед его глазами Веллаватта, где под кокосовыми пальмами прыгают вороны, где ему приветливо кивают головками алые цветы shoeflower[63]. За поэтом увязалась орава нищих ребятишек. Они сопровождают его до поезда, который медленно движется по узкоколейке, предупреждая прерывистыми свистками толпу, идущую к морю.

Неруда с опаской останавливается у железнодорожной колеи и показывает большой шрам на правой ноге. Здесь он когда-то споткнулся о рельсы, упал и от сильного удара потерял сознание. Как раз в те минуты приближался поезд. Если б не отчаянный вой Кутаки — так звали его собаку, — машинист не заметил бы его и не остановил бы поезд. В честь Кутаки, его спасительницы, Неруда называл этим именем собак, которых заводил в Чили и за границей. Много позже Неруда узнал, что на языке хинди «кутака» означает «я приношу еду собакам». Когда он жил в Коломбо, его первая Кутака ходила с ним повсюду. Она неизменно следовала за ним по утрам и вечерам к устью реки, где купались слоны. Быть может, ее одолевала зависть к этим странным гигантам, которые, точно из огромных шлангов, окатывали себя водой, набранной в хобот. Кутака всегда оповещала хозяина о появлении больших парусников. Ранним утром они казались совсем белыми. Парусники приплывали с островов (их двенадцать тысяч, и все они нанесены лишь на самые подробные морские карты), которые объединялись под общим названием: острова Мальдивского архипелага.

Поэта снова мучит вязкий зной, от которого он так страдал в молодости. На него вдруг нападает страшная усталость. Ноги не слушаются. И все же Пабло Неруда сворачивает на улочку номер 42 и доходит до дома с мраморной табличкой, где выведено печатными буквами: «Мухам. Алекс. С. Ламабадусурийя». Неруда стучит в дверь. Хозяин улыбается с порога: «Вы ошиблись». И указывает на соседний дом. Нет, не тот. Неруда стучит то в одну дверь, то в другую… «Никак не вспомню», — бормочет он. Та часть улицы, где дома повернуты к морю, очень изменилась. Прежде здесь было несколько хибарок и деревья. Вряд ли удастся отыскать прежний дом. Неруда силится вспомнить какую-нибудь деталь, подробность… Они бродят от дома к дому вместе со своим чилийским приятелем Хуаном Ленин Арайей. Вот еще один дом. На входной двери прибита дощечка с надписью: Корел Стренд. Их встречает смуглый человек в огромной белой шляпе с худющими голыми ногами. Он приглашает их войти. Садится в плетеное кресло и вдруг подскакивает с криком: «Рикардо Рейес!

Чилийский консул!»

В те времена они вовсе не были добрыми соседями. Бойя Пиерс пытается восстановить годы. Когда это было? В 1928-м? В 1929-м? О да, я хорошо помню вашего слугу Брампи. С тех пор я о нем ничего не знаю. После вашего отъезда он куда-то пропал и мы больше его не видели.

Он не называет женщину, а она, несмотря на все эти прошедшие годы, встает неодолимым барьером между ними. Джози Блисс! Неруда мысленно представляет себе те далекие дни. Бойя Пиерс никогда не был ему другом. Он приютил у себя Злюку из «Танго вдовца». И Джози из этого самого дома забрасывала Неруду письмами и обрушивала на него проклятья. Она говорила, что отравит его, что ему не уйти живым. Поэт ничего не мог объяснить Пиерсу. Ведь это были глубоко личные дела — их не объяснишь. Понятно, что Бойя Пиерс стал на сторону Джози. Потом все кончилось. Молодой бирманке надоело преследовать поэта, и она уехала домой… Оба собеседника даже не заговаривают об этой женщине, но как бы чувствуют ее присутствие. Неруда обходит весь дом. Ему кажется, что она все еще прячется здесь, рыдает от бессильной ярости, громко негодует, пьет в одиночестве чай по вечерам и думает о нем… Поэт жалуется хозяину на страшную жару, и Джози, перестав бушевать, следит за ним молча…

На улице Неруда вдруг вспоминает здешние приметы погоды. Он узнал их от местных жителей четверть века назад. Вот-вот задуют муссоны — все вокруг загремит, засвищет, и хлынут дожди. А затем начнется буйство света; в этом слепящем свете Неруда учился переносить «одиночество погребенной души». Он говорил, что, быть может, это исступленное сиянье с неумолимой жестокостью высветило и его судьбу… Отчаявшийся, отторгнутый от самого себя, он все-таки пришел к решению: жить, и только жить! На этом острове Неруда незаметно для себя стал по-иному воспринимать жару, солнце. Чилийское солнце по возвращении на родину казалось ему мутным, тусклым. Что-то в нем было от мрака…

> «Пошли быстрее, — говорит поэт, а сам вдруг останавливается возле развалившейся, заброшенной хибары. — Здесь жил рыбак с женой. Каждую субботу, точно выполняя какой-то странный ритуал или просто спьяну, рыбак обрушивался с кулаками на свою старую жену. Точно выплескивал скопившуюся за неделю злобу. Женщина в отчаянии бежала ко мне в консульство и просила „политического

убежища“. Я оставлял беднягу у себя. На другой день рыбак являлся с повинной. Старая женщина уходила, рассыпаясь в благодарностях, а глаза ее сияли от радости: она возвращается домой вместе с мужем. Пусть у него крутой нрав, но зато он умеет раскаиваться. Старуха была единственным человеком на Цейлоне, которая обращалась в консульство за помощью. И я получил наконец возможность распространить на эту несчастную женщину право „экстерриториальности“, чтобы избавить ее от мужниных побоев. Судьба в конце концов избавила эту женщину от еженедельных страданий: рыбак погиб от укуса ядовитой змеи в лесу, где он рубил сухие ветки. Жена горькими слезами оплакивала его смерть…»

Наконец сыскался долгожданный cicerone[64]. Им стал писатель и адвокат С. П. Амарасинган. Он угостил приезжих джином и стал рассказывать о временах второй мировой войны, когда город был оккупирован. В то время из Веллаватты уехали все, кто мог. Но он остался.

«Дом, где вы жили, говорит писатель Неруде, был превращен в казарму. Я чуть ли не до нынешнего месяца хранил ваше письмо. Почерк у вас, помню, был очень крупный. Слов нет, как жаль, что порвал письмо… А еще, если не ошибаюсь, у вас была дрессированная мангуста».

(Пабло тотчас замечает, что не мог приходить к нему в дом с мангустой из-за собак, которые норовили ее покусать.)

Хозяин ведет гостей через раскаленную улицу в некое подобие дома, где когда-то жил поэт. Строение, казалось, вот-вот рухнет. Вокруг был брошенный заглохший сад, а рядом патио с двумя кокосовыми пальмами…

«Вот на этом дереве, — показывает поэт, — я вдруг увидел белку. А здесь находилась моя контора, где я составлял надоевшие мне до чертиков бумаги об отправке цейлонского чая в Чили. За это, собственно, я и получал жалованье. Досадно, что сегодня мы не пьем цейлонский чай. Он, по-моему, самый лучший в мире».

Обходя все уголки траченного временем дома, поэт вдруг неизвестно по какой ассоциации заговаривает об одном памятном случае из его тогдашней жизни. Голос Неруды звучит непривычно громко, будто он боится забыть об этом, будто хочет, чтобы его

спутники услышали и запомнили все до последней мелочи.

> «Однажды министерство известило нас о том, что с острова Пасхи сбежали политические преступники. Впервые за все время службы в консульстве я получил телеграмму подобного содержания. В телеграмме говорилось, что беглецы могут появиться на Цейлоне, потому что они удрали на баркасе. Я ждал их целыми днями, в надежде, что наконец-то смогу перемолвиться словом хоть с кем-то. Но они так и не появились».

Так и не появились… Кто знает, возможно, речь шла о коммунисте Сесаре Виларине, которого вместе с товарищами сослали на этот остров посреди Тихого океана? Сесар Виларин был отважным человеком, но несколько авантюрного склада. Он так рвался на свободу, что однажды вместе с друзьями уплыл с острова на маленьком суденышке и навсегда пропал в океанских просторах. А может быть, телеграмма была связана с романтическим побегом Карлоса Викуньи Фуэнтеса и других политических заключенных, которые были сосланы на остров в годы диктатуры Ибаньеса?

Во второй раз поэт приехал на Цейлон вместе с Матильдой. Неруде хотелось отыскать следы той женщины, что «была сожжена на костре», и встретиться со своим прежним домом. Ведь наш поэт очень привязывался к домам и, расставаясь с ними, чувствовал себя «вдовцом».

> «Для меня потерять дом, обитель — все равно что овдоветь, — писал Неруда. — Обо всех своих домах я вспоминаю с нежностью. Я не смог бы пересчитать эти дома и ни в одном не сумел бы поселиться снова. Мне не нравится воскрешать умершее… Лишь раз в жизни я решил вернуться в дом, где когда-то жил. Это произошло на Цейлоне после многолетней разлуки».

Где же этот дом? Ну точно сквозь землю провалился! Неруда помнил лишь название окраинного района между Коломбо и Моунт-Лавинией. Нигде, ни в одном доме за всю жизнь у него не было столько времени, чтобы всматриваться в самого себя. По сути, целыми днями он задавал себе бесконечные вопросы. В часы вынужденного безделья поэт, изнывающий от липкого, тягучего зноя, пытался проникнуть в потаенные глубины человека, в собственные глубины. Он был непонятен и чужд сам себе. Из этого длительного процесса самоуглубления возникла маленькая книжка — «Местожительство — Земля», словарь, рожденный в

муках, словарь поисков самого себя.

И еще один знаменательный факт. Неруда отыскал свой прежний дом буквально накануне того дня, когда его собирались снести. Его старая обитель назначила ему свидание через тридцать лет, и он, ни о чем не подозревая, «пришел туда в самый последний день ее жизни». Он оглядел маленькую гостиную, потом крохотную спальню, где у него в те годы местожительства на земле была раскладная кровать, — и перед его глазами встала тень слуги Брампи и тень мангусты Кирии. Вот так поэт простился с домом, который на следующий день был смят бульдозером… Неруда верил, что подобные совпадения останутся тайной, «пока будут существовать люди и дома».

IV
ГРАМОТА КРОВЬЮ ДАЕТСЯ

55. Поэт и маска

В 1932 году чилийское правительство, как мы уже знаем, упразднило во многих странах консульские должности из-за глубокого кризиса, который, точно землетрясение в девять-десять баллов, обратил в руины всю национальную экономику… Пабло Неруда вернулся на родину пароходом через Магелланов пролив. В ту пору страну сотрясали необычайные события. На исходе 1931 года взбунтовались моряки военно-морского флота, а в середине 1932 года Чили стала социалистической республикой. Власть перешла (правда, она продержалась всего две недели) в руки Советов рабочих, крестьян и моряков. Советы заседали в главном здании Чилийского университета. Неруда с жадным вниманием следил за всем, что происходило в столице…

Лаурита вспоминает, что получила телеграмму от брата с большим опозданием… В один из дней, выглянув в окно, она вдруг увидела, что кто-то вытаскивает из машины чемоданы. Ба! Да это Пабло и его жена Марука! Отец встретил молодоженов весьма прохладно, и через неделю они покинули Темуко.

В Сантьяго Неруда работает сразу в двух местах. Он все еще находится в ведении Министерства иностранных дел, но какое-то время служит в Департаменте по делам культуры Министерства труда под началом Томаса Гатика Мартинеса — учтивого седоволосого человека, неплохого журналиста и большого любителя женской красоты. Он взял на службу многих признанных красавиц, но, помимо них, — и нашего поэта, и своих друзей молодости из литературного поколения двадцатых годов. У него трудился над составлением официальных бумаг Хоакин Эдвардс Бельо, один из крупнейших чилийских писателей XX века… Неруда живет в постоянном страхе остаться без работы: «Боюсь, что мою должность упразднят». Однако родные считают, что он человек с именем, влиятельный, и ему не составит труда подыскать хорошее место для брата Родольфо.

Поэт задумывается над прошлым, сравнивает его с настоящим. В далекой дали осталась Батавия, дом на улице Проболинго. Восток, откуда он только что вернулся, поразил его. «Это огромный злосчастный человеческий род, — пишет Неруда, — но моя душа не приняла ни его обрядов, ни его богов». Молодожены поселились в скромном пансионе, поблизости от

Национального конгресса. Настроение у поэта невеселое, но он часто встречается со старыми друзьями и все охотнее проводит время в памятных с юных лет барах.

Да, Неруда вернулся другим. В какой-то момент он порывается воскресить свою тайную любовь, пишет Альбертине, снова просиживает допоздна в «Геркулесе», в «Эль Хоте», в «Немецком ресторане», однако годы, прожитые на Востоке, духовная зрелость, пришедшая к нему в иных географических широтах, определили его новое мироощущение, и оно противостоит всему, что он видит вокруг себя. Многое переменилось в жизни поэта, даже его отношения с женой. А ведь он совсем недавно рассказывал о ней с таким восторгом в письме к отцу! Любовь быстро угасает. Неруда чувствует, как отдаляется от Маруки. Он проводит время за разговорами в тавернах, в барах, возвращается домой с рассветом и нередко видит на балконе жену. Бог знает, с каких пор она ждет его…

Официальные круги столицы встретили Неруду с полным равнодушием. Никто не выказал особой радости по поводу его приезда. Быть может, подумалось ему, он появился на родной земле раньше времени? Может, снова отправиться в чужие края? Нет! Он не вправе прерывать работу над стихами. Ведь по возвращении в Чили он сразу приступает ко второй книге «Местожительства». Да и вообще, надо показать соотечественникам, что им сделано за пять лет, прожитых вдали от родины.

В литературных кругах к нему поначалу тоже отнеслись с выжидательной сдержанностью, но в один из дней был устроен его поэтический вечер в столичном театре «Мирафлорес». Этот вечер длился часа полтора.

Я, еще зеленый юнец, только-только приехал в Саньяго с мечтой учиться в университете. Для меня, страстно влюбленного в поэзию, Неруда был человеком-легендой. Я никогда не видел поэта и мечтал его увидеть. Мне, разумеется, в голову даже не приходило, что я могу с ним познакомиться, пожать ему руку, вступить с ним в разговор. Я бы не осмелился на такое. Пределом моих мечтаний было увидеть Неруду, услышать его в нашем стареньком театре, пусть с галерки при погасших огнях… Я пришел пораньше и, как-то робея, волнуясь, занял свое место на самой верхотуре, где сидит публика попроще. Раздвинулся занавес — на сцене огромные ярко разрисованные маски. Нечто вроде ширм или еще одного занавеса, странного, непривычного. Сразу повеяло чем-то нездешним, таинственным, казалось, что это декорации для какой-то оперы с восточным сюжетом. Внезапно из-за огромных масок — больше чем в рост человека —

раздался голос, тягучий, носовой, жалобный. Будто кто-то вел жалобу на одной ноте: «Как ты чиста при свете солнца и во тьме ночной, / какая победительная сила в твоей безбрежной белизне, / в твоей груди упругой, словно теплый хлеб, / в венце твоих волос иссиня-черных, / возлюбленная сердца моего!»

Неруда читал стихотворения из первой книги «Местожительство — Земля». Читал все тем же заунывным, обреченным голосом, без всякого напора, без модуляций, с какой-то душевной нехотью, обессиленно, вяло, будто хотел усыпить своих слушателей. Но вскоре это ощущение рассеялось. Нет, голос оставался прежним, а между тем почудилось, что он, этот голос, приносит шум неспешного наката волн, дыханье далекого ветра. И не столько потому, что в звуках голоса была особая освежающая прозрачность, сколько потому, что те слова, те строфы как бы утоляли жажду, пьянили, обволакивали, порождали совершенно неведомую атмосферу, в которой просматривалось, проступало борение мятущегося духа, раскрывался внутренний мир поэта, где обитали призраки, где сгустилось все его одиночество, все выстраданное, все его странствия и сомнения. И этот новый мир, новый поэтический язык сделали меня иным, непохожим на того, кто лишь час назад пришел в театр «Мирафлорес» и робко сел в дальнем углу галерки… В тот вечер многие из нас впервые услышали, как читает свои стихи Пабло Неруда. В его голосе слышалось звучанье арауканского рожка — трутруки.

Ну, а когда же мы увидим лицо поэта? Почему он прячется за ширмами? Выйдет ли к публике под шумные аплодисменты или его встретит пугающее молчаливое равнодушие? Добрая половина собравшихся наверняка сбита с толку и не знает, то ли восхищаться, то ли пожимать плечами в растерянности, в недоумении.

Неруда так и не показался своим слушателям, а ведь многие мечтали его увидеть. В тот раз мое желание не сбылось…

Через много лет, 24 и 25 сентября 1982 года, в зале средневекового Дворца Патричи в городе Сиена был проведен круглый стол, посвященный творчеству Пабло Неруды. Собрались авторитетные литературоведы, крупные ученые. Француз из Университета в Пуатье — Ален Сикар выступил с докладом, после которого вспыхнула яростная дискуссия. Тема его доклада — «Лицо под маской. Автобиографичность и вымысел в поэзии Неруды». В разгар ученых споров я взял слово, чтобы рассказать о том далеком поэтическом вечере, который состоялся полвека назад в Сантьяго, в театре «Мирафлорес», где Неруда спрятался от людских глаз за огромными восточными масками… И в

заключение сказал, что я на стороне Алена Сикара.

56. Песнь песней?

Нет, Пабло Неруда не был рожден для канцелярской работы! Хотя я видел, как он сидел, согнувшись над официальными бумагами с карандашом в руке. Весь 1932 год поэт нес ярмо однообразной и мучительной для него чиновничьей службы. И не будь у него двух должностей, ему бы не свести концы с концами. Четыреста песо в месяц в Библиотеке Министерства иностранных дел. Да их едва хватало на оплату захудалого пансиона на улице Санто-Доминго! Жалованье в Министерстве труда было чуть больше. Неруда чувствовал себя каторжником, приговоренным к галере. Мыслями он был весь в поэзии… В сумрачном зале «Постоялого двора коррехидора» Неруда проводит еще один поэтический вечер. В тот же год выходит в свет второе издание «Двадцати стихотворений о любви», лишь восемь лет спустя после первого издания. Пока еще поэт не получил настоящего признания у себя на родине. Много позже, когда Неруда из почти безвестного поэта стал знаменитостью, книга «Двадцать стихотворений о любви» преодолела «звуковой барьер». Ее общий тираж превысил миллион экземпляров. Кто-то назвал эту книгу «Песнь песней» испаноязычной поэзии. Да, творец «Песни песней» и творец «Двадцати стихотворений о любви» — поэты милостью божьей. Но наш Неруда не похож на царя Соломона.

В Библии сказано, что царь Соломон сложил три тысячи притч и одну тысячу пять песен. Что ж, наш поэт не отстал от мудрого царя. Царь Соломон описал все деревья, рассказал о ливанском кедре и даже об иссопе{76}, пробившемся к свету из каменной стены. Он поведал о зверях, о птицах, о змеях и рыбах. А Неруда посвятил целые книги птицам, разным яствам и грубой пище, «дому на песке», «бесплодной географии», «камням неба» и «огненному мечу». Посмертно изданная книга «Огненный меч» — новая версия библейской легенды о Мужчине и Женщине, которые пережили Вселенский потоп. Многомудрый и чувственный царь воздвиг храм и воспел женщину. Неруда всегда хотел быть настоящим зодчим и поэтом… Возлюбленная Соломона куда словоохотливее нерудовской Альбертины. Соломон вкладывает в ее уста прекрасные слова, рожденные истинной любовью.

> «Доколе царь был за столом, нард мой издавал благовоние свое. Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у грудей моих пребывает… как кисть кипера,

возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских. Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мной — любовь… Голос возлюбленного моего! Вот он идет… Время пения настало. И голос горлицы слышен в стране нашей…»

Рубен Дарио{77} сказал однажды, что нельзя найти женщины, равной Суламифи, и воспеть ее так, как воспел ее царь Соломон: «Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями». Неруда воспевал Женщину до конца своих дней, всю жизнь. Ни одну из его возлюбленных не звали Суламифью, но каждая была ею… Нет, к чилийскому поэту не приходила царица Савская, но он признался нам, что однажды выбрал в жены дочь владыки царства Мандалай, и не суть важно, что это лишь плод поэтического воображения. Наш поэт, не в пример творцу «Песни песней», не был женат на дочери фараона, но каждую из своих подруг он делал царицей, хотя ни одна из них не была знатного рода, а многие родились в бедных семьях. Царь Соломон обрел всесветную славу, был многоопытен в искусстве любви. Правда, на этот счет Библия весьма противоречива. В одном месте сказано, что у царя Соломона было шестьдесят цариц, восемьдесят наложниц, а девиц — без числа. Но Суламифь — чистая, совершенная голубица — одна-единственная. В другом месте Священного писания говорится, что у него было ни много ни мало — шестьсот жен и триста наложниц… Неруда не мог без смеха слышать слово «наложница». Одна из знакомых поэта состояла в гражданском браке с чилийским коммерсантом Висенте Наранхо. Это был донельзя забавный человек из нерудовского окружения. Во время одного судебного разбирательства ее назвали сожительницей, а потом, видимо для пущего эффекта, — «наложницей». Когда она рассказывала об этом Неруде, она хохотала до слез. Это архаичное слово звучало нелепо, дико, восстав, казалось, из глубины веков, оно пыталось отстоять нравы, предрассудки седой древности, доказать, что в мире ничего не изменилось…

Когда Неруда писал свою «Песнь песней», он был ужасающе беден, а царь Соломон баснословно богат. Ежегодный доход царя равнялся 666 талантам. Талант Неруды был из золота высшей пробы, но при этом в его кармане не было ни одного сентаво. Многомудрый царь властвовал над всеми землями от Евфрата до земель филистимлян, его владения граничили с Египтом. Наш поэт царил лишь в своих мечтах.

57. Речь «al alimón»

Неруда теперь не голодает, обедает каждый день, но с деньгами по-прежнему туго, да и будущее весьма туманно.

Летом он уезжает на юг, в Пуэрто-Сааведру, и работает там над второй книгой «Местожительства». Поэт всматривается в море своего детства более зрелым, приметливым взглядом. Он пишет стихи, близкие «Песни отчаяния». Судя по строкам, что-то стронулось в душе поэта, что-то переменилось. Семейная жизнь уже в тягость, с Марукой ничего не ладится. По возвращении в Пуэрто-Сааведру поэт проникается тоской о том, что так полнило его сердце десять лет назад. Теперь это сердце «покрыто пылью».

«О, если б ты вдохнула жизнь в него, / оно б отозвалось глухим неясным гулом, / вагонным перестуком, давним сном у берега морского…». Былая любовь живет в нем, преследует, точно призрак. В Пуэрто-Сааведре поэт пишет «Южные воды», стихотворение, пронизанное мучительным чувством одиночества:

> Эти земли безлюдны, и я говорил о них,
> о землях, насквозь безлюдных,
> где суша полна океана,
> и где нет ничего — только след коня,
> ничего — только ветер, совсем ничего —
> только ливень, разверстый над морем,
> ничего — только ливень, встающий над морем[65].

В Сантьяго, после летнего отдыха, отнюдь не безмятежного, Неруду ждет радостное событие: впервые выходит в свет его «Восторженный пращник». Эту книгу поэт не решался издавать целых десять лет. Теперь, за истечением срока давности, ему простятся «грехи молодости» — былые излишества чувственности и те откровенные влияния, о которых он скажет в вводном слове к «Восторженному пращнику».

Затем будет еще одна великая радость — первое издание «Местожительства». Неруда отчаянно боролся за судьбу этой книги еще в бытность консулом на далеких и горестных землях Востока. Мысль о публикации «Местожительства» буквально преследовала поэта. И свидетельство тому — письма к аргентинскому другу Эктору Эанди. Книгу так и не удалось издать ни в Испании, ни в Аргентине, несмотря на все старания и усилия испанского поэта Рафаэля Альберти и самого Неруды.

Эта книга вышла в Сантьяго. Ее издал Карлос Насименто, верный и, пожалуй, единственный издатель раннего Неруды…

Т. С. Элиот называет апрель «жестокосердным месяцем» в своей поэме «Опустошенная земля», но здесь, в Чили, это благодатный месяц, отливающий осенним золотом. Для Неруды апрель стал счастливым месяцем, ведь из печати вышла книга, которая вызревала среди его безмерного одиночества в Чили, среди пронзительной тоски в британских и голландских колониях на далеком Востоке.

Для Чили тех времен, когда уровень издательского дела был весьма невысок, книга «Местожительство — Земля» выглядела просто роскошно… Вскоре Неруда снова поступил на дипломатическую службу в Министерство иностранных дел. 25 августа 1933 года он пишет отцу о своем назначении на консульскую должность в Аргентине. Впервые поэт обращается к нему с ласковыми словами: «Дорогой папа», из чего можно заключить, что родитель переменился к Пабло и готов поверить, что его беспутный сын, «ставший по глупости поэтом», сумеет заработать на хлеб и обойдется без отцовской помощи. Неруда уехал из Чили второпях, не успев проститься с отцом как подобает.

Министерство, утвердившее назначение Неруды, не выдало ему по всегдашней безалаберности денег на билеты. И вот тут его выручила Амалия, та самая несговорчивая и желанная вдова, за которой он ухаживал напропалую, упорно добиваясь ее расположения. Недоступная красавица одолжила ему тысячу песо на проезд.

В те годы Буэнос-Айрес — самый большой испаноязычный город — манил поэтов, мечтавших о признании. В Буэнос-Айресе Неруда быстро сводит знакомство со многими литераторами. Но так же быстро он приходит в уныние от настоящего потопа скучнейших деловых бумаг, за составлением которых проводит часто в консульстве все немногие месяцы, что ему довелось пробыть в Аргентине.

Правда, его жизнь скрашивает дружба с генеральным консулом Сократом Агирре, отцом темноволосой девочки по имени Маргарита. Эта девочка с живыми яркими глазами сдружилась с дядей Пабло, который обожал ходить ряженым в дни праздников. Судьба распорядилась так, что позднее Маргарита Агирре стала одним из лучших биографов Пабло Неруды.

Усталость от нудной канцелярской службы скажется с стихах, в настрое стихов, которые поэт напишет в аргентинской столице. «Случается, я устаю быть человеком». Поэт, с детства привыкший к зелени лесов, чувствует себя потерянным среди бесчисленных лавок, удушливых парикмахерских запахов, портняжных

мастерских, «обвала товаров», среди лифтов и глаз «под стеклами очков». Он устает и от самого себя. От своих волос, от собственной тени. Вот бы устроить переполох, «прогуляться с острым зеленым ножом в руке». Он устал жить в сплошной тьме, словно «слепой корень». И зачем ему столько бед, одни беды? До чего надоело собственное лицо за тюремной решеткой! «Walking around» рассказывает о тяжелом душевном состоянии поэта. Все стихотворение «Безысходящее»[66] заставляет его проклинать собственную жизнь, рухнувшую в «глубокий бумажный провал», «во мрак конторского распорядка». Ему отвратительны «званья и официальные действа», мерзки «министерства, учреждения и штемпеля…»

Он переводит стихи из сборника Джеймса Джойса «Камерная музыка» и публикует их на страницах журнала «Ревиста интернасиональ де поэсиа» в Буэнос-Айресе в 1933 году.

Отношения с женой вот-вот оборвутся… В их доме какое-то время живет чилийская писательница Мария Луиса Бомбаль, та кокетливая сумасбродка, что дерзко озорничала на главной площади в Темуко. В Буэнос-Айресе она написала два романа: «Последний туман» и «Одетая в саван». В ту пору Неруда увлекся ее сестрой — Лорето… Мария Луиса Бомбаль испытала на своем веку немало горя. Всю жизнь Неруда тянулся к ней… как к писательнице. Это ее он назвал «любимой огненной пчелкой». Спустя полвека поэт встретился с ней в Соединенных Штатах. Она уже не вставала с постели, но по-прежнему пила, чтобы хоть как-то заглушить боль разочарований и обид.

Встреча безмерно удручила Неруду.

Марука Ахенаар молча, с неизбывной печалью в глазах следила за всем, что позволял себе Неруда. Она была ему верной женой, но он все больше отдалялся от нее. Женщины в один голос твердили: Марука ему не пара. Подруги поэта, снисходительно улыбаясь, звали ее «гренадершей».

Неруде всегда хотелось найти в женщине материнское тепло — ведь он остался сиротой в младенчестве. Мария Луиса Бомбаль отказалась от этой «чести»: «Не все из нас годятся ему в матери…»

Настоящим подарком судьбы стало для Неруды знакомство и дружба с Федерико Гарсиа Лоркой, который приехал в Буэнос-Айрес на премьеру своей трагедии «Кровавая свадьба». Неруде, как и всем, приносили огромную радость встречи с испанским поэтом. В то время с Гарсиа Лоркой сблизились Оливерио Хирондо{78} и Нора Ланг, Пабло Рохас с женой — белокурой Ампаро Мон, Рауль Гонсалес Туньон{79}. Пабло Неруда был непременным участником бесшабашных, а порой

«святотатственных» увеселений, которые длились до рассветного часа. Они отвлекали его от тусклого прозябания в конторе и от семейного разлада.

Блистательный Федерико затмевал на вечеринках нашего поэта своим остроумием, жизнелюбием, смехом, пеньем, зажигательной пляской. Пабло сам, без тени обиды, отходил на второй план. Гарсиа Лорка нередко садился за рояль и, импровизируя, создавал музыкальные портреты своих друзей. Неруду он «играл» в замедленном темпе. Накануне отъезда в Испанию Лорка сказал: «Мне не хочется возвращаться. Я скоро умру. У меня какое-то странное предчувствие».

Пабло нигде не изменял своей привычке шумно отмечать день рождения. В Буэнос-Айресе среди его гостей были Рамон Гомес де ла Серна{80} и Артуро Капдевилья{81}. В тот знаменательный вечер друзья устроили праздничную прогулку по городу, за ними следовало пустое такси. Это была выдумка Федерико. На вопрос, зачем они взяли такси, он отвечал — «для фасону». Вот так вся развеселая компания добралась до ресторана «Рыбка» в районе Ла-Бока.

Через много лет, 19 октября 1956 года, Неруда, выступая перед студентами в конференц-зале Чилийского университета, сказал, что Федерико Гарсиа Лорка — самый счастливый человек, какого он знал в жизни. И вспомнил, что познакомился с ним в доме аргентинского писателя Рохаса Паса. По странному совпадению Рохас находился при смерти в те самые минуты, когда Пабло говорил о нем в Чилийском университете…

Задним числом Пабло признался, что едва не погубил Федерико, когда они были в гостях у одного из аргентинских миллионеров. В поместье этого латифундиста было все, что полагалось, — и рукотворное озеро, и высоченная башня. Неруда вместе с одной прельстительной красавицей в белом наряде поднялся на самый верх этой башни. Гарсиа Лорка весьма охотно играл роль «сводника». Опьяненный свежим ветром, что вольно гуляет по бескрайней пампе, Неруда смело ринулся в любовную атаку. Ночь была темная, почти беззвездная. Федерико почему-то решил, что настал самый подходящий момент кричать во весь голос: «Да здравствует Поэзия!», «Да здравствуют все противники Ортеги-и-Гасета{82}!» От избытка чувств испанский поэт начал громко звать на башню других гостей. Неруда рассердился на него, а тот, пустившись вниз по лестнице, упал и чуть не сломал ногу. «Я сказал ему: „Господи, что ты за дурень!“» А этот «дурень» был величайшим поэтом Испании, самым обаятельным из друзей Неруды. Их соединяла поэзия, что всегда служила верным мостом между Испанией и Америкой.

Оба поэта считали, что один из главных строителей поэтического моста, переброшенного через Атлантический океан, непростительно, незаслуженно забыт. Забыт человек, который написал эпическую «Песнь во славу Чили» и «Песнь Аргентине».

В 1933 году Пен-клуб Буэнос-Айреса устроил банкет в честь Неруды и Гарсиа Лорки. Когда Федерико сел в одном конце длинного стола, а Пабло Неруда — в другом, устроители банкета, да и все приглашенные, недоуменно переглянулись. Первым взял слово Неруда. Он встал и торжественно произнес: «Дамы…» А с противоположного угла подхватил Гарсиа Лорка: «И господа! Вы, должно быть, знаете, что в корриде есть прием, метко названный „al alimón“[67], когда быка дразнят сразу два тореро, прикрываясь одним плащом…» Вслед за Лоркой чилийский поэт объявил, что они с Федерико будут выступать вдвоем, как бы бросая вызов почтенной публике, и «призовут на трапезу того, кто давно сокрыт мраком самой огромной из смертей… Мы призовем того, кто когда-то был несравненным супругом Жизни и, расставшись с ней, навсегда овдовел… Мы будем повторять его имя, пока оно не восстанет во всем своем могуществе из неправедного забвенья».

Лорка говорит, что стоит лишь назвать это имя, как «вдребезги разобьются бакалы, взлетят над столом вилки… Назовем же имя поэта Америки и Испании! Это — Рубен…» «Дарио», — заканчивает фразу Неруда и обращается к собравшимся с вопросом: «Где у вас в Буэнос-Айресе площадь имени Рубена Дарио?» И Лорка: «Где памятник Рубену Дарио?» И снова Неруда: «Он так любил парки. Где же парк Рубена Дарио?» Затем вопрос Лорки: «Или хотя бы цветочный магазин, где в память о Рубене Дарио продавали бы только розы? Он покоится в „родной земле“ Никарагуа под ужасающим львом из мраморной крошки… Одним-единственным прилагательным этот поэт мог вызвать шум леса… С грустным ироническим сомнением он провел рукой по коринфской колонне, что простояла века». Лорка блистательно сказал о том, какое богатство принес Рубен Дарио своей родине:

> «В Испании он, воистину испанский поэт, учил зрелых мастеров и школьников, учил с той удивительной душевной щедростью и всеохватной широтой, какой так недостает нынешним поэтам. Он был учителем Валье Инклана{83}, Хуана Рамона Хименеса{84}, братьев Мачадо{85}. Нива нашего благородного языка впитала живительную влагу и едкую соль его поэтической речи. Со времен Родриго Каро{86}, братьев Архенсола{87} и Хуана де Аргихо{88} испанский язык не знал такого

> празднества слов, такого дерзкого столкновения согласных, такого неистового сиянья, такой совершенной формы, как у Рубена Дарио. Он прошел по Испании, как по родной земле, и все ему было близким — от полотен Веласкеса, костров Гойи, грусти Кеведо{89} до пышущих румянцем крестьянок Мальорки».

А Неруда скажет, что, коль скоро нет памятника Рубену Дарио на земле, надо создать ему памятник нерукотворный «в воздухе, в горних просторах». И Лорка захочет возложить к его подножию «ветвь алых кораллов — кровь поэта… биение, трепет его нервов, точно сноп лучей, запечатленных на фотографии… его затуманенный, отрешенный взгляд, взгляд поэта, чье богатство — мириады слез. И все его изъяны… мучительное похмелье, завораживающий дурной вкус, бесстыдное многословие, что согревает человеческим теплом лавину его стихов…».

В 1982 году впервые была опубликована «Голубка внутри, или Стеклянная Рука. Вопросник в стихах, составленный в городе Буэнос-Айресе бакалавром доном Пабло Нерудой и иллюстрированный рукою дона Федерико Лорки». Дело в том, что это произведение долгие годы существовало в одном-единственном экземпляре. Он был подарен донье Саре Торни де Рохас Пас. Голубка, вышитая зелеными нитками, украшала переплет из мешковины. Уникальная книга сама по себе является библиографической редкостью, но главное — это творение двух великих поэтов; один написал стихи, а другой сделал рисунки. В этой книге нет ничего веселого, праздничного. Она открывается грозным пророческим стихотворением «Одна лишь смерть». В нем таится предчувствие близкой смерти поэта-художника. Не прошло и двух лет, как погиб Гарсиа Лорка. В книге угадана и смерть, настигшая второго поэта, который написал эти строки: «Я приплыву в тот порт, / где живет Она в мундире адмирала». Или — генерала? Предощущение смерти выразит тот, кто иллюстрировал книгу «Голубка…». На последней странице он сделает грозный рисунок и собственноручно напишет: «Отрубленные головы Федерико Гарсиа Лорки и Пабло Неруды — авторов этой стихотворной книги…»

Федерико возвращается в Испанию, а вскоре туда уедет и Пабло Неруда. 28 марта 1934 года он отправит из Буэнос-Айреса письмо сестре Лаурите:

> «…Я не хотел писать тебе до срока, что меня посылают в Испанию, в Барселону. Похоже, я отправлюсь туда в ближайшее время. Как только узнаю о дне

отъезда, тут же сообщу».

58. Приезд в дом праматери

В мае 1934 года Неруда ступил на испанскую землю. Однако имя поэта приплыло туда на несколько лет раньше — «на борту его книги». Рафаэль Альберти с присущим ему артистизмом и обаянием рассказывает, как все было… Той зимней ночью, когда к Альберти попала рукопись, так восхитившая его, лил проливной дождь. Но давайте обозначим эту историю геометрической фигурой — треугольником, и назовем условно «угол» Рафаэля Альберти «третьим». Ну, а во главу угла, само собой, поставим Неруду, ведь он должен быть «первым», поскольку первый рассказал о книге своему аргентинскому другу Эктору Эанди в письмах — пусть Эанди будет «вторым», — и послал ему рукопись в Буэнос-Айрес. А Рафаэль Альберти — «третий», замыкает эту триаду.

Итак, в один из дней в подвальном баре отеля «Насиональ» эта рукопись легла на стол, заставленный пустыми бутылками! Лишь одну непочатую бутылку должны были торжественно распить в честь рукописи под названием «Местожительство — Земля». Поэта, автора этой рукописи, в Испании почти никто не знал. Рукопись принес секретарь чилийского посольства Альфредо Кондон (впоследствии он напишет статью о Неруде, и наш поэт отнесется к ней весьма благожелательно). Но тогда Альфредо лишь выполнял поручение, вернее, просьбу Карлоса Морлы Линча, министра-советника посольства и близкого друга Федерико Гарсиа Лорки. Сразу же после первого чтения «Местожительства» Альберти пришел в невероятное волнение. Его заворожили, околдовали эти стихи, совершенно непохожие на все, что писали в Испании. Он захотел немедленно узнать об их авторе как можно больше. Это консул Чили на Яве — сказали ему, он пишет не только стихи, пронизанные тоской и одиночеством, но и шлет во все стороны света письма с мольбой о помощи. Больше всего этот поэт тоскует по испанской речи. Месяцами ему не случается сказать ни слова на родном языке… Рафаэля Альберти взволновала не только книга «Местожительство», но и нелегкая участь ее автора, которого забросило на чужбину, в какую-то экзотическую даль, где он томился и чувствовал себя погребенным заживо. Рафаэль Альберти все более восторгался стихами Неруды и носил его рукопись с собой повсюду. Приходил с ней в кафе, в бары, на литературные беседы-тертулии и в упоении читал стихотворение за стихотворением.

Альберти одним из первых вошел в содружество поклонников молодого чилийца, который с какой-то далекой неведомой Явы взывал к сочувствию, к поддержке в надежде, что молодые поэты Испании откликнутся на его слова. Вот имена его первых испанских друзей: Артуро Серрано Плаха, Хосе Эррера Петере, Луис Фелипе Виванко… Они только-только ступили на поприще поэзии. Подобно Диогену, отправились они среди бела дня на поиски издателя стихов молодого чилийца. Но их усилия не увенчались успехом. Рафаэль Альберти обхаживал Педро Салинаса, переводчика Марселя Пруста, надеясь, что тот сумеет пристроить стихи Неруды в журнале «Ревиста де Оксиденте». В ту пору Рафаэлю нужен был влиятельный посредник, поскольку и он, как и его собрат Гарсия Лорка в Аргентине, позволил себе в Мадриде во всеуслышание оскорбительно отозваться о «верховном первосвященнике» журнала — философе Ортеге-и-Гасете. В конечном счете кое-что получилось: журнал опубликовал несколько стихотворений из книги Пабло Неруды… Рафаэль открыл новое литературное имя, которое не могло не привлечь внимания читателей. Время от времени испанский поэт писал письма своему далекому и страждущему другу. Ответные письма не обходились без просьб. Неруда, страшась и стыдясь грамматических и орфографических ошибок, молил как можно скорее прислать хороший словарь испанского языка.

В 1931 году Рафаэль Альберти решил попытать удачи в Париже. Он свел знакомство с одной молодой аргентинкой — это о ней Неруда весьма скептично писал Эктору Эанди, — которая пообещала издать «Местожительство — Земля». Звали ее Эльвира де Альвеар, и она, возможно, была особой влиятельной или с большими деньгами… Не кто иной, как ее секретарь, молодой кубинский писатель Алехо Карпентьер, послал по ее поручению телеграмму Неруде, где говорилось, что он получит аванс в пять тысяч франков. Телеграмма пришла, деньги — нет. Как известно, с парижским изданием «Местожительства» тоже ничего не вышло. После всех неудач с этой рукописью Альберти дал себе клятву: никогда не браться за издание чужих книг. «Я пообещал, а выполнить обещание не сумел».

Много лет спустя на моих глазах Неруда предпринимал все усилия, нажимал на все пружины, чтобы издать «Поэта на улице», книгу стихов своего confrère[68] — так он называл Рафаэля Альберти.

Я тоже был причастен к судьбе «Поэта на улице» в Латинской Америке… Неруда написал восторженное предисловие и выразил в нем всю свою благодарность испанскому поэту Рафаэлю Альберти, восхищаясь и его жизнью, и его стихами.

Однако в нашем стоячем болоте Неруда наталкивался на те же препятствия, что подстерегали Альберти двадцать лет назад, когда он обивал пороги, чтобы издать в Испании книгу стихотворений чилийского поэта, отторгнутого от мира, поэта, заброшенного судьбой на далекие острова Востока. Неруда сопоставил обе ситуации и, поразмыслив над ними, сделал вывод: даже те поэты, что вышли на улицу, не в силах одолеть твердолобых политиканов и хоть как-то влиять на издательский выбор.

После бесплодных попыток опубликовать «Местожительство — Земля» Альберти долгое время ничего не знал о своем далеком друге… Однажды какой-то человек взбежал по лестнице его дома в Мадриде и, чуть сбившись с дыхания, сказал: «Я — Пабло Неруда. Приехал и сразу — к тебе. Здравствуй. Жена стоит внизу. Не пугайся: она — великанша». Все это было утром 1933 года. Рафаэля несколько покоробили слова Неруды насчет жены, он принял их за неудачную шутку. Но увидев Маруку, поэт едва совладал с собой, чтобы не ахнуть от изумления: женщина и впрямь была непомерно высокой.

Вместе со своей женой Марией Тересой Леон Рафаэль подыскал жилье для Пабло и Маруки, тот самый «дом цветов», который в годы гражданской войны обратился в груды развалин.

Попав в Мадрид, я совершил паломничество к тому месту, где когда-то стоял «дом цветов». Там, видимо, уже не один год высилось безликое многоквартирное здание.

Рафаэль стал одним из первых политических наставников Неруды. Он вспоминал, что Пабло по приезде в Мадрид чистосердечно признался: «Я ничего не смыслю в политике. Мне близки по духу анархисты, потому что я лично могу делать лишь то, что хочу». Его журнал «Зеленый конь», где сотрудничали молодые и самые яркие поэты Испании, отстаивал принципы «нечистой поэзии», открытой всему, что рождает жизнь. Но проблем политических этот журнал не касался.

Херардо Диего, составитель антологии испанской поэзии первых трех десятилетий двадцатого века, познакомил читающую Латинскую Америку с блистательным «поколением 27 года». С Нерудой, как он сам говорил, у него были «весьма любопытные параллели и расхождения». Но при этом Херардо Диего безапелляционно утверждал, что прежде других оценил и осмыслил поэзию Неруды. Ничтоже сумняшеся, он говорит, что нерудовские стихи попали в Испанию, в Европу, проторенной дорожкой — через Францию. В октябре 1926 года в журнале «Фавораблес Пари поэма» — в свет вышли лишь два номера — был опубликован большой отрывок из книги Неруды «Порыв

стать бесконечным». Должно быть, по иронии судьбы, по «капризу» истории литературы это произведение заметил и потом опубликовал в Испании один поэт, с которым у Неруды позднее были самые плохие отношения, настолько плохие, что Неруда не убоялся дать ему оскорбительное прозвище — Хуан Тарреа[69]. А дело было так: Хуан Ларреа случайно обнаружил в редакции кем-то брошенный или забытый журнал с фрагментом «Порыва стать бесконечным» и загорелся желанием опубликовать его в испанской печати. Он даже выслал Неруде один экземпляр журнала с его стихами. А наш поэт написал ему, что, строго говоря, это его первая публикация в Европе. По сути, Хуан Ларреа и его друг Сесар Вальехо{90} уже знали поэзию Неруды по книгам «Собранье сумерек и закатов» и «Двадцать стихотворений о любви». На их взгляд, обе книги были замечательные, но грешили излишней романтичностью, отвлеченностью. По их тогдашним воззрениям, это можно было считать серьезным изъяном.

Зато «Порыв стать бесконечным» вызвал у них особый интерес. Факт сам по себе весьма примечательный, поскольку Неруда неоднократно сокрушался, что эта книга незаслуженно осталась незамеченной критиками и читателями. Поэт считал, что именно «Порыв» являет собой поворот к новой эстетике.

В разных провинциях Испании возникло немало пылких, увлеченных нерудистов. Фернандо де ла Преа, объездивший всю Латинскую Америку и, разумеется, посетивший Чили, открыл в 1927 году книжную лавку. Он обратился к Херардо Диего с просьбой помочь представить Неруду испанским читателям.

Однажды Карлос Морла Линч{91} пригласил к себе в мадридский дом Херардо Диего и показал ему первое издание «Местожительства», ту самую книгу, которая была издана стараниями Карлоса Насименто. Книга была такого большого формата, что не вставала на книжную полку… В доме ждали и Федерико Гарсиа Лорку, но он почему-то не пришел, хотя и обещал. Лорка посетил Морлу Линча двумя-тремя днями позже. Игра чилийского пианиста Клаудио Аррау привела его в полный восторг. Об этом сказано в воспоминаниях Мануэля де Фальи{92}, а уж он лучше других знал, как глубоко понимал и любил музыку Гарсиа Лорка.

Херардо Диего познакомился с Нерудой вскоре после его приезда в Испанию. Именно в это время на Херардо Диего свалилось, точно с неба, путешествие на Филиппины. Неруда, как истинный знаток всего, что касается Востока, дал испанскому поэту немало дельных советов и вдобавок подарил ему свой белый летний костюм, в котором легче переносить жару. Правда, костюм пришлось ушить: Пабло к тому времени располнел —

прибавил целых двадцать килограммов… Помимо всего, он снабдил Херардо Диего книгой о путешествии по прибрежным странам Индийского и Тихого океанов. И хотя книга была издана в XIX веке, поэт полагал, что она с успехом заменит ему путеводитель.

5 мая 1934 года Неруда переезжает в Барселону. Его привлекает чеканная, почти металлическая звонкость каталонского языка, острый живой ум тех, кто им владеет. Говоря по-испански, каталонцы как бы вырезают «профиль каждого слова» и наполняют незамутненной прозрачностью каждый звук. В короткое время Пабло сводит тесное знакомство с барселонскими писателями и поэтами. Это уже время жестоких репрессий в Астурии. «Черное двухлетие»{93}, которое густой свинцовой нависью протянулось над бурлящей Испанией…

Неруда сближается со многими левыми каталонцами. Среди его новых знакомых — социалисты, коммунисты. Есть и анархисты, в те времена они играли существенную роль в политической борьбе.

Неруду все больше и больше интересует каталонская поэзия.

59. Два необычных консула

Определенное время занимают у поэта консульские дела. Он сидит в консульстве, часто берет телефонную трубку — тогда забавные телефонные аппараты во множестве появились в Европе — и разговаривает с чилийским консулом в Мадриде. Поначалу идет официальный разговор, дела, бумаги, письма… Но потом он соскальзывает на другое — возникает оживленная дружеская беседа о разных новостях, общих знакомых, о только что прочитанных книгах. Ведь его собеседник не карьерный дипломат, а… Габриэла Мистраль. Нет, это не простая случайность. Их свела сама судьба. Чья-то незримая рука, что иной раз определяет самые конкретные вещи в нашей жизни, сделала так, что на «консульском небосводе Испании» в едином созвездии сошлись два великих поэта Чили. Оба они вполне добросовестно выполняют свои консульские обязанности, но частенько позволяют себе погрузиться совсем в иной мир, где их души созвучны, где один находит желанный отклик в другом. Зачарованные этим упавшим с неба благом, этой возможностью беседовать при встречах, по телефону, они увлеченно, горячо обсуждают все, что касается литературы, поэзии… Нет ничего мелочного, мелкого в отношениях двух великих людей, в их дружбе, которая как нельзя лучше подтверждает правильность рассуждений Неруды «о слонах в сельве». Оба поэта прекрасно

уживаются в двух консульствах одной страны. Они часами ведут содержательные, серьезные беседы, им легко, хорошо друг с другом, потому что они живут в добром мире высокой дружбы. Истинное братство, духовное родство связывает двух поэтов.

Но безоблачное небо, точь-в-точь как это бывает в приключенческих фильмах, ни с того ни с сего затянулось тяжелыми тучами. И грянула гроза. Гром и молнии! Потоки злобной клеветы обрушились на Габриэлу Мистраль. Весь сыр-бор загорелся после того, как реакционная газета «Меркурио» обвинила Габриэлу Мистраль в нарушении консульского статуса. Мол, она, забывая о своем положении, позволяет себе недопустимые вольности. Что и говорить, Габриэла действительно бывала резкой, язвительной, и это использовали ее враги… Поначалу пополз шепоток, а затем заговорили во всеуслышание, что ее манера выпаливать правду в глаза нередко оскорбительна для страны, где она аккредитована. И вот решение чилийского правительства: Габриэле Мистраль следует незамедлительно покинуть Испанию… С той поры горькое разочарование навсегда угнездилось в ее сердце. Как же так? Выходит, несправедливость взяла верх? Выходит, никто не понял, как ей дорога и близка Испания? Никто не почувствовал, с какой искренностью, с какой любовью она говорит об Испании в «Обетах»? Вот как начинается книга Габриэлы Мистраль «Материи»: «Я просыпаюсь в ночном поезде „Барселона — Мадрид“ от возгласа, наполнившего меня радостью: „Мы едем по Кастилии!“».

Ее глаза вобрали в себя глубокую синеву и солнечный свет каталонского Средиземноморья, и ей нелегко свыкнуться с кастильской землей, где преобладает цвет пепла и цвет «меди старинных шлемов». Она говорила, что на этой земле не приживается тот, кто уступчив, кто сдерживает порывы своей души… Да, Габриэла всегда противилась расплывчатому, неопределенному, померкшему, что, по ее словам, не угодно ни дьяволу, ни богу. И ее прямота бывала ей не во благо. Ведь отчасти из-за нелегкого характера Габриэле пришлось покинуть Испанию, что называется, «выпрыгнуть из нее в окно».

А разве не она, Габриэла Мистраль, ликовала, уезжая в Авилу, где думала отыскать следы дорогой ее сердцу святой Тересы. Втайне от всех она мысленно вела беседы с испанской поэтессой, близкой ей и по темпераменту, и по слогу. А в какой восторг приводили Габриэлу маленькие селения Иберийского полуострова, как пленила ее Сеговия! Но Барселону она любила «с опаской»…

«Испаноамериканские вояжеры, — говорила Габриэла Мистраль, — великолепно чувствуют себя в Барселоне. Но это насквозь „городской город“ в том пугающем значении этих слов, какие применимы и к Нью-Йорку. Я выхожу на Рамблас с тоской по старинным городам и, завидя море в конце этой улицы, говорю себе: „Сегодня же, не откладывая, отправимся на Мальорку… Мои барселонские друзья дают мне совет: надо окинуть быстрым взглядом Мальорку и тут же уехать в Вальдемос… и там отдохнуть, насытить глаза синью Средиземного моря, чтобы их не опалило солнце Кастилии“».

Кастилия поражает воображение Габриэлы. И не столько ее иссушенные земли, сколько сухая сдержанность самих кастильцев. Решительно ничего общего с порывистой, чувственной Севильей! Габриэле вспоминается облысевший чилийский Север. В Кастилии она также тоскует по сочной зелени лугов, как в злосчастной Антофагасте. Но не следует усматривать в скорбной пустынности Кастилии некое символическое выражение кастильского духа, размышляет чилийская поэтесса, это было бы слишком поверхностно, упрощенно. «Латифундия, как таковая, — говорит она, — обрекает леса на гибель. Когда-то система латифундий существовала в Испании и потом пустила корни на Латиноамериканском континенте. Но наши земли несравненно богаче, щедрее, они сами восстанавливают собственные силы, и у нас еще не изничтожена красота природы, несмотря на всю пагубу, что творят землевладельцы».

О своем чувстве к Испании чилийская поэтесса говорит с какой-то робостью, застенчиво. Она испытывает к испанской земле скорее нежность, чем страстную любовь. И вот Габриэлу Мистраль, которая так проникновенно говорила, писала об Испании и любила в ней то, что называла «нашей родной Испанией», изгнали. Выпроводили оттуда, как говорится, «в одночасье».

60. Беда за бедой

Габриэла уезжает на консульскую службу в Лиссабон. А 3 февраля 1935 года Пабло Неруда перебирается в Мадрид. Там его сердечно встречает Луис Энрике Делано — чилийский писатель, человек редкой души, которого связывала тесная дружба с Габриэлой Мистраль. Неруде везло с друзьями, но в браке он был несчастлив, и Марука это тяжело переживала. Однако разлад в

семейных отношениях не всегда ведет к полному разрыву. К тому же именно в это время в жизни супругов происходит радостное событие, которого Пабло желал всем сердцем. Это событие как бы вступает в спор с одним из самых популярных стихотворений поэта — «Farewell».

Из глубины тебя с моей печалью
в глаза нам смотрит наш ребенок.
И чтобы жизнь в нем не угасла,
одним узлом должны стянуться наши жизни.
Я не хочу того, любимая, пойми!
Пусть нас ничто не вяжет поневоле,
пускай не держит силой…
И вот шепнул «прощай» ребенок из-под сердца.
И я ему шепчу: «Прощай»!

Теперь все иначе. Хотя поэт уже не скажет своей жене «любимая», но о ребенке мечтает с прежней силой. И вот 18 августа 1934 года у него рождается дочь. Ликующий, охваченный хмельным восторгом, Неруда говорит об этом всюду и везде. Он заказывает красивые открытки и рассылает их во все концы света — пусть вместе с ним радуются его друзья, родные, знакомые. «Девочку назовут Мальва Марина, — пишет Пабло, — и тогда прекрасный цветок будет неразлучен со знаком моря, с моим знаком». Событие взволновало всех друзей поэта. На свет появилась долгожданная дочь — Мальва Марина Тринидад! Больше всех радуется Гарсиа Лорка. Он радуется и чему-то печалится, что-то таит в себе. У себя дома втайне от всех Гарсиа Лорка пишет стихотворение, о котором узнают лишь через пятьдесят лет. Это стихотворение называется «Строки к рождению Мальвы Марины Тринидад». Черно-белые строки печальны, потому что сама смерть караулила девочку, когда она появилась на свет, и качала ее колыбель. Девочка родилась раньше срока, и ее еле отходили. Федерико пишет стихи-заклинание, строки белой магии, чтобы они помогли спасенью тела и души новорожденной:

Мальва Марина, я творю заклятье:
ты плод любви, дельфин в пучине вод.
Америка кружится в смертном танце
и ранит, источая яд, мою голубку.
Но я рассею чары, сокрушу устои
той ночи, что ревет и воет среди скал.
Вспять поверну тоскливый жуткий ветер:

он губит далии и мрак сгущает.
Волшебник — Белый слон — в раздумье долгом:
что уготовано тебе — кинжал иль роза?[70]

Поэт умер раньше Мальвы Марины… Должно быть, Гарсиа Лорка надеялся, что его слова уберегут девочку от гибели, что он спасет ее, как добрый волшебник из сказки. Для него эта девочка была сразу и чилийкой, и испанкой, и яванкой.

Яванка, лунный луч, побег зеленый,
венок, приплывший по волнам из Чили,
Мальва Марина, ты — дитя Мадрида,
и не цветы, не яркие ракушки,
не ветвь в кристаллах соли подарю тебе,
а свет небес — любовь — вложу в уста твои[71].

Гарсия Лорка не смог спастись от смерти. И не смог спасти дочь Неруды. Эти стихи, появившиеся на свет лишь через полвека, не были известны Неруде. Да и никто, решительно никто не знал об их существовании, пока родные Федерико не привели в порядок его бумаги и не обнаружили это неизданное стихотворение.

Оно было опубликовано в мадридской газете «А-Бэ-Сэ» в день 80-летия со дня рождения Пабло Неруды — 12 июля 1984 года. Луис Энрике Делано незадолго до того, как вышел срок его долгого пребывания на чужбине, второй эмиграции — первую он разделил вместе с Нерудой, — говорил о найденном стихотворении, вспоминая Мальву Марину.

«В моей памяти она осталась бледненькой девочкой с темными волосами и темными глазами, как у Неруды. Переняла ли она от матери нордические черты лица? Если поразмыслить, то, пожалуй, у нее был материнский овал лица. Я помню, как она лежала в колыбели, помню ее в коляске. Марука возила девочку в парк, в Западный парк, что был неподалеку от „дома цветов“, — он чем-то напоминал графский особняк, — где жил Неруда с женой… Она не разговаривала, только внимательно смотрела своими большими, ласковыми и немного испуганными глазами. И пела! Мать была очень музыкальной и научила ее петь. Девочка обладала прекрасным слухом и, не фальшивя, повторяла мелодии многих песен».

Как я уже говорил, с первых минут рождения Мальвы Марины начались волнения.

Родители очень быстро заметили, что с девочкой что-то неладно. Какие-то странные и пугающие симптомы. Вот строки письма Неруды отцу дону Хосе дель Кармену. Надежда в них борется с отчаянием.

> «Я не сразу сообщил тебе эту новость, поскольку все сложилось не очень хорошо. Считают, что девочка родилась недоношенной, и ее спасли чудом. Она совсем крошечная. Вес при рождении всего 2 кило 400. Но девочка очень миленькая, просто куколка, глаза синие, как у деда, нос, слава богу, Маруки, а рот — мой. Успокаиваться пока рано, я это прекрасно понимаю, но все же верю, что худшее позади. Я верю, что девочка будет поправляться и станет пухленькой…»

Пабло бодрится, однако врачи говорят суровую правду. Их грозный приговор прозвучит в поэтический строках Неруды. Его поэзия нередко автобиографична, и он, пусть иносказательно, не впрямую, говорит о страшном несчастье, которое ворвалось в его жизнь. Все в стихах как бы затемнено, зашифровано, и нужно знать код, чтобы понять, о чем ведет речь поэт. Но временами проступает обнаженная правда. Стихи из второй книги «Местожительство — Земля» — «Печаль в семье», «Материнство», «Болезни в моем доме», «Ода-плач» — поэтическая кристаллизация горя, что сразило семью…

Ползущий запах камфоры, разбитый стакан, покинутая всеми столовая. Поэт приходит с улицы «весь в грязи и смерти». Но страшнее всего безмолвная, «покинутая всеми столовая», и тот, кто садится за письменный стол, всегда печален. В доме горе, рыданья.

Он упрашивает потемневшую от горя мать «вонзить в его сердце десять ножей», молит «о ясном, просветленном дне», о «весне — теплой, без пепла».

Поэт так жаждал стать отцом! Радость била в нем через край, но теперь все затянуто мглой, «есть только плач, ничего, кроме плача, / есть только боль, ничего кроме боли… / Жестокие корни впиваются в детскую руку, / и кровь моей девочки к листьям уходит, омытым луной, / близкой планетой с оскалом звериным. / Это она ядом сочится и отравляет воды, / где тонут дети, когда наступает ночь, / и остается лишь смерть, / ничего, кроме смерти и плача».

«Болезнь в доме» — душераздирающее стихотворение: «Кого молить о милосердье к зернышку пшеницы?» Неруда просит

помощи, защиты у всего, что ему дорого, свято:

Помогите мне, листья, — я вам поклонялся безмолвно,
помоги мне, тропа каменистая, стылые зимы,
буйство женских волос, влажных от моего пота,
южной луны сиянье в небе с листвою опавшей,
принесите мне утро надежды,
оживите былое биение сердца.
Я страдаю от капельки малой,
лепестком весь изранен хрупким.
Льется рекой безутешной кровь от укола булавки,
в росах прохладных тону — они погибают от мрака.
И улыбка ее, что гаснет, и беззащитные губы,
и пальцы, что роз не дождутся,
велят мне писать эти строки, этот плач,
ничего, кроме плача.

Это стихи о любви к дочери. Поэт казнит себя за бессилие, за то, что ей выпали такие страдания. «Лишь поцелуй, лишь всполох алого мака — / вот что могу принести вместе с любовью моей!» Он угадывает знак верной гибели, начертанный на лице девочки: «Как много смерти и звона погребального — в любви моей бессильной и в безутешных поцелуях…»

Явись моей душе в одеждах белых,
с букетом роз багряных, с дымчатою чашей,
явись с лошадкой, с яблоком огнистым.
Какая тьма в пустынном доме, и канделябр разбит,
и сломаны все стулья в преддверье стужи,
и мертвая голубка, и грозное знаменье.

У девочки была страшная болезнь — гидроцефалия. Для нее губителен даже слабый свет. Она лежала в комнате с зашторенными окнами, в полутьме. Мальва Марина была приговорена к полной неподвижности, к постели, к смерти. Ее не мог бы спасти ни один врач.

Несчастье не объединило супругов. Напротив, ускорило их разрыв. Все свое горе Неруда излил в поэзии, в стихах, исполненных огромной выразительной силы. Ничего не сказано в них впрямую, и тем не менее они прозрачны, ясны. После щемящей сердце «Оды-плача» поэт замолкает. Но это вовсе не означает, что боль исчезла, что все предано забвенью. Неруда, скорей всего, жил с этой болью до конца своих дней, хотя никогда

больше не говорил о ней в стихах… Несчастье стало немым, безмолвным, но годы не изжили, а лишь утишили его.

Быть может, первый брак Неруды был роковой ошибкой? Он коснется этого, как бы мимоходом, в своих стихах. Но вот что странно: поэт сделал бессмертными самых разных женщин, и ничем не примечательных, и самых блистательных, он надел хрустальные башмачки многим золушкам и превратил каждую — в королеву, на протяжении всей жизни он возвращался памятью к своим прежним возлюбленным, но не посвятил ни одного любовного стихотворения своей первой жене. Удивительно, необъяснимо! Быть может, Неруда когда-то и написал стихи в честь Маруки, однако до нас не дошла ни одна строка. Много лет спустя, в пору своей поэтической осени, Неруда задает себе вопрос, вернее досадует, недоумевает:

Зачем я женился в Батавии?
Странник, бредущий без цели,
без денег, без крова, разутый,
ну, просто глупец — да и только!..

61. Хлопотливая Мураша или соседка?

Как-то поздним вечером — это было в Риме, в мастерской испанского художника Хосе Ортеги, неподалеку от пьяцца дель Пополо, — на одной из дружеских встреч, которые чудодей Рафаэль Альберти умеет превращать в магические действа, я услышал от него то, что меня удивило, озадачило. «Я познакомился с Мурашей до Неруды», — сказал Альберти…

«Это произошло в Париже, – продолжал он, – в одном из самых богатых кварталов, где тогда жила Виктория Окампо, аргентинская писательница, меценатка и главный редактор журнала „Сур“. Я отправился к ней со стихами в кармане — она захотела их прочитать. Мне пришлось долго звонить, пока открыли дверь. Нет, меня встретил не слуга в ливрее, или, скажем, шофер, или садовник, кухарка. Передо мной стояла женщина зрелых лет, цветущая; в ее манере общения была та легкая непринужденность, которая покоряет всех и вся. И прежде всего — мужчин. Именно эта мысль пронеслась тогда в моей голове. Я спросил о Виктории Окампо. „Ее нет, — ответила она, и, наверно, увидев в моем лице растерянность, добавила с милой

> победительной улыбкой, — но есть я“. И пригласила в дом. Я подумал: такой женщине надо жить только в Испании. И сказал это вслух. „Сейчас у меня нет никаких денег“. — „Тем более, — наступал я, — в Испании жизнь намного дешевле, чем во Франции!“ Я уговаривал ее со всем пылом, настойчиво. „Там у вас будут прекрасные друзья“. И вот в скором времени она постучала в дверь моего дома в Мадриде. Почти сразу эта женщина с головой окунулась в жизнь республиканской интеллигенции».

Когда Габриэла Мистраль, опутанная сетью злобных интриг, отказалась от должности консула в Мадриде, ее заменил Неруда. Художники, писатели, артисты радушно приняли нового консула. Делия дель Карриль, новая приятельница Альберти, стала к тому времени заметной фигурой среди творческой интеллигенции Испании. Она познакомилась с Пабло в доме Карлоса Морлы Линча… Любовь вспыхнула с первого взгляда. В ту пору этой неотразимой женщине было уже пятьдесят. Ее яркая жизнь полнилась событиями. Я слышал от Делии историю о ее путешествии в Европу. В конце XIX века, когда она была еще девочкой, вся ее семья — отец, могущественный скотопромышленник, мать, близкая к артистическим и художественным кругам, и тринадцать детей — в середине зимы «наняла пароход», как тогда говорилось, и поплыла в Европу. Кадры, достойные фильма Феллини — «И корабль плывет…». Семейство Карриль отправилось в плаванье… с собственной коровой, которую держали в трюме. Нельзя же оставить детей без парного молока?! В Париже они поселились в огромном отеле, который вскоре превратился бог знает во что из-за проказ шумной оравы детей. Родителям пришлось поместить их в дорогой коллеж с пансионом.

Делия сохранила добрую память о французских монахинях, которые с невероятным терпением выдерживали все причуды своих аргентинских воспитанников… Но ее тянуло в родное поместье, в аргентинскую пампу. Девочкой она страстно любила лошадей, любила пускать их галопом, нестись во весь опор. Кони властвовали над пампой. Они — воплощение свободы, благородства. Они — преданные друзья, символ порыва, движения. Делия пристрастилась рисовать коней. По сути, она — художник с хорошей профессиональной подготовкой. Ученица Фернана Леже. Спустя годы Делия станет одним из лучших рисовальщиков лошадей в Латинской Америке. Кони детства — главная и постоянная тема ее творчества. Нередко она наделяет

из человеческими чертами.

Еще до первой мировой войны Делия совсем юной выходит замуж за этакого хрестоматийного плейбоя в аргентинском варианте. Красивая молодая пара обожала экстравагантность. Они подались на Аляску в самый разгар «золотой лихорадки». Именно там им захотелось провести свой медовый месяц — пусть о них заговорит весь Буэнос-Айрес, пусть они будут единственными в своем роде.

Молодой муж оказался способным учеником Макиавелли и маркиза де Сада. Он с дьявольским мастерством изобретал духовные пытки для своей жены и всячески старался подавить ее волю, отвадить от нее всех друзей. Молодожены приобрели замок на Балеарских островах. Их жизнь проходила то там, то в Париже, в шумных и пышных приемах и не менее шумных скандалах. Делии казалось, что она на краю смерти. Ее мучила та самая «болезнь души», о которой мы читаем в романе Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века». Однако ей не хватало сил порвать с мужем. Еще чуть-чуть, и она была бы сломлена. Но вот в Париж приезжает Рикардо Гуиральдес, муж ее сестры Аделины. Увидев все это, он взял бедную Делию за руку и твердо сказал: «Ты немедленно уедешь со мной в Аргентину». На родине, в семье, она постепенно приходит в себя. Но куда деваться от ненавистного безделья? У Делии был ангельский голос, и она брала уроки пения у самой Нинон Валин и у мадам Батори. Ее первый концерт сулил ей славу — собралось полно людей. Но как только Делия вышла на сцену, у нее пропал голос. Новая катастрофа. Тяжелая психическая травма. На ее бесчисленных праздниках и приемах в доме пели все, кому не лень, даже самые безголосые, но сама она никогда не присоединялась к поющим.

В Париж она вернулась, чтобы продолжить занятия живописью и снова войти в близкий ей по духу мир, где совершалась эстетическая революция. Пикассо, Хуан Грис, сюрреалисты и в первую очередь Луи Арагон. Тогда-то и состоялась та знаменательная встреча с Рафаэлем Альберти, который уговорил Делию уехать в Испанию и включиться в жизнь Республики. Знатная аргентинка вступила в коммунистическую партию. И с тех пор она активно работала в ее рядах, восхищая всех глубиной мысли и широким кругозором. Эти качества обретают особое значение, когда она становится духовной наставницей Неруды, который необычайно чутко откликался на все, что происходило, но не обладал еще политическими знаниями. Теперь он не только ученик Рафаэля Альберти, но и ученик Делии дель Карриль. Словом, дружба и любовь сыграли немаловажную роль в формировании его политического и

социального мышления.

Делия делала переводы для партийной печати и одновременно училась в Академии Сан-Фернандо. В Испании она, пожалуй, преодолела ту давнюю застарелую травму — провал на публичном концерте, после которого никогда не пела на людях. Сама жизнь привела ее в Певческий союз рабочих. У Неруды не было никакого слуха, но певицы — и признанные, и непризнанные — покоряли его сердце. Всю жизнь он дружил с Бланкой Хаусер, которая как никто исполняла «Сон Эльзы» из оперы Вагнера «Лоэнгрин». Позже пришел черед Делии — навсегда смолкшей певицы. А затем появилась Матильда — до встречи с Пабло она зарабатывала пением на жизнь.

Делия успевала все сразу, была душой любого дела. И потому ее прозвали Мурашкой, Мурашей. Она ничуть не обижалась, напротив, это ей льстило. «Да, я похожа на муравья, потому что взваливаю на плечи ношу больше меня самой», — говорила эта удивительная женщина.

Однако Неруда любил называть ее «соседкой». Меткое прозвище… Делия великолепно разбиралась во всем, что было связано с политикой, искусством, с психологией человеческих отношений. Но в силу своего характера почти не занималась домашним хозяйством, которое требует и времени, и старания. Вернее, занималась как бог на душу положит.

Делию мало заботил мир кухни. Она царила за его пределами. Как и Пабло, она унаследовала от своего отца любовь к застольному веселью, приглашала домой всех и каждого, совершенно не думая, что приготовить к приходу гостей. Сколько раз Неруда лихорадочно шарил по пустым кастрюлям, посылал в последнюю минуту друзей в магазин или изобретал что-то на скорую руку, чтобы хоть как-то выйти из положения. В его глазах Делия была этакой прелестной соседкой, вроде бы забежала к нему на минутку — и вот целый день ведет с ним умные увлекательные разговоры о высоких материях, напрочь забыв о «мелочах жизни», о домашних хлопотах, о том, что она и есть хозяйка дома.

Революционный пыл, политический пафос, неустанная работа ума отличали Делию. Она непрестанно думала о великих вечных проблемах бытия, о спасении человечества. Быть может, именно эти свойства ее натуры, внутреннее горение, глубокий интеллект, устремленность к высшим духовным ценностям так заворожили, пленили Неруду… Делия разительно отличалась от всех его прежних женщин. Она обладала редким, чарующим обаянием, лучилась особым, всепроникающим светом. В ней было столько неотразимой прелести, что Пабло совершенно потерял голову.

За их бурным романом неотступно следили печальные глаза Маруки. Колкая, язвительная Делия умела задеть за живое и припечатала Маруке немало обидных прозвищ. Она влюбилась в Неруду сразу, не раздумывая. Женским чутьем угадала в нем поэта, которому надо помочь, чтобы он достиг иных высот. Делия отдалась своему чувству безоглядно, не терзаясь мыслью, что старше его… на двадцать лет. Быть может, порой она испытывала к поэту материнскую любовь, понимала, что ей нужно заняться воспитанием этого тридцатилетнего человека, который вырос в глухом захолустье на краю света, приобрел дурные привычки в чадных тавернах, мучился одиночеством на островах Юго-Восточной Азии и, не смущаясь, отпускал непристойности в светском обществе.

Никто другой не сумел бы так искусно, как она, «зачистить эту лесину», снять все лишнее. По счастью, именно ей выпало научить поэта светскости, отшлифовать и его манеры, и его речь, но самое главное — углубить в нем чувство ответственности не столько за свой поэтический дар — это жило в нем изначально, — сколько за судьбы людей, за судьбы человечества. Разумеется, педагогические старания Делии носили произвольный характер. Ею двигала ураганная сила любви, рвущаяся из ее естества. И она ринулась навстречу любви открыто, откровенно, без колебаний. Взяла и попросту поселилась у Неруды. Не обращая внимания на испуганные глаза поэта, она увлекала его в постель, мало смущаясь тем, что в доме создалась немыслимая обстановка, что все происходит на глазах ошеломленной и притихшей жены. Делия дерзко вторглась во владения Маруки, но, по сути, бедная Марука уже давно их лишилась.

Делия дель Карриль вступила в бой, пошла на приступ с такой решимостью, что вскоре брак был расторгнут. Пабло с Делией стали жить вместе, под одной крышей. Они поженились в Мексике в 1943 году. Однако брак их не был признан чилийским законом.

В глубине души Делия всегда видела себя покровительницей, ангелом-хранителем Неруды. Много лет спустя, уже после их разрыва, она не переставала говорить, что Пабло — настоящий ребенок, малое дитя.

«У него поправилось здоровье, — в сотый раз повторяла Делия. — И мне это стоило немало сил. Его мать умерла от туберкулеза, когда он был грудным младенцем… Младенцем он бился за жизнь в утробе больной матери…» Делии пришлось взять на себя заботу о тридцатилетием ребенке. Он обожал ряженых, веселые игры с друзьями. Точно дети, они рисовали на полу воображаемую линию и шли по ней, как ходят эквилибристы

по проволоке, «рискуя жизнью». Какие только шутки и розыгрыши не придумывали на вечеринках! В одном из мадридских кафе Пабло переоделся официантом, приклеил себе усы с бородкой, надел фартук и, едва удерживая тарелки, вломился в банкетный зал, где сидели важные особы. Делия, конечно, пугалась, но хохотала до слез. Она никогда не участвовала в этих проказах, в этих игрищах, хотя они очень смешили ее. Она считала, что главное — вовремя остановить, утихомирить лихих шутников. При своем веселом нраве Делия была глубоким, серьезным человеком. А вот Пабло, тот вдруг резко менялся, становился просто невыносимым. Точно каменел. Ей приходилось «оттаивать» поэта, развеивать его хандру.

Как-то Делию, когда ей было уже девяносто пять лет, спросили, почему она остановила свое внимание на Пабло. Она ответила: «Нет, Пабло вовсе не привлек мое внимание больше других. Я просто почувствовала к нему нежность, почти жалость. У бедного Пабло была такая безотрадная, томительная жизнь…»

Скорее всего, он всегда был для нее ребенком. «Настоящий мальчишка, который только-только приехал из Темуко». Этот «мальчишка» приходил домой и садился писать стихи, точно самый прилежный ученик. Его учительница — Делия дель Карриль. Каждый раз он показывал ей, как выполнено «домашнее задание». Делия стала для него самым строгим цензором. Так говорил сам Пабло. И действительно, она делала очень верные и тонкие замечания. Но однажды Пабло предложил Делии взять и переписать его стихотворение по своему вкусу. Она возмутилась — что за бредовая идея!

Как-то раз Неруда увидел в витрине мадридского магазина игрушечный парусник и раскапризничался, точно малый ребенок. Стал требовать у Делии этот парусник в подарок. Купим, и все тут! — упрашивал он Делию. Вместе с ними был испанский поэт Леон Фелипе. Сообразив, в чем дело, он напустился на Пабло: «Что за ребячьи выходки!»

Порой Делия называла Неруду «arriéré mental». В таких случаях он изображал на лице полное непонимание, и она переводила с французского — «умственно отсталый». Эльза Триоле и Луи Арагон сердились на нее, негодовали. А впоследствии Луи сам, смеясь, подшучивая над Пабло, тоже называл его так. В слабостях Пабло к некоторым вещам, в его неизбывной тяге к морским раковинам, к бабочкам, к корабельным рострам, к старым шарманкам, к сношенным башмакам самых невероятных размеров Делия видела еще одно убедительное доказательство его наивности, детской чистоты. Это осталось в нем до конца жизни, но при всем том он, как

никто, умел здраво и проницательно разбираться в людях и в самых сложных ситуациях.

Уже давно произошел разрыв между ними, когда Делию спросили, нравилась ли ей эта черта характера поэта. Она ответила: всем нравилось, что такой солидный человек, «такой дядя» дурачится, как малое дитя. Во всех мужчинах есть что-то детское…

Да, ей пришлось заняться воспитанием «большого ребенка». Чаще всего она беседовала с ним о политических проблемах и открывала ему глаза на многие вещи. «Делия — это окно, распахнутое навстречу свету Правды», — сказал однажды Пабло.

Но куда больше, чем деятельная Мураша, просвещали Неруду события, происходящие в Испании. Они укрепляли, формировали его политическое сознание, будили мысли…

62. Поэты и их четвероногие друзья

История этих собак еще больше сблизила двух поэтов. Альберти помнит все до мельчайших подробностей. Однажды поздним вечером, когда Мадрид потонул в густом тумане, Пабло нашел на улице израненную собачонку. Он принес ее к себе. Но у него в доме не было террасы. А у Альберти — была. Пабло позвонил своему confrère. «Приноси», — согласился тот. «Она напоминала, — рассказывал Альберти, — серебристую хризантему». «Оставь ее у меня», — сказал он. «Как мы ее назовем?» — «Давай назовем — Ниебла[72]».

Ниебла прошла с Альберти всю войну и, по его словам, вела себя как храбрый солдат. Она узнала, что такое бомбежки. Во время одной из них в ее тело вонзился осколок стекла. Когда франкисты подошли к Мадриду, эту собачку вместе с семьей Альберти эвакуировали в Левант. А позже, когда Кастельон-де-ла-Плана оказался в окружении, свекровь Рафаэля не смогла оттуда выбраться. Рафаэль твердо верит, что Ниеблу, которая оставалась на попечении его свекрови, взяли в плен и расстреляли.

Оба поэта: истово любили собак. Спустя десять лет в Сантьяго наш поэт восторженно рассказывал Рафаэлю Альберти о Кабулько, огромном псе, которого он привез с вулканических берегов озера Эсмеральда. И о Чуфлае. У этой собаки, по словам Неруды, была странная причуда — она кусала всех англичан подряд. Позднее у него снова появилась собака по кличке Кутака, в память о той, что *спасла* его от верной гибели под колесами вагона. Они предавались воспоминаниям о своих собаках в тот день — 7 ноября 1936 года, — когда Пабло привез Рафаэлю Альберти в «Альянс интеллигенции» свое стихотворение «Песнь в

честь матерей убитых ополченцев-милисиано». Альберти решил опубликовать его в журнале «Моно асуль». Испанский поэт говорил, что это самое проникновенное стихотворение о Гражданской войне в Испании.

А в ту встречу они оба, «сняв шляпы», вспоминали о своих четвероногих друзьях военной поры и мирных дней, «о верных друзьях времен чудесных, грозных…».

63. Доброе гостеприимство

С первых дней Неруда чувствует себя в Испании как в собственном доме. Он неразлучен с испанскими молодыми поэтами. Сначала это Гарсиа Лорка и Альберти, а чуть позже и самый молодой — пастух овечьих отар Мигель Эрнандес. Но жизнь не прямая линия, прочерченная по линейке. Да и в литературе не все воды текут в одном направлении. В Испании бурных тридцатых годов набирает силу поколение поэтов-«отцеубийц», поэтов, готовых жестоко расправиться со своими предшественниками. Однако эта поэтическая молодежь, ополчившаяся против старшего поколения, выделяет особо некоторых «стариков» и готова считать их своими учителями. В полную силу творят великие старики: Мигель де Унамуно, Антонио Мачадо, Хуан Рамон Хименес. Позднее поднимутся во весь свой рост Хорхе Гильен, Херардо Диего, Педро Салинас, Федерико Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти, Висенте Алейсандре — столпы, твердыня самой новой поэзии. Их роднит острота мировосприятия, постоянное общение друг с другом, но это совсем разные поэты, и порой между ними вспыхивают серьезные нелегкие споры.

Неруда попадает в «родительский дом» испанского языка в переломное, смятенное время. На его глазах круто меняется политический календарь страны. Во многих поэтических кругах стрелки часов все еще не переведены. Зато в других — часы явно спешат.

Все отчетливее проступают приметы литературного обновления, расцвета поэзии. Эстетическая революция, что произошла в таком далеком и таком близком Париже, всколыхнула испанскую литературу, дала ей мощный импульс. И даже привела к расколу сюрреалистов. Тем не менее большинство испанских стихотворцев почитает строфу, усердно оберегает рифму, как прежде, стремится сохранить четкий ритм, упорядоченность. Словом, возделывает поэзию-сад.

«Местожительство — Земля» — верительные грамоты, с которыми Неруда высадился на Иберийский полуостров. Стихи

этой книги подобны сумрачному накату прибоя, поэтическая мысль подчас прихотливо ускользает, с трудом поддается разгадке.

Пабло верит, знает наперед, что Испания, куда он приехал, непременно обогатит его духовно.

С поражением Республики завершается испанский период жизни нашего поэта. Позднее, в одном из выступлений — оно состоялось в театре «Митре», в Монтевидео, 24 марта 1939 года, — Неруда скажет, чему должны учиться латиноамериканцы у испанской литературы и чем он сам обязан Испании.

> «Там я понял, что нашему латиноамериканскому романтизму, нашей вулканической структуре недостает того исходного гармонического единства, которое в Испании до этой страшной войны готово было раскрыть все свои возможности. На моих глазах тайна сближалась с точностью, классицизм со страстью, прошлое — с надеждой».

К испанской публике, к испанцам Неруду привел самый авторитетный, самый известный из поэтов — Федерико Гарсиа Лорка. Мало кто мог бы сделать это с такой душевной щедростью, как Лорка. Он представил Неруду студентам на поэтическом вечере в Мадридском университете

6 декабря 1934 года. И его слова оказались словами удивительного прозорливца. Лорка произнес их в честь Неруды, но, если вдуматься, они определяют суть всего лучшего, что есть в латиноамериканской поэзии и, более того, точно труба герольда, как бы возвещают, пророчат рождение нового латиноамериканского романа, который уже в пятидесятые годы завоюет испанских и европейских читателей.

> «И вот я говорю, что вам предстоит услышать истинного поэта, того, кто шлифовал свои чувства и свой слух совсем в ином мире, который нам мало понятен. Этому поэту боль ближе рассудка, смерть ближе философии, а кровь собственного сердца ближе чернил. Его поэзия полна таинственными голосами, которые он, по счастью, еще не разгадал. Этот человек уже постиг, что поистине бессмертны и вечны ласточка и камыш, а не холодная щека каменной статуи. Далеко не у всех таких поэтов подлинный природный голос Америки. Многие вторят испанцам, у других отчетливо слышны чужестранные рулады, большей частью — французские. Но это не относится к великим поэтам. У больших,

настоящих поэтов хрустит свет — слепящий, романтичный, жестокий, таинственный, льющийся через край. Свет самой Америки! Глыбы, громады, что вот-вот рухнут, сорвутся; поэтическая строка, висящая на паутинке, свитой пауком над самой пропастью, легкий оскал ягуара в улыбке, мощная волосатая рука, играющая кружевным платочком. Эти поэты вернули безоглядную дерзость, раскованность великому испанскому языку и приблизили его к родникам нашей классики. Эта поэзия, не стыдясь, крушит признанные образцы и каноны, она не боится выглядеть смешной и плачет в голос посреди улицы».

Еще в 1927 году Неруда несколько дней провел в Мадриде. По пути на Восток. Никому, похоже, не было до него дела. Зато спустя семь лет его ждал восторженный прием. Он сам рассказывал, что книга «Местожительство — Земля» быстро получила огромную известность. В Испании Неруда снова обрел веру в себя, в свой поэтический дар. Он убедился, что в его поэзии слышно биение жизни, потому что она сотворена человеком, который трудится без устали, проникая, пробиваясь в недра самого себя, точно чилийские шахтеры, что работают под толщами морского дна и выходят наверх, на вольный воздух с весомой и зримой добычей. Его поэзия была глубоко личной, как его печаль, его слезы.

В Испании Пабло видит, что постепенно на первый план выходит поколение молодых поэтов, которые, по его убеждению, ничуть не уступают поэтам «золотого века». Ему повезло: он попал на испанскую землю вовремя, в чрезвычайный час ее истории.

На глазах этого смятенного латиноамериканца рождалась Республика, рождалась в стране, которая три столетия властвовала почти на всем Латиноамериканском континенте… Нет, Неруду не встречала толпа, когда он сошел с поезда. На перроне мадридского вокзала стоял лишь один человек с букетом цветов — Федерико Гарсиа Лорка. Но это дорогого стоит!

Можно ли сравнить сердечность испанских поэтов, их готовность пойти навстречу с тем предвзятым холодком, с теми препятствиями, которые выматывали ему душу в Чили? Или с летаргической отчужденностью в Рангуне, Коломбо, на Яве? Пабло, не стесняясь, признается — он счастлив. И впрямь, испанские поэты приняли его с удивительным радушием. Едва вышел первый номер журнала «Зеленый конь» — его собственноручно набрал Мануэль Альтолягирре, — все

единогласно решили, что руководить журналом должен Неруда. Испанцы проявили такое искреннее расположение к Пабло Неруде, что выпустили отдельным изданием, да еще с посвящением поэту, его «Три песни о материях» из второй книги «Местожительство — Земля». Поистине редкий пример бескорыстия, великодушия и солидарности в литературном мире!

Слова посвящения — чистосердечное и благородное признание поэтического таланта Неруды.

Под словами стоят подписи тех, кто навсегда вошел в историю испаноязычной поэзии. Вот как начинается это посвящение:

> «Чилийцы прислали в Испанию огромного поэта — Пабло Неруду. Он наделен такой творческой мощью и так глубоко понимает свое поэтическое предназначение, он пишет с такой горячностью сердца, что созданная им поэзия, самобытная, проникновенная, умножит славу испанского языка. Мы, поэты и поклонники молодого и блистательного таланта Америки, публикуем эти строки — новый плод его творческого гения, — желая лишь показать, какая яркая личность этот поэт и каких высот он уже достиг. Мы, группа испанских поэтов, пользуемся счастливой возможностью еще раз сердечно приветствовать Пабло Неруду и с особым удовольствием выразить публично все свое восхищение его творчеством, которое стало новым, правдивым словом нашей Поэзии. Рафаэль Альберти, Мануэль Альтолягирре, Луис Сернуда, Херардо Диего, Леон Фелипе, Федерико Гарсиа Лорка, Хорхе Гильен, Педро Салинас, Мигель Эрнандес, Хосе А. Муньос Рохас, Леопольдо и Хуан Панеро, Луис Росалес, Артуро Серрано Плаха, Луис Фелипе Виванко».

64. Черты сходства

По мнению многих, приезд Неруды в Испанию сыграл в литературной жизни страны не менее важную роль, чем приезд Рубена Дарио сорока годами раньше. Повлиял ли Пабло Неруда на испанскую поэзию? Да, бесспорно, но при этом он не сделал ее нерудовской поэзией, а лишь дал совершенно новый посыл, новое направление. Почти все испанские поэты стали его друзьями. А учеником, последователем — никто. Одному поэту он протянул в тяжелый момент руку помощи, как настоящий собрат по перу. Это был тридцатилетний Мигель Эрнандес. Неруду тронул, задел за душу молодой деревенский парень, с лицом, похожим на

«только что выкопанную картофелину», который явился к нему и принес вольный запах слежавшегося навоза, тлеющего на горном склоне, запах цветения апельсиновых деревьев и «в губах пенье соловья».

Мигель Эрнандес приехал из Ориуэлы. Он был в числе тех, кто объединился вокруг Рамона Сихе, издававшего журнал неокатолического толка — «Гальо крисис». Неруда высказался со всей откровенностью по поводу этого журнала:

> «Дорогой Мигель, к сожалению, я должен сказать, что мне не нравится „Гальо крисис“. От него, по-моему, идет слишком густой запах церкви. Все тонет в туманном ладане… Давай, дорогой пастушок, возьмемся лучше за настоящие дела и создадим другой журнал».

Вскоре Мигеля нельзя было узнать. Он рвет с журналом «Гальо крисис» и с его издателем — Сихе… Из письма Мигеля Эрнандеса к одному из приятелей видно, как глубоко он переживает горе нового друга, как сердечно привязался к нему. Испанский поэт доверительно пишет Хуану Герреро, отправляя ему издание «Трех песен» Неруды, что «у Пабло есть дочь. Ей всего десять месяцев, и она очень тяжело больна. Я буду вам бесконечно благодарен, если вы найдете хорошего детского врача…». Он хочет увезти Неруду к себе на родину, пусть тот увидит его родные места, Кабо-де-Палас… Хорошо бы узнать, сможет ли он пожить на острове Табарка или где-нибудь еще. Мигель Эрнандес уже знает, что Неруде по душе море, что там он сумеет вспомнить хоть на миг бескрайний простор океанских вод у Пуэрто-Сааведры.

Никто не испытал такого глубокого потрясения от «Местожительства», как этот молодой поэт, приехавший в столицу из глухой испанской деревни. Вот что он говорит в статье, помещенной в газете «Соль» от 2 января 1936 года:

> «Я не могу не рассказать о том невероятном восторге, в который меня привели строки книги „Местожительство — Земля“. Я готов засыпать себе глаза песком, или прищемить пальцы дверью, или вскарабкаться на верхушку сосны — самой высокой и недоступной. Так я лучше сумел бы выразить неистовое шквальное восхищение, которое вызвал во мне этот поэт исполинской мощи. Я страшусь писать о его книге и вряд ли смогу передать словом все, что кипит во мне. Я пишу, но пишу со страхом».

Критика утверждает, что под влиянием Неруды и Алейсандре молодой поэт Мигель Эрнандес полностью отказался от классических форм и его стихи вольно и стремительно потекли по собственному руслу. Что же, если критика права, то это благодатное влияние: Мигель Эрнандес дал простор всему, что сдерживал, что рвалось наружу, и со временем стал великим поэтом Испании и всей испаноязычной поэзии Америки. Именно «Местожительство — Земля» — веское доказательство того, что метрика вовсе не главное условие для Поэзии…

Переполненный восхищением, Мигель Эрнандес слагает вдохновенную «Оду с вином и кровью в честь Пабло Неруды».

Политика все смелее вторгается в нечистую поэзию, все увереннее чувствует себя рядом с «лунным светом», с печалью, с «люблю тебя»… «Кто страшится дурного вкуса, у того кровь становится льдом», — вот нерудовская формула, предостерегающая от опасности, которая таится в холодном поэтическом мраморе.

«В доме поэзии ничто не живет долго, кроме того, что написано кровью сердца и проникает в другие сердца». Вспомните: «Кровь сердца ближе чернил…»

В те годы в Мадриде живет пламенный поэт Аргентины — Рауль Гонсалес Туньон, твердый, убежденный коммунист, которому не страшен «серый волк» политической борьбы. Ему послушна вся поэтическая клавиатура. Друзья собираются на шумные тертулии в «доме цветов» у Пабло Неруды или в пивной у Почтамта, и до рассвета не смолкают их горячие споры о роли поэзии в переломное время.

Вот что сказал Мигель Эрнандес в прологе к книге своих стихов «Ветер народа», которую он посвятил Висенте Алейсандре: «Пабло Неруда и ты подарили мне вечные образцы поэзии».

Мигель Эрнандес навсегда остался для Неруды певцом земли, дающей силы для политической борьбы. «В твоей поэзии / дыханье борозды, / порывы ветра, глина, / волнение хлебов, пески. / Поэзия твоя с кувшином левантийским схожа, / алмазом в ней сверкает серп и молот, / прорезывая мглу родной Испании…»

Неруда не раз говорил о том, какую великую роль сыграл Рафаэль Альберти в его жизни.

> «Огромное влияние на становление моих политических и общественных взглядов оказала вся деятельность Рафаэля Альберти, который в те времена был известным поэтом и поборником революционных идей…»

А молодого Эрнандеса пестует уже Неруда, и тот начинает воспринимать мир иначе, что сразу сказывается на его поэзии, драматургии, публицистике. Однако характер, сущность поэзии Мигеля Эрнандеса, как до войны, так и после, определяются не литературными влияниями, а мощью его поразительного и самобытного таланта, его жизненной судьбой. Исторические обстоятельства делают Мигеля Эрнандеса, темпераментного и щедро одаренного человека, не просто народным поэтом, пишущим о войне, а воистину — великим поэтом Испании.

Его духовный наставник и еще недавний друг Рамон Сихе, чувствуя, что проигрывает битву за душу своего ученика, называет имена ненавистных ему врагов: «нерудизм (какой ужас, этот Пабло и сельва, этот безудержный ритуальный нарцисс со звериными промежностями, заросший густой шерстью в срамных местах…), алейсандризм, альбертизм».

У Неруды с Рафаэлем Альберти сложился прочный союз двух confrères, причем поначалу Альберти обладал более зрелым политическим и общественным видением, чем Пабло Неруда, только-только приехавший в Испанию.

К Лорке наш поэт относился как к родному брату. Да разве не Лорка, светоносно улыбаясь, первым распахнул перед Нерудой двери испанского дома, разве не он встретил его как дорогого гостя на солнечной испанской земле, где сам уже был прославленным и всеми любимым поэтом!

К Эрнандесу Неруда испытывал нежность, как к младшему брату, вернее, как к повзрослевшему сыну, который приносит «запах дождем омытого клевера, / запах теплой золы амаранта, / и навоза, дымящегося / по вечерам на склоне горы».

Неруду восхищала, зачаровывала поэзия Мигеля Эрнандеса, «собранная в золотой початок». Как собственное горе, переживал он арест Мигеля, его жизнь за тюремными решетками при Франко и его трагическую гибель. Неруда делал все, чтобы вырвать друга из неволи. Но ничего не получилось. Всю жизнь Неруда казнился тем, что ему не удалось спасти Мигеля Эрнандеса. И лишь вера в силу его поэзии, неподвластную времени, утешала его.

«Из самой земли говорил он, / из самой земли говорить будет вечно».

65. Споры и раздоры

Кое-кто из испанцев считал, что Неруда попал в Испанию в качестве консула волей самого дьявола, вернее, сатаны. Да, да, этот чилиец — дьявол во плоти, и его главная цель — исковеркать, изничтожить испанскую поэзию как таковую. Само

собой, что раньше других это открытие сделал несравненный рыцарь «чистой поэзии» Хуан Рамон Хименес.

Битва разгорелась не на жизнь, а на смерть. Искры летели во все стороны. И это столкновение было неотвратимым, неизбежным.

Столкнулись, сшиблись две противоположные, противоборствующие концепции. Концепции поэзии чистой и поэзии нечистой. Тишина, сосредоточенность как нечто извечное, закономерное — против страстности, против прорыва в новые пределы, в новые сопряжения с антилирическим миром обыденных вещей, против нагромождения всего и вся. Упорядоченность и равновесие, изощренная прозрачность стиха, с одной стороны, и утверждение стихии, душевной горячности, вселенского водопада и гомона рынка — с другой. Стремление к совершенной, безукоризненной форме у одних, нагромождение предметов и чувствований, груды каких-то непригодных вещей — у других.

Таким именно и увидел «Местожительство — Земля» испанский поэт Хуан Рамон Хименес. По его мнению, в «Двадцати стихотворениях о любви» куда больше уважения к поэзии. Быть может, потому, что в мелодике стихов этой книги ему захотелось обнаружить свое влияние. После смерти Хуана Рамона Хименеса среди его личных бумаг критик Рикардо Гульон обнаружил страничку с заметками к какой-то статье или конспект-памятку, где означены все его претензии к чилийскому поэту:

> «Доводы против Неруды. Мое влияние в „20 стихотворениях о любви“. Мои стихи из „Лабиринта и лета“. Мои стихи из „Поэзии и красоты“. Его стихотворение. Тагор — Х. Р. Х. Тема. Не подписывать. Телефон. Его заметка в „Соль“. Банкет в честь Сернуды. Бергамин. Мой силуэт в „Испанцах“. Мой ответ. Вторая песнь любви к Сталинграду. Чилийский консул прославляет коммунистов».

Строго говоря, здесь не просто несогласие, размолвка двух людей. Хуан Рамон Хименес и прежде обрушивался с критикой на тех молодых поэтов, которые приняли с распростертыми объятиями Пабло Неруду.

Странная, необъяснимая история, происшедшая задолго до этого конфликта на другом континенте, за морями-океанами, стала спичкой, от которой вспыхнул большой пожар. Чилийский журнал «Про» обвинил Неруду в плагиате, увидев сходство Шестнадцатого стихотворения из «Двадцати стихотворений о любви» с Тридцатым стихотворением из «Садовника»

Рабиндраната Тагора[94], которое перевела на испанский язык Зенобия Кампруби, жена Хуана Рамона Хименеса.

Вдобавок ко всему, редакционная статья первого номера журнала «Зеленый конь» уязвила самолюбие Хуана Рамона Хименеса. Нет, никто не назвал его имени в этой статье, но Хименес совершенно уверен, что это камень в его огород. Это новое Евангелие, это новоиспеченное «Ars poetica», где допустимо все что попало — мешки угольщиков, следы ног, пальцев, пот, дым, запахи мочи и лилий, оживший, точно из плоти, костюм с жирными пятнами, творящий бесстыдство, разнузданное вожделение… Нет, не может быть и спору, статья направлена против него, против Хуана Рамона Хименеса. Он вне себя от ярости.

И не он один. «Литературный листок» в Барселоне публикует гневную статью с нападками на «Зеленого коня», странного обитателя американской фауны, могутного жеребца, который «скачет по испанской литературе, словно по огромному загону, разбрасывая по сторонам горячий и влажный навоз».

Хуан Рамон Хименес не намерен отмалчиваться. Он, как и прежде, публикует афоризмы в газете «Соль», в колонке, название которой говорит само за себя: «С подавляющим меньшинством». Там поэт и вознес свой голос, чтобы дать подобающий ответ в высоком стиле. Он разделил поэзию и поэтов на две категории: «Друзья и поэты, приверженцы бреда и точности. Зеленый конь может нестись с удивительным совершенством, а бриллиант может сверкать в самом неподходящем месте».

23 февраля 1936 года Хуан Рамон Хименес снова идет в атаку. Он публикует в газете «Соль» статью, в которой отстаивает принципы чистой поэзии как единственно органичной, всепроникающей, истинной и жизнеспособной. Только такая поэзия, по мысли Хименеса, имеет право на существование. Сторонников нечистой поэзии он называет «желторотыми поэтическими птенцами». Пока что Хуан Рамон Хименес непреклонен и категоричен. Он считает, что чистая поэзия как бы наделена чувством ответственности. Та ее половина, где правит сознание, разум, держит ответ за вторую половину, где властвует подсознание.

Литературная герилья с перекрестными ударами походила временами на боксерский матч.

На одной из своих лекций — это было в 1936–1937 годах, во время поездки по Кубе и Пуэрто-Рико, когда в Испании уже вспыхнула гражданская война, — Хуан Рамон Хименес снова садится на своего любимого конька. На сей раз под обстрелом творца андалусской элегии «Платеро и я» не один Неруда (хотя

он и главная мишень), а еще и те испанские и латиноамериканские поэты, что дерзнули изменить «свое поэтическое русло».

Шквальный огонь обрушивается на Висенте Уйдобро и с особой яростью на Пабло Неруду. Оказывается, это он, Неруда, искалечил Эрреру-и-Рейсига, Сабата Эркасти, Парру де Риего. «Гибельная разрушительная зараза» не миновала тех, кого Хуан Рамон Хименес именует «испанскими уйдобристами» — Хуана Ларреа и Херардо Диего, и, само собой, сюрреалистов — ведь они самые настоящие нерудисты, хотя Неруда назван в этой инвективе «безъязыким странником». Пытаясь найти всему этому какое-то объяснение, Хуан Рамон Хименес говорит, что «текучая, расплывчатая, несфокусированная» экспрессия Неруды много понятнее в «безбородой» Америке, чем в Испании, «насчитывающей тысячелетия». Но потом он перевернет все с ног на голову. Нет, не Пабло Неруда оказывает воздействие на испанскую поэзию, а Испания на Неруду и Уйдобро, ибо такие поэты, как Морено Вилья, а позднее Лорка, Альберти, Алейсандре, прошли по тому же пути, но они в большей степени отличаются и собственным стилем, и собственным поэтическим мышлением. Все это сказано в лекции-докладе, недвусмысленно названном «Духовный кризис в современной испанской поэзии».

Тяжелая артиллерия бьет по разным целям. Хуан Рамон Хименес не щадит и тех, кого он именует «поэтами-профессорами»: Хорхе Гильена, Педро Салинаса, Херардо Диего и Дамасо Алонсо.

Ничего нового тут нет. Давние, застарелые распри. Любопытно читать на страницах «Затерянной рощи» (великолепные, но, к сожалению, незаконченные мемуары Рафаэля Альберти) о том, как постепенно распадались теплые дружеские отношения между этими поэтами. Дело дошло до откровенных раздоров. «Я узнал, что Альберти водит компанию с цыганами, с подозрительными бандерильеро[73], со всяким сбродом. В общем, сами понимаете: он — пропащий человек». Куда обиднее Хуан Рамон отзывается о драматургии Гарсиа Лорки. После премьеры «Марианы Пинеды», когда вся пресса в один голос заговорила о «молодом авторе с большим будущим», Хуан Рамон Хименес сокрушался: «Бедный Лорка. Он больше ни на что не годится!» «Кровавая свадьба», которую Хуан Рамон даже не удосужился посмотреть, не «больше чем заурядная сарсуэла[74]». Автор «Грустных напевов», допускавший существование только «чистой поэзии, одетой в невинность», которую он «любил, как родное дитя», вдруг увидел, к своему ужасу, что ее «оскверняют какие-то негодяи».

В 1939 году Хуан Рамон Хименес еще более резко и определенно высказывается о Неруде:

> «Великий плохой поэт, поэт хаоса… он коряво перелагает самого себя, перепевает других… неумело использует то, что принадлежит ему, и то, что ему не принадлежит, путает зачастую оригинал с переводом… Это невероятно небрежный реалист с неумеренной романтической выспренностью».

Как видим, Хуан Рамон, поборник «чистой поэзии», пускает в ход «нечистые» обвинения. Добавим, что это не последний выпад испанского поэта против Неруды…

66. Смена позиций

Итак, столкнулись две поэзии, две эстетические концепции, две личности. И, если на то пошло, два континента. Но даже самые проницательные умы не сразу осознали, сколь серьезно значение последнего аспекта. А ведь именно к нему восходят те изменения во взглядах на нерудовскую поэзию, что произошли со временем у Хуана Рамона Хименеса, тот сенсационный переворот, поворот, назовем его так, в его полемике с Нерудой, которая так долго лила воду на мельницу врагов чилийского поэта.

Автор «Далеких садов» пересматривает свои позиции в «Письме к Пабло Неруде», опубликованном 17 января 1942 года в пуэрто-риканском журнале «Репертorio американо». Вот этот необычайно ценный документ:

> «Мое длительное пребывание в южных странах Америки помогло мне по-иному воспринять многое в Америке и в самой Испании. (Я уже писал об этом в журнале „Универсидад де ла Гавана"). В том числе и вашу поэзию. Теперь мне ясно, что вы, двигаясь ощупью, с безудержной щедростью выражаете истинное в испаноамериканской поэзии с ее всеохватной революцией, с ее постоянным переплетением жизни и смерти, которое существует на этом континенте. Грустно, что на большей части Испанской Америки получила распространение именно такая поэзия! Мне не дано понять ее сердцем, как вам, по вашим словам, не дано понять сердцем Европу. Но так или иначе она, эта поэзия, „есть!". Хаотическое нагромождение всегда предшествует строгому порядку и определенной совершенности, законченности. Доисторическое — историческому. Бурлящая плотная тьма — силе ослепительного света. Вы — до отсчета времени, предшествующий, доисторический, кипящий, клокочущий, густой, непроглядный, мрачный. Прежде Испания была „моей лицевой стороной", а Испанская Америка — „изнанкой". Каждый раз, когда я оказывался посредине Атлантического океана, я как бы раздваивался. Нет, не скажу, что теперь не Испания, а Испанская Америка моя лицевая сторона. Просто появились у меня две „лицевые стороны" и две „изнаночные", совершенно иные, несопоставимые с прежними и друг с другом.

Так где, для кого и в чем есть истина? Прежде всего — поэтическая истина?

В моей книге „Модернизм“, над которой я уже начал работать, я хочу предложить свое рассмотрение этой серьезной проблемы…»

Итак, Хуан Рамон видит в Неруде, поэте Испанской Америки (что пребывает в периоде становления), подлинного выразителя ее доисторического, довременного бурления. И если прежде мир Американского континента был «изнанкой» Хуана Рамона, то теперь он признает право на существование «двух изнанок» сразу.

Хуан Рамон сказал это, потому что сумел почувствовать до конца, принять как правомочное, закономерное явление в контексте лавинной стихии континента все, что сделало Неруду поэтом теллурическим, если не «предшествующим генезису». Или уж поэтом, возникшим на третий день сотворения мира.

Чилийский поэт не оставил без внимания столь решительную перемену во взглядах на поэзию у Хуана Рамона Хименеса. Эта перемена обрадовала его. И он решил сказать об этом в письме, сказать как бы исподволь, не впрямую, но чтобы все прояснилось само по себе. Письмо Неруды, тяжело переживавшего гибель Мигеля Эрнандеса, пронизано печалью.

«Мехико, Д. Ф. 15 октября 1942 года.
Сеньору Хуану Рамону Хименесу.
Майами.

Мой глубокоуважаемый друг!

До сих пор я не имел возможности ответить на ваше открытое письмо из-за тысячи разных вещей, которые вклиниваются в мою повседневную работу. Но прежде чем приступить к обстоятельному ответу, хочу сказать, что Ваши слова, Ваша искренность глубоко взволновали меня. Я всегда восхищался Вашим творчеством, а теперь мое восхищение возросло.

Пишу Вам в связи с чрезвычайно прискорбным событием. Прилагаю копию частного письма из Чилийского посольства в Мадриде с сообщением о смерти нашего Мигеля Эрнандеса. К бесчисленным и жестоким убийствам прибавилось еще одно. Но никогда, пожалуй, мне не было так горько, так тяжко, как теперь. И для Вас, я знаю, это будет страшным ударом.

Я задумал выпустить книгу воспоминаний о Мигеле

Эрнандесе и хотел, чтобы ее открывало Ваше предисловие. Чем подробнее и больше Вы напишете, тем это будет ценнее. Я тоже что-нибудь напишу и непременно попрошу Рафаэля Альберти принять участие в нашей книге.

Надеюсь в скором времени получить Ваше ответное письмо и буду ждать сообщения о Вашем решении.

Очень сожалею, что мое первое письмо принесет Вам такую печальную весть. Но теперь каждый день приносит нам переживания.

С сердечным приветом,

Ваш почитатель и друг Пабло Неруда».

В письмо вложен текст сообщения о смерти Мигеля Эрнандеса, присланного Неруде.

Однажды мне захотелось осмотреть, хотя бы снаружи, этот устрашающий памятник — тюрьму в Оканье. И я совершил нечто вроде полуночного паломничества в память поэта из Ориуэлы. Мы сидели на той самой площади, где по воле одного из создателей классического театра возник образ Командора в далеком «золотом веке». Теперь эта площадь казалась огромной сценой, вернее, огромным театром, где каждый дом являл собой театральные подмостки иных времен, на которых разворачивались сюжеты.

От Лопе де Веги мы мысленно перенеслись к Мигелю Эрнандесу, который истинной любовью любил своих собратьев по перу из «золотого века», но всегда оставался сыном своего времени. Вспоминалось письмо, которое Неруда отправил Хуану Рамону Хименесу, в голове теснились думы о трагической судьбе поэта, замученного франкистами. О нем вспомнил чилийский поэт, его старший брат, который встретился с ним впервые летним днем в Мадриде. Когда Мигель Эрнандес рассказал Неруде, что для него нет большей радости, чем слушать, как прибывает молоко к вымени окотившейся козы, наш поэт увидел в его лице лик самой Испании. «Высеченный солнцем, пропаханный морщинами, как поле». Неруда больше всего ценил в Мигеле Эрнандесе эту органическую слитность традиционного и революционного.

Официальное извещение гласило, что после неоднократных перемещений из тюрьмы в тюрьму у Мигеля Эрнандеса началась в каземате Оканьи тифозная лихорадка. Он выжил, но страшно ослабел. Чилийское посольство — а Пабло постоянно нажимал на его сотрудников — неоднократно обращалось с просьбой к испанским властям о переводе поэта в тюремную больницу в

Аликанте. И в конечном счете добилось. Там-то и свалила Мигеля Эрнандеса скоротечная чахотка. Два месяца сопротивлялся жестокой болезни его ослабевший организм. Однако сказались все испытания и тяготы гражданской войны. Поэт не вынес смертельного недуга. Он скончался в тюремной больнице 28 марта 1942 года. Настоятельная просьба о помещении Мигеля Эрнандеса в обычную, а не тюремную больницу была отклонена.

В своем письме к Хуану Рамону Хименесу чилийский поэт вспоминает, что именно Хуан Рамон горячо встретил появление Мигеля Эрнандеса на литературном поприще и назвал его «необычайным юношей из Ориуэлы». А Мигель Эрнандес искренне восхищался поэзией Хименеса, особенно его «Печальными песнями». После своих первых поэтических опытов он написал Хуану Рамону Хименесу письмо, в котором выразил все свое благоговение перед ним.

> «Я такой же мечтатель, как и все, и поэтому надумал уехать в Мадрид. Оставлю своих коз — о звон колокольцев по вечерам! — и с горстью медяков, которые сумеют дать мне родители, сяду в поезд и за две недели доберусь до столицы.
>
> Смогли бы Вы, великодушнейший, добрейший дон Хуан Рамон, принять меня в своем доме и прочесть то, что я Вам принесу? Смогли бы Вы написать мне несколько слов, если Вам что-то придется по вкусу? Окажите эту милость деревенскому пастуху и отчасти поэту, который будет Вам вечно благодарен».

В 1946 году, в статье, озаглавленной «Поэтический модернизм в Испании и Испанской Америке», Хуан Рамон Хименес говорит, что «Пабло Неруда — самый сильный испаноамериканский поэт после Рубена». Он находит, что его поэзия, пусть не близкая ему по духу, обладает огромной притягательностью и первозданной свежестью.

На лекции, прочитанной в Университете Пуэрто-Рико в 1953 году, Хуан Рамон Хименес называет Неруду среди самых крупных и значительных поэтов XX века. Рядом с его именем стоят имена Рубена Дарио, Унамуно, Лугонеса и пишущих на других языках: Йитса, Паунда, Элиота, Рильке, Унгаретти, Монтале.

Во «Всеобщей песни» Хуан Рамон Хименес видит глубокое осмысление индихенизма{95} и сравнивает Неруду с художником Диего Риверой. Хуан Рамон стоял на иных позициях, но в конечном счете он понял, что такая поэзия обладает всеми правами на самостоятельную жизнь.

Сама история этих взаимоотношений — яркое свидетельство

того, что Пабло Неруда не столько вошел, сколько вторгся в испанские поэтические воды, рассек их своим «мощным килем». С его приходом в испанской поэзии означилась линия раздела, четче выявились различия в ее направлениях и философских основах.

Никто, кроме Пабло Неруды, не сумел проложить такую широкую борозду в испанской поэзии XX века!

67. Полемика между Антологией и «Садовником»

Сразу с трех сторон «занялся» этот литературный спор в Чили… Неруда, Уйдобро и де Рока. Кто-то взял и подсунул яблоко раздора претендентам на Прекрасную Елену, в данном случае олицетворяющую чилийскую поэзию.

Бурная политическая жизнь страны стала питательной средой для этого жаркого спора. В первые месяцы моего пребывания в Сантьяго я был свидетелем тех событий, которые сотрясали всю страну на протяжении всего 1932 года. Меня, разумеется, тянуло в самую гущу событий. Я не из породы бездеятельных наблюдателей. Огромная приливная волна той романтичной и лихорадочной поры увлекла меня за собой. Я твердо верю, что Революция и есть Поэзия нашего мира, что Поэзия неотделима от Революции, и они не могут существовать друг без друга. Но сама поэзия должна быть революционной. Ей надлежит крушить все обветшалые устои, обращать в пепел старые соборы пышных словес и подвергать суровой проверке все, что прежде, закрыв глаза, мы принимали за Правду с большой буквы.

Габриэла Мистраль пронзила нас насквозь. Но нам уже чего-то недоставало в ее щемящем «Отчаянии». Мы знали наизусть все «Двадцать стихотворений о любви» и многое из «Собранья сумерек и закатов». Как раз в ту пору впервые выходит в свет «Восторженный пращник» — в нем слышится рычанье инстинкта, в нем до предела обнажена плотская страсть. Прекрасно! Удивительно!.. Ну, а что дальше? Мир меняется на глазах. Надо бороться за его полное преобразование!

И вот в этот самый момент на сцене появляется великий маг. Он приезжает из Европы. Разразившийся экономический кризис вынуждает его вернуться на родную землю. Он раскрывает свои чемоданы, и мы ахаем, цепенеем — оттуда вылетают аэропланы, крылатые кролики, небывалые, невиданные поэтические образы. Этот маг привез нам «креасьонизм», «Водяное зеркало», «Horizon carré»[75], «Tour Eiffel»[76], «Алали», «Экваториальное». Он плохо отзывается о Маринетти{96}, но в своем стихотворении «Шаг за шагом» повторяет его слова: «Ненавижу рутину, клише и

риторику. Ненавижу подвалы музеев и мумии. Ненавижу литературные окаменелости». Висенте Уйдобро попал в Париж в 1916 году. Это год моего рождения…

Его поэзия совершает настоящий поворот в литературе. Надо «творить поэзию, как природа творит дерево». Висенте Уйдобро начинает писать стихи по-французски. Висенте Уйдобро играет в игры. Играет искусно, потрясающе. «Я придумал игру воды / на вершинах высоких деревьев, / и тебя сотворил самой красивой на свете, / и теперь ты розовеешь закатом по вечерам… / моей волей катятся воды, / что не были явью, / и возгласом громким я гору воздвиг».

Уйдобро намеревается стать создателем совершенно новой эстетики. Он вручает нам с дарственной надписью сборники своих стихотворений — «Automne régulier»[77] и «Tout à coup»[78]. Мы замираем в благоговении: вот она новая поэзия! А вовсе не у Пабло Неруды… Мы запоем читаем «Высоколенка», «Дрожь небес»… Уйдобро ведет с нами беседы о Мальдороре, о песнях, написанных Лотреамоном{97}. Влияние этого поэта четко просматривается в драматургическом произведении Уйдобро «Gilles de Retz»[79], опубликованном в 1932 году.

Уйдобро не знает меры, в нем рвется на волю что-то порочное. Он провозглашает себя адептом «сатанинской школы» и полномочным послом французской эстетической революции. Он мечтает о своей поэтической школе, о своих учениках, о последователях в Чили. Мы с Эдуардо Ангитой стали его первыми неофитами.

Все как-то сразу запуталось, усложнилось. Но нам более всего хотелось быть новаторами в поэзии. Разве это не главное для подлинных революционеров? Так и только так мыслил я в те времена. Ангита держался иных взглядов. Он никогда не отступал от религии, от веры…

Все вечера я просиживал в зале Общего фонда Национальной библиотеки. Проглатывал одну за другой книги, поступавшие из Франции. Туда приходил не менее страстный и увлеченный книгочей Эдуардо Молина Вентура. В этом человеке была какая-то таинственность, и ему выпадало совершать бесконечные открытия, то истинные, то мифические. А я, как пьяный, зачитывался поэзией. Однажды в строках Рабиндраната Тагора из «Садовника» я уловил звучание Шестнадцатого стихотворения из «Двадцати стихотворений о любви» Пабло Неруды. Сличил оба текста — почти одно и то же… Через много лет мексиканский поэт Эфраин Уэрта скажет: «Тысячу раз я замечал, к своему удивлению, что у меня неожиданно выходит парафраз. Однако, чтобы подражать итальянцам или древним римлянам, надо по

крайней мере быть Гарсиласо де ла Вегой, а чтоб создать парафраз Тагора — Пабло Нерудой».

Тогда я поделился своими впечатлениями с одним приятелем-поэтом. А вскоре в журнале «Про», которым руководил Уйдобро, появилось нечто вроде обличительной статейки. И пошло-поехало… Все раздули до невероятия. Друзья Неруды пытались через печать доказать, что это никакой не плагиат, а парафраз. Некоторые из них писали, что еще перед первым изданием «Двадцати стихотворений о любви» они советовали Неруде дать сноску к Шестнадцатому стихотворению и объяснить, что это в подражание Рабиндранату Тагору.

Да и сам Неруда припоминает, как однажды после отчаянной ночной гулянки он шел в рассветный час по улице в Сантьяго вместе с Хоакином Сифуэнтесом Сепульведой и вдруг сказал: «Слушай, напомни мне одну вещь. Надо добавить примечание о парафразе Тагора», а Хоакин ему в ответ: «Не надо, Пабло, а то тебя обвинят в плагиате». «Тем лучше! Это станет сенсацией, и мою книгу расхватают, как горячие пирожки».

А позже, в 1937 году, в кратком послесловии к пятому изданию «Двадцати стихотворений о любви» — оно вышло в Сантьяго — Неруда пишет:

> «Сейчас я больше всего думаю о Гражданской войне в Испании, и вот в пятый раз, как назло, не успел перечитать рукопись этой книги и внести в нее необходимые поправки. Теперь скажу лишь, что Шестнадцатое стихотворение — в основе своей парафраз стихотворения из „Садовника“. Об этом уже давным-давно всем известно. Ну, а мои ненавистники, которым трудно смириться с такой жизнестойкостью книги моих юношеских лет, прикинулись зачем-то беспамятными… Дорогим друзьям — большому писателю Диего Муньосу, блистательному Томасу Лаго, человеку редкого благородства Антонио Рокко дель Кампо и его прекрасному чуткому сердцу я посвящаю это издание книги, которая пробилась к свету из моих глубин, точно живое растение, или как неведомый, ничем еще не названный минерал…
>
> *Пабло Неруда.*
>
> *Сантьяго-де-Чили.*
>
> *Декабрь, 1937 год».*

«Садовник» Тагора был любимой стихотворной книгой Терусы и ради нее и сделал Пабло этот злополучный парафраз.

Подумать — одно-единственное стихотворение среди тысячи других, что создал поэт! Да все титаническое наследие Неруды — убедительное, сверхубедительное доказательство его бесспорной самобытности, оригинальности!

Но тем не менее нашумевшее affaire вспыхивало при самых разных обстоятельствах. И каждый раз Неруда чувствовал себя уязвленным.

В апреле 1935 года мы снова совершили досадную оплошность. Едва вышла из печати «Антология новой чилийской поэзии», как поднялась целая буря. Составителями этой Антологии были мы с Ангитой и, поддавшись соблазну, включили самих себя в число десяти отобранных поэтов. В Антологии, разумеется, были Габриэла Мистраль и Пабло Неруда, представленный последними, еще не изданными стихотворениями из второй книги «Местожительство — Земля». Достойное место занимал и Пабло де Рока. Но именно он поспешил заявить, что Антологию захватил, «колонизировал» Висенте Уйдобро. Какая-то крупица истины в этом обвинении, конечно, была.

«Что это такое? Смехотворная стряпня каких-то шутников?» — вопрошал негодующий Алоне в газете «Насьон». Ему хотелось предстать перед Нерудой этаким бомбардиром, готовым на все, чтобы разделаться с Антологией и с ее составителями. Он написал Неруде полное злорадства письмо на адрес Чилийского консульства в Мадриде. От Антологии не останется камня на камне, разве что презрительно усмехнутся при упоминании о ней… Да, Алоне решил стереть нас с лица земли и объявил нам настоящую войну. Само время подготовило для этой баталии подходящую почву. И нужен был железный кулак, чтобы утихомирить враждующие стороны.

Хенаро Прието, автор романа «Компаньон», язвительный журналист на хлебах архикатолического «Илюстрадо», угодный властям политик, депутат от правых сил (четырежды от консервативной партии), воистину своротил себе челюсть от натужного хохота над «оперой-буфф», то есть над Антологией, над ее составителями и заодно — над Пабло Нерудой.

В своей статье «Авангардистская поэзия» он уверенно заявляет: «Уже давно доказано, что думающие, серьезные люди не приемлют поэтов-авангардистов». Прието пускает камень в мой огород, рассуждая о моем «культеранизме»{98}. И для вящей убедительности вспоминает о том, что за туманное плетение словес и заумь был подвергнут критике и сам Кеведо. Мы, по

мысли Прието, были новоиспеченными представителями этой заумной поэзии в ее современном варианте. Мне, правда, досталось поделом. Я в ту пору был большим поклонником авангардистского барда.

А чтобы побольнее уязвить Неруду, он придумал целую историю. Рассказал, что пригласил к себе трех врачей и задал им вопрос: «Почему стены больниц красят в синий цвет?» Те в один голос: «Может, от мух?» «Ошибаетесь, ради Гарсиа Лорки». И прочел вслух стихотворение Неруды, посвященное Федерико: «Потому что во имя твое в синий цвет красят больницы…»

Все эти перлы язвительности можно обнаружить в «Илюстрадо» от 30 ноября 1935 года. Спустя четыре дня в той же колонке появляется «авангардистское письмо», якобы присланное разгневанным читателем, неким Ониасом Пересом из Лоты. Разумеется, это письмо состряпал сам Хенаро Прието, который только и ждал, как бы посильнее ужалить Неруду, а заодно лягнуть Висенте Уйдобро.

68. Схватка с тяжеловесом

Пабло де Рока, как и следовало ожидать, оказался куда более едким, чем другие.

Спустя два месяца он сочинил тетраптих. 10-го, 11-го, 12-го и 13 июня 1935 года в «Опиньон» появились его статьи, открывшие мощный поливной огонь против Антологии. Де Рока рубил головы направо-налево. Сначала колкий выпад в адрес составителей: «Эти антологии сослужат службу лишь безвестным юнцам: только так они вылезут на поверхность и сумеют продержаться на плаву, отталкивая в стороны всех остальных». Далее удар по Алоне: «А некий пещерный эрудит пляшет на проволоке». Затем камень в Хельфмана, тогдашнего владельца издательства «Зиг-Заг», где вышла наша Антология: «А некий торгаш, менее, чем более чилиец, более, чем менее скаред и невежда, наживается за счет писателей».

В своих «Маргиналиях», заметках на полях нашей Антологии, де Рока вопит, не жалея горла, что она — сплошной произвол. И самое возмутительное — в нее не вошли стихи Винетт де Рока. «В Антологии отсутствуют двенадцать поэтов!» И с озадачивающей искренностью добавляет: «…хотя некоторые из них мне омерзительны, и я их ни в грош не ставлю». Доходит черед и до Неруды: «Поэт буржуазного декаданса, поэт навозного духа и перебродивших дрожжей…» А вот как он разделывает Эдуардо Ангиту: «угодливый служка, пономарь Его Преосвященства» (главной мишенью был, конечно, Висенте Уйдобро). Удивительно

— меня он не тронул, даже не упомянул моего имени. А вот для Анхеля Кручаги Санта-Мария приберег особые эпитеты и словечки: «И все это небесно-золотое желе, все его ангелочки и его пресвятая дева Мария…» Свою порцию получил и Росамель дель Валье: «Улитка с лицом подручного у брадобрея, акула, сочиняющая всякую белиберду на всех языках вперемешку и говорящая по-английски так, что это больше похоже на французский, чем на немецкий».

Само собой, главной мишенью оставался Висенте Уйдобро — «мелкотравчатый буржуа, métèque[80], связанный с империалистической Европой, с тем, что в ее искусстве уже отмирает, уже на последнем издыхании… и набито всякой бредятиной… Модерняга, который по возвращении из Европы пичкает нас рассказами о вещах, известных всем и каждому».

Уйдобро взвился, точно ужаленный, и тут же ответил оскорбителю в присущем ему стиле. Поначалу он держит футбольный мяч между ног: «Я ни с какого боку не причастен к этой книге… Куда больше усердствовал де Рока, мечтавший, чтоб в нее попали стихи его супруги».

Далее Висенте Уйдобро переходит к размышлениям психоаналитического характера, модным в те времена:

> «Многие задаются вопросом: откуда такая агрессивность против всего на свете? Но все мы уже читали Фрейда и знаем, что за этими ехидными выпадами и злоречиями прячется комплекс неполноценности. Ему не по духу Антология, потому что там якобы ведущее место отведено моей особе. Мне, видите ли, дали пятьдесят шесть страниц, а он красуется только на тридцати. Какой же это костер, если может погаснуть при малейшем дуновении ветра?»

Борьба разгоралась все сильнее. Де Рока публикует ответное письмо, изливая в трех столбцах всю желчь и досаду на «литературного владетеля».

Уйдобро снова идет в атаку и тоже выстраивает свое войско на трех столбцах. На сей раз он одаривает противника каскадом «любезностей». К примеру:

> «…профессиональный клеветник, оголтелый карабинер, марксист-ленинист-сталинист-гровист{99}, новоявленный революционер, громила из подворотни… Твое распрекрасное письмо весьма похоже на публичное покаяние. Ты выставил напоказ и свои обиды, и свои слабости… Ты ни на что не сумел ответить должным

образом. Лишь все так же сотрясаешь воздух своими воплями… Я не раз уличал тебя в обмане. Ты лжешь и знаешь, что лжешь, обвиняя меня в подражательстве. Те поэты, которых ты называешь, появились, за исключением Аполлинера и Лотреамона, много позже меня, да и моя поэзия не имеет с ними ничего общего.

А в общем, ты мало что смыслишь в поэтах, о которых толкуешь столь несообразно… А твои детские стихи, написанные месяц тому назад, не стоят и разговору… Что до твоего „Иисуса Христа“, то, несмотря на все псевдореволюционные приправы, это стишок бесноватого святоши. Кстати, ты все время утверждаешь, что не читаешь меня, а сам то и дело ссылаешься на мои книги. Выходит, читаешь, да еще с усердием, впрочем, из этого вовсе не следует, что они доступны твоему пониманию… Заметно, что тебе не дает покоя мое происхождение из состоятельной семьи. Но в чем тут моя вина?.. Энгельс жил на доходы со своей ткацкой фабрики в Манчестере… У моих произведений, слава богу, есть куда более сведущие ценители, чем ты… у настоящих специалистов есть немало материалов, которые дадут им ответ на любой вопрос…»

Затем Уйдобро перечисляет самые разные книги и приводит текст дарственной надписи Макса Жакоба{100}: «Висенте Уйдобро, творцу и изобретателю новой поэзии».

«И пожалуйста, не рассказывай сказки, — заканчивает Уйдобро, — о том, как ты бьешься, чтоб заработать на пропитание. Это ровным счетом ничего не доказывает…»

В Сантьяго с интересом следили за этой затянувшейся словесной перепалкой. «Опиньон» уже обессилела, выдохлась. И тем не менее, к явному неудовольствию директора газеты Хуана Луиса Мари, через несколько дней в редакцию пришло новое огнеметное письмо, в котором де Рока возвестил о конце баталии.

«Больше я не стану тебя лупцевать, — говорит боксер-тяжеловес. — Мне просто противно, да и лень, Висентито. Ты вещаешь с таким пафосом и так яростно ревешь, что все твои дурацкие рассуждения рассыпаются трухой, и ты, забыв о достоинстве и всех приличиях, оказываешься голым, сучишь ногами, этакий откормленный, розовенький, несмышленый — как настоящий барский младенец. К тому же я не из трусливых, и мне не пристало пинать мокрую курицу, которая не перестает кудахтать и рассказывать, что

снесла яйцо не где-нибудь, а в Европе… Да, Висентито, из всех твоих наскоков так и лезет нравственная убогость. Все они несостоятельны и обречены на провал».

Уйдобро отражает атаку спустя три дня новым набором пикантностей:

«Ты завершаешь спор, как и следовало ожидать, каким-то слюнявым бредом… Убираешься восвояси, не сказав ничего путного… Я потребовал от тебя убедительных доводов, доказательств, да и читатели тоже их ждали. Все порядочные и честные люди смеются над тобой. Жаль, что ты вдруг так испугался за свою драгоценную особу и проявил малодушие. Загнанный в угол, ты делаешь неуклюжие рывки, точно брюхатый тюлень, и пытаешься ускользнуть, увернуться от удара. Бедный Паблито, ты привык чуть что — визжать, чуть что — стряпать фальшивки. Ты надеялся по-прежнему безнаказанно заниматься своими делишками, надеялся, что никто не даст тебе по рукам, не спросит ответа. Пусть все это послужит тебе хорошим уроком на будущее. Да и пора избавить наше общество от такого ядовитого скорпиона. Ты настолько глуп, что даже в свои сорок два года не отдаешь себе отчета в своей беспросветной глупости. В этом ты действительно добился рекордных результатов. Можешь быть вполне доволен. Висенте Уйдобро».

Весь донельзя скандальный спор, право, не отличался глубиной мысли, но это красноречивый документ того времени, показывающий, каким воинствующим пылом обладали оба противника, отстаивая свои позиции. И тот и другой стоили много больше того, что они наговорили друг другу в ярости, в запале. И всему причиной их неимоверный, бесконтрольный «экзгибиционизм», их ущемленное «Я», их неуемная жажда быть в центре внимания, привлечь к себе интерес любыми средствами.

Неруда, находившийся в ту пору в Испании, не вмешивался публично в столь шумную драку. Кто-то позднее обнаружил напечатанные на машинке стихи без подписи, в которых припоминалась ожесточенная война между двумя испанскими поэтами «золотого века» — Лопе де Вегой и Гонгорой. А потом и Кеведо. У найденных стихов был иной стиль, но они были слишком ядовиты. Поэт, внимая здравому смыслу, счел за лучшее не печатать их и не признавать своего авторства.

Хотя Неруда и не участвовал активно в схватке чилийских

поэтов, он никогда не оставался равнодушным к литературным герильям. И при этом держался следующего правила: любой выпад противника требует незамедлительного и достойного ответа. А литературные недруги Неруды рвались в бой.

Де Рока до конца жизни вел с ним войну, не выпуская из рук штандарта. Нет, не в характере Неруды подставлять смиренно другую щеку обидчику. Однако он не пожелал выступить в роли державы, которой объявлена война. Должно быть, потому, что в его руках была победа. Победа, завоеванная всем его творчеством, признанием критики и читателей, всемирной известностью, нарастающим потоком переводов его произведений на многие и многие языки мира. Да еще, видимо, Неруда противился в глубине души такой нелепой, бессмысленной трате сил. Ему был неприятен этот спектакль, это зрелище, где поэты разоблачались донага на глазах у всех и норовили искусать до крови друг друга в драке за первенство. Неруда убежденно верит в свою «теорию слонов». Поэты должны следовать примеру этих толстокожих гигантов с длинными клыками и хоботами, похожими на шланги. Он любовался этими удивительными животными в утренние часы на Цейлоне.

Разве могут поэты походить на диких зверей, которые загрызают друг друга насмерть из-за куска мяса? В конечном счете поэты пожирают собственное достоинство, более того — уничтожают самих себя. Да нет, Неруду ждали серьезные дела, новые книги, новые стихи. И еще… В Испании только-только поутихли литературные споры. Неруда находился в самом центре литературной жизни страны и этих споров, так что его мысли были тогда сосредоточены на всем, что происходило в Испании, в испанском обществе, где многое предвещало грядущий взрыв вулканической силы.

69. Канун

Недреманное око Рафаэля Альберти несколько критически следит за всеми зигзагами гражданского мышления Неруды. Испанский поэт без особого восторга отнесся к «Зеленому коню поэзии» — журналу, который возглавлял Неруда. Он отдавал предпочтение «Октубре», вокруг которого сгруппировались революционно настроенные писатели, творческая интеллигенция. События в Испании разворачивались стремительно, на улицах уже проливали человеческую кровь. Убивали испанских рабочих. Что ни день, выбирали новую жертву. Люди с риском для жизни продавали газеты левых. Не проходило недели без похорон очередных жертв фашизма, перешедшего в открытое наступление.

Альберти понимал, что он делает очень нужное дело — издает журнал, название которого бросает вызов врагам свободы и справедливости. Октябрь — имя Революции, свершившейся в России. Напряженная обстановка требовала выбора, четкого определения гражданских позиций. Именно поэтому Рафаэлю Альберти не нравился журнал Неруды. В стране разгоралась борьба, а «Зеленый конь поэзии» не желал появляться на улице, не вез повозку с хлебом или оружием. Ни один всадник пока не пускал его рысью к верной цели. Чуткий сердцем Неруда не мог не заметить, что Альберти отдаляется от него. И в один из дней по просьбе Пабло они встретились возле «дома цветов».

— Дорогой confrère, в чем дело? Я вижу, ты ко мне переменился… холоден, подчеркнуто строг.

— Ничего подобного. Просто, я вижу, что ты держишься от всего в стороне. Ну, а мы действуем иначе.

— Но тебе ли не знать, что я — на дипломатической службе и не слишком разбираюсь в политике, да и к тому же она меня не интересует. Я, конечно, понимаю, что в Испании происходят важные вещи. И я на вашей стороне. Но разве при этом мой журнал не имеет права на существование?

— Почему же, имеет…

Неруда по-прежнему живет жизнью поэта, жизнью увлеченного переводчика поэзии. Ему нравится художественный перевод, и он отвоевывает у тьмы имена незаслуженно забытых великих мастеров слова. В мадридском журнале «Крус и Райя», которым руководит его товарищ Хосе Бергамин, появляются «Видения дочерей Альбиона» и «Странник в мыслях» Уильяма Блейка{101}. Этот поэт поистине околдовал Неруду. И он любил вспоминать, каким потрясением была для него встреча с книгой Блейка «Брак небес и ада». Чуть позже он открывает дорогу стихам Кеведо, поэта, которым восхищался всю жизнь. На страницах «Зеленого коня» появляются «Сонеты смерти» Кеведо. А потом — стихи Вильямедианы, человека, попавшего в сеть интриг королевского двора. О злоключениях Вильямедианы и его великой любви Неруда рассказывал мне не однажды. Тем временем в издательстве «Дель Арболь» — ему принадлежал журнал «Крус и Райя» — выходит вторая книга «Местожительство — Земля» (1925–1935). А в самом начале 1936 года в Мадриде публикуют сборник Неруды «Ранние стихи о любви», куда включены «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния».

Он неразлучен с Федерико Гарсиа Лоркой. Бывает в его доме или у их общего друга — Карлоса Морлы Линча. Какие блистательные вечера устраивали там два мага, два чудодея, два

неиссякаемых фантазера — Федерико и чилийский композитор Акарио Котапос!..

Пабло бывал почти на всех спектаклях театра «Ла Баррака», которым руководил Гарсиа Лорка. Он видел в этом театре «Овечий источник». Костюмы и декорации к этому спектаклю делал Альберто Санчес — толедский пекарь, молчаливый и «прочный», точно камень, что послушен лишь резцу в руках мастера.

После падения Республики скульптор Альберто жил и работал в Советском Союзе, где, помимо славных дел, выполнил декорации к фильму Козинцева «Дон Кихот».

Всякий раз, приезжая в Советский Союз, Неруда непременно встречался с Альберто, который стал ему закадычным другом, и с его женой Кларитой… «Севильский озорник» Тирсо де Молины привел Неруду в полный восторг. Он даже ездил в Самору, чтобы увидеть этот спектакль, поставленный театром «Ла Баррака». На вокзале нашего поэта встречали Федерико Гарсиа Лорка, Рапун и Луис Сернуда. Блестящие постановки в театре «Ла Баррака» вызывали в памяти слова Мигеля де Унамуно: «Культура — это одно, а озарение — другое. Тут главное — озарение». В Испании ставят и «Кровавую свадьбу», и «Неродящую» («Йерму»), и новый, расширенный вариант «Чудесной башмачницы» — словом, все пьесы Лорки. «Ла Баррака» разъезжала по городам и селениям Испании. По возвращении в Мадрид вся труппа нередко прямо с дороги заворачивала к «дому цветов». Иногда приносили пакеты с едой… Гостей набиралось полным-полно. С плаката на стене, рекламирующего пластырь доктора Уинтера, следил за шумным, неиссякающим весельем бородатый человек с пронзительным взглядом. Кто-то незаметно засыпал в самый разгар веселья… Пробуждался от нестерпимой жажды. Случались и такие гости, что проводили у Неруды двое-трое суток подряд. Говорили, балагурили, спали, снова говорили…

Федерико любил вспоминать при Неруде об Аргентине и Уругвае, где он прожил в общей сложности восемь месяцев. Испанский поэт воспринял бескрайнюю пампу как нечто «самое печальное на свете, насквозь пронзенное безмолвием». Нередко разговор у них переходил на политику. Оба поэта тревожились о судьбе Испании, над которой сгущались зловещие тучи. Федерико верил своим предчувствиям и, точно цыганка, вещал: «Нас ожидает страшная беда».

31 марта 1934 года Муссолини принял на своей загородной вилле в Торлонии группу испанских генералов и крайне правых политических деятелей. Они подписали с ним Римский пакт, и Муссолини приказал выделить из итальянской казны первую

денежную сумму на закупку оружия для подготовки восстания в испанской армии…

«В этом мире я всегда был и буду на стороне обездоленных, на стороне бедняков…» — говорил Лорка.

Обстановка в Испании накалялась. Франко и Годет уже перебросили из Африки марокканские военные части и Иностранный легион для подавления забастовки астурийских горняков. Кто-то бросил страшную фразу: «В Испании не знают счета убитым».

12 декабря 1935 года в Барселоне дается премьера пьесы «Донья Росита, девица, или Язык цветов» в постановке Маргариты Ксиргу{102}. И вот в этот момент Лорку вызывают повесткой в суд для объяснений по поводу публикации его «Романса об испанской жандармерии». Оказывается, один из усердных ревнителей благонравия, проживающий в Таррагоне, обвинил Лорку в «надругательстве над уважаемым органом правопорядка».

В журнал «Айуда», которым руководила Мария Тереса Леон, Лорка посылает телеграмму следующего содержания: «Горячо приветствую трудящихся Испании в день Первого мая, который еще теснее сплотил их в яростной борьбе за более справедливое общество». Друзья узнают, что он начал работать над новой вещью. А в интервью вечерней мадридской газете «Вос», опубликованном 7 апреля 1936 года, Лорка говорит: «В тот день, когда навсегда исчезнет голод, в мире произойдет такой взрыв духовной энергии, какого не знало человечество. Люди даже отдаленно не могут представить, какую радость принесет победа Великой Революции…»

11 июля Федерико ужинает в доме у Пабло Неруды. Среди гостей и Рафаэль Альберти, который смакует свое любимое блюдо — андалусское гаспачо… Но вдруг с недоброй вестью приходит Фульхенсио Диес Пастор, депутат социалистической партии от Эстремадуры — есть сведения, что мятеж начнется 15 июля.

Положение становится взрывоопасным. Муссолини вторгся в Эфиопию, а Гитлер готовится оккупировать Австрию. А меж тем в клубе «Анфистора» репетируют еще одну пьесу Лорки — «Когда пройдут пять лет».

Обстановка в стране становилась все более напряженной. Но среди испанцев были и такие, кто с нетерпением ждал, когда по радио Сеуты прозвучат слова сигнала: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Федерико любил вдруг исчезнуть, никого не предупредив. Нередко он удирал таким образом даже от близких людей. Истает, точно дым, провалится сквозь землю, а потом вдруг предстанет перед друзьями. И лицо как у провинившегося

ребенка.

Однажды после такой эскапады он пришел в бар на улице Дела-Луна, извлек из кармана ослепительно белый платок, расстелил его на полу и, преклонив колено перед Нерудой, стал спрашивать у него прощения. Лорка делал это с таким поразительным изяществом, с таким лукавством, какое увидишь только у цыган. Чтоб смягчить сердце Неруды, он показал ему рукопись новой книги — двадцать стихотворений под общим названием «Сонеты темной любви».

«Что же с ними стало? Какова их дальнейшая судьба? — не раз задавался вопросом Неруда. — Может, эти стихи тоже приговорили к расстрелу?»

Неруда условился с Федерико, что 18 июля они вместе пойдут на борьбу кетчистов. Устроителем этого зрелища был Бобби Делано. И вдруг выясняется, что Федерико уехал в Гранаду.

Фульхенсио Диес Пастор пытался отговорить Федерико от поездки в Гранаду. «Оставайся лучше здесь. Мадрид для тебя самое безопасное место». Но Лорка сказал в ответ, что один его знакомый крикнул ему вслед: «Убирайся отсюда, да поскорее!» Много позже выяснилось, что это был один из главарей «пятой колонны». В Гранаду Федерико приехал утром 17 июля. Радио Сеуты уже передало невинную на слух фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо!» И следом вспыхнул мятеж. С оружием в руках выступил гарнизон Мелильи… Началась Гражданская война, в которой пало смертью более миллиона человек.

18 июля — День святого Федерико. Выходит, сама смерть пометила крестом Лорку, который написал однажды: «Как странно, что имя мое — Федерико».

70. Казнь в Виснаре

В ночь на 17 июля в Гранаде разнеслась весть, что мятежники овладели городом Мелилья. Военный губернатор, генерал Кампино, получил правительственную телеграмму: «В Африке поднят военный мятеж. Раздайте оружие». Но в ответной телеграмме генерал заверил испанские власти, что у него в гарнизоне не будет ни одного мятежника. Однако в армии вовсю орудовала «пятая колонна». Народ ждал, что ему дадут в руки оружие. А в это время офицеры, переметнувшиеся на сторону заговорщиков, арестовали алькальда Гранады доктора Фернандеса Монтесиноса. Это было 20 июля.

И с 20 июля Лорка перестал выходить на улицу. Он заперся в усадьбе «Сан-Висенте» и решил работать над новой пьесой для театра — «Сны моей кузины Аурелии». Главным действующим

лицом должен был стать мальчик по имени Федерико…

Внезапно с обыском нагрянули в соседнюю усадьбу, где жил его дядя Франсиско. Гарсиа Лорка был схвачен в доме своих друзей Росалесов. С ордером на арест явился Руис Алонсо. Прощаясь с Росалесами, поэт сказал: «До свидания! Похлопочите за меня!» Попросил прислать одеяла и светлый табак. Из всех, кто добивался с ним свидания, в тюрьму допустили лишь Мануэля де Фалью, и то слишком поздно. Композитор сказал тюремщикам: «Я пришел сюда как христианин и как честный художник». В ответ он услышал: «Все уже бесполезно… И мы просим ради вашей же безопасности, чтоб вы не вмешивались в это дело… А что касается Лорки, то его расстреляли сегодня ночью». Это была заведомая ложь!

В 1935 году Федерико в разговоре со своим другом Карлосом Морлой сказал:

> «Я безумно боюсь смерти, и не того, что меня ждет за чертой — это мне безразлично. Нет, весь ужас в том, что в какой-то миг я почувствую, что „ухожу навсегда“, что прощаюсь с самим собой».

Странное совпадение — последние слова Пабло Неруды были: «Я ухожу, ухожу». Так рассказывает его сестра Лаура Рейес.

Гарсиа Лорка откровенно, без всякого стеснения говорил: «Я отношусь к себе с большой нежностью». Он всегда страшился крови. Неруда рассказывал при мне, что Лорка слепо и истово верил в дурные приметы, особенно цыганские.

Говорят, что к арестованному Лорке в грязную, отвратительную камеру приходил священник Энрике Паласиос — дальний родственник, знавший его с детства… Но пока это не строго достоверно.

Поздно вечером отобрали машину у одного молодого человека из именитой семьи Гранады. Из дверей Управления гражданского губернатора вывели Лорку и хромого человека — муниципального служащего. Они шли под конвоем двух фалангистов и двух стражников. Когда Лорку заставили сесть в машину, он решил, что их переводят в другую тюрьму. Машина довезла их до селения Виснар и остановилась на маленькой площади, а потом они поехали до Альфакара. Там охранники велели выйти хромому арестанту. А через минуту-другую Федерико услышал выстрелы.

Лорку казнили в Виснаре неподалеку от источника, который зовется Фуэнте-Гранде. Там поднимаются два каменистых холма, прорезанные глубоким оврагом. На склоне одного из холмов густо стояли сосны. Могилу вырыли в сосняке, возле одинокой,

будто отставшей от своих подружек оливы.

Весть о смерти Гарсии Лорки дошла до Мадрида 9 сентября 1936 года. Неруда услышал об этом на улице. Продавцы газет выкрикивали: «В Гранаде расстрелян Гарсиа Лорка!» Газета «Соль» пребывала в сомнении. На первой странице появился заголовок «О предполагаемом убийстве Гарсиа Лорки». С полной уверенностью говорилось лишь о расстреле гранадского алькальда-социалиста, который был женат на старшей сестре поэта. На другой день в печати появился текст телеграммы английского писателя Герберта Уэллса, тогдашнего президента лондонского Пен-клуба. Он обратился непосредственно к гранадским властям и в самой вежливой форме заявил, что «ждет с огромным волнением известий о судьбе своего глубокоуважаемого коллеги Федерико Гарсиа Лорки и будет чрезвычайно признателен, если ему окажут любезность и ответят как можно скорее». «Любезность» была оказана писателю вот в таком виде: «Местонахождение дона Федерико Гарсиа Лорки мне не известно». И подпись: полковник Эспиноса. Скорее всего, полковник не только не ведал, где находится Гарсиа Лорка, но и не имел понятия, что он — выдающийся поэт.

Но со временем уже нельзя было скрыть убийство, совершенное бандой Рамона Руиса Алонсо. В ноябре 1937 года корреспондент газеты «Пренса» в Буэнос-Айресе — так сказано в «Полном собрании сочинений генералиссимуса», — обратился с вопросом к Франсиско Франко: «Были ли расстреляны знаменитые испанские писатели?» Последовал ответ генералиссимуса:

> «За границей очень много говорили об одном писателе из Гранады, говорили много потому, что красные воспользовались этим именем для своих пропагандистских целей. Однако в самом начале революции в Гранаде действительно погиб этот писатель, погиб среди других бунтовщиков. Это закономерные случайности, неизбежные в ходе войны. Гранада в течение долгого времени находилась в полной изоляции, безрассудные действия республиканских властей, раздавших людям оружие, привели к яростным стычкам в этом городе, и в одной из них погиб этот поэт…»

Неруда решительно отвергал все домыслы о случайности этой смерти, о какой-либо вине республиканцев.

Для него Федерико Гарсиа Лорка был —

«…народным, как гитара, веселым, печальным, глубинным и ясным, как ребенок, как народ. Если бы решили упорно, шаг за шагом, искать по всем уголкам страны того, кто должен быть принесен в жертву как символ народного духа Испании, не нашли бы никого другого, ибо никто, как тот, на кого пал выбор, не олицетворяет с такой яркостью и такой глубиной живое народное начало. Те, кто выбрал его, не ошиблись, потому что, стреляя в него, они стреляли в сердце всей испанской нации. Его выбрали в качестве жертвы, чтобы сломить, замучить Испанию, уничтожить ее самые сочные и душистые запахи, прервать ее самое вольное дыханье, оборвать ее самый искренний смех. Две непримиримые Испании прошли испытание этой смертью. Зелено-черная Испания с устрашающим дьявольским копытом, Испания, упрятанная в подземелье, Испания проклятая, ядоносная, зловещая, распинающая, Испания страшных злодеяний, содеянных королями и церковью. И в противовес ей Испания, сиявшая жизнетворным достоинством и высокой духовностью, Испания великих озарений, органичной преемственности и удивительных открытий, Испания Федерико Гарсиа Лорки».

Страшное событие прояснило многое для Неруды. Оно изменило его мироощущение. И его поэзию. На поэзию Неруды упала тяжелая, горячая капля крови Гарсиа Лорки, отданного на закланье в редком лесочке Виснара. Эта капля крови до самых краев наполнила чашу, куда уже стекло столько капель крови прежних жертв политического разбоя. Гибель Лорки послужила толчком для эволюции и даже революции в поэтическом мышлении Неруды.

71. Перемены…

Он должен был выразить свои ощущения, свои переживания. И сделал это, как подобает поэту, в стихах. Сел за стол и написал стихотворение «Объяснение».

Вы спросите: где же сирень,
где метафизика, усыпанная маками,
где дождь, что выстукивал слова,
полные пауз и птиц?
Я вам расскажу, что со мною случилось.

Я жил в Мадриде, в квартале,
где много колоколен,
много башенных часов и деревьев.
Оттуда я видел
сухое лицо Кастилии:
океан из кожи.

Мой дом называли
«домом цветов».
Повсюду цвела герань.
Это был веселый дом
с собаками и детьми.

Помнишь, Рауль?
Помнишь, Рафаэль?
Федерико, ты под землей,
ты помнишь балкон?
Июнь метал цветы в твой рот.

А дальше Пабло говорит о причинах решительного поворота в своей поэтической судьбе:

В одно утро все загорелось.
Из-под земли вышел огонь,
он пожирал живых.
С тех пор — огонь,
с тех пор — порох,
с тех пор — кровь.

Разбойники с марокканцами
и самолетами,
разбойники с перстнями и герцогинями,
разбойники с монахами, благословлявшими
убийц,
пришли,
и по улицам кровь детей
текла просто, как кровь детей[81].

Вы спрашиваете, почему я не говорю
о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей жизни?

Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь на улице![82]

Можно ли убедительнее, яснее объяснить, отчего произошли такие глубокие изменения в отношении к жизни и к поэзии у Пабло Неруды? По сути, с событий в Испании уже началась вторая мировая война! На испанскую землю вторглись не только марокканцы, но и гитлеровские нацисты и фашисты Муссолини.

Неруда и его собратья по перу, как истинные и честные писатели, задумывались над тем, что происходило в Испании, спорили — считать ли все это первой главой нового мирового побоища или его прологом.

Альберти вместе с другими писателями и деятелями искусства образовал Альянс антифашистской интеллигенции. Они заняли дворец сбежавшего маркиза Эредиа Спинолы и развернули там активную деятельность. Альянс стал издавать журнал «Моно Асуль», который солдаты-республиканцы читали вслух прямо в окопах. К тому времени уже бомбили Мадрид. Народ, не щадя жизни, взял приступом казарму «Ла Монтанья», где засели мадридские мятежники. Неруда был потрясен беспримерным героизмом испанцев.

Прошло не более десяти дней после этих событий, когда к Альберти пришел Неруда и сказал: «Дорогой conrère, я принес тебе стихотворение, мое первое стихотворение об этой войне. Но прошу тебя, не ставь мое имя. Пока еще я на дипломатической службе».

Мы в Сантьяго с изумлением читали то первое стихотворение, которое называлось «Песнь матерям погибших милисиано».

Они не пали смертью, они
стоят в пороховом дыму
и загораются, как шнур бикфордов.
Их тени светлые сомкнулись
на луговине цвета меди
броней — завесой ветра,
барьером ярости,
незримой грудью небосвода.

Бомба угодила в «дом цветов» и почти сравняла его с землей. Неруда стал жить поблизости от Чилийского посольства.

Перелом в творчестве Неруды произошел на первый взгляд

неожиданно, как бы разом. Но это обманчивое впечатление. Перемены вызревали вовсе не в пустоте. Скачок не был внезапным. По сути, он знаменует собой высшую точку длительного аккумулятивного процесса. Через все обширное пространство жизни и творчества Пабло Неруды проходит четкая, хотя порой и прерывистая линия гражданственности. Еще в Темуко, подростком, он восстает против буржуазного правопорядка, против социального неустройства. Свидетельство тому — его первые шаги в публицистике и поэзии. Он, как настоящий представитель поэтического поколения 20-х годов, писал пламенные статьи-картелес для студенческого журнала «Кларидад». Знал смолоду, что его сердце там, где положено, — слева. Словом, все это выстраивалось в его мышлении издавна и обрело свою завершенность, когда ему исполнилось тридцать два года. Теперь он, как и его сердце, всегда будет на стороне левых.

В сознании поэта живет неизбывная боль за убитого друга Гарсиа Лорку, который был для него воплощением самой жизни и ее красоты, символом неиссякаемого творчества. Нет, не простая жажда мести руководила Нерудой. Все случившееся привело его к постижению трагической истины, к окончательному выводу: фашизм и духовность несовместимы. Стало быть, фашизм — это заклятый враг. Враг поэзии, искусства. Враг человека. Теперь Неруда будет сражаться «везде, где сможет», плечо к плечу с теми, кто готов побороть фашистов. Для Неруды это значит — в поэзии, в стихе. Он приступает к делу, и за каких-то несколько месяцев, словно медиум, словно по велению вершившейся на его глазах истории, создает книгу-катарсис, где органично отражен резкий скачок в его сознании, обусловленный событиями Гражданской войны и, конечно, убийством Гарсиа Лорки. Книга называется «Испания в сердце». Луи Арагон сказал, что эта книга — «грандиозный пролог к литературе нашего времени».

Позднее, в феврале 1937 года, на конференции в Париже Неруда языком прозы говорит о том, что сказано им в стихотворениях:

> «Многие ждали от меня успокаивающих поэтических слов, далеких от земли и войны. Я — не политик и никогда не принимал участия в политических схватках, но мои слова насквозь пропитаны страстностью, к великой досаде тех, кто хотел видеть их нейтральными. Поймите и меня, и всех нас, поэтов Испанской Америки и Испании: мы никогда не забудем и не простим гибели того, кто, несомненно, выше всех нас, кто есть истинный гений нашего испанского языка… Мы не сможем забыть

это преступление и не сможем простить его. Мы не забудем и не простим его никогда!»

Заметьте — Неруда подчеркивает: «Я не политик и никогда не принимал участия в политических схватках». От анархических воззрений в пору ранней юности у поэта еще осталось известное недоверие, предубеждение к слову «политика». Но весь приведенный выше абзац из выступления Неруды в Париже — яркое свидетельство тому, как человек под натиском самой жизни включается в политическую борьбу. Да и ему самому ясно, что, произнося эту речь, он самым активным образом участвует в «политической схватке». Приблизительно в те же дни Неруда сказал, что он «не коммунист и не социалист». Что ж, тут нет ни капли притворства. Однако Неруда далек и от тех, кто занимает позиции нейтрального наблюдателя! Отныне он убежденный антифашист. Эту характеристику поэт дает себе сам. Спустя годы, когда Неруда оглянется на прожитую жизнь, он скажет: «Считаю, что в Испании я действовал как коммунист». Те былые утверждения носят лишь внешне противоречивый характер.

В своем политическом развитии поэт никогда не топтался на месте, он поднимался на новые и новые ступени. Придет день, когда Неруда осознает, что в выборе его гражданских и политических позиций сыграло роль не только злодейское убийство Гарсиа Лорки, не только то, что произошло с одним человеком, пусть бесконечно дорогим его сердцу, но и то, что происходит с миллионами людей на Земле.

72. Книга об Испании

Поначалу были опубликованы лишь отдельные стихи из этой книги, которую предполагалось издать полностью в Мадриде с предисловием Рафаэля Альберти. Но план сорвался. Впервые книга увидела свет в Каталонии. По сути, она родилась на линии огня. В ее судьбе принимали участие солдаты Восточного фронта. Все сложности и перипетии, через которые прошла эта книга, достойны ее содержания, ее накала. Поэт Мануэль Альтольагирре рассказал в письме, написанном уже в 1941 году, как делали «Испанию в сердце», как печатали ее прямо под разрывами артиллерийских снарядов в 1938 году.

«Ее делали в монастыре Монтсеррат. У монахов по тем временам была лучшая типография в Каталонии… Мы узнали, что почти рядом с линией фронта, в Орпи, есть заброшенная бумажная фабрика, и решили пустить

ее в ход… В тот день солдаты изготовляли бумагу для книги Пабло не только из сырья, выделенного нам комиссариатом. Они бросали в месиво рваную одежду, солдатские обмотки и даже трофеи — вражеское знамя и бурнус пленного марокканца. Книга была и набрана и напечатана солдатами-республиканцами».

По мнению Рафаэля Альберти, эта книга — самое яркое литературное произведение, рожденное Гражданской войной в Испании.

Поэт сумел передать весь драматизм событий подлинным языком искусства. «Испания в сердце» — книга, которой означен переход Неруды от поэзии интровертной, самоуглубленной, к поэзии гражданской.

Альберти отмечает и другую, не менее значительную книгу, которая написана под влиянием испанской трагедии. Это «Испания, да минует меня чаша сия» перуанского поэта Сесара Вальехо, которого Рафаэль Альберти считал человеком на редкость молчаливым и загадочным.

«Третье местожительство» — общее, как бы родовое название для пяти совершенно самостоятельных, несхожих между собой частей. Первая — «Задушенное небо», вторая — «Ярость и беды», третья — «Воссоединение под новыми знаменами». За ними следует «Испания в сердце» и «Песнь любви к Сталинграду». Словом, «Третье местожительство» — это прорыв, переход из мира в мир, из ситуации в ситуацию, из эпохи в эпоху. И совершает этот переход человек, движимый всем, что ему пришлось пережить, выстрадать и познать. Путешествие сквозь время и пространство длится с 1935 по 1945 год.

В первой части поэт «Зеленого коня» скачет по пустынным землям Азии, устремляясь к иным пределам. Его все еще гнетет чувство неприкаянности, никчемности. «И нет меня, / и я — напрасен, / и никого не знаю в этом мире». Одинокий человек, который готов и впредь быть одиноким: «Нет смысла звать меня, коль в том мое призванье, / нет смысла спрашивать об имени моем, / пусть я пребуду посреди моей луны безлюдной / в моем израненном пространстве».

Начинаются странствия по землям Европы. И его стихотворение «Брюссель» звучит в той же тональности: «Полуживой в ночи… навечно одинокий». Тот же настрой у стихотворения «Покинутый». Обе вещи написаны в канун разразившейся катастрофы.

В 1934 году, отталкиваясь от горькой строки боготворимого им поэта Франсиско Кеведо — «Есть в моем сердце и печаль, и

ярость», — Неруда создает стихотворение огромной драматической силы — «Ярость и печаль», — которое становится как бы старшим братом «Восторженного пращника». Этим стихотворением Неруда венчает свою любовную лирику. В нем одним узлом стянуты любовь и ненависть.

Я вспоминаю часто день один,
тот день не мне дарован был, наверно.
День без начала, неизбывный,
он звался — четвергом.
Я, отданный на волю слепого случая,
вдруг встретил женщину.
Одежды сами спали с нас,
чтоб нам расцвесть иль отцвести мгновенно.
Зарылись мы друг в друга, и она
меня, точно крылом, закрыла.
Безжалостно разбить ее хотелось,
я, будто в колокол гудящий, ударял,
и ранил он меня глубоким стоном,
и свод его навстречу мне дрожал[83].

«Отбрасывая слоги страха, истомы нежной, / истраченные беспредельно», поэт уверенно идет к «Воссоединению под новыми знаменами». Идет долгим туннелем времени. И в дороге у него рождается мечта: «Выйти из путани волчьих следов, к следам человека. / Пусть шаги одинокого волка сольются с людскими шагами». Незачем услаждать себя собственной печалью! Хватит с него культа разнузданной боли! Он покончит со слезами — в них нет облегченья, ответа. Он не станет больше искать «прибежища в нише плача». На наших глазах в «Третьем местожительстве» вроде бы вдруг — причиной тому испанская трагедия — свершается ломка, скачок… Но на самом деле новые исторические условия раскрыли нам то, что всегда составляло сердцевинную сущность поэта.

«Испания в сердце. Гимн во славу народа, вступившего в бой. 1936–1937 гг.» — пронзительная жизненная правда и великолепная поэзия. Книга построена по канонам старинной эпической поэзии. Возглашение, проклятие, рассказ, толкование разных причинных связей, экзальтация картин прошлого, летопись военных событий, дантовский суд над генералом Франко и его муки в аду, «песнь над руинами», «после битвы». В этом произведении слышится дыхание великой эпопеи.

Неруда, утверждающий, что он «не политик», пишет стихотворение «Испания, бедная по вине богатых», где обличает

тех, кто «оделил слезами, а не хлебом родину свою». С отвращением поэт говорит о «слизи омертвелых традиций». Он вершит суд, который непосредственно касается мира политики.

Неруду зачаровывает то строгая, то чувственная мелодика имен испанских селений, объятых пламенем войны. Почти все стихотворение «Какой была Испания» — подробный топонимический перечень испанских деревень. Нет в стихотворении ни одного эпитета — лишь названия. Но то, что у других могло бы превратиться в туристический путеводитель по испанским деревням или справочник по ономастике, у Неруды, обладающего безошибочным поэтическим чутьем, становится поразительным по своей художественности словесным портретом «внутренней географии Испании», в которой выражена ее душа, ее глубинная суть. Со всех склонов Пиренейского полуострова наплывают иберийские, романские, готские, еврейские, арабские звучанья. Они завораживают слух Неруды, и он сердцем угадывает в именах испанских деревень неумирающий посыл былых столетий.

Череда географических названий в стихотворении «Какой была Испания» — нечто вроде трехминутной передышки. Далее поэт снова возвращается к эпике. Ведь ему выпало стать свидетелем великого «Прибытия в Мадрид Интернациональной бригады»: «Сквозь ранний туман Мадрида — я видел глазами, сердцем, / как шли вы, лед разбивая, / бригада гранитная, нежная, / зрелая, светлая, крепкая…»

Сам Неруда не раз говорил о том, что сделало его иным, новым… Испания, испанская трагедия преобразовала в нем поэта и человека. Он, словно та легендарная саламандра, прошел невредимым сквозь огонь, но стал другим. В марте 1939 года во вступительном слове к изданию поэмы «Ярость и беды» Неруда еще раз говорит о том, как пришло к нему просветление, как свершился в нем окончательный переворот.

> «Эта поэма написана в 1934 году. Сколько всего произошло с той поры! Испания, где я написал „Ярость и беды“, лежит в руинах. О, если б каплей Поэзии мы могли умалить гнев мира! Но нет. Этот гнев под силу одолеть лишь мужественному сердцу, готовому к борьбе».

Непримиримая борьба и решимость сердца — вот где разгадка той метаморфозы, которой означена новая книга Неруды «Испания в сердце». Неруда сказал, что изменился он сам и изменилась его поэзия. У нас, по сути, состоялась встреча с новым Нерудой.

73. Поэт на улице и роковая женщина

Сеньор консул держится непозволительным образом. Он напрочь забыл о своей былой осмотрительности. Аурелио Нуньес Моргадо, посол Чили, потерял последнее терпение. Ничего удивительного тут нет. Посол — политик старой закалки. Он член фантасмагорической Радикал-социалистической партии, верный человек президента Артуро Алессандри Пальмы. Нуньес Моргадо сменил свою парламентскую деятельность на дипломатический пост и с особым старанием выполнял указания правительства, проводящего политику правого толка. Чилийское посольство в Испании стало самым настоящим убежищем для «пятой колонны». Посол, конечно, действовал не самостийно, а по указке Министерства иностранных дел. Чилийское правительство не скрывало своих симпатий к мятежникам; когда в Женеве на сессии Лиги Наций подтверждалось решение о частичном членстве Испанской республики, представитель Ла Монеды владелец газеты «Меркурио» Агустин Эдвардс Макклуре голосовал за ее исключение.

Вечерами в Чилийском консульстве работал Луис Энрике Делано. В утренние часы он ходил на лекции по литературе в Мадридский университет. Неруда и Делано, старые друзья и почти ровесники (Делано был моложе всего на три года), подолгу сидели в конторе над официальными бумагами и, разумеется, обсуждали драматические события в Испании. Оба тревожились за ее судьбу, оба не скрывали своих взглядов. Неруда к тому времени приобрел большую известность. Теперь его знали как поэта, воспевающего героическую борьбу испанского народа против фашизма. Да… Неруда перешел Рубикон.

Посол отправлял в Сантьяго тайные донесения о каждом шаге Неруды. Но это был излишний труд. Нашлись и те, кто в обычных телеграммах открытым текстом сообщали о неподобающем поведении консула, демонстративно нарушающего нейтралитет чилийского правительства, которое он представляет. В конечном счете Неруда был лишен звания консула по распоряжению Министерства иностранных дел. Фактически Неруду вышвырнули на улицу… За небольшой отрезок времени это был второй чилийский поэт, которого, как говорится, «за одну ночь» отстранили от консульской службы в Мадриде.

Город беспрерывно бомбили, но мадридцы мужественно отражали натиск врага… Что же, Пабло действительно оказался на улице, без заработка, но теперь его окружали настоящие, хорошие люди. В этом он не сомневался и потому не испытывал никакого страха. Все к лучшему! Теперь он будет бороться в

открытую. Ему, в сущности, развязали руки. А на жизнь заработать он сумеет. Главное — отдавать все силы защите Испанской республики.

В 1936 году Неруда вместе с английской писательницей Нэнси Кюнард начинает выпускать журнал «Поэты мира защищают испанский народ». В каждом номере печатались стихи на английском, французском, испанском языках. Этот журнал продавали в Лондоне и Париже, а вырученные деньги шли на помощь Испанской республике. В журнале активно сотрудничали друзья Нэнси Кюнард — Тристан Тцара и Луи Арагон. На страницах журнала публиковали свои стихи Ленгстон Хьюз, Николас Гильен, Бриан Говард и другие широко известные поэты. Испаноязычную поэзию представили Пабло Неруда, Федерико Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти, Рауль Гонсалес Туньон и Висенте Алейсандре. Позднее Неруда по настоянию друзей переехал в Париж, где было легче организовать работу. А потом он отправился в Реанвиль, чтобы вместе с Нэнси наладить ритмичное издание журнала. В Париже было выпущено пять номеров… Антифашисты других стран мира решили использовать их опыт. Даже в Чили, в Сантьяго, сумели издать маленькую, но весьма представительную антологию стихов, посвященных борьбе героического испанского народа.

Нэнси Кюнард — поистине легендарная женщина. Меня с этой femme fatale[84] познакомил в Чили Пабло Неруда. Однажды он предложил мне пойти к ней в гости, в самый дорогой отель Сантьяго, где она поселилась по приезде из Испании, после падения Республики.

С Нэнси Кюнард, наследницы могущественного Лайна Кюнарда, писал образ Люссии Тантемаунт английский романист Олдос Хаксли. Его роман «Контрапункт» — своеобразная месть за долгую безответную любовь к этой женщине. Хаксли был одержим любовью к Нэнси и сделал ее «антигероиней» нескольких романов. Она — прототип сумасбродки из «Порочного круга». Коварная аристократка какое-то время играла в кошки-мышки с Олдосом Хаксли, но в конце концов отвернулась от него. Он — не в ее вкусе. Силясь избавиться от «злого духа», от несчастной любви, Хаксли изливает душу на страницах собственных романов. Она — антипод королевы Виктории. Писатель называет ее — Майра Вивеш. У нее глаза сиамской кошки. Все годы жизни она плывет по волнам или балансирует на острие навахи. В одном из романов Ивлина Во{103} роковая Нэнси предстает под именем Вирджинии Трой. Да, ничего не скажешь! Эта удивительная женщина прошла по белу свету и по литературным произведениям неким романтичным призраком.

Теперь, пожалуй, не встретишь такой изысканнейшей женщины с колдовской притягательной силой, с полусонным, обессиленным голосом, который сводил с ума всех мужчин. Нэнси Кюнард восхищалась Джорджем Мередитом, а позже Марселем Прустом. Она пристрастилась к дурманному абсенту лишь потому, что его пили Бодлер и Оскар Уайльд. Какое-то время Нэнси увлекалась Бернардом Шоу. Потом переключилась на Д. Г. Лоуренса. Ее восхищали скульптурные творения Эпштейна, кубистская живопись, музыка Стравинского и русские балеты, показанные в Париже Дягилевым и Фокиным, и, конечно, американский джаз. Позже Нэнси Кюнард всерьез заинтересовалась сюрреализмом. Луи Арагон делает ее главной героиней романа «Бланш, или Забвенье». Он влюбился в Нэнси без памяти, но при этом хотел переломить ее характер. «В моей жизни была одна женщина необычайной красоты. Я прожил с ней несколько лет, но мы, как выяснилось, не были созданы друг для друга». Однажды в Венеции Луи Арагон пригрозил Нэнси, что покончит с собой. Она, не шевельнув бровью, велела сделать это немедля и небрежно бросила, что, мол, будет удивлена, если он все-таки решится «на такой подвиг». Арагон тут же отправился в отель и там принял огромную дозу снотворного… О своих терзаниях Арагон поведал в «Стихотворении, которое выкрикивают на руинах». Оно вошло в его книгу с неподходящим для него названием — «Великая радость».

Позднее Нэнси Кюнард опубликовала небольшую брошюру под заголовком «Чернокожий мужчина и миледи», в которой со всей откровенностью объявила: «У меня есть близкий друг, он — негр». В первую очередь ей хотелось досадить собственной матери, заносчивой аристократке. Потом Нэнси прибыла в Испанию в качестве репортера газеты «Ассошиэйтед нигро пресс». Вот тогда-то и состоялось ее знакомство с Нерудой. Ему в ту пору было тридцать два года, на восемь лет меньше, чем Нэнси…

Пабло решает освоить профессию наборщика. Он едет к Нэнси на Юг Франции — там у нее собственный дом, — чтобы вместе с ней набрать очередной номер журнала-антологии «Поэты мира защищают испанский народ». Поэт оказался неважным наборщиком. Он спутал литеры и превратил слово «парпадос»[85] в «дардапос». Вот почему Нэнси в письмах к Неруде из Лондона неизменно начинала с «Mon cher Dardapo»[86].

В январе 1940 года она приехала в Чили вместе с молодым испанским тореро, вернее, прибыла на пароходе после пятинедельного плавания. Въездную визу ей выхлопотал Неруда. В Сантьяго она взяла в любовники одного поэта — вечно пьяного, беззубого. По ночам он потчевал ее колотушками, и она, чтобы

скрыть следы его художеств, ходила в огромных темных очках.

В Чили Нэнси Кюнард пробыла двадцать месяцев. Всю свою жизнь она оставалась верна себе. А 16 марта 1965 хода, вся ссохшаяся, настоящий призрак, умерла в барокамере в общей палате парижской больницы. Газета «Ивнинг стандард» сказала свое последнее прости «королеве двадцатых годов». Жорж Садуль{104} расцветил ее образ самыми яркими красками. «Она была не только эксцентричной фигурой двадцатых годов. Вокруг ее тени плывут и кружат blues и spirituales, звучат баллады республиканской Испании и откровенно бесстыдные песнопения современной французской поэзии».

А перед моими глазами возникает Нэнси в захудалой гостинице Сантьяго. Рядом с ней ее друг Пабло Неруда, с которым она в незабываемые дни с энтузиазмом трудилась над каждым выпуском периодического издания «Поэты мира защищают испанский народ». Она считала, что этот сборник — самое значительное из всех ее дел в жизни.

74. Литературные страсти

Настало время, когда Неруда, отстраненный от дипломатической службы, сумел проявить свой незаурядный организаторский дар. Вместе с перуанским поэтом Сесаром Вальехо он основывает в Париже «Испаноамериканскую группу в помощь Испании». К Неруде обращаются с просьбой французские писатели: сделать все возможное для того, чтобы в работе предстоящего конгресса, который состоится в Испании, приняли участие литераторы латиноамериканского континента. Неруда охотно берется за дело. Ему назначают скромное жалованье. Работа кропотливая, нелегкая. Надо продумать список имен, подготовить приглашения. Он, конечно, лучше многих разбирается в том, кто есть кто в латиноамериканской литературе. Но все же… Пришлось написать гору писем. Ведь в ту пору буквально все крупные художники слова были на стороне сражающейся Испании. Второй международный конгресс писателей начал свою работу в июле 1937 года. Он проходил в Мадриде и в Валенсии. Среди его многочисленных участников — Андре Мальро, Луи Арагон, Илья Эренбург, Уолдо Фрэнк, Эрнест Хемингуэй. Немало писателей приехало из Латинской Америки… Николас Гильен и Хуан Маринельо с Кубы, Октавио Пас из Мексики, Альберто Ромеро и Висенте Уйдобро из Чили.

Перед отъездом Висенте Уйдобро сказал, обращаясь к своим соотечественникам, что под наэлектризованным небосводом Испании взорвалась бомба. Целая орда предателей и отъявленных

негодяев взялась за оружие, чтоб заступить дорогу побеждающей демократии, чтоб остановить закономерный ход исторического развития страны и воздвигнуть стену ружейного огня перед человеком, идущим к великой цели.

Слова чилийского поэта шли от самого сердца.

> «Мы, — сказал он, — с огромным волнением следим за героической борьбой испанцев и испытываем чувство горечи, оттого что нас нет рядом с ними, когда они отстаивают светлое будущее всего человечества».

Пока Уйдобро был настроен оптимистически.

> «Испанский народ нельзя сломить, — утверждал он. — Нельзя воспрепятствовать незримому ходу истории. Само время — за республиканскую Испанию. И, стало быть, оно — за нас!»

По желанию Уйдобро его слова были опубликованы в печати 12 октября 1937 года, «в годовщину великой эпопеи, чьи отзвуки прокатывались по просторам всех континентов и океанов». Заключительный абзац статьи звучит особенно торжественно и вместе с тем лирично.

> «Как твой кровный сын, как сын земель, с которых ты сдернула покров тайны, я всем сердцем приветствую тебя, моя страдающая и высокая духом Испания, которая никогда не встанет на колени!»

Уйдобро отправился в Испанию, как только получил приглашение. Он знал, что снова увидит и Францию, Париж, встретится со своей второй родиной, вернее — с первой. Но, увы, все сложится не так, как ему мечталось.

Поэт, писавший стихи по-французски и по-испански, с горечью обнаружит, что в Париже он — «метек», «посторонний». И увидит, что в Испании всем правит война, которая, точно обезумевшая фурия, «пожирает все живое и на каждом перекрестке изрыгает мертвецов». Неужели над Испанией великого Сида — Испанией его Сида — висит страшное проклятье? Ведь отсюда ведет начало его род. Здесь его предку был дан высокий титул — когда-то Уйдобро только посмеивался над этим — маркиза Королевского дома. Разве не он, Висенте Уйдобро, воспел в стихах героя испанского эпоса? Так почему же никто не удосужился хотя бы упомянуть об этом?

Здесь, в Испании, Уйдобро почувствовал, что Франко берет

верх… И совсем неожиданный удар: ему стало ясно, что другие писатели куда более известны в республиканской Испании, чем он. Что и говорить — конгресс уязвил болезненное самолюбие «отца новой поэзии». Так Уйдобро именовал самого себя. Его жизнь, его судьба, разумеется единственная в своем роде, неповторимая, никого не трогала. Стихийное распределение мест в «иерархическом ряду» писателей вызвало у него искреннее возмущение. Какой-то Мачадо, какие-то индийские гуру, какой-то Андре Мальро да еще Неруда — это уж явное непотребство! — оттеснили на задний план Артюра Рембо, Малларме, Аполлинера и его, его — Висенте Уйдобро! Совершенно неведомые ему поэты заняли их место, место истинных поэтов. На пьедестале — поэзия кулинарного искусства, а поэты Великих открытий пребывают в тени!

Как тут устоять? Как не пасть духом? Что ж, прежде он пророчил победу испанского народа. Ну а теперь, быть может, разумнее во всеуслышание сказать о его скором поражении? Висенте одолевают сомнения. Он не в силах быть откровенным даже с самим собой…

А как примириться с той славой, которую Неруда обрел в Испании и во Франции? Висенте Уйдобро считает, что здесь идет какая-то нечистая игра. Смешно подумать! Кто, как не он, Уйдобро, самый выдающийся, самый яркий представитель художественной мысли Латиноамериканского континента!

Вдобавок ко всему его преследуют какие-то нелепые неприятности. С ним постоянно что-то случается то в поезде по пути из Парижа в Мадрид, то на сессиях конгресса, то просто на улицах… Уйдобро вернулся домой в полном расстройстве. На все расспросы отвечал неопределенно, уклончиво. Избегал встреч. Хотя вначале сказал несколько проникновенных слов об испанской трагедии: «Сегодня в Испании вершится нечто великое, благородное, жестокое…»

Да, Висенте Уйдобро был низвергнут с прежних высот. Его плохо приняли в Европе. Ему не воздали должное как лучшему поэту Латиноамериканского континента. К чему и зачем он ехал на конгресс? — недоумевал я. Он не мог не поехать. Не мог стоять на приколе в таком «захолустье», как Чили, когда все великие и полувеликие, все «кто есть кто» мировой литературы двинулись в Испанию, точно тибетские мудрецы в Катманду{105} …

Низвергнутый маэстро пребывал в глубокой печали. Европа не увенчала его лаврами. Он приходит к выводу, что конгресс писателей был каким-то незаконным сборищем, что там образовался этакий микромир, где все были в сговоре против

него. Всё заполонили какие-то выскочки с эфемерной славой, от которых шел дурной дух… Это была ходкая торговля фальшивым жемчугом. Никто так и не сумел оценить по достоинству истинного величия его поэзии. Словом, там, в Испании, на некоем замкнутом пространстве воцарились лицемерие, ложь. Глиняные боги были заодно с проститутками и проходимцами от литературы… Уйдобро предпочел улицу. Однако на улицах рвались бомбы и снаряды. Это небезопасно. День и ночь работало разгоряченное воображение Уйдобро, и в душе накапливалась горечь разочарования.

В Неруде он видит теперь нечто дьявольское. Выходит, автор танго («Танго вдовца») — та ласточка, что «делает погоду»! Эта мысль преследовала его, точно ночной кошмар. Подумать — легковесный стихоплет, зарвавшийся провинциал, вампир, сплошная вульгарность и вот…

Как-то пасмурным вечером в воскресенье мы присели с Эдуардо Ангитой за наш столик в кафе «Фуэнте Ирис». Я раскрыл вечернюю газету «Импарсиаль», по духу обскурантистскую, которая из номера в номер взывала к тому, чтобы распять на кресте всех левых чилийцев. Кроме нас, в кафе не было ни единой души… Я сказал Ангите: «Послушай-ка, что здесь говорится в статье „Испания в сердце Неруды“». И прочел ему несколько абзацев.

— Чья подпись?

— «Ревнитель справедливости».

— Кто ж это у нас?

— По стилю — Висенте, — ответил я удрученно.

Это был плохо замаскированный выпад против Неруды. Автор выступал с откровенных франкистских позиций и кипел яростью против республиканцев. «Благодарение богу, что та Испания, которую воспевает Неруда, вскоре уместится в его сердце. Она уменьшается в размерах с каждым часом, потому что ей наносит сокрушительные удары каудильо…» Все выдавало автора этого непотребного пасквиля, несмотря на явные попытки изменить привычный всем стиль. Кругом проступают плохо спрятанные следы его словесных оборотов, его стилистических красот… Этакая пересыпанная нафталином поэзия… Неруда, видите ли, сочинитель танго. А Лорка — обыкновенный куплетист.

Я не мог принять Уйдобро в его новом обличье и сжег все, что прежде почитал в этом поэте. Мне открылась горькая истина — Висенте Уйдобро верил только в самого себя.

75. Лидер творческой интеллигенции

По решению конгресса в Валенсии во многих странах были созданы Союзы антифашистской интеллигенции. Неруде поручили организовать такой союз у нас, в Чили… Поэт покидает один из самых дешевых отелей в Париже, где они жили с Делией.

Вместе с Раулем Гонсалесом Туньоном и его женой Ампаро они прибывают в Чили на французском грузовом судне. Вглядываясь с палубы в морскую даль, Неруда обдумывает положение дел. Конгресс творческой интеллигенции стал историческим событием, но Республика на грани гибели. Политическая обстановка обострилась везде и всюду. Национал-социализм вступает в пору расцвета. Нельзя медлить ни минуты…

Прогрессивные чилийцы приняли близко к сердцу драму Испании. Незадолго до приезда Неруды в стране был создан Народный фронт, куда вошли радикалы, социал-демократы, коммунисты и Конфедерация трудящихся Чили. На улицах то и дело вспыхивали столкновения с нацистами. Их главарем был Гонсалес фон Мареес. Напряжение нарастало. Каждый день с нетерпением ждали сводок из Испании… Неруду встретили на родине как соотечественника, который более других связан с борьбой испанского народа за демократические идеалы.

Первое публичное выступление поэта чем-то напоминало его знаменитую речь «al alimón», произнесенную вместе с Гарсиа Лоркой. Но голос несравненного Федерико умолк навсегда. Неруда клеймит преступников, загубивших поэта, и его страстное слово звучит предостережением для Чили, над которой нависла угроза фашизма.

Потом Неруда будет выступать в паре с аргентинским поэтом Раулем Гонсалесом Туньоном. Их голоса прозвучат согласным дуэтом в переполненном до отказа Муниципальном театре Сантьяго, где будут дрожать стены от оваций. Быть может, собравшиеся в этом театре впервые слышали такие яркие, трепещущие, живые слова. Оба оратора необычайно остро и впечатляюще рассказали о сложившейся обстановке в Испании. Да, это была магия Поэзии, магия Правды, донесенной до сердец слушателей двумя поэтами-репортерами, которые, по сути, приехали в Чили прямо с линии фронта. Казалось, что театр заполнился пороховым дымом, и все увидели, как льется кровь.

И те, кто произнес высокое слово, и те, кто его услышал, почувствовали сердцем, что судьба Испании — это судьба Чили. Почувствовали, что фашизм в любую минуту готов поднять голову и на чилийской земле.

В то памятное воскресное утро Неруда предстал перед потрясенной публикой как большой поэт, в чьих стихах

заключена великая действенная сила и подлинная гражданственность. Неруда явил блистательную способность волновать сердца и будить мысли.

В знаменательный день 7 ноября 1937 года — двадцатилетней годовщины Октябрьской революции — Пабло Неруда огласил в актовом зале Чилийского университета решение о создании Союза творческой интеллигенции Чили. Тогда же его единогласно выбрали президентом этого союза. Союз творческой интеллигенции Чили, представляющий самое широкое и активное движение по пропаганде достижений культуры, вошел в историю нашей страны. Он объединил представителей всех видов искусств, всех отраслей знаний. Списки его членов показывали всю широту эстетических направлений, идеологий, политических воззрений. Но в этом союзе не было места фашистам и реакционерам. Среди сотен и сотен людей вдохновенно работали Альберто Ромеро, Хувенсио Валье, Анхель Санта-Мария Кручага, Антонио Кинтана, Умберто Диас Касануэва, Юдифь Вейнер, Франсиско Колоане, Карлос Викунья Фуэнтес, Роберто Альдунате, Акарио Котапос, Луис Давид Крус Окампо, Габриэль Амунатеги, Гильермо Лабарка, Рубен Асокар, Оскар Кастро, Херардо Сегель, Бернардо Лейгтон.

Союз творческой интеллигенции Чили избрал непроторенный путь. В первую очередь он решил использовать печатное слово, к которому в официальных кругах относились с привычным пренебрежением.

24 декабря 1937 года в Сантьяго на Аламеде открылась первая в истории страны книжная ярмарка. С годами такие ярмарки вошли в традицию. Но в конце концов эту традицию уничтожили тупоголовые невежественные правители нашей страны. Они свято верили, что книги — «порождение самого дьявола».

Союз творческой интеллигенции Чили развернул свою деятельность не только в столице. Его отделения возникли в Икике, в Антофагасте, Вальпараисо, Сан-Фелипе, Ранкагуа, Консепсьоне, Темуко и других городах. Неруда оказался поразительно активным, динамичным, не знающим устали президентом.

Поэт четко формулирует все требования литературного цеха и разворачивает широкую кампанию в защиту авторских прав. В его биографии наступает новый период. Он — в самом центре культурной жизни всей страны. Он — мотор движения солидарности с борющейся Испанией. Он принимает самое активное участие и в политической жизни, как один из самых крупных представителей Народного фронта. А в предвыборной

кампании ведет пропаганду за кандидата этого фронта — Педро Агирре Серду.

Быть может, бурная общественная и политическая деятельность чуть приглушает в его памяти те бесчисленные картины смерти, которые он совсем недавно видел воочию… Неруда чувствует, насколько необходима для него эта встреча с Родиной. Чувствует, что ему повелевает долг включиться в организованную борьбу.

76. Вода жизни и смерти

Как раз в это время на Пабло обрушиваются одна за одной смерти дорогих ему людей. Приходит весть, что в Париже скончался поэт, которого он поставил вровень с вершинами перуанских Анд. Еще недавно Неруда работал с этим поэтом рука об руку, защищая Испанскую республику. В «Оде Сесару Вальехо» поэт скажет о «лице гранитном в морщинах резких», которое схоже с «перуанской сьеррой, что иссечена сухими ветрами». Судьба не раз сводила и разводила обоих поэтов на перекрестках жизни. Неруда, точно облако, подхваченное ветром, на какое-то время попал в Париж. Это было в те годы, когда он бежал из Чили на Восток, навстречу своему наважденью, навстречу правде и обману. А Вальехо тогда надолго обосновался в Париже, в «замаранных приютах бедноты». Через много лет, когда их призвала к себе истекающая кровью Испания, они приехали почти в один и тот же час. Неруда не раз обращался к Вальехо со словами «мой любимейший брат». Однако нашелся «добрый самаритянин» от литературы, который всеми силами старался превратить их отношения в «схватку бойцовых петухов»… Узнав о смерти дорогого товарища, Неруда написал для журнала «Аурора де Чили» (орган Союза творческой интеллигенции Чили) статью под заголовком «Умер Сесар Вальехо». «Мой давний друг, старый испытанный рыцарь Надежды, неужели это правда?» Неруда говорит, что он был «всеми любимый», что страшно тосковал по своей перуанской земле. Судьба надолго поселила Сесара Вальехо во Франции, где он, как никто, чувствовал себя чужаком. Перуанский поэт воистину был плоть от плоти нашей Америки. Неруда увидел в нем что-то схожее с «глубоким рудником», с «лунным кратером»… Хуан Ларреа написал мне в те дни:

> «Да, он заплатил непомерную дань своей неутоленной требовательности… Все, что происходило в Испании, было тем неустанным резцом, под которым вытачивались все грани его удивительного благородства.

Ты был великим, Вальехо. Ты был великим и глубинным, точно каменный дворец, воздвигнутый в подземелье».

В тот же суровый и трудный год смерть пришла и в семью Пабло Неруды. 7 мая 1938 года после тяжелой болезни умирает его отец. Пабло едет на похороны. Стук колес, гудки паровоза — все напоминает ему о кондукторе поезда, груженного щебнем и галькой. Теперь земля Араукании навечно возьмет к себе дона Хосе дель Кармен Рейеса. Поэт провожает взглядом бревенчатые дома, напоминающие замки. Да, он снова в памятном царстве дождя и растений, чьи секреты раскрывал ему в детстве отец. Сколько было этих удивительных путешествий в ночном поезде! Но на сей раз — самое печальное. Пабло глядит на бедно одетых ребятишек, что шлепают по раскисшей глине, по лужам к неказистой школе, и ему кажется, будто он — снова лицеист, который спешит на занятия. Поэт выходит из вагона, как положено, в черном костюме. Его встречают братья отца… Неруда долго сидит возле усопшего. Сидит молча. С дальнего угла двора его зовут родные. Только что закололи ягненка, и теплая кровь льется в чашу. Пабло отпивает глоток.

Настает час похорон. И снова с пронзительной до боли ясностью, точно кто-то ударяет ножом, встают в памяти картины детства. Поэт пожелал, чтобы похороны были без религиозных обрядов. Но так или иначе, а в похоронах всегда есть что-то от религиозного действа. Неруда поселился у своего друга, доктора Мануэля Марины, который лечил его отца. Он писал там стихи — не день и не два. Не мог сразу уехать. Нет, Пабло не читал стихов над могилой отца, но они легли на бумагу, едва поэт пришел с кладбища.

Наконец Неруда возвращается в Сантьяго. А через несколько недель ему приходит еще одна страшная телеграмма. 18 августа 1938 года скончалась его мачеха, его дорогая мами́ка. Бедная женщина не сумела вынести разлуки с мужем. В глубоком трауре поэт снова отправляется в край бесконечных дождей. Он будет переносить останки отца в другое место. Пусть супруги спят вечным сном вместе, а не порознь.

«Мы с братом и приятелями отца, — вспоминает Неруда, — пошли на кладбище, вскрыли зацементированный склеп и вытащили гроб, весь в грибах, с веткой, на которой еще оставались черные, сгнившие цветы. От сырости гроб треснул, и когда мы сдвинули его, я оцепенел от ужаса: вода литрами, потоком хлынула из щелей, точно из плоти покойника…»

Что и говорить — жуткая картина. Но вполне объяснимая… Стихия воды, окружавшая Хосе дель Кармен Рейеса при жизни, не отступила от него и после его смерти. Неруда, конечно, был потрясен. Но ничего сверхъестественного не произошло. Его отец вернулся в свой привычный мир…

> «Все очень просто: эта грозная вода — обыкновенный дождь, скопившийся, быть может, за день, за час. Зимний дождь чилийского Юга. Он просочился сквозь крыши, сквозь потолочные балки, сквозь все на свете, сквозь других мертвецов и проник в могилу отца… Да, это так. И тем не менее устрашающая вода, что внезапно хлынула из самого заповедного, самого недоступного убежища, подала мне вещий знак. И я понял, что с ее роковой неизбежностью навсегда связана моя жизнь, мой родной край и моя смерть».

Поэт всецело принадлежал Земле дождей. Он всегда встречался с дождем. Он будет с ним встречаться и в жизни и после смерти.

И еще — с солнцем! А это значит, что он никогда на забывал о радуге.

Часть вторая
СТРАСТЬ И СМЕРТЬ

V
ЕЩЕ ОДНО ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

77. Про́клятые города

В ту пору, когда Неруда приехал в Темуко на похороны отца, к нему от имени города, да и всей провинции, обратилась с настоятельной просьбой весьма представительная делегация. Донельзя взволнованные ходатаи растрогали Неруду. «Лишь вы один можете нам помочь! Вы один способны ее уговорить». Кого же он должен уговаривать? Да ту сеньору в длинном платье темно-песочного цвета, в туфлях на низком каблуке, которая приносила ему, еще зеленому юнцу, книги русских писателей, а однажды, когда он наконец с ней встретился, сразу признала в нем поэта милостью божьей.

Представители мэрии и Управления по делам школ пребывали в полном отчаянии. Габриэла Мистраль должна была проехать поездом из горного аргентинского курорта Берилонго через Темуко, но отвергла все просьбы, все мольбы темукцев остановиться хоть на пару дней в их городе или провести там несколько часов. В Темуко давно уже казнились за нанесенное Габриэле Мистраль оскорбление и жаждали искупить перед ней вину при первой возможности. Было решено устроить прославленной поэтессе торжественную встречу, на которой ее бы приветствовали все жители города, а школьники спели бы ее ронды.

Габриэла Мистраль ответила решительным отказом. Она вообще не желала никаких почестей, а от жителей Темуко — и подавно. У нее были старые счеты с этим городом. И она, женщина с твердым, крутым нравом, давно высказала все это в словах, напечатанных под одним из стихотворений в книге «Отчаяние». В свое время, после первой публикации этого стихотворения, кто-то из темукских «ценителей» весьма язвительно прошелся по поводу Габриэлы, и она посчитала это грязным и вероломным поступком. И не простила! Внесла город Темуко в список проклятых городов, проклятых, как в Библии. Подробно обо всем мне рассказал сам Неруда… Габриэла Мистраль верила, что в ее жилах течет кровь пророков. В ней пылал огонь мстительного, карающего бога, который жестоко наказывал всех хулителей, всех неправедных. Она поклонялась этому богу, очищающему от скверны все живое. Это он, ее бог, повелел безжалостно уничтожить огненным дождем Содом и

Гоморру.

Зная все это, Неруда понимал, что ему поручили нелегкое дело. Но он был последней надеждой растерянных темукцев. Они верили, что он сумеет переговорить с Габриэлой, как поэт с поэтом, наконец, как ее давний друг. И тогда она непременно согласится пробыть хоть час-два в городе, где с нетерпением ждут встречи с ней, чтобы выразить ей всю свою любовь и почитание.

В то время между Темуко и горным аргентинским курортом не существовало телефонной связи. Как выяснилось, единственный способ поговорить с Габриэлой — радио, которое только-только появилось в южной провинции. Сеньор Майо, тогдашний владелец радиостанции, сумел связать Неруду с Габриэлой Мистраль. Пабло вложил весь жар своего сердца в слова, обращенные к поэтессе. И не столько потому, что хотел добиться ее согласия, сколько потому, что действительно преклонялся перед ее поэзией. Габриэла упорствовала, возражала, но, поддавшись уговорам, пошла на маленькую уступку. Пусть будет так: когда поезд остановится в Темуко — а это всего десять-пятнадцать минут, — она выйдет к дверям вагона или сойдет на перрон, чтобы приветствовать всех собравшихся. Неруда добился немногого, но и на том спасибо.

В тот день задолго до прибытия поезда на вокзале собралось полно людей, чтобы увидеть женщину, ставшую живой легендой, и услышать из ее уст хотя бы несколько слов. Чинно выстроились школьницы — они споют песни на ее стихи, а потом, когда запыхтит паровоз, вместе со всеми помашут ей на прощанье.

Однако Габриэла Мистраль не сошла на перрон и даже не показалась в дверях вагона. Окно ее купе было плотно зашторено. Никто не увидел поэтессу. И она никого не увидела. Так и не вычеркнула город Темуко из списка проклятых городов. Содом и Гоморра! Расплавленная сера и огонь. Нет, Габриэла не обернется назад и не станет соляным столбом. «Пусть дым восстанет из земли, как из печи раскаленной…»

Неруда рассказывал мне все это без тени осуждения. Габриэла относилась с неприязнью не только к Темуко. Многое в Чили раздражало ее, коробило. В одном из писем Габриэла Мистраль сказала, что, решись она безвыездно жить в Чили, некоторые из ее земляков, при их поразительной бесцеремонности и бестактности, через месяц-другой превратили бы ее в «Габи».

Эта женщина с крестьянскими корнями говорила: «Многие чилийцы полагают, что вся культура — от учености, от степени бакалавра, но она, культура, — от матери-земли». Габриэла Мистраль жаловалась, что ее одолевают анонимными письмами,

«немыслимо пакостными и злобными». Поэтесса всегда резко осуждала чувство расового превосходства, которое открыто выражали некоторые чилийцы, да и вообще латиноамериканцы. Таких людей Габриэла Мистраль называла «ублюдками». «Они кричат, надрывая горло, о своем чисто европейском происхождении, а я вижу по их отливающим синевой скулам, по маслянистому блеску черных волос и по разрезу глаз, — с каким благородством, как гордо в них проступают те капли таинственной азиатской, индейской крови, от которой они так неистово открещиваются… Этих людей надо сторониться — они фальшивы». И Неруда полностью с ней согласен. Яркое тому подтверждение — все его творчество. Он навсегда запомнил завет Габриэлы: «Не допускать, душить, уничтожать малейшие проявления ксенофобии, которые возникают на наших землях».

Ее ужасала безраздельная тупая власть военщины, равно как и бессилие, непоследовательность напуганных демократов: «Я страшусь за судьбу наших испаноамериканских народов. Я вижу, как у нас попеременно сменяют друг друга годы потрясения и годы застоя. Вижу, как от высокомерного всевластия, от безграничной диктатуры, разъедающей сознание и душу, мы переходим к бесплодной демократии, вялой, лишенной политического зрения, стержня, понимания существа социальных задач». Габриэла Мистраль считала, что в Чили ее творчество не получило должного признания: «Чили — страна, где меня меньше всего знают… меньше всего читают».

Она затаила гнев на своих обидчиков и хулителей. В речи по случаю вручения Нобелевской премии Габриэла вспомнила, как ее, маленькую школьницу, забросали камнями и разбили голову в кровь по наущению учительницы, которая, ничтоже сумняшеся, обвинила ее в воровстве. Габриэла Мистраль вспомнила и другое… В городе Серене впервые ввели метод тестов для определения умственных способностей детей школьного возраста. И вот насчет нее — Габриэле было тогда двенадцать лет — высоконаучная комиссия вынесла однозначное решение: «Полная неспособность к постижению школьной науки». Поэтесса не забыла и этой обиды. В корзину памяти, где хранились все нанесенные ей оскорбления, попал и журнал «Сусесос», которым в 1917 году завладел некий сеньор и в течение полугода ежедневно отравлял жизнь поэтессе самой непотребной хулой. Из ее памяти не изгладилось еще одно печальное событие. В 1922 году она по приглашению мексиканского правительства должна была уехать в Мексику. Узнав, что у нее нет средств на поездку, депутат парламента Луис Эмилио Рекабаррен, основатель Коммунистической партии Чили, внес на рассмотрение палаты

депутатов предложение о выдаче Габриэле Мистраль дотации в размере пяти тысяч песо. В ответ последовали иронические смешки и колкие замечания, хотя каждый знал, что все офицеры армии и флота то и дело отправляются в Европу на казенный счет.

Габриэле Мистраль мало проклятых городов, она в гневе на всю страну в целом, где властвуют злобные боги, пожирающие собственных детей.

78. Выборы в Чили

Впервые в жизни Пабло Неруда по-настоящему вовлечен в предвыборную кампанию, которая в Чили длится долго, а ее участники колесят по стране из конца в конец, борясь за каждый лишний голос. Поэт «форсированным маршем» ведет пропаганду за кандидата на пост президента от Народного фронта. Это — адвокат, политик-радикал Педро Агирре Серда. Для всех левонастроенных чилийцев предвыборная кампания была настоящим сражением. По сути, Народный фронт задался целью одолеть ни больше ни меньше как кандидата от правящих кругов, мультимиллионера, спекулянта мирового масштаба, министра финансов при втором президентстве Артуро Алессандри Пальмы. Имя этого кандидата — Густаво Росс Санта Мария, но он быстро приобрел прозвища, ставшие весьма распространенными: «министр голода», «последний пират Тихого океана»… К тому времени пышным цветом расцвело взяточничество; подкуп определял исход любого дела. В руках этого министра, само собой, были деньги всей страны.

Неруда блестяще изобразил изощренную систему подкупа избирателей — «сознательных и несознательных», совестливых и бессовестных — во «Всеобщей песне». «Выборы в Чимбаронго. 1947 год» — так называется его стихотворение. Именно в Чимбаронго он воочию убедился, как «избирают» властителей родины, «столпов отечества». Утром в день выборов в город тянутся скрипучие телеги с босыми, голодными, грязными людьми, будто это рабы, вышедшие из глубокого средневековья, чудом уцелевшие, полуживые. Их сгоняют в кучу, как бессловесных животных, и суют каждому избирательный бюллетень. «А позднее / им выдали вина и мяса, / пока до состоянья скотского / они не напились. Тогда про них забыли[87]». Потом Неруда услышал речь сенатора, избранного таким способом. Трескучие слова о патриотизме, о защите порядка. Это был верный сын тех, кто пошел войной против марксистского учения. Неруде почудилось, что откуда-то из доисторических

времен с трубным ревом вышел мамонт…

Однако все эти пещерные люди, все эти махровые реакционеры имели весьма внушительные вклады в банках и считали страну своей вотчиной. Все подвластно только им. Остальные — быдло на продажу…

Неруда окунулся в политическую жизнь прежде всего из этических соображений. Но для того, чтобы в политической борьбе соблюдались заповеди морали, надлежало изменить экономическую основу страны, изменить ее государственный строй.

В день выборов, 25 октября 1938 года, Неруда увидел в Сантьяго множество наспех сколоченных загонов-ловушек. Они возникли по воле приспешника и заместителя Густаво Росса — Гильермо Франка, ловкого дельца, строителя государственных зданий, матерого казнокрада. На обнесенные изгородями городские пустыри, где возводились общественные здания, сгоняли тысячные толпы людей. В считанные минуты их брали под арест полицейские, якобы следившие за порядком. Арестованные получали до голосования один башмак, а второй босым людям давали, после того как они опускали в урну подсунутый им бюллетень. Был и другой вариант: сначала давали тюфяк, набитый до половины, а потом, когда перепуганные арестанты голосовали за кого надо, тюфяк набивали целиком. Однако Неруда видел и тех, кто пытался пресечь беззаконные действия мошенников; рабочие врывались в такие загоны и выпускали всех подкупленных «избирателей». Всякий раз вспыхивали жестокие столкновения. Но полиция всегда защищала неприкосновенность закона купли-продажи и «права» кандидата от реакции заполучить голоса за жалкую мзду, за рваное тряпье…

Народный фронт вел предвыборную кампанию под лозунгом «Против реакции и фашизма». В этой лаконичной фразе слышались отзвуки борьбы героической Испании, откуда поэт возвратился совсем недавно с незаживающей раной в душе. Неруда чувствует себя в долгу перед страждущей Испанской республикой. Он строит планы, рассчитывая на победу Народного фронта в Чили; если на выборах верх возьмет Народный фронт, они смогут прийти на помощь многим испанским республиканцам, чья жизнь в опасности…

В десять вечера чилийцы сидели как на иголках. С минуты на минуту должны были объявить итоги президентских выборов. Подозрительное молчание… Народ толпами валит по улицам, требуя уважения к гражданскому волеизъявлению, возмущаясь всяческими трюками, на которых успели набить руку правые реакционеры за свою долголетнюю историю.

Неруда был на Аламеде вместе с тысячами чилийцев, когда объявили результаты голосования. На пост президента страны избран кандидат Народного фронта. Избран большинством в чуть более двух тысяч голосов. Правые лезли из кожи вон, чтобы использовать в своих целях столь незначительный перевес и подтасовать цифры. Но люди, не уходившие с избирательных участков, помешали реакции обстряпать свои темные делишки.

В полночь Неруда праздновал победу с друзьями в своем доме на улице Иррасабаль возле проспекта Педро де Вальдивия. Друзья пели, и плясали от всей души. А поэт уже думал, как организовать помощь далеким испанским братьям.

79. Дома́

Неруда решил обосноваться в Чили, заиметь свой дом в городе. Но его всегда тянуло к морю. Хотелось уйти от городской суеты, от городского шума и целиком отдаться работе.

Он стал получать весьма ощутимые гонорары. И надумал приобрести скромное, сложенное из камня жилище в почти безлюдном месте. Это — Лас-Гавиотас, на самом берегу Тихого океана, к северу от Сан-Антонио и Картахены. Там, где начинается провинция Вальпараисо, по дороге к Альгарробо. Поэт заплатил первый взнос хозяину, испанцу по фамилии Собрино. Испанский кабальеро был польщен тем, что покупатель — человек, смело выражающий симпатии к республиканской Испании. В небольшом каменном доме есть столовая, ванная, кухня и две спальни. Что ж, на первое время вполне достаточно. Неруда нашел этот дом по объявлению в газете… В жизни хозяина дома, сеньора Собрино, было немало приключений; Мураша говорила, что он похож на капитана корабля, который сошел с гитарой на берег, а корабль его уплыл. В тоске по морским просторам Собрино купил участок земли у самой воды. Купил почти за бесценок… Потом, узнав, что этот дом хочет приобрести Пабло Неруда, сеньор Собрино сказал: «Ему — на любых условиях! Он столько сделал для моей Испании!»

С годами дом вырос, что называется «удался ростом». Поэт пристроил к нему башенку, превратил его в этакий непривычный для глаз креольский особняк-замок, который на удивление был схож с отцовским дощатым домом, просыревшим под дождями. Вскоре Неруда — неисправимый выдумщик-переименовал местечко, где пока еще жили всего три семейства. Вместо Лас-Гавиотас появилась Исла-Негра — Черный остров. Сколько поэтической фантазии заключено в этом названии! Во-первых, вовсе никакой не остров! Дом прочно стоит на берегу материка.

Во-вторых, почему черный? На самом деле светлый песок соседствует с яркой и сочной зеленью прибрежной полосы, а каменные утесы отливают всеми красками и оттенками.

Один из друзей поэта, человек деловой, хваткий, знающий многое наперед, подсказал ему, что хорошо бы взять ссуду в Кассе государственных служащих и журналистов и приобрести дом в Сантьяго. Неруда отправляется в тот район города, который ему особенно по душе: он тянется до Нуньоа, выходит чуть ли не к предгорью Анд, а начинается от площади Лос-Гиндос. Район отнюдь не самый красивый и вовсе не для привилегированных семей, но там еще можно купить сравнительно большой участок земли по сходной цене… Ну, скажем, сто квадратных метров в длину и тридцать-сорок — в ширину. Поэт предпочитает дома из камня или дерева… Наконец он находит старый дом, весь увитый плющом. Дом очень скромный, ничего крикливого, бьющего в глаза. Он стоит на улице Симпсон — в те времена тихая обитель, воплощение покоя. У поэта сразу начинает работать воображение. Помня о своем любимом друге Федерико Гарсиа Лорке, он возводит посреди вытянутого в длину патио настоящие театральные подмостки, которые делит пополам растущее рядом дерево. К самому дому подходит густой, разросшийся сад… В просторной столовой прекрасный фарфор и бокалы из цветного стекла. Подчиняясь неистощимой изобретательности хозяина, дом постепенно обретает совершенно иной облик. Вскоре после второй мировой войны к Неруде в этот дом пришел с визитом граф Сфорца, тогдашний министр иностранных дел Италии. Я присутствовал при том, как граф, войдя, огляделся и воскликнул: «Да это китайский дворец!»

У домов, как и у людей, свои судьбы. Они растут — особенно нерудовские дома — и стареют. С ними случаются разные истории. Однажды, когда Неруда уехал в Европу, в доме каким-то непостижимым образом, втайне от всех, расположился цыганский табор. Дело было зимой, и цыгане топили камин досками, которые выламывали из пола.

80. Спасательная операция

После падения Испанской республики многих друзей поэта, успевших покинуть родину, ждала в изгнании трагическая участь… Начало 1939 года. Вторая мировая война разразится в этом же году — 1 сентября. Республиканцы, укрывшиеся во Франции, не встретили там и подобия сердечного приема от правительства, которое возглавлял Леон Блюм. Под нажимом правых, страшась гнева Гитлера и оказавшись в ловушке

Комитета по невмешательству, он заключает испанских беженцев в концентрационные лагеря на юге Франции.

Два дня спустя после перехода испанской границы — как тут не вспомнить о Великом исходе! — во Франции, в приморском городке Кольюре, умирает человек, которого считали крупнейшим поэтом «поколения 98 года» — Антонио Мачадо. Когда Неруда узнал о его трагической смерти, ему вспомнилось одно из стихотворений великого испанца — «На похоронах друга». «В ударе гроба о землю есть вся серьезность конца».

Чилийский поэт слышал его выступление перед членами Союза молодых социалистов:

> «Возможно, лучший совет молодым — быть по-настоящему молодыми… С теоретической точки зрения я — не марксист, никогда им не был и вряд ли уже буду… И все же я четко вижу, что социализм, предполагающий тот жизнепорядок, при котором в основе человеческих отношений будет лежать труд, равенство распределения средств, а также отмена всех классовых привилегий, — это неминуемый путь к полной справедливости. Я думаю, что мы все должны внести посильный вклад в развитие этого великого достижения человеческой мысли…»

Неруда слушал эти слова 1 мая 1937 года в Мадриде. Он вполне разделял взгляды испанского поэта, но ему хотелось стать настоящим марксистом. Он верил, что только при таком условии он скорее выйдет на дорогу, ведущую к справедливому мироустройству.

Неруда видел великого Антонио Мачадо и в Валенсии, на заключительном заседании Международного конгресса писателей. Именно тогда испанский поэт произнес слова, ставшие хрестоматийными: «Писать для народа, говорил мой учитель, — могу ли я желать большего для себя!» Неруда воспел в 1936 году отважных милисиано, а дон Антонио сказал, что народ, взяв в руки оружие, ступил на шахматную доску истории «с глубоко осознанной целью». Хуан де Майрена{106} сошел на дно могилы, и в нее «упали тяжелые пыльные комья». Нет, ничего не мог сделать Неруда во спасение своего друга от смерти в изгнании, среди песков Франции. Но теперь надо во чтобы то ни стало спасать испанцев, чудом уцелевших от верной гибели!

Поэт обращается к Компартии Чили. Руководство партии вступает в переговоры с министром иностранных дел Абраамом Ортегой и президентом республики с предложением организовать операцию по спасению нескольких тысяч испанских

республиканцев, которые терпят страшный голод и всяческие унижения, но не теряют своего достоинства. Они брошены за колючую проволоку во Франции на берегу Средиземного моря, и над ними висит реальная угроза попасть в лапы гитлеровских нацистов. Надо спешить, пока не поздно.

Неруде официально поручают осуществление чрезвычайной миссии и посылают в Мадрид в качестве консула по делам испанских иммигрантов. Поэт обрадован, окрылен, но его не отпускает тревожное чувство. Ему предстоит идти в обгон времени, в обгон самой смерти. Он твердо знает: на счету каждый день, каждый час. Промедление грозит неминуемой смертью десяткам тысяч испанцев. Надо ехать как можно быстрее, иначе будет поставлен крест на всем, а главное — на новых могилах испанцев. И поэт уезжает в срочном порядке.

Неруда добивался этого назначения самым решительным образом… В честь поэта в те дни устроили банкет, где отмечалась его активная и успешная деятельность в предвыборной кампании. Банкет почтил присутствием президент республики; в свое время он принял большое участие в судьбе Габриэлы Мистраль и, расчистив ей путь в административной сельве, помог получить место директора Женского лицея. Нет, Неруда не просил президента ни о каких должностях. Однако его желание, высказанное на банкете, озадачило Педро Агирре Серду. Поэт хотел, чтобы его как можно скорее послали в Европу для переправки испанских республиканцев в Чили. Президент смотрел на Неруду с нескрываемым удивлением. Он его слишком мало знал. И возможно, подумал про себя, что тот, как и многие другие, просит назначения во Францию в корыстных целях, мол, почему бы не пожить в свое удовольствие в Париже… Но, с другой стороны, Пабло Неруда — президент Союза творческой интеллигенции Чили, заметная фигура и к тому же так деятельно участвовал в предвыборной кампании Народного фронта… Словом, Педро Агирре Серда согласился.

Лишь по приезде в Париж поэт по-настоящему понял, насколько серьезно обстоят дела. Он незамедлительно связался с республиканским правительством в изгнании и объяснил цель своего приезда. Чилийцы собираются оказать реальную помощь испанским беженцам, попавшим в концентрационные лагеря Франции. На него поглядывали с надеждой и не без скрытой иронии. Ведь речь шла не более и не менее как о пятистах тысячах испанцев. Среди них были высококвалифицированные специалисты, выдающиеся деятели культуры: художники, писатели, поэты. Но уже не было в этом списке поэта, который вместе с престарелой матерью пешком добрался до Франции, а

через два дня умер.

Ей было девяносто лет, а поэту Антонио Мачадо — шестьдесят пять. Спустя часа два после его смерти скончалась и она. Неруда вспоминает о том, как ушли из жизни друг за другом его отец и донья Тринидад Кандиа Марверде. Но на сей раз мать и сын окончили свои дни в изгнании, сломленные печалью и всеми злоключениями, на которые их обрек Великий исход. Их души и плоть не смогли смириться с мыслью о концентрационном лагере, который означал для них страшную ловушку, вернее, уготованную могилу.

Итак, Неруда в Париже. «Чилийское правительство Народного фронта решило направить меня во Францию с самой благородной миссией, какую мне выпало исполнить в жизни», — вспоминает поэт. Он живет с Мурашей в отеле «Quai de l'Horloge»[88].

Вскоре там же поселяется Рафаэль Альберти с женой Марией Тересой Леон.

Неруда горячо берется за порученное ему дело. Было решено переправить первым большим пароходом от трех до трех с половиной тысяч испанцев, томившихся в лагерях. Республиканское правительство в изгнании, возглавляемое доктором Хуаном Негрином, сумело договориться о пароходе. Это был «Виннипег»… Неруда работал с утра до поздней ночи и проявил такую хватку, такую деловитость, которая в пух и прах разбивала легенду о «витающих в облаках» поэтах. При составлении первого списка он брал в расчет профессии испанских беженцев. Среди первых пассажиров «Виннипега» были строители, агрономы, специалисты по рыболовству, по изготовлению бумаги. Словом, люди, в которых очень нуждалась его родина.

Сразу же возникло множество трудных проблем. Главная сложность была в том, что все хотели уехать первым рейсом. Это вполне понятно. Для многих пароход оказался единственной возможностью выжить, спастись от страшных испытаний, от самой смерти. Но в мире нет парохода, способного вместить сразу полмиллиона человек. Вместительный «Виннипег», этот огромный корабль Надежды, мог в конечном итоге принять лишь малую часть желающих… К тому времени положение в концлагерях стало совсем невыносимым. Люди ежедневно умирали от вспыхнувших там эпидемий. Трудно и вообразить, сколько писем получал Неруда, в которых была мольба найти хоть самый малый закуток на пароходе, пусть на палубе, пусть где угодно. В одном из писем была такая строка: «Великий поэт Неруда, я знаю, что ваша жена, как райская птичка, поет по утрам». Насмешки сыпались на Делию — молва сделала ее этакой

порхающей по свету певичкой… Но письмо чем-то тронуло Неруду, и он пристроил на пароход странного просителя, назвавшего Мурашу соловьем.

Альберти был рядом с Нерудой и помогал ему как мог. При всем своем безрассудстве, беспечности испанский поэт порой становился истинным воплощением благоразумия в сравнении с Нерудой. Его по-доброму смешили черты капризного, несносного ребенка, которые иногда появлялись у Неруды. Взбредет что-нибудь в голову — не вышибешь! К тому же Пабло удивительно легко подчинял людей своим желаниям. Упаси господь попасть в круг его притягательности! Чего стоила странная прихоть Пабло разыскивать в Париже, столице самых отменных вин, чилийское молодое вино! Альберти воспринимал это как чистое ребячество. Какое-то наивное проявление патриотизма… А то возьмет и заведет спор, чей государственный гимн или флаг лучше — «ваш или наш». Однако работал Неруда как вол, и практически один осуществлял всю организационную работу по отправке испанских беженцев в Чили… Но натура есть натура. Временами поэт вытворял странные вещи. «Редкостные», как говорил Альберти. Однажды они шли по знаменитой парижской Rue du Chat qui pèche[89] —она появляется в нескольких известных романах прошлых столетий — и вдруг заметили над дверью обувной мастерской огромный железный ключ, вделанный в стену.

— Дорогой confrère, ты посмотри, какой потрясающий ключ! Я увезу его в Чили. У меня прекрасная коллекция ключей.

— Что за бред. Этот ключ намертво вделан в стену!

Но Пабло, не слушая его, нырнул в мастерскую.

— Monsieur, vouz avez une clef cosi?[90] —спросил он, раздвигая ладони.

Сапожник не сразу сообразил, о каком ключе идет речь.

— Comment, monsieur, une clef?[91]

— Как какой? Давайте выйдем на улицу. Я бы купил у вас этот ключ.

— Купил? Да что с вами?

Неруда не отступился. Он приходил во второй раз, в третий… Наконец пришел вместе с каменщиком, который прихватил с собой лесенку. Этот каменщик просверлил стену и вытащил огромный ключ. Довольный донельзя, Неруда вручил две тысячи франков хозяину мастерской. А тот, видимо, подумал: «Ну и чудак-человек! Впрочем, мало ли что бывает на свете…»

81. Эпопея «Виннипега» продолжается

Посол Чили во Франции — Габриэль Гонсалес Видела — не

прикладывал особых усилий для организации спасения испанских беженцев, хотя числился президентом Чилийского комитета солидарности с Испанией. Слишком большая популярность Пабло Неруды вызывала в нем чувство завистливой досады. Рядом с Нерудой он явно оставался в тени. Раздраженный посол стал умышленно отправлять в Чили такую информацию, которая не могла не осложнить положение консула по делам испанских иммигрантов.

К этому приложил руку и один странный субъект, занимавший должность первого советника. О нем Пабло Неруда рассказывал мне несколько раз. Действительно, этот человек мог быть типажом из фильмов Хичкока{107}. Эльза Триоле сделала его персонажем своего романа. Звали этого молодчика Арельяно Марин. В начале 30-х годов он считался одним из самых блестящих студентов Католического университета в Сантьяго. Столичные театры ставили его пьесы… По вечерам этот подающий надежды студент подолгу играл в карты с самим ректором университета — монсеньором Карлосом Касануэвой. Всем своим видом Арельяно Марин походил на змею в пенсне: удлиненное лицо, маслянистые бегающие глаза, взгляд, уходящий в сторону, длинные руки, вечно потные ладони… Стараниями высоких покровителей он попал в Чилийское консульство в Нью-Йорке. Тогдашний консул Альфредо Грее, крупный коммерсант, занимавшийся экспортом, был личным другом президента Алессандри.

Я познакомился с Арельяно Марином в середине 1938 года, когда приехал в Нью-Йорк в составе чилийской делегации на Конгресс молодежи в защиту мира, который состоялся в Вассаровском колледже в Поукипси. У нас в Чили близились президентские выборы. Арельяно Марин почуял — нюх, как у ищейки! — что победу может одержать Народный фронт, и потому при первой встрече со мной стал вдруг изливаться в своих симпатиях к левым. Ему наверняка казалось, что он полностью покорил меня ловко разыгранным спектаклем. Что ж, Арельяно — актер и автор пьес, ему и карты в руки. Он не жалел ни пышных слов, ни слез, когда говорил о своей готовности бросить все и вся и целиком посвятить себя делу Революции. Чуть позже, когда мы вместе проезжали по Бруклинскому мосту, он вдруг поведал мне о своем бурном романе с одной женщиной уже не первой молодости. Но я-то знал, что эта женщина весьма блюдет свою честь…

В ночь победы Народного фронта шустрый Марин улетел из Нью-Йорка первым самолетом. На другой день он был уже в Сантьяго и прямиком направился к нам, чтобы объявить о

твердом решении стать настоящим революционером, служить революции и высшим целям коммунизма. Арельяно Марин стал ходить в альпаргатах[92], без галстука. Кричал на всех перекрестках, что, мол, создаст Народный театр, который будет выступать на улицах и стадионах, организует певческие союзы и вовлечет в них тысячи чилийских рабочих. Этот неофит просто неистовствовал. Его по-прежнему ускользающие глаза горели блеском дамасской стали. Для своих новых товарищей он навез целую гору подарков.

И вот через две недели Арельяно Марин был принят, как достойнейший из достойных, на службу в Министерство иностранных дел и назначен советником того человека, которого президент решил сделать министром иностранных дел. Меня этот новоиспеченный советник принял в зале, который я мысленно называл «зал карты мира»: там во всю стену висело затейливое изображение нашей матери-земли и разноцветные флажки указывали на ней расположение чилийских посольств и консульств. Все, что произошло между мной и Марином, заставило меня вспомнить рассказы Неруды о том, как за двенадцать лет до этих событий он отправился в далекое странствие на Восток. Теперь дипломатические посты самоуправно распределял Арельяно Марин. Но пользовался не глобусом, как это было при Неруде, а роскошной картой… Одарив меня самой доброжелательной улыбкой, он сказал:

— Выбирай любое консульство!

— То есть как? — спросил я в замешательстве.

— Очень просто — любое консульство. Для посольства ты еще не созрел, слишком молод.

— Я, представь, хочу работать в Чили. К тому же я не распоряжаюсь собой и работаю там, где мне велит партия. От тебя я ничего не хочу, да и вообще не собираюсь уезжать из страны.

Потом мне стало известно, что этот выскочка распускал свой павлиный хвост не только передо мной.

Надо же! Клялся, что забудет и думать о дипломатической карьере, что отдаст все силы развитию массового революционного искусства, а успел попасть в Чилийское посольство во Франции раньше Пабло Неруды! Когда поэт приехал в Париж, ловкий Марин был уже первым советником. Он принял Неруду с распростертыми объятиями, заливался соловьем. Пабло ввел его в литературный круг левых писателей. Арельяно быстро сдружился с Луи Арагоном и Эльзой Триоле. Быстро завоевал доверие республиканского правительства в изгнании, и оно поручило ему довольно ответственные дела.

1 сентября 1939 года, когда началась война, Неруда укрыл в Чилийском посольстве Арагона с Эльзой Триоле. Автора «Богатых кварталов» в дни «странной войны» повсюду разыскивала полиция.

Республиканское правительство — а оно оказалось в сложнейшем положении — отдало в «надежные» руки Мануэля Арельяно Марина значительную часть вывезенного из Испании денежного фонда. Испанцы верили, что он будет хранить деньги, как святыню. Но вскоре «надежный друг» исчез, прикарманив всю сумму. Отправился проводить «медовый месяц» со своим дружком-турком и прокутил все дочиста, даже не задумываясь, что от вверенных ему денег зависела судьба многих испанских патриотов.

Много лет спустя, по окончании второй мировой войны, двое испанских республиканцев обнаружили этого типа в одной из нью-йорских гостиниц. И призвали его к ответу. Арельяно Марин чуть не умер со страху. Плакал, на коленях молил прощенья. Испанцы ушли, махнув на него рукой. Им так и не удалось добиться правды.

В те времена, когда Неруда был консулом по делам испанских иммигрантов, он не раз корил Арельяно за непомерную расточительность и при этом недоумевал, откуда у этого человека столько денег… Это было перед самым приходом немецких фашистов в Париж. За паспорт платили целые состояния, лишь бы спастись от нацистов. Отдавали золото, драгоценности за возможность бежать в Америку. Первому советнику посольства, само собой, были не по нутру замечания Неруды о том, что он роскошествует, позволяет себе безумные траты, которые не могли не вызвать подозрения. С присущим ему коварством Марин сделал все, чтобы опорочить Неруду в глазах чилийского правительства…

После нескольких неприглядных приключений в Голливуде, где Арельяно был связан с журналом «Синеландия», — к тому времени он уже сник, успел на многом споткнуться и жизнь его, как говорится в одном танго, «летела под откос» — ему пришло в голову опубликовать в «Диарио илюстрадо» открытое письмо, искусно состряпанное, чтобы предстать перед читателями этаким «чистым ангелом», попавшимся в ловушку коммунистов, который хочет очиститься от грехов, совершенных непреднамеренно, по наивности, и в глубоком раскаянии вернуться к святой матери-земле.

Спустя много лет я вдруг увидел его в вагоне поезда по дороге из Сантьяго в Пуэрто-Монт. Еще более беспокойные глаза все время ускользали в сторону. Вид опустившегося пикаро[93].

Оказывается, этот штукарь сумел провернуть какие-то темные дела в Южном университете Вальдивии, где был… ученым секретарем. Арельяно Марин в конце концов превратился в самого откровенного вымогателя, более того — настоящего жулика. Он по-прежнему занимался грязными аферами с чеками и векселями. И опускался все ниже и ниже. Не вылезал из тюрем. Но как-то всегда ему в нужный момент встречался какой-нибудь сердобольный человек и, поддавшись слезливым историям, россказням — а он на это был большой мастер, — протягивал руку помощи.

Эльза Триоле рассказала в своем романе лишь частично всю историю его невероятного взлета и падения. Жаль, потому что жизнь этого субъекта, столь насыщенная событиями, представляет собой совершенную параболу и ждет своего романиста, который описал бы ее от начала и до конца…

Работа по составлению списков испанских беженцев подходила к концу. Испанцы с нетерпением ждали, когда их примут на борту «Виннипега». Консулу-поэту помогал во всех делах молоденький испанец Дарио Кармона, небольшого роста, светловолосый, с худым лицом. Вот уж кто не отдыхал ни минуты, все время в движении. По сути, он стал секретарем Неруды на добровольных началах. Потом Дарио Кармона и сам уехал в Чили, и там со временем сделался прекрасным журналистом. Его неотразимые зеленые глаза и поразительный дар слова побеждали сердца многих женщин. После прихода к власти пиночетовской клики, Дарио Кармона в глубокой печали покинул Чили и вернулся в Испанию. Однако он не сумел прижиться, найти себя на земле, где был рожден, и вернулся в свою испано-индейскую Америку… А потом умер в одной из американских экваториальных стран, так и не расставшись с несбыточными мечтами вечного скитальца…

Неруде, отдавшему столько сил этому делу, так и не пришлось увидеть пароход, увозивший пассажиров к далекому материку. Тайные донесения посла и первого секретаря сослужили плохую службу Неруде, и во дворце Ла Монеда его акции резко упали. В один из дней Пабло Неруда получает телеграфное сообщение странного содержания: «Печать информирует о вашей деятельности по отправке испанских иммигрантов. Прошу опровергнуть полученную информацию или отменить эту акцию». Когда Пабло ознакомился со столь неожиданным ультиматумом, ему пришли в голову сразу два возможных решения. Первое — созвать представителей печати и показать им пароход, где каким-то чудом разместились две тысячи испанцев, прочитать торжественным голосом телеграмму

и тут же пустить себе пулю в лоб. Второй вариант — «плыть вместе с эмигрантами и высадиться в Чили „силой разума или поэзии“».

Компартия Чили обратилась к чилийскому правительству, заявив, что речь идет о жизни или смерти людей. Мы предложили для быстроты дела воспользоваться телефоном, хотя по тем временам разговор через океан на таком большом расстоянии был мероприятием чрезвычайно сложным и в данной ситуации — рискованным. Но Неруда, взяв телефонную трубку, заговорил так твердо, что его сразу поняли в Чили. Министр иностранных дел Ортега, поддерживая Неруду, подал в отставку… Назревал правительственный кризис. Ведь именно президент дал разрешение на отплытие парохода «Виннипег» с испанскими иммигрантами на борту!

Французские власти отметили «высокий организационный уровень» работы, которую осуществлял Неруда. Было выверено и продумано все, до мельчайших подробностей. Пассажиры «Виннипега» были из разных областей Испании. Этим потерявшим родину людям казалось, что вот-вот все рухнет и настанет светопреставление. Оставались считанные дни до начала второй мировой войны…

В конце концов, Пабло Неруда получил благодарственную телеграмму от президента Агирре Серды. «Виннипег» (в переводе со шведского «крылатый») — это слово как-то сразу пришлось по душе поэту — поднял наконец якорь и взял курс на Вальпараисо. В долгом плавании печаль сменялась весельем… В те дни Неруда сказал, что рейс «Виннипега» — лучшее из всех написанных им стихотворений. «Пусть критики, если им угодно, зачеркнут всю мою поэзию, но это стихотворение им зачеркнуть не удастся».

82. Размышления об Испании

Мы приехали в порт Вальпараисо — встречать «Виннипег». На пристани собрались толпы народу. Пассажиры — каким чудом все они уместились?! — услышали с берега родные испанские песни: «Пятый полк», «Куда ты идешь, смуглянка?», «Тамборилеро» и другие. Эти песни, ставшие родными для чилийцев, прозвучали как своеобразное «Добро пожаловать», обращенное к людям, совершившим долгое томительное путешествие по нескольким морям, через Панамский канал, затем по Тихому океану, где их подстерегала грозная опасность. Нет, речь вовсе не об акулах. Испанских беженцев стерегли немецкие подводные лодки… Но испанцы прибыли наконец в Чили, в страну, растянувшуюся на краю географической карты мира, и увидели порт, который

казался с палубы огромной многоярусной подковой. Они сразу ощутили чувство родства с людьми, встретившими их песнями, которые они пели в бою.

В Сантьяго, на вокзале Мапочо, забитом до отказа людьми, испанцев ждал такой же сердечный прием. Чилийцы понимали, что к ним приехали люди, прошедшие через страшные испытания и потери, и старались делать все возможное, чтобы беженцы сразу увидели, что смогут начать новую жизнь на чилийской земле. Сложным оказалось размещение испанцев в Сантьяго, где тогда было очень мало гостиниц. На время многие нашли гостеприимный приют в частных домах.

Закончив все свои дела, вернулся в Чили и Пабло Неруда. Он тоже плыл через Панамский канал. По приезде поэт встретился с некоторыми испанцами, прибывшими в Чили на «Виннипеге». Да… Неруда всерьез относился к словам нашего гимна, где поется, что Чили — «кров всех притесненных».

Он мечтал, чтобы его испанские друзья, и в первую очередь поэты, переехали на Юг Чили, в его родной край. Разве что Висенте Алейсандре не мог приехать туда: он заболел, остался в Мадриде и почти не выходил из своего дома на улице Веллингтониа, в квартале, где полно зелени и цветов, между Куатро Каминос и молодым университетским городком. Неруда мечтал, чтобы Рафаэль Альберти поселился в Чили, но тот выбрал Аргентину, где больше издательств, где кипит литературная жизнь.

Свыше девятнадцати лет прожил Рафаэль Альберти в Аргентине — без паспорта, без права передвижения. А всего в изгнании испанский поэт провел сорок лет: двадцать четыре года — в Аргентине и шестнадцать лет — в Италии.

Неруда не терял надежды удержать в Чили поэтов. Он говорил Артуро Серрано Плахе и Висенте Саласу Виу: «Единственные друзья по Испании, по тамошней моей литературной жизни — это вы. Мне так хочется собрать здесь всех! И я не отступлюсь. Сделаю все, чтобы мои друзья из Мексики, из Буэнос-Айреса, из Санто-Доминго, из Испании переехали к нам сюда».

Неруде очень хотелось собрать их всех на чилийской земле… О, если б можно было воскресить мертвых! Только представить: Гарсиа Лорка в Сантьяго!.. А как Пабло горевал по Мигелю Эрнандесу! Ведь казалось, что с его переездом в Чили все устроилось. Мигель Эрнандес был освобожден из тюремного заключения по личному ходатайству кардинала Баудрильярта перед самим Франко. Князь церкви был уже почти слепым. Стихи в честь Святого причастия, которые Эрнандес написал еще

юношей, кардиналу читали вслух. Растроганный до глубины души этими стихами, кардинал решился просить за поэта. Мигель Эрнандес жил в Чилийском посольстве в Мадриде и оттуда написал Неруде: «Я собираюсь в Чили. Сейчас еду в Ориуэлу за женой…» Эта поездка оказалась роковой. Поэта снова схватили, снова бросили в тюрьму, и живым он оттуда не вышел.

В статье, написанной для журнала «Ке убо?» (Сантьяго) и опубликованной 20 апреля 1940 года, Неруда рассказывает о том, что для него значила встреча с Испанией.

Совсем недавно завершилась одиссея парохода «Виннипег». Вслед за ним вернулся в Чили и наш поэт. Он понимал, что Испания расширила кругозор его мышления, и верил, что помог испанцам лучше разобраться в сущности того, что названо им «самым сокровенным, самым потаенным, вне времени — и до и после войны…».

> «Вы помогли мне намного больше, вы одарили меня, приехавшего из страны, где столько грубой зависти, злопыхательства, веселой, заботливой дружбой. Поначалу я поразился высоким достоинством вашего интеллектуального общения. С того момента, когда вы приняли меня как своего, как близкого вам по духу, я настолько поверил в самого себя, в свою поэзию, что не колеблясь встал в ряды борющегося народа. Ваша дружба, ваше благородство оказали мне куда более действенную помощь, чем все ученые трактаты.
>
> Думаю, что сегодня этот простой путь, что мне открылся, остается единственно верным для всей творческой интеллигенции».

Когда Неруда 2 января 1940 года сошел с парохода на чилийскую землю, я встретился с ним и взял у него интервью для журнала «Ке убо?». Он передал мне для публикации стихотворение «Гимн и возвращение». Это была последняя страница, посвященная эпопее «Виннипега». Перевернув ее, поэт целиком отдался всему, чем жила и дышала его родина. Неруде выпало судьбой искать по всему свету заблудших детей, «поднимать павших». Но теперь настало время вглядеться в то незнаемое, в то загадочное, чем стала для него родина — «капелька света, сияющая на темном американском небе». Сможет ли родина сохранить свет, который он назвал «трудным»?

У поэта был прозорливый глаз, живое биение мысли и настоящая мудрость. Он знал, что в его краях защищать свет — труднейшая задача.

В 1940 году в Буэнос-Айресе выходит книга, которая по праву

считается первым основательным и глубоким исследованием творчества Неруды. Она называется «Поэзия и стилистика Пабло Неруды». Ее автор — испанец Амадо Алонсо. Прошло более сорока лет со дня ее появления… В рассуждениях автора есть немало спорного. Но тем не менее его книга положила начало серьезному изучению творчества Неруды. Нерудоведение имеет авторитетных представителей почти во всех странах Америки, Европы и Азии. Нерудоведы, или нерудисты, регулярно проводят семинары и «круглые столы». Неруде и его творчеству посвящаются международные симпозиумы и многочисленные публикации.

Амадо Алонсо сделал предметом своего исследования поэзию раннего Неруды, включая период «Местожительств». По его мысли, Пабло Неруде той поры присуще нарастающее самоуглубление, тоска и раздвоенность «Апокалипсиса без бога». До «Местожительств» Неруда как бы упивается красотой печали, смакует грусть, но «боль неизбывную» он познает до конца лишь в «Местожительстве». Подзаголовок книги Амадо Алонсо говорит сам за себя: «Попытка толкования герметической, закрытой поэзии». Но ведь испанский литературовед публикует свою книгу, когда в поэте уже произошли глубокие перемены. Неруда уже вырывался из заточения к свету, к ясности. В его жизни идет серьезная ломка, он создает иную поэзию.

И толчком, причиной всему — Гражданская война в Испании.

83. Раскаяние

Друзья Неруды смыкают ряды. Почти каждый вечер они собираются у поэта в «Лос Гиндосе». Пьют, едят в свое удовольствие за столом хозяина, который потчует их тем, что есть в доме. В определенный час Неруда отправляется спать, но это вовсе не означает, что гостям пора уходить. Они заняты беседой, и каждый покинет дом, когда ему вздумается. Пабло спит хорошо, его не мучает бессонница. Засыпает почти всегда лежа на спине. Быть может, он и похрапывает во сне, ему это неведомо, да и не суть важно. Сквозь сон Неруда чувствует, как его верная чилийская Кутака лижет руки. Собака всегда это делает в знак великой преданности хозяину.

Но на сей раз Неруда внезапно просыпается оттого, что его руки стали совершенно мокрыми. Да нет, это не Кутака! Над ним склонилась чья-то гривастая голова. Может, лев? Но «лев» плачет, вернее, рыдает и что-то бормочет сквозь слезы вполне человечьим голосом. Что такое? О! У него просят прощенья!

«Пабло, Паблито! Я самый настоящий трус и предатель!

Прости меня, умоляю. Я — предатель, и все!» — повторяет плачущий великан, и плечи его вздрагивают от рыданий.

Неруда стряхивает остатки сна. В темноте он узнает, кто этот великан с львиной шевелюрой. Правда, ему не стоило труда узнать его и по прерывающемуся от волнения голосу.

> «Я не могу скрыть от тебя, Пабло. Я был у де Роки. Мы выпили. Он стал говорить о тебе бог знает что, а я его не осадил. Промолчал, как последний подонок. Ну а теперь не знаю, куда деться от стыда. И каюсь».

Слушая слова раскаяния, Пабло еще раз подумал, что его друг поистине литературный персонаж Достоевского, но в креольском варианте. Он тут же отпустил грехи другу, весьма склонному к пафосу. Да и к тому же Неруде хотелось выспаться.

84. Волшебная и яростная страна

Неруда любил уезжать и любил возвращаться. Он уезжал не просто, чтобы уехать, а всегда ставя перед собой определенную цель. И вот теперь его зоркий взгляд устремлен к стране, которая давно пленила его воображение. Это самая многолюдная, самая яркая, красочная испаноязычная страна, где так явственно ощущается мощная индейская подпочва. Неруда и Габриэла Мистраль всем своим существом испытали эту магнетическую притягательность Мексики, страны «в цветах и терниях».

Правительство Народного фронта назначает Неруду генеральным консулом в Мексике. Поэт плывет японским пароходом «Ракуё мару́» вместе со своим другом и старым товарищем по работе Луисом Энрике Делано, которого назначили консулом в город Мехико. Они сошли на берег в порту Мансанильо в августе 1940 года. Провели день в Гвадалахаре и поездом приехали в столицу. Из номера гостиницы «Монтехо» на Пасео-де-ла-Реформа Неруда немедля звонит своим испанским друзьям и зовет их к себе. В Мексике живут поэты: Хосе Эррера Петере, Хуан Рехано, Педро Гарфиас, Лоренсо Варела, кинорежиссер Эдуардо Угарте, художник Мигель Прието.

Довольно быстро Пабло снимает приглянувшуюся ему квартиру на улице Ревильяхихедо. В гостях у него бывают немецкие писатели-антифашисты: Людвиг Ренн, Боде Узе, Анна Зегерс со своим мужем Йоханом Лоренцем Шмидтом (Ласло Радвани). Анна Зегерс и Иохан стали большими друзьями Неруды. На их долю выпали суровые испытания. Им пришлось бежать во Францию, но там был установлен профашистский

режим Виши. Потом они решили плыть на Мартинику французским пароходом «Поль Лемерль». Французский пароход поднял якорь в алжирском порту Оран, миновал Касабланку, прошел через Гибралтарский пролив и взял курс на Санто-Доминго, где правил жестокий диктатор Трухильо. Анне Зегерс и ее мужу довелось немало настрадаться с визами. В Мексику летели их тревожные телеграммы. Супруги не могли дождаться часа, когда они попадут в Веракрус…

В разговорах по-прежнему вспоминается эпопея «Виннипега» — корабля Надежды. «Виннипег» еще несколько раз пересекал океан с антифашистами на борту. Плыл, как корабль-призрак, стараясь не попадаться на глаза подводным лодкам третьего рейха.

Неруда с волнением слушал рассказы о новых подвигах теперь уже легендарного корабля, который перевез в Америку столько политических эмигрантов. «Виннипег» останавливался в Порт-оф-Спейне, столице Гаити, и плыл мимо Барбадоса. В одном из рейсов его пассажиры узнали о нападении Гитлера на Советский Союз. Бесноватый фюрер надеялся одержать победу за несколько недель, и немецкое радио непрерывно вещало о его горячечных планах.

«Серпа Пинту» стал в некотором смысле родственником «Виннипега». Именно этот португальский корабль перевез в Америку, точнее, в Мексику, последнюю партию антифашистов. Плавание длилось двадцать девять дней. «Серпа Пинту», отчалив от Касабланки, поплыл к мексиканскому порту Веракрус мимо Азорских островов, Бермудов, Кубы. Возле Санто-Доминго пассажиры «Серпа Пинту» услышали, что разразилась война между Японией и США.

У Неруды есть немало страниц, рассказывающих о том, как глубоко пленила его Мексика. Эта страна не знает пределов, она — неизбывна. Это страна ярких красок, что не тускнеют даже ночью. Неруда прошел ее вдоль и поперек. Проник в ее доколумбово нутро. Поднимался на пирамиды. Покупал яркие амате[94]{108}. Рассматривал дома колониальной архитектуры. Смотрел и не мог насмотреться на вулканы, горы, пустыни, на птиц и невиданно огромных бабочек.

Его навсегда заворожили Юкатан, Найарит, Нижняя Калифорния. Во всех странах Неруда первым делом направлялся на рынок. Красочные мексиканские рынки поражали его воображение. «Мексиканские рынки — это сама Мексика», — писал поэт. В этой стране Неруда стал настоящим малакологом — собрал коллекцию в 15 тысяч ракушек.

Вскоре Неруда переезжает в более просторный дом — на

виллу «Роса Мария». Рядом был бассейн весьма причудливой формы, возле которого тренировался чилийский боксер Рауль Карабантес; он готовился к схватке (она не принесла ему успеха) с Кидом Ацтекой. Боксерская груша трещала, как матрака, под градом ударов этого тяжеловеса. По соседству с бассейном жил когда-то мексиканский поэт Рамон Лопес Веларде. Когда боксер удалялся, приходили испанские поэты, сугубо мирные люди. Леон Фелипе, Венсеслао Росес — он перевел Маркса на испанский язык, — эссеист Санчес Васкес, поэт и художник Морено Вилья; друг Неруды и долголетний редактор журнала «Крус и Райя» Хосе Бергамин, писательница Констансиа де ла Мора, генерал авиации Игнасио Идальго де Сиснерос, мексиканцы Карлос Пельисер, Октавио Пас; гватемалец Луис Кардоса-и-Арагон. И чаще других — немецкая романистка Анна Зегерс. За столом Неруды всегда было много гостей. Да и сам поэт навещал Альфонсо Рейеса, Энрике Гонсалеса Мартинеса, генерала Эриберто Хару и писателя Хосе Мансисидора.

В январе 1939 года, вскоре после победы Народного фронта, в Чильяне произошло страшное землетрясение. И вот тогда мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос — его только что освободили из заключения — обратился к мексиканскому правительству с просьбой о выдаче выездной визы в Чили. В знак солидарности и сочувствия к чилийскому народу мексиканцы решили построить в Чильяне школу, стены которой распишут Сикейрос и другой мексиканский художник — Хавьер Герреро.

Луис Энрике Делано, очевидец этих событий, рассказывает обо всем в очерке «Пабло Неруда в Мексике». Наш поэт лично без всякого запроса, адресованного мексиканским властям, выдал Сикейросу визу. Министерство иностранных дел Чили не замедлило обвинить Неруду, генерального консула, в нарушении «служебной дисциплины» и отстранило его на месяц от консульской работы с лишением жалованья. Однако благодаря «проступку» Неруды в Чильяне была выстроена школа, и на ее стенах появилась знаменитая роспись, названная «Смерть захватчику».

Спустя месяцы — это было ранним утром — мы с вокзала «Аламеда» отправились в специальном вагоне, прицепленном к президентскому поезду, в Чильян на торжественную церемонию открытия школы со стенной росписью Сикейроса. К тому времени Педро Агирре Серда уже умер и на посту президента был Хуан Антонио Риос, высокий человек с ястребиным носом. Необыкновенное творение Давида Альфаро Сикейроса вызвало всеобщий восторг. Кто-то к месту заметил, что Неруда — молодец, знал, что делал, когда, нарушая служебный протокол,

поставил штамп в паспорте знаменитого мексиканского художника.

В Мексике поэт решил издавать журнал «Арауканиа». Первый номер журнала вызвал большой переполох. С его обложки смотрело лицо индейской женщины! Ужасное преступление! Министерство иностранных дел снова бьет по рукам Неруду. Не хватало еще, чтобы мексиканцы думали, что Чили — страна индейцев! Словом, журнал, едва родившись, умер. Правители со своими расистскими амбициями разрешили выпустить лишь один номер «Араукании».

Неруда оказался в Мексике в годы президентства Ласаро Карденаса, в годы вторжения немецких нацистов в Советский Союз. Неруда сразу же вступил в Комитет помощи воюющей России, который возглавлял Антонио Кастро Леаль. По сути, Советский Союз один на один бился с гитлеровскими фашистами. Об открытии второго фронта лишь ходили упорные слухи.

Неруда написал об этом в стихотворении, породившем горячие споры. Он создал «Песнь любви Сталинграду». «Вы покинули их? / Что же — придут и за вами! / …Ждете, пока на Востоке станет побольше мертвых? / Пока они не закроют полностью ваше небо?»[95]

Стихотворение, прочитанное поэтом в Театре синдиката электротехников, было расклеено позднее на улицах Мехико. Газета «Новедадес» с негодованием писала об «этом недозволенном акте». Улица не место для поэзии. И тем более для политической поэзии. Призыв Неруды не получил должного отклика, но поэт не сдается и пишет «Новую песнь любви Сталинграду». Это яростная отповедь всем, кого разъярила его «Первая песнь». Пабло Неруда прочел «Новую песнь любви Сталинграду» на обеде, устроенном мексиканской прогрессивной интеллигенцией в честь героического Советского Союза. Анна Зегерс произнесла на этом обеде проникновенную страстную речь… По ее роману «Седьмой крест» Голливуд поставил фильм, который обошел весь мир. Эта картина — рассказ о героической, самоотверженной борьбе немецких антифашистов против Гитлера. Участники обеда торжественно отметили публикацию романа «Седьмой крест» в испанском переводе Венсеслао Росаса.

«Новая песнь любви Сталинграду» быстро обрела большую популярность. Стихотворение — великолепное сочетание рифмованных четверостиший с поэзией, пронизанной эпическим духом. В «Новой песни» Неруда говорит о глубоких переменах в своем творчестве:

Я говорил о времени и небе,

о яблоке, о грусти листопада,
о трауре утрат, дожде и хлебе,
но эта песнь — о стали Сталинграда[96].

За оба этих стихотворения, расклеенных на стенах домов мексиканской столицы, поэт заплатит дорогой ценой… Однажды тихим воскресным вечером Неруда и Делия приехали в Куэрнаваку, в парк Аматлан вместе с Луисом Энрике Делано, его женой Лолой Фалькон и сыном Поли (он станет прекрасным писателем). У них завязался взволнованный разговор о том, что каждый день, каждый час наполняло их умы и души, — о войне, чей далекий грохот как бы слышался за спиной. Друзья громко и открыто говорили о ненависти к фашизму. В какой-то миг они подняли бокалы за Рузвельта и за мексиканского президента Авило Камачо. Но вдруг откуда ни возьмись на них обрушились немецкие нацисты. Оказывается, они пили пиво за соседней перегородкой бара. Разъяренные фашистские молодчики даже не посмотрели, что за столом женщины и ребенок… Завязалась нешуточная драка. В ход пошли кулаки, стулья, бутылки. Рукояткой револьвера Неруде пробили голову, и по лицу потекла струйка крови… Струсившие бандиты тут же удрали на машине. Заместитель прокурора города Роберто Гусман Араухо возбудил судебное дело, но полиция так и не напала на след налетчиков…

Неруду доставили в больницу Куэрнаваки. Рана оказалась серьезной: целых десять сантиметров на передней поверхности черепа. Когда раненого Неруду привезли в Мехико, врачи предписали ему полный покой — боялись сотрясения мозга.

Поэт решил ответить на выпады своих врагов: он написал предисловие к сборнику статей Ильи Эренбурга «Смерть захватчику!».

85. Литературная смесь. Мексика

Неруде довелось напутствовать двух мексиканских студентов, возвращавшихся в 1941 году на родину после окончания Летних курсов при Чилийском университете. Эти два молодых друга — одного звали Луис Эчеверриа, а другого — Хосе Лопес Портильо — со временем были избраны президентами Мексики. Поэт произнес памятное им напутствие в театре «Боливар» при Национальной подготовительной школе на вечере, организованном Революционной Ассоциацией студентов. В этой речи — она опубликована в журнале «Тьерра нуэва» — нет ни красивых тирад, ни плетения пышных словес.

«Недавно сотворенные мифы, — сказал Неруда, — толкают ораторов на бесплодную лесть. Мы полагаем, что весьма заманчиво и лестно говорить в первую очередь о нашем сходстве, нашем родстве. Что касается меня, то готов вас заверить: нет более несхожих между собой братских стран, чем Мексика и Чили… От синего Акапулько до полярного порта Пунта-Аренас пролегли земли, которые разнятся и климатом, и географией, и людьми, живущими на их просторах. Общность, родство чилийцев и мексиканцев кроется в общих основополагающих проблемах их бытия. Это — голод, нехватка жизненных соков, которые питают наши общие корни, это — вечные поиски хлеба насущного и Правды, это наши страдания, наши муки. Но земля, борьба за реальные идеалы, наши истоки сближают нас со всеми рабами, жаждущими хлеба, со всеми бедняками мира…»

Консульская контора Пабло Неруды и его собственный дом — как первый, так и другие, на улицах Эльбы и Варшавской, — похожи на пчелиный рой. Не закрываются двери. Приходят и уходят знакомые, друзья — мексиканские писатели, художники, артисты. Частые гости — эмигранты-антифашисты. Все пространство заполняет взволнованный густой голос Витторио Видали, легендарного команданте Карлоса. Командир Пятого полка и рядом с ним его жена — фотограф Тина Модотти. В свое время она была подругой кубинского революционера Хулио Антонио Мельи. Однажды она шла с ним по улице — это было тоже в Мехико, — и вдруг он упал, изрешеченный пулями наемных убийц, подосланных кубинским диктатором Херардо Мачадо. Вскоре смерть пришла и за Тиной. Неруда написал в ее память стихотворение «Умерла Тина Модотти».

В поварнях древней родины твоей
и на дорогах пыльных что-то происходит,
поет, бормочет, пробуждается
и возвращается к огню народа твоего,
что золотом отсвечивает жарким.

На тертулиях у Пабло бывал и Марио Монтаньяна — яркая фигура среди итальянских антифашистов, деверь Пальмиро Тольятти. Вся художественная интеллигенция Мексики чувствовала себя у Неруды как дома. Приходил, тогда еще совсем молодой, писатель Фернандо Бенитес, обворожительная Мария Асунсоло, актриса Росарио Ревуэльтас и ее брат композитор

Сильвестре Ревуэльтас. Он был молчаливым человеком, но его музыка — красноречивее всяких слов.

По приезде в Мексику Неруда устроил прием для мексиканцев, которые находились в Испании в дни сражений. Среди приглашенных генерального консула Чили — Элена Гарро, Хуан де ла Кабада, Октавио Пас и Сильвестре Ревуэльтас… Через три дня после праздничного приема публика, собравшаяся на концерте во Дворце Института изящных искусств, стоя аплодирует Ревуэльтасу, только что исполнившему новое произведение. Но Ревуэльтас не выходит на сцену, несмотря на горячие аплодисменты… Он внезапно скончался. На другой день в том же Дворце был выставлен гроб с его телом для ночного бдения.

На кладбище у разверстой могилы Неруда прочитал «Малую ораторию на смерть мексиканца Сильвестре Ревуэльтаса»: «Твое имя — сама музыка, / и едва мы коснемся твоей земли, / оно зазвучит, словно колокол…»

Двери нерудовского дома всегда были открыты для его испанских друзей, нашедших приют в Мексике.

Нам еще предстоит осмыслить, в чем был секрет особой притягательности Пабло Неруды. Порой вокруг него образовывалось нечто вроде «двора», «свиты». Бесчисленное множество поклонников видело в нем короля поэзии и воздавало ему самые высокие почести. Но Неруда в глубине души был плебеем, а лучше сказать — человеком из народа. И это сразу, опередив многих, поняла его тогдашняя жена Делия дель Карриль, женщина очень тонкой душевной организации. Неруда был демократичен, прост, что проявлялось и в его поведении, в его привычках. Он видел в людях друзей, а не «придворных».

Жизнь в Мексике казалась Неруде — любознательному и неугомонному ребенку — чем-то вроде нескончаемого воскресного дня. Особенно он любил бывать на огромной барахолке «Лагунилья» и проводил там часы, отыскивая подержанные вещи, старинные почтовые открытки, музыкальные шкатулки, бокалы причудливой формы, пронзительно яркие бутылки, бабочек, ракушки. И конечно — картины народных мексиканских художников. Пабло написал однажды письмо Хуану де ла Кабаде с просьбой: пусть местные рыбаки выловят для него раковины со дна моря, где поглубже. Хуан де ла Кабада так и не ответил на это письмо. А в 1943 году он приехал к Неруде и прожил в его доме около пяти месяцев. Комнаты нерудовского дома постоянно были заполнены словоохотливыми, шумными гачупинами[97].

На рассвете, в пять-шесть утра, пока Делия еще спала, оба

приятеля отправлялись в погребок на улице Шестнадцатого сентября и лакомились там сочным магеем[98]. А потом неспешно гуляли по улицам еще пустынного города.

Вскоре у Неруды вышла первая и довольно серьезная размолвка с Октавио Пасом и Хосе Бергамином. Они опубликовали в 1940 году в издательстве «Сенека» антологию испаноамериканской поэзии «Лавр». Но Пабло Неруду не удовлетворил состав антологии. В ней почему-то забыли представить трех видных мастеров: Эрреру-и-Рейсигу, Николаса Гильена и Леона Фелипе. Неруда считал это серьезным упущением.

Словом, и в Мексике, как когда-то в Испании, наш поэт разжег литературные страсти. На одном из банкетов у него произошел публичный разрыв с Октавио Пасом. Снова образовалось два лагеря: нерудисты и антинерудисты. По своей готовности к литературным герильям мексиканские поэты превосходили мексиканских художников. А наш поэт «перебил посуду» не только в доме Октавио Паса, но и многое порушил в большом патио Литературы. Неруда не пожелал худого мира, он поднял меч. И это разгневало Октавио Паса и других-поэтов. Пусть себе позволяет дерзкие выходки эстридентист{109} Маплес Арсе, но они пока еще стараются соблюдать формальные приличия и воздерживаются от шумных скандалов… Позже, в одном из интервью, Неруда высказался на первый взгляд дипломатично, но вместе с тем весьма откровенно: «У вас, в Мексике, есть большие поэты. Хотелось бы, чтобы и у нас, в Чили, были поэты, которые, подобно вашим, видят в основе поэзии — форму. Лично мне нечего сказать по этому поводу чилийским поэтам, ибо я постоянно разрушаю форму, к которой столь тяготеют в Мексике».

По сути, Пабло Неруда четко провел здесь демаркационную линию. Однако эта линия уходит за чисто литературные пределы. Она обусловлена иным пониманием, иным видением природы поэзии. Поэзия становится масштабнее, значимее, когда в ней больше человечного, когда она глубже сознает, что ее главное предначертание, главная задача — преобразование общества. Пабло Неруда сказал об этом с предельной ясностью и прямотой на торжественном акте в Университете Сан-Николас-де-Идальго, в Морелии, при вручении ему диплома магистра.

Слова Неруды были встречены восторженно. Обращаясь к студентам, поэт сказал:

> «Отныне, молодые братья, ваши жизни будут обогащать мое существование. Отныне я знаю твердо,

что в моей душе, в моей памяти не будут пустынными, пустотными леса и великолепные монументальные камни, их озарит огонь, молодость, надежда — все, чем вы живете сегодня и будете жить завтра, идеалы, за которые вы сражаетесь уже одним тем, что собрались в этом зале вокруг человека, который хочет стать человечным, а не великим. Шагая с вами в ногу, шагая в ногу с вашими благородными братскими сердцами, я мечтал бы помочь вам пройти от этих благородных камней Морелии по дороге, которая выведет вас к знаниям, к культуре, к окончательному и совершенному братству между всеми людьми».

Европа была охвачена пожаром войны, и ее огонь опалял сердца латиноамериканцев. Нет, Пабло Неруда был не из тех, кто держит нейтралитет. Он всю жизнь напрямик говорил о своих симпатиях и антипатиях. В «Новой песни любви Сталинграду» он со всей откровенностью, без всяких околичностей бросает вызов поэтам, которые ополчились против него.

Неруда обдуманно говорит о лебеде в прекрасном оперении, которому — как того хотел Гонсалес Мартинес — пора свернуть шею:

Пусть юный старец, ноющий уныло
о лебедях и о лазурной глади,
разгладит лоб и вновь воспрянет силой,
услышав эту песнь
о Сталинграде.
Мой стих не выкормыш чернильной жижи,
не хлюпик, глохнущий при канонаде.
Он этой жалкой долей не унижен:
Я был рожден, чтоб петь о Сталинграде[99].

За литературной полемикой последовали и нападки политического толка. А позднее в ход пошли и кулаки… В театре «Боливар» был организован вечер памяти Освободителя. После выступления философа Хоакина Ксирау с докладом «Боливар — патриот Испании» впервые зазвучала «Песнь Боливару», сложенная Нерудой. Внезапно группа фалангистов прервала поэта криками: «Смерть Испанской республике!», «Да здравствует генералиссимус!». Публика оцепенела от неожиданности, но через минуту в чинном, почти чопорном зале все было поднято вверх дном…

В ответ на нанесенное поэту оскорбление университет издал

«Песнь Боливару» с иллюстрациями художника Хулио Прието.

В 1943 году Неруда задумал основать журнал, где бы поэзия и политика шли плечо к плечу. После долгих размышлений и споров было решено назвать журнал «Кровь и Слово». Издателем собирался стать сам Неруда. Редакторами — Хосе Итурриага, Андрес Энестроса и Хуан Рехано. Ответственным секретарем — Уильберто Кантон… На Неруду возложили и обязанности казначея. Он хранил деньги, на которые издавался журнал, в «Листьях травы» Уолта Уитмена. И вот однажды, сняв с полки это роскошное иллюстрированное издание, Неруда обнаружил, что деньги исчезли. Он перерыл весь дом, искал повсюду, переворачивал ковры. Кричал, неистовствовал. Его приятель Кантон поднял «Листья травы» с пола и, начав листать книгу страница за страницей, вдруг увидел в самом углу обложки: «Смотри: Берналь Диас дель Кастильо, том 2, стр. 309». На триста девятой странице книги Диаса дель Кастильо было сказано «Смотри Святую Тересу, стр. 120». От Святой Тересы шла отсылка к Милошу, от него к Сесару Вальехо, далее к Элисабет Баррет Браунинг. Потом к Эсхилу, к Данте, к Райнеру Мария Рильке, к Платону, к Рабиндранату Тагору, к Алонсо де Эрсилье, к Гёте, к Достоевскому… После «долгих странствий» по мировой литературе потерянные деньги обнаружились в сокровищнице детской литературы — в «Сказках» Андерсена на 213-й странице. Кто подшутил над Нерудой — узнать так и не удалось… Луис Энрике Делано считал, что автором проделки был Халед Мухаес, геолог, антиквар, а главное — весельчак и большой любитель всяких розыгрышей..

Неруда очень любил сватать и женить своих друзей, а также крестить их детей. В доме «Лос Гиндос» отпраздновали свадьбу Родольфо Араоса Альфаро и Маргариты Агирре. Аргентинский приятель поэта походил на истинного идальго, сошедшего со старинного портрета. А Маргарита, которая была секретарем Неруды, со временем стала одним из лучших его биографов. В Мехико Пабло устроил у себя в доме крестины Сибелес — дочери Андреса Энестросы. В тот памятный день домовладелец разъярился и попросил Неруду съехать с квартиры. И не столько потому, что поэт пригласил к себе… пятьсот человек, сколько потому, что многие, после неумеренных возлияний, полезли на деревья и переломали ветви. Им, видите ли, захотелось «с высоты» смотреть, как Хосе Ревуэльтас и сам Неруда на подмостках, построенных прямо в патио, разыгрывали сцены из древнегреческого театра.

Энестроса вспоминал, как Пабло любил наряжаться в разные костюмы: генералом, пожарником, да кем угодно — и

пользовался любым предлогом для этого, будь то праздник, или дружеская встреча, или что-нибудь другое. Наденет, к примеру, картуз и форменную куртку и в таком наряде собирает плату с гостей за «билеты». По мнению Энестросы, поэт любил ходить ряженым, потому что страшно стеснялся собственной некрасивости. Спорное соображение, трудно в это поверить.

Неруда делал друзьям какие-то особенные подарки. Однажды издал исключительно для друзей сто экземпляров «Всеобщей песни Чили», которая предварила его знаменитую «Всеобщую песнь».

86. Баталии, серенады, сабельные удары

Вскоре Мексика, как прежде Испания, увидела, что поэт Неруда работает без передышки, потому что считает своим долгом стать хронистом исторических событий, пропуская их через собственное сердце.

В «Третьем местожительстве» раздел IV называется «Испания в сердце». А номером V обозначены стихи, созданные в основном в Мексике. Помимо «Песни любви Сталинграду» и «Новой песни любви Сталинграду», Неруда напишет на мексиканской земле стихотворение «7 ноября. Ода победному дню».

Гитлер разослал приглашения отпраздновать 7 ноября в гостинице «Астория», что напротив Исаакиевского собора. Фюрер намеревался устроить банкет и в Кремле после взятия Москвы…

Но поэт, чутко вслушивающийся в ход великого сражения, воспевает далеких героев и глубоко верит, что «народная, железная армия» посадит… «большую, как луна, розу» на земле Победы.

Неруда говорит об этом, как о своем личном, и видит собственную жизнь в единстве с миллионом других жизней.

Советский Союз, прими сегодня
мое скромное приветствие. Я поэт и писатель.
Мой отец был железнодорожником.
Мы всегда были бедняками.
В моей малой стране больших дождей
я был с тобой вчера.
У нас твое имя,
пламеневшее в груди народа,
поднялось до высокого неба моей республики![100]

Нет, Пабло Неруда не ставил знака равенства между словами

«немец» и «фашист». Его дружеские, сердечные отношения с эмигрантами из Германии, бежавшими в Мексику — со многими из них он познакомился в годы Гражданской войны в Испании, когда они были интербригадовцами, — лишнее подтверждение той исторической правды, которая гласит: у каждого народа есть свои светлые и темные стороны. Разве Неруда не знает имен Маркса и Энгельса? Разве не с самой ранней молодости он любит поэзию Гейне? Если бы вдруг зачеркнули имя автора «Лорелеи», Неруда посчитал бы это великим оскорблением для всей мировой поэзии! Можно ли вступить в борьбу с Красотой, отдать ее на поругание? «Германия свободная, кто посмеет сказать, / что ты не борешься? / Твои мертвецы свидетельствуют из-под земли… Бригады / немецких братьев, / вы пересекли все безмолвие мира, / чтобы стать своей широкой грудью рядом с нами. / Из ваших тюрем, словно с ночных рек, / до Испании доносился ваш тайный голос, / до Испании, которой было всего больнее, / которую вы защищали…»[101] Поэт называет имена, ставшие запретными: «Эйнштейн — голос рек», Гейне, Мендельсон… «Голос Тельмана подземной рекой / трепетал на песке человеческих битв»[102].

В Мексике, где у поэта было немало друзей из Каталонии, он напишет «Песнь на смерть и воскрешение Луиса Кампаниса».

Поэзия Неруды западала в сердца многих революционеров. Легендарный Че Гевара взял с собой в боливийскую сельву «Всеобщую песнь» Неруды и собственноручно подчеркнул в «Песни Боливару» почти автобиографическую для него строку: «Яростный полководец, хрупкое тело твое / источает в просторах металлический свет»[103]. Подчеркнутая Че Геварой строка — предвидение собственной судьбы.

В 1942 году Неруда впервые едет на Кубу. Его пригласил Хосе Мариа Чакон-и-Кальво, директор Управления по делам культуры при Министерстве образования. В Национальной академии искусств и словесности поэт читает несколько лекций и две из них — о Кеведо. В стенах этой академии Неруда рассказывает — об этом прежде не говорилось на латиноамериканской земле — о поверенном ее величества, доне Хуане де Тарсисе, графе Вильямедиане, возлюбленном королевы, который некогда поджег театральный занавес во дворце, чтобы вынести на руках свою высочайшую любовь и бежать с ней из дворцовых стен.

В Гаване Неруда говорит и об арауканах, и о молодом кубинце, который пал в бою за Испанскую республику и был похоронен на кладбище в Брунете. «Я говорю об Альберто Санчесе, кубинце, молчаливом приземистом крепыше, двадцатилетием командире…»

Стихи, которые прочтет тогда Неруда, прозвучат предвестием

Кубинской революции.

> Восславь и этого героя, Куба, благоуханная и сильная страна,
> и помяни его — он спит в Испании,
> спит вечным сном, чтоб вы смогли проснуться, чтоб не спала земля,
> чтоб у его могилы с затоптанным венком лавровым
> послышались однажды шаги и пенье ваши и мои,
> чтоб зазвучала Песнь — Победы и Свободы[104].

Неруда не терял даром времени, когда его отстранили от обязанностей генерального консула в Мексике из-за affaire Сикейроса. Он взял и отправился в Гватемалу, где началась его прочная дружба с Мигелем Анхелем Астуриасом. Все находили, что они чем-то похожи друг на друга. Оба немного выпячивали при ходьбе грудь и живот. Кто-то, увидев их на прогулке, сказал: «пара индюков». Но Пабло, лукавец, назвал полнотелого Астуриаса «великим индюком», мол, по заслугам и честь…

18 июля 1943 года в городе Мехико умерла Леокадия Фелисардо де Престес — мать вождя бразильских коммунистов Луиса Карлоса Престеса. Президент Бразилии Жетулио Варгас ответил отказом на официальную просьбу мексиканского правительства выпустить Престеса на несколько дней из тюрьмы в Рио-де-Жанейро, чтобы он смог приехать в Мексику на похороны матери.

Над могилой Леокадии Фелисардо де Престес поэт сказал: «О маленький тиран, тебе не погасить великого огня / твоими крыльями летучей мыши». «Летучая мышь», похоже, весьма уязвила самолюбивого Варгаса. В это дело не замедлил вмешаться посол Бразилии. Ему захотелось спихнуть Неруду с поста генерального консула в Мексике, и он добивался, чтобы с Итамарати{110} в Ла Монеду был направлен письменный протест.

На все это Неруда ответил следующими словами:

> «Мне как генеральному консулу Чили (а не дипломатическому представителю) надлежит всячески развивать коммерческие связи между Мексикой и моей страной. Однако как писатель я вижу свой долг в том, чтобы защищать свободу — высшую, абсолютную норму существования человека и гражданина. Никакие требования, никакое давление не смогут изменить мои принципы и мою поэзию… Я не из тех, кто легко открещивается от собственных поступков и, полагая себя

свободным человеком, должен поступать по велению совести.

У нас, чилийских писателей, есть давняя традиция: никакой государственный пост, никакое официальное назначение — будь оно самым высоким или самым скромным — не может изменить наших гражданских и нравственных позиций, наших взглядов, которые каждый из нас выражает в той или иной сфере деятельности. Мы не удовлетворены официальными заявлениями о юридическом статусе Луиса Карлоса Престеса, ибо достаточно хорошо осведомлены относительно того, как ловко и умело фабрикуются дела об уголовных преступлениях, с тем чтобы уничтожить своих политических противников».

Поездки за пределы Мексики. Траур. Далекое воспоминание о двухэтажном доме, пронизанном запахом камфары. Пустая столовая… И постоянным рефреном слова: «Я бродяга на этом свете, / потому что печаль в моем сердце / …Я просторы земли обошел / и все так же печален, печален». Не проходят тяжкие мысли о ребенке, чье рождение означено роковым гибельным знаком. Мучат думы о смерти. Поэт молит об одном: «…пусть дитя говорит, пусть не ведает смерти». Но приходит час, когда не остается «ничего, кроме плача, лишь плач, / ничего, кроме плача. / Одно лишь страданье и плач, ничего, кроме плача».

1942 год… Неруда получает известие: в Голландии умерла его дочь Мальва Марина. Он подавлен. Ему хочется уехать в Чили. Его терзает тоска по родине, неодолимое желание вернуться, вернуться. И в голове уже выстраивается четкий план, как это будет.

Мысленно Неруда подводит итог своим дням в Мексике. Потом он скажет об этом в стихах, в мемуарах.

В Мексике Пабло предпочитал дружбу с агрономами, с художниками, нежели с поэтами, с этим великим сонмом поэтов, которых он винил в «отсутствии гражданского сознания»… Это вызвало новую волну ярости у Октавио Паса и Хосе Луиса Мартинеса.

Как бы в ответ на гневные нападки мексиканских поэтов на стенах города появляется текст приглашения на прощальную встречу с Пабло Нерудой. И этот текст подписали отнюдь не боксеры, не чемпионы по вольной борьбе, не футболисты, а писатели, музыканты, художники, университетские профессора, дипломаты, парламентарии, политические и профсоюзные деятели.

27 августа мексиканцы устроили проводы поэта. Все его друзья, знакомые, все, кто разделял его взгляды, мечтали встретиться с ним перед отъездом… Нескончаемая череда поэтических вечеров, банкетов, ужинов, теплые дружеские тосты, поток благодарных вдохновенных слов. Университет города Морелия присваивает ему титул магистра honoris causa[105]. Под самый конец было решено провести торжественный вечер. Но поскольку ни один зрительный зал не мог вместить всех желающих, отвели для этого стадион «Фронтон Мехико».

Футбольное поле превратилось в огромный банкетный зал, где собрались на проводы чилийского поэта более двух тысяч человек. Воистину — небывалое событие.

В связи с этим Неруда написал новое стихотворение. Поначалу оно называлось «На устах Мехико». Потом Неруда исправил: «На стенах Мехико». В этом стихотворении поэт выразил все, что ему довелось пережить в Мексике, нашел прекрасные слова благодарности этой стране и всем своим друзьям-мексиканцам. «Я Карденаса воспеваю, оттого / что видел, пережил грозу Кастилии… / Тогда лишь красная звезда России и Карденаса взор / во тьме густой сверкали. / О генерал, ты — президент Америки. / И этой песней я отдаю тебе сиянья чистого частицу, / что на земле Испании обрел».

Так поэт простился с Мексикой, которая неодолимо влекла его к себе. Для него она была одной из самых древних стран континента, нетленной землей, до краев полной жизненных соков. В автобиографии, написанной стихами, — Неруда назвал ее «Мемориалом Исла-Негра» — негромко звучит «Серенада Мексике». Он, сын чилийского Юга, пройдя по братской земле, протянувшейся к северу, ощутил, что она как бы до предела насыщена сама собой. Неруда не уставал поражаться фантазии мексиканцев, чудесам мексиканской природы. Поэта до глубины души потрясла «скрипка ночных лесопилен / и кантата вселенская тайного края стрекоз».

Поэта покорил, полонил навечно скрытый под земными толщами доисторический мир, в котором была великая жизненная мощь. Он чувствовал, как в его вены вливаются звуки прошлого Мексики, как смешиваются они с его дыханьем. И понял, что ему начертано выразить все это поэтической строкой…

У себя на родине, в своем доме в Исла-Негра, поэт, упершись локтями в стекло огромного, во всю стену, окна, станет думать, что птицы, кружащиеся над океанской водой, когда-нибудь долетят до «берегов отважной Мексики… последней магической страны в мире…». Он обращает к птицам напутственные слова о далекой земле, и ему хочется, чтобы они тотчас «устремились к

ярким краскам, к хрустящей синеве индиго, / и свой букет полета разметали / на землях мексиканской Калифорнии…».

1 сентября 1943 года над аэропортом Бальбуэна летели сочные голоса мексиканских пейцов-марьячи, которые пришли проводить своего товарища, поэта, чьи стихи уже переложили на музыку в их стране. Они не забыли, что именно Неруда написал в Мексике «Малую ораторию» памяти мексиканского композитора Сильвестре Ревуэльтаса. Нет, чилийский поэт никогда не пел, как марьячи, на площади Гарибальди, но эти труженики, эти неутомимые певцы, авторы бесконечных «маньянитас», почитали его талант и искренне причислили его к своему цеху. Напоследок марьячи исполнили для поэта песню «Ласточки».

87. Восхождение к истокам

Едва самолет приземлился в Боготе, на борт поднялся чиновник из протокольного отдела Министерства иностранных дел Колумбии. Он совершенно неожиданно предстал перед Нерудой — весь в черном, в шляпе из тонкого велюра — и обратился к нему с поистине наполеоновской фразой: «Вас ждут четыреста поэтов».

Однако у Неруды не появилось ассоциации с египетскими пирамидами. Он вспомнил о четырех сотнях слонов из стихотворения Рубена Дарио. «Четыреста? Да что же я буду делать среди такого количества поэтов?»

Полусонные с виду глаза Неруды зорко подмечали все вокруг. Он уже давно вынашивал план создания поэмы-симфонии об Америке. И увидел, что на карте то место, где Латиноамериканский континент соединяется-разъединяется тонкой перемычкой, похоже на осиную талию. В один из дней Неруда воздаст должное памяти Васко Нуньеса де Бальбоа и скажет проникновенное слово о незаживающей ране Панамского канала, с которым он встретился при первой посадке самолета, увозившего его в Чили.

Вторая посадка — город Богота, по ставшему расхожим определению, Афины Латиноамериканского континента. Человек в черном сказал истинную правду. Никогда еще в аэропорте Течо шум вертолетов не сливался с таким множеством голосов поэтов. Все поэтические поколения собрались там в ожидании этого «священного животного», этого «легендарного льва». Тем же вечером они снова увидели друг друга в парадном зале особняка, который занимал консул Чили — поэт Хуан Гусман Кручага. Среди приглашенных — Хорхе Саламеа, Леон де Грейф, Хорхе Рохас, Герардо Валенсиа, Хосе Уманья Берналь, Карлос Мартин,

Дарио Сампер, Хайме Посада, Фернандо Чарри Лара… Позже Эдуардо Карранса со всем красноречием напишет об этих волнующих минутах: «Среди нас был великий поэт, великий брат, наш волшебный учитель и наш отец!» Карранса упомянет и Дарио, и Верлена, «небесного лироносца». Но наш «лироносец», спустившийся в Боготу с заоблачных высот, полностью принадлежал земле. Он был настолько земным, что на несколько дней успел разделить колумбийских литераторов на два лагеря.

Голова высокого гостя послужила мишенью для пальбы, которую открыл Юпитер-громовержец — консерватор Лауреано Гомес. Он бил в Неруду из пушек со страниц своей газеты «Сигло». Бил с упоением профессионального убийцы. Неруда чувствовал, как в его груди закипает настоящий вулкан, из которого вот-вот вырвется лава и сметет все это ядовитое злоречие… Еще до приезда нашего поэта — об этом ему рассказали колумбийские друзья — газета «Сигло» на протяжении месяца публиковала редакционные статьи, направленные против него. И все эпитеты, все извивы стиля едва скрывали бешенство. В этих статьях не было и толики правды.

Нападки на Неруду служили лишь прикрытием, вернее, предлогом для коварного Лауреано Гомеса, старавшегося всеми правдами и неправдами выбить почву из-под ног тогдашнего президента Колумбии Альфонсо Лопеса. Но схватка, разумеется, не выходила за пределы литературы, ибо идейные противники принадлежали к литературному миру. Каудильо вражеского стана предпринимал яростные атаки против группы поэтов, именовавшей себя «Камень и небо». Члены этой группы мало думали о небесах и буквально забрасывали каменьями приверженцев Лауреано Гомеса. Неруда недолго хранил молчание. Он обнажил свое перо с зелеными чернилами и написал в ответ клевете целый цикл «Сонетов возмездия».

Путь Пабло Неруды в Чили был насыщен событиями. Случилось все, что только могло случиться. Поэт возвращался на родину более двух месяцев. Если учесть, что он летел самолетом, его остановки в разных городах были весьма продолжительными. Неруде хотелось осмыслить, понять сердцем латиноамериканскую землю. У него были на то серьезные основания. Он понял, как мало знает о Латинской Америке. Понял, что настал час постигнуть ее удивительный мир. В свое время чилийский поэт «плашмя свалился» на землю Востока. В Испании в его глаза било слепящее пламя войны. Потом он оказался в Буэнос-Айресе. И только в Мексике поэта потрясла, ошеломила встреча с почти неведомой ему Америкой. Он почувствовал, что в долгу перед ней, что никогда не пытался распознать ее глубинный смысл…

Вот почему по приезде в страну, которая в доколумбово время была великой империей, Неруда решил непременно увидеть Куско и Мачу-Пикчу. И это была долгожданная счастливая встреча. Мексика стала для него той благодатной почвой, где в нем вызревало ощущение, убеждение, что под его ногами лежит огромный погребенный мир, а он, ступая по земле, не имеет об этом мире почти никакого представления. Поэту открылось, что там, под землей, прячутся корни, истоки — его собственные и всех латиноамериканских народов, от которых он неотторжим…

Поездка Неруды по перуанской земле, не примечательная никакими внешними событиями, обрела в дальнейшем великий смысл. Если Боливар назвал немецкого ученого Александра Гумбольдта вторым открывателем Америки, то Неруда, по утверждению многих, — второй открыватель Мачу-Пикчу. Хираму Бингему{111} это стоило больших трудов, нежели Неруде, но открытие поэта совершалось в мире духовных ценностей.

Сохранились фотографии, сделанные Делией дель Карриль, где Неруда в рубашке с короткими рукавами, с курткой, перекинутой через руку, снят на фоне города-крепости. На первый взгляд никакой торжественности, никакого пафоса. К тому же общеизвестен «антиторжественный», заземленный ответ Неруды на «торжественный» вопрос: «Какое чувство возникло у вас, поэта, при встрече с далекими столетиями?» — «Я почувствовал, что это самое подходящее место, чтобы съесть хорошую порцию асадо{112}». Много позже поэта спросили, действительно ли он позволил себе такую шутку. Неруда неуверенно сказал:

> «Не помню, говорил ли я это. Но быть может, когда человек цепенеет перед таким грандиозным и загадочным творением, перед памятником вечности, а ему в эту минуту задают вполне ординарный вопрос, то, как бы из внутреннего протеста, он неосознанно выбирает нечто самое обыденное, чтобы утвердить свою земную сущность».

Многие события Неруда почти сразу переводил на язык поэзии. Он жил ими, пропускал их через сердце, а спустя минуты, часы, писал стихотворение. И эти стихотворения рождал какой-нибудь разговор, шелест тополей, неожиданное человеческое лицо, смерть друга. Казалось, поэт обладает почти мгновенной поэтической реакцией. Но в случае с Мачу-Пикчу все было иначе. В душу поэта, похоже, запало зерно, и оно прорастало медленно, долго, упорно. Два года прошло, прежде чем этот поэтический цветок пошел в рост.

Неруда посетил Мачу-Пикчу в октябре 1943 года, написал поэму у себя дома в Исла-Негра в августе — сентябре 1945 года и опубликовал впервые лишь в 1946 году.

Эти два года, пока зрело великое произведение, — время, что было необходимо для развития всех идей, возникших при встрече поэта с затерянным в поднебесье городом. За это время в сознании поэта происходила серьезная работа по осмыслению событий собственной жизни и событий политического характера. В эти два года определились более четко позиции Неруды в отношении к обществу и к самой истории.

Когда Пабло Неруда принялся писать поэму, он уже был сенатором от Коммунистической партии Чили. Он стал голосом тех людей, что жили на землях, принадлежавших до 1879 года Перу и Боливии. Эти земли лежат недалеко от Мачу-Пикчу. И можно считать, что прежде они тоже входили в состав Империи инков. А стало быть, многие рабочие чилийской пампы — прямые потомки Хуана Глотающего Холод, Хуана Каменотеса, Хуана Босоногого. Выходит, за него голосовали в Тарапаке, в Антофагасте те, кто в кровном родстве с Виракочей{113}, с Зеленой Звездой, с Бирюзовым Камнем! Когда-то они были творцами «гранитного светильника», «каменного хлеба». Их предали забвенью. Но поэт расскажет о них, поведает их историю, чтобы все узнали о ней, а главное — чтобы был изменен ее ход. «Проникните в губы мои и вены. / Говорите моими словами и кровью»[106].

Поэт станет их глашатаем. Нет, «Вершины Мачу-Пикчу» вовсе не политическая проповедь, не молитвенное возглашение, но — вот где страшная ересь! — в этой поэме получили выражение те же мысли, что Неруда излагает перед рабочими на селитряных рудниках, перед потомками безвестных творцов «Горного города граненого камня». Речи Пабло Неруды почти всегда настоящая поэзия, причем в буквальном смысле этого слова. Ведь он нередко читает свои стихи труженикам пустынной, заскорузлой пампы. Сегодня эти труженики взрывают динамитом землю, чтобы добыть селитру и извлечь из нее нитрат. А вчера они сеяли маис, ткали одежды из шерсти викуньи, повиновались отважным воинам-правителям. Но и у прежних, и у нынешних людей одна и та же судьба. «Погребенные в общей бездне, тени одной могилы…»[107]

Есть определенная связь между двумя датами, которая помогает нам глубже вникнуть в смысл этой поэмы. 8 июля 1945 года Неруда вступил в Коммунистическую партию Чили, а через месяц он начал писать «Вершины Мачу-Пикчу». Эти два события не только совпадают во времени. Они обусловили друг друга и

тесно переплелись…

88. «Вершины Мачу-Пикчу» в творчестве Неруды и в развитии латиноамериканской поэзии

В поэзии Неруды никогда не было никаких фантасмагорий, и она не допускает мистических толкований. В «Вершинах Мачу-Пикчу» Пабло Неруда выступает не как археолог; он — поэт, который внимательно всматривается в историю, в ушедшие века. И ему открываются новые горизонты. Он слышит голоса прошлого обостренным слухом при совершенно иной акустике. Неруда вдыхает таинственные, неведомые запахи, что источают руины. Но у него теперь иное обоняние. Попади он на вершины Мачу-Пикчу в двадцатилетием возрасте, у него, безусловно, родилось бы стихотворение, но — совсем не такое, как эта поэма.

Да, все в ней увидено глазом подлинного поэта, а не кабинетного ученого, академика. В поэме нет ностальгического звучания. Ведь главное желание Неруды — органично войти в плоть, в контекст этого удивительного мира, к которому он причастен, с которым он един. Пабло Неруда не собирался следовать древним эдам и слагать поэму о подвигах избранных правителей, об учителях-амаута, о «посвященных», что одни лишь имели доступ к культуре. Только революция, только социальные перемены, перевороты, утверждает поэт, приведут к признанию прав Хуана Каменотеса и тех, кто ему братья сегодня и вчера.

«Вершины Мачу-Пикчу» не путевой дневник и не гимн во славу древних богов. В этой поэме Неруда пересекает давнюю длинную границу, отделяющую его от доколумбовых времен, к которым, он уверен, восходят его корни, его собственная жизнь.

Эта поэма исключает саму возможность вопросов. Она являет собой цепь утверждений в некоем органическом единстве. И выходит за пределы мистики. Поэт проводит пунктирную линию, которой означен разрыв между двумя цивилизациями, между имущими и неимущими, между правителями и бесправными.

В «Вершинах» Пабло Неруда рвет с традиционным пониманием поэзии и истории. Эта поэма — детище его жизненного опыта. Пристально всматриваясь в каждую деталь Мачу-Пикчу, в нагромождение великих камней, он находит ответы на многие мучительные вопросы. Все внимание поэта сосредоточено на безымянном человеке, сотворившем эту удивительную крепость, что многие столетия была сокрыта от людских глаз. Безвестный строитель станет в поэме символом всех угнетенных, всех подневольных. Неруда мысленно рисует себе жизнь этих людей, которые, скорее всего, даже не ведали,

что над ними чинят насилие и произвол.

В те далекие времена процветала устная культура и не было письменности. Поэту удается расслышать слова, что канули в глухую тишину, он стремится воссоздать все, что завещали грядущим векам безмолвные камни. Ведь он — их глашатай! Ему суждено раскрыть тайник их памяти, стать голосом всех смолкших навечно.

Запрятанный в сельве город-крепость молчал на протяжении жизни двадцати поколений. Поэт станет его устами, его дыханьем. Он воскресит тех, кто до сей поры молчал. Кого никогда не видели, не слышали. Неруда наново сотворит Мачу-Пикчу. Сделает город инков своим городом, будет плотью от его плоти. Он превратит Мачу-Пикчу в удивительный по силе выразительности художественный образ, в творение наших дней, и его поэма станет великой страницей литературы и истории. Слово, созданное Нерудой из долгого безмолвия, обретет животворящую силу. Оно воспарит, восстанет из небытия волшебством поэтического воображения. И загадочный город обратит свой взгляд на нас, людей XX века, и обретет вольное дыханье!

Два года, отделяющие восхождение Неруды к вершинам Мачу-Пикчу от создания поэмы, — время сложной работы, составные компоненты которой, корешки, жилки, проступают все отчетливее и отчетливее в живительном переплетении подсознания, революционного видения общественных связей и коллективного исторического опыта.

В этой поэме Пабло Неруда обращается к теме смерти. Но смерть у поэта не есть нечто застывшее, вневременное. Она знаменует собой перемены и последовательное движение. Поэма «Вершины Мачу-Пикчу» приняла на свои плечи всю тяжесть ушедших веков. Город инков умер в далеком прошлом, но в его великом посыле — биение самой жизни. Поэт тонко чувствует ритм, дыхание истории, он знает, что история — всегда движение. Неразгаданный город вовсе не монолит, рухнувший в неведомой людям катастрофе. Зоркий глаз поэта видит линию, которая разделяет общество на классы, видит молчаливую или клокочущую борьбу властителей с бедняками, могучих с нищими духом.

Неруда отправился к высям Мачу-Пикчу не из праздного любопытства. В глубинах истории он искал полноправные обоснования нынешней революционной борьбы, которая стала насущной необходимостью для людских судеб. И поэт находил все новые и новые аргументы в ее защиту. Неруда сумел усмотреть диалектическую связь между великим городом,

который возводили час за часом, месяц за месяцем, век за веком, и тем резким поворотом, переломом, который предполагает решительные перемены, полную мутацию. Те самые перемены, что он ощущает в самом себе.

Мачу-Пикчу — революционное событие в творчестве поэта. И оно открывает новый путь для развития всей латиноамериканской поэзии. «Вершины Мачу-Пикчу» — новая веха в литературе всего континента. Неруда отказывается от идиллического священнодействия вокруг «городов Солнца». Постижение прошлого должно служить настоящему и переосмыслению самой истории. «Вершины Мачу-Пикчу» и есть отражение результативного поворота в самом мышлении поэта. Это новая ступень его исторического сознания. Это — Неруда в свои сорок лет.

В исследовательских работах, посвященных творчеству Пабло Неруды, поэма «Вершины Мачу-Пикчу» занимает особое место. Критики проявили к ней повышенный интерес. Поэма была рассмотрена в самых разных аспектах. В круг литературоведческих интересов попали размышления Неруды о смерти, о человеке давних времен и о современном человеке, об общности, родстве Неруды и Инки Гарсиласо{114}, в разные века вставших на защиту порабощенных индейцев.

Один американский ученый сказал, что для него эта поэма стала решающим импульсом к открытию и великого континента, и великого поэта.

Несомненно, в поэме просматривается авторский вымысел, да и Неруда в самом ее начале говорит о человеке — то есть о самом себе, — который пробирается по улицам «с облака на облако, с ветра на ветер». Кто-то поджидал этого человека «среди поющих скрипок» и тем помог ему увидеть город, мир, погребенный в камне. Иными словами, подтолкнул его к открытию американского генезиса. Так началось сошествие поэта, но не в подземные владения Аида, а в тайны Истории. Неруда сойдет к истокам души американских народов, проникнет в глубь тысячелетий, чтобы «отыскать заповедную жилу вечной жизни». И задаст вопрос вопросов: «Кто есть человек?» В каком потаенном уголке его существа живет «неизбывное, нерушимое, великая жизнь», вопреки тому, что каждого из людей поджидает смерть. Она приходит к нему ежедневно — «маленькая смерть с тяжелым взмахом крыльев». Эта смерть не раз смотрела в лицо поэту и, хитро щурясь, звала его к себе. Он видел ее повсюду. И что-то в нем умирало, когда умирали другие, когда умирали люди, что жили «в гнездах орлов». И тогда он «взошел по тяжелым ступеням земли, / поднялся сквозь дикие заросли гиблой сельвы»[108] к

Мачу-Пикчу. «Там на колючем ветру… / качались каменные колыбели / молнии и человека»[109]. Перуанский писатель Мануэль Скорса, тоже искавший корни человека Америки, назвал один из своих романов о восстании индейцев в перуанских Андах «Могила молний».

Город погиб. И, должно быть, потому там не слышно плача. Над всем властвует забвенье и туман. Кажется, что туман венчает здесь и небо и землю. А всепобеждающее время поглотило все и вся.

Поэт видит перед собой «Огромный риф человеческой зари». Но он не погрузился в благоговейное молчание. Не пал ниц перед величием города, перед грандиозной смертью. Затерянный город повелит ему жить и любить жизнь. «Взойди со мной на эти кручи, / любовь Америки. / Поцелуй, как я, эти вещие камни»[110]. Градом посыплются вопросы: о чем говорят эти руины? Что стало с их богами?.. «Вершины Мачу-Пикчу» — поэтический манифест Латиноамериканского континента. Он шире, объемнее концепции индихенизма.

За вопросами следуют поэтические образы: «звездный орел», «виноградник тумана»… Поэт вопрошает о свете, о змее, о лунном коне. Но главный вопрос — о человеке. «Где был человек?» Потому что Мачу-Пикчу — это не «камень на камне». Неруда требует, чтобы вернули обездоленного человека, брата, который возвел, сотворил эту крепость. Он хочет знать, как он жил, о чем мечтал, как складывал величественные стены. Ведь этот безымянный раб — великий сеятель маиса, Древняя Америка, его прошлое. Поэт настаивает, чтобы вырвали из забвенья этого человека-труженика, потому что «человек шире, чем океан и его острова, / в него нужно ринуться, точно в колодец, / а потом подняться со дна / с ветвями тайной воды и затонувшей правды».

В этих строках — ключ к мышлению Неруды того времени. В них не только дано определение сущности человека, но и раскрыты задачи поэтического творчества. Погрузиться в самые глубины, чтобы потом выплыть на поверхность с той правдой, что лежала на недоступном дне.

В поэме нет элегических ноток. Неруда призывает к воскрешению. Уйти в глубины, затонуть, чтобы вернуться к жизни. «Восстань, о брат мой, к рожденью со мной»[111]. Поэт раскрывает ему навстречу объятия, просит протянуть руку, взглянуть на него. «Взгляни на меня со дна земли, / сеятель, ткач, пастух молчаливый, / звездных лам укротитель, / каменщик на лесах дерзновенных…» Поэт хочет, чтобы все эти труженики окунули свои жизни в купели нашего века. Он поведает миру об

их страданиях. «Я вашими устами мертвыми заговорю», «говорите моими словами, кровью моею».

Поэма «Вершины Мачу-Пикчу» с ее метафорической емкостью стала, по сути, вторым открытием этого города в горних высях. Причем и в чисто практическом плане. Благодаря этой поэме развернулось строительство дорог и прочих сооружений, которые намного облегчили подъем к легендарному городу инков. Туристы хлынули туда приливной волной, и число их множилось в геометрической прогрессии.

Действительно… В чем только не обнаруживается магическая сила Поэзии!

89. Четыре путешествия

3 ноября 1943 года Неруда приезжает в Сантьяго. Европа и страны Востока охвачены пламенем войны… Путешествие, которое поэт совершил вдоль тихоокеанского побережья, его восхождение к вершинам Анд вовсе не были для него наглядными уроками географии. Он глубже проник в самого себя. Шире, перспективнее постиг свою «самость», свою сущность. Теперь его видение человека не замыкается в теллурических рамках. Ему открываются новые, высокие смыслы человеческого бытия.

Неруда возвращается в Чили в канун своего сорокалетия. Он очень переменился за время, проведенное в Испании. Гражданская война в Испании, сказал поэт, определила его окончательный выбор.

> «Именно там я понял, что коммунисты — великая революционная сила нашего века, сила, способная преобразовать обветшавший капиталистический мир и создать новое, справедливое и светлое общество. С той поры я считаю себя коммунистом».

Неруда сказал эти слова в день своего пятидесятилетия. А когда ему исполнилось шестьдесят, он добавил:

> «Для меня быть коммунистом — это совершенно естественная вещь. Странно лишь то, что я упустил столько времени, прежде чем стал коммунистом…»

Призыв, прозвучавший в «Вершинах Мачу-Пикчу», — «Восстань, о брат мой, к рожденью со мной!» — это не поэтическая декларация. Это — жизненная позиция. Но тогда у Пабло Неруды еще не было партийного билета…

Спустя месяц после возвращения в Чили Неруда прочитал в актовом зале Чилийского университета лекцию, которая называлась «Путешествие вокруг моей поэзии». Тем, кто ее слушал, открылось очень многое. Все в ней было выражено с предельной четкостью, все пронизано тем, что, по Гёте, главное в поэзии: она потрясала сердца. Лекция отличалась и еще одной особенностью: в едином потоке шел рассказ о жизни ребенка, о жизни взрослого человека, обнажались заветные тайны, проступала тропа, которая со временем вывела поэта к новому миропониманию.

И это не единственный рассказ Неруды о его путешествии. В ту пору Неруда поведал нам о своих четырех путешествиях. Они

высветили все, что было сокрыто полумраком. Первое называется «Путешествие вокруг моей поэзий». Второе — «Путешествие к сердцу Кеведо». Третье — «Путешествие по берегам Земли». Четвертое — «Путешествие на Север». Все четыре составляют единое целое, потому что поэт совершает путешествие, осмысляя самого себя и великую Природу.

В последнее из этих путешествий Неруда отправился одержимый желанием увидеть своими глазами Север Чили. Увидать край песков и одиночества. Поэт родился в центральной части Чили и вырос на Юге, где над всем властвует зеленый цвет. Ему была неведома огромная пустыня Тамаругаль. Путешествие с юга на север можно считать многоплановым. В нем заключено несколько значений. Это путешествие от дождя к солнцу, от одиночества к единению с другими, к товариществу. Оно обрело глубокий политический смысл. Привело к органическому жизнетворному единству поэзию и гражданское сознание Неруды.

Тот, кто хочет вникнуть в процесс духовного развития Неруды — поэта и человека — в годы его зрелости, не может обойти вниманием эти четыре «Путешествия». Ибо там есть множество «дорожных знаков», которые помогут лучше ориентироваться в его поэзии.

В зрелом возрасте Неруда более пристально вглядывается в исторические закономерности. Он устанавливает для себя соотношения, связи, если не новые, то высвеченные более ярким светом. «Земля, народ и поэзия — единое целое, скрепленное подземным таинством. Когда земля цветет, народ дышит свободой, поэты поют и указывают путь. Когда же тирания омрачает землю и тяжкой карой ложится на спину народа, прежде всего ищут голос самый высокий, и падает голова поэта в глубину колодца истории. Тирания отрубает головы тем, кто поет, но голос их со дна колодца потайными подземными родниками возвращается и из потемок поднимается к устам народа»[112].

Неруда видит испанского поэта Франсиско Кеведо глазами Хосе Марти: «Он так вникал во все, чего касался, что мы, живущие сегодня, говорим его языком»[113]. И Неруде открылась добрая половина его собственных корней. «Я постиг один из источников моего существа, ощутил его скалистое основание, на котором и по сей день трепещет колыбель нашей крови»[114]. Это отнюдь не простое признание.

Говоря о нашей забывчивости, Пабло Неруда далек от каких-либо упреков. Испания забыла о том, что завоевала Америку. А наша Америка забыла то, что она сумела завоевать у Испании: ее культурное наследие. В начале века Рубен Дарио попытался связать прерванную нить, веруя, что путь к тому лежит через

светоч тогдашней поэзии — Париж. Пабло Неруда, этот южный латиноамериканец, пересек весь континент, всю «неприрученную планету», пока не достиг тех пределов, где ему раскрылся во всем величии, во всей своей широте «отец-наставник и дознатель Испании» — Франсиско Кеведо, который привел его к осмыслению собственных корней. Неруда видит, что мученическую судьбу Кеведо повторил другой поэт, поэт совсем иного плана, воплощавший дух средиземноморской и арабской Испании — Федерико Гарсиа Лорка. Смерть Гарсиа Лорки — это все тот же кеведианский кошмар. Так же, как и смерть Антонио Мачадо и Мигеля Эрнандеса.

«Путешествие по берегам Земли» подтверждает, что поэзия не становится беднее оттого, что ее творец встает на путь политической борьбы.

Путешествуя по разным странам, Неруда вглядывается в человека, в землю, в течение вод. Он погружается, как капитан Немо, в толщи океана, и его ожидают приключения, достойные романов Жюля Верна. Поэта привлекает подводный мир: огромные крабы с длиннющими клешнями, слепые жители морского дна.

Вынырнув из океанских глубин, поэт устремляется к «золотому веку» Испании, а далее к родной земле — Арауко. Неруда испытывает чувство гордости оттого, что родился в том краю, где три столетия подряд шла неравная борьба индейцев против испанских завоевателей. По сути, там был создан первый в истории страны национальный фронт сопротивления… Позднее туда на свой страх и риск приехали первые поселенцы и основали город Темуко. Среди них была и семья Неруды. В городе Темуко пробились к свету первые всходы нерудовской поэзии. Пабло Неруда гордится тем, что принадлежит к славному отряду первопроходцев. «В этом девственном краю холода и ливня мои родители увидели первый паровоз, первые стада, первые посевы… Я родился в 1904 году и еще до 1914 года написал свои самые первые стихи…» Эти даты, вехи — точно кольца могучего дерева, растущего на чилийском Юге. «Путешествие по берегам Земли» — еще одна встреча с Востоком, с Испанией. В «Путешествии» Неруда вспоминает слова, сказанные им в Колумбии. Он говорил тогда о затянутой мраком карте Америки, о военных диктатурах, которые усердно гасят все светильники. После долгих странствий по континенту поэт еще яснее видит, что Красота не враждует с Правдой. В поэзии они должны быть едины, и тогда настанет конец человеческим страданиям…

Неруда назовет своими соотечественниками не только чилийцев, но и другие народы латиноамериканской земли. «Мы

должны побороть самих себя и одолеть наших врагов», — говорит он. Ему чужды те, кто следует правилу: «Не выходи за пределы своего дома, своего сада, своей поэзии». Неруде свойственно «уходить и приходить». Он во всем похож на человека, который только что вышел из собственного дома, из своего сада. Ему важнее всего, чтоб его поэзия стала домом и садом, открытым для всех.

Четвертое путешествие — это «путешествие к контрастам». Пабло Неруда, выросший в краю лесов, где мальчиком он срывал алые копиуэ и листья папоротников, осыпанных тяжелой росой, попадает в незнакомый мир, и ему кажется, что он ступил на поверхность безжизненной Луны. Странная, неведомая планета: ни деревца, ни травинки. Более всего поражают Неруду на этой планете люди, их тяжкая доля. Он едет по бескрайней песчаной пустыне вместе с Элиасом Лаферте, вождем чилийских коммунистов. Они оба — «профессиональные агитаторы», так называет и себя, и Элиаса Лаферте Пабло Неруда. Радомир Томич — депутат, выбранный в этом краю от христианских демократов, — говорил ему: «До чего слеп капитализм, если он портит и губит орудия производства, дающие ему жизнь». Долг Неруды — защищать человека, защищать людей. Невероятно, что их надо защищать от других людей! Поэт постигает это в одном из самых заброшенных уголков земного шара, в пустыне, где хрустят под палящими лучами солнца солончаки, в бескрайнем одиночестве ночи. Там он, точно во сне, услышал, как поют глубокие, идущие от сердца голоса: «Это поле, цветами расшитое…»

90. Удивительная речь

Почти одновременно в жизни Неруды происходят два события: в Соединенных Штатах впервые на английском языке публикуются его стихи: подборка из «Местожительства» под названием «Selected poems»[115], а в Сантьяго ему присуждает премию муниципалитет. Запоздалое и более чем скромное признание, но Неруда воспринял его без всякого пренебрежения. Чувствовал, должно быть, что эта первая веточка лавра — предвестие множества лавровых венков, которые ждут его в будущем.

Нет ничего неожиданного в том, что Неруда активно включился в политическую борьбу. Но путь к ней был сложным, извилистым, и он немало времени провел точно «пассажир в залах ожидания». Однажды, подводя итоги прожитого, поэт сказал:

> «Еще в четырнадцать лет я проявлял самый живой интерес к борьбе против социального зла… А в пятнадцать уже был корреспондентом студенческого журнала „Кларидад“ и его распространителем среди лицеистов города Темуко. В шестнадцать и семнадцать я принимал непосредственное участие в студенческих волнениях, мощной волной прокатившихся по стране. А позднее стал постоянным автором журнала „Кларидад“, писал для него редакционные статьи. В те времена он был одним из самых боевых печатных органов чилийской молодежи. Решение вступить в коммунистическую партию пришло ко мне в Испании; там я понял, что коммунисты — самые честные, самые организованные и деятельные борцы против фашизма».

Теперь Неруда работает плечо к плечу с чилийскими коммунистами. Руководство партии предлагает ему стать кандидатом в сенаторы от провинций Тарапака и Антофагаста в одном списке с председателем Центрального Комитета — Элиасом Лаферте, который много лет проработал на селитряных рудниках чилийского Севера. Принимая предложение чилийской компартии, Неруда начинает новый этап своей жизни. Отныне он прочно связан с борьбой народа за свои права. Отныне он разделяет все его надежды и чаяния. И может изнутри постичь самую суровую действительность своей родины.

Но перед Нерудой встает весьма серьезный вопрос. Как скажется деятельность в сенате на его поэзии? Не отойдет ли он от поэтического творчества? А вдруг смолкнет голос поэзии на все восемь лет, пока длятся его сенаторские полномочия? Не займет ли она положение «бедной родственницы», о которой он будет вспоминать лишь в редкие свободные минуты, что ему удастся выкроить? Неруда делится своими сомнениями с руководством партии. Но ответ коммунистов успокаивает поэта. Нет, партия не намерена превращать Неруду в профессионального политика… Коммунисты хотят, чтобы он, сенатор, представлял национальную культуру в ее самом ярком выражении и чтобы возникло необходимое единство знаний и, как тогда говорили, «мускульной силы»… Мы верим, что союз Неруды с Рекабарреном станет символом союза умственного и физического труда… Ты будешь произносить речи в сенате и в других местах, будешь говорить о том, что представляет для тебя особый интерес, что волнует твое сердце. А наши товарищи смогут заняться другими делами. Коммунистическая партия вовсе не собирается губить в тебе поэта. А ты всегда должен

располагать временем для поэтического творчества… Коммунисты должны всячески способствовать расцвету творческого гения Неруды, чтобы чилийский народ видел, как полыхает в руках их избранника прекрасное знамя Свободы и Красоты. И это вовсе не означает, что партия намерена превратить поэта в некую декоративную фигуру. Все знают, что он человек действия, что он — борец.

Еще одно обстоятельство заботит Неруду: «Как я буду проводить предвыборную кампанию? Ведь мне трудно произносить политические речи. Я не мастер импровизировать. А выступать надо раза три в день, а то и десять!» — «Не беспокойся. Выступай, если хочешь, со своими стихами. А другие пусть говорят прозой».

Неруда принял всерьез этот совет. Его программная речь, которую он произнес как кандидат в сенаторы, — длинная поэма под названием «Я приветствую Север».

Мы, тогда еще совсем молодые, образовали Комитет в поддержку кандидатуры Пабло Неруды. И нам довелось стать свидетелями одного из его выступлений. Это было незабываемое зрелище. На селитряных разработках, в самых неприглядных, обветшалых помещениях собирались все, чтобы в первую очередь услышать своего старого товарища Элиаса Лаферте. Он говорил с ними на понятном языке, знал, когда и как нужно употребить сочное словцо, потому что все здесь было ему привычно с самой ранней молодости. Теперь Элиас Лаферте вернулся к своим товарищам, став политическим вожаком рабочих. Его звали ласково — старик Лаферте. Он был настоящим другом, отцом для всех. Элиас Лаферте обладал прекрасным артистическим даром и в юношеские годы играл в театре. В 1907 году Элиас чудом остался в живых во время кровавой расправы с рабочими в Икике. Он говорил с людьми Севера, как равный с равными, совершенно естественно, но с той приподнятостью, с тем пафосом, который он перенял у Луиса Эмилио Рекабаррена, своего политического наставника. Любопытно, что Рекабаррен тоже выступал на театральных подмостках.

Элиаса Лаферте не назовешь теоретиком, но он был прирожденным оратором, зажигательным, красноречивым, остроумным и точным в слове. И вот однажды, окончив свою речь — а они никогда не были длинными и цветистыми, — он сказал с доброй улыбкой, но не без лукавства: «А теперь вы услышите самую удивительную речь, которая когда-либо звучала в нашей пампе. Я предоставляю слово моему товарищу по предвыборному списку поэту Пабло Неруде».

Новый оратор улыбнулся несколько смущенно. Произнес две-

три заранее заготовленные фразы: «Прошу простить меня, я не оратор, но сейчас прочту одну вещь, приготовленную для вас». Тягучий носовой голос сразу набрал силу, зазвучал увереннее:

Я прихожу к тебе, о Север мой далекий,
к суровой минеральной тишине.
Хочу услышать голос твой глубокий,
несу тебе не дух мой одинокий,
Несу я все, что так присуще мне[116].

Неруда оглядел собравшуюся толпу. На лицах людей застыло изумление. Некоторые смотрели на него недоуменно, даже с недоверием, с опаской. Люди не очень-то понимали, о чем ведет речь этот странный оратор с каким-то унылым, тягучим голосом. Но в этом голосе была какая-то влекущая музыка. Поэт говорил обо всем совершенно по-новому, и все слушали его потрясенно, затаив дыхание.

Неруда читал и читал. Голос его делался все тверже, громче, он покрывал все пространство, хотя на митинге не было ни микрофона, ни обыкновенного рупора. Кому-то из старых рабочих вспомнилось, что в начале века поэт Карлос Велис Песоа тоже воспел в стихах селитряную пампу. Но сейчас перед ними стоял совершенно иной поэт.

…и слышать: пеньем звонким,
протяжным пеньем в пампе отзовется
все то, чем сердце раненое бьется.
И грудь стеснится болью и тоской.
И слез поток неслышный заструится,
затем, что в старой песне говорится
о горестях былых судьбы людской[117].

В стихах поэт говорит о том, что хочет услышать людей Севера, хочет разделить их судьбу, их боль и готов на любые жертвы во имя торжества справедливости.

Пускай далеким колокольным звоном
мой голос отдается в час заката
и разливается в пространстве сонном,
как грозный гром вершин Чукикамата.
Его услышит тот, кто знал страданье,
чьи руки борются с сухой землею,
чей взгляд подернут темной пеленою

и черной пылью стеснено дыханье[118].

Над иссохшей землей пампы вместо дождей льются слезы и кровь. У этих странных «дождей» долгая история. Потоки крови смешиваются со слезами, со слезами гнева и бессилия. Это край самых ужасающих злодеяний, какие совершались в Чили… То, что мы видели, происходило на мрачных суровых разработках Сьерра-Овера, где добывали селитру устаревшим способом. Все вокруг было покрыто «серым пеплом ночи, вечера и дня»… Я всматривался в лица рабочих. Через пять минут после начала нерудовской речи на лицах уже не было удивления, они засветились, в них отражался трепет вдохновенных слов поэта. Рабочие приняли его, и он говорил им о своем решении быть с ними.

Шахтеры! Я хочу, чтобы раздался
мой голос там, где в шахту спускался
с седыми волосами, с тусклым взглядом
отец ваш Рекабаррен. Вместе с вами
и с ним, не умершим, хочу я рядом
нести в пустыни поднятое знамя[119].

Обернувшись к своему товарищу, стоявшему на трибуне, Неруда говорит: «Идет за ним Лаферте, непокорный, / огнем борьбы и правды озаренный»[120].

Поэма была великолепной политической речью. А речь — настоящей поэмой. Каждая ее строка убеждает нас в том, что границы поэзии очень подвижны, условны. Поэзия — это и жаркий шепот, раскрывающий сокровенные тайны души, и полнозвучный голос, летящий набатом по пустынным просторам пампы. В тот раз пустыне выпало услышать то, что не часто доводилось слышать даже в столицах цивилизованного мира. Прозвучал голос Поэта, кандидата в сенаторы, который превратил свои стихи в оружие борьбы; «чистый свет» его поэзии, его поэтического слова падал на благодатную почву, потому что это слово звало к свободе. В какой-то степени это можно было сравнить с тем, как была воспринята рабочими «Новая Марсельеза», которую прочел им тридцать лет тому назад чилийский поэт Виктор Доминго Сильва.

Это было первое публичное политическое выступление Неруды. И оно наполнило его верой в действенную силу поэзии, способной повести за собой людей. А тем простым людям открылось, что поэзия вовсе не разодетая высокомерная Дама.

Она может быть верным товарищем, другом.

В тот же день скромные труженики устроили настоящий праздник. Принесли все, что можно было раздобыть в этих пустынных песках. Неруда был растроган до глубины души…

Он побывал везде, где люди добывали селитру. Изъездил вдоль и поперек, с рудника на рудник, всю «южноамериканскую Сахару» — всю пампу Тамаругаль. И встречался с избирателями в любое время дня и ночи. Произносил речи под открытым небом, усеянным огромными звездами, ежась от ночного северного холода, едва различая лица своих слушателей в густом тумане, который здесь называется каманча. А чаще выступал в полдень под отвесными лучами солнца, когда у рабочих обеденный перерыв. Неруда, как и прежде, начинал с приготовленных фраз, но постепенно к ним прибавлялись и другие слова, касающиеся насущных политических проблем. Потом он переходил к чтению своей поэмы. После того как газета «Сигло» издала текст этой поэмы отдельной брошюрой (27 февраля 1945 года), она, по сути, превратилась в настоящий песенник. Стихи из этой поэмы распевали по всему краю.

В поэме названы все города чилийского Севера, все рудники. Перечислены даже прозвища, которые дали этим рудникам местные жители. «Мария-пылинка» — это селитряный рудник «Мария Элена»… География труда, увиденная глазами поэта. Раскаты грома в слове «Чукикамата». Синий цвет в слове «Икике»… В Токопилье, среди чахлой растительности, цветов не найти, там «желтеют, голубеют одни лишь лодки». Антофагаста — «сотворена из света», Тальталь — «покинутая голубка», Ариука — «песчаная роза», она касается своей головкой перуанской земли и, словно «морской светлячок, открывает родине путь к заблудшему сыну»; Чили — «факел зажженный», Юг — «зеленая рукоятка ножа», Север — «твердое лезвие», а Тарапака — «высокое пламя».

Лаферте, в прошлом актер, еще в молодые годы знал на память длинные монологи в стихах. И теперь, разъезжая на автомобиле по растрескавшейся от засухи земле, нередко выступал с этими стихами. К великой радости Неруды, Элиас Лаферте, без конца слышавший «Приветствие Северу», выучил весь текст наизусть и читал его прекрасно — не сравнить с тем, как это делал Неруда, у которого поэма звучала порой под стать церковным псалмам.

Поэма «Приветствие Северу» была одной из самых впечатляющих, самых действенных программных речей в предвыборной кампании чилийских коммунистов. Она положила начало новому направлению в ораторском искусстве. Но у поэмы,

само собой, нашлись и недоброжелатели. Хенаро Прието снова взялся за свое. В статье «Завывающий кандидат», которая была опубликована 12 февраля 1945 года, он с натужным ехидством говорит о «досточтимом кабальеро доне Нефтали Рейесе Басоальто, бывшем поэте и нынешнем кандидате в сенат от Тарапаки и Антофагасты».

Изругав на чем свет стоит поэму Неруды, язвительный Прието не успокаивается. 25 февраля 1945 года появляется его «Лирическая прокламация», где, перефразируя знаменитые строки Неруды, он пишет: «Мне по душе любовь избирателей, проголосуют — и с глаз долой». Позднее, избрав для своих новых выпадов нерудовскую «Песнь Боливару», этот злоехидный консерватор сочинил «Болинерудианскую оду».

4 марта 1945 года на парламентских выборах Пабло Неруда и Элиас Лаферте подавляющим большинством голосов были избраны в сенат республики.

91. Первая речь в сенате

Май не принес Неруде весенней радости. Хотя бы потому, что в Южном полушарии — это осенний месяц. Но зато этот май был ознаменован двумя важными событиями в жизни поэта: он становится сенатором и одновременно лауреатом Национальной литературной премии, которая в Чили присуждается не за отдельное произведение, а за все творчество в целом. Национальная литературная премия была учреждена незадолго до этого события по инициативе Союза творческой интеллигенции Чили, который возглавлял Пабло Неруда. До него этой премии были удостоены лишь прозаики: Аугусто Д'Альмар, Хоакин Эдвардо Бельо и Мариано Латорре. Неруда был моложе их всех лет на двадцать, не меньше. В Чили воздали должное поэтическому творчеству Неруды. Помимо всего, литературная награда предполагала небольшую денежную сумму.

Неруда был первым поэтом, первым писателем нового литературного поколения, который получил Национальную литературную премию. К тому же он был человеком, исповедующим коммунизм, членом коммунистической партии. А поскольку в состав жюри входили не только писатели, но и представители университета и правительственных учреждений, премия означала официальное признание политического статуса Пабло Неруды.

Итак, в мае поэт, только что ставший лауреатом, занимает сенаторское кресло… 21 мая в Парадном зале Национального конгресса собравшиеся слушают послание президента Хуана

Антонио Риоса о положении нации. Неруда присягает на верность конституции. Через несколько дней его выбирают в Комиссию по международным связям. В инаугурационной речи Неруды нет и следа его флегматичности.

Первые фразы прозвучали громовым раскатом… Председатель сената Артуро Алессандри Пальма — он дважды был президентом республики — торжественно объявляет: «Слово имеет сенатор от Тарапаки и Антофагасты, высокочтимый сеньор Рейес…» И вот высокочтимый сеньор начинает говорить:

> «Идеологические, нравственные и юридические требования, которые предъявляются ко всем нам, в моем случае обретают особую остроту…»

Да, Неруда берет на себя огромную ответственность. И дело не только в том, что он решился открыто изобличить в подлоге счетную комиссию, которая при пособничестве секретариата, по сути, незаконно лишила парламентских мандатов целого ряда кандидатов, одержавших победу на выборах. Ситуация усугубляется еще и тем, что в сенате с инаугурационной речью выступает поэт, а люди, принадлежащие цеху литераторов, редко оказывали существенное воздействие на законодательную власть. Но так или иначе Пабло Неруда говорит прежде всего как литератор и от имени всех литераторов.

> «В самом деле, — продолжает он, — писатели, чьи памятники, установленные на городских площадях после их смерти, вдохновляют парламентариев на пышные инаугурационные речи или на праздничное застолье, по большей части прожили трудную жизнь, нередко в полной безвестности, как и их нынешние собратья, хотя по праву достойны были прижизненной славы. Главная причина тому — их стихийное, неорганизованное сопротивление неправедному капиталистическому жизнеустройству. За немногим исключением… Приведу в качестве примера Бальдомеро Лильо и Карлоса Песоа Велиса, которые сумели воплотить в своих произведениях боль и надежды народа. Остальные либо принимали с покорством свое жалкое существование, либо вступали в стихийное неорганизованное противоборство со злом…»

Неруда скажет о том, что социальное положение писателя в Чили ничем не отличается от положения тех, кто в поте лица зарабатывает на жизнь, подчиняется жестоким законам найма,

терпит нужду, а в это время привилегированное меньшинство купается в роскоши. Развивая свою мысль, Неруда подчеркнет, что обладатели всех земных благ считают незыблемым существующий миропорядок, нимало не задумываясь над тем, что они благоденствуют лишь за счет страшной нищеты «благородных и мужественных тружеников чилийской пампы», которых он представляет в сенате республики. «Они, эти мои соотечественники, брошенные на произвол судьбы, безымянные, полуголодные, полураздетые, суровые от бесконечных тягот и страданий, устоявшие под пулеметными очередями, удостоили меня высокого признания: они наградили меня подлинной национальной премией».

Поэт с открытым забралом идет навстречу тем, для кого он гага avis[121] в высокочтимом сенате. Он представляет не столько цех поэтов — слишком мал их круг, чтобы выбирать своего депутата, — сколько рабочих, добывающих селитру, медь, золото; жителей прибрежных городов чилийского Севера… Их доверие наполняет его гордостью. Он уверен, что сумеет как писатель принести народу ощутимую пользу, что, приняв на себя такую ответственность, сможет облегчить рабочим их тяжкую долю, высвободить из того жалкого положения, на которое они обречены с далеких времен завоевания независимости. Довольно россказней о прекрасной жизни селитряных рабочих в хоромах, о том, что их оттуда выманили коварные волки, чье имя — «агитаторы», смутьяны.

В первом выступлении Неруды в сенате нет никакого сладкоречия, никакой выспренности и отвлеченных тирад. Он ни к кому не подлаживается, называет все своими именами, говорит подлинную правду, используя собственный жизненный опыт. В Индии ему довелось видеть нищету, которая насчитывает не одно тысячелетие, скажет поэт, но куда страшнее жизнь тех, кто ютится в земляных норах, в хибарах Пучоко-Рохаса, в Коронеле. Их жилища сделаны из всяких отбросов: картона, жести, вывороченных булыжников, железяк, обломков… Порой в комнатенке живет до четырнадцати человек, и правит там закон «теплой постели». Рабочие спят по очереди, когда приходят после тяжелой смены в карьере, и таким образом топчаны с тощими тюфяками не остывают круглый год.

Нет, бог свидетель, он ничего не придумал! Он видел все это собственными глазами. Он дышал тем воздухом. Там, на Севере, ему случалось заходить в «кубрики», где живут несемейные рабочие, — это три квадратных метра! У людей Севера практически нет воды, нет электрического света. В большинстве своем они невысокого роста из-за плохого питания. Поэт

приводит в подтверждение своих слов статистические данные, свидетельствующие о чрезвычайно низком уровне жизни и о плохом здоровье людей.

Неруда пытается найти всему этому объяснение. Нет, вовсе не неразвитое мышление привело людей к такому состоянию. Это результат деления общества на враждебные классы, это следствие феодальных пережитков. Из народа тянут все жилы. Людей презрительно именуют «ротос» — «оборванцы», потому что им нечего носить, кроме обносков, рванья…

> «Впервые выступая с этой высокой трибуны, я как чилиец, как патриот полагаю своим долгом спросить самого себя, спросить всех вас: может ли далее продолжаться такая вопиющая несправедливость?
>
> Подумать только, какая дикая нелепость! Тот, кто создает вещи, их не имеет. Ими обладает тот, кто не причастен к их созданию. И ко всему еще отказывает в праве обладать хоть самым малым тем, кто гнет на него спину. Крушители веры в справедливость, в гражданскую совесть оскорбляют со страниц газет, на которые идет бумага, сделанная руками рабочих Пуэнте-Альто, наш народ — огромное и деятельное сердце нашей родины, великий источник жизни всех ее сыновей и дочерей. Те, кто засел в комфортабельных апартаментах, построенных из бетона, добытого тяжким трудом рабочих Мелона, — а их не худо бы предоставить всем чилийцам, — те, кто расположился среди всяческих удобств, созданных руками чилийских тружеников, те, кто попивает вино из хрустальных бокалов, изготовленных рабочими Юнгая, унижают и оскорбляют бесчисленных безымянных людей труда — а у нас с ними одни корни, — которые ткут одежды, водят поезда и корабли, отвоевывают у земли селитру, уголь, металлы, поливают посевы и собирают урожаи, чтобы в ночные бессонные часы приготовить нам хлеб насущный…»

В этой речи Неруда сказал и о творчестве поэта, писателя, о его гражданской ответственности. Никто не говорит врачу, чтоб он бросил больного и перестал его лечить, а между тем писателя уговаривают: «Не заботься об участи народа. Пари в облаках. Не падай с луны на землю. Твое царство не от мира сего…»

Но Пабло Неруда не будет стоять в стороне от жизненных проблем чилийского народа.

Как раз тогда закончил свой позорный путь самый ярый антикоммунист тех десятилетий. Именно о нем сказал Неруда в

заключение своей первой речи в сенате.

> «Еще совсем недавно жил на земле маньяк, бесноватый, который, размахивая знаменем антикоммунизма, уничтожал, растаптывал, бесчестил, осквернял людей, города, села, великие памятники культуры. Этот изверг собрал вокруг себя огромные сокрушительные силы, которые он вышколил, выдрессировал, чтобы превратить в самый яростный поток ненависти и насилия, какой только знала история человечества. Сегодня, превратив в руины собственную страну, сведя в могилу миллионы людей, он валяется обугленный, скрюченный, точно обглоданный скелет, под обломками собственной крепости, над которой в высоте гордо развевается алое полотнище, украшенное звездой, серпом и молотом. Это знамя — символ свободы и одержанной победы — возвращает поруганному человечеству мир и чувство достоинства».

Поэт произносил эти слова 30 мая 1945 года, вскоре после тех исторических событий, что подарили людям надежду на будущее. За несколько недель до выступления Неруды в сенате фюрер покончил с собой в бункере имперской канцелярии. Советская армия вошла в Берлин. В Потсдаме был подписан окончательный приговор третьему рейху… Президент Риос в своем послании конгрессу заявил, что лишь по какому-то недоразумению между Чили и Советским Союзом нет официальных дипломатических отношений. Неруда, слушавший послание президента, решил, как чилийский писатель, воздать должное —

> «…великому народу, который совершил беспримерный подвиг в истории, ибо он не только достиг небывалого расцвета своей культуры, но и предпринял огромные усилия, чтобы приобщить к ней самые широкие массы. Не в пример нам, где лишь немногие простые люди могут пробиться в среду привилегированных и пользоваться культурными благами. Я совсем недавно ознакомился с официальной статистической сводкой и нашел в ней данные, которые наполнили мое сердце огромной радостью. Вот они: „За годы войны в Советском Союзе был издан миллиард экземпляров книг, которые составляют пятьдесят семь тысяч названий на разных языках“».

Неруда обращается к сенаторам с вопросом: не пора ли покончить с клеветническими измышлениями в адрес Советского Союза?

На первый взгляд у оратора, говорящего со смелой прямотой, несколько двусмысленное положение. Он — сенатор, избранный от коммунистической партии, пока еще не является ее членом. И вместе с тем, уже в самой первой речи вспоминает о славном пути, пройденном основателем Компартии Чили Луисом Эмилио Рекабарреном.

> «Коммунисты, — говорит Пабло Неруда, — вовсе не утверждают, что только они подлинные патриоты, но им бы хотелось несколько убавить риторическое звучание патриотизма, ибо оно исподволь лишает его действенной силы. Надо наполнить чувство любви к родине новым содержанием, которое призовет наш народ к сплоченности, к борьбе за социальную справедливость…»

Корни пустой риторики кроются в далеких временах. Неруда напоминает, что, когда великие отцы латиноамериканских наций с восторгом восприняли прогрессивные идеи, пришедшие из Европы, их тут же окрестили пришельцами, либералами, не вникнув в то, что эти люди, по существу, вовремя подхватили те прогрессивные веяния, которые, по счастью, достигли наших берегов.

Эта речь многих привела в восхищение. Но некоторым она была явно не по душе. Рупор партии консерваторов — Орасио Валькер Ларраин — посетовал, что «уже самые первые слова вдохновенного поэта, который представляет здесь провинции Тарапаку и Антофагасту, были направлены на то, чтобы поколебать великие традиции высокочтимого сената, ибо в них заключался выпад против решения квалификационного суда». По мнению чилийского консерватора, такая речь подрывает конституционный порядок и, по сути, нарушает давнюю практику верхней палаты.

И в самом деле, похоже, что поэт стал сенатором не только для того, чтобы разрушить существующие нормы, но и для того, чтобы поставить под сомнение саму правомочность всей государственной системы.

Для Неруды, поднявшегося на новую ступень политического сознания, настал час, когда он приступил к выполнению своего гражданского долга открыто, без всяких эвфемизмов.

И никто из семи тысяч чилийцев, собравшихся в театре «Кауполикан» 8 июля 1945 года, не удивился тому, что Пабло

Неруда официально вступил в ряды Коммунистической партии Чили.

В тот день одновременно с ним коммунистами стали известные писатели, деятели искусства, ученые, выдающиеся представители чилийской культуры и науки. Для них этот день стал кульминацией процесса формирования их революционных взглядов, который шел под воздействием самой жизни и в значительной степени под воздействием Пабло Неруды. Поэт был для них убедительным примером, ибо чувство гражданской и политической ответственности всегда было органичным в его жизни и в его поэзии.

92. Проблема времени

Как, каким образом Неруде найти, выкроить время для поэзии на его новом этапе жизни? Неужели поэт будет обречен на молчание? Неужели все время займут поездки по стране, посещения селитряных рудников, сенаторская деятельность, встречи с избирателями, разговоры с людьми, обращающимися к нему с самыми неожиданными просьбами, даже с чисто личными, требующими особой деликатности? Похоже, что все эти дела сковывают поэта по рукам и ногам!

Время… время! Где его взять? Можно ли вместить в себя все разом? Потом он во всем разберется. Поживет — увидит. Не стоит горевать раньше срока. Он же договорился с руководством партии, что ему сохранят часы для поэтического творчества. Только от него самого и зависит, как распределить время, как ограничить какими-то рамками свою общественную и политическую деятельность.

Мы знаем, что поэт невероятно любил путешествовать… Теперь он отправляется в бескрайние шири зеленой саванны Америки, в страну многоводных рек, буйной флоры и фауны. В страну, куда не мог попасть вот уже добрых двадцать лет, с того памятного дня, когда пароход бросил якорь в порту Сантус и на борт поднялась девушка по имени Маринш, которую он помнит до сих пор… На сей раз Неруда полетит самолетом до Рио-де-Жанейро. 30 июля его тепло и торжественно встретят в Бразильской академии. Поэт Мануэл Бандейра произнесет приветственное слово, в котором восславит Пабло Неруду. Нет, это не дань вежливости в тропическом варианте. Мануэл Бандейра глубоко убежден, что Неруда — великий поэт, оказавший влияние не только на испаноязычную литературу, но и на португалоязычную.

Поначалу Неруда слушает Бандейру с некоторым

удивлением. Но дальше он все более утверждается в мысли, что Бразилия не только соседствует географически с другими южноамериканскими странами (за исключением Чили). С испанским языком «соседствует» и португальский язык. Однако о Бразилии так мало знают ее соседи, словно она находится на другом континенте.

На бразильской земле Неруду радует то, что он на каждом шагу встречается с близкими и понятными ему вещами…

Да, его поэзия пересекла важнейшие языковые меридианы! В свое время Неруда убедился, что завоевал славу и признание в Испании, Мексике, Аргентине, Колумбии, Перу. Теперь он видит, какой живой отклик находит его поэзия в сердцах бразильцев, видит, что он им не чужак, а близкий по духу поэт. К Неруде приходит вера, что его творчество обращено ко всей Латинской Америке. А быть может, не только к ней…

На встрече в Бразильской академии все было так, точно в широко распахнутые окна ворвался горячий тропический воздух, в котором поэт угадывал что-то свое, родное. Голос Неруды, раздавшийся в актовом зале Академии, был встречен восторженными аплодисментами духовной элиты, которая отнюдь не отличалась прогрессивными взглядами. Почтенные мужи науки были облачены в одинаковые костюмы, и казалось, что они выполнены по модели какого-то прославленного костюмера при королевском дворе одного из Людовиков или при императорском Доме Брагансы. В стенах этого зала царила словесность тонкого, ювелирного плетения и лишь изредка звучали голоса поэтов, чутких к веяниям авангардизма.

Но как бы там ни было, наш поэт вовсе не ощущал себя «петушком на чужом птичьем дворе». Ведь он обладал счастливым свойством чувствовать себя свободно и раскованно в любой обстановке и при этом никогда не поступался собственными принципами и не прятал своих литературных и политических взглядов.

На другой день после встречи с литературной элитой в бархатных камзолах и треуголках с золотой каймой Неруда попадает в огромную, разгоряченную толпу на стадионе Рио-де-Жанейро… За две недели до этого ему довелось стоять на трибуне для почетных гостей на стадионе Покаэмбу в Сан-Паулу, где чествовали Карлоса Луиса Престеса. Там собралось ни много ни мало — сто тысяч человек… Неруду встретили с таким ликованием, с таким бурным проявлением радости, с каким впоследствии встречали кумиров футбольного поля — Пеле или Гаринчу.

Неруда всем сердцем принимает этот народ, эту землю, где

все напоено запахами Америки. Поэт уверен, что простой народ воплощает все лучшее нации, все лучшее американской земли. Могучие, нарастающие волны народных манифестаций вселяют в поэта новый прилив сил, и он с гордостью думает, что его отец — простой железнодорожник, человек из народа.

На обратном пути из Бразилии Неруда выступает в лекциями, читает стихи в Монтевидео и Буэнос-Айресе. И всюду он видит, что его встречают не только как чилийского поэта, но и как певца всей Латинской Америки. Неруда жадно впитывает в себя дух Америки, пристально вглядывается в нее и уже обдумывает все то, что потом станет великим творением, эпической поэмой, которая — так ему думается — встанет в один ряд с «Одой земледелию в тропиках», которую создал двадцать лет тому назад дон Андрес Бельо, его духовный наставник и основатель Чилийского университета, где он учился. Однако Пабло Неруда не следует классическим образцам, а творит в согласии со своим видением, со своим темпераментом.

Все, почти все готово для великого свершения… После обеда, как всегда, священные часы сиесты. Потом придут гости. Поздним вечером за дружеской беседой они с хозяином опустошат бутыль доброго вина. А утром он сядет за письменный стол и на свежую голову примется писать поэму. Слова будут ложиться на бумагу как бы сами собой, словно вырываясь на волю из его глубин… Однажды Неруда заметил, что, когда он пишет, ему гром не гром, снег не снег. А насчет вдохновения, есть оно или нет — не суть важно. Коль скоро аппетит приходит во время еды, то и вдохновение должно приходить во время работы… Он сел за стол в девять утра и начал писать на больших листах нелинованой тетради поэму, которая называется «Вершины Мачу-Пикчу». Сентябрь… Ранняя весна. И поэту кажется, что его восхождение к затерянному городу подобно внезапному приходу новой весны в его творчестве. Нет, не оправдались пророчества тех, кто считал, что поэзии Неруды уже не знать весеннего цветенья, что она навсегда скована ледяными покровами политики.

93. Высокочтимый сеньор Рейес воздает хвалу Лусиле Годой Алькайяге

Чилийская поэзия вступает в пору весеннего цветенья под лучами нескольких светил сразу… В марте 1945 года председатель чилийского сената предоставляет слово высокочтимому сеньору Рейесу. На сей раз сеньор сенатор будет говорить не о политике, а о поэзии, вернее, о поэте. Он скажет, что его маленькая страна вовсе не самый далекий край света, а

«самый близкий». Что верно, то верно: «именно из пределов Чили устремилась ввысь алая огненная стрела, чтобы пронзить небосвод человеческого мышления и зажечь на этом небосводе новую звезду».

Неруда склоняется в низком поклоне перед Лусилой Годой Алькайягой, перед женщиной, чье главенство неоспоримо, перед поэтессой из народных глубин, которая взяла себе псевдоним — Габриэла Мистраль («имя архангела и фамилия-ветер» — так говорила Мария Тереса Леон). Ее, Габриэлу Мистраль, первую среди всех латиноамериканских писателей и поэтов удостоили Нобелевской премии. И Неруда испытывает искреннюю радость. Он видит в этом знаменательном событии коллективную победу и считает, что это «достойное признание великих заслуг простого народа». Поэт говорит, что в Чили и сегодня живут маленькие Габриэлы, чей поэтический талант будет зарыт в землю, загублен, и они останутся в полной безвестности.

Сенат слушал речь Неруды, затаив дыхание. Шутка ли — Неруда и Габриэла Мистраль. Два великих поэта Чили! Слова Неруды возносятся ввысь, ведь Габриэла для него вершина, звезда первой величины. И одновременно эти слова проникают в глубь земли, где потаенно, золотоносной жилой лежит ее поэзия, которая выразила боль и страдания многих и многих чилийцев. Поэзия Габриэлы рождена не только особой обостренной восприимчивостью ее души. Эту поэзию питали все горести и лишения, которые Габриэла видела с самого детства… Нет, сладкозвучный Орфей не заглядывал в ее суровые края… Неруда говорит, что все творчество Габриэлы Мистраль пронизано живительным состраданием, сопереживанием. Ее поэзия не призывает к бунту и не навязывает никаких догматов, никаких нравоучений. «Но сострадание Габриэлы не оборачивается уничижающей жалостью, оно выше этой жалости». Пабло Неруда восхищается талантом поэтессы, однако это не мешает ему провести между ними разграничительную линию. Его поэзия достигла иных пределов. Нет, Неруда вовсе не умаляет заслуг тех, «кто сострадает обездоленному народу, всем униженным и оскорбленным», он глубоко чтит писателей, которые, следуя заветам великих гуманистов, следуя Достоевскому и Горькому, любят свой народ. «Но многие люди, — добавляет Неруда, — читая произведения этих писателей, проникаются не одним лишь чувством сострадания… Да и сам Горький участвует в политической борьбе. Разве он не внес свой весомый вклад в установление справедливого миропорядка, который зиждется на чувстве нежности и любви к человеку?» В своей речи Неруда не сказал собравшимся, что когда-то Габриэла приносила ему,

маленькому лицеисту, книги этих великих писателей. Но называя их имена, он помнил, что она была его первой наставницей и ввела в мир этих удивительных книг.

В чем-то сущностном, глубинном Неруда схож, созвучен с Габриэлой. И он сказал об этом в своей знаменитой речи: «Она испытывает великую любовь к неповторимой географии чилийской земли и ко всему чилийскому народу». Ее волнует судьба нации. В поэтическом слове Габриэлы четко просматриваются знак вопроса и одновременно утверждение всего подлинно национального. Габриэла Мистраль воспевает само «существо» своей родины, воспевает народ, цветы, хлеба, камни. Она смотрит прямо в лицо Чили. И увиденное, пережитое переплавляет в поэтическом слове. Все, решительно все свидетельствует, что Габриэла Мистраль — плоть от плоти чилийской земли.

Неруда подчеркнет, что Габриэлу всегда возмущали всяческие потуги на аристократизм, рабское преклонение перед Европой. Она освятила своим талантом все самобытное, органичное чилийской нации, и именно это принесло ей всемирную славу.

Лавровый венок Нобелевской премии — это наказ оберегать, лелеять каждый росток творческой мысли, творческой энергии, который появляется на чилийской земле. Но это неосуществимо, пока будет заброшена, лишена всяческого внимания та великая рудоносная жила — чилийский народ, — что даровала нам поэтический гений Габриэлы Мистраль. Мы должны вызволить наш народ из этого бедственного состояния, чтобы наши дети обрели возможность с предельной полнотой развивать свои творческие способности. Неруда целует «гордое и прекрасное араукано-испанское чело Габриэлы Мистраль».

В речи Неруды чувствовалось его особое, чистое личное отношение к Габриэле Мистраль. Его сближала с ней любовь к родине, к народу, однако они были совершенно разными. Небо и земля! Да. Неруда, как и Габриэла Мистраль, вышел из народа, и его талант мог бы легко пропасть, если б не эта особая целеустремленность, если б не вера в свое призвание, твердая воля — словом, те свойства характера, которые присущи и Габриэле Мистраль…

В те дни, когда вся страна испытывала чувство законной гордости, нашлось немало людей, которые поспешили заявить с известным злорадством, что Неруде во веки веков не видать Нобелевской премии. Он — коммунист, да и вряд ли такую высокую награду получит еще один поэт из маленькой страны, приютившейся на самом краю света.

94. Pro memoria [122]

1946 год не сулил поэту особых бурь и потрясений. Множество забот, повседневных дел… Январь принес ему награду мексиканского правительства — орден Ацтекского Орла. Затем посыпались одна за другой разные премии и знаки отличия. Но Ацтекский Орел — предмет особой гордости Неруды, полюбившего Мексику на всю жизнь.

Однако мирное начало года оказалось обманчивым. В жизни поэта неожиданно возникла весьма сложная ситуация. Как в одном из произведений Шекспира, смерть сплелась с предательством, с изменой. В загородном доме «Пайдауэ» умер от рака президент республики Хуан Антонио Риос. Его место занял вице-президент Альфредо Дуальде — радикал, богатый помещик, владевший земельными угодьями на юге страны. Он проник в сенат путем беззастенчивого подкупа арендаторов, которых, точно скот, свозил к избирательным пунктам. Это он в свое время был изобличен Нерудой в стихотворении «Выборы в Чимбаронго»… Несмотря на свою долголетнюю сенаторскую практику, Дуальде полагал, что политикой вправе заниматься лишь люди благородного происхождения, лишь «настоящие кабальеро». Вдобавок ко всему этот ловкий махинатор считал себя непререкаемым авторитетом и твердо верил, что он один может пользоваться властью так, как ему заблагорассудится.

Это была пора серьезного соперничества между социалистами и коммунистами, усугубленного расколом Народного фронта. Группа во главе с Бернардо Ибаньесом вошла во временный правительственный кабинет Альфредо Дуальде. Они провозгласили политику так называемого «третьего фронта». Бернардо Ибаньес все более откровенно проявлял свою ненависть к профсоюзному движению, хотя, как это ни парадоксально, был генеральным секретарем Конфедерации трудящихся Чили. Ему было невмоготу видеть, что рабочие выбирают своими вожаками коммунистов.

Лаферте и Неруда тем временем ведут активную деятельность в пампе, на Севере, где вспыхнула забастовка рабочих на селитряных рудниках «Умберстоун» и «Мапочо».

Неруда написал обо всем, что увидел, своеобразный «отчет в стихах», нечто близкое по стилю историческим хроникам:

> Я с безымянными героями встречался в пампе,
> что добывают снег живительный и хрупкий —
> селитру,
> раскалывая твердую кору планеты.

Их руки заскорузлые я пожимал
и тем гордился.

Они сказали мне: «Ты посмотри,
товарищ, брат, как мы живем,
здесь, в „Умберстоуне“, в „Мапочо“,
в „Рикавентуре“ и в „Паломе“,
в „Пан-де-Асукар“ и в „Пьохильо“».

Они мне показали, какая
жалкая и скудная у них еда,
пол земляной, холодный в лачугах тесных.
Увидел я и пыль, и зной, и ветхую одежду,
и одиночество без края.

Дробильщиков увидел я работу.
На деревянной рукояти лопат
впечатаны глубокие следы их рук.

Услышал голос я, он шел
из горла узкого, пробитого в земле,
как будто бы из чрева ада.
А вскоре показался человек
оттуда — лица не рассмотреть
под маской страшной
из пота, крови, пыли.

И он сказал: «Брат мой, везде, где будешь,
рассказывай о наших муках,
рассказывай, как брат родной о брате,
живущем здесь, в аду».

В этих стихах Пабло Неруда говорит от первого лица: «Я был там… я труд их видел… они мне рассказали…» Да! Он видел все воочию. И выполнил, как подобает парламентарию-коммунисту, наказ рабочих селитряных рудников. Они просили его выступить в их защиту, рассказать подлинную правду о причине их забастовки.

Гражданский долг повелел поэту приехать к бастующим на Север. Он стал их защитой, щитом, глашатаем, поэтом, герольдом, провозвестником. Стал их живой Памятью. Голос Неруды прозвучал на всю страну.

Тихим летним вечером, когда уже меркнул закатный свет, мы

стояли в тесной толпе у президентского дворца Ла Монеда, возле конного памятника генералу Бульнесу. Люди пришли на площадь в знак солидарности с забастовщиками рудников Умберстоуна и Мапочо. Быстро темнело… В толпе затянули старинную погребальную песню.

И вдруг ударила пулеметная очередь. Рядом со мной упала молоденькая девушка — Рамона Парра. Я ее хорошо знал. В своем стихотворении «Я их зову» Пабло Неруда скажет о Рамоне — «едва сверкнувшая звезда», «златоволосый воин». А в стихотворении «Убитые на площади 28 января 1946 года в Сантьяго-де-Чили» (одна из глав «Всеобщей песни») Неруда назовет всех павших тем летним вечером: Мануэль Антонио Лопес… Лисбоа Кальдерон, Алехандро Гутьеррес, Сесар Тапиа, Филомено Чавес.

Наша комиссия по пропаганде постаралась как можно быстрее издать эти стихи с иллюстрациями чилийского художника Хосе Вентурелли. В стихах сказано о кровавых злодеяниях, которые совершают «мастера своего дела», вооруженные до зубов. Они подло расправляются с людьми и так же подло замалчивают эти расправы… «как если бы не умирал никто, / как если б камни падали на землю, вода на воду[123]».

Неруда требует кары для убийц. Он проводит по земле черту алой кровью мучеников. По одну сторону — народ. По другую — его враги. Поэт требует, чтобы преступников судили на площади, где свершилось убийство. Нельзя допустить, чтобы убийцы стали послами в заморских странах или спокойно сидели у себя дома. Им никогда не смыть следов пролитой крови! Неруда верит, что его стихотворение обернется народной памятью. Забыть своих мертвецов?! Что может быть хуже, постыднее! Правителям на руку наше беспамятство, наша короткая память. Они ловко манипулируют народной памятью…

В Чили уже при Пиночете обнаружили могилы, где были тайно захоронены крестьяне, убитые в одну из непроглядных ночей. Самое страшное кладбище — карьер заброшенного рудника, где добывался известняк. Когда была раскрыта ужасающая тайна в Лонкене, люди решили высечь на мемориальной доске слова памяти жертвам пиночетовского террора. И эти слова взяты из стихотворения Неруды «Навеки».

И тысячи ночей придут на черных крыльях,
но не задержат дня, которого вы ждете,
ждем мы — а сколько нас, людей в широком мире!
Мы ждем его — последний день страданья,
день справедливости, в сражениях добытый.

О братья павшие, вы встанете в молчанье
и с нами будете в тот необъятный час,
когда последний бой закончится победой.

95. Странный вальс

В марте поэт дополняет цикл своих выступлений «Путешествием на Север Чили», где он, уроженец чилийского Юга, рассказывает о страждущей земле, которая показалась ему лунным кратером…

Неруда к тому времени уже завоевал прочную славу оратора, чьи слова способны проникнуть в сердца людей. Быть может, поэтому по личной просьбе кандидата на пост президента страны Габриэля Гонсалеса Виделы его назначают руководителем по проведению предвыборной пропаганды. Неруда отдаст этому делу все силы своего поэтического воображения и заплатит за это дорогой ценой…

Поэту надлежало нарисовать как можно более привлекательный образ человека, под чье знамя встали самые различные слои чилийского общества. Для пропаганды Гонсалеса Виделы — этого, по сути, малообразованного человека — используется и печать и радио. Листовки с текстами выступлений Неруды клеили на стенах домов повсюду, от Арики до мыса Последней Надежды. Особую популярность обрело имя Гонсалеса Виделы после того, как появилась песня на слова Пабло Неруды. Он сочинил эту песню по совету своей давней приятельницы из Темуко — известной певицы Бланки Хаусер. Она приехала в Сантьяго к мужу, Армандо Карвахалю, тогдашнему дирижеру Симфонического оркестра Чили. Вместе с ней приехала и ее подруга, тоже певица. Что-то сразу привлекло Неруду в этой женщине. Она как-то удивительно смеялась. Друг Неруды композитор Котапос говорил, что ее смех падает откуда-то сверху, «точно сокол с высокой башни». Неруда слушал, как пела эта женщина «Гимн левых сил», когда ее записывали на пластинку в студии. В музыке не было ничего оригинального. Чуть подправили популярную и прилипчивую мелодию «Ром и кока-кола», которую распевали сестры Эндрю…

Неруда захотел добиться расположения этой певицы с раскатистым, заразительным смехом. И добился. Возник роман. Но поэт в ту пору был занят по горло делами. Женщина, чей смех слетал птицей, исчезла. Вскоре Пабло отправился на Север Чили. А его подруга, чье имя он толком не запомнил, уехала в Мексику. Словом, все кончилось. Еще одно дорожное приключение, не

более…

Некоторые утверждают, что дом поэта «Лос Гиндос», который он сам окрестил «Мичоакан», вошел в число трех самых гостеприимных писательских домов Латинской Америки. Два другие — дом Виктории Окампо в Сан-Исидро (Аргентина) и дом Гильермо Валенсии в Попайяне (Колумбия)…

В «Мичоакане» — новый гость. Один из истинно латиноамериканских, а если воспользоваться словами Поля Валери, «самых субстанциальных» писателей континента. Это — Мигель Анхель Астуриас. Неруда встретил выдающегося гватемальского романиста с распростертыми объятиями. Еще бы! К нему приехал близкий и дорогой друг, «великий индюк», автор романа «Сеньор президент», который как бы заново, на высочайшем художественном уровне открывает романный цикл о латиноамериканском диктаторе. Предтечей этого цикла можно считать испанского писателя Валье Инклана, создавшего роман «Тиран Бандерас»…

Пабло Неруда разъезжает по всей стране. Ему сообщают, что его произведения печатаются за границей. В Чехословакии издали «Испанию в сердце». В Дании и в Соединенных Штатах вышло «Местожительство — Земля». Неруда узнает, что в Сан-Паулу расхватали, словно горячие пирожки, его книгу «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния» на португальском языке.

Однако давно известно, что далеко не все любят поэзию. Да к тому же у Неруды уже есть серьезные враги, причем не только откровенные, но и скрытые. Среди них — новый президент Чили. Подумать — Неруда столько сделал для его победы на выборах! Разве не он возглавлял всю пропагандистскую работу в предвыборной кампании? Разве не он написал стихотворение «Народ зовет его Габриэль!»? Разве не он читал это стихотворение перед тысячами людей, заполнявшими трибуны Национального стадиона? Поэт читал его повсюду: в больших и маленьких городах, в поселках, в деревнях. Оно стало гвоздем программы в предвыборных выступлениях. Да… но Габриэль, воспетый в стихах, вовсе не эпический герой. К тому же он плохо разбирается в поэзии. Для него она — китайская грамота. Но главное — его бесит огромная популярность Пабло Неруды. Однако он умелый лицемер. У него всегда наготове какая-нибудь любезность. Он умеет показать в улыбке все тридцать два зуба…

Гонсалес Видела помнил, что его победа на выборах во многом зависела от поддержки коммунистов. Тонким голосом, почти фальцетом (у него была скверная дикция, и он глотал окончания слов), Гонсалес Видела однажды сказал

знаменательную фразу:

> «Нет и не будет такой силы — ни божьей, ни человечьей, — которая смогла бы столкнуть меня с коммунистической партией».

Наша партия приняла решение не входить в состав нового правительства, которое пришло к власти при ее активной поддержке. Одна из главных причин — атмосфера «холодной войны». Но Гонсалес Видела, вступив на пост президента, пришел на пленум Центрального Комитета чилийской компартии и попросил его выслушать. Он говорил прочувствованные слова, за которыми скрывался явный шантаж. «Вы носите партийные билеты в карманах пиджаков. У меня этот билет — в сердце. Если в моем кабинете не будет коммунистов, я подам в отставку». После этого coup de théâtre[124] пленум принял решение о вхождении коммунистов в правительственный кабинет.

Пабло Неруда отдает все силы сенаторской деятельности. Два года подряд он честно выполняет свой долг, но чувствует какое-то внутреннее беспокойство. Будто его все время зовет чей-то голос. Да! Поэзия — ревнива. Она не терпит соперниц, особенно таких настойчивых, неотступных, как политика. Поэзия отстаивает свое главенство, а может, и свою исключительность…

И поэт, твердо зная, что поэзия — главная Любовь его жизни, с болью прислушивается к ее жалобам, упрекам, которые мучительнее всего по ночам или на нескончаемых заседаниях сената, где он, изнывая от скуки, разглядывает своих коллег. Вон кто-то задремал и прикрыл лицо рукой — артист! — чтоб никто не заметил. Но порой раздается и легкий храп. Поэт мечтает провести сиесту по-людски, отдохнуть, а потом сесть за стол и писать стихи, за которые не надо краснеть, как за это распроклятое стихотворение о Гонсалесе Виделе…

Неруда по природе своей — странник. Его одолевает жажда перемены мест. Ему хочется уехать, чтобы потом вернуться. Он должен время от времени сниматься с якоря. На сей раз магнитная стрелка его компаса указывает на родину виноградной кисти, где, как и в его родных краях, сплошные виноградники, куда ни кинь взгляд. Поэт слышит громкий зов страны, где так вкусно готовят, где такое прозрачное оливковое масло и где знают толк в вине. На этой земле царили бессмертные боги и простиралась самая великая империя. Но сердцу поэта милее всего сам народ, который живет неприметной жизнью среди древних статуй.

Неруда говорит о своем решении руководству партии. Он хочет быть послом в Италии. Идут переговоры с президентом. Тот

поначалу соглашается — таким образом он уберет поэта из Чили. Пусть уедет с глаз долой! Но, пожалуй, это слишком роскошная ссылка… Президент начинает плести интриги, и план Неруды не осуществляется.

В это же самое время Гонсалес Видела вступает в тесный контакт с адмиралом Ли, который был прислан в Чили президентом США Труменом, и договаривается с ним о том, что через несколько месяцев объявит Коммунистическую партию Чили вне закона.

Гонсалес Видела sotto voce[125] договаривается также и с правыми в сенате — а ведь именно он ведает назначением послов, — чтобы те отклонили кандидатуру Неруды. Едва приспешники Гонсалеса Виделы проголосовали против Неруды, как началась политическая возня вокруг чилийских коммунистов. Более других усердствовал сеньор Анхель Гуарельо. Он весьма высоко котировался на бирже ценностей у президента по двум причинам. Во-первых, не написал ни одной стихотворной строчки, а во-вторых, не вступал ни в какие отношения с коммунистами, разве что обратился к ним с одной-единственной просьбой — утвердить его назначение послом… в Италию. А поэту пришлось ждать почти четверть века, чтобы стать послом…

На какое-то время воцаряется относительное спокойствие. С 28 декабря — День вифлеемских младенцев — поэт твердо знает, что председатель сената никогда уже не сможет предоставить слово досточтимому сеньору Рикардо Рейесу. Ему придется предоставлять слово досточтимому сеньору Пабло Неруде. Досточтимый… Смешно! В этом зале чтут людей исключительно по протоколу, а принципы морали — не в счет.

Как бы там ни было, а в ночь на 28 декабря поэт поднимет бокал в память имени, с которым он расстанется навсегда. Осушит бокал красного вина и простится с Рикардо Эльесером Нефтали Рейесом Басоальто — нелегко выговорить это одним духом! — с именем, которое появилось в Книге записей о рождении в Парале 1 августа 1904 года. Отныне и впредь его будут называть на законных основаниях так, как называют уже много лет. С того самого времени, когда он, спасаясь от гнева отца, невзлюбившего поэтов, избрал себе псевдоним Пабло Неруда. Он будет называть себя так всюду, во всех документах. Что это? Странность, причуда? Ничего подобного! Поэт отказался от фамилий Рейес и Басоальто давным-давно. Рейес Басоальто — это худющий подросток, «жердь» из далекого Темуко, мальчишка, что ездил вместе с кондуктором Хосе дель Карменом в товарном поезде. Пока поезд стоял и рабочие грузили гравий и щебень для укрепления шпал, этот мальчишка по имени Рикардо Рейес

отыскивал яйца куропаток, гнездо «змеиной матки», плод копиуэ. Как ему нравился этот пламенеющий куст, алый, точно горячая кровь! Теперь все это — далекое, далекое прошлое, его предыстория…

В новогоднюю ночь Неруда призадумался, как это ему, «неисправимому ветренику», удается сохранить верность той, которую он любит всю жизнь — госпоже, или, вернее, сеньорите Поэзии… Он сидел в глубокой задумчивости среди праздничных масок и веселых песен.

На рассвете Неруда начинает работать. Внутри него раздается свисток ровно в семь утра и зовет его к столу. Неруда чувствует новый прилив творческих сил.

В Буэнос-Айресе выходит «Третье местожительство». В этой книге есть и его былое одиночество, и неистовство любви, и встречи с историей. Есть все, что поэт создал за десятилетие: с 1935 по 1945 год. Но есть и совершенно новая поэзия, складывающаяся в мозаику разных поэтических форм. Начало книги заметно отличается от финала. Неруда прожил годы, полные глубоких интимных переживаний, годы политических бурь, годы войны. И все это прошло через его сердце. «Третье местожительство» — книга Ночи и Дня. Ночной тьмой окутана «Утонувшая в небе»: «Я, страждущий, остановился / среди цветов засохших…», «Союз» (соната): «Ночная сладость, она венчает все…» — эти строки тоже из царства Ночи. Плотская страсть, желанная тропа, что ведет поэта к тайному укрытию. «В одном лишь слоге рубленом, сверкающем, как серебро, / я жить хочу, любовь, / в одной лишь точке / на твоей груди прекрасной…» Это последние отблески «Зеленого луча» на земле Востока, а может, солнца, опускающегося в море, которое я не раз видел вместе с Нерудой, когда бывал у него в Исла-Негра. Мы подолгу вглядывались в край закатного неба, стоя на площадке, залитой косыми лучами солнца.

Книга «Третье местожительство» похожа на дом с двумя дверями, как в фильме братьев Маркс. Из одной двери попадали в зимнюю стужу, из другой — в ясную весну. Таков и странный «Вальс», из которого рвется отчаяние: «И нет меня, и я никчемен и неведом никому». В «Вальсе» передана гнетущая атмосфера призрачного Брюсселя, где поэт страдает от беспросветного одиночества среди мертвого лунного света и «холодного блеска ножей». В сумрак погружено стихотворение «Заброшенный». Семя, погребенное в земле, не в силах пробиться к свету, ему суждено пребывать во тьме, как «косточке зимней вишни». Но росток восстанет из земли в «Воссоединении под новыми знаменами». Прорастет из глубин, поднимется среди слепящего огня и крови в

«Испании в сердце» и в «Песни любви Сталинграду».

Поэт глухого подземелья выйдет навстречу свету, «одетый в грозу, в громы и в молнии».

96. Поворот на сто восемьдесят градусов

Апрельским воскресеньем 1947 года в стране прошли муниципальные выборы. Итоги голосования открыли новые перспективы для Коммунистической партии Чили. На другой день после выборов мы — генеральный секретарь Рикардо Фонсека и два члена политической комиссии (Гало Гонсалес и я) — отправились в президентский дворец Ла Монеда, чтобы переговорить с Гонсалесом Виделой о наших планах. Мы надеялись услышать поздравление с внушительной победой. Но нас встретили крайне враждебно. Президент был похож на разъяренного быка. Он не мог допустить и мысли о том, что выборы превратят коммунистов в сильную партию. Гонсалес Видела дал нам такой совет, о котором узнали по всей стране:

> «Вам надо укрыться в темноте, „залечь на дно“, как морским рыбам, и не шуметь. Будьте там, где вас никто не видит. Для вас — это единственный способ выжить. В противном случае вы погибнете».

Едва сдерживая негодование, мы ответили, что впервые слышим подобное предложение, что оно чуждо основам демократии. Ведь решающее слово сказал чилийский народ, и следует уважать его волю.

> «Мы с вами дали обещание выполнить нашу предвыборную программу. И мы приложили все усилия, чтобы добиться цели. Что значит „залечь на дно“? Мы исколесили всю страну, ездили по всем рудникам, чтобы сделать вас президентом. И прежде вы ни разу не говорили, чтобы мы „укрывались в темноте“. Мы не претендуем на какие-то особые права. Однако мы считаем, что наше присутствие в правительственном кабинете будет служить определенной гарантией осуществления тех перемен, которые обещаны народу».

Президент резко оборвал разговор. Мы молча вышли из президентского дворца. Ощущение было такое, будто мы присутствовали при бесстыдном «стриптизе» махрового демагога.

Пабло Неруда не раз говорил в стихах и в речах в сенате об устрашающей нищете в Пучоко-Рохасе и в Лоте, да и во всем крае,

где добывают уголь. Шахтеры с маленькими лампочками на лбу идут километры и километры под толщами моря к темному забою. И не раз их путь обрывает взрыв рудничного газа. Поэт-сенатор всегда отстаивал требования бастующих шахтеров.

Я виделся с ним почти ежедневно, и чаще всего мы обсуждали события политической жизни… Отношения с президентом Гонсалесом Виделой были прерваны.

Меня и прежде многое настораживало в поведении Гонсалеса Виделы. Я был представителем коммунистической партии в канцелярии президента. Это неофициальный пост. Мне приходилось еженедельно беседовать с ним, обмениваться информацией, соображениями по разным вопросам, вносить кое-какие предложения. В один из январских понедельников 1947 года Габриэль Гонсалес Видела пришел на нашу встречу с опозданием. Оказывается, лодка, на которой он плыл со своими приближенными по озеру Пириуэйко, опрокинулась, и все, кто был вместе с ним, чуть не утонули. Их спасли крестьяне, сказал Гонсалес Видела, чей баркас оказался неподалеку. Когда один из них узнал, что спас жизнь самого президента, он оцепенел и не мог произнести ни слова. «Я дал моему спасителю пятьдесят песо».

Все собравшиеся в президентском дворце стали наперебой поздравлять Гонсалеса Виделу со счастливым исходом. Когда дошла очередь до меня, президент сказал с кривой усмешкой: «Для вас, должно быть, было бы к лучшему, если б я утонул. Вы бы вздохнули с облегчением…» Заметив мое замешательство, он поспешил дать мне совет: «Если когда-нибудь попадете в мое положение, первым делом сбросьте пиджак и ботинки, в воде они тяжелее свинца» — и перевел разговор на другую тему.

Позднее я понял, что этот человек исподволь вынашивал свои планы и ему нравилась игра в кошки-мышки.

В августе того же года я пришел на прием в Посольство Боливии по случаю Дня независимости, который праздновала эта страна. Внезапно кто-то обнял меня со спины. Оказалось — Гонсалес Видела. «Почему вы не показываетесь в Ла Монеде? — спросил он озабоченно, даже огорченно, — нельзя быть неблагодарным. Приходите ко мне завтра!» На другой день мы в том же составе, что и в первый раз, отправились на встречу с ним во дворец. Он был один в своем кабинете. И говорил совершенно иным тоном, чем в Боливийском посольстве. С раздражением и досадой рассказывал о демонстрациях протеста, которые состоялись в Бразилии в связи с его приездом туда. Он считал, что главная вина лежит на нас, коммунистах. Потом, глядя вбок и что-то рисуя на бумаге, попросил нас поддержать его решение о

роспуске конгресса.

Это было вероломное предложение и к тому же крайне необдуманное. Мы, не сговариваясь, поняли, что президент ставит нам ловушку, и ответили ему решительным отказом. Неожиданно Гонсалес Видела оборвал нашу беседу. Причем сделал это достаточно грубо.

Я рассказал обо всем Неруде. Он знал Гонсалеса Виделу лучше нас и все же, как выяснилось позже, не так хорошо, как следовало. Пожалуй, никто из нас не представлял, что это за птица. Однако Пабло Неруда, обладавший удивительной интуицией, сказал тогда: «Ясно одно — худшее впереди!» Он уже был осведомлен о секретных переговорах президента с американским адмиралом Ли (позднее об этих переговорах пространно рассказал в своих мемуарах «Миссия в Чили» посол Соединенных Штатов Клод Бауэрс). И Гонсалес Видела и Клод Бауэрс в одно время были на дипломатической службе во Франции при режиме Виши. Гонсалес Видела находился в Париже, когда туда вступили гитлеровские войска. Его привели в неописуемый восторг начищенные до зеркального блеска сапоги и военная выправка солдат, которые маршировали возле Триумфальной арки. Он поведал об этом с присущим ему косноязычием, выступая в театре «Кауполикан», когда приехал в столицу. Узнав о смертельном недуге президента Риоса, этот черный ворон тут же прилетел из Франции, чтобы описать зловещий круг, и тут же вернулся в свое гнездо, в Париж. А в октябре 1946 года он рассказал своему старому знакомцу адмиралу Ли о своих далеко идущих планах, и тот остался весьма доволен. Он заплатит коммунистам за их помощь: продержит с полгода в правительственном кабинете. А потом нагло выбросит и объявит Компартию Чили вне закона. «Да, сговор с эмиссаром Трумена приносит свои плоды. Мы еще и не то увидим», — сказал Неруда, и лицо его помрачнело.

Гонсалес Видела назначил на 21 октября встречу с делегацией чилийских коммунистов. На сей раз на встрече присутствовали министр иностранных дел Рауль Хулиет, сенатор от радикалов Улисес Кореа и другие депутаты конгресса — члены Радикальной партии. Президент решил просить нас о том, чтобы мы вывели из состава правительства трех министров-коммунистов. Мы заявили, что наши товарищи не подадут в отставку. «Их выход из правительственного кабинета означал бы серьезное нарушение всех обязательств, которые взяла на себя компартия, поддержавшая кандидатуру Гонсалеса Виделы в предвыборной кампании. Создастся впечатление, будто коммунисты первыми отказываются от своих обязательств перед

народом. Это недопустимо!» «Тогда я сам смещу их!» — пригрозил Габриэль Гонсалес. «Делайте что хотите!» Эта фраза подействовала на него, как взрывчатка. Грохнул сильнейший взрыв, и посыпались осколки, вернее, оскорбления самого пошлого сорта. Из его рта неслась густая подзаборная ругань. Это было жалкое, непристойное зрелище, ибо человек, занимающий пост президента республики, не смог соблюсти даже формальные приличия… Неожиданно Гонсалес Видела смолк и направился в ванную комнату. Через минуту-другую он вышел оттуда с мокрой головой.

Мы возвращались из президентского дворца с твердым убеждением, что наши отношения с Гонсалесом Виделой порваны окончательно и бесповоротно.

Вместе с руководством нашей партии мы незамедлительно обсудили сложившуюся обстановку и наметили программу действий. Через несколько часов к нам пришел генеральный секретарь Конфедерации трудящихся Чили, депутат Бернардо Арайя. Перед этим он посетил дворец Ла Монеда в связи с забастовкой угольщиков. Гонсалес Видела, проводивший заседание Совета министров, узнал о том, что Бернардо Арайя ждет его в приемной, и вышел к нему навстречу. В беседе с ним он сказал, что объявил открытую войну коммунистам. В ответ Бернардо Арайя заявил: «Стало быть, и мне». Президент помолчал и добавил: «Но прежде, чем ты уйдешь, обнимемся, друг!»

Генеральный секретарь конфедерации (спустя двадцать семь лет после этих событий он попадет в список «пропавших без вести», составленный кликой Пиночета) тут же направился на Мак-Ивер в здание чилийской компартии, чтобы сказать нам, что уже есть приказ об аресте всех наших руководителей. После разговора с Арайей мы поспешили на тайные квартиры. С тех дней чилийская компартия перешла на нелегальное положение, которое длилось довольно долго.

Неруде не надо было скрываться. Как сенатор, он обладал правом неприкосновенности, и, пока его не лишили мандата, он мог действовать легально.

97. Поэт обвиняет

Я встречался с поэтом по ночам. Он дал Гонсалесу Виделе меткое прозвище — Сморчок.

Неруда очень заботился о том, чтобы у меня была надежная квартира, где я мог бы жить относительно спокойно, не боясь попасть в руки преследователей. При его самом непосредственном участии меня поселили в доме колумбийского

поэта Эдуардо Каррансы, который в ту пору был культурным атташе в Посольстве Колумбии. Глубокий знаток-испанской культуры, поэт, он был далек от чилийских коммунистов, от политической борьбы. С Нерудой его сдружила поэзия. И коль скоро я был другом Неруды, он и ко мне отнесся как к другу. И не только он, но и его жена, которую Пабло назвал «нежная Росита Коронадо». Я и сейчас мысленно вижу, как она держит в руках плетеную корзину, где лежит их новорожденная дочь. В этом доме с окнами на площадь Педро де Вальдивия мы и встречались с Нерудой. От него я узнал, что он работает над важным политическим документом, который будет назван «Личное письмо миллионам людей». Это письмо было опубликовано в венесуэльской столичной газете «Насиональ» 27 ноября 1947 года. По сути это был политический доклад о внутреннем положении страны, адресованный международной общественности. И поначалу он назывался «Кризис демократии в Чили — драматическое предупреждение всем странам нашего континента». В этом докладе поэт говорит ясным, прямым языком, называя все своими именами. Он полагает, что, помимо Чили, и другие страны Латинской Америки испытывают на себе тяжкие последствия внешнего давления, и подчеркивает опасность иностранного вмешательства. Неруда прослеживает историю взаимоотношений чилийской компартии с президентом Гонсалесом Виделой. Останавливает внимание своих читателей на интервью, которое президент Чили дал 18 июня 1947 года корреспондентке лондонской газеты «Ньюс кроникл». Озадаченная журналистка написала в комментариях к интервью:

> «Президент Гонсалес Видела считает, что война между Россией и Соединенными Штатами начнется не позже чем через три месяца. Именно этим он и руководствуется в своей внутренней и внешней политике».

Дальше следует:

> «Президент добавил, что только неизбежность этой войны объясняет все его действия в отношении чилийских коммунистов, а лично он не имеет к ним особых претензий».

И еще одно заявление:

> «Чили должна сотрудничать со своим могущественным соседом — Соединенными Штатами.

Когда начнется война, Чили выступит на стороне США».

Одна из глав нерудовского обвинительного документа имеет красноречивое название: «Предательство Гонсалеса Виделы». Поэт рассказывает о том, какое впечатление складывается от общения с этим человеком. «Хочу стать президентом» — это была главная мечта в жизни Гонсалеса Виделы. Неруда говорит и о вероломном плане президента, о котором тот не постыдился рассказать руководству чилийской компартии, когда принимал его в Ла Монеде. «Видела намеревался создать военное правительство без участия политических партий». И надеялся, что Закон о чрезвычайных полномочиях автоматически сделает его полновластным диктатором, развяжет ему руки… В этом докладе Неруда приводит в качестве примера историю Хулиеты Кампусано, члена городского совета Сантьяго. Она была брошена в тюрьму на последнем месяце беременности и там из-за перенесенных волнений, из-за пыток, которым ее подвергли по приказу президента, родила раньше срока. А еще совсем недавно Хулиета Кампусано сопровождала Гонсалеса Виделу в его поездках по стране во время предвыборной кампании! С особым негодованием Неруда говорит, что Гонсалес Видела, который в течение нескольких лет возглавлял испано-чилийскую антифранкистскую ассоциацию, начал изгонять из страны испанских беженцев, прибывших на чилийскую землю на «Виннипеге». Он открыл концлагеря в Писагуа и в других местах Чили. С помощью ловко сфабрикованных фальшивок он порвал дипломатические отношения с Югославией, а потом — с Советским Союзом и Чехословакией. И это при том, что в свое время ему довелось быть почетным президентом Чилийско-советского центра культурных связей!

Этот документ, созданный в самый разгар битвы, завершается главой, названной «Личный завет». Он высвечивает нам многие стороны духовной жизни поэта. Неруда пишет, что научился многому в годы сенаторской деятельности и литературного творчества от случая к случаю. Эти годы сблизили его с народом, помогли ему понять то, в чем прежде он не разбирался.

> «Но два месяца тому назад компартия предложила мне уделять больше времени и внимания поэзии, поэтическому творчеству. С этой целью мне дали возможность жить в полном уединении, один на один с собою, потому что я должен завершить работу над „Всеобщей песнью“».

Поэт гордится тем, что чилийские коммунисты высоко ценят

и уважают его поэтический труд, его поэзию. Он сразу начинает писать стихи. «Прикладывает ухо к земле, чтобы услышать, как разрастаются корни». Но коварный предатель нарушает его уединение. Неруда решительно выходит из своего убежища в Исла-Негра и занимает место в первых рядах бойцов за правду. Он готов, не жалея сил и жизни, выполнить высокий долг писателя и гражданина. Не задумываясь об опасности, Неруда смело идет в атаку против Габриэля Гонсалеса Виделы. И тот не замедлил с ответом. Организовал «политический процесс» над Нерудой и обратился в трибунал с просьбой лишить мандата сенатора-«клеветника».

Когда Неруду лишили сенаторской неприкосновенности, он попытался выехать из страны в аргентинский город Мендосу. Его повез туда на собственной машине посол Мексики Альба. Однако на границе их задержали полицейские…

Новый год Неруда встречал с нами. Он, как всегда, много шутил, наряжался в какие-то немыслимые костюмы, но бой часов, возвестивший начало 1948 года, не сулил нам никакой радости. Впрочем, Пабло Неруда никогда не поддавался унынию. Он был из породы тех людей, которые твердо верят, что огонь борьбы согревает душу… 2 января Пабло Неруда при мне работал над речью, которую должен был произнести на ближайшей сессии сената. Поэт диктовал текст речи своему другу, аргентинскому адвокату Фаустино Хорхе. По своему содержанию и эмоциональному настрою она перекликается со знаменитым выступлением Эмиля Золя. Не случайно Пабло Неруда назвал эту речь «Я обвиняю». Он был хорошо знаком с материалами судебного процесса Дрейфуса.

В зале сената воцарилась напряженная тишина, едва поэт начал говорить. Он напомнил, что семь лет тому назад, 6 января 1941 года, Франклин Делано Рузвельт направил послание конгрессу, в котором были провозглашены четыре главных принципа свободы: свобода слова, свобода вероисповедания, право на жизнь без нищеты и без страха. Этим посланием президент США четко противопоставил себя Адольфу Гитлеру… Но в Чили преследуют каждого, кто говорит правду. Люди живут в страхе, оттого что в стране нет свободы слова. Это старая, извечная трагедия латиноамериканцев. Те, кто полагает, что критиковать политику президента — это все равно, что предавать родину, имеют весьма жалкое представление о патриотизме. Неруда привел слова из речи Гонсалеса Виделы на площади Конституции:

«Вот, сеньоры, чего добиваются эти переодетые

фашисты, которых мы хорошо знаем. И мне эти „черные Лавали“ из левых страшнее, чем правые: я видел, как они орудовали в благородной Франции…

Антикоммунизм есть, по сути, — преследование и уничтожение рабочего класса…

Когда гитлеровские нацисты вторглись во Францию и взяли Париж, они вовсе не требовали у рабочих показывать партийный билет, чтобы бросить их за решетку или отправить на принудительные работы. Достаточно было для этой меры членства в каком-нибудь синдикате…»

Вот вам автопортрет Лаваля{115} в креольском варианте.

Пабло Неруда произносит свой приговор. Он приводит тринадцать пунктов обвинения, основанных на самых очевидных и уличающих доказательствах. Поэт говорит и о том, что прошлой ночью его дом попытались поджечь, что огонь охватил входные двери. Поскольку его личный телефон находится под контролем правительства, ему не удалось дозвониться в полицию, да и вряд ли полиция поспешила бы на помощь.

Говорить правду — это не значит наносить оскорбление… Поэт оставит за собой право на наказание, он будет преследовать виновного до конца его дней. И сделает это с помощью своих литературных творений.

«Полагаю своим долгом сказать об этом в большой эпической поэме „Всеобщая песнь Чили“, где я воспеваю чилийскую землю и славные события нашей истории. И сделаю это с той же честностью и прямотой, с какой занимаюсь политической деятельностью».

За ночь до выступления Неруда выслушал приговор Апелляционного суда, который вынес решение о лишении его сенаторской неприкосновенности. В ответ он сказал: «Только народ вправе лишить меня сенаторского мандата!»

98. Жизнь в подполье

Как только Верховный суд подтвердил решение нижестоящих судебных инстанций, жизнь Неруды оказалась в опасности. Он должен был немедленно перейти на нелегальное положение. И поэт вместе с Делией уходит в глубокое подполье. Теперь они — «дядя Педро» и «тетя Сара». Поскольку надежных, верных укрытий было совсем немного, мы иногда оказывались в одном доме илижкили там поочередно. Как правило, нас прятали в

маленьких тесных квартирках. Окна одной из них глядели прямо на нашего главного врага — Посольство Соединенных Штатов, куда сходились все нити заговора против чилийских коммунистов. Однажды в убежище, похожее на спичечный коробок, нагрянули гости, друзья хозяйки. «Дяде Педро» и «тете Саре» пришлось, как в старинных комедиях, спрятаться в платяном шкафу, куда они с трудом влезли. Хорошо еще, что Пабло, которому вдруг захотелось чихнуть, сумел удержаться. Было решено, что они срочно переедут в другое место. В три часа ночи их перевезли в Санта-Ана-де-Чена… Днем поэт работал над своей новой книгой. Однажды он мне сказал, что собирается изменить ее название, вернее, расширить — «Всеобщая песнь Америки». Но потом вернулся к первому варианту — «Всеобщая песнь». Эта поэма требовала не только вдохновенного труда, но и постоянного обращения к различным книгам, справочникам, источникам. Поэту не хватало книг по истории, по географии… На счастье, у Неруды был друг, историк, который знал о его ночных перемещениях с квартиры на квартиру. Он и снабжал поэта всей справочной литературой. А Мураше поставлял всякую косметику, шампунь и краску для волос, которые седели все больше и больше. Днем Неруда и Делия безвылазно находились в этом загородном доме. У Пабло отросла длинная черная борода… Вечерами, когда темнело, они выходили подышать свежим воздухом. Гуляли подолгу среди фруктовых деревьев. Вскоре у них появились верные друзья: пять кошек и три собаки. А еще — лошади. В самой глубине сада они тыкались в ладони поэту и Делии, чтобы получить спелые початки маиса. Собаки каким-то особым чутьем знали, когда Неруда с Делией выйдут из дому, и всегда встречали их у дверей. Наши полуночники радовались этому, как дети.

Однажды тот самый историк повез Неруду с Делией по ночному городу. И вдруг их машину остановил полицейский. Он попросил довезти его до какого-то места. Слава богу, он сел рядом с шофером!

В этом доме с прекрасным фруктовым садом дети старательнее всех охраняли «дядю Педро» и «тетю Сару». Им нравилось смотреть, как «дядя Педро» и «тетя Сара» рисуют голубок и цветы. Как-то раз поэт велел детям вырезать нарисованные им цветы и внутри каждого аккуратно поместить маленький пузырек со сладкой водой. Ребята забрались на дерево и прикрепили эти цветы с пузырьками на высоких ветвях. Через минуту к дереву слетелись колибри. У одного из колибри был хохолок, похожий на пакетик. Он никого не подпускал к цветку. Неруда прозвал задиристую пичужку «фунтиком». Маленькие

«телохранители» поэта следили за каждым движением всех, кто приходил в их дом. Они знали, что никто не должен обнаружить «дядю Педро» и «тетю Сару»…

Однажды среди старых газет нам попалась на глаза первая страница «Импарсиаль» от 5 февраля 1948 года, где огромными буквами было напечатано: В ЧИЛИ РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПАБЛО НЕРУДА. А в центре газетной полосы помещен lead[126] с изложением информации. «На розыск парламентария-коммуниста брошены значительные силы. Генеральный прокурор Гонсалес Кастильо выдал соответствующим лицам ордер на свободное проникновение в подозреваемые дома, а также на взлом дверей. Особое внимание следует обратить на дома в Исла-Негра, где могут быть получены сведения о местопребывании Неруды». А ниже жирным шрифтом: **«Лица, которые окажут помощь в поимке Неруды, получат денежное вознаграждение».**

На первой странице помещено странное объявление в шутливом тоне, рекламирующее журнал «Топаз»: «Третья мировая война начнется в Чили взрывом атомной бомбы в здании театра „Кауполикан“». Но сама по себе эта реклама вовсе не носит случайного характера. Она лишь отклик на политическую атмосферу, созданную в стране Гонсалесом Виделой, который всюду и везде вещал о том, что третья мировая война начнется через девяносто дней. Преследование коммунистов и вожаков профсоюзного движения, охота за Пабло Нерудой — следствие президентского психоза, который, вне всякого сомнения, был подготовлен в Вашингтоне. А кроме того, этот психоз должен был служить дымовой завесой для его политического предательства.

Неруда кочует из одного убежища в другое. Вскоре весь мир узнает о том, что чилийского поэта выслеживают точно редкого зверя в Африке. Приспешники Гонсалеса Виделы организовали самую настоящую охоту-сафари. Писатели, деятели культуры, простые люди в различных странах выражают свое возмущение. И вот в июле 1948 года на Всемирном конгрессе творческой интеллигенции во Вроцлаве выступает Пабло Пикассо. Это была его первая и единственная публичная речь в жизни. Он говорил простые и проникновенные слова. Привожу это историческое выступление целиком:

«У меня есть друг, который должен был находиться здесь, с нами. Мой друг — один из самых лучших людей, что мне довелось встретить в жизни. Он не только крупнейший поэт своей страны. Он — самый большой поэт испаноязычных стран. Он — один из самых больших поэтов всего мира. Его имя — Пабло Неруда.

Мой друг, Пабло Неруда, не только великий поэт.

Он, как и все мы, творя прекрасное, стремится защитить добро. Это — главная цель его жизни. Он всегда на стороне обездоленных, на стороне тех, кто требует справедливости, кто сражается за нее. Сегодня за моим другом охотятся его преследователи, и никто уже не знает, где он сейчас, где он прячется.

Я полагаю, что наш конгресс не должен смириться с таким произволом, с такой несправедливостью, ибо это обернется против нас самих.

Если Пабло Неруда не обретет свободу, наш конгресс не будет конгрессом людей, верящих в торжество свободы. Я предлагаю вам проголосовать за следующую резолюцию, которая получит самое широкое распространение во всем мире:

„Всемирный конгресс творческой интеллигенции во Вроцлаве горячо поддерживает великого поэта Пабло Неруду и выражает ему чувство глубокого восхищения и солидарности.

Мы, 500 участников конгресса из 46 стран, перед всем миром клеймим позором беззаконные действия фашистских властей, которые посмели подвергнуть жестокому преследованию одного из самых выдающихся деятелей общемировой культуры.

Мы настоятельно требуем предоставить Пабло Неруде право свободно творить и жить там, где он захочет“».

Руководство чилийской компартии приняло решение о скорейшем выезде Неруды за границу. Там он сумеет рассказать людям обо всем, что происходит в Чили. Поначалу все разработанные планы его побега не удавались… События подпольной жизни поэта получили яркое отражение в его поэзии. Документальное свидетельство всех перипетий подполья — «Беглец», десятая глава «Всеобщей песни».

Пабло Неруда создает два вида, два типа поэзии. Первый — поэзия незамедлительного отклика, «синхронная», отражающая все то, что он только что увидел, пережил. Второй — ретроспективная поэзия, взгляд, обращенный в прошлое. «Беглец», как и другие главы — «Землю зовут Хуан», «Цветы Пунитаки», «Новогодний гимн омраченной родине», — поэтический рассказ в «настоящем времени». Все эти главы подобны потоку раскаленного металла, вытекающего из плавильни. Сквозь поэтический покров проступают реальные события жизни поэта. Стихи — пропущенный через сердце

дневник. «В эти сумрачные дни» Неруда уходил от погони. Ночная тьма прятала его от полицейских. Он проезжал город за городом, ему открывали двери друзья, и во мраке ему довелось узнать, что такое истинное братство. Чаще всего Неруда попадал в дома совершенно незнакомых людей. Ночью, лежа в постели, он спрашивал себя: «Где я? Кто эти люди? / И почему они мой сон оберегают?»

Поэту вспоминается та осенняя ночь, когда он попал в усадьбу «Санта-Ана-де-Чена». «Стояла осень винограда…» Ему нравилось слушать хозяина дома, невысокого, уже немолодого человека в очках, который служил где-то счетоводом, но знал тайны земли и деревьев и умело, как опытный хирург, обрезал старые ветви. Когда Неруда гулял среди персиковых деревьев, за ним следом ступали хозяйские кошки и собаки. В саду он разговаривал с лошадьми, что-то рассказывал им, будто это дети…

Беглец как бы проникал в какие-то неведомые ему глубины и по-новому открывал для себя людей. Они рисковали жизнью из-за него, из-за человека, которого преследовали за верность их мечтам, их чаяниям, их идеалам. Кто-то знал Неруду по одной его книге, кто-то по одному стихотворению, а кто-то — просто по имени. Но все выказывали ему уважение и сочувствие. Ведь он был жертвой вопиющего произвола!

Ночные переезды… Однажды поэта приютила молодая пара. Она — писательница, «золотистая, как налитые колосья». Он — испанец, инженер. Потом Неруда узнал, что их жизнь не заладилась и они были в разводе, но приехали вдвоем в свой крошечный домик, чтобы принять его.

Молодую женщину звали Мартой, но поэт дал ей имя Ирене. А ее бывшему мужу, инженеру — Андрес. Позже тот уехал в Каталонию.

Выдвигались разные планы побега. Но на каком остановиться? Неруда был слишком популярен, полицейские разыскивали его повсюду. Наконец друзья решили переправить поэта морем.

Неруда перебрался в Вальпараисо. Снова он вдыхал запахи Тихого океана, слушал грохот яростных волн. Его устроили в домике двух братьев, моряков. Их мать озабоченно говорила: «Разве мы сможем его принять по-людски? Какие у нас удобства?» А сыновья утешали ее: «Ничего! Он — свой!» Поэту отгородили угол возле самого окна, в которое глядели бесчисленные огоньки — глаза города, его холмов. Неруда долго смотрел на эти огоньки, а потом обернулся и увидел «накрытый стол, / сверкающую белизной салфетку, / вино и хлеб, кувшин с водой

прозрачной…» и почувствовал, как его переполняет нежность к этим людям. Много часов и дней провел Неруда у этого окна в ожидании важной вести. Братья пытались наняться на какой-нибудь пароход, а потом провести туда тайно Неруду. Но ничего не получалось. Рушились все планы и расчеты. Братьев не взяли ни на «Атомену», ни на «Султаншу». Они снова стали работать в порту на разгрузке судов… Поэт жил настоящим затворником. Он часто разглядывал из окна улицы Вальпараисо убогие жилища с ярко выкрашенными дверями и удивлялся, каким чудом все эти хибары, лачуги удерживаются на самом краю обрывов. А еще он любил провожать глазами уходящие в открытое море корабли… Никогда больше ему не случилось так внимательно и долго созерцать город Вальпараисо. Быть может, тогда и промелькнула мысль или мечта о собственном доме на одном из холмов этого порта. Потом Неруда выстроит дом и назовет его «Ла Себастьяна»… А в те дни затворничества поэт объяснился в любви городу Вальпараисо. «Люблю тебя, Вальпараисо, / люблю сияние твое / и что таишь в себе…» Там, сидя за столом у окна, Неруда написал: «Плыву я по листам бумаги… Вальпараисо, / и признаюсь тебе в любви, / мы встретимся с тобою вновь, / когда свободу обретем…»

Законы жизни в подполье не позволяют долгое время находиться в одном доме. Надо менять жилье. И Неруда кочевал с места на место. Во всех домах — как правило, они были самыми скромными — он встречал настоящее гостеприимство и готовность хранить его тайну. Неруда жил у жестянщика, потом у женщины, воспитавшей двух дочерей, «у нерасторопного крестьянина», у мыловара. Его приютил «юноша, приколотый, как мотылек, / к унынию конторской службы». Поэт входил в дома совершенно незнакомых людей, и они встречали его, как родного брата.

В строках поэмы «Беглец» поэт всем сердцем благодарит тех, кто открыл ему двери, кто пожал ему руку, кто ждал его в ночной темноте. Он не чувствовал себя одиноким. Он был неотторжимым от народа, самим народом, который пришел к нему на помощь в час испытаний.

99. В поисках выхода

Когда провалился план побега на пароходе, разгневанный Неруда вернулся в Сантьяго.

Как только Неруду лишили сенаторского мандата, чилийская компартия предприняла целый ряд мер, чтобы не допустить его ареста. Выдвигались самые различные планы побега. Поэт должен

живым и невредимым уехать из Чили. Но поначалу все планы проваливались, как, к примеру, в Вальпараисо. Некоторые предложения отметались сразу.

У Чили две границы: на западе — океан, на востоке — Кордильеры. Но путь океаном закрыт. Остаются Анды. Мы разработали новый план побега Неруды, предусматривающий несколько этапов… И вот в один из поздних вечеров руководство партии устроило поэту проводы. Это были часы дружбы и прощания. Лицо Неруды, обрамленное темной бородой, светилось. На рассвете за ним приехала машина. Мы поочередно обнялись с ним. Знали, что расстаемся надолго…

Прошло уже более полугода, как Неруда, спасаясь от полицейских преследований, ушел в подполье. Руководство чилийской компартии связалось с Хорхе Бельетом Бастиасом. Это был человек острого и быстрого ума, удивительного мужества и богатырской силы. Он перепробовал множество профессий в Чили и за границей. Авантюрный дух сочетался в нем с природной осмотрительностью, чувство ответственности настоящего революционера — с деловой практической сметкой. К тому же Хорхе Бельет любил поэзию и почитал поэтов. Оттого кому-то из нас и пришла в голову мысль, что он, как никто другой, сумеет выполнить наше трудное поручение. Кроме того, выбирая Хорхе Бельета, мы руководствовались и вполне конкретными вещами. В это время Бельет был управляющим на лесных разработках в провинции Вальдивия, граничащей с Кордильерами, покрытыми в тех местах густым, почти непроходимым лесом. Отец Бельета был француз, а мать чилийка. Одна из его сестер, скульптор, погибла очень молодой: разбилась о скалы в море. Вместе со своим братом Бельет пытал счастья в земледелии, в промышленности, в торговле, наладил в Арике производство копченого мяса. И при этом его всегда тянуло к искусству, к наукам… А тут речь идет о друге его друзей! В свое время Хорхе Бельет занимал довольно высокий пост в гражданской авиации Чили. Он любил рассекать бескрайние небесные просторы, но и умел ходить по земле, пробираться сквозь лесные чащобы, переплывать бурные реки в тех краях, что лежат неподалеку от города детства Неруды — Темуко.

«Да!» — не раздумывая, ответил Бельет, когда мы обратились к нему за советом и помощью. Но переход через Анды возможен лишь летом… По нашей просьбе Хорхе Бельет приехал в Сантьяго, где у него состоялся разговор с Рикардо Фонсекой и Гало Гонсалесом. Они обсудили разные планы. Остановились на двух вариантах. Один — уехать из Сантьяго в Вальдивию и оттуда к границе с Аргентиной, но уже в сопровождении верных людей,

которые сумеют прикрыть Неруду — предполагалось человек двадцать — и, в случае провала, спасти его от ареста и от пули. Однако потом этот вариант отклонили. Несмотря на явные преимущества, он таил в себе множество опасностей, уязвимых моментов.

Остановились на более скромном варианте, где все должно было держаться в строжайшей тайне. Помимо самых ответственных руководителей компартии, обо всех деталях плана знали лишь двое: сам Неруда и Хорхе Бельет.

С каждым днем обстановка становилась все напряженнее. Казалось, вот-вот сомкнется роковое кольцо вокруг Пабло Неруды. По приказу Гонсалеса Виделы полицейские организовали слежку за двумя сотнями людей, которые значились в списке друзей и знакомых поэта. Отряды полицейских, как правило на рассвете, врывались в усадьбы, расположенные за сотни километров от Сантьяго, а поэт тем временем отсиживался в доме на проспекте Провиденсиа, возле площади Педро де Вальдивия. Мы предоставили в распоряжение Бельета автомобиль и опытного шофера. У Бельета был список членов компартии, что жили по обе стороны от главного шоссе, протянувшегося к югу. Им всем было наказано не отлучаться надолго из дому, хотя причин никому не объяснили.

В девять вечера в назначенный день к дому, где укрывался Неруда, подъехала машина, в которой сидели доктор Рауль Бульнес Серда и Хорхе Бельет. Это был тот самый доктор, что жил рядом с Нерудой в Исла-Негра. Великолепный сад доктора и его жены Лалы вызывал откровенную зависть у поэта. В воскресные дни Рауль Бульнес Серда с утра до вечера священнодействовал в этом саду, колдовал над цветами и деревьями. Между поэтом и доктором-садовником завязалась крепкая дружба.

И вот настал день, когда доктор Бульнес приехал на своей машине в Сантьяго, чтобы отвезти Пабло Неруду в местечко Гранерос, в дом одного коммуниста, который носил подпольное имя Андрес. У дверей дома Андреса стояла другая машина, а за ее рулем сидел знакомый поэту шофер.

Этот шофер, к слову сказать, не узнал своего пассажира, на котором был какой-то немыслимый наряд. Да и густая борода изменила его лицо до неузнаваемости. Шофер, конечно, не имел даже отдаленного представления о том, кого он вез. Незадолго до этого его предупредили, что пассажир — орнитолог Антонио Руис.

Даже в труднейших условиях подполья Неруда оставался верен себе. Выбрал имя великого поэта Антонио Мачадо и фамилию Руис, что принадлежала в разные столетия крупнейшим

писателям[116]. И не случайно ему вздумалось назвать себя орнитологом: по сути, он и был им, потому что знал великое множество вещей о птицах своей родины. Знаменательно, что впоследствии появится сборник стихов Неруды «Птицы Чили». Но какая была бы безрассудная дерзость назваться орнитологом в удостоверении личности, выданном в Главном управлении Записей актов гражданского состояния 1 апреля 1946 года! (Это удостоверение за номером 444968 было действительно до 1950 года.) Как же чиновнику не оглядеть с нескрываемым любопытством располневшего сеньора сорока лет, круглолицего, с густой бородой, с темными усами треугольником и лысиной, которая просвечивала сквозь редкие тоненькие волосы… Странная профессия! Непонятное слово! Это непривычное слово «орнитолог» заставит пограничника внимательнее присмотреться к небольшим глазам под густыми бровями, к мясистому носу и с каким-то неясным беспокойством подумать, что стоящий перед ним человек «похож на…». А поэт решил, что лучше всего быть орнитологом Антонио Руисом Лагорретой.

Его друзья одобрили и выбранное имя, и две фамилии. Обросший бородой Неруда выглядел старше своих лет, и, видимо, поэтому он прибавил себе три года. В удостоверении личности в графе «дата рождения» стоит 14 февраля 1901 года. Поэт послушался совета друзей не упоминать Парраль и Темуко и сделал местом своего рождения Сантьяго, где среди нагромождения грязно-серых домов легко замести следы и возникнуть в новом обличье. В документе ни слова не говорилось о Делии дель Карриль. Неруда «позволил себе грешок», который в Чили с легкостью совершают женатые мужчины, — взял и сделался холостяком. Словом, пошел на многие хитрости, чтобы одержать верх над своими преследователями. И все же дерзнул сказать истинную правду! В графе «читаете» он написал «ДА» прописными буквами. А в графе «пишете» (в документе этот вопрос означен сокращенно: «пиш.») поставил «Да!» с восклицательным знаком.

Дав волю своему воображению, поэт указал вымышленный адрес: «Улица Кармен, дом 49». Неруда никогда не бывал в этом доме, но проходил мимо него десятки раз еще до отъезда на Восток. Номер дома он указал наобум, но, слава богу, такой дом существовал. В общем, все было в порядке. Однако Неруда, искушая судьбу, упрямо хотел быть только орнитологом. Ему нравилось и это слово, и эта профессия. Порой в шутку и немного актерствуя, он называл себя «поэтом-птицеловом» или «поэтом-птичником». Но друзья были непреклонны. Нет, говорили они, надо выбрать самую обыкновенную профессию, написать, к

примеру, «служащий» и все. В конце концов поэт согласился — пусть будет «служащий Руис».

Было в документе одно уязвимое место. В графе «подпись получателя» поэт вывел неразборчивое имя Антонио и фамилию Руис, но с такой букой «с», по которой любой графолог мог бы без труда распознать неповторимый почерк Пабло Неруды…

Путешествие длилось долго — почти восемьсот километров по центральному шоссе, которое проходило через большие и малые города. Все получалось как нельзя лучше, и лишь однажды, неподалеку от Вальдивии, какой-то карабинер — а они всегда торчат на проезжих дорогах — остановил их машину. Друзья не сомневались, что у них потребуют документы. Но нет! Карабинер попросил довезти его до ближайшего городка и сел рядом с бородатым сеньором, который время от времени вступал с ним в разговор, а порой — вот безрассудство! — поругивал правительство.

100. Приготовления в сельве

Трудности начались в городе Вальдивия, а особенно по дороге к Футроно, когда они оказались в краю озер. Они переплыли озеро Ранко — о нем поэт сложит стихи — и через Лифен добрались до Пуэрто-де-лос-Ёйес. Потом пересекли другое озеро — Майюе. И наконец добрались до местечка, у которого тоже было индейское название — Усинайе. Там стояли лесопильни. Хозяином тех лесов был Хосе Родригес, крупный предприниматель… Спустя годы он обанкротился и попал в тюрьму, откуда посылал отчаянные письма Пабло Неруде. К тому времени поэт уже вернулся на родину и делал все, что мог, чтобы вызволить Хосе Родригеса из заключения. На мое имя в сенат приходили одно за одним послания Неруды, в которых он просил оказать незамедлительное содействие своему благодетелю, протянувшему ему руку помощи в самый трудный час…

В тех лесах после двадцатипятилетнего перерыва Неруде пришлось снова сесть на лошадь. С тех времен, когда он проводил летние каникулы неподалеку от Темуко и писал любовные письма Альбертине Асокар, ему не случалось ездить верхом. Теперь надо было учиться этому искусству заново. Что поделаешь, коли выпало судьбой стать «странствующим рыцарем». Ведь он мог уйти, оторваться от своих гонителей только на коне… После «упражнений в верховой езде» поэт почти не чувствовал ног и все тело ныло от ушибов. Но Пабло Неруда стоически терпел все испытания, потому что не было другого выхода. Передохнув, он шел на прогулку с сыном Хорхе Бельета, одиннадцатилетним

Хуаном. А позже, вдыхая всей грудью запахи распиленных деревьев, поэт писал стихи. Каждый день они с Бельетом обсуждали ход дела. Все пока складывалось как надо.

Но вдруг точно сам дьявол сыграл с ними злую шутку! Между местным индейским касиком{117} и рабочими лесопильни возник серьезный конфликт. Не обошлось без перестрелки. Касик обратился с жалобой в Министерство землепользования, и оттуда послали чиновника для расследования всех обстоятельств дела. Узнав обо всем, Неруда побледнел. Прятаться некуда — полный провал! Несколько ночей он не смыкал глаз, обдумывая, как скрыться от столичного начальства.

И вот из окна своего убежища Пабло видит прибывшего из Сантьяго ревизора. Сердце его падает куда-то вниз… Нет, все совсем не так, как в пьесе Гоголя. Приехал — подумать только! — друг поэта Виктор Бианчи, его сверстник, человек, близкий ему по духу, разносторонне одаренный, прекрасный рисовальщик, карикатурист. Он замечательно играл на гитаре и любил петь, особенно в женском обществе, и, как немногие, умел радоваться жизни. Все его братья занимали высокие посты, кто в Верховном суде, кто на дипломатическом поприще, а он предпочел должность инспектора в Управлении по делам Национальных богатств, чтобы подолгу жить среди лесов, постигать тайны природы и чувствовать себя счастливым. Когда они обнялись и Виктор узнал, что грозит Неруде, он тут же предложил ему свою помощь.

Через много лет на одной из бесчисленных дорог Виктора Бианчи открылась дверца его машины, и он оказался под колесами встречного автомобиля. Узнав об этом несчастье, Неруда молча сел за письменный стол и написал проникновенные слова о человеке, который прибыл в поместье Уэйнауэ, чтобы начать предварительное следствие, а вместо этого присоединился к беглецам. Поэт вспомнил, что Виктор никогда не расставался со своей гитарой…

Неруда назвал эти две странички о погибшем друге «Письмо Виктору Бианчи». «Деятельный созерцатель великих подвигов и бедствий, чрезвычайных происшествий, немыслимых потрясений и звездопадного мира» — так говорил о нем поэт. Виктор взбирался на андские высоты, под стать скалолазам в Гималаях, он был среди той горстки людей, что чудом остались в живых при восхождении на вершину вулкана Аконкагуа. Ему нравилось плыть в пироге по тропическим рекам. Он был первопроходцем на островах, куда не ступал человек. Он открывал залежи каменной соли, дымящиеся серные сопки в бескрайней пустыне, а в Колумбии — самородную ртуть. Виктор Бианчи — хрупкий,

невысокий человек — побывал и в Антарктике…

> «Его гитара, как и он, любила приключения… Хорхе Бельет и мои безымянные спутники, которые пересекли со мной Анды, зря удивлялись, когда он, собираясь с нами в дорогу, привязал к седлу лишь гитару и теплое одеяло.
>
> Как нас выручала его звонкоголосая подруга! Сколько завораживающих песен он спел в Сан-Мартине-де-лос-Андес, куда мы свалились, точно чилийские аэролиты, покрытые андской пылью, похожей на пыль далеких небесных звезд… Ну что с ним сделаешь? Вот и снова удивил нас Виктор Бианчи, мой добрый товарищ! Взял и отправился вдруг со своими песнями в иные пределы…»

Каждый шаг стоил больших усилий беглецам. Они должны были прокладывать дорогу в нехоженых чащобах Анд. Главным коварным врагом, грозившим порушить все их планы, стал дождь — привычный спутник детства и отрочества Неруды. Однажды страшный ливень сделал прорубленную дорогу непроходимой. Ждать, пока подсохнет земля, они не могли и на свой страх и риск отправились «тропой контрабандистов». Неруда согласился сразу. Опасность, конечно, серьезная, но другого выхода не было.

101. К землям-антиподам

В назначенный день на рассвете они выехали в сопровождении трех молодых людей, которых Пабло называл «тремя Хуанами». Лошади ступали мерным шагом, а когда выбрались из сельвы на широкую поляну, пустились рысцой. «Моя речь будет долгим путешествием, которое я совершу в дальних краях, по земле-антиподу. Но тем не менее там многое напоминает здешний Север. Я говорю о самом Юге Чили…» Поэт вспомнил тот самый переход через недоступные Анды, о котором мы ведем речь сейчас. Вспомнил спустя четверть века в своей речи при вручении ему Нобелевской премии по литературе. И это далекое по времени воспоминание прозвучало как песнь во славу лесов его родины, тоже далекой… Те леса не знают дорог. Путники пробирались по темным глубоким тоннелям, где каждый шаг стоил неимоверного труда. Они шли почти наугад через не тронутый топором лес, стоявший грозной стеной. Им приходилось переплывать бурные реки, искать проходы среди остро громоздящихся скал. Такой была их дорога к свободе. Они

надеялись на чутье, на уменье ориентироваться и не падали духом. Единственным знаком служили им зарубки на деревьях. Они двигались вперед по враждебному царству зеленого безмолвия, где сплелись воедино одиночество, неожиданность и угроза.

Беглецов подстерегала еще одна опасность — снег, что лежал во многих местах круглый год. Ударами мачете путники срезали ветви хвойных великанов, чтобы продраться сквозь чащобу и провести лошадей. В этих глухих местах встретили гибель многие отчаянные головы. И лишь по сухим срезанным веткам можно было узнать о былых трагедиях. Грозным препятствием стали и горные реки. В этой части планеты они нисколько не похожи на реки европейские. Рождаясь в вершинах Анд, бурные потоки срываются водопадами вниз, увлекая за собой все, что встречают на своем пути.

В одном месте путникам случилось переходить такую реку вброд. Лошади вошли в воду и, потеряв дно, поплыли к другому берегу. Лошадь Неруды почти сразу чуть ли не с головой погрузилась в воду. Поэт почувствовал, что из-под него уходит опора, и вцепился в лошадиную гриву. Ему стало страшно. Он решил, что это — конец.

На другом берегу Неруда узнал, что все три Хуана плыли за ним следом с лассо в руках.

«Как раз здесь, — сказал один из них, — упал мой отец, и его унесло течением. С вами бы такого уже не случилось…»

Позже они оказались в огромном туннеле. Его создала стихия, а не человек. Должно быть, он сотворен великим сотрясением земли. Лошади заскользили, стали спотыкаться об острые камни Неруда несколько раз вылетал из седла. У его коня сочилась кровь из ноздрей и копыт…

И вдруг перед ними возникла буколическая поляна, лежавшая на пологом склоне горы. Казалось, что все вокруг — воплощение тишины и покоя. Испанец Гарсиласо де ла Вега{118} пришел бы в восторг от удивительно прозрачной воды, от сочной зелени трав, буйства полевых цветов и глубокой синевы неба.

Посреди луга лежал бычий череп. Проводники поэта спешились, подошли к черепу и с благоговейным молчанием один за другим бросили в его глазницы монетки и какую-то еду. Поэт тут же присоединился к этому священнодействию, как бы признавая, что это божество должно помогать людям, затерянным в сельве. Потом молодые люди сняли шляпы и принялись скакать на одной ноге вокруг черепа.

Они долго ехали верхом, пока наконец не добрались до теплых минеральных источников Чиу-Чиу. Пабло Неруда

рассказал в своих воспоминаниях и в речи при вручении ему Нобелевской премии об удивительном, незабываемом путешествии и о том огромном очаге, в котором горели чурбаки метров шести длиной, будто ждали часа, чтобы приветить всех, кто дерзнул вторгнуться в этот пустынный и угрюмый край… Под потолком на настиле лежали круги сыра, а над огнем на решетке жарилось мясо. Запахи теплого сыра и мяса вызвали сильное чувство голода у спутников и надежду на долгожданный и сытный ужин. Вокруг очага стояли грубо отесанные скамьи и ящики. Неруда и его спутники вытащили из седел меховые накидки и расположились в углу большущей комнаты. В первую минуту их ослепило ярким пламенем костра. Но потом, когда глаза привыкли к огню, они увидели людей. Сначала одного, потом другого, третьего… человек двадцать, не меньше. Из темноты в красных отсветах огня выступали лица закоренелых преступников. Да… это было тайное пристанище контрабандистов, перегонщиков, людей, преступивших закон. Они знали, как незаметно перейти границу, воровали скот, совершали самые разные «подвиги», умели держать в руке револьвер и нож.

Внезапно в темноте, которую рассекали оранжевые вспышки, возникло, зазвучало то, что Неруда назвал песнью о любви и разлуке, о расстоянии… «плач любви и печали, обращенный к далекой весне, к городам, откуда мы пришли, к бесконечности жизни». Поэт спросил себя, что ему было тогда, в тех обстоятельствах, важно… Знают ли они, кто я? Это осталось для него загадкой. Но так или иначе, они пели вместе с ним и вместе с ним разделили сытный ужин.

Тот отрезок пути был для Неруды не только дорогой к Свободе. Он стал метафорой жизни. Он истолковал высокий смысл поэтического искусства, ибо в поэзии сочетаются открытая правда яви и великая правда мечты, человек и природа, неприступная на первый взгляд сельва и твердая вера в то, что «нет неодолимого одиночества»…

Неруда не смутился, не оробел. Он спокойно ломал свежий сыр, нахваливал прекрасное мясо, неспешно вытащил маленькую фляжку с виски, отпил глоток-другой и, воодушевившись, начал рассказывать своим медленным, тягучим голосом невероятные истории. Через полчаса прибежище контрабандистов превратилось в нечто похожее на театр одного актера. Неруда, обладавший удивительным даром рассказчика, заворожил всех. Его слушатели — на сей раз десятка два отпетых бандитов — боялись проронить слово. Никто не говорил с ними так, как этот человек, которого они видели впервые. Среди собравшихся был и

хозяин странного жилища. Когда Неруда и его спутники собрались расплатиться с ним за кров и ужин, он не пожелал взять денег. Так он отблагодарил незнакомца, превратившего его дом в место встречи с настоящим искусством. Нет, Пабло Неруда не пел, не играл на гитаре, не выступал как артист, он пленил людей Словом, которое в их краях почти не имело цены.

Потом наши путешественники отправились в крохотные неказистые спальни. На небольшой глубине, под домом, протекала вода целительного источника, и к ним сквозь доски пола подымалось живительное тепло.

Ранним утром они искупались в одном из таких источников, чтобы смыть с себя дорожную грязь перед встречей со Свободой. Отдохнувшие, бодрые, они оседлали лошадей и с песней двинулись вперед. Казалось, и лошади радуются этим горным высотам.

VI
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СВЕТУ

102. Сан-Мартин свободных людей

И наконец — слава богу! — вот она, граница. Неруда вспомнил, что он поэт. Его взгляд упал на брошенную у дороги шпалу. Вид шпал всегда напоминал ему об отце, доне Хосе дель Кармене, который перевез на своем веку столько шпал, камня и гравия для укрепления железнодорожной насыпи. Он низко поклонился шпале и вернулся к действительности. Меч поэта-воителя начертал вдруг озорную частушку: «Как же славно дышится / на пути в Лильпелу, / не смердит своим дерьмом, / предатель Видела».

Не рыцарями печального образа вступили они в аргентинский город Сан-Мартин-де-лос-Андес, а неистовыми искателями свободы. Неруде казалось, будто с его плеч упал свинцовый плащ. Хотелось кричать во все горло. Он издал несколько невнятных воплей, но даже пылкий Бельет посоветовал не забывать об осторожности, ведь они еще не достигли тех мест, где могли бы появиться открыто. Глава экспедиции потребовал беспрекословного подчинения. Пора было приступать к третьей части намеченного плана. Им следовало предстать перед сан-мартинцами «гнусными богачами», чилийскими латифундистами с тугою мошной, которые явились сюда делать бизнес. Задача первая: поселиться в самой шикарной гостинице. Выбирать было не из чего. Остановились в «Отель де туризмо». Часа через два за ними должен был прийти аргентинский связной. Они умылись с дороги и перекусили. Время шло, но никто не появлялся. Все свои упования они возлагали на внешний облик Бельета: связные должны были обнаружить в гостинице плотного сеньора в синей ковбойке, с трубкой в зубах или в руке и в жокейской шапочке. Бельет уже чувствовал, что ему придется не менять рубашку, не снимать шапочку и не выпускать из рук трубки до пришествия мессии.

Шли дни, о посланце не было ни слуху ни духу. Чилийцы, не высовывавшие из гостиницы носа, уже привлекали к себе внимание. Нужно было что-то предпринять, дабы внушить доверие местным властям. Три мушкетера (на сей раз именно три, а не четыре) — Бельет, Бианчи и сеньор Руис — пригласили к обеду префекта полиции, начальника гарнизона и других официальных лиц; местные власти были совершенно очарованы

щедрыми и симпатичными чилийцами.

Связной все не появлялся. Они замерли в напряжении, словно птицы на электрическом проводе. Наконец, потеряв терпение и уповая на добрые отношения с начальником гарнизона, Бельет пошел на риск, который мог бы иметь весьма серьезные последствия. Он сказал полковнику, что ему нужно срочно переговорить по торговым делам со своим адвокатом в Мендосе. Полковник поинтересовался, кто его адвокат.

— Бенито Марианетти, — ответил Бельет.

Офицер так и подскочил:

— Но ведь он коммунист!

Бельет решил блефовать до конца:

— Как! Неужели?!

Полковник все-таки разрешил Бельету воспользоваться полковой рацией. Вызванный столь необычным образом, Марианетти поначалу растерялся. Он вообще не понимал, о чем идет речь, и, ошеломленный, чуть было не провалил все. Однако в конце концов разобрался. В этот момент в гостиницу явился связной. «Бизнесменов» переправили в Буэнос-Айрес.

В Буэнос-Айресе Неруда не мог не повидаться с друзьями. Встретился со старым confrère Рафаэлем Альберти. Как-то они вместе зашли к советскому послу Сергееву. Говорили о поездке в Европу. Супруга посла, художница Тамара Алексеевна Северова, очень обрадовалась Неруде и, пока мужчины разговаривали, написала его портрет. Этот портрет, на котором Неруда изображен еще молодым, сорокачетырехлетним, много лет спустя, в восьмидесятом году, муж художницы, уже покойной, подарил жившим в Москве эмигрантам-чилийцам. Северова также сделала бюст поэта, завещанный ее мужем музею в Волгограде, городе, которому поэт посвятил свои «Песни любви Сталинграду».

103. Как издавалась «Всеобщая песнь»

Неруда покинул Чили, но поручил друзьям подпольно издать «Всеобщую песнь». Поначалу этим занялись три человека: Америко Соррилья, который прежде был редактором газеты «Сигло», художник Хосе Вентурелли и еще один товарищ, чье имя мы не называем, поскольку он продолжает бороться против диктатуры Пиночета в Чили. Для подпольных изданий это была необычная книга: большого формата, толстая — такую трудно спрятать. Печатали «Песнь» главным образом двое: Гильермо Лабаете, бывший рабочий мебельной фабрики, и Мануэль Сегундо Рекабаррен Рохас, журналист, который 30 апреля 1976 года попал в лапы агентов ДИНА{119}. Накануне были арестованы

его сыновья Мануэль Гильермо и Луис Эмилио Рекабаррен Гонсалес, а также его сноха Нальвия Роса Мена Альварадон. Они исчезли. Их местонахождение неизвестно до сих пор. Нет сомнения, что их убили, как и две с половиной тысячи чилийцев, также пропавших без вести.

Было решено издать «Песнь» в пяти тысячах экземпляров, форматом 19 на 27, на 468 страницах. Это издание потребовало и соответственного количества бумаги — четыре тонны. Бумага была двух сортов: так называемая № 264, весьма неприглядная на вид, и сорт «плюма», на которой было напечатано две тысячи экземпляров подороже.

В те времена полиция с особым рвением охотилась за подпольной литературой. Во всех типографиях были сняты образцы шрифтов, и установить происхождение любой печатной продукции не представляло труда. Но тут кто-то из членов партии нашел линотипные матрицы, пролежавшие без употребления пятнадцать лет. Книгу Неруды набирал целиком один человек, верстал тоже один — товарищ Осорио. Печатал Мануэль Рекабаррен. Все виды работ делались в разных местах: набор — в одном, верстка — в другом. Сверстанные страницы, как вспоминает Сорилья, переносились в типографию, где книга и печаталась. Как неизбежно бывает в подобных случаях, в типографию нагрянули полицейские. Они перевернули все и вся в поисках нелегальной литературы. Офицер, возглавлявший операцию, отдавал приказы, облокотясь на высокую кипу бумаги, на которой сверху лежало несколько сфальцованных листов «Бегового бюллетеня». Они прикрывали листы с уже отпечатанной «Всеобщей песнью».

Что касается обложки, то материалы для нее раздобыли в разных типографиях. Клише иллюстраций Вентурелли (они делались, разумеется, отдельно от текста) удалось без особых трудностей заказать в цинкографической мастерской. С гораздо большим риском было связано печатание фотографий для форзацев. На первой фотографии был изображен Неруда, на второй он, вместе с Делией, снят со спины. Их надо было вклеить в каждый экземпляр уже переплетенной книги. Брошюровал вручную и переплетал ее один-единственный рабочий. Он жил за городом, где у него была маленькая мастерская по производству облицовочной плитки. Там он провел в полном уединении несколько месяцев, брошюруя и переплетая книгу Неруды. Корректуру держал Луис Корвалан, который в то время возглавлял Отдел пропаганды коммунистической партии. В этой работе принимал участие также Хоакин Гутьеррес{120}.

Была организована предварительная подписка на книгу

Неруды; она продавалась как изданная в Мексике, в типографии Хуареса, под фальшивой обложкой, на которой значилось: Бенигно Эспиноза. Смех и слезы.

104. Парижский дебют

Здесь нашу историю расцвечивают бесшабашная удаль и интрига. Две райские птицы, два короля поэзии, бросаются друг другу в объятия. Встреча происходит в Аргентине. За несколько лет до этого автор «Сеньора президента» воскресной ночью в Сантьяго околдовал гостей Неруды; они восхищенно ему внимали в запущенном саду, где осень опадала желтыми листьями. Он повествовал о чудесах и пророчествах Чилам-Балама{121}. Пел песни древних индийских рапсодов. С длинной учительской указкой в руке объяснял значение символов и иероглифов доколумбовых времен. И вот теперь эти гиганты духа спустились в низменные области современной жизни, занялись подделкой паспортов и удостоверений личности. Они были внешне похожи и решили использовать это обстоятельство. Неруде предстояло ехать из Буэнос-Айреса в Париж по паспорту Мигеля Анхеля Астуриаса. Поставил ли Астуриас условием, чтобы Неруда уничтожил документы, как только попадет во Францию? Правда ли все это или легенда? Существовало ли в действительности такое подтверждение дружбы двух поэтов или это плод вдохновенного вымысла? Se non è vero, è bien trovato[127].

В конце марта или в начале апреля 1949 года в одной парижской квартире раздается звонок. Хозяин идет открывать дверь. На пороге стоит незнакомый плотный мужчина в очках с толстыми линзами, бородатый, в черном баскском берете. Несколько секунд они молча смотрят друг на друга. Гость спрашивает:

— Не узнаешь?

Хозяин озадаченно молчит, мучительно пытается вспомнить, наконец сдается. Незнакомец говорит:

— Я Пабло Неруда. Приюти меня на несколько дней.

— Входи, Пабло. Спасибо, что ты обратился ко мне. Здесь ты у себя дома.

Хозяином парижской квартиры, который и рассказал мне об этом, был Луис Кардоса-и-Арагон, гватемальский писатель; мы познакомились с ним много лет спустя, у Неруды в «Лос Гиндосе», когда Луис был уже послом в Чили.

После обеда они отметили нежданную встречу шампанским. Неруда вынул из портфеля тетрадь и до утра читал стихи из «Всеобщей песни». Прислуга в доме звала его «дон Антонио». Но

не таков был Неруда, чтобы сидеть взаперти, да еще в Париже. Не раз он вместе с Лией, женой Кардосы-и-Арагона, сбегал из дому, отправлялся на автомобильные прогулки. Как вырвавшийся на свободу щенок, он носился по Парижу в поисках всех мыслимых удовольствий, бегал по лавкам букинистов и торговцев всякими диковинами. Он охотился за редкими книгами и раковинами.

Даже находясь в столь непривычной ситуации, Неруда не мог обходиться без игры. Он попросил Луиса устроить ему встречу с добрым другом, аргентинским писателем Альфредо Варелой. Варела в ту пору был пылким юношей, страстным и многоречивым. Впрочем, таким он и оставался всегда. Встреча состоялась в кафе «Мариньян» на Елисейских полях. Луис Кардоса-и-Арагон представил Варелу чешскому профессору, покинувшему свою страну, по словам Луиса, легальным путем. Варела онемел. Он быстро взглянул на сидевшего за столиком незнакомца и — словно набрал в рот воды. Ему все стало ясно: конечно же, это один из матерых антикоммунистов тамошней выделки, которые так и норовят впутать в свои дела людей, ни сном ни духом к ним не причастных. Насладившись заранее рассчитанным эффектом, «чешский профессор» снял шляпу и темные очки. Варела так и подскочил: какой профессор! Какой чех!

«Ага, дурень, попался?! Ну да, я Неруда, — давясь от смеха, сказал Пабло. И, прижав палец к губам, добавил: — Только здесь, в Париже, я нелегально — не проговорись».

Этот случай мы с ним вспоминали, когда узнали о смерти Варелы в Мар-дель-Плата.

Случалось, поэты разных национальностей помогали друг другу, как родные братья. Жюль Сюпервьель{122} — уругваец, как и автор «Песен Мальдорора». Оба они оказались в Париже, хотя с разницей в сто лет. В отличие от Лотреамона, Сюпервьель отнюдь не проклятый поэт. Иные считают его «чистым поэтом», близким Полю Валери. Он принадлежит к богатому семейству, имеющему связи с банковскими кругами и даже… с полицией. Сюпервьель просит своего близкого родственника, занимающего высокий пост, чтобы тот помог легализовать пребывание Пабло Неруды в Париже. И тут среди действующих лиц появляется друг Жюля Сюпервьеля Пабло Пикассо; правда, на сей раз потребовалась не кисть его, а «рука». Альфредо Варела ждет у входа в метро. В условленный час на автомобиле приезжает Пикассо. Сообщает долгожданную новость: Неруда может появиться открыто! Не проходит и нескольких минут, как он уже мчится на последнее заседание Конгресса мира, которое проходит в зале «Плейель». Пикассо предупреждает, что собравшихся ждет необычайный

сюрприз.

Неруда эффектно вбегает на трибуну. Таков его дебют в Европе.

В понедельник, 25 апреля 1949 года, состоялось закрытие Всемирного конгресса сторонников мира, который продолжался пять дней. На нем присутствовали наиболее видные деятели искусства и литературы, а также политики всего мира. От Франции в конгрессе участвовали Ив Фарг, Поль Элюар, Луи Арагон, Эльза Триоле, Эжени Коттон, Жан Кассу, Эме Север, Пьер Кот, Поль Риве, Арман Салакру, Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, Пьер Сегер, Пабло Пикассо. От Италии — Пьетро Ненни, Элио Витторини, Итало Кальвино, Ренато Гуттузо, Джулио Эйноди, Эмилио Серени. От Германии — Анна Зегерс и Арнольд Цвейг. От Соединенных Штатов — Говард Фаст, Ленгстон Хьюз, Чарли Чаплин, Поль Робсон, Альберт Кан, Э. В. Э. Дюбуа. От Советского Союза — Илья Эренбург, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Ванда Василевская, Дмитрий Шостакович. От Югославии — Иво Андрич. От Греции — Мельпо Аксиоти. От Китая — Го Можо и Эми Сяо. От Латинской Америки присутствовало двести делегатов, среди которых были Диего Ривера и Ласаро Карденас{123} от Мексики; от Аргентины — Антонио Берни, Луис Сеоане, Альфредо Варела; от Кубы — Николас Гильен, Хуан Маринельо; от Бразилии — Жоржи Амаду и Кайо Педро; от Гватемалы — Луис Кардоса-и-Арагон и Хосе Мануэль Фортуни; от Гаити — Рене де Пестре; от Венесуэлы — Мигель Отеро Сильва и Эктор Полео. На этом последнем заседании председательствовал Ив Фарг; он торжественно объявил:

> «Я предоставляю слово последнему оратору, который и закроет прения. Этот человек находится в зале всего несколько минут. Вы его еще не видели. Его преследуют… Слово Пабло Неруде!»

Это было словно электрический разряд. Все присутствовавшие вскочили на ноги. Неруда произнес короткую речь. Как будто извиняясь, он сказал:

> «Дорогие друзья, я прибыл на конгресс с некоторым опозданием. Виною тому препятствия, которые мне пришлось преодолеть на пути сюда. Я передаю вам всем привет от народов далеких стран. Политический гнет, существующий в моей стране, научил меня ценить человеческую солидарность, которая превыше всех преград, плодоноснее всех долин».

И он прочитал «Песнь Боливару» по чилийскому изданию «Всеобщей песни»[124].

Первый экземпляр этого издания он получил утром того же дня и успел подарить его Пикассо, но перед выступлением попросил художника временно вернуть книгу.

Когда же заседание окончилось, Неруда, в точности по поговорке: «Кто дает и отбирает, тот потом не возвращает», — забрал книжку себе, объяснив, что у него это единственный экземпляр.

Не обошлось и без газетных «уток». На следующий день все газеты Сантьяго опубликовали каблограмму из Парижа, в первом абзаце которой говорилось буквально следующее: «Совершенно неожиданно для всех сегодня здесь появился преследуемый чилийскими властями поэт-коммунист Пабло Неруда. Он присутствовал на утреннем заседании Всемирного конгресса сторонников мира, который проходит в Париже, и обратился к собравшимся с речью. Обстоятельства, при которых поэту удалось покинуть свою страну и совершить эту Поездку, окутаны глубочайшей тайной».

Между тем за день до публичного появления Неруды в Париже шеф разведки и политической полиции Чили Луис Брум Д'Авоглио сделал в Сантьяго заявление для прессы, в котором утверждал, что Неруда вот-вот будет схвачен его агентами.

В Париже Неруду посетил репортер Франс Пресс и сообщил ему, что правительство Гонсалеса Виделы, узнав о его пребывании во Франции, широковещательно заявило, будто субъект, выдающий себя за Пабло Неруду, — подставное лицо. И журналист решил поглядеть на «двойника» Неруды.

105. Европа совершает открытие

С этого изгнания начался новый период в его жизни. В 1949 году критики назвали Неруду первым поэтом Латинской Америки. На нашем континенте такое мнение было, можно сказать, единодушным. Но в Европе, если не считать людей посвященных, широкой публике он не был известен.

Неруда вообще постоянно завоевывал все новые и новые аудитории. Поначалу он был поэтом провинции Темуко, затем, в Сантьяго, стал поэтом студенчества двадцатых годов, позднее вся страна признала его своим национальным поэтом, гордостью чилийской литературы.

Четыре года Неруда провел в Азии, но почти никто там не понял, что это — поэт. Даже те, кто был с ним знаком, читать его не могли, так как испанский язык в тех широтах совсем не в ходу.

Его слава росла, если можно так выразиться, благодаря личным контактам, благодаря физическому и духовному присутствию его самого и его книг сначала в Аргентине, потом в Испании, Мексике, во время его коротких поездок почти по всем странам Латинской Америки. Таковы были пределы его славы в ту пору, и в этих пределах имя его гремело.

Но большинству читателей Северной Америки и Европы это имя практически ничего не говорило. Однако вынужденное изгнание Неруды, несколько лет, прожитых в Старом Свете, участие в общественном и политическом движении того времени способствовали тому, что его поэзия нашла дорогу к читателям других культур, других языков, завоевала себе новых восторженных поклонников.

Его принял даже тот город, о признании которого двадцать лет назад он не мог и мечтать. Париж стоит тысячи месс. А он служил свои мессы не только талантом, но и преданностью. В мае Национальный комитет французских писателей устроил в честь иностранных писателей — участников Конгресса сторонников мира прием в La Maison de la Pensée[128]. Там Неруда прочел свое стихотворение «Беглец». «Что можешь ты, проклятый, против ветра? / Как уныла твоя ничтожно малая победа! / Когда Поль Элюар, и Арагон, и Эренбург / со мною были, / как и храбрейшие писатели Венесуэлы и многие другие, и другие, / ты, проклятый, / был там, был там, где Эсканилья и Куэвас, / Пелюшено и Поблете!»

На французский поэму перевела Алис Арвейлер, а прочел перевод — посвятил Неруду в рыцари поэзии — сам Луи Арагон.

Неруду всегда влекло к людям, близким по духу. В Париже оказалось много старых друзей — товарищи по Испании, которые в дни Гражданской войны организовали ему переход через Пиренеи, друзья по мексиканским событиям, а также Эренбург, Арагон, Анна Зегерс, Николас Гильен, Жоржи Амаду, много латиноамериканцев. Появились и новые друзья: Поль Элюар, Поль Робсон, Жан Марсенак, Пьер Куртад, Ренато Гуттузо.

Неруда, последнее время живший в полном уединении, довольствовавшийся неспешными речами контрабандистов и конокрадов в глухой сельве, вдруг оказался в столице мира и, как истомившийся по лакомствам гурман, наслаждался общением и собственной популярностью. Он был в моде, давал по десятку интервью в день.

Но все свои вечера он отдавал друзьям. А с каким наслаждением утром по воскресеньям он отправлялся на Блошиный рынок, где тратил — а может, приобретал? — время, как на Восточном базаре в Сантьяго.

Париж он завоевал, водрузил в нем свое знамя. Теперь стрелка компаса указывала на другую, еще неведомую, но притягательную столицу — Москву.

106. Ветер старого Нового Света

К тому времени Неруда уже начал новую книгу, но «Всеобщая песнь» его не отпускала. Он думал, что распростился с нею, написав «Новогодний гимн омраченной родине», но тема родины по-прежнему преследовала поэта: в его котомке беглеца лежали две книги — «География Чили», «Птицы Чили» — и ветка терновника. В «Новогоднем гимне» он обращался к «людям Писагуа». В сущности, ведь и его место там, среди узников. Он вспоминает Феликса Моралеса, Анхеля Веаса, погибших в этом концлагере. И снова поэт проклинает «лживого пса». В Европе у него была одна забота — слушать голос родины. И делать все, чтобы родина слышала его. В своей поэзии Неруда прямо называл и друзей и врагов. Называл по именам героев и антигероев, «хищников и торгашей». Страстно требовал возмездия:

> Они будут поименованы. Родина, ты не дала мне
> дивного права тебя воспевать,
> когда ты одета в левкои и в пену морскую,
> слов не дала ты мне, родина, чтобы назвать тебя
> именами из золота, благоуханий, цветочной пыльцы,
> чтобы, сея, разбрасывать капли росы,
> что спадают с твоих изумительных черных волос;
> с молоком материнским такие слова ты дала мне,
> из которых слагаются бледных червей имена,—
> в недрах твоих копошатся они,
> пьют твою кровь и жизнь у тебя отнимают[129].

«„Когда-то чилийцем он был“, — говорят обо мне паразиты»[130], — замечает поэт в горечью. Но он видит и глубже. «Ведь прячется кто-то / за изменниками и за хищными крысами; / есть где-то империя, стол накрывает она, / составляя меню, поставляя патроны»[131]. Нет, он не простит. Он будет бороться — за свою страну. «Я больше в ней не гражданин: мне пишут, / что клоун, разнуздавшийся на троне, / изъял из списков тысячи имен / (закон республики — те списки были)»[132]. В последней главе «Всеобщей песни» автобиографическое начало выступает уже неприкрыто. Она так и называется: «Я есмь». Здесь собрано все, пережитое давно и недавно: Фронтера, пращник, товарищи по

путешествию, возлюбленный студентки из Сантьяго, путешествие по Бирме, прогулки по улицам Сайгона и Мадраса, танцовщицы Бангкока в гипсовых масках. Тут же и Испания, где он познал любовь и войну, и Мексика, где он «прикасался… к американской глине». И — Чили, всегда — Чили. Ему оставалось жить еще двадцать четыре года. Но в этой книге он пишет два завещания. И просит похоронить себя в Исла-Негра. Он заканчивает «Всеобщую песнь» 5 февраля 1949 года в Санта-Ана-де-Чена (которую он называет «Годомар де Чена»), незадолго до того, как ему исполнилось сорок пять лет.

Неруда приступает к новой книге, трудится над ней каждое утро. Это будет нечто вроде поэтических путевых заметок по Европе и Азии, которые он назовет «Виноградники и ветер». Но прежде нашему «репортеру-перипатетику» придется пожить во всех этих странах, среди людей, которые их населяют. Новому Свету пора уже открыть для себя Старый Свет, впрочем, в Новом Свете есть очень древние вещи, а в Старом — совсем новые.

Пока Европа принимает Неруду, публикует и прославляет, некоторые страны его родного континента клеймят поэта как еретика, отступника. Были в Латинской Америке времена и, увы, еще будут, когда стихи и книги Неруды рассматривались как вещественные доказательства преступления. Сесар Годой Уррутиа рассказывал, что при Гонсалесе Виделе он подвергся в Мендосе тщательнейшему обыску и оригинал поэмы «Пусть проснется Лесоруб» лишь чудом не попал в руки полиции. Теперь же, в Европе, ни самому Неруде, ни его произведениям не грозят подобные опасности.

107. Прощай, сенат!

Неруда через третьих лиц передал мне письмо, в котором просил помочь ему продлить разрешение сената на проживание за границей. В то время я уже не был в столь глубоком подполье, как вначале, когда на партию обрушились первые преследования и когда я мог выезжать по делам только ночью. Я твердо намерен сделать все возможное, чтобы выполнить поручение поэта. Отправляюсь к человеку, который живет на улице Филипс у площади де Армас, в самом сердце Сантьяго. Подымаюсь в лифте. Звоню. Дверь отворяет девушка.

— Хозяин болен, но вы подождите, — говорит она.

Через несколько минут хриплый голос приглашает меня войти. Захожу в спальню; в постели, тяжело дыша, лежит человек в пижаме.

— Простите, дон Артуро, я не знал, что вы больны. Мне

сказали, что вы меня примете именно сейчас.

— Ничего, ничего, у меня просто сильный грипп. О чем вы желали говорить со мной?

— Я хотел попросить вас, господин президент сената, разрешить Неруде еще на год остаться за границей.

Неожиданно дон Артуро встает с постели, выходит из спальни и вскоре возвращается с длинными телеграфными лентами в руке. Он протягивает их мне.

— Прочтите это.

Я смотрю: телеграммы, давно утратившие актуальность. Сообщения о событиях четвертьвековой давности. Мельком их проглядываю.

— Читайте, читайте, — говорит он значительно, как если бы речь шла о деле чрезвычайной важности, — и вы сами поймете, что я не имел никакого отношения к репрессиям в Ла-Корунье и Сан-Грегорио.

Я не собираюсь обсуждать с ним эту тему. Момент неподходящий. Мягко возвращаю его к тому делу, ради которого пришел.

— Надеюсь, дон Артуро, вы не откажете Неруде.

— Сделаю все от меня зависящее, — отвечает он. — Зайдите на следующей неделе.

Являюсь в назначенное время. Он снова вытаскивает телеграфные ленты, относящиеся к событиям в Ла-Корунье и Сан-Грегорио. Я же настаиваю на ответе. Он по-отечески успокаивает меня:

— Не беспокойтесь, молодой человек. Дадим мы ему разрешение, дадим.

Дон Артуро назвал тогда Неруду не совсем обычным сенатором. Артуро Алессандри Пальма вспомнил речь Неруды, которую тот произнес в сенате в связи с присуждением Нобелевской премии по литературе Габриэле Мистраль. Сенаторы не привыкли к подобным выступлениям. К слову, Неруда умолчал о том, что в своей речи на церемонии вручения Нобелевской премии Габриэла Мистраль сказала: «Если Шведская академия хотела почтить чилийскую поэзию, то премию следовало бы присудить Пабло Неруде, величайшему поэту моей родины».

По мнению Артуро Алессандри, Неруда был не просто сенатор-поэт.

Действительно, он, поэт, умел и в прозе говорить решительно обо всем — о внутренней и международной политике, о хартии Организации Объединенных Наций, которую тогда ратифицировали, об увеличении доли магистратов в бюджете; он умел почтить память покойных выдающихся деятелей, будь то

историк Доминго Амунатеги Солар или Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Он приветствовал уругвайскую делегацию деятелей культуры, прибывшую в Чили, и выступал в защиту испанского поэта Антонио Апарисио, жертвы политических преследований. Он анализировал последний (для того времени) военный переворот в Боливии и поддерживал развитие интернациональных связей в книгоиздательском деле. Он предложил учредить премию имени Габриэлы Мистраль. Отстаивал право женщин на участие в выборах. (И — такова ирония судьбы — занимался пересчетом жалованья военнослужащих.) Он привлекал внимание к положению в Никарагуа, которая, как тогда казалось, навеки подпала под власть династии Сомосы, и анализировал причины свержения президента Эквадора Хосе Марии Веласко Ибарры.

Неруда ответственно относился к своему долгу сенатора, но очень быстро убедился в том, что, хотя и справляется со своими обязанностями прекрасно, все же это дело не его. Ему следовало писать стихи, жить в Исла-Негра, поглядывая в окно на море, беседовать с друзьями, болтать с подружками, а вовсе не слушать сеньора Улисеса Корреа, который, упрекая поэта за нападки в стихах на Гонсалеса Виделу, ставил ему в пример Бернарда О'Хиггинса — он-то, мол, ни слова не написал против испанского губернатора Касимиро Марко дель Понта.

— Неруда не оратор, — сказал мне в тот день Алессандри, — он писатель.

— А что, по-вашему, более ценно? — спросил я.

— В политике более ценны ораторы, в жизни — писатели, хорошие писатели. Оратор принадлежит своему времени, а хороший писатель остается в веках.

Отпуск сенатору Неруде был продлен еще раз; когда же срок истек, а сенатор все еще не приступил к исполнению своих обязанностей, его лишили мандата.

108. Встреча с Пушкиным

Впервые в Советский Союз его привела поэзия. В 1949 году он был приглашен на чествование собрата по перу: отмечалось стопятидесятилетие со дня рождения Пушкина. Поэзия Неруды пересекла границы Советского Союза задолго до него самого. Уже десять лет назад в Москве увидела свет «Испания в сердце» в переводе Ильи Эренбурга. Еще раньше, в 1938 году, читал свои переводы из этого произведения чилийского поэта Федор Кельин. Последняя одиссея Неруды вызвала многочисленные отклики в советской прессе, главным образом в «Новом времени» и

«Литературной газете». Имя поэта приобрело в Советском Союзе известность со времени испанской войны. Оно часто упоминалось в телеграммах оттуда, из Испании, и в столь лестном контексте, что, приехав в Союз, поэт сразу понял, насколько популярен здесь. Неруда был гостем ВОКСа[133], который занимался тогда связями с зарубежными странами. Его первой переводчицей и сопровождающей была молодая женщина Вера Кутейщикова, которая позже сделается признанным авторитетом в советской латиноамериканистике. Она тогда только что вышла замуж за Льва Осповата, ставшего впоследствии глубоким знатоком культуры и литературы нашего континента и, в частности, переводчиком поэзии Неруды.

Неруда побывал в Михайловском. Много лет спустя, в связи с его восьмидесятилетием, Вера Кутейщикова вспомнила об этой поездке, о селе Михайловском, имении Пушкиных. Праздник проходил под открытым небом, собралось очень много народу: там были крестьяне, были и поэты, и многочисленные почитатели Пушкина, добиравшиеся в Михайловское кто как мог. И вдруг, когда праздник был в самом разгаре, совсем близко ударила молния. Разразилась гроза. Неруде показалось, что он снова в Темуко, что и ливень, и вся эта сцена как-то непосредственно связаны с ним.

Восьмого июня он прибыл в Ленинград. Это пора белых ночей. Всего лишь на полчаса город погружается в бледные сумерки, и снова возвращается день. Неруде хочется все увидеть. Он катается по Неве, по каналам. Атмосфера этого города захватывает его. То на одном, то на другом мосту ему чудится развевающийся плащ друга, поэта, убитого на дуэли много лет назад. (А как похож этот плащ на тот, что носил когда-то юный чилийский поэт, сын железнодорожника.) Сосредоточенный, молчаливый, входит он в дом Пушкина. Внимательно разглядывает книги. Понимает, что многие из них принадлежат перу самого поэта. Когда он выходил, «под Ленинградом / в медленном вальсе / ели кружились / на морском горизонте»[134]. Неруда приехал к поэту, который более ста лет покоится в земле, сраженный пулей. Приехал, чтобы увидеть кровь убитого поэта. Увидеть, что рана закрылась, что поэзия победила смерть.

У порталов, в вестибюлях, под арками, возле Адмиралтейской иглы, между колоннами Святого Исаакия глазам Неруды представляются тени Гоголя, Достоевского и поэтов, его братьев по духу, начиная с Маяковского.

А недалеко отсюда через восемьдесят лет после смерти Пушкина «Ленин… под надеждою подпись поставив свою, / переделал историю…» Тогда-то и оказалось, что «не шла больше

кровь / из раны, оставленной пулей убийцы»[135].

Его друг, молодой Пушкин, говорить не мог; Пушкина надо было читать. Неруда со страстью погрузился в его поэзию, зная, что так лучше поймет и Россию, и Советский Союз.

У старого ленинградского букиниста Неруда купил несколько прижизненных изданий Пушкина и собрание его сочинений в одиннадцати томах. Много лет спустя он подарил Чилийскому университету свою библиотеку, в том числе и эти книги, приобретенные на берегах Невы. Тогда же приобрел и «Готский альманах» 1838 года, «по той лишь причине, — объяснил он, — что там оказалась одна-единственная строка, да еще набранная самым мелким шрифтом: „Февраля 12 дня 1837 года от раны, полученной на дуэли, умер русский поэт Александр Пушкин“. Короткая строка, — добавил Неруда, — пронзила меня как кинжалом. В мировой поэзии и поныне кровоточит эта рана». Он вступил в храм пушкинианы.

Такова была его первая встреча со страной, куда он еще вернется не раз.

В Большом театре уже шло торжественное заседание, а Неруда вместе со своей переводчицей Верой Кутейщиковой еще только мчался из аэропорта. Так что к началу заседания он опоздал. Когда же вошел и сел, по залу словно пронесся ветерок. Сколько лет минуло с тех пор, как Габриэла Мистраль и профессор Торреальба, еще в Темуко, впервые познакомили его с произведениями русских писателей. И вот он здесь, на этой земле, и как будто узнает все вокруг и чувствует, что наконец-то он попал в страну, о которой мечтал с детства.

Страна — это народ, природа и друзья. Торжественное чествование Пабло Неруды 27 июня 1949 года проходило в Московской консерватории. Большой зал был переполнен. Пришли Овадий Савич, его переводчик, Эренбург, Кирсанов, Фадеев, Мартынов, Михалков, Софронов.

В клубе одного из крупных московских заводов он читал свои стихи. Владимир Кузьмищев, переводчик, сопровождавший его на этот вечер, рассказывал, какое колоссальное впечатление произвела на советских рабочих «Песнь любви Сталинграду». Кузьмищев вспоминает о некоторых, экстравагантных, на его взгляд, привычках поэта. Так, например, каждый раз, приезжая в Москву, он заказывал белошвейке, испанке по происхождению, дюжину рубашек. С особым пристрастием Неруда относился к форме воротничков. Он буквально влюблялся в вещи из-за каких-то деталей. Если же изюминки не обнаруживал, то не успокаивался, пока не добивался желаемого. Иногда Кузьмищева удивлял его отсутствующий вид, полное равнодушие к местам,

которые они посещали. Но затем в стихотворениях Неруды он находил какие-то повороты и неожиданные оттенки, уловленные этим якобы сонным взглядом, который по-своему преобразовывал действительность, видел ее так, как это свойственно ему одному.

На вечере 27 июня в Большом зале консерватории, организованном Союзом писателей в честь Неруды, председательствовал Александр Фадеев, автор «Разгрома» и «Молодой гвардии». В нем приняло участие много поэтов, в том числе Николай Тихонов и буйный Семен Кирсанов, который позднее побывает в Чили и станет пылким другом чилийского поэта. Был там и Константин Симонов, в котором Неруда иногда видел что-то от истинного чилийца, а иногда — от турка; на этом высоком крепком мужчине, как и на всех советских людях, прошедших сквозь огонь и дым войны, навеки остался ее отпечаток. В тот день выступал Илья Эренбург. Он и Неруда переводили книги друг друга, писали к ним предисловия. Советский писатель перевел «Испанию в сердце», а чилийский поэт написал предисловие к его вышедшей в Мехико книге «Смерть захватчику!». В ней были собраны статьи, которые ежедневно появлялись в советской прессе во время войны и били по Гитлеру пулеметными выстрелами. Эренбург произнес речь, исполненную глубокого проникновения в поэзию Неруды. В ней он развил те мысли, которые изложил в своем предисловии к книге Неруды, вскоре вышедшей в Гослитиздате. По мнению Льва Осповата, «блестящей статьей Эренбурга „Поэзия Пабло Неруды“, опубликованной в 1949 году, в нашей стране начинается период серьезного изучения творчества чилийского поэта».

С этого времени творчество Неруды становится постоянной темой исследований советских специалистов по латиноамериканской литературе. О нем написаны сотни статей и эссе. Почти все его произведения опубликованы на русском языке, а некоторые переведены и на другие языки Советской страны.

Иностранных писателей, посещавших Советский Союз, обычно спрашивали, где бы они хотели побывать. Не колеблясь ни минуты, Неруда ответил: «В Сталинграде». Там он обнажил голову, почтив память Рубена Руиса Ибаррури, сына Долорес.

Этот знак внимания не ускользнул от Пасионарии. «Как рассказать о моей скорби, — признается она, — самой глубокой из всех скорбей, скорби матери, потерявшей сына. Единственного сына. Из шестерых детей, которых я родила, у меня осталась одна Амайя». В своих воспоминаниях Долорес Ибаррури подчеркивает, что только Пабло Неруде удалось сплавить воедино Испанию и Сталинград. Чтобы показать это на примере, она, истинная любительница поэзии, находит самые точные строки:

Спрашивает испанец, привставая с земли
возле стены расстрела: жив ли еще Сталинград?
Из глубины застенков черных глаз вереница
стены камер буравит именем славным твоим.
Кровь героев твоих Испанию пробуждает:
ты душу ей отдал в год, когда она порождала
своих героев, как ты сегодня их порождаешь[136].

В этом первом своем путешествии Неруда наконец увидел тот город, которому, еще не зная его, посвятил две «Песни любви».

Когда Неруда приехал на берега Волги, прошло уже четыре года, как отгремела война. Стояло лето. Все возрождалось из руин. И поэту неудержимо захотелось написать еще одно, третье стихотворение — третью Песнь любви. Возвращается нормальная жизнь: «собака плетется под солнцем, в пыли, / торопится девушка / с конвертом в руке… / …только Волга / спокойно несет свои темные воды. / …дети вернулись, / школы вернулись, / вернулась любовь, / матери / снова рожали; / вишни вернулись / на ветки, / ветер — / под небо…»[137]. Город умер и воскрес. «А там, в вышине, / акации ветка, / листья, цветы / и шипы, что готовы к защите, / и большая весна / Сталинграда, / и бессмертный навек аромат / Сталинграда»[138].

В Москве Неруда предпочитал останавливаться в гостинице «Националь». И особенно радовался, когда ему давали номер, где после переезда правительства из Петрограда в Москву несколько дней жил Ленин. Но иногда его поселяли в барочном «Метрополе», блиставшем стародавней роскошью, где до революции любили бывать дворяне и богатые дельцы. Это был многокомнатный номер с двумя концертными роялями, с огромными ванными, украшенными лиловыми цветами и изумрудными листьями. Пушистые ковры чистой шерсти, в которых утопала нога, сильно электризовались. Кузьмищев вспоминает, что, когда докладывали о госте, Неруда просил его чуть-чуть подождать, а сам в течение нескольких минут накапливал электрический заряд; когда гость входил, Неруда непременно дотрагивался до него, например пожимал руку, и — проскакивала искра. Гость, разумеется, пугался. Некоторые всерьез верили, что мозг чилийского поэта обладает электрической силой.

После первого своего приезда Неруда бывал в Москве часто. Каждый год он должен был принимать участие в работе Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами». Однажды, вернувшись в Чили, он рассказал,

что обнаружил в Эрмитаже портрет Алонсо де Эрсильи-и-Суньиги, который одни приписывали Эль Греко, другие же считали, что он принадлежит кисти неизвестного художника. В Чили вокруг этого портрета, репродукцию которого Неруда привез с собой, поднялась большая шумиха. Это неудивительно: увидев его, Неруда тоже буквально замер, не веря собственным глазам.

Будучи членом Комитета по Ленинским премиям мира, Неруда выдвинул кандидатуру колумбийского писателя и лингвиста Бальдомеро Санин Кано. Как это принято, кандидату был послан телеграфный запрос, согласен ли он принять награду. Составить телеграмму поручили Неруде. Потом он с восторгом показывал всем ответ. И дело было не только в том, что Санин Кано выразил в нем глубокое удовлетворение и благодарность, но также в том, что к ответу была приложена телеграмма Неруды с исправленными грамматическими ошибками. Вечный конфликт между лингвистом и поэтом! Неруду это очень позабавило.

Иногда во время заседаний жюри поэт вдруг принимался писать стихи или рисовать свою переводчицу Эллу Брагинскую. Он разговаривал с ней обо всем на свете, он вообще до смерти любил разговаривать с женщинами, особенно если им было хоть в малейшей степени свойственно кокетство. Однажды на заседании он увидел, что его сосед, итальянский художник Ренато Гуттузо, рисует эту же самую женщину. Неруда сразу приуныл.

109. Строка, подчеркнутая молодым самоубийцей

Во время этого путешествия по Европе Неруда побывал в Польше, оттуда направился в Венгрию. Его пригласили на вечер еще одного поэта, погибшего сто лет назад, — Шандора Петефи. Неруда читал его стихи. Для венгров Петефи — все равно что Пушкин для русских, Байрон и Шелли для англичан, Виктор Гюго для французов. Но каждый поэт пишет, живет и умирает по-своему, у каждого своя неповторимая судьба. В ту эпоху великие поэты-романтики умирали рано; Шандор Петефи погиб в двадцать шесть лет, но его исполненный гражданственности и лиризма голос звучал в венгерской поэзии громче других. Неруда не мог остаться равнодушным к барду революции 1848 года — тому, кто при огромном стечении народа читал свои пламенные стихи, призывавшие к свержению габсбургской монархии.

И снова поэты вместе, а для Неруды это всегда пиршество братства. Опять ему довелось обнять своего задушевного друга Поля Элюара, которого он любил как брата. Был там и румынский поэт Эуджен Жебеляну, переводивший Неруду. Поэтические

вечера следовали один за другим. После выступления на заводе, где Элюар читал перед рабочими стихотворение Петефи, они отправились в будапештский луна-парк «Вурстли». Там Элюар и Неруда грубейшим образом нарушили протокол: затеяли в тире соревнование по стрельбе. И, словно этого им было мало, еще и сфотографировались верхом на осле.

Дёрдь Шомьо, очень тонкий венгерский поэт, перевел последние стихотворения Неруды, и они как раз в эти дни вышли в свет. В оформлении книги было использовано много фотографий большого друга Неруды Антонио Кинтаны, которые предоставила издательству Юдит Вейнер, венгерка, перебравшаяся в Чили в годы нацизма, горячо полюбившая эту страну и ставшая одним из самых близких друзей Неруды.

В это время Всемирный Совет Мира обратился к поэту с просьбой представлять его на Американском конгрессе мира, который должен был состояться в Мексике в сентябре 1949 года. Неруда с удовольствием принял это предложение. У него было много причин отдавать силы делу мира — причин как интеллектуального, так и чисто человеческого свойства. На мировой арене уже появилась атомная бомба. «Холодная война» заморозила международные отношения, усилила напряженность между двумя социальными системами. Неруда не раз говорил, что Гонсалес Видела обосновывал политические преследования, которым подвергся и сам поэт, тем, что якобы не позднее чем через три месяца разразится мировая война. К счастью, прошло еще много лет без войны, и ни один здравомыслящий человек, в том числе, конечно же, и Неруда, не мог желать, чтобы она когда-нибудь началась. Да, он поедет в Мексику, которая во многом стала ему родной.

В воскресенье, 28 августа, он вместе с Делией дель Карриль, Полем Элюаром и Роже Гароди{125} прибыл в Мехико.

На следующий день состоялась пресс-конференция. Голос Неруды звучал:

> «Среди сторонников мира есть люди, которыми гордится наш континент: Ласаро Карденас, Габриэла Мистраль, Бальдомеро Санин Кано, Хоакин Гарсиа Монхе, Генри Уоллес, Томас Манн, Альфонсо Рейес, Поль Робсон, Диего Ривера, Энрике Гонсалес Мартинес…
>
> Все мы дисциплинированные солдаты великой гражданской армии, которая преградит дорогу войне… Кто против мира, тот против жизни…»

На арене «Колисео» мексиканский поэт Энрико Гонсалес Мартинес объявил конгресс открытым. Делегация Соединенных

Штатов, возглавляемая профессором Лайнусом Полингом, и делегация Канады, которой руководил доктор Эндикотт, на следующий день выступили с предложением, чтобы контроль над ядерным вооружением осуществляла Организация Объединенных Наций. Мексиканский профсоюзный деятель Висенте Ломбардо Толедано призвал трудящихся Латинской Америки ширить движение за мир в каждой стране, в каждом городе, на каждом заводе, в каждой школе. На конгрессе присутствовали выдающиеся деятели мексиканской культуры, а также кубинцы Хуан Маринельо, Карлос Рафаэль Родригес, Николас Гильен, Ласаро Пенья, венесуэлец Мигель Отеро Сильва и чилиец Сальвадор Окампо.

Неруда выступил в день закрытия конгресса. Американский журналист Ллойд Л. Браун писал в журнале «Массес энд мейнстрим», выходившем в Нью-Йорке, что «Неруда был главной фигурой, а его речь — кульминацией всего конгресса».

Одно место на конгрессе оставалось пустым. Оно предназначалось колоссу мексиканской живописи Хосе Клементе Ороско, умершему три дня назад. Неруда почтил его память, сказав, что этот человек живее многих живых. Его выступление носило политико-литературный характер. Он говорил об ответственности писателя перед угрозой войны. Это была антиэкзистенциалистская речь, твердое «нет» бегству от действительности, неврастении, возведенной в ранг эстетических ценностей. Неруда не пощадил и себя. Он публично отказался от тех своих произведений, на которых «горестные борозды проложила умершая эпоха».

Литературный мир всколыхнуло заявление поэта, отвергавшего собственные стихи, целые книги. Вопрос был непростым. Ведь Неруда вычеркивал целый период своего творчества. Это объяснялось и его субъективными переживаниями в те дни. В Венгрии его самого попросили отобрать стихи для антологии, которую собирались издать в Будапеште. Чтобы выполнить эту просьбу, Неруда взялся перечитывать свои книги и пришел к выводу, что они «уже не годятся», что они «устарели». Он только что получил трагическое известие: недавно в Сантьяго покончил с собой молодой человек; рядом с ним нашли книгу стихов Неруды, в которой самоубийца, перед тем как выстрелить в себя, подчеркнул одну строку. Это был экземпляр «Местожительство — Земля, II», а подчеркнута была следующая строка: «Так случилось — я устал быть человеком»[139]. Неруде стало страшно. Это событие напомнило ему «Вертера», которого он читал в юности, и эпидемию самоубийств, вызванную в свое время этой книгой. Он испытывал чувство вины.

Трагическая история потрясла поэта. Он публично отрекся от своих книг раннего периода. Он объяснял причины отказа: «Я не хотел, чтобы старые печали уносили бодрость из новых жизней. Я не хотел, чтобы призрак системы, сумевшей довести меня до отчаяния, заложил в фундамент здания надежды отвратительную грязь, с помощью которой наши общие враги омрачили мою собственную юность». Неруда пошел и дальше. Он не хотел, чтобы эти его книги переиздавались в Америке.

Возникла необычайная в истории литературы ситуация: читатели стали на защиту творчества поэта от самого автора.

Неруда жил как бы в эпицентре урагана. Горными тропами, верхом на лошади выехав из своей страны, где были похоронены его лучшие мечты, он впервые оказался в совершенно ином мире, возрождавшемся из руин, после того как погибли десятки миллионов людей. Неруда чувствовал ответственность перед родиной и человечеством. Он хотел быть полезным.

Оглядываясь в прошлое, он с негодованием вспоминал, сколько горестей испытал в молодости. Эти горести приходили извне, но причиняли ему глубокие внутренние страдания. Он страстно желал, чтобы его поэзия дарила людям радость, внесла свою долю в умножение человеческого счастья. Что это, поразительная наивность? Неосуществимая мечта новообращенного коммуниста? Революционный максимализм, заставивший его потребовать казни для собственных творений? Возможно. А может, еще и многое-многое другое.

По сути, это был романтический порыв человека, желающего счастья всем, порыв духа, стремящегося создать если не «Оду к радости» и «Я люблю тебя, человек», что удалось сумрачному Бетховену, то хотя бы сочинять такие стихи, которые растворили бы ядовитую ржавчину пессимизма и одиночества, нищеты и пустоты жизни, представлявшиеся иным незыблемыми законами бытия. В этом отношении Неруда был антиподом литературному Парижу, смаковавшему отвращение к жизни. Его философия носила позитивный характер.

И Неруда заявлял об этом громогласно. Он не только смеялся над «небесными поэтами», он сурово осуждал их.

Что сделали вы, андре-жидисты,
интеллектуалисты, рилькисты,
мистериотворцы и лжеколдуны,
экзистенционалы, сюрреалистские маки,
на могилах расцветшие пышно,
вы, европеизированные модные трупы,
бледнотелые черви в головке сыра,

смакуемого капиталистом,—
что сделали вы
в этом смердящем мире,
для этого темного существа — человека,
для этой забитой твари, для этой
головы, в навоз погруженной,
для этого воплощенья
грубых раздавленных жизней?

Он посадил их на скамью подсудимых, отлучил от жизни — пускай себе торгуют отбросами, пускай мечтают о «синих волосах», гоняются за «чистой красотой», за «колдовством», за всем, что, по мнению Неруды, безмерно далеко от реальности.

В этой обличительной речи нашлось место и сливкам «нашей фальшивой латиноамериканской аристократии», старающейся не отстать от эксплуататоров — хищных пожирателей нашего континента. Это стихотворение совсем в духе Кеведо, в нем тоже есть свои ненасытные стервятники: фавориты, адвокаты доллара, дипломатические болваны, увешанные орденами, политики из борделей, «Стэндард Ойл компани», «Анаконда коппер майнинг», «Юнайтед фрут», которые ежечасно поставляют нищих, убивают индейцев, подкупают судей, устанавливают диктаторские режимы, а те заваливают площади горами трупов. «Небесные поэты» — экзотический цветок на лацкане всей этой фауны.

Я пишу это, основываясь на собственных ощущениях, и знаю, что то же чувствуют многие — если не все — читатели. Стихотворения, от которых отрекся поэт, я читал и перечитывал постоянно. И думаю, запрет Неруды практически никто не принял во внимание. Юноши по-прежнему объясняются в любви строками из «Двадцати стихотворений». Люди, погруженные в себя, все так же плавают в тайных водах «Местожительства». Но и нарушая его запрет, мы, читатели, понимаем, какими благородными побуждениями руководствовался автор. Как бы то ни было, творения Неруды уже не принадлежат ему, читатель сам волен решать, без всякой подсказки, хотя бы даже авторской, читать ему их или нет.

Прошло несколько лет, и сам Неруда вернул эти стихи к жизни. Проклятые им книги вошли, слава богу, в собрание его сочинений. В 1951 году Неруда дал разрешение своему издателю в Буэнос-Айресе Гонсало Лосаде на новое издание «Двадцати стихотворений о любви», которые читатели приняли с восторгом. Вскоре тираж этой маленькой книжечки на испанском языке достиг миллиона экземпляров. Позднее в Советском Союзе была

опубликована книга «Местожительство — Земля», а также почти все его произведения.

Впоследствии Неруда спокойнее говорил о «Местожительстве» и читал его как нечто уже далекое, но все же написанное им, выплеснувшееся когда-то из его души.

> «Общая интонация той книги, — говорил он, — безысходно мрачна, поскольку стихи были рождены глубоким отчаянием. Гиперболизация же вообще свойственна моей поэзии. В других книгах я гиперболизировал радостные интонации. Но радость никого не убивает…»

Да, радость не убила бы того юношу, в этом он не сомневался.

> «Видимо, он был умный, полный жизни молодой человек. А тут моя книга, роковым образом связанная с этой смертью… Это серьезно!.. Мне пришлось многое передумать. Отношение к „Местожительству“ я изменил, но по-прежнему думаю, что писатель несет ответственность не только за свою жизнь, но и за свои произведения».

Годы примирили Неруду с его собственной поэзией, со стихами, написанными до испанской войны. Довольно часто на своих поэтических вечерах он уступал настойчивым просьбам молодых слушателей и, спустив очки на кончик носа, с теплым ностальгическим чувством читал последнее из «Двадцати стихотворений о любви»:

> «Я волен сегодня ночью стихи доверить печали…»[140]

110. Любовь и тромбофлебит

Неруда поехал на похороны Ороско и там почувствовал себя плохо. Мучил тромбофлебит. Однако он скрыл свое недомогание, присутствовал на всех заседаниях конгресса и только потом слег в постель. Как обычно, Неруду навещали друзья. В его спальне было людно, как в литературном салоне или в какой-нибудь таверне вечером. И уж конечно, не забывали его женщины. А вот это лицо он вроде бы видел, и эту сияющую улыбку — тоже. Нежные руки ловко оправляют постель больного, взбивают подушку, поддерживают голову, подавая лекарство. Где же он

видел глаза этой чилийки? Ведь они ясно говорят ему: мы знали друг друга! В памяти вдруг возникла музыка, деревья — это, кажется, было давно и в то же время недавно… Когда женщина еще раз подала ему лекарство, он спросил ее прямо, знакомы ли они. Да, они встретились когда-то на концерте в парке Форесталь, их познакомили общие друзья. Неруда первым заметил ее и спросил у Бланки Хаузер, кто ее подруга. Встреча случилась три года назад, но тем дело не кончилось. Головокружительно быстро произошло между ними то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной. К слову, это было в самый разгар кампании 1946 года по выборам президента. Приключение полностью изгладилось в памяти поэта. Она тогда как раз окончила консерваторию в Сантьяго по классу вокала и уехала на гастроли по странам Латинской Америки. Затем поселилась в Мехико, где основала музыкальную школу. И вот певица, которая никогда не забывала урагана чувств, пережитого ею в парке Форесталь, стала добровольной сиделкой. У Матильды Уррутиа и ее подопечного начался тайный роман, обострivший страсть Неруды придумывать своим близким имена. Новую возлюбленную он называл Росарио. И даже умудрился упомянуть это имя во «Всеобщей песни». В поэме «Пусть проснется Лесоруб» он восклицает: «Мир моей правой руке, что желает писать лишь одно — Росарио — имя»[141]. В эту книгу, уже отосланную в Чили, он включил и другие стихотворения и, наверное, от души радовался, что, дополняя «Песнь», сумел разбросать по ее страницам дорогое имя, не обнаруживая при этом своих чувств.

Матильда ухаживала за больным в квартире на бульваре Реформы. Выздоровление шло медленно. Этот союз, окрепший в 1949 году, продлится двадцать четыре года, до самой смерти поэта.

Неруда был не такой человек, чтобы лежать в постели праздно. Каждое утро он брался за перо. Не поднимаясь с кровати, был постоянно занят самыми разными делами внешнего мира. Национальный праздник 18 сентября он отметил, устроив прием на триста человек. Там был «весь Мехико» и много иностранцев. Улаживать вопросы, связанные с организацией приема — и в этом была его необычность, — хозяину приходилось по телефону, лежа в постели.

Он задумал выпустить роскошное издание «Всеобщей песни». В таких случаях Неруда любил поставить все на широкую ногу. В комиссию по изданию вошли Мария Асунсоло, инженер Сесар Мартино, архитектор Карлос Обрегон Сантасилья, испанец Венсеслао Росес и чилийцы Сесар Годой Уррутиа и Энрике де лос Рейес. За типографские дела отвечал Мигель Прието. Такой

состав комиссии был не случаен: тут много значил общественный вес ее членов и их возможности по привлечению денежных средств. Неруде хотелось, чтобы в оформлении его книги приняли участие все три гиганта мурализма. Ороско умер; форзацы, сделанные на высочайшем уровне, полностью соответствовали достоинствам книги; их выполнили Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос.

Неруда добавлял в книгу стихотворения почти до самого ее выхода в свет. Хотя «Всеобщая песнь», как уже говорилось, датирована 5 февраля 1949 года, в декабре того же года Неруда написал в дополнение к пятой ее части стихотворение «Гонсалес Видела, изменник Чили», машинописный оригинал которого с поправками автора сохранился у его друга Луиса Энрике Делано. В главу двенадцатую, «Песенные реки», он буквально в последнюю минуту включил написанное также в декабре стихотворение «Мигелю Эрнандесу, убитому в испанском застенке». Эти произведения совершенно различны по духу. Первое — язвительное, обличающее; второе выдержано в тоне высокого лиризма, хотя и в нем автор обрушивает на убийц проклятия и пророчески возвещает, что за преступления они заплатят своей кровью. Поэт ощущает на губах кислый вкус пороха. Состояние души Неруды во многом объясняют обстоятельства его жизни в то время.

В один прекрасный день он покидает постель, дом и Мехико. Предпринимает утомительное путешествие в Веракрус, где посещает Габриэлу Мистраль. В августе 1949 года Луис Энрике Делано и Сесар Г одой приезжали к ней в Халапу, чтобы заручиться ее согласием участвовать в Конгрессе мира. Делано рассказывает, что они провели вместе двадцать четыре часа, из которых двадцать увлеченно беседовали. Она согласилась участвовать в конгрессе; три самых знаменитых чилийца — она, Неруда и Клаудио Аррау{126} — подняли свои голоса против войны. Вскоре Габриэла Мистраль опубликовала статью «Проклятое слово», получившую широкую известность. Слово «мир» было для нее священным. «Будем произносить его каждый день, где бы мы ни были, куда бы ни ехали, до тех пор пока оно не обретет плоть и не породит „армию мира“, которая оздоровит эту душную атмосферу лжи и грязи». Неруда не встречался с Габриэлой со времен Испании. После Лиссабона она занимала пост консула в Санта-Барбаре в Калифорнии, а потом в Петрополисе. Она и Пабло Неруда помогли Делано получить консульский пост. Габриэла послала Луису Энрике открытку, в которой сообщала, что ее выставили из «Меркурио», как служанку, хотя она проработала там более двадцати лет. В

Веракрусе она рассказала об этом и Неруде. Мельком упомянула о «стокгольмских делах». Она имела в виду Нобелевскую премию. Долго, со слезами на глазах, говорила о смерти своего племянника Йин-Йина. Она считала, что в Бразилии его убили. Но не исключено, что он покончил с собой, как и другой близкий ей человек, пылкий и добрый друг Стефан Цвейг.

Прямо из дома Габриэлы Мистраль Неруда отправился на корабль, который снова увез его в Европу. Поначалу он собирался провести в Мексике всего несколько дней, а задержался там на десять месяцев. Здесь произошла встреча, которая определила дальнейшее течение его жизни. Полюбив Matildina Silvestre[142] — «птица она», Pablo Insulidae Nigra[143] — «птица я» — запел на иной лад. Она же забросила пение, чтобы полностью отдаться этой скрываемой от всех связи, которую ежедневно скрепляла тайная переписка. Вскоре Матильда перебралась в Европу, чтобы жить поближе к Пабло, который все еще делил с Делией супружеский кров, но не ложе — оно принадлежало таинственной Росарио де ла Серда. Эта раздвоенность будет длиться еще семь лет.

111. Беседа изгнанников

Настала пора путешествий. Он снова проехал через Гватемалу. Некоторое время жил рядом с Жоржи Амаду в замке Добржиш под Прагой. Оба они пользовались гостеприимством Союза писателей Чехословакии. Друзья говорили о своем изгнании. Бразильский писатель, чьи романы овеяны духом родной Баии, как и Неруда, переживает сейчас бурный период. И тот и другой жадно ловят любую новость оттуда, издалека. До Неруды доходит печальная весть: умер Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Рикардо Фонсека, который и организовал побег поэта через Кордильеры совсем незадолго до смерти. «Мы оба, и он, и я, / вышли из бесприютной Фронтеры, / и меж двух ураганных порывов ветра / сошлись под одною крышей, / встретились у огня, / зажженного им от жаркого пламени, / что полыхало в его груди».

В Индии Неруда встречается с Неру. В 1950 году участвует в работе Второго конгресса сторонников мира в Варшаве. Получает Сталинскую премию. Он объездил почти всю Европу и теперь отправляется в Азию.

Он ведет постоянные записи о своих путешествиях, можно сказать, как журналист, но книга «Виноградники и ветер» не путеводитель в стихах; поэт заинтересованно всматривается в жизнь двух континентов. При этом рассказывает о виденном в

строго хронологическом порядке. Начнет он новую книгу с того, чем кончил «Всеобщую песнь»: вспомнит о переходе через Кордильеры верхом на лошади, чьи копыта ступали по тысячелетнему ковру перегноя, о том, как трудно продвигался по сельве, где птицы никогда не видали людей, где «пробегали лисы, сверкая электрическим хвостом»[144]. Шипы терзали его плоть на этом крестном пути, он врубался топором в тело преградившего ему дорогу дерева. Но одолел он переход только потому, что в трудную минуту другой человек шел рядом. Ему помог человек, и только человек.

Так он сумел добраться до Флоренции с ее Арно, совсем не похожей на Ориноко и на дикие горные потоки Кордильер. Только поэтому смог переступить порог Палаццо Веккио. Он сравнивает реки своей родины с желтыми водами Дуная в Румынии. Дома все такое необузданное, а здесь, наоборот, приручeнное, проржавевшее за долгие века, как Карлов мост в Праге. Но здесь с ним говорит Юлиус Фучик, улыбающийся Юлиус Фучик.

Теперь уже можно было называть свое настоящее имя. Можно было не прятаться, открыто встречаться с друзьями. Позволять себе дурачиться на людях. Неруда едет к Пикассо в Вальорис. Там, в мастерской, несутся галопом маленькие керамические кентавры. А еще немного спустя он оказывается на даче у «лохматого» человека, а потом советует всем: «Если хочешь узнать что-нибудь о жасмине, / письмо… напиши…»[145] Эренбургу.

Американский скиталец беседует с Европой. Он просит не закрывать перед ним двери.

Завтра рано утром он отправится в Азию. Потом вернется к берегам Балтики. И будет просить разрешения приехать в страну, которая не дает ему права на въезд, — в Испанию. А эта страна необходима ему как воздух.

Он будет воспевать «то, что видел на русской просторной земле», рассказывать, как «меняется история» и как он едет в поезде «по осени сибирской»[146].

Он путешествует по Монголии, где «родину свою узнал: Великий Север Чили», где увидел «песчаные холмы» и «слушал свирепый ветер Гоби»[147].

Он смотрит на карту, и за каждым названием перед ним встает страна. У многих из них культура и свобода не в чести. Греция, роза Праксителя в листьях аканта, залита кровью собственного народа.

Как-то он проснулся и увидел из окна Берлин, перемолотый жерновами войны. Но Неруда увидел и народ, который ранним

утром выходил из ада, чтобы восстанавливать страну из руин, будто снова наступала весна.

Поэзия Неруды полемична, он выражает свои мысли четко, в открытую. Где бы он ни оказывался, родина неизменно была с ним. Стихотворением «В моей стране весна» он декларирует свою общность со всем живущим: «Но если в Лоте дождь идет, / то дождь идет и надо мною… / Зерно Каутина прорастает сквозь меня. / Араукария есть в Вильярике у меня. / Есть у меня песок на севере далеком. / Есть золотая роза в Сан-Фернандо»[148].

В те годы шла война в Корее. Все в мире взаимосвязано: «Те, кто сравнял с землей Никарагуа, те, кто отнял Техас, те, кто унизил Вальпараисо, те, кто грязной лапой сжимает горло Пуэрто-Рико, явились в Корею…»

Не стоит думать, что в этом простом перечислении проявляется наивная прямолинейность. Неруда ненавидит имперскую политику, но он ощущает при этом и свое родство с англичанами, с теми, кто проникает в тайное тайных, — с «Шелли, поющем о дожде».

«Сожженный свет» — это роза для Вьетнама. Поэт просит мира для страны самоотверженных героев, где лианы и тростниковые заросли колеблет ветер, напоенный и нежными ароматами, и запахом смерти.

Еще одной стране принадлежит любовь Неруды — Португалии. Но попасть туда он может лишь тайно. Глядя с моря, он видит «порт небесного цвета», но понимает, что «за ставнями… патрулируют траурные тюремщики», что «завещанная… Камоэнсом нежно поющая золотая цитра» забыта. Неруде хочется спросить рядового португальца: «Знаешь ли ты, где держат Алваро Куньяла{127}?»[149]

Неруда знал, что существуют по меньшей мере две Франции. Ему, который проглотил Рабле, «как помидор», весьма вежливая дама в полицейской форме предложила сигареты и — выдворила из страны. Не помогло ни то, что он почтил память Шарля Орлеанского, ни то, что Рембо много лет назад нашел прибежище в его доме. Неруду вышвырнули, несмотря на орден, врученный ему графом де Дампьером. Во времена «холодной войны» такой замороженный десерт был не в диковинку.

Неруда понимал, что его французские друзья страдают из-за этой истории больше, чем он, особенно Арагон и Элюар, которого Неруда еще в Мехико, можно сказать, сосватал с его последней любовью — Доминик. Он не успел закончить «Виноградники и ветер», когда из Франции была получена скорбная весть, еще сильней омрачившая разлуку с этой страной: скончался Поль Элюар. «Сколько всего должно произойти на земле, / сколько

утечь времени, / чтобы родился человек». Позднее Неруда скажет: «Его дружба была для меня хлебом насущным, в его нежности, ныне утраченной, я нуждался каждый день. Никто уже не сможет дать мне то, что он унес с собой, его действенная любовь была в моей жизни самой большой драгоценностью».

В «Виноградниках и ветре», как и во всех других книгах Неруды, есть страницы, посвященные дружбе — чувству, которое он высоко ценил всю жизнь.

О его тайной любви к Матильде я узнал не от самого Пабло, а от его друга Назыма Хикмета, турецкого поэта, письмо которому Неруда попросил меня передать. Назым был удивительный человек. Они познакомились, когда Назым только что вышел на свободу из долгого кошмарного заключения в тюрьмах своей страны, и первое, что он сделал, — подарил Неруде свою вышитую золотом рубашку. Сколько же пришлось ему выстрадать! Он так описывал землю, откуда был родом: «… головою осла, / что галопом примчался из далекой азиатской пустыни, / припадает она к Средиземному морю…» Он родился в Салониках в 1902 году, в старинной знатной турецкой семье; писать начал с детства, участвовал в революционном движении; в 1921 году уехал в Москву, где поступил в Университет народов Востока. Назым вернулся в Турцию в 1928 году; член коммунистической партии, он постоянно находился либо в подполье, либо в тюрьмах. В 1951 году он эмигрировал. Назым Хикмет был величайшим поэтом Турции и одним из самых крупных поэтов мира. Неруда хочет, чтобы облик Назыма не был забыт: «Он высок, / словно башня, / мирная башня средь зеленых лугов, / а вверху / горят два окна, / излучают свет Турции / эти два глаза». В 1952 году в Пекине я вместе с Хикметом ждал самолета, и он спросил меня, как поживает Росарио. Заметив мое недоумение, Назым рассмеялся так, как умел смеяться он один. Пабло говорил, что видеть, как смеется Назым, — намного лучше, чем смеяться самому.

Свою книгу, написанную почти целиком в путешествиях, Неруда завершил, уже вернувшись на родину. Эпилог написан в Чили. Ветры странствий овеяли его душу, он возвратился нагруженный «виноградными гроздьями». Неруда видел и раны войны, и зреющую мирную жизнь. Он вернулся счастливый, с ним была его любовь, все еще тайная. Он вернулся счастливый.

112. Итальянское интермеццо

У Неруды нет книги «Путешествие по Италии». Он не обладал всемогуществом Аполлона. Ему приходилось, правда, быть и

сенатором, и послом, и кандидатом в президенты, но постов государственного секретаря, инспектора горных разработок, суперинтенданта оросительных систем он никогда не занимал, никто не поручал ему утверждать образцы новых военных мундиров. Иоганна Вольфганга Гёте хватало и на это. В Гёте воплотилась вся культура, цивилизация и искусство Европы. Этот «phisique du roi»[150] был настоящий вельможа, а наш провинциал Нефтали Рикардо Рейес — всего лишь неотесанный креол. Его манеры и даже одежда носили неизгладимый латиноамериканский отпечаток. И все ж Гёте и Неруду многое роднило. Оба они были поэты и, в некоторой степени, политики. Оба верили в могущество человека и поэта: прежде всего в могущество человека и лишь затем — человека-поэта. Мог ли тот, кто переосмыслил легенду о Фаусте, не задаваться вопросом: на ком держится Олимп, кто объединяет богов? Что, если не могущество человека, рождает поэта? Поэт, утверждает Неруда, вспоминая о Чилам-Беламе, — это уста человечества, его предназначение — говорить за всех.

Оба они посетили Италию в зрелом возрасте. Душевный кризис настиг Гёте в тридцать семь лет, на переломе жизни. В Италию он бежал от тирании Шарлотты Штейн, а вовсе не от герцога Веймарского. Его личные драмы были мелки по сравнению с историческими событиями — через год началась Великая французская революция.

Позже Неруда так вспоминал о своем путешествии: «Переезжая из страны в страну, изгнанником я попал в Италию, о которой мало знал и в которую влюбился всем сердцем. В этой стране меня изумляло все. Особенно естественность, простота: масло, хлеб и вино — все подлинное, натуральное»[151]. Ему сорок семь лет. Он тоже оказывается в Италии в момент переоценки собственного жизненного опыта. Выражаясь высокопарно, он находится в самом водовороте международной политической борьбы; его терзают события в Чили; к тому же в его супружеской жизни наступает глубокий кризис, вспыхнувший из-за новой, до сих пор скрываемой любви, которая в Италии постепенно выходит из-под покрова глубокой тайны.

Обоим поэтам Италия нравится так, что они готовы остаться там надолго. Гёте называет себя «беглецом с севера». «Беглеца с юга» и в самом деле преследуют, словно зверя. Он бежит через Анды, обложенный со всех сторон загонщиками «холодной войны». В Италии он надеется найти убежище для себя и приют для своей новой любви. Но «холодная война» отравляет ему жизнь и здесь.

Гёте запечатлевает свои мысли и чувства в «Путешествии по

Италии» и в письмах. Неруда не создаст самостоятельной книги об этой стране, но расскажет о ней в отдельных стихотворениях, в письмах и, наконец, в воспоминаниях. В Италии Гёте дописывает незаконченные произведения, завершает «Тассо», «Эгмонта», «Ифигению»; Неруда пишет здесь «Стихи Капитана» и «Виноградники и ветер». Его итальянские произведения посвящены любви, дружбе, отчасти природе и во многом политике, которую он сравнивает с бегом по пересеченной местности. О своих столкновениях с полицией Неруда рассказывает как о забавных приключениях. Ему нравится веселящий газ этих встреч. Он умеет смеяться, когда от волнения клацают зубы. Ему приятны раскованные люди Италии, для него привлекателен «итальянский характер».

Гёте говорит: «…все, что блестит, живет одно мгновенье, и только подлинное сохраняется неизменным в вечности». Как ни странно, из двух лет, проведенных в Италии, он посвятил Флоренции всего три часа. Зато он собирает гербарии, рассуждает об энтомологии. Неруда любуется средиземноморской природой, сравнивает, где — в Италии или в Чили — лучше море, вкуснее вино и лук, красивее женщины, звучнее речь. В своих мемуарах «Признаюсь: я жил» он упоминает лишь несколько музеев. В Милане он пошел со мной всего на одну, весьма помпезную, выставку современной испанской живописи, устроенную буквально напротив его гостиницы, в Палаццо Реаль. Иногда меня поражало, с каким безразличием он глядел на знаменитые развалины. В Италии Неруда предпочитал наблюдать современную жизнь, ее легкое и свободное течение на фоне веков и тысячелетий. Он знал: каждому предназначено прожить свою жизнь в свою эпоху. Неруда обладал острым взглядом поэта. Он без восторгов созерцал исторические памятники, но творческий отбор шел постоянно, по большей части бессознательно. Он восхищался достопримечательностями, однако говорил, что в средних веках его интересует главным образом охота на единорогов — спорт, исполненный мистической красоты. В Возрождении его привлекала свойственная и ему самому любовь к человеческому телу. Но больше всего его интересовала загадка течения времени, жизнь человека во времени и груз страстей, который он несет в себе. Неруда был неисправимый «сплетник», он с неистощимым любопытством вглядывался в человеческое сердце. Он переводит «Ромео и Джульетту», пристально всматриваясь в извивы чувств героев, переводит с присущей его искусству царственной свободой, но при этом обливается то горячим, то холодным потом, и, закончив тяжкий труд, клянется, что «никогда больше не возьмется переводить Шекспира».

Любовные сонеты Шекспира, «выточенные из опала слез, рубина любви, изумруда ревности и аметиста скорби»[152], были особенно ему дороги. Не раз я слышал, как он читал их вслух.

На Капри он вспоминал уже покойных друзей: Аугусто Д'Альмара, Херардо Сегеля, Муньоса Меани и еще одного, живого, — меня. Он прислал мне предисловие ко второму изданию моего романа «Сын селитры», которое вышло в 1952 году. В предисловии говорилось: «Вместе с народом мы пережили великую и тяжкую пору», и так это было, и так оставалось, пока он жил на этой земле.

Неруда, охотник до чужих тайн, был способен упиваться созерцанием храма Минервы или памятников готического искусства, испытывая при этом чувственное наслаждение. Однако он не раз признавался, что предпочитает американское барокко в поэзии и в духовной жизни, так как этот стиль сыграл немалую роль в литературе. Он восхищался черной керамикой Кинчамали, народными вышивками, амате мексиканских индейцев, декоративной резьбой, каменными розетками у источников. Все это присутствует в его поэзии. Возможно, классическая древность не была близка Неруде потому, что он был родом из страны, не имевшей древней истории, с континента, не знавшего классического периода.

Он наслаждался Италией даже в минуты опасности. Мне приходит на память его веселый рассказ о приключении в венецианской гондоле. «Полиция пожелала, чтобы я покинул город, где родилась и страдала Дездемона». И поэт поступает как Казанова, как проказливый мальчишка. Он в восторге от того, что удирает в открытое море по Большому каналу в моторке, принадлежащей муниципалитету, а полиция гонится за ним на веслах, причем на таких черных с золотой росписью гондолах обычно катаются влюбленные. На сей раз эта «любовная лодка» с полицейским экипажем преследует дельфина поэзии без всякой надежды на успех. Подобные сцены, но с бурными вариациями, повторятся и на суше: вот Неруда выходит из вагона на Римском вокзале, и вокзал обращается поистине в «бранное поле Аграмонте{128}». Литература, искусство и полиция вступают в настоящее сражение. Пабло с удовольствием вспоминал всех участников той бурной встречи. На перроне собрались Моравиа, Гуттузо, Карло Леви, который самым мирным образом вручил Неруде букет роз. Впоследствии он станет писать портрет Пабло в своей мастерской, «пока будут медленно спускаться сумерки, приглушая краски, словно их стирало само время». Неруда называет Карло Леви «филином с пронзительными глазами ночной птицы». Одного эпизода на вокзале Пабло не забудет

никогда: как Эльза Моранте колотит зонтиком чересчур ретивого полицейского.

Поэта тепло принимали в Милане, Турине и Генуе — в порту, откуда уже тысячи итальянцев уехали в Чили, в том числе Солимано, большой друг Неруды, посвятивший его в таинства итальянской кухни. Неруда и раньше читал свои стихи в театрах, университетах, в переполненных залах. Этот странствующий трубадур использовал такие возможности во всех своих поездках. Здесь, в Италии, ему помогли улучшить дикцию, придать больше выразительности интонации. В Милане я слышал, как сначала читал свои стихи Неруда, а потом их декламировал местный актер. Неруде нравилось читать свои произведения, они, без сомнения, стоили куда больше, чем его гнусавая декламация-правда, чилийцы стали постепенно считать ее вполне сносной, потому что привыкли и потому что любили поэта. Он же испытывал истинное удовольствие, слушая свои стихи из уст итальянцев; он говорил: «Я люблю, когда кто-нибудь читает мои стихи на великолепном итальянском. Этот дивный язык прибавляет им блеска».

Но самые счастливые дни в Италии — хотя каждый из них был омрачен хоть маленьким облачком, ведь где огонь, там и зола, — Неруда провел в Неаполе и на Капри. Тут сыграли роль и чисто личные причины, и окружение поэта. Под застывшей лавой притихших везувиев зазвучали колокола, правда, не веронские, а каприйские. Они прибыли на Капри, этот корабль на приколе, зимней ночью, а на следующий день Пабло увидел, словно через стекло, высвеченный восходящим солнцем берег и полыхающий закат. Такова была первая встреча с островом… Все это припоминалось нам с Матильдой почти тридцать лет спустя, когда мы с ней оказались в тех же местах, в Неаполе, глядели на утесы Капри и оставили свидетельство своего паломничества на одной из приморских скал.

Вдвоем с Матильдой, уже без Пабло, мы долго стояли перед белым бунгало над скалистым берегом; этот дом Эрвин Черио предоставил тогда в распоряжение каприйских любовников. Он подарил им, по словам поэта, «широкую, щедрую, благоуханную душу Италии». Войти в бунгало нам не удалось: сентименты и литературные воспоминания были ни к чему его обитателям.

Италия для Неруды никогда не была собранием видовых открыток. Он никогда не смотрел на нее как на декорации к оперному спектаклю. Помещенный в киль этого корабля, где поэт жил мечтой и творчеством, он открыл на Капри «два резко очерченных и несхожих друг с другом лица Италии. Одно — лицо бедняков, извозчиков, рыбаков, моряков, виноградарей, торговцев

оливками». Другое же — лицо той Италии, «где буйствует разврат, о котором пишут в романах», — осталось для него лишь предположением, неуловимым призраком приходящего в упадок класса. Он писал: «Я жил счастливой жизнью среди непотревоженной тишины, среди самых простых людей на свете. Незабываемое время! По утрам я работал, а во второй половине дня Матильда переписывала мои стихи на машинке»[153]. «Там я написал большую часть одной из своих самых не оцененных читателями книг — „Виноградники и ветер“», — говорил он далее с откровенным упреком в адрес критиков. Туда к ним приехал вместе с Сарой пылкий, красноречивый, энергичный Марио Аликата, с которым они затеяли соревнование — кто лучше приготовит лук. Это была грандиозная кулинарная битва финикийской, этрусской, левантийской, римской культур и цивилизаций с примитивным вкусовым здравым смыслом обитателей Вест-Индии, на своей шкуре испытывавших свирепые ветры антарктических широт. Это был настоящий праздник кухни, которому истинно по-эпикурейски отдали дань многие писатели, начиная с Рабле и кончая Гюнтером Грассом{129}. Какое счастье — создать съедобное произведение искусства! Это вам не «футуристская кухня» Маринетти с вымышленными блюдами, приправленная безответственной болтовней. На том состязании царил дух гурманских наслаждений, тончайших вкусовых ощущений; с замиранием сердца пробовали они свои деликатесы, поэтически прочитывая съедобные плоды природы, аранжированные, как музыкальные произведения, со своими пиано и стаккато, пикантными и сладострастными, которые способна сотворить только женская рука или разыгравшееся воображение поэтов.

На Капри он написал «Стихи Капитана», книгу, которая вышла в Неаполе без имени автора. Эта книга отнюдь не о беспорочной небесной любви. Она пронизана драматизмом и чувственностью, но порнографии в ней нет и следа. Тем не менее по ее страницам, словно по волнам, плывет и разливается морем секс, в ней бурлят желание и адские сомнения, всепожирающая страсть мужчины, перешагнувшего свое сорокалетие. Все это переливается через край, стихи рождаются, как внебрачное дитя, — творчество не ведает цензуры. Но автор надевает маску. На титуле стояло слово «аноним». Эта анонимность породила множество кривотолков, догадок, безудержных сплетен — вопли плоти изобличили автора. Тайным творцом этой книги был Неруда, замечает некий критик кошачьей породы, донельзя довольный собственной проницательностью. Ощущение трагедии ad portes[154] обычно возбуждает людей. Хуже всего, что кое-кто

из щеголявших своей эрудицией исследователей, нескромно проникавших в тайны стиля, громогласно оповещал о своих открытиях ту самую женщину, ради которой поэт и скрыл свое авторство.

Я познакомился с этим первым анонимным изданием книги однажды ночью в 1952 году, в Праге, в доме Альфредо Варелы, точнее, с ним познакомил меня хозяин дома, дав почитать перед сном. Теперь эта книга стала драгоценнейшей библиографической редкостью, она иллюстрирована Паоло Риччи, набрана старинным типографским шрифтом «Бодони» и украшена гравюрами помпейских ваз. Варела дал мне ее не как снотворное, не для того, чтобы гость уснул покрепче, — он как бы ввел друга в таинственное царство мечты, пустил его в вольный полет между небом и землей, между светом и тьмой туда, где смутно проступает некий профиль, затуманенный по воле поэта портрет. Неруда хотел скрыть лицо, но наивно обнажил душу, лишь облачив ее в почти прозрачное эфемерное одеяние, но и оно будет сорвано взрывом страсти и нежности, лавиной неистовых строк, начертанных рукой человека, которого не спутаешь ни с кем. Почему же он скрыл свое имя? Ответ один: чтобы не ранить Делию.

В Гойании, когда спускалась ночь, рядом с тем местом, где вскоре, как вызов зеленому тропическому величию, встанет город, пока еще существовавший лишь в мозгу Оскара Нимейера{130}, еще не воплощенный в чертежах, еще не названный своим именем — Бразилиа, — я, сидя напротив Делии, слышал, как яростно спорил Пабло с собеседником, похвалявшимся: меня, мол, не обманешь, эту книгу написал ты. И я видел, как лицо Делии, сохранявшее якобы отсутствующее выражение, постепенно превращалось в лик одинокой брошенной женщины, над которой, как плащ трагедии, простерлась тень. В этой сцене меня больше всего поразила деликатность Неруды. Он не хотел мучить женщину, которая была на двадцать лет старше его.

113. Женщина с двумя головами

Двойная жизнь в течение всех этих лет их сильно измотала. Матильде приходилось ездить вслед за Пабло и Делией, чтобы иметь возможность встречаться с ним украдкой. Так она оказалась и в Мексике, и в Байе. Пабло-любовник не изменял своему ремеслу писателя. Каждый день он посылал ей любовные стихотворения, иной раз просто на клочке бумаги или на салфетке, набросав несколько быстрых строк, пока с кем-то

обедал. На Капри они впервые жили вдвоем. В деревянной шкатулке, инкрустированной перламутром, Матильда хранит оригиналы «Стихов Капитана». Пабло сочинял их не за письменным столом. Он делал это во время заседаний различных конгрессов, в поезде или за столиком парижского кафе. Ложь любовников всегда была похожа на правду, они всегда имели какое-нибудь алиби и указывали не те адреса, куда направлялись.

Когда-то Матильда снялась в фильме, о котором говорила смеясь, чтобы не краснеть. Потом пела на радиостудиях Буэнос-Айреса и Мехико.

В 1952 году ее портрет написал Диего Ривера. Это — женщина с двумя головами, одна в фас, другая в профиль. Матильда Уррутиа и Росарио де ла Серда. (Де ла Серда — ее вторая фамилия.) Когда Неруда привел меня в «Часкону», дом, построенный им для Матильды в Сантьяго у подножия холма Сан-Кристобаль, он показал мне этот портрет и спросил: «Что ты видишь?» Я молча вглядывался. В пышных волосах я разглядел острый профиль поэта, тайного любовника.

Когда Пабло с Матильдой жили на Капри, они часто ездили в Неаполь. Счастливое совпадение: чилийского консула в Неаполе зовут Габриэла Мистраль. Она принимает их с распростертыми объятиями. Предлагает им жить у нее, рискуя при этом своим положением, так как все чилийские посольства и консульства получили из Министерства иностранных дел циркуляр, запрещавший иметь дело с политическим эмигрантом Пабло Нерудой. Габриэла смеется, хотя немного встревожена. Она пишет своей подруге:

> «Начальство запретило мне принимать Неруду. Плохо же они меня знают. Я бы умерла, если бы мне пришлось закрыть двери своего дома перед другом, величайшим испаноязычным поэтом и, наконец, просто преследуемым чилийцем. Меня тоже преследовали, и как! Тоже вышвыривали из редакций газет и журналов. И так будут поступать еще со многими. Никогда не забывай об этом. Надо передавать всем, как по цепочке, цельность души и мужественно говорить все, что рождается в сердце…»

В ту пору Неруда нередко приводил нас в смятение. Он долгие недели и месяцы скрывал место своего пребывания и путал следы. В Чили мы жили в постоянной тревоге за знаменитого преследуемого беглеца. До нас доходили слухи, что он вот-вот вернется на родину, и мы должны были сделать все, чтобы не допустить его ареста. Нет ничего лучше заступничества

масс. Лозунги «Руки прочь от Неруды!», написанные белым мелом и черной краской, смотрели со стен Сантьяго, как graffiti[155]. Однажды воскресным утром я выступал с речью в самом большом театре Сантьяго «Кауполикан». Вдруг ко мне подходит один товарищ и подает листок бумаги. Это воззвание. Я медленно читаю его семитысячной аудитории. «Сегодня в два часа дня в аэропорт „Серильос“ прибывает Пабло Неруда. Мы все должны встречать его, чтобы не допустить вмешательства полиции». Призыв был воспринят присутствовавшими как слово Священного писания. Люди готовы выполнить свой долг. И никто не желает больше ничего слушать. Все вскакивают как один, и возбужденная толпа устремляется в аэропорт.

Неруда не прилетел! Неужели его схватили где-нибудь по дороге, ведь в Южной Америке столько диктаторских режимов. А может, он уже прибыл в Чили и тут же был схвачен, несмотря на то, что приказ о его аресте отменили после трехлетней борьбы? Мы теряемся в догадках. Едем к его другу Карлосу Васальо, который потом, при правительстве Сальвадора Альенде, станет чилийским послом в Италии, и пытаемся заказать телефонный разговор, хотя в те времена переговорить с отдаленными пунктами было не так просто, как теперь, а о таком чуде, как автоматическая связь, не приходилось и мечтать. Мучительные часы ожидания. Нет, в Италии его нет. Где он? Не знаем. Уехал в Швейцарию. Звоним в Женеву. Разговариваем с испанским поэтом Эррерой Петере. Да, Неруда здесь был, но уехал во Францию. Просим навести нас на след. Мы по-прежнему боимся за него. В конце концов узнаем, что поэт несколько дней гостил в Монтевидео у своих друзей Мантарасов. Когда 12 августа он прибыл в Сантьяго, я не сказал ему обо всем этом ни слова. Но потом, уже годы спустя, спрашивал несколько раз: «Что тогда произошло, Пабло?» В ответ он смотрел невинно и непроницаемо. Я расписал ему в ярких красках, как здесь все было, наши бессмысленные метания, смешную в своей решимости толпу перед театром. Он, такой смешливый, даже не улыбнулся. Наоборот, посерьезнел. Я не сразу сообразил, в чем дело. Может быть, он и в самом деле должен был хранить тайну Капитана, плывя на итальянском пароходе в Южную Америку с Росарио де ла Серда и указывая ложный маршрут, чтобы не открыть секрет любви? Не знаю, удалось ли обмануть ту, ради которой все это было затеяно, но мы-то поверили безоговорочно. Это были хитрости поэта и его любви, он оправдывал себя тем, что был обязан завершить свое детище, не мог бросить перо, закаленное в горниле «холодной войны» и пылких страстей: ведь он и в самом деле писал каждый день, пока вершины Анакапри не

окрашивались закатным пурпуром.

114. Полигамия и дезинформация

Практически все желали возвращения Неруды. Существует документ, который свидетельствует об этом почти полном единодушии. Под письмом, содержавшим требование разрешить поэту вернуться на родину, подписались немногие, но эти имена представляли огромное большинство чилийцев. В алфавитном порядке стояли подписи новеллиста Эдуардо Барриоса, руководителя демохристианской партии Эдуардо Фрея, Карлоса Ибаньеса, который в сентябре того же года будет избран президентом республики, преподавателя и писателя социалиста Эухенио Гонсалеса, Габриэлы Мистраль, историка Франсиско Энсины и политического деятеля радикала Марсиаля Моры.

Это требование вызвало бурный гнев в официозной газете. Гонсалес Видела распорядился предать декларацию анафеме. Автор пасквиля не решился выступить под собственным именем, подписавшись двусмысленным псевдонимом «Историк». 30 марта правительственная газета опубликовала редакционную статью под названием «Дело Неруды». Нельзя сказать, чтобы эта инвектива была произведением искусства. Автор ее заявляет, что ему пришлось совершить над собой насилие, дабы обратиться к столь неприглядной истории, как «вся эта шумиха, которую международный коммунизм поднял в нашей стране вокруг возвращения главы упомянутой секты Пабло Неруды». О боже! Его, разумеется, с души воротит от подобных материй, ведь «существует же естественное право, оно не допустит, чтобы остался безнаказанным тот, кто преступил закон, наносил оскорбления, занимался клеветой упорно и подло». Оказывается, «шумиху» затеял Коминтерн, он-то и «подготовил письмо, которое, среди прочих, подписали член либеральной партии, бывший депутат, набравший 1800 с чем-то голосов, ныне историк дон Франсиско Антонио Энсина; редактор „Меркурио“ дон Эдуардо Барриос, возглавлявший кампанию по выборам в президенты сеньора Ибаньеса дель Кампо; поэтесса Габриэла Мистраль». Статья отнюдь не проникнута уважением к этим именам. В ней сообщается далее, что авторы письма хотят убедить народ, будто бы «сеньор Неруда преследуется по политическим мотивам… а это наглая ложь. Против сеньора Пабло Неруды было возбуждено два процесса в чилийском суде: один — за публичное оскорбление и клевету, возбужденный на основании декрета-закона № 425 и Уголовного кодекса, второй — за двоеженство…». Как полагает самозваный «Историк», первый

процесс не слишком заботил сеньора Неруду, а беспокоил его второй. Сеньора Неруду якобы задело за живое извещение о втором судебном процессе, возбужденном его женой, «голландской подданной, которую он покинул на Яве и которой в Чили отказал в алиментах, на что она имела полное право».

Гонсалес Видела лично, хотя и на казенные деньги, приказал доставить из Голландии Маруку Ахенаар. Она оказалась в мире, которого совершенно не знала, в мире махинаций, где ей к тому же посулили баснословную сумму. Президент предоставил ей адвоката, и она подчинялась ему, как автомат. Она оказалась захваченной маховиком неведомого и страшного механизма, попала в поистине кафкианскую ловушку, была совершенно сбита с толку, словом, она не отвечала за свои поступки. Ею манипулировали, словно зомби{131}. Она не понимала, кто и к чему ее принуждает.

К тому же, добавляет «Историк», поборники возвращения Неруды не просят за него, а требуют «восстановления справедливости». Неслыханная наглость! Они играют на заявлениях Неруды, сделанных в Мехико и в Париже.

> «Не будь сия история столь оскорбительна для страны, которой выпала печальная участь стать его родиной, она оказалась бы достойна самого язвительного смеха — ведь всем известно, какую жизнь изнеженного восточного владыки вел поэт-политик в Чили и за границей на денежки рабочих, зараженных международным советизмом».

У этого «Историка», столь «объективного», есть еще одна причина лить слезы. Он чувствует, что остался в одиночестве. В самом деле, только «Диарио илюстрадо», ультраконсервативный орган, сопровождает «Историка» в его крестовом походе. И только один политик-традиционалист, депутат Луис Вальдес, вслух заявил, что, если Неруда все же вернется в Чили, он потребует, чтобы суд вынес ему приговор за «оскорбление» родины. Это единственное, что может утешить Вальдеса.

Неруда загодя готовит свое возвращение и рассылает с этой целью несколько писем. Он возвращается не спеша, пароходом, вместе с Матильдой. Ему приходится проявить изобретательность: он дает неточные сведения о своем пути, чтобы никто не мог установить место его нахождения до тех пор, пока он сам не сочтет это необходимым.

27 июля 1952 года на пути в Чили он отправляет с борта неторопливого парохода «Коста де Африка» открытое письмо: «Я возвращаюсь домой, призванный моим народом. Буду в Чили в

середине августа». Это политическое послание. Он добавляет: «У нас, чилийцев, много дел». И, не называя адресата, отвечает пресловутому «Историку»: «Всю мою жизнь я посвящу защите чести Чили».

26 июля, в тот день, когда я прервал свою речь в театре «Кауполикан», чтобы призвать присутствовавших встречать Неруду, он не приехал. Это произошло лишь 12 августа. Пожилая работница вручила Неруде букет засохших цветов — они были так свежи и прекрасны, когда она бросилась в «Лос Серильос» встречать его в первый раз, а он не приехал. В тот вторник он вышел из самолета в сопровождении Астольфо Тапии, Карлоса Викуньи Фуэнтеса и Серхио Инсунсы, которые ездили его встречать в Монтевидео. Они составляли комитет, организовавший встречу Неруды в Америке до его въезда в Чили; кроме того, эти три товарища охраняли Неруду от все еще вероятных покушений на его свободу со стороны диктаторского режима.

Увидев поэта, все собравшиеся на аэродроме запели национальный гимн.

По законам страны Неруда мог быть арестован прямо в «Лос Серильосе», поскольку был объявлен в розыске. Но ничего не произошло. Даже таможенники лишь для виду открыли его чемоданы. На следующий день «Меркурио» перестала называть его Нефтали Рейес — имя Пабло Неруды было легализовано.

Светило яркое солнце, когда мы с Сальвадором Альенде, в ту пору кандидатом в президенты от Народного фронта, одним из секретарей которого я был, поспешили на телефонную станцию в Кильоте. Альенде поздравил поэта с возвращением, потом взял трубку я.

На следующий день на площади Бульнес состоялся митинг в честь приезда Неруды. В своей речи он призвал чилийцев, разъединенных политическими сражениями из-за предстоящих выборов, служить делу мира во всем мире и процветанию отечества.

Большой шумной компанией мы прикатили в «Лос Гиндос». Два карабинера записывали номера автомобилей, останавливавшихся у ворот.

В интервью, которое брала у Неруды для журнала «Эрсилья» его давняя приятельница Ленка Франулик, поэт заявил, что происходящая в Чили борьба не может рассматриваться только как предвыборная. Он, естественно, будет поддерживать Альенде, но это всего лишь этап длительной борьбы.

«Я дисциплинированный чилийский коммунист, —

сказал он. — Я приехал, не ставя никаких условий. За мое возвращение шла увенчавшаяся победой борьба, которая началась в тот момент, когда я покинул страну. История есть знание о прошлом, но политика не есть история. Политика создает новые жизненные источники, чтобы обеспечить исполнение надежд народа. Если мы двигаемся назад, мы не сможем идти вперед. Это не значит, что мы должны забывать прошлое».

115. Добро пожаловать домой

В тот августовский день, когда он после четырех лет вынужденных странствий вошел в свой дом в Мичоакане вместе с Делией, вернувшейся в страну на несколько месяцев раньше, самыми счастливыми казались две его собаки — Кальбуко и Кутака. Увидев плотного мужчину в светлом плаще и темной широкополой шляпе, как тогда носили, длинный Кальбуко вскинул ему лапы на плечи, словно хотел обнять. Маленькая Кутака, приплясывая, носилась вокруг хозяина, потом обнюхала, чтобы убедиться в его возвращении, и, лишь окончательно уверясь, лизнула ему руку.

Неруда прошел через дом в сильно заросший сад. На следующий день он не выдержал и сел за статью «Запах возвращения». Он глубоко вдыхал воздух родины, пробовал его на вкус. В запущенном саду разрослись новые растения, испускавшие незнакомые ароматы. Когда-то он посадил молодой тополек, теперь это было совсем взрослое дерево. Долго не признавали его каштаны, но однажды зеленая ветка, зашелестев под ветром, поздоровалась с ним. Библиотека встретила зимним холодом, все эти четыре года он больше всего сожалел о разлуке с нею. Запертые книги все равно что могилы, от них веет забвением. Библиотека оказалась в полном беспорядке. Рядом с изданием Бэкона XVIII века пристроилась «Женщина-капитан „Юкатана“» Сальгари. Отчужденно молчали раковины. Возвратившийся хозяин привез новых жильцов, он распаковывает «даму» по имени Мария Селесте — купленная на окраине Парижа, она украшала когда-то нос корабля.

Считая розы чересчур «литературными» цветами, поэт прежде не уделял им внимания. Но теперь розы стоят в каждом уголке, они испускают тонкий или оглушительный, как удар грома, аромат, отступающий лишь перед неистребимым запахом провинции, который пронизывал все жилье поэта, ибо следовал за ним из отчего дома, окутывал его с юных лет. Это был запах жимолости. Первые поцелуи весны, стоявшей уже у ворот.

Он долго рассказывал Ленке о том, какие чувства вызвало в нем возвращение. Она ушла, но приходила часто. Они были большими друзьями. А девять лет спустя она ушла навсегда.

«— Я черный галстук надену, чтоб проститься с тобою, Ленка.

— Как это глупо. Сними, не надо.

— Мы будем плакать сегодня и вспоминать тебя, Ленка.

— С ума ты сошел! Вспомни лучше, как мы смеялись!

— Но что мне сказать тебе, Ленка?

— Расскажи мне сказку… и будет!»

В приведенном отрывке — и душевная глубина Неруды, и его высокое уважение к этой мужественной женщине.

«Я помню время, когда преследовали меня и весь мой народ, и люди жили, напялив маски, словно в нелепом карнавале, и лишь ты одна блюла чистоту своего белого лица под золотым шлемом, высоко неся достоинство написанного слова. Лживые мэтры журналистики, точно овчарки, шли по следу моей поэзии, они исполняли свое предназначение паяцев и доносчиков, ты же воплощала собою прозрачность истины, ты не строила никаких иллюзий, но и не предавала.

— Уж слишком ты захваливаешь меня, Пабло, я не узнаю тебя.

— Прости, Ленка, я по-прежнему люблю людей. Ты стала еще прекраснее, ты — хрустальный лист с синими глазами, высокая и сияющая, и, быть может, никогда уже не родишься из золотой и снежной пены на нашем жалком песке».

На Плайя-Бланка, окаймленном соснами, Неруда сразу же включился в первую избирательную кампанию Сальвадора Альенде, которая снова привела его в Пуэрто-Сааведру. В Лоте он вновь встретился с шахтерами, которые, подобно ему, докапываются до самых глубин. Поэт дал им отчет о своих странствиях. «Огромно море и огромна земля, — начал он, — но я объехал ее дважды». Временами казалось, что оратор больше не надеется еще раз увидеть этих шахтеров и потому спешит поблагодарить их.

«Моим возвращением я обязан чилийскому народу, а не случаю и не благодеянию правительства».

116. Деятели культуры объединяются

Неруда умел мыслить широко и осуществлять большие замыслы. Он решил организовать встречу американских деятелей культуры и поделился этим планом с тремя деятелями культуры, обладавшими достаточным авторитетом, чтобы созвать такое совещание. Это были Габриэла Мистраль, Бальдомеро Санин Кано и Хоакин Гарсиа Монхе{132}. В июле 1952 года появилось их короткое воззвание, которое дышало тревогой. Мировая общественность обеспокоена и взволнованна. Ответственность за судьбы мира лежит на всех, в том числе на писателях, художниках, деятелях культуры и науки, одним словом, на всех работниках умственного труда. Почему бы им, людям различных взглядов, не встретиться и не договориться о том, какой вклад они могут внести в благородное дело развития Американского континента? Пусть участники конгресса обменяются мнениями и приведут свои доводы. Такая встреча пойдет на пользу не только самим интеллектуалам, но и народам.

Воззвание получило широкий отклик во многих странах — от Канады до Аргентины и Чили. Отовсюду стали поступать письма в поддержку этого начинания. Так, в Бразилии воззвание подписали: архитектор Оскар Нимейер, художник Кандидо Портинари, поэт Винисиус де Мораэс и романист Жоржи Амаду, который переехал в Сантьяго, чтобы вплотную заняться организацией встречи.

В конце марта — начале апреля 1953 года Континентальный конгресс деятелей культуры состоялся. Правительство Карлоса Ибаньеса чинило всяческие препятствия, задерживало визы участникам и грозило вообще запретить «сборище». Международная реакция применила испытанный прием и пустила в ход классическую артиллерию. 26 апреля консервативная газета «Диарио илюстрадо» поместила рисунок карикатуриста Коке на несколько колонок под названием «Ловушка для простофиль». Из-под крышки ящика с надписью «Конгресс культуры» высовывался селезень Неруда и сзывал легкомысленных пташек. В карикатуре не было ничего смешного, но она отражала отношение к подобного рода начинаниям.

Однако ни одно собрание интеллектуалов в Чили не имело такого успеха и не собирало столько выдающихся деятелей культуры Американского континента. В воскресенье утром в помещении Муниципального театра состоялось открытие

конгресса. Я был его генеральным секретарем и потому знал и парадную, и закулисную его стороны. В эти дни Сантьяго стал центром культурного мира.

Старый толстовец романист Фернандо Сантиван выступал первым. Он начал с вопроса: «Абсолютно ли свободны народы Америки в экономическом и духовном отношении?» И продолжал: пора развенчать легенду о том, что работники умственного труда живут как одинокие волки, которым нет дела до нужд их стран и народов. Это совещание, не имевшее прецедентов, призвано утвердить принцип солидарности. У нас подобная встреча происходит впервые. И это встреча не только людей, но и культур, которые, при всем различии, едины в своей основе. Латинская Америка ни в коей мере не является бесформенным, неустойчивым конгломератом. Ее населяют нации, которые движутся своим историческим путем, как особые человеческие общности; их разные слои представлены здесь работниками умственного труда. Каждая делегация, подчеркнул Сантиван, даст нам представление о культуре своего народа. На этой встрече не будет ни тайн, ни закрытых дверей. Она должна быть конструктивна по своей природе. И конгресс этот — всего лишь первый шаг.

Муниципальный театр, младший собрат своих европейских коллег, где давались оперные и драматические спектакли, где перед разодетой в меха публикой пели Карузо и Шаляпин, где танцевала Павлова и играла Сара Бернар, собрал теперь иных исполнителей. Среди них самым потрясающим и сенсационным оказался гигант с лицом доисторического человека — Диего Ривера. Он поведал фантастическую историю своих фресок, схватку с Рокфеллером, заказавшим ему роспись, в которую художник включил портрет Ленина. Аудитория слушала его, затаив дыхание, и удивление ее достигло предела, когда Ривера сообщил, что он — брат Роммеля, и рассказал, что у его отца был роман с супругой посла Германии в Мексике. Вот отчего у Роммеля такой смуглый цвет лица. Затем он рассказал о своей связи с Марией Феликс, и, словно в доказательство неистовости своих страстей, сообщил, что ему доводилось пробовать человеческое мясо и оно довольно приятно на вкус. Завороженная публика была уверена, что этот Полифем{133} рассказывает истории из собственной жизни, но на самом деле в его страшных сказках звучало то колдовство и безумие нашей Америки, которое впоследствии обозначат термином «магический реализм».

Неруда начал выступление на конгрессе, процитировав своего духовного отца из Соединенных Штатов, бородатого Уолта Уитмена: «Сколь бы странным это ни казалось, высшая проба

нации есть ее поэзия». Далее он рассказал о том, при каких обстоятельствах зародился замысел «Всеобщей песни», и подробно объяснил смысл борьбы между ясностью и усложненностью в своей поэзии. Неруда считал, что поэты наших стран пишут для своего континента, который находится в процессе становления, потому и хотят охватить все. Народы Латинской Америки еще только осваивают различные профессии, ремесла и искусства. Или возрождают их — ведь конкиста уничтожила индейских каменотесов и гончаров.

Надо начинать все сначала и в первую очередь научить народ читать. Книги пишутся для того, чтобы их читали. Неруда вспомнил о том, как в некоей европейской стране перевод одной строки из поэмы «Пусть проснется Лесоруб» вызвал яростные споры. Речь в этой строке шла о «недавно купленных колоколах». На европейский слух фраза звучала странно. Неруда вынужден был объяснить, что он имел в виду совсем недавно основанные селения Юга Чили, где прошло его детство и где все было новым, даже колокола. Переводчик консультировался с испанцами, желая разгадать строку, которую он не мог себе уяснить. Консультанты тоже недоумевали — ведь в их стране колокола приобретались столетия назад.

Мы, добавил Неруда, пишем для народов, которые покупают колокола сейчас. В наших краях поэзия существовала прежде, чем появились письменность и печатный станок. Поэзия — это хлеб, который едят грамотные и неграмотные. Неруде пришел на память случай, когда молодой уругвайский критик упомянул о сходстве Неруды с венесуэльским поэтом Андресом Бельо{134}. Услышав это, Неруда рассмеялся от всей души. А потом пришел к выводу, что Андреас Бельо начал писать «Всеобщую песнь» раньше, чем он.

Неруда заявил также, что его поэзия должна, помимо прочего, открыть для мира Америку. И еще — помочь сближению ее народов. А для этого надо говорить просто. Америка должна быть самой ясностью.

В тот день Неруда признался, какого труда стоило ему самому прийти к ясности. Ведь затемненность смысла стала привилегией литературной касты, и классовые предрассудки породили высокомерное отношение к простой песенке, к народному словцу. Кое-кто думает, что туманные словеса являются доказательством превосходства. Отсюда религиозное преклонение перед всем, лишенным корней, перед нереалистической литературой, то есть перед тем, что Неруда назвал «антипатриотичным». Огромное расстояние разделяет блестящего вельможу и темно-серую фигуру хлебопашца, хотя и

тот и другой оставляют свой след на ниве поэзии.

Выступление Неруды было похвалой ясности, речью в ее защиту, и это имело непосредственное отношение к новому циклу стихов, за который он принялся, — «Оды изначальным вещам». Поэт не был удовлетворен тем, чего ему удалось достичь: «Я хочу, чтобы мои стихи с каждым днем становились все проще». Естественно, путь поэта усеян шипами сомнений. Расскажет ли он о героях, о преступниках, о простых крестьянах? Неруда берется за это. Он отваживается пуститься по дорогам исторической хроники, а между тем двадцать лет назад одна мысль об этом приводила его в ужас. Он осмелился на такой шаг, ибо счел его необходимым и был уверен, что «в нашей жизни нет ничего, недостойного поэзии». Пора уже было воспевать не только леса, реки и вулканы. Ведь «мы летописцы континента, обретшего историю позже других», поэтому нам нельзя терять времени.

Он говорил о своей книге, которую писал после «Всеобщей песни»; в ней он рассказывал о новой Европе. Ему хотелось, чтобы это произведение послужило делу мира. Неруда собрал в нем все лучшее, что видел в Западной и Восточной Европе. И самый конгресс, на котором он произносил эту речь, был его вкладом в дело мира.

Он очень скучал по своему другу с серебристой взлохмаченной шевелюрой, Илье Эренбургу, которого не мог пригласить к себе, так как въезд в Чили ему, как и другим советским гражданам, не разрешили бы. Неруда понимал, что без них конгрессу не хватало глубины. В Советской стране его больше всего поразило уважение к культуре. Он мечтал, что вскоре на земле Латинской Америки встретятся деятели культуры Советского Союза и Соединенных Штатов. Он снова вспомнил слова своего учителя Уолта Уитмена, сказанные 20 декабря 1881 года:

> «Вы — русские, мы — американцы, наши страны так далеки друг от друга, политические и социальные условия в них столь различны… но обе они так огромны и кое в чем так похожи… Неформальность и неопределенность многого, еще не получившего окончательной завершенности, но явно стоящего на пути к грандиозному будущему… вот то общее, что объединяет вас, русских, и нас, американцев».

Не все, связанное с конгрессом, было освещено огнями рампы, кое-что происходило и за пределами Муниципального театра. Диего Ривера увез с собой в Мексику молодую уругвайскую журналистку. Николас Гильен стал самой

популярной фигурой на улицах Сантьяго. Жоржи Амаду по-прежнему таился в тени организационной работы. Выступая на конгрессе, он сказал: «Все мы здесь разные, между нами тысячи различий, но сейчас мы все вместе». Он был знаменит в Бразилии, известен в Аргентине, а в Чили его никто не знал. К тому времени он еще не написал свой бестселлер «Дона Флор и два ее мужа». Неруда восхищался неутомимым трудолюбием Амаду и хотел, чтобы делегаты и чилийская публика оценили по достоинству его вклад в организацию конгресса. Такая возможность представилась на приеме в ресторане «Ла Байя» по случаю отъезда иностранных участников. Амаду произнес серьезную речь, и ему аплодировали с уважением. Затем слово взял Николас Гильен, который сказал: чтобы осушить слезы, вызванные разлукой с Чили, ему понадобится носовой платок в семь миллионов квадратных километров, зеленый носовой платок. Этот платок — Бразилия, куда он завтра же отправляется вместе с Амаду и его замечательной женой Зелией Гаттаи. Гильен снова перетянул одеяло на себя.

117. Радости и печали птицы софре́

Американский конгресс культуры в Сантьяго не мог не породить подобные начинания в других странах континента. Вскоре бразильцы пригласили на свой I конгресс культуры чилийскую делегацию во главе с Пабло Нерудой. Конгресс проходил не в Рио-де-Жанейро, не в Сан-Паулу, а в Гойании. Это было сделано для того, чтобы подчеркнуть значение географического центра страны и покончить с представлением, будто Бразилия — прибрежное государство. Такое решение побудило одного из устроителей конгресса, архитектора Оскара Нимейера, взяться за воплощение грандиозной мечты — построить в штате Гойаз новую столицу, которая получит название Бразилиа.

До Гойании мы добирались в несколько приемов. В Рио нас встретил Жоржи Амаду, который не давал себе ни минуты отдыха. Он поместил нас в самом роскошном отеле Копакабаны, где останавливаются американские миллионеры и голливудские актрисы. Черт побери! Мы все время старались избежать встреч с прислугой, которая привыкла получать королевские чаевые за каждый чих. Скоро мы покинули этот весьма для нас обременительный кров. Путешествие в Гойанию вернуло нас к полным приключений временам детства авиации. Мы летели в грузовом самолете, где, помимо нас, пассажирами были лошади. Самолет приземлялся в каждой деревушке, летел низко, сквозь

грозовые облака.

Только к концу дня со вздохом облегчения спустились мы с опасных высот на твердую землю. Гойания — провинциальный городок внутренних районов Бразилии, на нем лежит явный отпечаток португальского колониального стиля, чувствуется свежее, спокойное дыхание тропиков. В Гойании собрались деятели бразильской культуры. Там был режиссер Альберто Кавальканти, президент бразильского института архитектуры Мильтон Роберто, писатель Ориженес Лесса, участвовавший в чилийском конгрессе, писатель Афонсо Шмидт, художник Вернек, композитор Эдино Кригер и другие.

В чилийскую делегацию, кроме Пабло и Делии, входили чилийский политик и писатель Бальтасар Кастро, романист Хоакин Гутьеррес, родившийся в Коста-Рике, автор этой книги и фольклористка Маргот Лойола, которая имела сногсшибательный успех благодаря своей кокетливости и песенкам под гитару. Публика окончательно обезумела, когда Маргот объявила, что споет «куэку». У бразильцев это слово означает не название чилийского народного танца, а женские штанишки.

Девицы так и вились вокруг звезд, особенно вокруг Неруды, от которого ни на шаг не отходила Делия, пожирая его тоскливым взглядом.

Неруду, уроженца сумрачного Юга, очаровал блеск тропиков, яркое оперение птиц. На обратном пути он решил взять с собой в Чили пару туканов с сильными, изогнутыми, как шпоры, клювами. В Рио в доме, где он остановился, той же ночью произошло наводнение: пока жильцы спали, туканы выбрались из клетки, клювами пробили водопроводные трубы и затопили квартиру. Пришлось вызывать пожарных.

Из Бразилии Неруде прислали в Чили птицу софре. Поэт восхищался ее живым нравом и необычным оперением с желтыми полосками. Она взбиралась ему на плечо, сидела на ладони. Вся она была как искорка. У себя на родине эта птичка, конечно, взвивалась над горами, летала высоко и вольно, там, где летают орлы, но в холодной южной стране ее огонь затухал. Вдали от родных краев, она с печалью смотрела в тусклое небо. Бедняжка скучала по жарким странам и чахла в своей клетке.

Настал день, когда Неруде пришлось выкопать маленькую могилку в своем саду в Исла-Негра; там, в этой песчаной могилке, он похоронил угасшее тело солнечной птички. Терзаясь угрызениями совести, он ушел к себе и излил свою печаль в «Оде птице софре».

118. Рассказы и расчеты

В декабре 1953 года мы сопровождали Неруду на II съезд советских писателей, который проходил в Кремле. Минуло двадцать лет после I съезда, где главной фигурой был Максим Горький. Между этими двумя писательскими встречами пролег кровавый ров, который советские люди называют Великой Отечественной войной. В кулуарах мы постоянно наблюдали горячие встречи, мужчины обнимали друг друга, целовались — это были писатели, вместе сражавшиеся на войне и с тех пор не видавшиеся. Они победили смерть. У входа все останавливались перед списком павших. Казалось, у древа литературы обрубили самые плодоносные ветви.

Неруда знал всех и сам вызывал всеобщее внимание. Он говорил от имени чилийской делегации. В основе его выступления лежала тема ответственности писателя в те бурные дни, исполненные мрачных предчувствий. Как всегда, он был рупором своего народа. На съезд прибыли еще несколько латиноамериканских писателей — участников американского конгресса культуры в Сантьяго.

За окнами все было покрыто снегом. Неруда плохо себя чувствовал, его лихорадило. Врачи выписали ему антибиотики. Однако он упорно настаивал на немедленном возвращении домой, потому что хотел попасть в Сантьяго до рождества. Делия говорила мне с горечью: «Я не знаю, как он в таком состоянии перенесет дорогу. Это просто опасно. Почему он так торопится?» И она смотрела на меня вопросительно, как будто я знал, в чем дело.

Все это происходило в помпезных апартаментах гостиницы «Метрополь», убранных с роскошью девятисотых годов, где когда-то устраивались и деловые встречи, и раблезианские попойки, и декадентские действа, окрашенные тягостным надрывом русской дореволюционной литературы.

Неруда, больной, не имевший возможности выйти на улицу, упорно твердил мне, что обязательно должен вернуться в Чили. Его ждала Косо лапка. Они давно условились о встрече, и он хочет видеть ее. Да, у него тридцать восемь, но он уедет во что бы то ни стало.

По случаю своего отъезда Неруда в тот же вечер устроил прием, который проходил в нарушение всех правил. В большой столовой собрались его друзья. Поэт никогда не заботился о соблюдении протокола. Если и знал его, то лишь для того, чтобы нарушать. На самые почетные места он усадил ближайших друзей. Он ухаживал за красивой советской теннисисткой, женой одного из самых любимых своих поэтов, и рассказывал ей сказки о фантастическом, нищем и безумном крае, именуемом Южной

Америкой. Благодаря этой антипротокольной свободе мне посчастливилось сидеть рядом с молодой очаровательной женщиной, которая оказалась блистательной, гениальной балериной Большого театра — Майей Плисецкой.

По возвращении в Сантьяго мы решили дать публичный отчет о II съезде советских писателей. Для этой цели был арендован на воскресное утро Театр имени 18 сентября. Неруда все еще неважно себя чувствовал и жил на побережье, но был в курсе всех событий. Связь мы поддерживали по почте.

В марте 1954 года я получил от него письмо:

«Вторник, 21 марта,
Исла-Негра.

Дорогой Володя,

очень сожалею, что не смогу повидаться с тобой завтра. В воскресенье я ездил на виллу „Алемана“, на вечер, посвященный защите мира, и чуть было не потерял сознание на сцене, когда читал стихи, как это было со мной на вечере памяти Сталина. Но теперь я чувствую себя хорошо и думаю, что, если отдохну как следует, все будет в порядке. Тряска в автомобиле и всякие заседания изнуряют меня.

Как бы то ни было, я готовлю сценарий для воскресной встречи, конечно, только в той его части, которая касается русской поэзии. Она не мала, я сам взялся перевести с английского Пушкина и Маяковского. Все будет готово к первому числу. Надо поговорить с актерами. Их должно быть шесть-семь человек, чтобы сцена не выглядела пустой. Костюмы мужчин и женщин должны быть выдержаны в одном стиле, но не быть совершенно одинаковыми. Думаю, что женщины в шалях одного цвета (красного?) произведут нужное впечатление. Не обязательно, чтобы это были шали, можно взять просто куски любой ткани.

Я приеду в четверг, 29-го, и привезу сценарий. Приеду прямо к тебе.

Пишу каждые два дня. В марте я должен отдать книгу Лосаде, и по расчету выходит, что в неделю мне надо писать по три стихотворения.

Здесь пасмурно.
Обнимаю тебя,

Пабло».

Пабло приложил много усилий, чтобы рассказ о московских встречах стал маленьким произведением искусства. Свое выступление он назвал «Светильники съезда».

119. Вокруг премий

Неруда ездит по свету. Он всегда в самом центре дискуссий. С каким удовольствием он иной раз дразнит зарвавшегося в пылу спора противника! Он никогда не сдавался в бою. Если противник стремился положить его на лопатки, он тотчас переходил в наступление. Неруда и не пытался скрывать, что занимается политической деятельностью, и не делал вид, будто она не имеет ничего общего с его поэзией. Издательству «Аустраль» он предоставил право на издание двух томов «Политической поэзии». Когда в 1953 году ему присудили Сталинскую (впоследствии Ленинскую) премию мира, он выразил особое удовлетворение. И объяснил, почему именно эта премия так дорога ему. Дело в том, что Нобелевскую премию мира незадолго до того присудили генералу Маршаллу, стороннику войны. И Неруда был счастлив получить совсем иную премию мира вместе с итальянским священником, шведской исследовательницей, индийским работником здравоохранения, с писателями из США и Польши, бельгийской социалисткой Изабеллой Блюм, французским экс-министром Пьером Котом и английским ученым Берналом.

18 сентября 1951 года на торжественной церемонии в Пекине Неруда вручал эту премию госпоже Сун Цинлин, супруге основателя Китайской республики; и вот, премия присуждена ему самому, а чтобы вручить ее, в Сантьяго, преодолев горы затруднений, столь же неприступные, как Анды, прибыл друг, которого так недоставало Неруде на конгрессе культуры. Лавровый венок привез Неруде Илья Эренбург.

Сам Шерлок Холмс был бы в восторге, повествуя о приключениях Эренбурга в пути, так как политическая полиция приложила все усилия, чтобы помешать ему добраться до Чили. В аэропорту у него отобрали развязавшийся в самолете пакет, заявив, что обнаружили в нем шифровки. Эренбург, страстно увлекавшийся ботаникой, хотел приобрести семена чилийской араукарии и записал название для памяти, а мудрые эксперты решили, будто это призыв к восстанию, обращенный к индейцам

арауканам. Потом они призвали чиновника ad hoc[156], чтобы тот сделал перевод на испанский стихов Неруды, переведенных Эренбургом на русский. Скептик и вольтерьянец, Эренбург посмеивался над этой манией во всем подозревать революционную пропаганду. Столкновение с полицией напомнило ему прошлое — киевскую тюрьму, где он сидел в годы царизма, и в теперешнем инциденте готов был видеть нечто романтическое.

Власти не разрешили арендовать театральный зал для вручения премии, и 12 августа 1954 года церемония состоялась в отеле «Савой». Зал был декорирован занавесом, который расписал Менесио Антуньес по мотивам чилийской керамики. Эренбурга, прибывшего вместе с женой Любой, сопровождали три китайских писателя первой величины — Эми Сяо, Ай Цин, Чжао Имин. Председательствовал на церемонии лауреат чилийской Национальной премии по литературе Фернандо Сантиван. Полиция, нарочито не скрываясь, оцепила отель, и в этой накаленной атмосфере событие приобрело характер вызова правительству, превратилось в своего рода демонстрацию. Речь Эренбурга, с одной стороны, напоминала его страстные статьи против фашизма, а с другой — была пронизана любовью к поэту, которому он вручал награду, присужденную в далеком Советском Союзе.

Лауреат в ответной речи сравнил, как власти встретили Эренбурга и как они встречают сторонников войны и провозвестников атомной катастрофы, которых в странах Латинской Америки принимают со всеми почестями, положенными официальным гостям, и никто не отбирает у них бумаги с латинскими названиями растений, не требует обратного перевода на язык оригинала их произведений.

Эренбург с женой жили у Неруды в «Лос Гиндосе», доме, построенном из камня и дерева, где гости постоянно мерзли от холодного дыхания близких гор. Эренбург, кисло улыбаясь и держа сигару с длинным пеплом в углу рта, говорил нам, что никогда в жизни, ни в Москве, ни в Сибири, он так не дрожал от холода. Но по вечерам в доме становилось тепло от разведенного в каминах огня, хорошего вина и доброго расположения духа.

120. Дар, фонд и ошибки

Неруда не отмечал своих именин ни в день святого Рикардо, ни в день святого Элиесера, ни в день святого Нефтали, ни даже в день апостола Павла. Зато он праздновал день рождения. И как праздновал! Из-за своего пятидесятилетия он чуть не разорился.

Событие это отмечалось не день, не месяц, а практически весь год. В конце концов, не каждый день и не каждый год исполняется полвека!

Шум начался еще за полгода до юбилея, когда Неруда подарил Чилийскому университету «библиотеку стоимостью пятнадцать миллионов», как гласил заголовок в «Эрсилье». Он и в самом деле в конце декабря минувшего года подарил книги, находившиеся в его доме на улице Линча, 164. Дарственную оформил законным порядком, через нотариат. Все, что имелось в его библиотеке, включая карты, рукописи и коллекцию раковин, переходило в собственность Чилийского университета.

Это была необыкновенная библиотека. В ней насчитывалось пять тысяч томов, среди которых множество уникальных рукописей и прижизненных изданий; там были «Цветы зла» Бодлера, все сочинения Гонгоры 1664 года издания, «Труженики моря» Виктора Гюго с поправками и заметками автора, сделанными в 1886 году; «У Германтов» Марселя Пруста с картой, выполненной им собственноручно; прижизненные издания Верлена, Кеведо, графа Вильямедианы, Лопе де Веги и Александра Пушкина. Кроме того, там была «Проза и лирические стихотворения» Данте Алигьери, напечатанные по особому заказу русской императрицы Елизаветы Петровны. Неруда подарил университету также рукописи Людовика XIV, Виктора Гюго, Шарля Орлеанского, Гюстава Флобера, Поля Верлена, Рембо, Леконта де Лилля, Руже де Лилля, Френсиса Джеймса и Марселя Пруста.

Он передал университету экземпляры всех изданий своих произведений на испанском языке и в переводах, распорядившись, чтобы и впредь экземпляры всех изданий, которые выйдут как при его жизни, так и после его смерти, поступали в университетскую библиотеку.

Трудно было даже оценить стоимость этого дара, содержавшего столько библиографических редкостей. Сколько стоят, к примеру, два издания Альдуса, изобретателя шрифта «курсив»? А «Стихотворения» Лоренцо Медичи? Как оценить инкунабулу со стихотворениями Петрарки, изданную через шесть лет после открытия Америки? Какова ценность в денежном выражении «Сезона в аду» Рембо или одного из восьми существующих роскошных изданий «Желтой любви» Тристана Корбьера? Или первого издания «Отелло»? А сколько стоят тридцать документов, касающихся Жана Артюра Рембо, в том числе два письма его сестры Изабеллы к матери, отправленные ею из Марселя, в которых она рассказывает о смерти поэта в больнице? А ведь для Неруды эти документы имели и

дополнительную ценность: он получил их в подарок от Поля Элюара.

Неруда долго думал, какому учреждению подарить свое собрание. Сначала хотел передать его Национальной библиотеке, но решил, что среди миллионов книг пять тысяч его томов просто затеряются. И тогда остановился на университете, веря, что он сумеет сохранить их «для будущих поэтов Америки», как писал Неруда во «Всеобщей песни».

Мысль сделать этот дар возникла у Неруды, когда он возвратился на родину и увидел, что книги его заколочены в ящики, онемели и почти умерли. Поэт понял, что им, бедняжкам, плохо пришлось, что они страдали в его отсутствие. Сыграло роль и восторженное отношение к его идее ректора университета Хуана Гомеса Мильяса, который тут же загорелся и стал строить планы, как лучше распорядиться сокровищем. Он решил создать в университете отдел изучения и исследования чилийской и зарубежной поэзии, в задачу которого будет входить пополнение дара Неруды оригиналами, биографиями и иконографией других поэтов.

Через несколько месяцев в «Лос Гиндосе» состоялась торжественная передача библиотеки Неруды и открытие «Фонда Пабло Неруды для изучения поэзии».

Я очень хорошо помню полдень 20 июня, когда мы под бледными лучами зимнего солнца слушали речи ректора и Неруды. Ректор говорил о неразрывной связи поэта с народом, и поэт был счастлив, что эта связь не осталась незамеченной. Он выполнил свой долг. Именно тогда он сказал: «Поэт — не сорвавшийся с горы камень. У него есть две священные обязанности: уходить и возвращаться».

Он ушел собирать по свету книги и раковины и вернулся, нагруженный ими, чтобы передать их университету и тем самым хоть в малой степени отблагодарить народ за все, что сам получил от него. В этих книгах не только жизнь, но и смерть тех, кто их написал. Он вручил ректору «Цыганский романсеро», который убитый поэт надписал Неруде; раскрыв книгу на дарственной надписи, Пабло почтил память Федерико.

Потом он припомнил свой шутливый спор с Рафаэлем Альберти и их общее восхищение творческой зрелостью писателей-толстяков. Они провозгласили лозунг: «Быть толстыми, как Бальзак, а не тщедушными, как Беккер». Они мерились, кто толще, перед витриной книжного магазина. «Я дотягиваю уже до „Тружеников моря“». — «А я только до „Собора Парижской богоматери“».

Щедрым даром университету Неруда и начал праздновать

свое пятидесятилетие, ставшее неотъемлемой частью национальной истории. Он-то не принадлежал к тем «семьям, которые клянутся кастовой честью, гордясь четырьмя поколениями предков, а потом продают свое прошлое с торгов».

Неруда припомнил свою молодость и сравнил себя тогдашнего с нынешним.

> «Мое поколение было антилитературным, антикнижным, оно восставало против декадентской изощренности литературы того времени. Мы были заклятыми врагами всякого вампиризма, ночных озарений, духовного опьянения. Мы были естественны, как сама жизнь».

Время заставило его понять многое, чего раньше он не понимал. Поэт дарит университету те книги, которые в большей мере, чем научные исследования и высокоумные труды, отражают жизнь и стремление к прекрасному. «Они исполнят свое предназначение — отражать и впитывать свет», когда в них будут вглядываться молодые глаза.

Совершил ли Неруда ошибку, сделав этот дар?

В 1969 году он с горечью вспоминал:

> «Чтобы собрания, о которых идет речь, не пропали, я принял решение подарить их одному из крупнейших наших университетов. Ректор горячо благодарил меня за этот, по его выражению, великолепный дар. Я исполнил свой долг, внес свою коллекцию в общую сокровищницу. Прошло пятнадцать лет, и никто их с тех пор не видел. Ни следа не осталось от книг и раковин, словно они вернулись обратно в книжные лавки и океаны. Несколько лет назад я спросил об их судьбе, и мне ответили: „Они здесь так и лежат, запакованные в ящики“.
>
> Иногда я думаю: не ошибся ли я университетом? Не ошибся ли страной?»

VII
НЕРУДА РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

121. Пятьдесят поздравлений и два проклятия

Первого числа ровно в семь часов вечера в актовом зале Чилийского университета начался праздник. О его открытии громовым голосом возвестил Роберто Парада — так в «золотом веке» объявляли начало спектакля. Неруда заговорил сразу об озере Ранко, где, по его мнению, находилась грубо сколоченная колыбель его поэзии. Характерной чертой его поэзии было то, что она одновременно восставала против природы и была ей послушна. Поэзия — вовсе не спокойное занятие, хотя иной раз ее лицо кажется таким невозмутимо прекрасным. Она — само противоречие. Она умеет и говорить, и молчать. Все — небо, воздух, горделивые стрелы кипариса — представляется недвижным, но полно ожиданием, будто ждет ветра, под которым затрепещет бескрайняя сельва. И вот — началось, все приходит в движение. Таинство рождения грядет непреложно.

Поэт не мог не видеть, как рождается река: поначалу ток ее вод слаб и безгласен, но она ищет свой путь среди буреломов и валунов-великанов. Мириады опавших листьев закрывают источник, но вода пропитывает все, что лежит на ее пути. Поэту внятно это иносказание природы. Так же рождается и поэзия. Корни ее таинственны, они прячутся от чужого взгляда, поэзия одинока и благоуханна. Поэзия, подобно реке, становится поэзией, лишь обретя русло, проложив свою дорогу среди гор. И еще есть между ними общее: «Она напоит поля и даст хлеб голодному… Она будет петь для людей, когда они отдыхают и когда они борются». Она будет петь, чтобы объединять народы. Поэзия полезна. Больше того, она несет весть, которую может получить любой человек, где бы он ни находился.

Однажды во Флоренции Неруду пригласили на завод. И он, разумеется, охваченный смущением, какое испытывает поэт молодого континента в столице Возрождения, прочитал несколько своих стихотворений рабочим. Собравшиеся подарили ему Петрарку издания 1500 года. Поэзия во Флоренции пронизала века, и Петрарка, изысканнейший поэт, оказался теперь у рабочих.

Праздновать пятидесятилетие поэта — значит праздновать пятитысячелетие поэзии. В сущности, поэзия знаменует собой победу человека. А нашей, Южной, Америке она еще придает

чувство единства. Из тропиков в холодные края, где жил Неруда, приехал уроженец Буэнос-Айреса Рубен Дарио, чтобы «заново создать испаноязычную поэзию». Накануне праздника Лаура Родиг преподнесла Неруде самые первые, карандашные, со множеством поправок, черновики «Сонетов смерти», которые Габриэла Мистраль написала сорок лет назад.

На юбилее Неруда говорил о долге, который лежит на тех, кто звездами сияет на небосклоне поэзии. Их кредиторы — и природа, и география. Но главный их учитель — Время. Поэт и в пятьдесят лет не забывает тяжкого начала, прекрасного и печального дождя, нищеты и бесприютности, одиночества и горького отчаяния, которые были уделом не только самого Неруды, но и его народа, и он у этого народа в неоплатном долгу. «Я хотел оплатить этот долг своими песнями».

Неруда признает и выделяет еще один извечный долг: «Я в долгу у любви… Любовь заполнила мою поэзию целиком». Зачем же ему отметать ту силу, с которой дыхание жизни ворвалось в его дом. Если сначала он воспевал любовь мужчины к женщине, то теперь он поет и любовь ко всему человечеству. И ту, и другую. Любовь вообще.

Жизнь Неруды проходила в сплошных разъездах, он то и дело выезжал из Чили и имел возможность сравнивать народы и политические системы. В день подведения итогов и обдумывания будущего он особо подчеркнул то, о чем уже не раз говорил: «Я желаю перемен в общественном устройстве и ускоренного развития моей родины».

В день полувекового юбилея Неруда хочет, чтобы его голос продолжал нести чилийскому народу, как и другим народам, «любовь, мир, достоинство и радость».

С глубоким вниманием слушали Неруду писатели, прибывшие из разных стран. Человек двадцать приехало из Аргентины. Были на его чествовании старые друзья Оливерио Хирондо и Нора Ланге, его крестник Родольфо Араос Альфаро и чилийская писательница Маргарита Агирре, товарищ по Испании поэт Рауль Гонсалес Туньон, писательница Мария Роса Оливер в кресле на колесиках и Пабло Рохас Пас. Неруда очень сожалел, что не смогли приехать Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон, которые из-за постоянных осложнений с документами долгие годы жили как пленники в необъятных аргентинских просторах.

Советские писатели тоже не были на юбилее: им не дали въездных виз. Удалось приехать чехам — шумному председателю Союза писателей Яну Дрде, автору «Немой баррикады», «Городка на ладони» и «Живой воды», поэту Яну Костре и Ярославу Кухвалеку, испанисту, профессору Карловского университета. В

Исла-Негра чехи решили испытать, что такое Тихий океан и так ли уж он опасен. В полночь они затеяли соревнование по плаванию, от чего у юбиляра волосы встали дыбом.

Болгарские гости — Димитр Димов, автор романов «Лейтенант Бенц», «Проклятые души» и «Табак» (самое известное его произведение), и поэт Никола Фурнанджиев, автор «Великих дней», — были спокойнее. В аэропорту «Лос Серрильос» болгары и чехи удостоились особой чести: целая армия сыщиков не выпускала их из виду, а таможенники перерыли весь багаж — искали двойное дно в чемоданах, где, без сомнения, хранилась подрывная коммунистическая литература.

Чествование Неруды началось еще до торжественного заседания банкетом на сто шестьдесят человек в ресторане «Ла Байя», и почти все приглашенные произносили тосты, а многие выступили даже с речами, более или менее удачными.

Строго говоря, юбилейная неделя должна была начаться 11 августа, в воскресенье, но ее открытие перенесли на понедельник, чтобы оно не совпало с последним днем конференции зарубежных парламентариев.

Однако не стоит думать, будто решительно все радовались юбилею поэта. Сначала для чествования хотели снять Муниципальный театр. Но совет театра, боясь воображаемых последствий, отказался сдать его, «так как можно ожидать контрвыступлений». Поэтому первое заседание состоялось в актовом зале университета. Остальные проходили в Aula Magna[157] Школы правоведения и в зале Валентина Летелье. В первый день открылась выставка книг юбиляра и документальных материалов, рассказывающих о его жизни.

Закрытие юбилейной недели проходило в театре «Кауполикан»; в этой программе воплотилась мечта поэта — собрать воедино все, чем богато искусство его родины. Там пели Маргот Лойола и Виолета Парра. Исполнялись индейские народные танцы, в честь Неруды импровизированные стихи читали удивительные чинос{135}, потомки негров и индейцев из Валье-Эрмосо-де-ля-Вирхен-де-Росарио в Лигуа. Тогда же состоялось первое публичное чтение его «Оды ветру», которую декламировали Роберто Парада и Мария Малуэнда.

Чествование прошло хорошо, но, как я уже говорил, за Неруду радовались далеко не все. Критик Алоне, в свое время ссудивший некую толику денег восемнадцатилетнему поэту, чтобы тот напечатал свою первую книгу, опубликовал в «Зиг-Заг» статью под названием «Чем опасен Неруда». Алоне хотел заглянуть на выставку, организованную Чилийским университетом, чтобы посмотреть на книжечку 1923 года, в

финансировании которой он принимал участие. Его спутник воспылал негодованием.

> «Как, неужели вы не понимаете, что эта выставка, эти чествования — попросту ширма, резонатор, который применяет коммунистическая партия, используя талант Неруды и при этом нанося ему удар ниже пояса? Разве в Чили когда-либо уделяли столько внимания поэзии и поэтам? Педро Антонио Гонсалес умер в больнице, Песоа Велис умер в больнице, никто не знает, живы ли Эрнесто Гусман и Макс Хара. Все это фарс…»

Распространялись оскорбительные стишки в адрес юбиляра.

В литературной хронике другой газеты, «Меркурио», от 28 марта того же года Алоне бросает Неруде упрек в том, будто он пишет массовые песни, и пишет настолько просто, что «его понимают те, кто вообще ничего не понимает». Алоне утверждает, что *Некто* (Вроде deux ex machina[158] в духе романа «1984» Оруэлла{136}) попенял поэту за постоянную беспричинную грусть и заявил ему, будто это оскорбительно для нового общества. Конечно, Неруде никто ничего подобного не говорил, но поэт и в самом деле дал себе твердое обещание больше не поддаваться унынию.

Как бы то ни было, но пятидесятилетие Неруды отмечалось широко во всех отношениях. Его и поздравляли и ругали от души.

122. Дома́ и женщины

Однажды, давая интервью, Неруда на вопрос, что он изучал в университете, ответил: «Сначала — архитектуру и французский язык». Архитектуру? Возможно, он и побывал на нескольких лекциях, но потом забросил занятия. Стоит ли жалеть об этом? Пожалуй. Ведь Неруда был прирожденный архитектор. Он всегда затевал какое-нибудь строительство. И это были отнюдь не безумные предприятия, потому что все его дома были доведены до конца и обставлены по его вкусу и желанию, за исключением последнего, на холмах Ло-Курро. Он имел обыкновение советоваться с архитекторами передовых взглядов: с испанским республиканцем Родригесом Ариасом, чилийцами Фернандо Кастильо Веласко, Карлосом Мартинером, Рамиро Инсунсой, Раулем Бульнесом.

Однако общая идея нового дома почти всегда принадлежала самому Неруде. В помощники он обычно брал скромного умельца, мастера из Исла-Негра, чутко угадывавшего все свойства

древесины, ясно видевшего ее прожилки и сучки, искушенного в тайнах дикого камня, кирпича и гвоздей. Этот человек с его практической сметкой и большим опытом умудрялся решать любые головоломные задачи, которые возникали по ходу строительства домов весьма прихотливой архитектуры. Замечательное было зрелище, когда мне удавалось наблюдать их вместе — крупного, в толстом свитере и в жокейской шапочке Неруду и низенького, тщедушного, очень опрятного человечка с ясным и строгим взглядом. Слушать их размеренную, исполненную достоинства беседу было истинным наслаждением; Пабло ценил Рафиту, и Рафита, Рафаэль Пласа, тоже высоко ставил товарища по работе, знавшего толк в том, как возводить стены, строить гараж и как укрепить тяжелую фигуру, украшавшую нос корабля, некогда бросившего якорь в Вальпараисо.

Ни единой ноты подчиненности не было в голосе плотника-художника. Ни единого по-хозяйски высокомерного слова не звучало в речах поэта. Они оба испытывали взаимное уважение, высоко ценили присущее обоим мастерство и ни с чем не сравнимое умение понимать друг друга с полуслова во всем, что касалось дела. Отношения Неруды и Рафиты говорят о многом. Видя их вместе, я невольно думал: вот встретились два мастера, знающие свое дело и умеющие работать.

Неруде принадлежало три дома. Один, «Лос Гиндос», был священным очагом Делии. Во втором, в Провиденсии, свила укромное гнездышко Росарио. А в третьем, в Исла-Негра, он бывал с каждой из них.

Делия часто уезжала из Сантьяго одна, и тогда Неруда слегка приоткрывал завесу таинственности над приютом любви. У меня сохранилась записка:

> «Дорогой Балалайка, безобразие, что у тебя нет телефона. Если тебе срочно надо будет повидать меня, то сегодня я в Провиденсии, звони по номеру 24–57. Завтра до половины двенадцатого я дома и оттуда поеду в аэропорт встречать Делию, которая прилетает рейсом „SAS“. Хорошо бы ты составил мне компанию. В машине есть место, я бы мог заехать за тобой. Позвони. Для твоей статьи тебе пригодилась бы заметка одного иезуита, напечатанная в „Диарио илюстрадо“, и соображения Шомьо в письме ко мне. Я мог бы завтра передать тебе эти материалы».

Из записки видно, что в те времена он жил на два дома и при этом опасно пренебрегал осторожностью. Такое положение не

могло не привести к катастрофе.

123. Разрыв

На деньги, полученные вместе с Ленинской премией, Неруда начал строить дом на улочке Маркес-де-ла-Плата. Он купил участок на склоне холма Сан-Кристобаль, возле зоопарка, откуда доносилось рычание диких зверей. Раньше на этом месте стояла старинная водяная мельница «Сан-Кристобаль», вид был самый живописный, и Неруда сразу же в него влюбился. Да, строить дом надо именно здесь, на поросшем деревьями холме. А в патио будет журчать вода.

Жилье получилось совершенно необычайным, с террасами на разных уровнях, одним словом, в нем было что-то от архитектуры инков. Снизу, где был вход через калитку со стороны тупика, в котором жили скульптор Марта Кольвин и давний друг Неруды фотограф Антонио Кинтана с женой уругвайкой Кетой, строение походило на дома южной Испании. На первом этаже находилась маленькая столовая и несколько крошечных спален. Наверх вела металлическая лесенка, украшенная белыми арабесками. Нечто подобное я видел в итальянском фильме пятидесятых годов, там по такой лесенке герои поднимались и спускались откуда-то, где происходили или должны были происходить основные события. В доме у Неруды она вела в гостиную, где во всем чувствовалось его присутствие и висел портрет женщины с двумя головами. Тут владычествовала рыжая королева, это были владения Косолапки. Из гостиной несколько ступеней вели в спальню с одним широким ложем, на спинке которого сплелись в вензеле выжженные буквы «П» и «М».

Дом Неруды продолжал карабкаться вверх по холму — поэт надстроил еще и студию, где запирался, чтобы работать. Но это было позднее.

Тем временем он жил по-прежнему в «Лос Гиндосе». Туда к обеду приходили друзья. После второго блюда поэт начинал задремывать и без лишних слов отправлялся спать. Но спал не дома. Он уезжал в «Часкону», и рев диких зверей из зоопарка ничуть не мешал его послеобеденному отдыху. В ту пору он отлучался из дому, никого не предупреждая. Уходил каждый день. Все видели, что назревает драма. Однако никто об этом не говорил, во всяком случае с Делией.

Неруда становился все беспечнее. Делия почти не ездила в Исла-Негра. Там подолгу вместе с поэтом жила Росарио. Прислугу не меняли, и она выполняла распоряжения обеих хозяек. Поэт никого ни о чем не просил, но почему-то полагался на

сдержанность слуг.

Однажды у Матильды в доме в Исла-Негра возникло недоразумение с одной из служанок, девушка отправилась к Делии и рассказала ей все.

Гордость Делии была уязвлена, и она тут же порвала с Пабло. Знала ли Делия раньше об этой связи? Быть может, и знала, почти наверное, но не имела того последнего подтверждения, какое ей так безжалостно предоставили.

Делия была сражена. Неруда тоже страдал. С самого начала связи с Матильдой при полном ее согласии было решено, что брак с Делией — уже в ту пору чисто номинальное супружество — будет сохранен. Пабло исполнилось пятьдесят, Делии — семьдесят. В общем, победил естественный ход вещей. Пабло хотел жить, любя настоящей любовью и в то же время не разрывая законный брак. Он не хотел причинять страдания Делии. Вовсе не по политическим причинам он так долго сохранял не существовавший на деле брак, он просто считал своим долгом избавить Делию от страданий.

С Матильдой его связывала только любовь. Им не нужен был официальный брак. Матильда сама признавалась, как много значило для нее ежедневное ожидание, она даже боялась утратить эти волнующие переживания. К тому же Матильда не ревновала к Делии. Она говорила, что иначе и быть не могло, ведь она понимала, что Пабло принадлежит ей безраздельно, даже когда он находится у жены. Их тайная любовь продолжалась восемь лет.

В тот вечер, когда Делия узнала все, Пабло позвонил мне и попросил приехать на улицу Маркес-де-ла-Плата. Он был один. Матильда ушла, чтобы дать ему время обдумать все наедине с собой. Когда я приехал, он сказал мне: «Прошу тебя о великом одолжении. Передай Делии мое письмо».

Мне пришлось ждать — письмо еще не было готово. Он сел за длинный столик у входа, под привезенной из Италии картиной, на которой был изображен пустынный пейзаж, и несколько часов подряд зелеными чернилами писал Делии прощальное письмо. Я взял книгу и стал читать. Прочитал, взял другую. Я понимал, что такое письмо быстро и легко не напишешь. Поздно ночью я отвез дописанное письмо другу Делии Луису Куэвасу Маккенне. Думаю, ни он, ни я никогда не узнаем, что было в этом письме. У нас нет на это права. Но наши отношения с Делией изменились и только через несколько лет начали приходить в норму.

Тогда Пабло мне говорил: «Она горда, как настоящая басконка». Если бы не эта гордость, которой, как он считал, Делия была обязана своему рождению на берегах Бискайского

залива, то, вполне вероятно, она могла бы по-прежнему жить с Пабло и на много лет пережила бы его, несмотря на состязание с возрастом, которое ей приходилось вести.

Известие о разводе взволновало все окружение Делии и Пабло и раскололо их друзей на два лагеря. Разорвались крепкие связи: так, навсегда отошел от Пабло друживший с ним всю жизнь Томас Лаго. Почувствовали себя оскорбленными и бывшие возлюбленные Неруды, в том числе Альбертина. Эта предшественница Делии, по полному праву входившая в круг близких друзей Пабло, не примирилась с вторжением неизвестной ей женщины, которая при этом была моложе ее.

124. Человек-невидимка становится видимым

Когда в начале 1954 года вышли в свет «Оды изначальным вещам», разразилась буря иного рода, сравнимая лишь с той, что бушевала вокруг «Виноградников и ветра». Поэта упрекали даже за то, что строки в «Одах» — короткие. Некоторые утверждали: он нарочно так пишет, чтобы побыстрее заполнялись страницы.

Католический священник Франсиско Дуссуэль выступил с нападками на оды в «Диарио илюстрадо», называя их материалистическими, марксистскими и антихристианскими. Он обнаружил в этой книге и богохульство. Священник корил поэта за то, что он лишил бедных ореола святости, ведь для Неруды бедность вовсе не была «вечным уделом человека».

Падре Дуссуэль был не единственным, кто предал оды проклятию. Лосада опубликовал книгу в Аргентине, и католический журнал «Критерио», который возглавлял монсеньор Франсесчи, опубликовал статью фрая{137} Верисимо, где автор, называя Неруду «великим поэтом», тем не менее предостерегает католическую молодежь от «опасного яда», заключенного в этой книге, хотя выражает надежду, что Неруда непременно достигнет «истинной родины», то есть небес в религиозном понимании. В статье нет явных обвинений. Неруда — подлинный, настоящий, а вот последователи его все фальшивы. Фрай Верисимо скорбит, что читателю не хватает картины внутренней, духовной жизни поэта. «Мы не видим его нравственного, *теологического* лица». На взгляд католического критика, Неруда вторгается в метафизический миропорядок. Провозгласив своим местожительством Землю, поэт отвергает надежду, спасение, свет небесный. Забавно: Неруду, в ту пору безудержного оптимиста, священник рисует неизлечимым пессимистом, низринувшимся в бездны глубочайшего отчаяния. «Ощущаешь леденящее дыхание ужаса, когда пытаешься заглянуть в бездонный мрак этой души,

этого человеческого существа, добровольно покинувшего небо, которое, казалось бы, взывает к нему каждым своим проявлением, каждым словом, каждым биением его собственного сердца». Далее автор выражает надежду, что, быть может, поэт уже готов внутренне к духовному перерождению, которое выведет его на дорогу света.

Действительно. «Книга од» — свидетельство перемен в поэзии Неруды. Но не тех, на какие уповал незадачливый пророк фрай Верисимо. Наступал новый период, которому предшествовали резкие переходы и постепенные изменения в поэтическом видении Неруды. Конечно, огромное расстояние разделяет эту книгу и «Местожительство — Земля, I». Они различны и по форме и по сути. Когда поэта спрашивали об «Одах», он говорил, что хотел написать простую книгу о простых вещах, свободно избирая темы. Он страстно желал разрушить представление о себе как о поэте одной тональности. Поэзия XX века почти полностью порвала с эпическим жанром. Он попытался создать что-то в этом роде, написав «Всеобщую песнь». На свете нет ничего, что должно исключить из круга поэзии. Например, сейчас почти не пишут о том, к чему раньше обращались чуть ли не все, — скажем, о луне. Надо и нам вернуться к луне, солнцу, ветру, вернуться ко всему, что есть в мире.

Газета «Насьон», выходящая в Буэнос-Айресе, высказала мнение, будто в «Одах изначальным вещам» Неруда хотел дать перечень всего сущего в мире. Поэт ответил: «Еще очень много дел… Как и всем поэтам, мне осталась вся вселенная и кое-что еще».

Кроме того, Неруда написал эту книгу, чтобы показать молодым поэтам, какой заряд прекрасного заложен в самых простых вещах.

В стихотворении «Человек-невидимка», предваряющем книгу, воплощена его поэтика тех лет. Он любит все, что написано поэтами прошлого, но посмеивается над их преувеличенным вниманием к собственному «я» — ведь это не дает им возможности заметить и другие местоимения. А его желание — быть со всеми: «Эту песню поет человек-невидимка, / он поет ее вместе со всеми людьми»[159]. Книга поражает разнообразием, как восточный базар. В ней есть все — оды Америкам, Анхелю Кручаге, артишоку, атому, буре, Сесару Вальехо, Вальпараисо, весне, взгляду на птиц, вину, воздуху, времени, Гватемале, дождю, жизни, зависти, земле, зданию, зиме, критике, каштану на земле, книге, лаборантке, Ленинграду, лету, луковице, любви, Мальвениде, меди, морю, надежде, народным поэтам, нити,

номерам, ночи, огню, одежде, одиночеству, осени, печали, плодородию земли, помидору, простому человеку, простоте, птицам Чили, радости, Рио-де-Жанейро, синему цветку, спокойствию, супу из морского угря, счастливому дню, тревоге, третьему дню, хребту, часам в ночи, шепоту, энергии, ясности. Таков алфавитный перечень тем, как будто позаимствованный из энциклопедического словаря; но эта попытка доказать, что все они обращаются в золото поэзии, если, подобно царю Мидасу, их касается поэт.

Перечень представляется в самом деле исчерпывающим. Но поэт отвечает вызывающей улыбкой: «А я напишу еще одну книгу и назову ее „Новые оды изначальным вещам“». И в 1955 году он выпускает эту книгу в свет. Темы снова самые разные, иногда это вечные темы, иногда же они поражают своей необычностью, противоречат сложившемуся представлению о поэзии, например «Ода колючей проволоке», «Ода носкам», «Ода несчастливому дню», «Ода печени». Казалось бы, в этой второй книге од поэт, которого один критик назовет «вещистом», исчерпал до конца список всех возможных предметов.

Но нет, осталось много вещей, которые Неруда будет по-прежнему воспевать в одах. И то ли из озорства, то ли из полемического задора издаст еще и «Третью книгу од». Это поэзия неутомимого наблюдателя жизни. У себя в Исла-Негра он часто зовет меня побродить по лесу, в котором столько таинственного. Мы садимся. Вековые стволы испещрены шрамами, опутаны паутиной. Тишина. Лес словно замер, такое бывает в кино. Но потом, читая «Оду лесу», я понял: поэту от роду дано видеть то, чего не видят другие.

В своих произведениях Неруда сводит и литературные счеты. В 1956 году он пишет «Оду оскорбленному плуту» в ответ на критические выпады, которые считал безосновательными. В доме, выстроенном из его од, есть место всему, в том числе «Оде вальсу „На волнах“», вальсу, дорогому его сердцу, благоухающему забытым прошлым. Нашлось там место и «Оде счастливому путешествию» — о странствиях поэта по планете и возвращении к его большеглазой любви.

125. Никакая война не длится сто лет

Даже после того, как лютеране откололись от римско-католической церкви, война длилась все же не сто лет; так и страсти, вызванные разрывом Пабло и Делии, постепенно утихли, хотя у Делии, уже на склоне лет, конечно, что-то надломилось в душе. По городу ходили слухи о ссорах и взаимных обвинениях

бывших супругов, некоторые из них, как искры из костра, долетали до рассеянных по всему свету друзей, но потихоньку все улеглось.

Делия, которая за двадцать лет жизни с Пабло забросила живопись, снова стала писать своих огромных изломанных лошадей. Атмосфера в «Мичоакане» изменилась, Делия даже перестала упоминать это название, она говорила просто «Лос Гиндос» или улица Линча, 164. Мастерскую она устроила в бывшей застекленной столовой, выходившей в парк и всегда залитой солнцем.

Дом уже не был тем проходным двором, каким он иной раз казался при Неруде. Кончились застолья, за которыми привечали званых и незваных, причем настолько никто не интересовался, какие люди сидят за столом, что однажды, уже за десертом, выяснилось: высокий, похожий на Бориса Карлова{138} мужчина — не кто иной, как начальник секретной службы правительства, которое в доме Неруды уважением не пользовалось.

Началось тихое царствование покинутой Делии; наконец-то она действительно стала полновластной госпожой изящных бесед, она излучала очарование, плавала, как лебедь, по водам высоких идей и с восхитительным апломбом высказывалась по всем вопросам.

По прошествии нескольких месяцев Пабло, окончательно поселившийся в «Часконе» с Матильдой, но пристально интересовавшийся жизнью Делии, так как очень хотел, чтобы она воспряла духом и стряхнула уныние, охватившее ее после мучительного разрыва, узнал, что в его бывшем доме «Лос Гиндос», теперь принадлежавшем Делии, сложился новый литературно-художественный кружок друзей. И вздохнул с облегчением.

Сам Неруда перенес все это спокойнее. Наконец-то кончилась изматывающая двойная жизнь. Теперь уже не было необходимости бежать куда-то после обеда. И не надо больше притворяться, даже можно открыто признать родное детище, которое сиротой при живом отце бродит по свету, громко крича: «Папа! Папа!», а Неруда упорно отрицает свое отцовство. Детище это — «Стихи Капитана».

Пабло очень хотел детей от Матильды. Хотела и она… Матильда вспоминает:

> «Я трижды не донашивала, последний раз потеряла ребенка уже на шестом месяце. Чтобы сохранить его, я почти полгода пролежала в постели. И тогда Пабло решил: хватит, больше рисковать мы не будем. Он

сказал: „Я возненавижу ребенка, если с тобой что-нибудь случится…“»

Завершилась предыстория любви, которая вспыхнула в один прекрасный день 1946 года, а позже, в Мехико, когда Неруда болел, связала их прочными узами. С тех пор они долгие годы встречались и расставались в аэропортах разных стран, и, даже окруженные звуками иноплеменной речи, притворялись, что незнакомы друг с другом. Они разлучались, чтобы встретиться вновь то на улицах Парижа, то в Трансильвании, где по ночам горят глаза графа Дракулы{139}. Лисичка была сотворена из глины Ньюбле, но, побывав с любимой в самых разных точках земли, Неруда видел в ней не только черный керамический кувшин из Кинчамале, но и амфору из Помпеи, города, который ждал две тысячи лет, когда с него снимут тяжелое покрывало лавы, города, расположенного недалеко от Капри, где они впервые зимой 1951 года спокойно делили кров.

Итак, с тайнами было покончено, они открыто жили в «Часконе» и в Исла-Негра. Они были счастливы. «Хоть это никому не интересно, — писал поэт, — но мы счастливы. Мы подолгу живем вдвоем на безлюдном чилийском побережье. Но не летом, когда выжженный солнцем берег становится желтым, как пустыня, а зимой, когда от прохлады и дождей распускается зелень и все покрывается желтыми, синими и пурпурными цветами».

Потекла размеренная жизнь, в которую, естественно, входили и поездки, и ежедневная работа над стихами, и даже болезни, когда Неруде запрещали разговаривать и он общался с людьми посредством писем. 17 января 1958 года я получил из Исла-Негра письмо:

> «Валентин, ты уже знаешь, что врач на два месяца запретил мне разговаривать. То-то порадовался бы Хувенсио Валье. Я доволен — думали, что у меня кое-что посерьезнее. У меня есть блокнот, куда я записываю свои великие мысли, например: „Когда мы будем обедать?“ Кошмар! Мы так вас ждали, но из-за моей немоты никак не можем принять вас. Скажи Корреа [Корвалану], что к концу марта мне, вероятно, станет лучше. Вернется ли голос? Через месяц Тельо будет обследовать меня. Обнимаю, П.».

В день, когда в Чили официально начинается осень, он прислал мне письмо.

«Исла-Негра, 21 марта.

Дорогой Володя,

с горлом стало получше благодаря компрессам, которые мне ставит Косолапка. Иветта [Жуа] приезжает из Вальпараисо в воскресенье, мне жаль, что вы ее больше не повидаете. Если можешь, приезжай. Мы здесь до конца страстной недели. Я заканчиваю книгу и доволен ею. Пришла посылка от Хосе. О получении сообщи и передай ее от моего имени нашему другу. Скоро я набросаю план пропагандистской кампании и тот самый манифест.

На побережье — никого. Это чудесно. Погружаешься в нечто серое, влажное — куда лучше, чем яркое солнце. Нет никакого желания возвращаться в цивилизованные места.

Обнимаю, П.».

Однако в уединение Исла-Негра проникают голоса из внешнего мира. 11 августа он присылает мне две написанные от руки странички. «Дорогой Володя, я хорошо потрудился (писал письма), а завтра начинаю работать по-настоящему». Его беспокоят и возмущают постоянные козни против Кубы, происки Организации американских государств. Он пишет: «Относительно письма в ОАГ. Поскольку Фидель не приехал, я останусь здесь до пленума. Но письмо я написал и хочу, чтобы ты показал его Лучо{140}. Если содержание его удовлетворит, пусть печатают, может быть, даже на листовках, их можно будет вручить каждой делегации. Оригинал, который я тебе посылаю, передайте сеньору Море». И секретарь ОАГ, как и все делегации, получил послание Неруды в защиту Кубы.

126. Обмен названиями

Солнечные лучи проникают сквозь листву. Мы беседуем в саду «Часконы». Неруда мне говорит: «Пишу книгу, совсем непохожую на прежние…» Я спрашиваю, закончил ли он цикл од. «Думаю, да… Во всяком случае, на время. А это будет книга философская, полная вопросов. Сколько дней вмещается в один-единственный понедельник? Сколько всего случается за день? Это книга начала осени, моей осени…» Он умолкает. «Как ты ее

назвал?» — «Пока никак». — «А какие идеи?» Он в раздумье качает головой: «Толком не знаю. У нее должно быть совсем особенное название. А что ты посоветуешь?» — «Я, наверное, приверженец старого. Мне очень нравится название той, ранней книги — „Собранье сумерек и закатов“». — «„Собранье сумерек и закатов?“ Значит, „Собранье сумасбродств“? Пожалуй, все-таки „Книга сумасбродств“».

Вскоре «Книга сумасбродств», предшествовавшая «Книге вопросов», вышла в свет. «Сколько живет человек? / Тысячу или один день? / …Как понять — „навсегда“?»[160]. Поэт признает, что все в мире благополучно, но думает: «Порою надо принять / … ванну сырой могилы»[161]. Он так определяет свою двоякую роль: «Я просто профессор жизни, / студент с факультета смерти»[162].

В этом сборнике запечатлены неизгладимые образы, например образ зимнего Берлина: «Внезапно вышли вслед за человеком / в туман студеный десять лошадей. / …А масть — от мела, янтаря, пожара… / …Давно забыл я зимний мрак Берлина. / Но не забыть мне света лошадей»[163].

В «Книге сумасбродств» привольно разместились всевозможные темы, она полна неожиданностей, в ней звучат различные интонации, на которые накладываются еще и обертоны. Чувствуется и раздражение, проступают следы былых стычек. Неруда обрушивается на «друзей и врагов», которые ждали, что он переменится. «Но когда пытали меня угольями / моей тайной любви, / когда от любви и от жалости / я страдал наяву и во сне, / караван их тронулся в путь, / и ушли они все со своими верблюдами». Рана еще не затянулась. Ведь все объединились против него, чтобы проклясть его и назначить, какой смертью ему умереть. «И решили начать с языка».

Пятидесятилетний Неруда ничего и никого не забыл. Ни друзей, ни врагов. И конечно, он помнит самого заклятого из всех: «Прирожденный злодей, / неуемною злобой кипящий… / Написал бы ты новую книгу, / сокрушительных доводов кучу придумал / и покончил бы разом со мной».

Это книга утверждения и отрицания, «Contrasantiago» и «Contraciudad» — две стороны лица столицы, которую «мрачные конкистадоры… сложили из унылых кирпичей». Поэт не скрывает своей пристрастности, он оставляет документы эпохи на случай своей смерти. Он завершает книгу «Осенним завещанием». Казалось бы, Неруда думает только о вечности, но тут и там прорываются самые злободневные мысли и чувства. Он снова и снова грозит своим врагам. Это лишний раз доказывает, что его еще мучают раны, полученные в бою, разгоревшемся из-за его семейных дел. «Меня на куски раздирали / злобные хищные

твари, / и казалось, вот-вот одолеют». Он отвечает и тем, кто спрашивал, «почему он пишет так темно?..», и тем «бездушным, кто твердил, что пишет он слишком просто». Совершенно очевидно, что Неруда — весь в настоящем и недавнем прошлом.

Поэт отвечает «некоторым доброжелателям», сам определяет себе кару, сам распоряжается своими радостями, он ненавидит ненависть. «Осеннее завещание» достигает кульминации, когда он изливает «восхищение любимой»: «Ты рыжая и острая на вкус, / ты белая, соленая, / как луковица в маринаде». Подобно Дон Кихоту, он завершает «Книгу сумасбродств» рассказом «о разных своих воплощениях, утверждая веру в поэзию».

Время от времени мы увлеченно обсуждали названия новых произведений. Как-то он сказал мне, что пишет стихотворения, в которых опять возвращается к «Одам». «Но я не хочу называть ее „Четвертой книгой од“», — сказал он. Как и прежние «Книги од», она была обо всем на свете, но много говорилось в ней и о путешествиях, об отъездах и возвращениях. «Ну, так и назови — „Плаванья и возвращения“».

Как-то я рассказал ему, что закончил роман о концлагере в Писагуа. «Придумай мне название, — попросил я. — Ты ведь на это мастер». «Прозрачная тюрьма», — тут же предложил он. «Тюрьма? Нет, не то, — сказал я. — Слишком уж в лоб».

Но впоследствии я раскаялся. Через несколько лет мне уже определенно казалось, что это название подошло бы моей книге куда больше, чем «Семя на песке».

Мы любили наперегонки придумывать названия. Некоторые из них появились на обложках книг. Другие так и пропали, небрежно выброшенные на ветер во время дружеских бесед, которые мы вели, просто радуясь общению и отдаваясь несказанному удовольствию поиграть словами.

Хотя Неруда не стал крестным отцом моего романа, он написал о нем несколько доброжелательных строк, никогда не публиковавшихся на испанском языке. Только в португальском издании 1981 года они включены в книгу вместо предисловия.

127. Неруда — да! Неруда — нет!

Неруде, как уже говорилось, нравилось строить дома, писать книги, выпускать журналы. В 1955 году он начал издавать «Гасета де Чиле». Любил он и собрать друзей, чтобы отметить выход новой книги и всем вместе надписать ее или чтобы вином и пирогами отпраздновать закладку нового дома. Я и сейчас, в изгнании, храню экземпляр «Гасета де Чиле», на которой расписались Неруда, Матильда Уррутиа, Бланка Хаузер, Антонио

Кинтана (Тоньита и Тоньито) и еще несколько человек, чьи имена я не могу прочитать, потому что подписи слишком неразборчивы или совсем выцвели от времени.

В этом номере главный редактор обращается к читателям с письмом. Он благодарит их за поддержку и сообщает, что Мариано Пикон Силас и Мигель Анхель Астуриас из Каракаса и Буэнос-Айреса «пришлют нам свои прекрасные произведения, которые мы незамедлительно опубликуем».

Но враг никогда не опускает оружия, и с этим приходится считаться. Жалкий нацистский листок нападает на «Гасету» и… яростно поносит Томаса Манна. Заметка подписана весьма знаменательно: «Гестапо».

Литературно-художественный журнал, во главе которого стоит Пабло Неруда, выпускает и приложение «Роза поэзии» на зеленой бумаге, где печатает молодых поэтов. Одна полоса полностью отдана богатому творчеству поэтесс — испанок и латиноамериканок. Тогда были опубликованы стихотворения Сары Виаль, новой приятельницы Неруды из Буэнос-Айреса, которая много лет спустя напишет очень светлую книгу о Неруде в Вальпараисо. Конечно, главное внимание в журнале уделяется столетию со времени написания «Листьев травы». Недаром в доме главного редактора висит портрет седобородого молодого человека во весь рост, Уолта Уитмена, который на сто лет опередил Неруду в «Привете миру».

Неруде хорошо известно, как приятно получать экземпляры своих книг, переведенных на незнакомые языки. «Переведи-ка мне вот это стихотворение с персидского», — шутя говорил он мне. Но я ничем не мог ему тут помочь: книги приходили отовсюду, однако ни с персидского, ни с арабского, ни с урду, ни с бенгальского, ни с других недоступных мне языков я переводить не умел.

Неруда был просто помешан на художественных изданиях. Ему нравилось играть с книгами — произведениями искусства. Он восхищался отдельным изданием «Оды типографии» и стокгольмским изданием «Великого океана». Его приводил в восторг прихотливый шрифт, изящно выгнутые литеры. Пабло не раз говорил, что с радостью стал бы печатником. Еще в отрочестве он изумительными каллиграфическими буквами выписывал названия своих первых опытов, так и не увидевших свет. Когда печаталась его первая книжка, он проник в типографию и обсуждал с издателем решительно все: формат, обложку, шрифты, качество бумаги, корпус книги, изящество заголовков. Его пылкая страсть к таинственно-соблазнительному печатному слову сопровождала его всю жизнь.

Поэта рвут на части. Но ездить по свету он любит, путешествие — неотъемлемая часть его работы. Выходит книга его прозы, которая так и называется — «Путешествия». Всю жизнь он будет уезжать и возвращаться. Он едет в Советский Союз и другие социалистические страны. Затем — в Китай. Этот путь Пабло и Матильда проделают вместе с Амаду и Зелией. Китайские поэты, их друзья, удручены, они видят, как культурная революция вот-вот накроет все черной волной.

По возвращении из Китая в Уругвай 7 ноября 1956 года он пишет мне: «Там я пользовался большим успехом. Подробности долго рассказывать. Во вторник лечу в Рио. Меня уговорил Амаду, он же все и устроил. Оттуда поеду в Буэнос-Айрес, где у меня будет несколько поэтических вечеров, и вернусь к вам в начале месяца». Из его писем всегда понятно, где он и каким воздухом дышит. «Кажется, угроза войны на Суэце миновала, в Венгрии тоже все успокоилось. Здесь живешь в атмосфере постоянных провокаций, самолеты разбрасывают листовки, громкоговорители не умолкают».

За границей Неруду обычно принимают хорошо, но иногда бывает и наоборот. В одном и том же городе его появление вызывает иной раз противоположные реакции. 30 января 1957 года Досада выпускает в свет полное собрание сочинений Неруды на бумаге «библьдрук». Это несколько тысяч страниц. В то время библиографией Неруды скрупулезнейшим образом занимался его секретарь, незабываемый Хорхе Сануэса, скоропостижно скончавшийся совсем молодым. Этот необходимый труд продолжил и довел до конца Эрнан Лойола, он собрал сведения обо всех изданиях, все объявления об изданиях, публикации в приложениях к периодике и все отзывы в прессе. Настало время, когда творчество Неруды начали изучать. Его анатомируют, его рассматривают в лупу разные начетчики, глядя на поэзию холодным, а не восхищенным взором. Настало время, когда начали собирать «рассеянную по свету нерудиану»: письма, предисловия, речи, статьи, почтовые открытки.

Наверное, нет такого критика или специалиста по чилийской литературе, который не писал бы о Неруде. Невозможно перечислить всех отечественных и зарубежных исследователей, ибо имя им — легион. Помимо тех, кто уже был назван на этих страницах, нельзя не упомянуть многочисленные и авторитетные труды Хайме Кончи, в том числе его книгу «Неруда», обстоятельную докторскую диссертацию Эухении Невес, а также работы Хуана Лавлака, Хуана Алазраки, Саула Юркевича, Альфонсо Карраско Вентимильи, Эмилио Миро, Франка Рисса, Марии Магдалены Солы, Карлоса Сантандера, Хайме Джордано,

Луиса Иньиго Мадригаля.

Я говорил, что иногда Неруду ждал и плохой прием. Если в Италии и Франции хотели задержать его, а потом выслали с учтивостью, присущей временам «холодной войны», то в Буэнос-Айресе 11 апреля 1957 года Неруду арестовали. Полтора дня он провел в Национальной тюрьме. Неруда, как всегда, в эпицентре полемики. Он наносит удары, получает и отражает их.

В ту пору стихи Неруды начинают использовать для песен. Его «Романс Каррера», как и «Песнь Бернарду О'Хиггинсу», положил на музыку Висенте Бианчи. Патриотическая тема доносит голос поэта даже до армии. Вместе с «Песней о Мануэле Родригесе» их исполняют военные хоры.

В 1957 году «Насименто» выпускает «Новую антологию» Пабло Неруды, и бури следуют одна за другой. В сущности, это уже третье издание «Антологии», подготовленной Артуро Альдунате Филлипсом, Маргаритой Агирре и Омеро Арсе, в которую входят стихотворения из всех трех «Книг од» и несколько более поздних стихотворений.

Политика еще больше подогревает литературные страсти.

Алоне цитирует французского исследователя, который с помощью математических методов доказал, что творчество поэта достигнет вершины к пятидесяти шести годам, и тогда Неруда создаст свой шедевр. Следовало бы поздравить ученого с такой точностью.

Но Алоне не всегда полон восторга. Когда ему не нравится «заданность», он этого не скрывает.

В «Насьон» от 23 февраля того же года Херман Сепульведа прямо объясняет, почему тяжелая артиллерия обстреливает Неруду даже из Европы. Журнал «Куадернос», выпускаемый Конгрессом за свободу культуры, исподтишка покусывает поэта, заметки эти пишут Хулиан Горкин, Хавьер Абриль и Рикардо Пасейро. Они не пытаются скрыть то, что Макс Шеллер назвал «экзистенциальной досадой» и что медиевист Рамон Менендес Пидаль{141} обозначит как «тоску по чужому благу», то есть, попросту говоря, зависть. Он вспоминал, как на встрече писателей в Консепсьоне критик Марио Оссес заявил: «…величие Неруды состоит в том, что его можно ощипывать как угодно».

За всей этой прекрасно организованной и весьма доходной литературной травлей ясно проглядывалась политическая подоплека.

Конгресс за свободу культуры наносит удары, а Неруда отражает их безо всяких расшаркиваний. Поэт никогда не уступает давлению извне. «Я был и останусь коммунистом», — демонстративно заявляет он в Муниципальном театре на лекции

в воскресенье 15 июня 1958 года. На похоронах Гало Гонсалеса, генерального секретаря партии, он держит речь от имени коммунистов-интеллигентов. В мае его избирают президентом Общества писателей Чили. В том же месяце поэт направляет письмо президенту страны Ибаньесу в защиту гражданских прав лиц, вычеркнутых из избирательных списков, среди которых был и сам поэт. А 3 августа 1958 года Неруда встречает радостным кличем: «Победа!» Этот возглас прозвучал в газете «Сигло», где была опубликована статья Неруды под заголовком «Мы переживаем славные дни — проклятый закон приказал долго жить».

128. Дни ясные и дни пасмурные

Неруда боец по натуре. В то время не было среди писателей человека, столь озабоченного проблемами нелитературными, столь встревоженного судьбами мира. Поэт сражается за мир и за поэзию.

В последнем номере «Эрсильи» за 1953 год появляется его отповедь на книгу Леопольдо Панеро «Личная песнь», от начала до конца направленную против Неруды, как по названию, так и по существу. В сентябре 1954 года Неруда присылает из Исла-Негра открытое приветственное письмо «Добро пожаловать, Габриэла Мистраль!». Она впервые за долгие годы проездом посетила Чили.

В ноябре 1955 года на похоронах отца чилийского креолизма Мариано Латорре{142} Неруда произносит импровизированную речь.

При первой возможности он сбегает в Исла-Негра, но и там его настигает грохот городских событий. «Валентин, невидимый и неуловимый дурачина, почему не приезжаешь к морю? Нам надо поговорить», — пишет он мне 17 января 1957 года. Упоминает о «подлых и непристойных» намеках некоего критика — Неруда не намерен сносить их, он перейдет в наступление. «Разумеется, я воспользуюсь своим оружием — одами, я задам всем им жару, достанет на несколько лет. Хватит отсиживаться в укрытии! Ты еще увидишь, как они захлебнутся собственным ядом».

9 марта он зовет еще настойчивее. «Здесь стоит ясная погода. Я пишу по нескольку раз в день. Не ленись и приезжай в субботу, а в понедельник вместе поедем в город. Я решил, что весь год буду жить так: две недели в Исла-Негра, две недели в Сантьяго. Этого требует моя работа. Двух недель в городе мне с головой хватит, чтобы побывать на куче собраний. В понедельник 18-го я приеду в Сантьяго часов в 12. И обязательно зайду в правление

Общества… Когда увидимся, спроси меня про Вальпараисо».

Я привык к тому, что его письма приходят ко мне со всех концов света. В сентябре 1957 года он пишет из Парижа: «… сейчас мы уже, можно сказать, на обратном пути. Побывали в Армении, на Цейлоне, в Индии, в Китае и в Москве — в общем, есть о чем поговорить. Но это уже в Исла-Noir[164]». Он вспоминает кошмарного мальчонку Клаудио, которого за неудержимую страсть проникать в суть вещей, разбирая их на части, прозвал Развинчивателем.

Другое письмо, помеченное 10 ноября, отправлено из Стокгольма. Неруда сообщает:

> «Мы отплываем на „Боливии“ компании „Джонсон лайн“. Этот пароход придет в Вальпараисо в середине декабря».

Известно, что поэт любил пароходы, долгие путешествия, многомесячные поездки еще и потому, что каждый раз привозил с собой готовой новую книгу.

> «У меня болит нога, что-то вроде мучительного ревматизма, и потому это письмо пишу тебе лапкой Косолапки… Мне надо о многом с тобой поговорить. Я еду прямо в Исла-Негра и буду ждать тебя. Было бы неплохо, если бы ты оказался там одновременно с нами. Точную дату нашего возвращения сообщай только тем, кому это действительно важно знать».

Неруда участвовал во второй предвыборной кампании Альенде, который баллотировался на пост президента. 8 августа 1958 года в Бакедано целая группа интеллектуалов выступила в его поддержку. Неруда сказал тогда: «Альенде — лучший кандидат, который у нас был, есть и будет». Эти слова он произнес за пятнадцать лет до гибели Альенде и своей собственной смерти. Мы все считали, что Неруда абсолютно прав. Там же выступил — ко всеобщему изумлению — писатель Бенхамин Суберкасо, самовлюбленный ниспровергатель авторитетов, а также я, автор этих строк, никого, разумеется, этим не удивив.

Мы едем на побережье. Казалось бы, направляемся в Исла-Негра, но доезжаем только до Картахены. Машина останавливается на каком-то углу, и в непроглядной зимней ночи нас ведут неизвестно куда по пустынным улицам курорта, который в эту пору совсем безлюден. Крадучись, мы входим в большой старый деревянный дом. Меня провожают в спальню с

двумя кроватями. Через час отворяется дверь — на пороге стоит Неруда в грубом свитере и берете моряка торгового флота. Мы оба смеемся. «Уходим в подполье! — говорит он. — Ты не знаешь, ни кто я, ни как меня зовут». Делать нечего, пришлось сыграть роль и в этом неважно поставленном спектакле. На следующий день в этом доме начался нелегальный съезд Коммунистической партии Чили. Неруда говорил о необходимости связать тесными узами народ и культуру, привлечь интеллигенцию в партию рабочих. Кое-что из этого удалось сделать. Через десять лет после смерти Неруды чилийские коммунисты провозгласили себя партией Неруды и Рекабаррена.

Политика не мешает ему жить жизнью сердца. Чем больше он занят общественными делами, тем больше пишет о любви. Как звонкая пощечина тем, что утверждал, будто гнусные коммунисты иссушили душу Неруды, прозвучали «Сто сонетов о любви», посвященные даме его сердца Матильде Уррутиа; этот дар он в истинно рыцарственном стиле преподносит в обращении к ней, помеченном октябрем 1959 года. Поэт посвящает Матильде не только звонкие рифмы, «звучавшие подобно драгоценным металлам или орудийной пальбе», он «выстроил с помощью топора и перочинного ножа эти дощатые склады любви, воздвиг крошечные домики — по четырнадцать досок в каждом, — чтобы в них жили твои глаза, которые я обожаю и воспеваю»[165].

В предыдущей книге «Плаванья и возвращения» чего только нет, в ней он проходит по всем широтам, много страниц уделив ослепительной Венеции, с которой распрощался лишь спустя пять месяцев, да и то не по своей воле.

К Неруде вернулся голос, и в 1958 году он в сотый раз отправился на свою малую родину. Как в детстве, он глядит теперь из окна на провинцию Каутин, но никого не видит в деревянных поселках. Струи дождя льнут к стенам, как плющ или нежный мох. Близких его там уже нет. Исчезли знакомые лица, знакомые вещи. Он чувствует: это и есть настоящая разлука. Ибо: «ты уехал совсем, если вернулся и только дождь, / один лишь дождь встречает тебя. / И нет для тебя распахнутой двери, нет для тебя хлеба. Нет никого». От озер чилийского Юга он переносится мыслью к озеру Разлив. «Я люблю вспоминать, как ты рыбу в Разливе ловил…»[166]. В некотором смысле Ленин для Неруды как бы напоминает кого-то — неизвестно кого именно, — о ком мечталось с юности. Или поэту просто хотелось думать, что такая мечта жила в его душе. Но он умоляет читателя не смешивать воображаемого вождя с истинным. «Осторожно! Не спутай его с инженером холодным. / Осторожно! Не спутай его с мистиком пылким. / Пылал его разум, но не обращался он в

пепел, / и смерть не смогла остудить его пылкое сердце»[167].

В конце 1959 года «Сто сонетов о любви» вышли отдельным изданием по подписке. Это книга пятидесятилетнего влюбленного, уже умудренного опытом человека, познавшего жизнь, все четыре ее эпохи — утро, полдень, вечер и ночь. Он ждет «любви, как фиалки, коронованной шипами…»[168]. Он говорил о чувстве, которое выдержало безумство страсти и ревности. Все это сгорело в «мучительном пламени». Иной раз в новой книге сверкает обжигающий огонь «Восторженного пращника»: «Твой рот, твой голос, твой каждый волос — я голодаю без них…»[169]. Он называет Матильду «истинной женщиной», «яблочной плотью», «расскаленной луной».

Матильда — это не Соседка. Она искушена в тайнах сердца и в тайнах домашнего уюта. Она одновременно пчела-матка, пчела-королева и — рабочая пчела. Она сажает, варит, шьет, в домашнем царстве ничто не ускользает от ее внимания. «Твой дом шумит, как будто поезд в полдень, / гудят в нем осы и поют кастрюли…»[170]. Такой видится Неруде будничная жизнь, проходящая под плеск воды во дворе и львиное рычание из зоопарка. Иногда «появится Гомер в сандалиях бесшумных»[171], но это не слепой автор «Илиады», а секретарь Неруды Омеро Арсе.

Влюбленным всего хватает, даже ударов, которые наносят им извне. Но оба они сильны, стрелы не слишком больно их ранят. До сих пор находятся люди, осуждающие их любовь. И в сонетах нет-нет да и блеснет сталь клинка. Поэт восклицает: «Матильда, где же ты?»[172] Она нужна ему, как нужен дождь истомленной зимней сушью земле Юга. Он вспоминает портрет Диего Риверы: «Он написал тебе две главы, две вершины, / два зажженных огнем и любовью арауканских вулкана; / два золотых лица из светящейся глины / он увенчал торжествующим шлемом пожара, / башней державной. И тайно от всех заплутался / профиль мой в этой пылающей гриве»[173].

С наступлением ночи связана мысль о смерти. «Когда умру, прижми к моим глазам / земную свежесть рук твоих любимых…»[174]

129. «Себастьяна» и сапоги

Новоселье в «Себастьяне» на холме Флорида в Вальпараисо получилось очень веселым. Неруда с Матильдой занимали верхние этажи, внизу жили доктор Франсиско Веласко и Мари Мартинер. Дом оказался в высшей степени необычайный. С улицы его не было видно — он притаился позади театра «Маури»

(названного по имени сына владельца — Маурисио). Чтобы добраться до дома, приходилось пересекать «тупик-писсуар». В отличие от дома в Исла-Негра здесь не было простора, к новому жилищу Неруды взбирались по лестнице из ракушечника. Поэт начал строить «Себастьяну» в 1958 году. Но «верлибр» здесь не годился, следовало вписываться в заданный размер — постройка была близка к завершению задолго до Неруды. Лет десять дом простоял недостроенный, только глаз поэта мог разглядеть в этом обиталище призраков и летучих мышей именно то, о чем он мечтал, задумав приобрести дом в Вальпараисо. Неруда купил его у наследников испанского коммерсанта и строителя Себастьяна Кольядо, родившегося в Тамарита-де-Литера. Название этого селения напомнило Неруде о Федерико, о его «Диване Тамарита»{143}. Кольядо, составивший себе солидное состояние, был немного мечтателем. Один этаж он намеревался целиком отдать птицам, а на башне, в которой размещался кинозал — редкая по тем временам затея! — бывший владелец задумал устроить площадку для вертолета. Узнав все это, Неруда загорелся: во что бы то ни стало захотел приобрести себе этот дом с привидениями и тем почтить память умершего десять лет назад испанца, поэта в душе, который не написал ни строчки, но зато сумел выбрать для своего дома место, откуда весь Вальпараисо был как на ладони. Уже одно это роднило его с Нерудой.

По правде говоря, с точки зрения здравого смысла дом был самым неудобным, самым нелепым строением, какое только можно вообразить. Подниматься на верхний этаж было не легче, чем карабкаться на гору. Комфорта — никакого. Бесконечные перебои с водой. Один легкий подземный толчок — и башня ругнет. Наверно, именно поэтому за десять лет никто не заинтересовался оригинальным сооружением.

Писательница Сара Виаль дружила с дочерью Себастьяна Кольядо, нежной блондинкой кельтского типа. Она рассказала Саре о доме отца, который никак не могла продать; Неруда впервые увидел дом ночью, вместе с «посредницей» он специально проехал по кольцевой автостраде, по авенида Алеман и, поднявшись к дому, разглядел в темноте маяк на мысе Лос-Анхелес возле Пьедра-Фелис, где назначали свидания влюбленные и кончали счеты с жизнью самоубийцы. Неруда сразу решил: он покупает этот дом.

Строительство поэт закончил лишь три года спустя, дом рос в высоту на очень тесном, если сравнивать с Исла-Негра, участке и казался братом — но не близнецом — другого карабкающегося ввысь дома — «Часконы». Наверху разместилась библиотека. Там

он поставил свою детскую игрушку — деревянного коня, спасенного из огня при пожаре в Темуко и реставрированного умелыми руками Хулио Эскамеса. На пятом этаже была маленькая спальня. Еще ближе к небу, на террасе, мы несколько раз встречали Новый год, любуясь ярко освещенной бухтой.

Во время землетрясения 1965 года башня и в самом деле рухнула, разбилась также громадная маска грозы морей пирата Моргана, наблюдавшего за порядком в столовой.

Неруде Вальпараисо казался одним из самых сияющих городов мира. В тот вечер, когда он впервые увидел «Себастьяну», он как бы ощутил жизнь порта, «пылающего и шумного, вспененного, распутного». Его очень занимала судьба этого порта, который после открытия Панамского канала пришел в упадок. Если у городов есть история, то у портов историй много. В давние времена все корабли, все фрегаты, прошедшие сквозь бури и ураганы возле мыса Горн, вставали здесь на рейд. Открыватели Магелланова пролива приставали тут на долгожданный отдых.

> «На одном корабле прибыл сюда рояль, на другом — Флора Тристан, перуанская бабушка Гогена, на третьем — настоящий, из плоти и крови, Робинзон Крузо, подобранный на острове Хуана Фернандеса».

В книге «Испания в сердце» чувствуется, как завораживают Неруду имена иберийских селений, теперь же он подпадает под обаяние названий холмов Вальпараисо, он как бы пробует их на вкус: Серро-Алегре, Серро-Марипоса, Серро-де-ла-Лоберия, Серро-де-лас-Харсиас, Серро-де-лас-Альфарерас, Серро-де-лос-Пекенес, Серро-де-лос-Черканес, Серро-дель-Арболь-Копадо, Серро-де-ла-Кабритерия, Серро-де-дон-Элиас, Серро-дель-Мембрильо, Серро-дель-Буэй, и наконец, Серро-де-ла-Флорида, где, как он с нежностью вспоминает, «стоит мой дом». Вальпараисо — город лестниц: «Если бы мы прошли по всем лестницам Вальпараисо, мы бы проделали кругосветное путешествие».

Раньше он часто бывал в Вальпараисо, но никогда не жил в нем подолгу. Теперь ему необходимо было как можно быстрее создать свой дружеский круг, свое братство в этом городе. Иначе он не мог. И вскоре — точнее, 3 июня 1961 года — он основал «Клуб сапога», члены которого собирались в ресторане «Алеман», неподалеку от порта, на маленькой площади Аннибала Пинто, где под присмотром вооруженного трезубцем Нептуна бил фонтан. На крестины нового дружеского сообщества Неруда принес огромный керамический сапог и кружки ему под стать. Он привез этот набор из Мексики. Друзья устроились в углу, отделенном от большого зала деревянными перегородками.

Члены братства стали называть себя «сосапожниками». Неруда принес книгу записи актов, куда торжественно был внесен список утвержденного директората, состоявшего из Неизвестного солдата, Таинственного пожарника, Одинокого мореплавателя, Пантеры Серро-Алегре и других столь же представительных особ. В веселом собрании участвовали Прекрасная Елена — Элена Гомес де ла Серна, внучатая племянница Рамона Гомеса де ла Серны, — и Лоренцо Великолепный — художник Артуро Лоренсо. Это были молодые испанские республиканцы, из тех, кто отплыл на «Виннипеге» от мола Тромпелу близ Бордо. Будущие собраться по «Сапогу» тогда и познакомились, Неруда же в некотором роде сосватал Прекрасную Елену и Лоренцо Великолепного.

130. Гостеприимный хозяин

Неруда всегда задолго до намеченного празднества, где бы он при этом ни был, подробно его обдумывал и планировал все до мелочей. Мы получали вдохновенные приглашения, которые явно перекликаются с написанной позднее книгой «Венгерская кухня».

> «Мы ждем вас к обеду 1 января 1958 года в Исла-Негра. Предполагаемое меню: знаменитейшая суперфасоль. Умиты и антиумиты. Великолепные кочайуйо. Полушария помидоров. Луковый снежок. Затем жареный угорь. Пирожки. Жаркое. Тушеное мясо. Цыпленок по-чилийски. До и после обеда все пьют „спутники“[175].
>
> *Пабло-Матильда.*
>
> *Открытое море, неподалеку от Курасао,*
>
> *5 декабря 1967 года».*

Неруда был не только поэт-gourmet[176], он не только в письмах воспевал радости доброго застолья, этот Брийа-Саварен{144} описывал в стихах блюда, которые умел готовить сам. Так «Ода бульону из морского угря» — это рецепт бульона, возведенный в степень высокой поэзии. Разумеется, Неруда знает решительно все о луке, он умеет его готовить и по-креольски, и по рецептам любой кухни мира. Потому он и соглашается принять участие в итало-чилийском соревновании, дуэли с известнейшими знатоками секретов европейского лука. Этот великий специалист по композициям съедобных веществ — а в природе съедобно почти все — сочетает астральные, оккультные

науки с ведомыми лишь колдунам тайнами камня и огня, на которых готовят куранто. Однажды в Исла-Негра он пригласил нас побеседовать в саду. Пока мы сидели возле вытащенной на берег лодки, якоря, локомобиля и колокола, нам принесли только что выловленных ракушек чоро. Неруда нарвал свежей сосновой хвои, присыпал ею ракушки и, нервничая и искрясь от предвкушаемой радости, поджег. Восторг и упоение! Неруда очень ловко вскрывал ракушки на южный манер. Они казались втрое вкуснее, чем обычно, в них как бы соединились запахи моря, сосны и огня.

Как-то раз у нас в доме он попробовал неизвестное ему блюдо и, очень удивленный, спросил у Элианы, как оно называется. Несколько театральные восторги Неруды возросли вдвойне, когда он услышал название — «голубой ягненок». Было ясно, что оно неминуемо войдет в его стихи.

131. Эпистолы

Не менее двадцати лет Неруда вынашивал книгу, которую впоследствии назвал «Камни Чили». Он погружался в созерцание прибрежных скал и фотографий камней, выполненных первоклассным мастером Антонио Кинтаной. Из Франции ему прислали книгу, подобную той, какую он давно лелеял в мечтах. Эту книгу сделали Пьер Сегер{145} и венесуэльский фотограф Фина Гомес, она запечатлела камни атлантического и средиземноморского побережий. Неруда воспоет камни другого, более дикого южноамериканского берега, пять тысяч километров скал, ограждающих холодную, уходящую в глубь континента страну. Во вступлении Неруда писал: «Мой друг Габриэла Мистраль сказала однажды, что в Чили мы сразу же различаем скелет — столько скал в наших горах и песках. В том, что она сказала, — глубокая правда, как бывало почти всегда. Я поселился в Исла-Негра в 1939 году; весь берег был усеян камнями необычайных форм, и они беседовали со мною на хриплом и влажном языке, в котором смешались крики моря и изначальные предвестия»[177]. Беседа человека и гигантских камней и есть становой хребет книги Неруды.

Как член жюри по присуждению Ленинских премий, он каждый год должен был ездить в Европу. В 1960 году Неруда снова посещает Советский Союз и оттуда, издалека, подшучивает надо мной, треплет за вихры, которых у меня и нет. Разве он упустит такой случай! «Опять Вы, дон Валентин, пропустили очередное собрание грандов!». Потом он едет в Польшу, Болгарию, Румынию, Чехословакию.

Несколько месяцев Неруда проводит в Париже. Пабло Пикассо сделал шестнадцать офортов для французского издания поэмы «Бык»; перевел ее большой друг Неруды поэт Жан Марсенак. Он же перевел «Сто сонетов о любви» («La Centaine d'Amour»). Вместе с ним и Матильдой мы присутствовали на чествовании Неруды в ЮНЕСКО. Сейчас, когда я пишу эти строки, в сердце болезненно отзывается мысль, что Жанно — так называл его Неруда и все друзья — тоже ушел от нас навсегда. Пабло посвятил ему немало строк. Есть среди них и такие: «Шевалье Марсенак / ныне спит в Сен-Дени. / Тихо стало в доме его, / голова его на покое». Когда писались эти стихи, Жанно был жив-здоров, теперь они, к несчастью, намного ближе к истине, в них лишь одна ошибка — свой последний сон Марсенак вкушает не в Сен-Дени, а на кладбище своего родного Фижака. Он писал стихи и воспоминания; свои мемуары Марсенак назвал «Я не терял времени», что вызвало довольную улыбку Неруды, — оно явно перекликается с его собственным «Признаюсь: я жил».

В тот день Неруда, как почти каждый вечер, отправится к Марсенаку, но сначала сочинит мне это подробное послание, в котором ярко и живо опишет все, что его окружает.

«Париж, 8 сентября 1960.

Дорогой Володя,

в этом весьма скудном людьми квартале живет лишь одна, впрочем довольно упитанная, романистка с мужем, тургеневским персонажем, наездником и охотником, который вечно ворчит. Маргарита [Агирре] утверждает, что грех субъективизма и долг реалиста раздирают ее на части так, что она не может работать. Я ей сказал: работай, а уж там будет видно, к какой школе ты принадлежишь. Мой совет ее обескуражил, она ведь любит порассуждать всласть о душе и литературе. В сущности, она жительница подземелья в мире, который стремится покорить космос.

Чуть подальше обитает Альваро Хара с супругой и детками, а еще дальше — наша соседка по „Часконе“ Марта Кольвин. Окажись здесь еще ты и чета Кинтана, мы бы взяли с собой Орландо и таинственного капитана Агирре и отправились есть кровяную колбасу, которая здесь именуется „boudin“ и считается вершиной cuisine française[178].

Из-за полного безденежья в Швецию мы не поедем, хотя там по непонятной причине практически замолчали чилийскую выставку. Я езжу по свету не из пустой прихоти. Мы собираемся (2 ноября) отплыть на Кубу, а оттуда — в Исла-Негра, где я по всему побережью буду пропагандировать нашего будущего депутата. Если бы мы уехали в Чили раньше, то остались бы без Кубы — на второе морское путешествие нас не хватило бы. Здесь мы адрес менять не собираемся, а гаванский ты знаешь…

Арагон только что кончил новую книгу стихов, судя по всему, хорошую, и начал другую, с весьма оригинальным названием „Антология Эльзы“ и с предисловием на семидесяти (!) страницах.

Алиса следует за Гаскаром, а Гаскар пишет и пишет, и с каждым днем все лучше.

На несколько дней приехал М. Отеро.

Париж начинает зябнуть от вечных своих испарений, от эксплуатируемого на все лады Монмартра, от бесчисленных собачьих куч и абстрактной живописи, которая все больше уподобляется этим кучам. То есть она, сама того не ведая, становится реалистической.

Читаю, что ты пишешь о выборах, и так и вижу тебя: юноша, тип „nouvelle vague“[179]. Когда я доберусь домой, буду ездить, куда потребуется, но не забывай — мои старые кости иногда уже просят покоя. Возможно, это последняя моя предвыборная кампания. А депутаты будут всегда.

Я рад, что мои карибские стихи нравятся. Скоро на Кубе выйдет книга, это будет нечто вроде рифмованного метеора.

Никогда в жизни я не тратил столько сил на эпистолярный жанр, это — всего лишь слабая попытка выразить тебе благодарность за удовольствие, которое ты доставил мне своим письмом. За твоим письмом нам пришлось идти в муниципалитет и даже предъявлять свидетельство о крещении (никогда не посылай во Францию заказных писем). Идя через Marché de Fleurs[180], мы с Косолапкой с восторгом проглотили две странички, исписанные тобой хоть и не густо, но сочно. Доставь удовольствие себе и нам — у тебя нет больше на свете двух таких читателей, как Матильда и я, искренне тебя любящих».

132. Забытая героиня

С давних пор Неруду занимает судьба одной когда-то знаменитой женщины. В письме, отправленном в январе 1958 года с борта «Италии», неподалеку от Бильбао, он сообщает мне: «Пишу лекции, а также поэму о Мануэлите Саэнс, возлюбленной Боливара. Уже древней старухой она умерла в Пайте. Мы сошли с парохода, чтобы взглянуть на ее могилу. Вот об этом и будет поэма».

Восхищение и уважение, которых достойна эта женщина, звучат в книге «Торжественные песни». Неруда работает над нею уже давно. Поэма «Непогребенная» начинается как путевые заметки: «Путь от Вальпараисо». Корабль пристает к перуанскому берегу: «В Пайте мы спросили / об этой, о Покойной. / Хотелось нам коснуться / земли, хранящей прах. / Никто не знал об этом. / … / Я спрашивал мальчишку, — я спрашивал мужчину, / и старика я спрашивал — / никто из них не знал, / ни где ее жилище, / ни где она погибла, / ни где теперь хоть горстка, / хоть пыль ее костей»[181]. И тогда они спросили у моря. Мануэле «не хватает любимого имени». Они напрасно ее ищут. Поэт хочет «собрать воедино этот отчетливый целостный облик». Он заклинает ее вернуться к жизни, он жаждет воскресить ее лучезарное имя, хотя бы для того, «чтобы имя получил прах любимой нами». И тогда «возлюбленный сквозь сон почувствует призывы». Поэт покидает Пайту, где «прогнили причалы» и свалены «тюки хлопка». «И уже он отчалил, корабль… Надвигается ночь. / И корабль, и берег, / и море, и суша, и песня / уплывают в забвенье».

133. Землетрясение на родине

О землетрясении 1960 года Неруда узнал в Париже, оно опустошило его родной Юг и камня на камне не оставило от Пуэрто-Сааведры. Разгневались вулканы, вступили в спор подземные силы. Море поглотило набережную, и волны захлестывали в окна домов. Рухнули колокольни, упали колокола. Надо было отстраивать заново трепетавшую от ужаса родину. Неруда, находившийся в Европе, посвятил этому все силы. Он ставит поэзию и живопись на службу священному делу — восстановлению каждой стены, двери, поселка. Он просит извещать его обо всем и сам постоянно сообщает новости. 6 августа этого года он пишет мне, жалуясь, что мы разминулись в Европе:

«Мой дорогой Володя,

мне решительно ничего не известно о твоей жизни. О твоей поездке в Европу я узнал уже после того, как ты отбыл обратно. Я вот-вот собираюсь домой, пока же ищу успокоения на берегах Сены. Мы накупили здесь книг и еще — двух попугаев, которые вопят, как обретшие свободу конголезцы. От твоего дома на острове Сен-Луи я не отказываюсь. В конце года собираюсь возвратиться домой через Кубу. Здесь я отдыхаю от разъездов и расстраиваю козни своих издателей. Матильда моет, метет, готовит и время от времени покупает потешные пляжные шляпы. Лето — идеальное время года в Париже. В кинотеатрах — пустые залы, поймать такси не представляет труда, в кафе везде свободные столики, а книжная лавка, где я купил 60 томов Эжена Сю, оставив задаток, закрылась на месяц, так что пока можно не платить. У Кафки я обнаружил Вараса и дона Луиса… Шведка Парры, пожирательница des coeurs des poètes[182], побывала здесь проездом, останавливалась chez nous[183]. Красивое плотоядное животное. Из-за постоянных приступов ревматизма пришлось съездить в Ялту. Вообще, мои кости ноют — ведь сколько тысяч минут прошло с тех пор, как в Паррале образовался мой скелет… Посылаю тебе кое-что из „Песни о подвиге“, карибской книги, которую я кончил на пути сюда. Хорошо, если бы ты отдал это в „Сигло“. 10 сентября мы, вероятно, поедем в Швецию на открытие Недели помощи Чили.

На днях в Париже выйдет роскошное издание моей поэмы (100 экземпляров с иллюстрациями Пикассо, Дали, Тамайо, Миро, Матта, Портинари, Сикейроса, Лэма, Саньярту, Полео и одного испанца, чье имя я запамятовал). Вся выручка предназначается пострадавшим от землетрясения и на восстановление разрушенного. Наберется несколько миллионов!

Больше ничего не пишу, хочу получить ответ от тебя. Позвони Лаурите и на месяц отправляйся в Исла-Негра. Не сиди сиднем!

А пока мы с Матильдой крепко и нежно обнимаем тебя. Тоска нас уже потихоньку грызет.

Прощай. П.

18, Quai de Béthune, Paris IV[184]»

134. «Барбудос», вошедшие в историю

Объехав столько стран и столько всего написав, Неруда не спеша, пароходом, возвращается домой. Перед отплытием он отправил мне несколько строк из Марселя:

> «11 ноября 1960. Замок Иф среди антилитературных волн. Молодые портовые поэты — все как родные братья. Старый порт — канаты и паруса. Чудесный порт Монте-Кристо, первого барбудо в истории. Завтра отплываем на Кубу. Надеюсь еще до наступления 1961 года наговориться взахлеб с кандидатом в депутаты от Исла-Негра. Обнимаем.
>
> *П. и М.*
>
> *В Гаване мы будем 3 декабря. А Новый год, думаю, весело встретим в Чили, в „Себастьяне“».*

12 апреля 1960 года, то есть чуть больше чем через год после победы Кубинской революции, на борту пакетбота «Луи Люмьер», следующего из Европы в Америку, Неруда заканчивает «Песню о подвиге». Автор предваряет книгу обращением к читателю, где есть такие строки: «Итак, я посвящаю ее освободителям Кубы — Фиделю Кастро, его соратникам, всему кубинскому народу. Я посвящаю ее всем тем, кто в Пуэрто-Рико и в остальных объятых пламенем странах Карибского бассейна сражается за свободу и правду, постоянно подвергаясь угрозе со стороны Соединенных Штатов»[185]. В этом же обращении поэт говорит: «Здесь я вновь исполняю — и с гордостью — свой долг поэта общественной пользы, иначе говоря, чистого поэта в буквальном смысле слова»[186]. Неруда хочет внести свой вклад: «Столько выстрадали наши народы, что мы дадим им слишком мало даже тогда, когда отдадим все»[187].

Стихи из своей карибской книги он читал по всей Латинской Америке. Неруда гордился тем, что был первым в мире поэтом, посвятившим свою книгу Кубинской революции, которую, несмотря на некоторые печальные недоразумения, поддерживал до самой смерти.

«Песня о подвиге» начинается стихотворением «Пуэрто-Рико — Пуэрто-Побре»[188]; оно навеяно, как рассказывает сам поэт, впечатлением, потрясшим его до глубины души, когда он еще юношей оказался в этой стране по пути в Ориенте. Пуэрто-Рико — край-заложник. В третьем стихотворении Неруда клеймит подонков, которые обесчестили кровь Сандино и семя, посеянное

Рубеном Дарио. Неруда не дожил до победоносной революции в Никарагуа, но он предвидел ее, призывая «наследников шпаги разъяренной». «Сандино башней был, увенчанной знаменами, / Сандино был ружьем с зарядом упованья». Сомоса же для поэта — «предатель, / торгаш, палач…» Явился мужественный Ригоберто Лопес, вспыхнул, как молния, и угас. Таковы и горе и борьба в Центральной Америке. Убийство в Гватемале. «В Сальвадоре — смерть».

В четвертом стихотворении Неруда переносит читателя на Кубу. Появляется Фидель. «Фидель, пятнадцать храбрых и свобода / ступили твердо на песок прибрежный»[189]. Неруда вспоминает человека, которого видел издалека и вблизи, вспоминает сияющие глаза Кубы — он вспоминает Марти. А рядом с Марти, через годы и расстояния, различает облик нового вождя.

В Америку свобода пришла через Кубу. Десятистопная строка романса перекликается со староиспанским героическим эпосом. Поэт вновь возвращается к Пуэрто-Побре, вспоминает Венесуэлу, печальных карибских птиц, тягостные заседания в ОАГ, взрыв «Ла Кубр» в 1960 году. Он обращает свой взор на Панаму и Панамский канал, на продажную «свободную» прессу, вспоминает о том, как «в Буэнос-Айресе полиция вытащила меня из постели и бросила в тюрьму», и о том, что газеты в это время были сплошь заняты разводом какой-то голливудской звезды, арест же такого незначительного поэта, как Неруда, полностью замолчали. И теперь он возвращается к самой истине и достоинству, когда идет «плясать на перекрестки, / где пляшут негры, братья из Гаваны»[190].

Неруда просит «одной минуты задушевной песни / …в честь Сьерра-Маэстры». В стихотворении «Написано в 2000 году» он опять размышляет о Кубе:

> …указывает мой вечерний разум
> на Кубу, как на поднятое знамя
> над сумрачным нашим полушарьем,
> дождавшимся победы на рассвете[191].

В книге «Светопреставление» Неруда вновь вернется к Кубинской революции, воспоет поднятый кулак бородатых героев занимающейся зари: «Честь, слава и хвала / из праха возрожденным птицам / и профилю чеканному борцов».

Несколько лет спустя Неруда оказался в сложном положении в связи с письмом кубинских писателей{146}; однако в своих воспоминаниях «Признаюсь: я жил» он заявляет:

«Слепая точка, маленькая слепая точка не имеет особой значимости в контексте великих дел. Я, как и раньше, чту, люблю и воспеваю Кубинскую революцию, кубинский народ и его благородных героев».

135. Пересмешник

Неутомимый Неруда пишет новую книгу — «Неограниченные полномочия»; Лосада опубликует ее в сентябре 1962 года. Эта книга — о Вальпараисо, об океане, о человеческом слове, которое иной раз застревает в горле, сжимающемся от печали. Но и тогда Неруда продолжает говорить — с пером в руке, выстраивая слова в строки. Он любовно правит словом в заводях языка, он его смакует молча. Неруда подымает бокал и произносит здравицу в честь языка.

Другой бокал он подымает в честь строителя. Этот строитель, возводящий химеры, и есть сам Неруда, а химера зовется «Себастьяна». Сначала поэт создал ее из воздуха, и только потом воплотил в цементе и железе. Он навесил в «Себастьяне» самые дешевые двери. Я не раз сопровождал его на свалки, где торговали останками умерших домов и наживались на этом. Свою голубятню он соорудил из того, что приобрел на этих могильниках. По его словам, не хватало ему лишь синевы. Но, как бы то ни было, дом будет процветать. Ибо «этот труд — весенний труд».

Неруде нравится помнить о времени и нравится отдаваться радости, не глядя на часы. Так да здравствует же дон Астерио Аларкон, часовщик из Вальпараисо, с которым он познакомился недавно и который ведет счет времени на минуты, словно он человек-хронометр.

И совсем об ином «Ода Акарио Котапосу», самому блистательному комику из всех его друзей; этого толстяка, юмор которого носит отчетливо сюрреалистический характер, можно сравнить только с Чарли Чаплином, хотя они так же не похожи друг на друга, как скрипка и лилия. Неруда пишет «Пересмешника». Эта птица и есть Акарио. Добродушный озорной пересмешник, Акарио единолично владел некоторыми тайнами: ему был известен секретный номер телефона котов, он умел показывать, как шлепают плицы колесных пароходов на Миссисипи, рассказывал истории про Ивана Грозного на «древнерусском языке», не зная, естественно, ни единого слова по-древнерусски, и на свой лад исполнял партию Бориса Годунова. Он демонстрировал приезд Гитлера на похороны Гинденбурга, объявлял открытие конклава, выбирающего нового

папу римского, представлял в виде комической оперы бурное заседание палаты депутатов во Франции, изображал, как раздувшийся, словно цеппелин, разъяренный дикий кабан летит в Бразилию и приземляется на Амазонке. И все это под аккомпанемент целого оркестра рояля и тромбона, флейты и виолончели, гобоя и арфы, — которые опять же заменял собою один Акарио. Это был неповторимый безумец. Он единственный осмеливался вступать в соревнование с Федерико Гарсиа Лоркой, и тот признавал свое поражение перед этим клоуном-кудесником, способным воспроизводить с абсолютной точностью перезвон ватиканских колоколов, возвещающих начало торжественной службы. В Испании его приглашали сниматься в ролях жирных епископов, и он совершенно неподражаемо протягивал десницу, дабы верующие приложились к священному перстню. Однажды в Париже он проснулся в своей бедной подвальной каморке от совсем немузыкальных звуков отбойных молотков; стены дрожали, потом рухнули, и в комнате появились два запыленных рабочих в касках, распевавших «Марсельезу». То были строители метро, которые именно этой ночью, заканчивая прокладку туннеля, вышли прямо в комнату Акарио.

Акарио был редчайший человеческий экземпляр. Больше всего на свете он боялся микробов. Деньги брал только чистой салфеткой. Из соображений гигиены никому не подавал руки, а уж больным — тем более. Несколько раз я вместе с Пабло навещал его. Хотелось доставить радость тому, кто был воплощенной радостью для других. Попав в автомобильную катастрофу, последние годы он провел в кресле на колесах. В своей оде Неруда называет его «учитель, товарищ… Сейчас я книгу пишу о том, / что такое есть я, / а в моем „я“ так много тебя, Акарио».

Неруда вспоминает его, воскрешая бесподобные басни о сеньоре Пуге Борне и параде маленьких боливийцев.

В книге «Неограниченные полномочия», исполненной почтения к смеху, любви к миру, есть стержневая поэма, в которой действует многоликий персонаж, и поэт ощущает себя его частью: это поэма «Народ». Первоначально она была помечена «Исла-Негра, март 1962 года». Поэт считал ее своим вкладом в работу XII съезда Коммунистической партии Чили. Думаю, что немного найдется столь глубоких произведений, написанных к съезду политической партии. На мой взгляд, поэму следует отнести к классическим шедеврам, исполненным страшной и прекрасной правды об обездоленном человечестве, и читать ее на всех съездах коммунистов. А революционеры — все — должны перечитывать эту поэму хотя бы раз в году.

Поэт берет на себя неограниченные полномочия — полномочия говорить со всеми. И этот долг его никогда не утомляет. Быть может, потому, что «другой поет, чтоб пел и я».

136. Наброски

Спешите! Спешите! Редкая возможность для тех, кто хочет заглянуть во внутренний мир VIP[192]. Внимание: с 16 января по 1 июля Неруда снимает некоторые из семи завес, скрывающих его жизнь. В бразильском журнале «Крузейру интернасьонал» будут напечатаны десять его публикаций под общим названием: «Жизни поэта».

Пусть Неруда прокомментирует объявление сам. «Это всего лишь наброски, — сообщает он мне. — Я думаю писать воспоминания, и это будет почином». Во всяком случае, автобиографические заметки свидетельствуют о стремлении сделать в прозе то, что он всегда делал в поэзии, — рассказать о своей жизни. Названия и порядок расположения задуманных статей говорят о том, что поэт намерен рассказывать о себе неспешно и излагать события в хронологическом порядке: 1. «Молодой провинциал»; 2. «Затерявшийся в городе»; 3. «Дороги мира»; 4. «Восточная улица»; 5. «Свет в сельве»; 6. «Цейлон, блистательное одиночество»; 7. «Буря в Испании»; 8. «В недрах Америки»; 9. «Борьба и изгнание»; 10. «Последние споры и противоречия».

Эти наброски воспоминаний — нечто вроде станового хребта его посмертно изданной книги «Признаюсь: я жил».

137. Поэзия в воздухе и на земле

Неруда живет в XX веке, ему приходится кое в чем менять свои привычки, например он начал писать стихи в воздухе. В самолете, летящем из Икике в Вальнар со скоростью восемьсот километров в час, он каракулями набрасывает стихотворение в память об Элиасе Лаферте. В этом стихотворении есть нечто от поэзии Рубена Дарио: «Сейчас, когда ушел навеки / тот человек чистейшей пробы, / не плачу, прячу горя реки — / так он учил, — в беде не дрогну». В Элиасе Лаферте было то истинно народное достоинство и утонченность, какие отличали Модесто, героя Гражданской войны в Испании, с которым Неруда на моих глазах долгими часами беседовал в пражской пивной. За тем же столиком Неруда пишет другому испанскому поэту, Маркосу Ане, который еще юношей был приговорен к двадцати четырем годам заключения. Неруда не боится писать на случай — в жизни много

случайного и мало постоянного.

В журнале «Принсипиос» за январь — февраль 1962 года коммунист Неруда публикует статью «Коммунистической партии Чили по случаю ее сорокалетия». В марте на XII съезде партии он произносит речь «Новые герои Америки».

Вдруг, после долгих размышлений и колебаний литературного и политического характера, отношение к Неруде переменилось. 30 марта факультет философии и педагогики Чилийского университета на публичной торжественной церемонии в актовом зале присуждает Неруде звание почетного доктора «в знак признания его многогранной литературной деятельности мирового значения». С приветственным словом выступил Никанор Парра. Ответную речь, по выражению Неруды, произнесли «Мариано Латорре, Прадо и моя собственная тень». В ответной речи Неруда дал глубокий анализ различных литературных течений Чили и собственного творчества.

За несколько лет до этого, 11 ноября 1955 года, на кладбище «Хенераль» Неруда прощался с Мариано Латорре. Многие эстеты морщились при упоминании этого писателя, который поставил своей задачей внести в прозу образ чилийского крестьянина, признать его верховным судьей жизни, уполномоченным самой землей. Теперь в начале своей речи Неруда подчеркнул, что его собственное творчество никак не связано с произведениями Латорре, однако после долгих размышлений он оценил в Латорре «черты большого писателя… Это был настоящий писатель, истинный герой, и ни один народ в мире не может позволить себе роскошь обойти молчанием такую фигуру». А Латорре был не только обойден вниманием, он оказался жертвой «недоброжелательства и поверхностной, сосредоточившейся лишь на нескольких именах критики». Неруда как в литературном, так и в общественном отношении занимал совсем иное место, но для него Латорре был тем, кто «из родного лозняка сплетал колыбель чилийской нации», и этого довольно, чтобы признать его место в литературе.

Педро Прадо, другого покойного члена факультета, Неруда оценивает с другой стороны. Страстный противник провинциализма — а Чили двадцатых годов была глухой отсталой провинцией, — Неруда вырывается из немоты родного захолустья, где вполне обходились односложными словами, попадает в столицу и знакомится с блистательным собеседником, изливающим потоки красноречия, способным вещать обо всем на свете, причем его речи — некий перпетуум мобиле, приводным ремнем которому служат мысли, почерпнутые отовсюду. Этот человек говорил постоянно, ибо всегда и во всем любил высокое

напряжение мысли.

Прадо первым посвятил «Собранью сумерек и закатов» «трезвые строки мастера, исполненные глубокого смысла и того предчувствия, каким сияет заря на море». Но с ним у Неруды были серьезные разногласия. Неруда в большей степени принадлежал улице и природе. Он не мог подолгу выдерживать бесконечные витийствования о тайнах бытия, не делая при этом ничего для сегодняшней, действительной жизни. Он был беден, но аскетизм отвергал. Неруду не привлекали засушенные метафизические умствования. А Педро Прадо не волновали бури литературной и тем более социальной революций. С другой стороны, Неруда был так увлечен Аполлинером и Стефаном Малларме, что даже напечатал «Попытку стать бесконечным» без знаков препинания. Тогда же он начал испытывать интерес к Ленину.

В поисках корней своего творчества Неруда уходит намного глубже, «к нашему первому креольскому романисту» и, как ни парадоксально, поэту Алонсо де Эрсилье. Впоследствии у него будут друзья — Андре Мальро, Луи Арагон, Илья Эренбург, — которые своим все анализирующим интеллектом напомнят Неруде Прадо, хотя во многих отношениях люди они были совершенно разные.

138. Совпадение идей во времени

Не случайно сложилось так, что в 1810 году в Латинской Америке возникли одновременно национально-освободительные движения.

> «Выстрелы гремели повсюду, от Калифорнии и Техаса до гор крайнего юга нашего континента. Спешно вышивались новые знамена».

Об этом говорил Неруда на XII съезде Коммунистической партии Чили в 1962 году.

Кое-кому было угодно, чтобы поэт отказался от политики. Развернулась даже настоящая кампания, с тем чтобы заставить его отказаться от политической деятельности. Но это никогда никому не удалось.

Неруда говорил, что нельзя было взваливать всю ответственность за события в мире ни на Маркса, ни на Ленина, ни на Советский Союз, ни на Кубу. Его слова можно было бы отнести и к сегодняшней Никарагуа. В основе всего лежит ход истории. И Великая французская революция, и вторжение

Наполеона в Испанию — всего лишь ее проявления. Одновременность этих событий, вовсе не столь уж загадочная, определялась идеями.

> «Идеи носятся в воздухе, как семена, падают на подготовленную, жаждущую их почву, и тогда поднимаются ростки свободы, а перенесенные из Европы республиканские идеи на американской земле вырастают в могучие деревья…»

О Боливаре Неруда сказал:

> «Он восстает от сна каждые сто лет, когда пробуждается Народ. Этим предсказанием я хочу подчеркнуть, что вторая волна борьбы за независимость неминуемо обретет своих вождей».

Он рассказал также, что два месяца назад в Университете города Консепсьон состоялась встреча писателей и представителей академических кругов всего Американского континента. Некий профессор из США, связанный с госдепартаментом, развивал мысль о том, что империализм является исключительно европейским порождением. «Филипп II и Наполеон были империалистами. Нам, американцам, империализм чужд. И чтобы он никогда не возник на наших просторах, мы должны объединиться и создать систему федерального управления». Тогда молодой мексиканский писатель Карлос Фуэнтес, которого Неруда никогда прежде не видел, попросил слова и задал вопрос: «Сеньор, что вы подразумеваете под федерализмом? Федеральную республику одних латиноамериканских наций или объединение с Соединенными Штатами?» В ответ профессор Колумбийского университета пробормотал: «Я имею в виду федеральное объединение всего континента, включая США». Тут же в зале поднялось двадцать рук. Это были руки представителей латиноамериканских стран. И два часа подряд с трибуны излагались факты, свидетельствующие об агрессивных действиях США против наших государств. Вашингтон никогда не изменял своей политике, он всегда поддерживал тиранов, все реакционные силы, палачей народов.

За три дня до съезда Неруда получил письмо от того же мексиканского романиста, который писал:

> «Когда я говорю о событиях на Пунта-дель-Эсте, это всего лишь капля в море. Давление на общественное

мнение, шантаж, подкуп голосов происходили на глазах у всех, пока американские сенаторы стучали кулаками по столу и требовали „призвать к порядку“ латиноамериканских министров. Трагикомедия и только! Не знаешь, смеяться или плакать, глядя на этих гватемальских, сальвадорских, никарагуанских, парагвайских статистов, пьяных, невежественных, нелепых, трусливых фигурантов, удобно устроившихся под эгидой звучных лозунгов: „Провидение“, „Бог“, „Права человека“, „Представительная демократия“. Слушая их речи, я вспоминал нашу встречу в Консепсьоне и думал о печальной судьбе наших народов, которые не имеют возможности заговорить своим истинным голосом, не могут сбросить маску и обрести достоинство. Как выделяются люди Кубы среди этих пигмеев!»

139. Треугольный человек

О странствия! Как чудесно уезжать! Как радостно возвращаться! Уже хорошо знакомое турне по Европе: Советский Союз, Болгария, Италия, Франция. Через пятнадцать тысяч километров доходят до нас его шутки; глядя на золотой песок возле Варны, Неруда пишет:

«13 августа 1962 года.

Даже здешние каменюки напоминают тебя. Я влюблен в Болгарию. В сентябре увидимся в Исла-Негра, нашем Черном острове, который, конечно же, древнее Черного моря. Обнимаем.

Пабло-Матильда».

Неруда напряженно живет и политикой, и литературой. 12 октября весь Сантьяго оклеен плакатами: «Сегодня в театре „Кауполикан“ выступает Неруда!» Он произносит даже не речь, а целую лекцию, которая позднее выйдет отдельной брошюрой на 42 страницах:

«Вместе с католиками — к миру. Пабло Неруда отвечает епископам: мы все, католики и некатолики, должны вместе бороться против нищеты, которая ведет к вырождению».

Лавиной, одно за другим, появляются все новые

исследования о Неруде на разных языках. Телеграммы сообщают, что в 1962 году у него большие шансы получить Нобелевскую премию.

История с Нобелевской премией повторяется каждый год в октябре. И каждый год Рикардо Пасейро, маниакально клевещущий на Неруду, отправляется в Стокгольм. На сей раз Пасейро публикует «Открытое письмо Шведской академии». Газеты называют трех кандидатов на Нобелевскую премию по литературе: Неруду, Сартра и Беккета. В интервью Лихейе Балладарес Пабло говорит: «Нобелевская премия вовсе не главная мечта моей жизни». Дни, когда решается этот вопрос, он проводит, окопавшись в Исла-Негра, словно в осажденной крепости…

Неруде скоро будет шестьдесят, и его тянет подвести итоги. Он завершает сверхбиблейское пятикнижие, свою самую пространную и полную поэтическую автобиографию — «Мемориал Исла-Негра». Любопытно, что впервые она увидит свет в Италии в замечательной типографии Альберто Таллоне и его жены Бианки, женщины, которой Неруда искренне восхищался. Из Альпиньяно, местечка близ Турина, Неруда получает от Бианки траурное извещение: «Наш Альберто не смог ни прочитать твое письмо, ни напечатать твою книгу. Уже два месяца, как он покинул нас навсегда». Любознательный итальянец Игнацио Делогу уже значительно позже подробно расспрашивает обо всем Бианку. Этот чрезмерно любопытный, всюду сующий свой нос сардинец, весьма сведущий в испанистике и латиноамериканистике, вынюхивает тайны и вытягивает секреты. Его расспросы так или иначе вертятся вокруг смерти Альберто. Ему непременно надо заручиться свидетельством, чтобы потом оставить свой след в истории.

С любовью подготовленное издание первой части книги «Мемориал Исла-Негра» — «Там, где родится дождь» — в Италии появилось под общим заголовком «Итоги».

С 1962 года в «Себастьяне» поэт начинает борьбу против неминуемого: отправляется в долгий путь, в прошлое. Он заставляет машину времени вернуть его вспять, к началу дороги. «Мемориал Исла-Негра» предвосхищает в поэзии воспоминания «Признаюсь: я жил»; эти произведения — близнецы, но совсем не одно и то же. «Мемориал» охватывает пятьдесят восемь лет жизни поэта. В этой книге поэт начинает с самого начала, заставляет машину времени вернуть его в детство. Дорогу туда он забыл, но оставил, как это делают индейцы в лесу, зарубки, по которым находит обратный путь, хотя многие из них поглотил туман. «… Теперь, прожив уже немало, глядя на свое детство из

Вальпараисо, из 1962 года, вижу лишь дождь и мрачные тучи».

Пусть тот, кто хочет узнать нечто новое о Неруде, внимательно прочтет «Мемориал Исла-Негра». Это книга прямая и прозрачная. В ней — почти все, что он помнит, ничто им самим не опущено.

В «Мемориале» Неруда часто возвращается к уже рассказанным событиям, но смотрит на них под иным углом зрения. На поэта влияют даль времен и расстояние, повторяемость прожитого и ностальгия по прошлому.

Неруда вновь подтверждает, каков он есть. Нет, сеньоры. Сеньоры — его враги. Мы не продаемся. Я не сдаюсь. Он вновь шлет проклятия тиранам Америки. В его собрании сочинений эта книга занимает почти двести страниц. И она не закончена. Неруде остается еще двенадцать лет жизни. Он, разумеется, этого не знает. Зато знает, что «будущее — это пространство». Он смотрит вперед. Все, что ему осталось, он проживет в полную силу… Ошибки? Да. «Я коплю ошибки песни моей». Но он хочет выдумать море на каждый день. У него есть сад с цветами, каких нет на свете. Этот сад — треугольный.

140. Между турком и испанцем

Некоторое время спустя Лосада выпускает «Мемориал Исла-Негра», и Неруда заявляет, что, когда писал его, преследовал несколько целей, в том числе ему хотелось именно так отметить свое шестидесятилетие. Когда знаменательная дата наступила, он добавил, что своей новой книгой сознательно вернулся к «Собранью сумерек и закатов», «к поэзии, в которой ощущается течение каждого дня. Хотя в этой большой книге, состоящей из пяти томов, есть биографическая основа, я стремился лишь передать в ней радость или горе каждого минувшего дня».

Четвертый том — «Охотник за корнями» — посвящен испанскому скульптору Альберто Санчесу. Имя скульптора тоже появилось вскоре на деревянных балках, поддерживающих потолок в баре дома в Исла-Негра, рядом с именем Хикмета. Они не походили друг на друга. Оба отличались высоким ростом, но Хикмет был вообще крупным человеком с голубыми глазами — в нем смешалась кровь Европы и Азии. Он обладал чудесным характером, искрился умом и добротой. Альберто, длинный и худой, с суровым лицом, был «настоящей скульптурой Кастилии». Этот костлявый человек напоминал дерево кастильского плоскогорья. Когда-то он был пекарем. Возможно, первая профессия и научила его создавать необычайные формы, произведения, которые не попадали в музеи скульптуры, как,

например, «Птица моего изобретения». Этот смуглый, словно высеченный из камня испанец, чем-то напоминавший Дон Кихота, «должен был жениться, — говорит Неруда, — на женщине ясной и способной быть оруженосцем своего Дон Кихота». Так и вышло. Он женился на Кларе[193] Санче.

В Испании начала тридцатых годов творчество Альберто совершенно не понимали. Толедский крестьянин был своеобразным художником. Скульптуры Альберто ломали привычные представления. Его работы вместе с произведениями Пикассо и Миро украшали павильон республиканской Испании на Парижской выставке 1937 года. Там Пикассо выставил свою «Гернику», но, как вспоминает Неруда, люди изумленно замирали перед необычайным обелиском — Дон Кихотом без рук и без глаз, образом Испании, которая в то время находилась между жизнью и смертью.

Альберто вынужден был покинуть родину и уехать в Советский Союз. В Москве он делал декорации к фильму «Дон Кихот». В этом фильме за кадром звучит его голос, поющий старинные испанские песни.

Если мы с Нерудой оказывались в Москве одновременно, то всякий раз заходили к Санчесу либо в мастерскую неподалеку от университета, либо домой. Когда Неруда получил горестное известие о его смерти, он написал для «Сигло» две емкие, прочувствованные страницы некролога, достойные «великого Альберто Санчеса, болезненного и как бы окаменелого, костистого и железистого человека».

Однажды я, уже в который раз, оказался в Толедо. Нанес непременный визит в дом Эль Греко. Из сада виден не только весь этот единственный в своем роде город, но и его окрестности. В церкви Сан-Томе мы останавливаемся перед «Погребением графа Оргаса». Затем ищем другой толедский музей — музей Альберто Санчеса. И натыкаемся на закрытую дверь, что так вяжется со всем обликом этого человека, прошедшего по жизни почти неприметно, как незнакомец, узнать которого было нелегко. Но сейчас этот преобразователь основ, художник таинственный и ясный, «охотник за корнями», одна из скульптур которого дала название четвертой части «Мемориала Исла-Негра», заново открыт в родной Испании.

141. Запись актов гражданского состояния

26 апреля 1964 года, когда в Исла-Негра состоялось торжественное открытие бара «Альберто Рохас Хименес», Неруда велел вписать имя Альберто Санчеса железным острием на деревянной балке рядом с именами других умерших друзей.

Но Неруда не хотел, чтобы эта часть его дома, предназначенная для дружеских тостов, связывалась только с печальной мыслью о том, что жизнь проходит. Ему необходимо было, чтобы там присутствовала идея рождения. И потому день открытия бара совпал с крещением сына Рубена Асокара и Пракседес Уррутиа. Неруда взял на себя обязанности Иоанна Крестителя, но великий чилийский креститель погружал ребенка не в воды реки Иордан, а в величайшую купель планеты — Тихий океан. Дитя было окрещено святой водой, хотя и соленой. Поэт приготовил черновик свидетельства о крещении в стиле старинных писцов, записывавших в приходских книгах даты крещения младенцев мужского пола, а секретарь Омеро Арсе переписал его каллиграфическим почерком. Родители хотели назвать сына Висенте, но ученый Алехандро Липшуц, специалист по индейскому фольклору, настоял, чтобы новорожденному дали второе имя Лиентур. Пабло вспомнил свою «Всеобщую песнь» и поддержал это предложение.

С важным видом поэт закончил составлять свидетельство о рождении «нового человека Лиентура, сына Асокара и Уррутиа, соседей Королевы, проживающих на землях касика Тобалабы. Соль воды Великого океана придаст молодому Лиентуру мужество и красоту, сделает его достойным закаленного в боях отца».

Страсть Неруды устраивать браки вошла в поговорку. Он вмешивался в сердечные дела, хотя никто его об этом не просил. Ему доставляло удовольствие проникать в тайны одиноких душ и играть роль Купидона. Он сводил пары и бывал счастлив, если они соединялись. Такие молодожены могли твердо рассчитывать на бесплатный медовый месяц в на редкость романтическом и возвышенном приюте — в башне дома в Исла-Негра. Новобрачные начинали совместную жизнь в этом средневековом замке, под плеск океанских волн, в атмосфере приключений, окруженные картинами, изображавшими корабли и рыб, с неисчислимым количеством книг, которые могли читать, если, конечно, у них оставалось на это время.

По большей части влюбленные не подозревали, что попали в сети, расставленные поэтом. Приятельница Неруды в своих

откровенных, написанных sans façon[194] воспоминаниях «Неруда в Вальпараисо» рассказывает, что однажды Пабло решил выдать ее замуж за автора этих строк. Он изложил Саре Виаль все преимущества такого брака и составил план действий. Он от души хотел, чтобы друзья его были счастливы. Но Сарита, видимо, заупрямилась. Я-то узнал об этом лишь двадцать лет спустя, прочитав ее искреннюю и, без сомнения, правдивую книгу.

Но бывали случаи, когда Неруде удавалось устраивать свадьбы. Иной раз это оказывались настоящие, прочные браки, другие же распадались моментально, как только молодожены начинали совместную жизнь.

142. Свинцовый груз славы

Смерти, крещения, свадьбы, болезни…

Знаменитый человек болеет не совсем так, как другие. Однажды вечером мы сидели у Неруды и лишь время от времени перебрасывались словами, потому что у Пабло был жар и от слабости он с трудом открывал глаза. Однако он не отпускал нас. Мы, не сговариваясь, старались не шуметь, но и уйти пока не могли, так как знали: ему не хочется оставаться одному.

Вдруг вместе с писателем Висенте Херваси, тогда работавшим советником по культуре в Венесуэльском посольстве, входит молодая пара. Она хороша собой, как античная статуя. Оба специально приехали из Венесуэлы, чтобы познакомиться с Нерудой. А их божество лежит в постели, едва открывает глаза и с трудом шевелит губами. Его почитательница становится возле софы и начинает высказывать то, что, видимо, долго обдумывала. Она говорит о том, как восторгается его творчеством, как глубоко понимает его поэтические образы, как жаждет когда-нибудь почитать ему свои стихи и узнать его мнение. По ее голосу ясно, что она переживает самый значительный момент своей жизни. Говорит она со страстью, ее пылкий монолог до сих пор звучит у меня в ушах. Пабло по-прежнему лежит с полуприкрытыми глазами, как Будда. Наверное, ее голос доходит до него словно издалека, и он не в состоянии отвечать ей. Красавица продолжает свою речь, но, не получая никакого ответа, начинает сникать.

Мы понимаем, что происходит. В конце концов я решаюсь подойти к ней и прошептать на ухо: «Пабло болен». Я боюсь, что она, никогда прежде не видавшая Пабло, подумает, будто он всегда такой, иди истолкует его поведение как полнейшее к ней безразличие, или отнесет такой прием за счет его плохого воспитания либо недовольства появлением незваных гостей.

Но она, видимо, меня не слышит. Ни на кого, кроме Неруды, она не обращает внимания. И продолжает без умолку говорить, рассказывает, что первая же прочтенная ею книга Пабло указала ей «путь в Дамаск»; в подробностях излагает, как фанатично следит за его творчеством, сообщает, что все его статьи и стихотворения, опубликованные в каракасском «Диарио», она вырезает и хранит. Вероятно, она хотела таким образом победить его недоверие, внушить ему, что она истинная его почитательница и досконально знает его произведения. Она начинает декламировать стихи Пабло. Но тот по-прежнему отсутствующе молчит. Мы, его друзья, прекрасно понимали, что происходит. Муж красавицы держался несколько поодаль и на вид был сдержаннее. Мы сказали ему, что у Неруды жар. Он сумел объяснить это жене. Она с видом беспредельного разочарования ответила: «Никогда не думала, что поэт может быть таким».

Высказав это, она сделала единственное, что ей оставалось, — ушла.

Мы были в замешательстве. Оказывается, на Пабло лежал свинцовый груз славы, а знаменитость не имеет права болеть. Он обязан быть «рыцарем без страха и упрека», легендарной личностью, что казалось Пабло невероятно смешным. А в этом случае он только и мог, что давиться от смеха. Happy end[195]: несколько лет спустя Неруда в полном здравии поехал в Венесуэлу и очень подружился с супружеской четой поэтов, которая некогда явилась без предупреждения в дом на улице Маркес-де-ла-Плата, откуда жена вышла до смерти разочарованная. В Каракасе они проводили время в приятных беседах. Все были веселы и уплетали куропаток.

143. Итоги и самокритика

Неруда первым стал праздновать свои дни рождения — к этому он привык с детства. На его шестидесятилетие в Чили съехалось полмира, но, по правде говоря, того шумного торжества при стечении знаменитостей всего света, с каким отмечалось его пятидесятилетие, не вышло. На сей раз юбилей проходил с большей серьезностью. Много внимания было уделено анализу его творчества. Три журнала — «Мапочо», «Аурора» и «Алерсе» — целиком посвятили этому событию юбилейные номера. 12 июля 1964 года Неруда ответил на двадцать три вопроса газеты «Сигло» и сказал Раулю Мельядо: «Писать стихи для меня то же, что смотреть и слушать». Эрнан Лойола посвятил статью «Мемориалу Исла-Негра». Скрупулезный Хорхе Сануэса вручил

юбиляру «Полную библиографию сочинений Пабло Неруды и материалов о нем».

Вместе с Пабло я бывал на нескольких вечерах в Национальной библиотеке, посвященных его творчеству. Я слышал, как свободно, без всяких записей, он говорил, словно размышляя вслух или, точнее, разговаривая с одним-единственным собеседником. Я боялся, что никто не стенографирует его выступления, но кто-то все-таки сохранил его слова, казалось бы, непередаваемые на бумаге, которые поэт произносил так, будто искал выход из трудного положения. Позднее эти стенограммы опубликовал журнал «Мапочо» под названием «Некоторые импровизированные раздумья по поводу моих книг», которые полностью соответствовали и теме, и манере изложения. Это размышления человека, подводящего итоги, познавшего, что жизнь — это бесконечная спираль, каждая точка которой соотнесена с другими и со всей спиралью в целом. Шестидесятилетний поэт вспоминает поэта, еще не достигшего двадцати лет. В книге, которую он написал в девятнадцатилетнем возрасте или даже раньше, «очень много общего, — говорит Неруда, — с моими более зрелыми книгами». Он опять высказывает свою главную мысль: его поэзия — это своего рода дневник всего, что происходит во внешнем мире и во внутренней жизни поэта, но этими событиями ему просто необходимо делиться с окружающими. Различие между его юношеским творчеством и зрелой поэзией состоит в том, что в молодые годы он писал без определенной цели. Позже его поэзия стала целенаправленной, как и его жизнь.

Когда Неруда писал «Собранье сумерек и закатов», он переживал прилив чувства протеста. Он хотел писать стихи целыми циклами, которые охватывали бы все и вся, исходя при этом из единого центра; он претендовал на невероятную тематическую широту, которая заключала бы в себе его видение мира, хотя оно во многом проистекало из ослеплявшего его чувства пола, только что открывшегося ему во всей полноте. Первая попытка охватить жизнь, исходя из некоего изначального ядра, оказалась, по словам Неруды, его первой неудачей. Эта неудача называется «Восторженный пращник». Потому он и не публиковал эту книгу в течение десяти лет. Неруда признавался, что писал ее словно в бреду.

Я помню, как ошеломлены были слушатели в Национальной библиотеке, узнав, что «Восторженного пращника» он написал за одну на редкость спокойную ночь в то лето, когда жил у родителей в Темуко.

> «В этом доме я занимал почти весь второй этаж. Прямо перед окном была река и множество звезд, которые, казалось, двигались. Я писал это стихотворение словно в бреду, как бы — что бывало со мною в жизни очень редко — ощущая себя во власти некоего космического опьянения. Я верил, что добился одной из поставленных целей»[196].

На слушателей произвело огромное впечатление, что зрелый человек так критически говорил о себе самом — юноше семнадцати-восемнадцати лет. В переписке, которую он вел тогда с уругвайским поэтом Сабатом Эркасти, Неруда говорил, что полностью распростился с юношескими иллюзиями.

Эркасти ответил ему, что заметил в «Пращнике» свое влияние.

> «Для моего безмерного тщеславия этот ответ был как камень с неба»[197].

Неруда был совершенно растерян, так как по своей юношеской неопытности не понимал тогда, что главное не оригинальность, а самовыражение, которое достигается не без различных влияний.

Усвоив урок, Неруда возвратится к лично им пережитому, результатом чего станут «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния». Это самое известное произведение Неруды, согласно статистике, его прочитало наибольшее количество людей. Однако его создатель радовался меньше, чем читатель, потому что эта книга не отвечала тревожившим его представлениям о великой поэзии.

Он снова старается воплотить свою мечту в жизнь. На сей раз это «Порыв стать бесконечным». И — второй провал за два года. Название, которое недовольный автор считает претенциозным, говорит о величии его стремлений. Книга эта и не могла получиться такой, какой он хотел. Во всяком случае, к этому произведению, которое, как он считает, оценено меньше других, Неруда относится благожелательнее, чем к «Двадцати стихотворениям». По его мнению, у «Порыва» есть уже то достоинство, что она ясно показывает, какой путь он избрал в поэзии.

Неруда вспоминает, что в эти самые дни у него в руках оказалась рукопись уругвайского критика Эмира Родригеса Монегаля, которая впоследствии выйдет под названием «Недвижный странник». Неруда отверг приведенное критиком суждение чилийского писателя Хорхе Эллиота о том, что в

«Порыве» чувствуется влияние книги Висенте Уйдобро «Высоколенок». Неруда, незнакомый досконально с творчеством Уйдобро, в то время вообще не знал о существовании «Высоколенка». И кроме всего прочего, Уйдобро никак не мог влиять на него потому, что оба поэта очень непохожи друг на друга и придерживаются противоположных воззрений на поэзию. Неруда тогда не мог, да и не хотел писать в игровом стиле Уйдобро.

«Высоты Мачу-Пикчу» — это триумф упорства, здесь Неруда возвращается к идее цикличности, которая еще полнее реализовалась во «Всеобщей песни», где он решил использовать все технические возможности и даже ту, что приводила в ужас некоторых пуристов — самому превратиться в летописца современности. Эстетам это казалось какой-то пропыленной хроникой. А зачем пугаться пыли, ведь она такая же неотъемлемая часть земли и атмосферы, как дождь. Неруда расскажет о том, что сегодня происходит с человеком. Он не гнушается ролью репортера и временами прибегает к прямому поэтическому документу.

За сорок лет поэтической работы ему не раз приходилось встречать враждебное отношение. Естественные для поэта изменения стиля наталкивались на полное непонимание. Сначала саркастически отвергали его «Порыв», потом заклеймили «Местожительство» как темную и трудную для восприятия книгу, затем издевались над «Всеобщей песнью» за прозаичность. Еще позже подверглись нападкам «Виноградники и ветер», и не столько за географическую всеохватность, сколько за политическую направленность. Поэт понимает, что «неистребимая политическая идея затруднила восприятие этой книги многим читателям. Но я был счастлив, когда писал ее».

И каждый раз, когда он ломал свою форму, он наталкивался на непонимание, вновь и вновь его поэзию предавали анафеме.

«Мемориал Исла-Негра» — это возвращение к поэзии разнородной и чувственной, возвращение, которое никогда не повторяет уже пройденного пути, ибо не возвращается вспять само время. Неруда всегда двигается в одном направлении — к будущему. Только память и сердце могут помочь вернуться назад. К их помощи и прибегает Неруда. Однако это уже нечто иное, воссоздание, а не создание. Человек, которому исполнилось шестьдесят, может вспомнить себя восемнадцатилетним юношей, но стать таким же не может.

Кто упрекнет его товарищей-коммунистов, которые привыкли отмечать его дни рождения почти ритуально? Когда Неруде исполнилось шестьдесят, в его честь был дан обед, на котором с

речью выступил Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан. Он рассказал о поэте как о члене Центрального Комитета. Вспомнил, как бывал на популярных поэтических вечерах Неруды.

> «Каждый раз, когда я слышал, как он читает свои стихи народу: шахтерам Лоты, ткачам Томе, крестьянам Ньюбле, индейцам Понотро, Трауко и других селений, — я видел в их глазах блеск радости и понимания, рожденный его поэзией в людях, которых не озарил ни единый луч культуры».

Конечно, для тех, кто считает поэзию уделом избранного меньшинства, а народ — далеким от поэзии по самой своей природе, эти слова звучат профанацией искусства.

144. Товарищ Уильям

В том же 1964 году Неруда подарит нам перевод поэта, которого считает непревзойденным. 1964 год был не только годом Неруды, но и годом Шекспира. Чтобы почтить одного из своих кумиров, Неруда взялся за рискованное дело — перевод «Ромео и Джульетты». Когда Экспериментальный театр предложил ему эту работу, он сразу же загорелся. Он говорил, что берется за нее с полнейшим смирением. Ему хотелось склонить голову в знак почтения к своему товарищу по перу. Эта работа измучила его. Позже он сказал мне: «Никогда больше не возьмусь за такой труд».

Он вникал в зазоры между словами, и новым светом озарилась для него любовь несчастных молодых людей. Но он разглядел и то, что скрывалось за сияющим ликом их любви, за всесокрушающей страстью и беспримерным самопожертвованием, — «проклятие бессмысленной вражды». «Ромео и Джульетта» — это проклятие войне и мольба о мире. Тибальд отвечает Беневолио: «Не говори мне о мире, я ненавижу это слово». Для Неруды эта фраза ассоциировалась со словами Габриэлы Мистраль: «Мир — это проклятое слово».

Неруда должен был открывать шекспировский год в Чили, произнеся несколько слов перед поднятием занавеса и началом трагической истории любовников из Вероны.

Четыре века спустя он приветствовал своего коллегу-поэта, автора пьесы, и актеров словами, которые равно понятны и прежним, и нынешним зрителям:

> «Приветствую тебя, князь света! Привет вам,

бродячие гистрионы! Мы унаследовали твои великие мечты и мечтаем о том же. Твое слово — честь всей земли».

И добавил вполголоса, как бы на ухо Шекспиру: «Спасибо, товарищ!»

145. Синие от холода ножки

Когда они приехали в городок, там все были возмущены новостью, что останки Габриэлы Мистраль собираются извлечь из могилы и захоронить на территории детской площадки. Тогда Неруда и предложил перенести останки поэтессы в ее родное селение, где она хотела почить последним сном. Поскольку Неруда был президентом Общества писателей, члены общества приняли участие в исполнении последней воли Мистраль. Место захоронения выбрали удачно — с него открывался вид на всю долину. На могиле был только камень с высеченной надписью и несколько кустов герани. Тогда, 29 июля 1964 года, Неруда вспоминал, что где бы он ни встречал Габриэлу, она рассказывала ему о своем любимом холме, о своих тополях, о реках, бегущих по каменистым руслам на равнине.

> «…И когда она умолкла навеки, во исполнение долга мы перенесли ее туда, где начался ее долгий звездный путь. Она призывала нас позаботиться о босых ребятишках, до сих пор разутых».

Об этом рассказал Неруда во время предвыборной кампании 1964 года, когда поддерживаемый им кандидат — Сальвадор Альенде — сделался в Чили объектом неслыханных доселе нападок. Позже стало известно, что здесь не обошлось без вмешательства иностранных сил, владеющих крупным капиталом. Кроме того, Неруда особо подчеркнул необходимость новой культурной политики. Он говорил об этом и в беседе с Сальвадором Альенде, когда они вместе отправились в деревушку на Монте-Гранде посетить могилу Габриэлы. Они вспомнили о ее поэтическом завете: оберегать детей, обучать их и улучшать условия их жизни. И беречь их ножки, «посиневшие от холода». А ведь они все еще мерзнут.

146. Книга счастливого застолья

В этом году он снова едет в Европу. Как член Комитета

вручает Ленинскую премию поэту Рафаэлю Альберти. Но еще до этого он был удостоен звания доктора honoris causa философии и литературы Оксфордского университета. Южноамериканцу это звание присуждалось впервые.

Затем, в Будапеште, чтобы подытожить свой гастрономический опыт, он вместе с Мигелем Анхелем Астуриасом пишет одну из самых «аппетитных» книг, какие только приходилось писать в соавторстве выдающимся деятелям литературы. Она была названа ясно и просто — «Венгерская кухня» — и вышла на пяти языках в будапештском издательстве «Корвина». Иван Болдижар, автор предисловия к венгерскому переводу, вспоминает, что идея написать книгу возникла тогда, когда они вместе отправились пообедать в ресторан «Алебардщик». Все, что они перепробовали в этом готического стиля особняке в Замковом квартале Буды, так их вдохновило, что Неруда решил написать стихотворение, а Астуриас — повторить трапезу. На следующий вечер в столовой для моряков на берегу Дуная Астуриасу пришло в голову написать стихотворение, а Неруде вдруг захотелось облечь свой опыт в прозу. Каждый вечер они познавали Венгрию за обеденным столом, восторгаясь своими открытиями.

Так родилась книга о «счастливом застолье», книга со своими персонажами: Серым Монахом, Токаем, Бычьей Кровью. В этой вкуснейшей стране знали толк в индейском перце и паприке. Они отведали хмельной ухи. Перепробовали сногсшибательные блюда. Уютно расположившись в «Подвальчике короля Матяша», вилками выцарапали дату: 17 августа 1965 года. Поднялись в крепость. Напевая песенку, вышли из «Золотого оленя». Чокнулись в винном погребке «Мост». Во время одного из разговоров — не натощак, как двадцать два года назад Пабло беседовал с Федерико в Буэнос-Айресе, а под эскалопы с рисом и грибами — Неруда спрашивает с эпикурейско-ностальгической интонацией: «Помнишь такой же сад, такой же стол под ореховым деревом, дразнящий вальс „На волнах“, старые немецкие кружки, музыку и пиво нашей молодости?» Астуриас отвечает: «Что поделаешь, мне всё здесь — и атмосфера, и люди — напоминает мой старый квартал, где жила испанская знать, в знаменитейшем и достойном Сьюдад-де-Кабальерос». Они поднимают бокалы за жизнь и за тот день, когда всем в мире найдется место за столом.

Эта языческая книга написана прямо за обеденным столом, она рождена прекрасным застольем и дружбой, раблезианскими разговорами о кушаньях и винах, под мелодии цыганских скрипок. Ведь музыка дает свой привкус, звук воспринимается нёбом, приправа вызывает особые чувства, глаза различают запах,

и во всем этом — созидание, а литературный эксперимент рождает кулинарное творчество.

Это — разудалое сочинение, сборник прозаических и поэтических рецептов двух Нобелевских лауреатов. Страницы нашего поэта напоминают «Оду бульону из морского угря» или «Оду луковице», они явно принадлежат знатоку яств и напитков, лирику, романтику, материалисту, гурману, ценителю традиций и новатору, страстному кулинару, изобретателю кушаний и десертов, поклоннику секретов народной кухни, который слушает чардаш и поминает короля Матяша, смакует гуляш, не забывая о креольском рагу, красный перец сравнивает с зеленым, а спев вакхическую песню, вспоминает виноград своего детства.

Они пили старые желтовато-зеленые вина, какие, должно быть, подносят молодоженам перед первой брачной ночью. Они перепробовали все, что считается полезным и что врачи рекомендуют принимать при отсутствии аппетита и недомогании. «Бычья кровь» из Эгера и «Голубой стебель» из Бадачони придали им сил, кровь быстрее заструилась по их жилам.

Об этой книге говорили, что в ней чувствуется радость застолья, веселье души и сердца, гусарская бесшабашность, аромат мускатного и бургонского винограда, растущего в Венгрии и в центральных районах Чили, а Мигель Анхель, наверно, привнес в нее ароматы кофейных плантаций Гватемалы.

147. Воздушные змеи

Поэту — неисправимому большому ребенку — нравилось запускать воздушных змеев. В ветреные дни с Исла-Негра он отправлял в небесные выси гигантские цветные кометы, парившие в воздухе, точно орлы с распростертыми крыльями. Утром 18 сентября этим зрелищем начинался национальный праздник.

Но как-то раз он запустил змея и на пасху. На нем он написал:

> «Пабло Неруда поздравляет чилийских матерей с рождеством».

А внутрь вложил цветную оберточную бумагу от пасхальных свечей со своими собственными рисунками. И приписал:

> «Счастливого рождества и прекрасного 1965 года, но только с Володей на посту сенатора».

Ему все, даже предвыборная кампания, казалось игрой, разве что чуть более серьезной, чем обыкновенный запуск змея.

Агитировать за друга он готов был всеми возможными способами. Эту избирательную кампанию возглавлял он сам. Подписываясь, указывал все звания, словно никто не знал, кто такой Неруда: бывший сенатор республики, лауреат Национальной премии по литературе, лауреат Международной премии мира.

Змеев он начинил множеством одинаковых листков с различными текстами:

> «Разрешите написать Вам несколько слов… Это — письмо Вам от Пабло Неруды».

Должен сказать, что когда в коммунистической партии обсуждался вопрос о кандидатуре на пост сенатора от Сантьяго, единогласно решили выдвинуть Пабло Неруду. Когда ему об этом сообщили, он расхохотался:

> «Да ни за что на свете! Хватит и одного раза! Во второй раз — ни за что! Пусть лучше Володя!»

Начав предвыборную кампанию в пользу друга, он радостно втянулся в работу, принялся распространять с помощью воздушного змея послания, отпечатанные на оберточной бумаге. Но я-то верю, что он играл всерьез.

148. Ряженый

Всю жизнь он скупал всякий хлам, в доме у него скопилось несколько сундуков — их содержимого хватило бы на то, чтобы вырядить целый полк или всех участников маскарада. Обычно он доставал свои сокровища по праздникам. Кое-кто из гостей являлся уже в маскарадных костюмах, другие, более стеснительные, приходили к нему в строгих вечерних костюмах. Неруда стаскивает с них пиджаки и брюки, все, кроме носков и туфель, и наряжает арабскими шейхами, краснокожими индейцами, кокотками начала века, тирольскими певцами, гималайскими бонзами, парижскими апашами.

На его пятидесятилетие его приятельница Тереса Хамель разоделась Золотым петушком. Некий недоверчивый гость выдергивает у нее из хвоста самые красивые перья. Бразилец Тьягу де Мелу с удовольствием наряжается Александром Пушкиным. Из поэтов — да в поэты. Он очень горд успехом своего нового «я». По забавному стечению обстоятельств на балу его сопровождает не законная жена, а Анамария Вергара, которая старательно изображает Наташу Ростову, героиню романа «Война и мир». Кругами ходит граф Дракула, будто подыскивая себе

новую жертву. Карлос Васальо играет Супермена, а искрометная Кармен, приняв на себя роль завлекательной Далии, с ним кокетничает.

Главный ряженый повязывает башлык, накидывает на свою тяжеловесную фигуру бурку кавказских всадников с приподнятыми плечами, а на голову водружает каракулевую папаху.

Мы — люди скучные и появляемся без костюмов. Пабло протягивает руку и — вот он, чудесный сундук. Мгновение — и он, словно фокусник, извлекает оттуда накладную бороду и тюрбан. Элиане достается сари и маска. Неруда рисует ей на лбу красную точку. Моя Элиана будто только что из Пенджаба.

149. Гнев «paparazzi»[198] во время брачной церемонии

В один из тех дней, когда весна кажется почти летом, мы собрались дружеской компанией в Исла-Негра. Казалось, весь дом сверкал. Деревянная богоматерь с младенцем на руках ждала предстоящего события в столовой. Пират Морган, поглядывая на сервант с цветными бокалами, предвкушает свадебный обед. В каменном доме скрываются жених и невеста. Свечи горят, пастушьи подковы блестят среди фигурок из Токонао и африканских масок. Мы в напряженном ожидании сидим за столиками бара.

Дом в Исла-Негра окружен. У некоторых осаждающих в руках фотоаппараты. Эти — самые наглые. Они громко требуют, чтобы их впустили и разрешили делать снимки. Сегодня, 28 октября 1966 года, их интересует не столько дом, всегда так привлекающий фотографов; сегодня они хотят запечатлеть высокие договаривающиеся стороны: Матильду Уррутиа и Пабло Неруду во время брачной церемонии. За оградой — гвалт, там собралась целая толпа, а с появлением служащей из Отдела записей актов гражданского состояния, молодой девушки с двумя черными локонами, закрывающими ей уши и образующими нечто вроде вопросительного знака у нее на щеках, поднимается настоящий рев. С каждой минутой толпа становится все более напористой. Кое-кому удалось протиснуться сквозь прутья ограды; другие перелезают в самом низком месте эту странную конструкцию, представляющую собой архитектурную компиляцию различных эпох, и силой врываются в дом. Неруда просит меня выйти на переговоры к нападающим. Выхожу. «Что вам нужно? — спрашиваю я у них. — Свадьба — дело сугубо личное. Волю молодоженов надо уважать». «Пусть Неруда уважает

право свободной информации. И пусть не противится воле и священному праву желающих видеть бракосочетание известного человека».

Некоторые зашли еще дальше. «Он же коммунист». Кто-то добавил: «Поэт, а замашки тоталитарные…»

Кто-то смеется. Я предлагаю им компромисс: «Вам нужны фотографии самого бракосочетания? — Они у вас будут. Приглашен фотограф, он сделает снимки, а вы получите отпечатки».

Кажется, угомонились. Я возвращаюсь в дом.

В этот момент служащая с локонами спрашивает врачующихся, хотят ли они стать мужем и женой. Матильда в белом платье. Неруда в темном костюме с цветком в петлице, уголок носового платка выглядывает из нагрудного кармана пиджака. С обеих сторон стоят купидоны, познакомившие их друг с другом и способствовавшие их первым встречам: Бланка Хаузер, старая подруга Пабло и учительница пения Матильды, и Армандо Карвахаль, создатель Чилийского симфонического оркестра. Великий cacciatore[199] Мануэль Солимано нажимает на кнопку. Запечатлевает мгновение. Paparazzi не будут совсем разочарованы.

150. Благородный разбойник

Он пустился в два новых предприятия. Десять воскресений подряд он ведет еженедельную радиопрограмму. Кроме того, не забыв еще, как холодный пот прошибал его во время перевода «Ромео и Джульетты», он берется за еще более рискованную работу — пьесу для театра «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты».

Когда в одном из радиоинтервью его спросили, правда ли, что он пишет пьесу, он подтвердил это, однако тут же занял оборонительную позицию. Он сказал, что раньше покраснел бы, признавшись в авторстве произведения для театра: ему не симпатичны поэты, работающие кое-как и берущиеся за все жанры. Вряд ли они могут преуспеть хоть в одном. «Театр мне чужд: я уверен, что написал наихудшую пьесу». Тогда журналист нанес новый удар: «Наихудшую? Но тогда зачем вы это сделали? И о чем пьеса?»

Неруда ответил:

> «Несколько лет тому назад великий французский актер и режиссер Жан Луи Барро попросил меня написать что-нибудь для сцены. Я ему сказал: „Я всего лишь поэт, мне интересно только писать стихи. А кроме

того, мне совершенно неизвестно, как нужно писать для театра“. „Вот тут ты и ошибаешься, — ответил мне Барро. — Пиши свои стихи, а я сделаю из них пьесу“».

Этот уроженец холодного Юга, которому всегда нравится выдавать себя за человека с замедленной реакцией, в один прекрасный день проснулся: а почему бы и нет? И принялся писать романтическую поэму о благородном разбойнике, превратившемся в народный миф. Действие происходит во время «золотой лихорадки» в Калифорнии. В середине XIX века Хоакин Мурьета отправился туда вместе с другими чилийцами в поисках золота и нашел там страдания и смерть.

Этого человека, объявленного вне закона, как и героев многих других историй про благородных разбойников, считали своим национальным героем в самых разных странах. Даже чилийский историк Эухенио Перейра предполагает, что Мурьета был мексиканцем. Неруда, кавалер ордена Ацтекского Орла, оспаривает мексиканское происхождение Мурьеты. Он заявляет, что в 1849 году калифорнийский хлеб изготовлялся из чилийской муки, которую доставляли из Вальпараисо. Три тысячи его соотечественников добрались до Сан-Франциско, и в его окрестностях один из чилийских иммигрантов основал городок под названием Вашингтон. Поэт перечисляет факты со скрупулезностью историка. Хоакин Мурьета ищет защиты и добивается уважения прав своих соотечественников во времена разгула злобного расизма, когда к ним относятся как к «цветным», подвергают линчеванию и чилийцев, и мексиканцев. Закончилась эта история так: отрезанную голову Мурьеты выставляют напоказ 12 августа 1853 года в ярмарочном балагане в Сан-Франциско, взимая 25 центов за вход.

Автор утверждает чилийское происхождение своих персонажей. Но самое главное для него — облечь в поэтическую и театральную форму трагический миф о своем соотечественнике — «храбреце и несчастном бродяге», которого он изображает борцом против несправедливости.

Как часто бывает, незначительные жизненные впечатления, простой случай подтолкнули Неруду к творчеству для сцены. Во времена правления режима Габриэля Гонсалеса Виделы, когда Неруда был вынужден скрывать свое местопребывание, ему в руки попал потрепанный экземпляр «National Geografic Magazine»[200], где была воспроизведена афиша с объявлением о том, что на ярмарке выставлена голова Хоакина Мурьеты, — факт, доселе Неруде неизвестный. Во время путешествия по Калифорнии Неруда посетил места, связанные с Мурьетой, собрал материал.

С другой стороны, на решение Неруды вывести этого героя на подмостки повлияло мнение Матильды. Однажды, читая стихи о Хоакине Мурьете из тогда еще не изданной книги «Баркарола», она воскликнула: «Пабло, но это же готовая пьеса!» «Вот еще, — ответил он. — У меня случайно так вышло». Но все-таки решил написать драматургический вариант, и так появился на свет этот гибрид, который одни называют кантатой, а другие — драматической поэмой.

Незадолго до этого в Сантьяго демонстрировался американский фильм «Мурьета», в чилийском прокате он назывался «Последняя месть» и рекламировался как душераздирающая трагедия: «Человек, потопивший в крови целый городок», «В душе он хранил тайну о причинах хладнокровных убийств», «Изнасиловали и убили его жену!», «В отместку он уничтожит всю Калифорнию».

Вечером 14 сентября 1967 года tout-Santiago[201] собрался в театре «Антонио Варас». Сгорая от нетерпения, мы сидели в партере и ждали начала грандиозного спектакля в постановке труппы Театрального института при Чилийском университете. Приехали ex profeso[202] Гонсалес Лосада, буэнос-айресский издатель Неруды, аргентинский кинорежиссер Леопольдо Торре Нильсон, писательница Беатрис Гуидо, верная подруга Маргарита Агирре, певец Леонардо Фавио.

В интермедии Виктор Хара пел песни на слова Неруды и музыку Серхио Ортеги. Сопрано Матильда Бродерз спела традиционную чилийскую «Баркаролу», песню неизвестного автора XIX века, Керри Келлер исполнила спиричуэл.

Режиссер Педро Ортоус и сценограф Гильермо Нуньес сделали именно то, что предложил Жан Луи Барро. Постановка пьесы Неруды стоила Ортоусу большего труда, чем работа над постановками «Фуэнте Овехуны» Лопе де Веги, «Дяди Вани» Чехова, «Двенадцатой ночи» Шекспира, «Соломенной шляпки» Лабиша, «Врага народа» Ибсена, «Святой Иоанны» Бернарда Шоу. Задача перед ним стояла, скажем прямо, титаническая — превратить пьесу в массовое театральное действо, что он уже пытался раньше осуществить в «Фуэнте Овехуне». Он соединил все сценические жанры: и актерскую игру, и танцы, и пение, и пантомиму. В пьесе Неруды он увидел возможность ввести в спектакль любые приемы, способствующие зрелищности. Неруда просил его письменно и устно, чтобы постановка прежде всего будила воображение. Режиссер привнес элементы греческого хора, мюзик-холла и народных празднеств в Ла-Тиране.

Серхио Ортега, автор песен «Когда мы едины, мы непобедимы», «Венсеремос» — самых известных гимнов

чилийского народа второй половины XX века, замечательный композитор, написал музыку для «Мурьеты». В финале он появлялся на сцене в темно-фиолетовом артистическом костюме. Опираясь на фольклорные мелодии северных областей, он сочинил песни исторические и драматические, особо бережно относясь к поэтическому тексту.

Хореография спектакля, разработанная Патрисио Банстером, была решена в разных стилях. Он ввел женские хоры, наподобие древнегреческих, и тут же резким контрастом — хоры расистской североамериканской секты «Борзые псы», использовал музыку кабаре, фольклорные мотивы и разработал тему для балетных номеров.

Спектакль шел во многих странах и на разных языках. С горящими глазами Неруда рассказывал мне о польской постановке. Ему понравилась свободная трактовка указаний автора, целиком направленная на то, чтобы достичь максимальной выразительности, выявить основную идею театральными средствами.

Свобода интерпретации зашла так далеко, что появились еще более смелые постановки, превращавшие пьесу в рок-оперу или в своеобразнейший фильм — предприятие, возглавленное авторитетным переводчиком поэзии Неруды на русский язык Павлом Грушко, который, учитывая сделанные нововведения, добавил к названию «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» подзаголовок: «По мотивам Пабло Неруды».

Конечно, автор пьесы не имел бы ничего против, ведь он говорил, что —

> «…произведение это — трагическое и отчасти бурлескное. Оно может быть решено как мелодрама, опера, пантомима. Я говорю об этом режиссеру, чтобы он не боялся выдумки, смелее искал образы, костюмы и декорации».

Возбуждающий споры, многоликий образ Мурьеты до сих пор бродит по Калифорнии, кочует из сценария в сценарий. Такая свобода, несомненно, обрадовала бы автора, если бы он мог это видеть.

151. Х. С

В окружении Неруды существует кто-то, кто всегда рядом, но незаметен, скажет иной раз несколько слов, часто загадочных, и исчезнет, будто испарится; кажется, главная его черта —

предельная скромность. Маленького роста, со светло-карими ясными глазами, смотрящими застенчиво и вопросительно, он исчезал, чтобы выполнить ряд заметных и незаметных дел. Самыми важными были обязанности секретаря Неруды — работа, которую он взвалил на себя из любви к литературе, преклонения перед поэтом и желания помогать Неруде приводить в порядок бумаги и книги. Когда был основан Фонд Пабло Неруды по изучению поэзии, он разбирал архив, готовил списки инкунабул, составлял хронологические таблицы жизни поэта, составлял библиографию, выписывал материалы из журналов и газет. Иногда он совсем исчезал из виду, и казалось, он часами спит в библиотеке с открытыми глазами. Он влюблялся в красивых и недоступных женщин. Когда они приходили со своими мужьями, он оставался их верным рыцарем. Его тревожило, что из города на реке Потомак велся организованный подкуп латиноамериканской интеллигенции, и он сообщал мне подробные сведения об этой гигантской паутине. Он хотел написать книгу о Неруде. Может быть, он вспоминал об Эккермане, дни напролет беседующем с веймарским поэтом. Но в возрасте сорока трех лет, 17 июля 1968 года, он, Хорхе Сануэса, умер, почти никем не оцененный, на больничной койке. Неруда понимал сдержанность, с какой он жил и умер, и посчитал излишним полностью давать его имя в названии посвященного ему стихотворения, озаглавив стихи только инициалами.

152. Птахи и пташки

В перерывах поэт пишет книги о летающих объектах. Но не о тарелках. Не о самолетах и не о космических кораблях. Он пишет о птицах: об альбатросах, орлах, пеликанах, бандурриях, пустельгах, перепелах, кондорах, бакланах, американских соловьях, чилийских чиригуэс, попугаях, дьюках. Однажды, когда он был ребенком, в кроне вечнозеленого ульма он увидел розовокрылого ангела. То был фламинго. Его поразила цапля, спящая с открытыми глазами. Потом он знавал ласточку, которая, возвращаясь в Исла-Негра каждую весну, приносила ему новости. Перед глазами вечно вились неизменные его подруги — чайки.

Ребенком он любил щегла и чилийского скворца-лойку с окровавленным сердцем. Он вспоминал, что в юности, когда жил в Темуко, его называли «ястребом». Его черный плащ распахивался и захлопывался, как зонтик. Поэта всегда волновали и трудолюбивое «тук-тук» дятла, и разнообразие птичьего полета, и запах куропатки, и трепещущее парение сокола, в любой момент готового упасть камнем вниз. Ему нравились колибри,

кельтеуэ, жаворонок с длинным хвостом и лесная арауканская голубка — ее он обожал с детских лет.

Но его интересовали и загадочные, выдуманные им «птицеобразные»: «дуроптица», «птица она» (Matildina Silvestre), «птица я» (Pablo Insulidae Nigra). Поэту казалось, что и сам он — птица. Поэт, воспевающий птиц, поэт народный, поэт деревенский, он воображал себя птицей, летящей высоко над землей. Он чувствовал, что его душа крылата и ничто ее не остановит. Он разглядывал птиц с тех пор, как родился. Стоя у окна своего дома в Исла-Негра, он подолгу смотрел на них.

153. Дом под голубым флагом

Я столько всего видел в Исла-Негра, что одному его описанию должен был бы посвятить целый том. Неруда сочиняет «Дом на песке». Восемьдесят или девяносто процентов этой книги — проза. Из стихов — только «Зуб кашалота» и «Любовь к этой книге». Он всегда вспоминает магазин «Ключ» в Темуко, куда неграмотные индейцы находили дорогу по огромному изображению ключа. Вещи пропадали. Этот ключ стащил он сам. Зато и у него все крадет океан, хотя океан все-таки вернул ему и ключ от дома, и выпачканную в песке шляпу. В этом доме на песке он столько раз спасался от шумихи вокруг Нобелевской премии, которую ему никак не присуждали. А когда наконец присудили, он жил не в своем доме — в мрачном особняке Чилийского посольства во Франции.

Неруда вспоминает, как первый раз увидел дом в Исла-Негра. Они ехали верхом по пустынному берегу. Впереди дон Эладио Собрино пересекал вброд залив Кордова. Приехали под вечер. Дон Эладио вскоре умер. Дом разросся. Неруда написал имя дона Эладио на кирпичном камине. При перестройке дома испанский республиканец Херман Родригес был главным архитектором. Дон. Алехандро Гарсиа — старшим мастером. А Рафита был поэтом плотницкого дела. На деревянных балках бара Рафита почерком Неруды вырезал имена его усопших друзей.

В дом попадали медузы, фигуры с носовой части разбитых кораблей. Одна из них своим торжественным видом и развевающейся по ветру туникой напоминала Неруде Габриэлу Мистраль в Темуко. На крайнем Юге он обнаружил доску с надписью «Сирена из Глазго» с почерневшего от времени корабля, который сошел со стапелей в 1866 году и закончил службу, перевозя уголь в южных водах Чили.

Купленная на Блошином рынке, перед домом стоит «Мария Селесте», деревянная скульптура плачущей женщины. Здесь и

«Новия», с изъеденным морскими туманами лицом, и «Ла Цимбелина», глубоко ушедшая в песок, и «Ла Бонита» с ее «отважным лицом, кукольными формами и пустым сердцем». Чуть раньше, в 1964 году, появилась грузная «Микаэла».

Поэт чувствует себя больше чем капитаном. Если он живет в Исла-Негра, дом сияет счастьем, будто дворец, когда в нем обитает король или президент республики. Тогда на мачте реет голубой флаг с рыбкой посредине, обведенной двумя окружностями.

В патио лежит якорь, привезенный из Антофагасты. Не в глубинах моря, не в песках — в знаменитом Исла-Негра покоится он. Понадобились четыре быка, чтобы дотащить его сюда.

Возле якоря отдыхает старый локомобиль, привезенный с родного Юга; он рычал, как паровоз, и старательно пыхтел на урожайных землях, на которые зачарованно смотрел маленький Неруда, проезжая мимо на отцовском поезде. Локомобиль молотил зерно, пилил лес, дымил, испуская огонь из пасти. Неруда говорит, что локомобиль ему нравится — «похож на Уолта Уитмена».

Ограда, через которую лезли охотники за новостями, была первоначально поставлена для того, чтобы два пса Неруды по кличке Панда и Юфу кощунственно не задирали овец — собственность близлежащей семинарии в Пунта-де-Тралка. Ограда — видно с первого взгляда — не похожа на стену средневекового замка. Зато собаки могут быть настроены вполне антиклерикально.

154. Колыхание «Баркаролы»

Неруда публикует «Баркаролу» с посвящением Матильде, «благоуханной чилийке». Книга овеяна любовью. Неруда вспоминает те дни, когда он, капитан, сочинявший стихи, прятался под черной маской. Любовь на Капри, сны, ностальгия изгнания, возвращение, Альберто и Ольга Мантарас — добрые уругвайские друзья, давшие им приют в своем доме на атлантическом побережье…

Затем появляются стихи, вызванные к жизни телеграфными новостями: «Землетрясение в Чили». Чтобы спугнуть кошмары, Неруда выходит на рю-де-Ушет, маленькую, как плод граната.

Приходит еще одна новость, не менее страшная, чем предыдущая: умер Рубен Асокар. В память о нем Неруда пишет поэму «Корона архипелага». В ней столько же нежности к своему духовному брату, родному брату нелюдимой Альбертины, сколько и язвительных выпадов против того негодяя, который «во

имя литературы оставил его заложником без денег и одежды в грязной дешевой гостинице».

Неруда, как и другие знакомые мне поэты, слушал музыку редко. Однажды, к своему удивлению, я застал его за прослушиванием обеих сторон long-play[203]. То была не симфоническая музыка, не Карузо и не Мария Каллас. То были торжественные ростовские звоны. Пластинку прислали издалека. На следующий день он написал «Колокола России». Военный набат, мирный благовест, свадебные колокола. Он был потрясен. Его, казалось, завораживали эти звуки, эти колокольные перезвоны. «Заплачем, набаты, запляшем, набаты, / споемте, набаты, восславим / бессмертье любви, / это солнце, луну, океаны и землю — / осанну споем человеку!»[204]

В этой же книге будет воспет и лорд Кокрейн, первый адмирал чилийского флота, и Артигас{147}, который веком раньше произнес ту скорбную фразу, которую любил Неруда: «Горький труд изгнания».

От рассвета минувшего века он перейдет к заре будущего — к астронавту.

155. Трутрука[205] и трубадур

Новый поэтический год начинается уже 10 января, встречей со «звездами» на стадионе «Натаниэль» в Сантьяго. Жара стоит невыносимая. Хосе Мигель Варас берет микрофон и требует тишины. Поэты сидят на своих местах, перед ними лампы и стаканы с водой. Неруда говорит: «Евгений, я приглашал тебя не на рыцарский турнир, но я стану твоим оруженосцем, буду переводить твои стихи». Евтушенко читает первое стихотворение — «Море», — переведенное Нерудой. Евтушенко и актер, и декламатор, и мим, его чтение — целый спектакль; к такому мы не привыкли, и публика приходит в полный восторг.

Неруда же читает стихи совершенно иначе. Наш поэт придает течению слов медленный разбег, и они звучат чуть гнусаво, как музыка трутруки. «Ты родился на бедном Юге, откуда родом моя душа».

Евтушенко — совсем иной, он скорее похож на трубадура или жонглера, но все в его стихах пронизано смыслом. Он читает «Людей неинтересных в мире нет», «Нежность», «Бабий яр», «Симбирская ярмарка», другие стихи. И заканчивает «Харьковским гранитом».

Большая часть стихов переведена Нерудой. В случае с Евтушенко — а он прилично говорит по-испански — перевод авторизован. У Неруды страсть к переводам. Обычно он

переводил с французского и английского. Это занятие привлекало его с юности. Он переводил Райнера Марию Рильке, Джеймса Джойса, Уильяма Блейка, Уолта Уитмена. Позднее он переводил стихи своих друзей: Назыма Хикмета, Стефана Хермлина, Уолтера Лоуэнфелса, Тьягу де Мелу. Классика тоже интересовала его — будь то Адам Мицкевич или Шарль Бодлер.

В замысле у него издание книжной серии, в которой увидит свет «Х. М. К., несчастный гусар». В эту книгу войдут воспоминания Мануэля А. Пуэйрредона, а также стихи и песни, посвященные жизни и смерти дона Хосе Мигеля Карреры. Он задумал опубликовать по крайней мере двадцать забытых, малоизвестных книг, связанных с Чили, Латиноамериканским континентом и с поэзией.

156. Малаколог

Общественное признание Неруды растет и ширится: его почитает не только интеллектуальная элита, он становится народной легендой. Когда в 1968 году он снова приезжает в Колумбию, какой-то журналист вспоминает фразу, которую относили к Виктору Гюго: его поэтическое слово сильней рева толпы. Оно открывает в нас «способность проникать в тайны прошлого и загадки будущего».

Заголовки газет: «Апофеоз на чтениях Неруды». В Манисалесе те, кому не удалось прорваться в театр «Лос Фундадорес», так прижали Неруду, что ему пришлось спрятаться за грузовик. Толпа навалилась и раздавила стеклянные двери, осколками поранило одного служащего и нескольких пытавшихся войти зрителей. Неруда начал стихотворением «Человек бродит под луной» и закончил стихотворением «О моем дурном воспитании».

В том же году 8 апреля ему вручают медаль имени Жолио-Кюри в Муниципальном театре Сантьяго. Поэт сказал: «Имя на этой медали куда шире, чем вся моя грудь».

Он публикует в «Эрсилье» статью «Пространные рассуждения о жуках». Сообщает о результатах собственных исследований в Исла-Негра. Он глядел в микроскоп и открывал мельчайшие тайны природы. Ему нравилось быть исследователем — и в первую очередь исследователем живых существ. Его страсть к коллекционированию объяснялась не зудом накопительства и не стремлением к частной собственности, ведь он подарил свои коллекции организациям, которые, по его мнению, приносили пользу обществу.

Еще за несколько лет до того я убедился в особых талантах Неруды, когда однажды к нему в Мичоакан приехал английский

ученый Джулиан Хаксли, исполнявший в ту пору обязанности генерального директора ЮНЕСКО. Когда он вошел, оказалось, что он плотного сложения, ростом выше своего брата Олдоса и наделен той невозмутимостью и самообладанием, что присущи некоторым английским интеллигентам. Гость пристально разглядывал хозяина, словно изучал это редчайшее человеческое существо, встречающее его в такой необычайной обстановке, и прямо с порога заявил: «Меня вы больше интересуете как малаколог, чем как поэт». Неруда повел его смотреть раковины и сверкающих бабочек. Я прислушивался к неожиданному диалогу. То была беседа двух ученых, знающих все об этих тварях морской и воздушной стихий. Они запросто сыпали латинскими названиями. Я понял, что Неруда обладает познаниями, о которых я раньше и не подозревал. Мне стало ясно, что его книги о птицах, его мудрость по отношению к земной и океанской фауне, его всесторонние познания о растениях, — не плод поэтического вымысла, они основывались на глубоком изучении предмета, внимательных наблюдениях и неутомимом чтении.

Достигнув теперешнего своего возраста, он окончательно примирился с Висенте Уйдобро in absentia[206]. Они были людьми и поэтами совершенно противоположного склада. Но Неруда снял шляпу перед тем, кто открыл окна чилийской поэзии благодатным ветрам. Он пишет об этом в статье, опубликованной в журнале «Эрсилья» 7 февраля 1968 года. И еще более определенно он высказался в предисловии к антологии поэзии Уйдобро, которая должна была печататься в Бельгии, но увидела свет только после смерти Неруды.

157. Немного философии

Путешествия, возвращения… Поэт сочиняет в автомобиле, в поезде, в самолете, за столом, дома в кровати, пишет от руки — и вот он с благодарностью вручает вам новую книгу «Руки дня», где кается, что он, мол, и метлы не смастерил теми руками, что дал ему господь. А хочется все делать самому. Он сожалеет, что не участвовал в сотворении моря. Он заботится о том, чтобы каждый человек имел свое место в жизни. Ему становится понятно: существуют руки со знаком минус — те, которые ничего не создают. Холод — и тот творит. Ведь огонь — порождение холода. Но больше всего Неруда восхищается звонарями, изготовителями знамен, железных шпателей, ободьев для бочек. Он знает, что временем, телом и словом надо пользоваться с умом. Потому что — боже мой! — мир заселен пишущими людьми. А сколько мертвечины создано ими! Пусть будет больше рук, умеющих

работать по-настоящему — делать вино, создавать песнь.

Его желание — быть полезным обществу. Когда один журналист его спросил:

— У вас много разных увлечений, какое из них вам больше всего нравится?

— Строить, — ответил Неруда.

— Как бы вы хотели провести свою дальнейшую жизнь?

— Так же, как прежде, так же, как всегда: писать стихи.

— Если бы вы могли сделать человечеству какой-нибудь подарок, что бы вы выбрали?

— Лучшим подарком было бы восстановление подлинной демократии в США, то есть освобождение этой страны от сил реакции, которые обагряют кровью даже самые отдаленные земли. Такая великая страна, отказавшаяся от политического и экономического господства, была бы большим подарком для всего мира.

Любой повод хорош для праздника. Некруглые даты тоже годятся. К своему 65-летию Неруда публикует новые книги. Чилийская академия языка, такая неповоротливая, наконец выбирает его своим почетным членом. Академия так долго тянула по политическим причинам. Неруду никогда не интересовало членство в академии. Но поскольку мир в этой бесшумной войне был подписан, Неруда произносит с полуулыбкой, что он постарается придать языку «сияние и блеск».

Неруда в отличие от многих писателей и подобно другим — немногим — считает, что разговорами о литературных планах можно сглазить еще не написанные произведения и тем самым погубить их. Однажды он решил стать выше предрассудков. Несмотря на предупреждение Матильды, которая пыталась остановить его: «Пабло, ты ведь никогда не рассказываешь о том, что собираешься писать», он не прислушался к мудрому совету и сказал: «Когда я закончу книгу, которая выйдет к моему дню рождения, я сразу же начну другую, поэтико-исторического характера. Я расскажу о восстании рабов в Чили в XVIII веке». Эта книга так никогда и не была написана. Он ее сглазил. Должно быть, толчком для этого замысла послужил «Бенито Серено» Германа Мелвилла, которого вдохновили те же события.

К этому времени произведения поэта перевели на пятьдесят языков; исследований, посвященных ему, насчитывалось несколько тысяч. Он — живой классик. Когда Неруде исполнилось шестьдесят пять, журналист его спросил:

— Совершали ли вы ошибки, в которых раскаиваетесь?

— Я написал несколько глупостей. Когда меня упрекают за них, я соглашаюсь, но при этом смеюсь.

— Вы имеете в виду стихи, посвященные президенту? Вы его выбрали, а он объявил коммунистическую партию вне закона.

— И это тоже. Человеку свойственно ошибаться.

— Что вам доставило в жизни самое большое удовлетворение или радость?

— Моя предвыборная кампания и когда меня выбрали на пост сенатора от Севера.

— А не литературные и не личные переживания?

— Нет… За всю мою жизнь со мной ничего подобного не было. Я не гожусь в сенаторы, но я человек Юга, а тогда я открыл для себя сухую и бесплодную пампу, ее людей, ее страдания, и это было незабываемое впечатление. Не знаю, есть ли в мире люди более беззащитные. Идя по мертвой земле, они хоронят своих мертвых с песнями. Ничто не может сравниться со счастьем — и болью — этого открытия.

Журналист спрашивает его, как бы он определил свою жизненную философию. «Нельзя быть счастливым, если не борешься за счастье других. Никогда не избавишься от угрызений совести, если обладаешь тем, чего лишены другие. Человек не может быть счастливым островом. Это, конечно, не вся моя философия, но это самое важное в ней».

За несколько дней до 65-летия, 30 июня 1969 года, четыре журналиста — Хулио Ланцаротти, Аугусто Оливарес, Эмилио Филиппи и Карлос Хоркера — задавали ему вопросы для передачи по 9-му телеканалу. В этом интервью Неруда рассказал, что книга, которую он подарит себе на день рождения, называется «Светопреставление». Когда его спросили о том, как он работает, он ответил: «Я бы сказал, что моя система работы — это белая бумага и зеленые чернила. А если серьезно, то я работаю только по утрам. Я не могу работать после полудня, поэтому работаю каждое утро или почти каждое — такая уж у меня привычка или режим, не знаю, какое слово вам больше нравится».

Он сказал, что решил заняться поэзией, так как ничего другого делать не умеет. А то, что ему удается жить литературным трудом, — это просто счастливое стечение обстоятельств. Но все же спрос на его стихи никак не сравнить со спросом на пользующиеся успехом романы.

На неизбежный вопрос, не стесняет ли его членство в политической партии, не подрезает ли ему крылья и не направляет ли его творчество в определенное русло, Неруда ответил:

> «Партия никогда не требовала от меня никаких изменений в моих произведениях, никогда не просила

писать в какой-либо определенной манере. Это просто одна из многочисленных легенд».

А тем, кто его обвиняет в буржуазном образе жизни, в чрезмерном благополучии, тем, кто сомневается в его чувствах борца, Неруда отвечает вопросом на вопрос. Разве не понятно, что поэт ангажированный, как он, должен был отразить многие попытки враждебного лагеря соблазнить и подкупить его. Так кто же здесь бесчестен?

158. Знаменосец

Политика заставила его покинуть Исла-Негра. В 1969 году в Чили уже ощущалась предвыборная атмосфера. Людьми овладевало предчувствие перемен; но силы, жаждущие этих перемен, были раздроблены. В это время среди левых партий не существовало единого мнения о том, кого выдвинуть кандидатом на пост президента республики. Было несколько предложений. Некоторые полагали разумным привлечь голоса коммунистической партии, которая считала, что единство будет достигнуто на втором этапе выборов, и тогда все левые силы сплотятся вокруг одного знаменосца. В этих обстоятельствах обдумывался тактический ход: выдвинуть такого человека, который не участвовал бы в выборах, но способствовал бы сплочению левых сил и открыл бы путь для единого кандидата.

Анализируя обстановку, некоторые члены политической комиссии решили выдвинуть меня возможным кандидатом на пост президента. По разным причинам такой выбор показался мне ошибочным. У других товарищей было больше заслуг и званий. Но главное, существовал один, как нельзя лучше подходящий кандидат, наиболее полно воплощавший в себе чувства народа, — Пабло Неруда. Было предложено обсудить этот вопрос с ним. Убедить его представлялось делом весьма сложным. Меня направили переговорить с ним. Я приехал в Исла-Негра выяснить его настроения и был готов обрисовать ему истинное положение вещей: его кандидатура пройдет не весь путь, а только половину. Мы понимали, что это означало оторвать его от литературной работы и бросить в политический водоворот. Но он немедленно согласился, с юношеской готовностью взвалил на себя тяжелое бремя, будто речь шла о великолепном приключении.

Через несколько дней мы вернулись в Исла-Негра с Луисом Корваланом.

Единогласным решением шестидесяти пяти членов Центрального Комитета Пабло Неруда был избран кандидатом от

коммунистической партии на пост президента. Пленум начался во вторник 30 сентября в 17.00. Помощник Генерального секретаря Оскар Астудильо внес предложение от имени Политической комиссии и Национальной комиссии по контролю и кадрам. Спросил, имеются ли у кого идеи или сомнения относительно предложенной кандидатуры. В 18.30 мне поручили сообщить новость многочисленным представителям радио, прессы и телевидения, а также иностранным корреспондентам, ожидавшим в холле Центрального Комитета, рядом с залом, где проходил пленум.

Растянувшись на несколько кварталов, толпа плотно забила улицу. Заколыхались флаги, транспаранты, разноцветные султаны и платки, вспыхнули бенгальские огни, факелы, затрещали шутихи. Виктор Хара запел «Молитву пахаря». Патрисио Манне исполнил «Последний час». Выступали Роландо Аларкон и Эктор Павес, Апаркоа и ансамбль «Мильярай» с Габриэлой Писарро.

Когда новость достигла Вальпараисо, Консепсьона, Темуко, там прошли демонстрации с лозунгом: «Неруду, Неруду приветствуем повсюду!» То же самое происходило почти во всех городах и селениях Чили.

Однако не всем это пришлось по душе. Руководитель Национальной партии, пытаясь пророчествовать, сокрушался по поводу этого выбора. «Либо мы будем заниматься политикой, либо литературой». Адольфо Бальяс добавил: «Я искренне считаю, что наша страна потеряла одного из своих лучших претендентов на Нобелевскую премию. Лично я думаю, что Пабло Неруда действительно ее заслужил». Газета «Насьон» писала о «новом появлении Пабло Неруды в обществе… о его осмотрительном, приятном и вполне буржуазном поведении». Газета обратила внимание на «ароматный дым курительной трубки кандидата» и уверяла, что Неруда говорит, как гринго[207].

В конце сентября Генеральный секретарь компартии, выступая с балкона второго этажа на Театинос, 416, объявил собравшимся:

> «…Центральный Комитет партии единогласно решил выдвинуть кандидатом передового борца… Неруда, выдающийся человек, избран кандидатом для великого предприятия: он призван воплотить в жизнь революционные чаяния всего чилийского народа. Мы не говорим: или Пабло Неруда, или никто… Мы согласны сотрудничать со всеми другими левыми партиями и пригласить четырех кандидатов от других народных

партий, чтобы объединиться всем ради той же цели».

Когда выступил Неруда, он назвал себя сыном единой семьи трудящихся.

> «Я — чилиец не только по месту рождения, но и по любви и долгу… Поэтому я возлагаю на себя обязанности кандидата. Я хочу, чтобы моя пламенная любовь укрепилась единством народа… Поэтому я не буду запираться в башне из слоновой кости, а буду в высшей степени активен, и когда мою кандидатуру признают во всей стране и выдадут мне мандат, народ воспользуется мною, чтобы учредить власть Народного единства в каждой провинции, в каждой деревне, на каждой шахте или на поле».

Говоря о выдвижении кандидатуры Неруды, один сенатор — представитель христианско-демократической партии — заметил: «Я думаю, что при той ситуации, которая сложилась сейчас на президентских выборах, моим кандидатом будет не Радомиро Томич, а Клаудио Аррау. Ведь он замечательно играет на рояле». Неруда посмеялся над этой шуткой, но при этом сказал, что более остроумным ему показался комментарий газеты «Сигло»: «Хорошо, что поэзия наконец войдет в Ла Монеду. Предыдущие правительства были песнями без слов».

И снова вопросы:

— Не кажется ли вам абсурдным, что в такое время, как сегодня, когда управление — дело совсем не простое, в стране, которая стремится быть современной, кандидатом на пост президента страны выдвигают поэта?

— Я с юношеских лет был человеком политики. Я никогда не переставал им быть. Я вовсе не был далек от политики, как утверждают некоторые. Мне осталось только «делать политику».

Он успокоил журналиста, озабоченного тем, что политическая деятельность плохо повлияет на количество и качество его поэтических произведений.

— Поэзия сильнее всех дел и поручений, которые мне предстоит выполнить. Она — живая часть моего существа, и я не могу от нее отказаться. Сегодня невозможно знать, будет ли завтрашнее стихотворение хуже или лучше, но я уверен, что я его напишу.

— Не считаете ли вы, что эта предвыборная кампания окажется для вас непреодолимым препятствием на пути к Нобелевской премии?

— Я не знаю, случится ли это. Мне совершенно неизвестен

механизм присуждения этой премии.

— Готовы ли вы отказаться от вашего священного обычая последних десятилетий — от ежедневной сиесты с двух до пяти часов дня?

— Моя сиеста останется неизменной. Если я не посплю днем, то все оставшееся время хожу больной. В лучшем случае, если я войду в историю Чили, станет ясно, что можно быть президентом и спать после обеда. Ведь Баррос Луко так делал.

— Значит ли это, что в вопросе о сиесте вы оказываетесь консерватором и традиционалистом?

— Г-м-м-м, возможно.

159. Необыкновенная кампания

На следующий день Центральный Комитет определил состав штаба избирательной кампании и назначил меня его начальником. Нужно было повсеместно открыть агитационные участки.

Спустя несколько дней мы в первый раз отправились на Север. Выехали очень небольшой группой в сторону Арики, где во вторник 14 октября собралось множество народу — все хотели послушать Неруду, и, кроме того, все здесь требовали единства. В Икике, в четверг 16 октября, повторился такой же восторженный прием. Когда 19-го мы приехали в Антофагасту и вошли в гостиницу, нам сообщили, что командующий дивизией генерал Роберто Вио объявил о своем решительном отказе подчиняться правительству, которое тогда возглавлял христианский демократ Эдуардо Фрей. Вио расположился в казармах и выдвинул требования, представлявшие собой ультиматум властям. Мы не колебались ни секунды. Хотя мы и были в оппозиции, но защищали конституционное правительство. Всполошившийся сенатор от христианско-демократической партии обратился ко мне с просьбой о встрече. Он был так перепуган, что предложил встретиться в «тайном» месте — в кладовой кафе, расположенного в нашем квартале. Я пришел к нему и сообщил, что мы поддерживаем законное правительство. Он дрожал от страха и говорил о военных что-то чудовищное. Этот нервный сенатор по имени Хуан де Дьос Кармона позже стал одним из зачинщиков государственного переворота, свергнувшего конституционного президента Сальвадора Альенде, и действовал как агент пиночетовской диктатуры.

В городке царила тревожная атмосфера, но тем более надо было срочно организовать митинг. Народ запрудил весь центр города — длинные кварталы улицы Латорре. Неруда прочитал

одно стихотворение и, кроме того, призвал всех защищать законный режим от мятежа. Он обратился к своему испанскому опыту, сравнив мятеж Франко в Африке с опасным пронунсиаменто[208] путчистов, происшедшим теперь в Антофагасте. Это был призыв к бдительности.

Мы вернулись в гостиницу очень поздно и сильно возбужденные. Сопровождавшая нас корреспондентка «Сигло» Лихейя Балладарес расхрабрилась и уехала в тот же вечер брать интервью непосредственно у мятежного генерала. Он на многое открыл ей глаза, под спокойной поверхностью политической жизни стало видно илистое дно. Неруда слушал и делал записи на салфетке.

Наверно, для того чтобы разрядить обстановку, он стал сочинять всевозможные варианты имени Лихейя. Он превратил ее имя в стихотворение, которое свидетельствовало о раскрепощающей силе слов и звуков, — в своего рода поток свободных ассоциаций. Игра словами была для него отдыхом, короткой передышкой воина во бремя изнурительной битвы. Стихотворение называется «Сонет ошибок». У Лихейи там множество имен: Лихентурия, Лихентина… Ликосигла, Лихента, Липрофеса, Личуга, Литемука, Лилинарес…

С нашими товарищами он объездил очень много мест. Я сопровождал его в поездке по центральным районам. Мы были в Парале и Чильяне, родных местах Пабло и Матильды, расположенных поблизости друг от друга. Но самое далекое путешествие мы совершили 18 октября в Пунта-Аренас. Там все иное, поехать туда — все равно что отправиться в норвежский порт или в Мурманск, а может, и в путешествие к антарктическому Полярному кругу. Наступила весна. Снег уже сошел. Выступление в театре совпало по времени с концертом прекрасного оркестра — великолепного ливня. И с солистом поэт был близко знаком — с проливным дождем он встречался не раз. Ударные инструменты барабанили по крыше и заглушали голос оратора в зале. А он задержал свое выступление на несколько минут и вежливо молчал, чтобы послушать знаменитое контральто своего детства — голос воды, ниспадающей с неба.

На обратном пути, в самолете, он устроился возле иллюминатора. Началась болтанка, и, поскольку я весь напрягся и сжал кулаки, он с видом старого воздушного волка посоветовал мне: «Надо делать все наоборот. Расслабься». Затем он погрузился в созерцание пейзажа безбрежной и пустынной Патагонии, земли необетованной, изрезанной узкими заливами и возвышенностями, с загадочными озерами, с тысячью островов и таинственных равнин, где человек мог бы укрыться в разгар вселенского

катаклизма и основать новую цивилизацию. Он сказал мне об этом. Я выслушал так, как слушают чудесную, неправдоподобную фантазию мечтателя. Но я ошибся. Он глядел на эту прекрасную девственную землю не для того, чтобы вести бессмысленный разговор, но потому, что тогда работал над поэтической утопией, завладевшей его душой. Он думал о книге и смотрел вниз, на землю, не как географ, а, скорей, как драматург, который на время стал географом, чтобы в точности разместить на земле персонажей своего сочинения.

Никогда еще в Чили не было такого замечательного кандидата. Страна заслужила такого Руководителя, который открыл ей ее собственную сущность и, как никто другой, способствовал созданию целостного образа прекрасного народа, призванного воплотить великие мечты человечества. Своей поэзией Неруда создал нерудовскую Чили. Эта страна вся еще была в будущем. Кандидат опередил свое время. То еще не был его президентский час. Он действительно заслужил его, но пережить — не пережил. Кроме того, он и с самого начала знал, что участвует в первом этапе грандиозной эстафеты. Он хотел бы передать факел единственному кандидату, когда все участники забега пришли бы к единодушному решению поддержать кандидатуру левых сил. Когда этот, потребовавший много трудов процесс достиг кульминации, удовлетворенный Неруда вручил свой факел Сальвадору Альенде. Он не только исполнил свой долг, он отдал все силы ради триумфа нашего общего знаменосца.

160. Глухой старик с аккордеоном

Самое время вспомнить о его происхождении. Неруда хотел бы жить очень долго. «Сто два года между Парралем и смертью / прожил мой дед дон Хосе Анхель Рейес, / достойнейший кабальеро-крестьянин, / с клочком земли и избытком детей. / Я вижу его, столетнего, снежного, / его древняя борода была синей, / а он, чтобы увидеть, как я расту, / садился в поезд и в третьем классе / трясся от самого Каукенеса. / Дон Хосе Анхель, бессмертник, ехал на юг, / чтобы выпить со мною рюмку, — последнюю, — / он столетней своей рукой поднимал / вино, дрожавшее, точно бабочка»[209].

Это стихотворение вошло в новую книгу «Всё еще». Почему «Всё еще»? Потому что это ответ глупцам, всегда болтавшим, что поэт кончился, что ему уже не о чем говорить. Однако Неруда «всё еще» нас беспокоит, Неруда «всё еще» пишет, Неруда «всё еще» совершает открытия. Ему хотелось бы прожить столько,

сколько его дед, Хосе Анхель, чтобы делать и дальше свою работу.

Стихотворение, открывающее сборник, называется «1971». В самом его начале поэт возвращается в Арауканию своего детства. Она всегда будет влечь его сердце. Если встретите расколотый камень — он частица поэта. «Если встретится на пути / ребенок, ворующий яблоки, / или глухой старик, / играющий на аккордеоне, / помни, что я — / ребенок, старик и яблоки»[210]. Этот человек уже ощущает симптомы старости, но он все еще хочет восславить «свежесть дня, юность росы и утро мира».

161. Поэт и век

Стихи сочинены. Книга только что написана. И вот он уже в новой «скачке». Он борется с тенью и с самим собой. «Огромных усилий» стоило ему «Светопреставление» — целых 280 страниц. Это разговор с XX веком. «Камо грядеши?» К божественной революции? Это век бомб, «вспыхнули люди, насекомые, рыбы»[211]. Век войн, век исчезнувших бесследно людей. Но Неруда родился именно в этом веке. Он его гражданин. И был свидетелем всего происходящего. Он и наслаждался, и страдал. Его ранила смерть Че. Он прошел его путями. Познал его одиночество, носивший его ветер, его преображение. Люди своего века, они оба «звездочеты». Еще ребенком Неруда научился разглядывать осколки бутылочного стекла, собирать гнутые гвозди: он хотел вернуть прозрачность стеклу и жизнь металлу. Но больше всего он любил воздушных змеев с трепещущими хвостами, этих обвенчанных с небом комет. Он определяет самого себя как поэта-работягу, искателя редчайшей розы, влюбленного в зверей, друга лошадей и собак. Двадцатый век был веком освободительных революций и революции освобожденного от всех запретов пола.

Он говорит о своих любимых писателях. «Поет Кортасар свою молитву / под аргентинской беспомощной тенью / в своей церкви изгнанника». Здесь есть стихи, посвященные Хуану Рульфо из Анауака, Карлосу Фуэнтесу из Морелии, Мигелю Отеро с берегов Ориноко. Есть стихи, посвященные Сабато, ясному и подземному; Онетти, залитому лунным светом. Стихи, посвященные парагвайцу Роа Бастосу и, конечно же, Гарсиа Маркесу, этому вулкану, извергающему сны, как вулкан извергает лаву.

Этот век — трагический, век обездоленных, век изгнанников. Он хотел бы жить сто лет — жить и петь свой век.

162. Безумцы смежных профессий

Неруда любил Матту{148}, а Матта любил Неруду. В книге «Никарагуа, беспощадно-нежный край» Кортасар пишет, как однажды, когда он приближался к Матте, окруженному группой людей, тот закричал, чтобы всем, в том числе и Кортасару, было слышно: «Вот идет идиот». Хулио не мог скрыть своего удивления. Дерзкий Матта повторяет: «Да, идиот, Идиот Достоевского, князь Мышкин, чистый человек глубочайшего ума». Матта оскорбляет, чтобы восславить, или скажем, чтобы открыть большую истину.

Неруда, следуя тем же курсом, назвал его «matto Matta»[212]. Роберто Себастьян Матта говорит на франко-итало-чилийском языке. И когда поэт назвал его безумцем по-итальянски, он принял это как великую честь.

Хотя Неруда был очень рад, что Матта иллюстрирует его стихи, тот заявил ему в лицо: «Тебе мои рисунки не нравятся». Сказал — и принялся гримасничать. Матта пригласил всех нас в «Остерию» доньи Бланки в Исла-Негра. Его жена, красавица Хермана, фотографировала нас «Поляроидом». В этот вечер был пир не только любителей даров моря и безумных поклонников морской стихии, но и безумцев стихии земной, упивающихся игрой слов. Изобретались всяческие абракадабры, сюрреалистические космогонии и прочая словесная ерунда. Все это пригодилось и для работы. Ведь поэт и художник — специалисты по части перевода вымысла в реальность.

Поэт всегда интересовался смежными профессиями. Он искал для своих стихов и певцов, и художников, и деятелей театра, кино, балета, и музыкантов, и журналистов, и работников телевидения. Он близкий друг Марио Карреньо. Надолго обосновался в Исла-Негра Хулио Эскамес. Этот художник рассказывает Неруде свои сны, а такие фантастические сны не снятся больше никому, кроме него. Бодрствуя, он пересказывает сны рассеянно и сонно, но невероятно живо, он говорит о страхе и озарении, о целых сериях немого кино из своего детства, когда стены, чтобы раздавить спящего, сдвигаются, причем он так точно передает атмосферу сновидения, что невозможно представить себе, что столь ярко описанный сон мог быть вымыслом художника. Он живет здесь и рисует птиц для книги поэта. Он наблюдает за ними в гуще древесных крон, где они гнездятся, и рассматривает их на страницах огромных фолиантов в библиотеке орнитолога Неруды. Анхель Парра кладет его стихи на музыку и поет, подражая пению птиц.

Марио Тораль иллюстрирует издание «Двадцати стихотворений о любви и одной песни отчаяния». Его акварели воспроизводят офсетной печатью в шести цветах на

гофрированной 180-граммовой бумаге. Неруда попросил набрать текст в типографии «Эусебиус». Из альбома «Алфавит» Ж. Б. Сильвестра взяли орнаментальный шрифт «Вулкан». Печатную работу выполнил Маурисио Амстер, макет подготовил Марио Тораль. Поэту нравятся кожаные переплеты и золотое тиснение. Однажды он раскритиковал себя за любовь к красивым изданиям огромных форматов, иногда даже квадратных. Он подолгу разглядывал средневековые миниатюры из «Часослова». Время не смогло ни уничтожить, ни заставить забыть тонкую работу монахов. Не случайно он написал «Оду типографии». Внешний вид большей части его книг обусловлен издательским рынком, диктовавшим свои законы. Но он считал своим долгом компенсировать роскошное издание другим, более доступным.

163. Город цезарей

Однажды Неруда пригласил своих друзей в «Часкону» с неожиданной целью — провести поэтический вечер. Присутствовали три чтеца: Мария Малуэнда, Роберто Парада и сам Неруда. С небольшими перерывами они прочитали всю книгу «Пламенный меч».

Слушая, я начинаю понимать, почему он так внимательно разглядывал Патагонию из окна самолета на обратном пути в Магальянес. Неруда обращается к мифу о городе цезарей. Это мифический город, построенный из золота, серебра и драгоценных камней, расположенный на юге Чили где-то в районе Андской горной гряды. Это миф о городе Солнца Кампанеллы, утопия о счастливом народе, живущем в примитивном коммунизме и не знающем социальных проблем. Этот сюжет чем-то напоминает возвращение к «доброму дикарю». Многие конкистадоры XVI века уходили на поиски этого города. Одни так и не вернулись; другие возвращались и рассказывали, что они его видели. В XVII и XVIII веках на поиски города цезарей были посланы новые экспедиции. Некоторые пытались найти его даже в XIX веке.

Поэт дополняет легенду от лица человека XX века, но видоизменяет ее, вводя эпизоды из собственной биографии. Он начинает цитатой из Книги Бытия.

> «И изгнал Адама и поставил на востоке у сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранить путь к древу жизни». Житель XX века по имени Пабло Неруда, века, когда была сброшена атомная бомба, века, живущего под угрозой того, что

сбросят новые, разрабатывает этот поэтический сюжет, чтобы поведать об «истории бегства от страшных катастроф, положивших конец человеческому существованию».

Основатель царства, затерянного среди одиноких магальянских пространств, решает стать последним обитателем планеты, но внезапно на его землях появляется девушка, сбежавшая из золотого города цезарей. Судьба, что свела их, поднимает против них пылающий меч нового рая, дикого и пустынного. Родо и Росиа — герои этой новой попытки возрождения человечества. Старику Родо сто тридцать лет, Росиа — не имеющая возраста крошка. Между ними завязывается диалог. Это последняя любовь Родо, потерявшего счет годам, живущего среди вулканов и мрака. Это последняя, отчаянная поэма о любви. Она таит какую-то загадку жизни самого поэта. Загадка, конечно, — его сокровенная любовь к девушке, послужившей прототипом героини. Но самому поэту, повстречавшему женщину из города цезарей, удалось восстановить мир заново только в поэзии.

164. Камни, подождите!

Неруда активно участвует в предвыборной кампании Альенде, делит вместе с ним все заботы и живет в густой, зловонной атмосфере измышлений и интриг, которая подогревается извне. По вечерам Неруду обычно можно увидеть на каком-нибудь митинге в столице или в провинции.

По утрам он пишет. Закончив «Камни Чили», переходит к «Камням неба». На самом деле речь идет о каменьях земных, которые временами распускают крылья и взлетают, как подброшенный вверх камешек, иногда, конечно, падают, как метеоры или аэролиты. Есть необычайные камни, например превосходные изумруды Колумбии. Специально для поэта обточили такой изумруд, но небесный камень вспорхнул и улетел, как бабочка из провинции Мусо. Конечно, его небесные камни — это и голубой агат, и желтый топаз, и камень, покрытый мхом, и каменная глыба, катящаяся с горы, и голыш, по которому бежит вода. Но где камней больше, чем в Андской горной цепи? Неподалеку от его дома находится скалистый лабиринт Трасманана, между скалами Тралка и первыми домами на юге Киско. Он подолгу может разглядывать и породу с алмазными прожилками, и сверкающие аметисты, и кристалл соли. Когда-нибудь и он превратится в камень. «Иду, иду, о камни,

подождите…»

Поэт, которому предрекали, что политика заставит его музу онеметь, иногда пишет за день по нескольку стихотворений, беседует с действительностью и памятью, с материей и духом. Он обращается к солнцу над Вальпараисо. Беседует сам с собой, ни за что не хочет прощаться с самим собой, но у него вырывается слово «прощай». Если он больше не видится с Федерико и Мигелем Эрнандесом, спрашивает он себя, то почему же он не встречается с Хосе Кабальеро, который там, в Испании, рисует свою окровавленную белую розу?

Он разъезжает по разным дорогам, агитируя за своего друга, кандидата от Народного единства. В грузовике, едущем из Лонкимая, он видит спиленные стволы деревьев. Его печалит умирание леса, гибель прохладных древесных крон его детства. Предвыборная кампания в Чили требует многочисленных поездок. Он «все время в пути». Между Метренко и Вильярико пасмурно. Он просыпается с пасмурным сердцем. Он поедет на далекие острова, где по ночам воздвигали каменных идолов. Он приглашает меня с собой на остров Пасхи. Не могу, говорю я ему. Он уезжает и возвращается с «Одинокой розой».

Здесь же он заканчивает чилийскую и полинезийскую часть «Бесплодной географии». Работа над книгой на время приостанавливается. Он снова меняет свое местожительство на Земле.

165. Ночное выступление и утренний разговор

То было выступление в ночь с 4 на 5 сентября 1970 года. Сальвадор Альенде говорил с балкона Федерации студентов перед народом, заполнившим Аламеда-де-лас-Делисиас от площади Италии до Чилийского университета. Тайным голосованием народ избрал его президентом. Мы сияли. Другие бесновались. Они были так разъярены, будто уже чуяли, что грядут в Чили те самые шестьдесят дней чудовищных убийств, инспирируемых извне и изнутри.

Дивизионный генерал, который выступил против гражданского правительства в день нашего с Нерудой приезда в Антофагасту, позже перебрался в столицу и предпринял новую, еще более серьезную попытку мятежа в полковом гарнизоне Такна против того же президента Фрея. И снова трудящиеся, коммунисты и, конечно, Неруда встали на защиту правительства, хоть и не выражавшего их интересы, но являвшегося законным. Поэт, всегда оглядывавшийся на испанский опыт, сказал мне, будто обращаясь к самому себе: «Вио — это Санхурхо{149} или

Франко?»

Тогда не знали, что он будет главным действующим лицом куда более страшных сцен, станет во главе путча, окончившегося убийством командующего армией генерала Рене Шнайдера. Когда в аристократическом районе Сантьяго вспыхнул путч и многие мятежники оказались выходцами из богатых семейств, поэт сказал мне: «Здесь-то собака и зарыта».

Позже стало совершенно очевидно: все это было тщательно оркестровано, причем за дирижерским пультом стояло почтенное ЦРУ, чтобы любым способом помешать полномочному конгрессу избрать Сальвадора Альенде в соответствии с конституцией. В сенате США комиссия Чёрча некоторое время спустя официально разоблачила всю эту ловко сплетенную паутину. Но 3 ноября Сальвадор Альенде был провозглашен Президентом республики Чили, репутация его была незапятнана, и в Ла Монеду он вошел демократическим и совершенно законным путем. Неруда также находился во дворце, сознавая, что он и его соратники внесли свой вклад в эту победу, но что самое трудное — впереди. Он хотел работать там, где он сможет быть более полезным.

В следующее воскресенье утром я отправился повидаться с ним в «Себастьяну». Матильда полушутя бранила его. Она обращалась с ним как с молодящимся стариком. Смеясь, упрекала его… Все это выглядело довольно весело. В это время пришел издатель Неруды Гонсало Лосада. Неруда предлагает пойти прогуляться по Винья-дель-Мар. Мы выходим на площадь и наблюдаем типичную картину воскресного утра: люди идут в церковь к одиннадцатичасовой мессе; несколько экипажей, запряженных старыми лошадьми, стоят в ожидании туристов, чтобы покатать их по городу. Неруда говорит Матильде: «Займи как-нибудь Гонсало. Мне нужно переговорить с Володей». Как обычно, он сразу же переходит к делу. «Мне необходимо удалиться. Уехать на время, но на правительственную службу. Думаю, лучше всего послом во Францию. Поговори об этом с товарищами. И, если они согласны, пусть предложат это Сальвадору».

Так и сделали. И Альенде согласился, что у Чили не может быть лучшего посла во Франции, чем Пабло Неруда. Назначение было подготовлено мгновенно. Министр иностранных дел Клодомиро Альмейда направил послание сенату, который на этот раз одобрил его без проволочек. Неруда хотел поскорее уехать и через несколько дней отправился в путь.

Есть такие ночные мысли, которые не покидают человека и днем, особенно если он обладает чутьем, способен ощутить приближение грозы задолго до того, как сверкнет молния.

Казалось, будто Неруда знает нечто, для всех остальных являющееся загадкой, и, хотя до сих пор все шло нормально, он не выглядел довольным, когда мы приехали попрощаться с ним в аэропорт. На его лице можно было прочесть какое-то сомнение, какую-то скрытую озабоченность. Поскольку патетика ему претила, он старался избежать каких-либо сцен. Но уезжал он в тревоге, словно ощущая, что под пеплом дремлет раскаленная лава. Ему не верилось, что республика в безопасности. Ни один человек не мог бы спасти ее. Он не хотел давать советы; но и предупредить издалека о том, что готовится, можно будет только в том случае, если мы будем объединены, если будем знать, против кого сражаемся, и если не наделаем глупостей. На этот раз он говорил образно, но начал с апокрифических метафор. Привычное клише «американская Швейцария» он заменил, увы, более правдоподобным общим местом: Чили — страна землетрясений и вулканов. На сей раз геологические пласты не сдвинутся с места. Не будут потрясены ни Анды, ни владения поэзии и языка. Но может произойти политическое землетрясение, которое уничтожит больше людей, чем сотрясение земной тверди. Вызвать его способна воля к неумолимой системе господства. Он разоблачит эти силы в «Призыве к расправе с Никсоном». Чего только ни сделали бы враги, чтобы уничтожить этот, еще не изданный, памфлет, который начнет создаваться с приходом Сальвадора Альенде в Ла Монеду. Попытка изменить судьбу угнетенных введением более широких свобод и расширением демократических прав чиста, как колодезная вода, выходящая из земных недр. Все это он пробурчал на прощанье, которое веселым быть не могло. Его барометр предсказывал бурю. Ясного неба не ожидалось. Он не испытывал воодушевления, но все равно был готов целиком отдаться новой роли. Он верил в то, что его здоровье, начавшее ухудшаться, окрепнет и он сможет полностью выполнить свою задачу: отыскать для Чили друзей на ее пути к новому обществу, о котором он столько мечтал.

VIII
БАЛЛАДА О СТАРОМ МОРЯКЕ

166. Тревожные вести

В ноябре 1970 года, когда во Франции уже в разгаре зима, Неруда прибывает в Париж в качестве посла Чили. Он облачается во фрак. Посольский автомобиль въезжает через предместье Сент-Оноре по усыпанной гравием дорожке во двор правительственного дворца. (Гравий вызывает воспоминание об отце и поезде с щебенкой.) Напустив на себя подобающую случаю важность, Неруда выходит из автомобиля, затем вручает верительные грамоты президенту Жоржу Помпиду. Щелкают затворы фотоаппаратов. Одну из этих протокольных фотографий он присылает мне. В политических взглядах Помпиду и Неруды мало общего, однако президент опубликовал составленную им антологию французской поэзии. Неруда вглядывается в Помпиду, пытаясь высмотреть поэтическую сторону его натуры. Но, похоже, тщетно. Посол возвращается в старый особняк с привидениями и легендами о самоубийцах — там расположено Посольство Чили в Париже. Это тяжеловесное, унылое здание на улице Ля-Мотт-Пике неподалеку от Дома инвалидов ему не по душе, в нем мало света, да и вообще весь его вид действует угнетающе. Он сразу же почувствовал себя узником в темнице.

Неруда обязан присутствовать на высокоумных сборищах, которые вызывают у него такой же ужас, как математика в детстве. Он бывает на встречах экономистов и банкиров под названием «Парижский клуб». Здесь сходятся кредиторы Чили, которым страна задолжала умопомрачительную сумму. Нужно добиться отсрочки платежей по внешнему долгу, доставшемуся от прежних правительств. В качестве посла Неруда возглавляет чилийскую делегацию. Что поделаешь, деваться некуда.

Но жизнь — это не только цифры. Увы, выпадают дни, когда он не пишет стихов. Здоровье его слабеет. Но поэзия — единственное лекарство, которое ему помогает, он знает это по опыту. Во Франции он продолжает работу над «Бесплодной географией». В послесловии к книге поэт рассказывает:

> «Мои привычки очень изменились за 1971 год. Я не хочу выглядеть загадочным, эдакой таинственной личностью, и в этой книге постарался объяснить эти перемены, рассказав о своих переездах, болезнях,

радостях и печалях, о жизни в разных странах и на разных широтах. Кое-что было написано между Исла-Негра и Вальпараисо, остальное — на чилийских дорогах, причем почти всегда в автомобиле, за окнами которого мелькали пейзажи родной страны.

Также в автомобиле, осенью и зимой, но уже во Франции, в Нормандии, были написаны и многие другие стихотворения».

Через несколько месяцев приходят малоутешительные вести о состоянии здоровья Неруды. Я получаю из Парижа датированное 11 июля 1971 года письмо, в котором он пишет:

«…пышущая здоровьем Матильда принесла мне поесть в постель, и впервые за четыре дня я встал. Она проводила меня в ванную (10 метров — 10 минут) и разрешила мне закончить диктовку. Я болен непонятно чем, мне несколько дней колют пенициллин, который, вероятно, поможет мне вернуться в кабинет, то есть наверх, в одно из самых прелестных мест в этом городе, не лишенном очарования. У меня жар, но это не имеет значения, а завтра день моего рождения, что также неважно…»

Затем он пишет мне о проблемах торгового представительства и ничтожном жалованье секретарш. Несколькими мазками набрасывает печальную и полную самоиронии картину своей жизни.

«Здесь, в этих мрачных катакомбах, все по-прежнему. Я не вижу ни музеев, ни друзей, мы лишь время от времени выбираемся в кино; это стоит такого усилия воли, словно мне нужно дойти от Исла-Негра до Вальпараисо. О стихах ничего не сообщаю, потому что пока еще сообщать нечего… Боюсь заразить своей болезнью Матильду, если буду ей диктовать. Привет вам троим от нас двоих. Кстати, я никогда не видал в Европе столько чилийцев; мы идем им навстречу и оформляем им въездные визы, но в таком наплыве соотечественников есть что-то тревожное. Когда же я обратился с предложением официально пригласить в Чили Грэма Грина, мне не ответили, хотя я послал целую тысячу самых настойчивых просьб; он все равно поедет в Чили и, возможно, даже не захочет, чтобы ему оплатили проезд, но мне думается, мы должны позволить себе

роскошь потратить немного денег на такого человека. Если ты можешь помочь, то еще есть время: он хочет отправиться в Чили во второй половине сентября. А теперь мне пора ставить градусник. Пока».

Чтобы успокоить нас, Неруда пишет три дня спустя, 14 июля, несколько строк в шутливом тоне:

«Докладываю: прибыл из Елисейского дворца, куда я ездил разряженный, как павлин. Обнимаю вас обоих и вашу Марину. Будьте здоровы. Пабло, Матильда, Лаура Рейес, Энрике Бельо».

И снова тревожная весть. 30 сентября он посылает мне фотографии, сделанные 18 числа, когда отмечался День независимости «и посольство впервые широко открыло двери. Помимо приглашенных, пришло около тысячи чилийцев. Официальное торжество не состоялось, правительство запретило устраивать его из-за землетрясения, и потому это был не дипломатический прием, а просто праздник для чилийцев, который с большим увлечением подготовили в основном самые юные члены чилийской колонии».

А чуть ниже следует печальное сообщение:

«Пишу тебе из клиники, где все еще прохожу обследование, от него я ослабел и упал духом. Напиши мне что-нибудь хорошее, может, мне станет полегче.

В середине октября в Чили возвращается доктор Рауль Бульнес. Я попросил его известить наших друзей о моих нынешних болячках и о медико-хирургических прогнозах. Он тебе позвонит или пришлет записку.

Обнимаю вас обоих и Марину тоже, которой шлю особый, больничный, совершенно стерильный поцелуй. Привет. Пабло Неруда».

Когда доктор Бульнес вернулся в Чили (напомню: он принимал участие в создании дома в Исла-Негра вместе с Эладио Собрино и Пабло Нерудой), мы долго с ним беседуем. Он присутствовал на операции, которую Неруде сделали в больнице Кашен в Париже. Рауль — очень тонкий человек. Он мне многое рассказывает, однако о диагнозе умалчивает, возможно руководствуясь правилом: «Умный и так поймет». Поскольку соображаю я туго, то продолжаю надеяться на лучшее.

Я представляю отчет о беседе. Решено, что я поеду к Неруде. До отъезда необходимо выяснить, не собирается ли Неруда в

Чили — после того как он стал Нобелевским лауреатом, его здесь очень ждут.

167. Решение Шведской академии

Члены Шведской академии собрались в здании старой стокгольмской биржи для объявления решения, и секретарь Карл Рагнар Хиеров начал свое выступление с шутки. Он вспомнил, как несколько дней назад участвовал в телевизионной дискуссии с премьер-министром Улафом Пальме, который сказал, что удобнее всего Нобелевские премии присуждать послам, чтобы не было затруднений с вручением. Заявление, разумеется, странное, но отнюдь не беспочвенное. За последние десять лет Академия присуждала премии Сен-Жон Персу в 1960 году, югославу Иво Андричу в 1962-м, греку Георгосу Сеферису в 1964-м и наконец Мигелю Анхелю Астуриасу, а все они были дипломаты.

Журналисты пришли в замешательство, они не знали, как понимать слова премьер-министра, и тут секретарь Шведской академии с улыбкой сказал, что члены Академии последовали совету Улафа Пальме, и пояснил: «Премия присуждена послу Нефтали Рикардо Рейесу Басоальто…» И после некоторой паузы добавил: «Более известному под псевдонимом Пабло Неруда».

Текст официального заявления начинается в несколько непривычной манере: «Нобелевская премия в области литературы за этот год присуждена отнюдь не бесспорному кандидату; спорят не только о нем, но и о его праве называться поэтом. Уже сорок лет не утихают дискуссии, и одно это доказывает несомненное значение его поэзии». В заявлении сознательно приводятся как хвалебные, так и отрицательные отзывы о лауреате. Наряду со всем известными словами Гарсиа Лорки: «Смерть ему ближе, чем философия», приводится прямо противоположное мнение, принадлежащее другому испаноязычному поэту, также Нобелевскому лауреату Хуану Рамону Хименесу, который сказал, что Неруда — «великий плохой поэт».

Шведская академия признает, что масштабы нерудовской поэзии поражают воображение. Законный вопрос: существовало ли нечто подобное в истории поэзии? Далее идут статистические выкладки. В 1962 году Неруда написал две тысячи страниц поэзии. Два года спустя опубликовал пять новых томов стихотворений под названием «Мемориал Исла-Негра». Представитель Академии прибегает к несколько странным сравнениям, определяя масштабы творчества поэта:

«Выбрать одно стихотворение или один сборник

стихов из этого беспредельного океана — все равно что вычерпывать чайной ложкой баржу водоизмещением в пятьдесят тысяч тонн. Мы никак не сумеем обобщить творчество Пабло Неруды, этого не в состоянии сделать даже он сам.

Невозможно предположить, что вся эта необъятная литературная продукция находилась на одном уровне. Тому, кто задался бы целью отыскать недостатки поэзии Неруды, не понадобилось бы много времени. Тому, кто захотел бы найти ее сильные стороны, не пришлось бы тратить времени совсем. Со дня его первого литературного успеха и по сию пору мы видим эту силу в неиссякаемом богатстве творчества Неруды. Самое замечательное, однако, в том, что, несомненно, его поэзия с годами стала вдохновеннее. Она — словно реки, которые несут свои воды через Американский континент: едва различимый ручей становится все шире и набирает мощь по мере приближения к устью».

В заявлении говорится, что долгий творческий путь протекал под знаком постоянных стилистических преобразований, при непрерывном обновлении мотивов, бесконечном изменении идей и смене чувств.

Временами в этом документе слышатся интонации европейского профессора, который упрекает своего ученика за поверхностность, недостаточную отделанность стиха, за непомерное нагромождение метафор, в чем умудренный мэтр видит непродуманное, поспешное следование азам европейской сюрреалистической поэзии, заимствованным из учебников и манифестов. Далее ученый муж рассуждает, что, пожалуй, воображение его ученика подчиняется несколько иным законам, чем у европейцев, оно находится «в прямой и таинственной связи с творческой природой самого языка и образностью речи».

В заявлении Шведской академии не обойден молчанием и тот факт, что Неруда не только поэт-глашатай ослепительной мечты, но и революционер, продолжающий бороться и сегодня. В доказательство приводится следующее высказывание поэта: «И тогда я расстался с детством, потому что понял: моему народу жить не позволяют и в погребении отказывают». Невозможно замолчать этот факт и не засвидетельствовать, что Неруда видит свою родину «порабощенной и угнетаемой со времен конкистадоров». Его самого не раз выдворяют и преследуют, однако он не сдается. Сообщества угнетенных есть повсюду. Именно их он неустанно ищет, «став поэтом угнетенного

человечества».

Заявление, которое затем было прочитано по шведскому радио, явно написано опытной рукой знатока нерудовской поэзии. Это рука ангела-хранителя поэта при Академии. Ангела с мечом, знаменитого шведского писателя, современника Неруды, испытавшего на себе влияние той же эстетической революции, к тому же знатока латиноамериканской литературы. На протяжении двадцати лет Артур Лундквист вел кампанию за присуждение премии Неруде. Он побывал в Чили в мае 1946 года, в конце осени, в сезон дождей, и прошел по выложенной камнем дороге среди влажной травы до двери нерудовского дома, о чем он вспоминает в своей книге «Элегия Пабло Неруде». Тогда же Неруда познакомил меня с ним. Я навестил Лундквиста в отеле «Крильон де Сантьяго». В 1957 году Лундквист вновь приехал в Чили. Он увидел коллекции поэта, однако понял, что тот коллекционировал прежде всего события, лица, человеческие судьбы, воплощенные в предметах, привезенных со всего мира.

Шведский академик долгие годы вел работу среди восемнадцати членов этого консервативного учреждения, пока не добился премии для своего друга, которого считал величайшим поэтом.

168. Вспышки магния

Не переставая звонил телефон на Ля-Мотт-Пике. Шведский посол просил назначить ему встречу на девять утра. Толпа журналистов проникла в большую гостиную. Они дожидались заявления Неруды. А он не появлялся. Журналисты томились два часа, но не сдавались. «Посол ждет официального подтверждения, прежде чем встретиться с вами» — таков был неизменный ответ. Наконец Неруда появился в сопровождении Матильды и французского поэта Луи Арагона. Зал осветили вспышки магния, журналисты устремились навстречу лауреату. Под перекрестным огнем их вопросов поэт дошел до кресла и медленно опустился в него. Рядом стояла его супруга в голубом костюме. Вопросы волнами обрушивались на лауреата. Арагон в черном костюме с розовым галстуком беседовал с лауреатом под градом поздравлений. Артобстрел прекратился на мгновение, только когда сотрудник посольства громко объявил: «Вас просит к телефону президент Альенде…»

Большинство писателей заявили в прессе, что премия присуждена справедливо, хотя некоторые из них сделали это скрепя сердце. Арагон сказал, что Неруда — один из самых любимых его поэтов и что он лучший поэт в мире. В Вальорисе

Пабло Пикассо порадовался, что присуждение Нобелевской премии его другу и тезке совпало с его собственным 90-летием.

В Испании мгновенно провели опрос общественного мнения. Висенте Алейсандре (который сам через несколько лет получит Нобелевскую премию), наиболее выдающийся, наряду с Рафаэлем Альберти, из поэтов «поколения 1927 года», глубоко чуждый всякой мелочности, заявил:

> «Я, испаноязычный писатель, счастлив, что Нобелевская премия справедливо присуждена Пабло Неруде, я друг этого необычайного поэта и испытываю то же чувство удовлетворения, которое охватило всех, причастных к испаноязычной литературе».

Близкий друг Пабло Неруды писательница Анна Зегерс прислала ему из Германской Демократической Республики проникновенное письмо. Она написала его, чтобы понять, «что же ты собой представляешь». Вот они — Неруда и Зегерс — сидят за столом вместе с Жоржи Амаду, Луи Арагоном и Ильей Эренбургом и спорят об одном из самых загадочных писателей в истории литературы — о Бруно Травене{150}. Лишь Анна Зегерс и Пабло Неруда знали, кто он такой, и хранили эту тайну. Сидящие за столом говорят о том, что писатели, участвующие в Движении сторонников мира, обязаны каждое воззвание превращать в «маленькое произведение искусства». Анна Зегерс вспоминает эпизоды боевой жизни. Впервые она увидела Неруду на войне в Испании: Чилийское консульство не прекратило работы даже в разгар бомбардировок Мадрида. Писательница вспоминает, что своей поэзией Неруда помогал людям, «потому что в стихах этих было нечто, спасавшее человека от плена одиночества, которое порой хуже тюремного заключения…».

Неруда с детства преодолевал одиночество. Теперь он ощутил себя нужным многим и многим.

169. Торжества дома

В четверг 21 октября 1971 года я еду в сенат. По дороге в автомобиле по радио слышу сообщение: «Стокгольм. Сегодня чилийский поэт Пабло Неруда удостоен Нобелевской премии в области литературы». Потом мы узнали, что лауреат признался журналистам: «Поэты верят в чудеса, и, похоже, на этот раз чудо свершилось». В сообщении говорилось, что Шведская академия присудила премию за «поэзию, которая со стихийной силой пробуждает чаяния и надежды континента». Информация была

обширной и содержала сведения о сумме вознаграждения — 450 тысяч шведских крон, что равно 88 тысячам долларов. Сообщалось также, что нынешний посол Чили во Франции стал вторым чилийцем после Габриэлы Мистраль, удостоенным Нобелевской премии. (Габриэла Мистраль получила ее в 1945 году.) Такого же признания несколько лет назад добился другой латиноамериканец, гватемалец Мигель Анхель Астуриас. В сообщении говорилось, что премия будет вручена лауреату лично королем Густавом Адольфом VI 10 декабря на церемонии в церкви Филадельфия, поскольку Стокгольмский дворец музыки, где обычно вручаются эти премии, закрыт на ремонт.

Тут же принимаю решение и вместо сената еду в ЦК партии. Вести поступают отовсюду, в движение пришла вся страна. Альенде выступает по радио:

> «Эта награда, которая обессмертила имя нашего соотечественника, означает победу не только Чили и ее народа, но и всей Латинской Америки».

Срочно собирается Центральный Комитет коммунистической партии и решает послать Неруде приветствие.

> «Все члены партии Рекабаррена и Лаферте, которых поэт воспел наряду с другими героями нашей родины — Лаутаро, Кауполиканом, Бернардо О'Хиггинсом, Каррерой, Мануэлем Родригесом-и-Бальмаседой, — гордятся этим решением Шведской академии…»

Народ ликует по всей стране. На немощеной улице, где на табличках написано то же имя, что и на обложках книг поэта — Пабло Неруда, все дома украшены национальными флагами.

В 16 часов комментатор телевидения Аугусто Оливарес связался с Нерудой по телефону.

> «Я проснулся с радостным чувством, но потом был буквально раздавлен обрушившимся на меня счастьем. Я глубоко взволнован известием, что вся Исла-Негра украшена флагами в мою честь».

Луис Корвалан опубликовал в «Сигло» статью «Пример Пабло», в которой писал:

> «Мы знаем, что он воспел все: любовь, птиц, камни, южные ливни, суровый Тихий океан, араукарию, кактусы, воздух, ложку, лук, пестрого морского угря —

словом, все, что видел и пережил. И в то же самое время он воспел человека, героев нашей Родины, наших предков-арауканов, воспел шахтера, железнодорожника, пекаря, трудящихся всех профессий, воспел великие события нашего времени. Своей партии он посвятил вдохновенные строки, поэзию, проникнутую любовью к народу и пламенной ненавистью к врагу».

170. Красные кровяные шарики

6 ноября 1971 года я получаю от Матильды письмо, в котором она пишет, что ее тревожит предстоящая поездка в Чили. Пабло должен был провести на родине месяц и несколько дней прожить в Сантьяго в гостинице, но теперь, после присуждения ему премии, это просто не получится: в отеле уединение невозможно.

> «Думаю, мы обязаны хоть немного защитить его от назойливых визитеров. Пабло пока еще очень слаб, выздоровление идет медленно. Из-за этого „землетрясения“, Нобелевской премии, у него много хлопот. В Чили ему очень хочется, а я думаю, разумно ли это?»

Наконец и сам Неруда убеждается, что ехать пока не стоит. Об этом он сообщает мне в письме от 20 декабря.

> «Дорогой и далекий Володя! Писать тебе нет смысла, отвечаешь ты еще реже, чем я. В Стокгольме я получил телеграмму от Лучо. Я рад, что могу не ехать после изнуривших меня хлопот с премией. Но мне хотелось бы больше знать о делах. Не мог бы ты прислать мне информацию с кем-нибудь из тех, кто сюда поедет; Бернстейны и прочие нагоняют тучи, усердно хлопая крыльями».

Дело в том, что после присуждения Нобелевской премии началась безудержная публикация его произведений без ведома автора.

> «Я рассматриваю это, — пишет мне Неруда, — как вмешательство в дела Лосады, который был для меня большим великодушным другом. От него со всех сторон требуют разрешения на публикацию… В конце концов, это просто бандитизм. Ты должен мне все рассказать о

своих поездках. Может, тебе удастся завернуть сюда и немного передохнуть. Как мне распорядиться тем, что я приготовил для твоих домашних? Послать? Или сохранить? Меня беспокоит твое молчание. Ведь должна же быть какая-то причина? А пока обнимаем Элиану и Марину. Очень хотелось бы с тобой повидаться. С нежностью, П.».

Неруда буквально погибает в «старом мавзолее» (так он называет здание посольства) на улице Ля-Мотт-Пике. Получив премию, он прежде всего подумал о том, что нужно купить дом за городом, быть поближе к природе. Он долго искал и наконец нашел то, что хотел. Неруда приобретает дом в Нормандии. «На покупку уйдет почти вся премия, потому что в этой прекрасной Франции все дорого. Но так ли иначе, я кое-что отложил для нашей общей родни. Дом находится в полутора часах езды от Парижа, есть вода и лес. Завтра мы там впервые ночуем, хотя еще ничего не заплатили (лауреату все позволено). Дом прекрасен, как сон, но пока у него нет имени. Хоть бы ты вырвался сюда со своим выводком, отдохнул бы от совещаний и выборов».

Он снова возвращается к мысли поехать в Чили.

«Я хотел бы провести январь в Чили с Косолапкой, ограничившись самым минимальным количеством официальных торжеств. Как это сделать? Может, устроить одно большое собрание? Вам решать. Между нами, я ослаб, и мне нужны переливания крови. Красных шариков — всего три миллиона. Впервые начало сдавать сердце и понадобился кардиолог с лекарствами. Мне говорят — отдохни. Но как? И когда?

Я рад премии — и за себя самого, конечно, и за нашу дорогую партию. Пике мне говорил, что впервые ее удостоился член какой бы то ни было компартии. Я счастлив, что благодаря столь великолепной красной пилюле заставил всю эту чернь подавиться ее антикоммунизмом. (Среди прочих поздравлений телеграмма от посла США в Париже (!).) Ради этого стоило жить, пусть и через силу».

Неруда стремится к тому, чтобы его поэзия дошла до каждого чилийца, и потому настаивает на дешевом издании с большим тиражом.

«Лосада предлагает мне издать небольшую антологию (без прибыли для него и гонорара для меня)

для школ или профсоюзов, то есть для бесплатного распространения. Если идея вам нравится, ее можно будет реализовать во время моего приезда и организовать затем массовое распространение, примерно миллион экземпляров, но пусть партия предложит осуществить эту идею, скажем, Министерству образования. Кто будет составителем? Может, Лойола? Во всяком случае, если уж делать, то безвозмездно — это условие для меня дороже всех коммерческих сделок, которые довели Лосаду до неврастении.

Не знаю, что еще тебе сказать, а потому обнимаю всех товарищей из ЦК, Лучо, Лили и особенно от всего моего (усталого?) сердца — Элиану, Марину и тебя. Пабло.

Не помню, чтобы я писал такие длинные письма!»

171. Тайна открыта

После нескольких отсрочек, связанных с тяжелым политическим положением, я наконец еду. Застаю Пабло за привычными делами. Отмечаю, что на лицо он пополнел — наверняка последствия приема кортизона. Мы не говорим о болезнях. Он все еще в приподнятом настроении из-за премии. Рассказывает мне, что за четыре дня до того, как он узнал о премии, в Чилийском посольстве останавливался проездом из Стокгольма на Балеарские острова Артур Лундквист. Старые друзья о многом говорили за исключением премии, хотя Неруда отметил в речах друга таинственные намеки. Артур приехал прямо после заседаний Шведской академии, где было решено присудить премию Неруде. Но Лундквист оказался настоящим шведом. И у Неруды сложилось впечатление, что и в этом году премии ему не видать.

Я ночую в мавританской спальне посольства. В комнате напротив расположились на несколько дней романист Хосе Доносо и его жена. К обеду обычно приходят Мигель Анхель Астуриас и его супруга Бланка де Мора-и-Араухо. Все идет прекрасно… до поры. Вечером мы втроем идем в кино. На следующий день в полдень — в художественную галерею. Неруда хочет устроить выставку художников, выразивших солидарность с правительством Чили. Под вечер прогуливаемся по набережной Сены. Неруда идет медленно, ему нравится задерживаться возле книжных развалов. Вечером в посольство приходят Луи Арагон, Жан Марсенак, высшие руководители Французской компартии, включая Жака Дюкло. В беседе с ними Неруда объясняет, что

Чили может постигнуть судьба Вьетнама, и просит поддержки.

На следующий день я получаю приглашение от второго члена супружеской пары: Матильда шепчет мне на ухо, что хочет поговорить со мною в кафе. Мы отходим от посольства на несколько кварталов. Присев за столик, она внезапно говорит:

— У Пабло рак. Его оперировали, но не радикально. Врачи говорят, что это может продлиться несколько лет, если не случится чего-то непредвиденного. Я никому об этом не говорю, а тебе сказать обязана, чтобы знали те, кому полагается. Пабло ничего не известно, и я должна целыми днями разыгрывать из себя безмятежную жену.

— И он не догадывается?

— Не знаю. Мне он не говорил. А спрашивать его я не могу.

172. Воздушный замок

Черная колоколенка над крохотной церковью, такая маленькая, выстроенная «словно для того, чтобы в ней молилась голубка». По пути из Парижа в Нормандию он останавливает автомобиль, чтобы показать мне колокольню в Отене. Он и рад, и немного зол на самого себя. Словно это он должен был построить колокольню, на крыше которой высоко в небе красуется петух.

Мы едем на автомобиле по направлению к Конде-сюр-Итон. За рулем Матильда. Рядом с нею сидит Пабло и пишет: «Я живу теперь в стране мягкой, / точно кожица осеннего винограда…» Я на заднем сиденье. Я знаю, что Пабло нездоровится, вижу, как он постепенно начинает понимать свое положение. Заднее стекло запотело от холода.

Мы выходим из машины. Пабло предлагает мне пойти взглянуть на замок герцога де Рогана; правые средства массовой информации в Чили и других странах, распространяющие повсюду одни и те же сплетни, утверждают, что Неруда собирается купить его. Полдень пасмурного дня. Мы идем по влажной земле. Нас окружает пейзаж, словно сошедший с полотна большого художника. Вдали слышен мерный колокольный звон. Между голыми деревьями внезапно, точно призрак, возникает замок с высокой башней. Мы пересекаем ров. Его чистят рабочие, нанятые подлинной владелицей замка, американской мультимиллионершей, которая пожелала стать герцогиней де Роган.

> «Теперь ты можешь заявить в сенате, что видел этот замок собственными глазами и что меня тут не встречали с фанфарами как нового владетельного князя.

Этому замку куда больше подходит мультимиллионерша с долларами».

Дом, который в действительности принадлежит ему, стоит неподалеку. Это старинные службы замка. Когда-то тут были мастерские, где подданные герцога изготавливали черепицу. Потом конюшни. «Что я могу поделать, — воскликнул Неруда, — если некоторые чилийцы считают излишним для меня то, что было в самый раз для лошадей герцога». Сенатор Бульнес весьма претенциозно говорил о château[213]. Когда об этом рассказали Пабло, он заметил: «Я пытался купить Версальский дворец, да мне не захотели его продать. Что им так далось это стойло?»

Алоне тоже внес свою лепту в историю с château. Три дня спустя после присуждения Нобелевской премии он опубликовал в «Меркурио» статью, в которой утверждал, будто в поэте есть нечто, что превыше чувства красоты, а именно переменчивость. Четыре месяца спустя Алоне опубликовал другую статью, которая показала, что и он не чужд перемен. Он подписался не псевдонимом, под которым известен, а двумя инициалами, способными обмануть только новичков, — Э. Д., что соответствует его подлинному имени и фамилии: Эрнан Диас. Он выложил все грязные сплетни, какие знал, о денежной премии, поступившей на счет поэта. Внесет ли он ее в казну партии, чтобы тем самым способствовать росту антикапиталистической пропаганды? Похоже, нет. «…Сообщение о том, что Пабло Неруда купил во Франции замок, прозвучало точно взрыв бомбы». Эта информация (точнее, дезинформация) распространилась по всему свету. Э. Д. объясняет почему. «Дело в том, что речь шла не просто о замке, а именно о том, который принадлежал герцогам де Роган, самой романтической семье высшей аристократии; один из знаменитейших представителей этой фамилии, князь и вдобавок кардинал, решил добиться благосклонности Марии Антуанетты, подарив ей бриллиантовое колье. Так утверждал Александр Дюма». Владение этими землями давало право на дворянское звание. Тем самым Неруда становился герцогом де Роган, хотя и без княжеского титула. На Марию Антуанетту он также не мог претендовать. При этом умалчивалась одна незначительная деталь: Французская революция не только послала на гильотину королеву, но также упразднила феодальную собственность.

Так в далекой плебейской Чили воображаемый замок Неруды занял в воображении его врагов то же место, какое он занимал в романах любимого писателя Пабло, автора «Ожерелья королевы» и «Виконта де Бражелона». Видно, поэтам не дают покоя сюжеты

знаменитых романов.

Но воздушный замок долго не простоял. Стало очевидно, что речь идет об отличных старинных конюшнях. Злые чары, напущенные сенатом, развеялись. Однако вся эта беллетристика снова стала предметом обсуждения, как только речь зашла о том, чтобы купить и превратить в музей одну усадьбу, скромный полуразрушенный домик в Паррале, в котором наш поэт появился на свет.

Э. Д. скорбел, что в истории о волшебном замке не оказалось ничего поэтического. Ведь конюшни — это грубая проза. Но побился об заклад, что, несмотря на все унылые достоверные доказательства, замок Неруды останется в истории как легенда.

Так оно и случилось, только замок стал не легендой, а клеветой. По возвращении из Европы в каждой южноамериканской столице, где садился самолет, я читал в газетах все ту же сплетню, сфабрикованную тем же агентством: красный поэт купил во Франции замок герцога де Рогана.

Я взял на себя труд объяснить сенату, что замок — это конюшня, которую я видел собственными глазами. Архитектор приспособил ее под загородный дом. Так средневековая черепичная мастерская превратилась в нечто вроде ангара без аэроплана. В одном углу Неруда установил самодельные полки для книг, письменный стол, а немного поодаль маленький уютный обеденный стол. Помещение было действительно просторным, хоть разгуливай по нему. Лестница фантастической крутизны вела на второй этаж, где, кроме спальни, находилась комната для гостей. Маленькое владение снаружи огибала река Итон. Из окна я глядел на крепких нормандок, полоскавших белье в реке, точно на картине XVII века. Под вечер мы вышли с Пабло пройтись по соседнему лесу, окутанному туманом и словно призрачному. Пейзаж был чисто литературный. Он наводил на мысль о дуэлях, о рыцарях плаща и шпаги. И правда, он навевал воспоминания о романах Александра Дюма. Но мы не были мушкетерами. Неруда двигался не очень уверенно. И все же он был рад прогулке и жадно вдыхал чистый холодный воздух, в целебность которого верил.

На обратном пути мы повстречали у дверей дома двух очень высоких людей, которые только что вышли из «ситроена». Это были Хулио Кортасар и Угне Карвеллис. Вечер мы провели в спокойной дружеской беседе. Гости приехали не спорить о мировых вопросах, а навестить в воскресный вечер больного друга, болезнь которого была запретной темой. Когда уже глубокой ночью я вышел проводить их, Кортасар тихо меня спросил: «Как его здоровье?»

Вскоре я узнал, что Неруда, никому о том не объявляя, летал в Москву для медицинского обследования. Диагноз был тот же самый. Другого метода лечения, кроме уже предписанного, не существовало. Переводчицей при нем работала Элла Брагинская. Грустные беседы с друзьями. Иных уже не было на свете. Он посвятил им книгу, которую назвал провидчески: «Московская элегия». Это было предчувствие.

173. Сестра футуризма

Когда я был в Париже, мы с Нерудой условились встретиться в Милане в марте 1972 года. Нас обоих пригласили на XIII съезд Итальянской коммунистической партии. Я прилетел из Лондона в аэропорт «Линате». В кармане у меня лежит телеграмма Неруды, в которой он сообщает мне, что прилетит с Матильдой на три часа позже. Еще есть время доехать до Консульства Чили и вернуться с его сотрудником, чтобы тот встретил посла. Когда сотрудник консульства говорит пограничникам, что встречает Неруду, у кого-то из них вдруг вырывается: «Д'Аннунцио нашего времени!» Когда Неруде становится известно об этом эпизоде, он не возмущается. Он хорошо понимает, чем отличается от итальянского писателя, однако не забывает о том, что великий себялюбец из Пескары до известной степени повлиял на него в юности.

Обосновавшись в отеле перед Домским собором, Неруда любуется этим необыкновенным творением. Ему нравятся каменные розетки собора. Мы не спеша выходим из отеля (ему трудно передвигаться) и усаживаемся поблизости в кафе Центральной галереи. Рядом, в витринах книжного магазина Академии, большие фотографии поэта и реклама последних новинок: Neruda, le grandi opere, Tre Residenze sulla Terra, Canto general, Fine del Mondo.

В 7 часов вечера в салоне Академии собираются члены миланского клуба любителей поэзии Неруды, среди которых люди разного возраста. У поэта просят автографы, точно он звезда эстрады.

Затем в ресторане состоялся прием в его честь. Пришел его друг художник Гуттузо. Незнакомая мне женщина подходит к Неруде, я слушаю ее с большим интересом. Она рассказывает Пабло о своем отце, поэте Европы, который вознамерился прикончить литературный романтизм, провозгласил царство скорости и превозносил войну как средство очищения мира. «Бедный папа! — бормочет эта итальянка с большими глазами. — Он пал жертвой войны и своих слов». Это — сестра футуризма. Их

отец — неугомонный поэт Маринетти.

174. Страна-буревестник

Чудовище появляется на сцене, угрожая ему современной гарротой{151}: stand by[214]. В апреле 1972 года, приглашенный Пен-клубом Нью-Йорка по случаю пятидесятилетия его основания, Неруда должен произнести речь об Уолте Уитмене. Он делает неожиданное вступление, говоря о «самом странном собрании из всех, на которых я должен был присутствовать или в которых участвовал». Он находится на скамье должников, в окружении самых больших кредиторов мира, которым его страна задолжала огромную сумму. Он ощущает, как в горло ей впиваются острые когти — рука Международного валютного фонда.

Он объясняет американским писателям:

> «Тут важно понять, что мы задолжали друг другу. Мы должны постоянно вести переговоры о внутреннем долге, который висит на нас, писателях всех стран. Мы все задолжали, что-то мы брали из интеллектуальной традиции наших стран, а что-то — из сокровищницы всего мира».

Хороший плательщик, Неруда заявляет, что ему скоро семьдесят, но, еще когда ему исполнилось пятнадцать, он открыл для себя самого великого кредитора — Уолта Уитмена. Неруда заметил, что Чили переживает революционные преобразования и многие чувствуют себя обиженными, сбитыми с толку.

На собрании «кредиторов» он процитировал «Балладу о старом моряке». Сэмюэл Тейлор Колридж написал свою поэму, основываясь на эпизоде, который произошел на крайнем юге Чили и о котором рассказал в своих путевых дневниках Шелвок. Очертания Чили напоминают буревестника. Кредиторы, которым причитаются такие астрономические, ростовщические суммы — причем Латинская Америка не в состоянии их выплатить, — должны помнить, что история об убитом буревестнике, рассказанная в «Балладе о старом моряке», заканчивается вечной карой мореплавателю, который приказал повесить за шею птицу — вестника бурь.

Болезнь снова подступает. 27 июня 1972 года он присылает мне несколько строк:

> «…я в ожидании своей участи. Завтра утром мне сделают прижигание. Обнимаю вас всех. Пабло».

С болью он добавляет: «Тяжело думать о смерти Чико». Речь идет о нашем общем друге, сделавшем фотографии к книге «Камни Чили», Антонио Кинтане.

175. Планы и возвращение болезни

По прошествии нескольких месяцев новый посланец отправляется навестить Пабло. Это Серхио Инсунса, министр юстиции в правительстве Сальвадора Альенде. Нам стало известно о рецидиве болезни. 5 августа 1972 года Пабло пишет мне из «Ла Манкели» — этим арауканским словом он назвал свой вызвавший столько толков дом в Нормандии:

> «Серхио расскажет тебе о том, что я пошел на поправку в „Ла Манкели“. Как замечательно, что он оказался рядом и к тому же не без пользы. Серхио расскажет тебе о моих замыслах и о состоянии моего здоровья. Посылаю тебе свою последнюю, довольно-таки печальную книгу, плод болезни и жизни вдали от родины. Я хочу, чтобы увидело свет хоть одно из этих стихотворений, которые никому не известны».

Это — «Бесплодная география», в которой больной человек просит холод возвратить ему источник энергии, говорит о себе, что выжил чудом, и приветливо машет птицам. В этом же письме Неруда снова сообщает о трудностях и тяготах возвращения.

> «Серхио расскажет тебе, почему даже думать невозможно о путешествии до ноября из-за неопределенного состояния моего здоровья, оно должно окрепнуть настолько, чтобы я перенес дорогу и поездку по стране. Отдых в „Ла Манкели“ пошел мне на пользу, однако бывали дни, когда я думал, что вот-вот снова свалюсь». У него одно утешение: «Омеро, точно почтовый голубь, приземлился в „Ла Манкели“. Мы ежедневно работаем над воспоминаниями. Нужно дополнить текст из „Крузейро“ так, чтобы получилась приличная книжка. Мы с Омеро веселимся от души и нахваливаем себя изо всех сил».

Несколько недель спустя Неруда и Матильда решают отправиться в Чили. В письме он по своему обыкновению объясняет все подробно, до мельчайших деталей. Один испанский поэт вспоминал, как одновременно показал свои стихи Гарсиа Лорке и Неруде. Первый сделал структурный анализ содержания

и формы. Неруда, напротив, обратил внимание на лексику, в особенности на прилагательные, советуя убрать те из них, которые показались ему недостаточно выразительными, следуя словам Рубена Дарио, который говорил, что, если прилагательное не придает жизни, оно убивает. Письма Неруды всегда именно такими и были: конкретными и предельно подробными. Думаю, он правильно делал. Он не доверял нам из-за нашей неорганизованности. Он писал, как Хуан Сегура[{152}].

> «ПОЕЗДКА. Мы с Матильдой назначили дату нашего отъезда, и ты узнаешь ее первый. Мы выезжаем 31 октября на итальянском пароходе „Эудженио К.“. 12 ноября пароход приходит в Буэнос-Айрес, где мы могли бы задержаться дня на два-три. Дату прибытия вы можете уточнить, связавшись со мною через Маргариту. Полагаю, что и дата прибытия, и то, что мне предстоит потом, должны быть продуманы как следует и решение сообщено мне заранее — нам нужно подготовиться. Как я уже сказал, мы подгадали свой приезд к предвыборной кампании. Надо хорошо продумать мое участие в этой кампании, чтобы оно было плодотворным и не слишком утомительным. Мне хотелось бы воспользоваться поездкой на Юг и провести несколько дней в какой-нибудь глуши, чтобы восстановить связь с землей. Вам решать, когда мне приехать, но думаю, что это должно быть до выборов.
>
> Я отказался от поездок в другие страны. По правде сказать, не лежит у меня душа к этой суете и шумихе. Тем не менее я считаю, что моя поездка может оказаться полезной, а результат кампании меня очень тревожит. Хорошо бы ты написал мне обо всем поподробнее, перспективы наши мне не вполне ясны.
>
> Мы с Матильдой обнимаем тебя, Элиану и Марину. Обнимаем также Лучо и всю семью, в том числе товарищей из руководства. До встречи. П.».

Он добавляет еще несколько конкретных указаний относительно переезда в Чили. И нечто более важное: он обязательно хочет повидаться с Сальвадором Альенде. Ему необходимо поговорить с президентом лично. Вот почему с вполне понятной тревогой он пишет мне 15 августа 1972 года письмо, в котором выражает свое беспокойство по поводу того, что они могут разминуться.

> «В одной из здешних газет я прочел, что в конце

октября Сальвадор Альенде отправляется в поездку за рубеж. Как ты знаешь, тогда мы уже будем на пути в Чили, хотим добраться до Буэнос-Айреса к 12 ноября. С одной стороны, как мне кажется, я должен приехать в Чили, когда президент будет на родине, а с другой, хотелось бы знать, собирается ли он в Париж. Тогда я обязан принять его в посольстве.

Если возможно, сделай одолжение, выясни это и сообщи мне телеграфом Министерства иностранных дел или, лучше, срочным письмом авиапочтой».

Неруда продолжает диктовать свои воспоминания.

Получаю новое письмо, датированное 7 сентября 1972 года, с копией его обращения к Альенде, которого он называет «мой дорогой президент Сальвадор»[215]. В этом письме он предлагает, чтобы государство взяло на себя издание миллионным тиражом антологии его поэзии. Он заявляет, что и издатель Лосада (владелец авторских прав), и сам поэт отказываются от прибыли и гонорара в том случае, если издание будет целиком и безвозмездно передано в школы, профсоюзы и (о ирония!) вооруженным силам. Он просит президента написать к этой книге предисловие, а если это окажется невозможным, то разрешить напечатать послание, которое Альенде направил Неруде по случаю присуждения ему Нобелевской премии. В письме ко мне Пабло говорит о том же, но предлагает издать еще одну антологию, также массовым тиражом «по цене киоска». Он добавляет, что отказался от приглашений посетить Германию, Бельгию, Югославию и другие страны. Поедет только в Оксфорд, где его поджидает старый друг профессор Принг-Милл, восторженный поклонник и дотошный исследователь творчества Неруды. Он вкладывает также третье письмо, адресованное советнику президента Антонио Бенедикто. Тут страсть поэта к уточнению деталей доходит до англосаксонской пунктуальности. Он вновь повторяет указания, которые должны быть в точности выполнены при подготовке антологии. Он требует строгого соблюдения своих пожеланий, особенно в том, что касается знаков препинания.

«Я настаиваю на этом, потому что по опыту знаю, какие упрямцы корректоры. На обложках не должно быть ни фотографий, ни рисунков. Мне нравится только четкая и безупречная печать».

Однако снова все карты спутаны. В письме от 18 октября 1972 года он сообщает, что отъезд отложен.

«Среди прочих горестей, связанных с чилийской ситуацией и введением эмбарго на медь, я должен сообщить тебе еще одну дурную весть. У меня снова был тяжелый приступ той же болезни: я опять на долгие дни приговорен к зонду, уколам и антибиотикам. По мнению врачей, нужно снова сделать то, что они называют „чисткой“ и что в действительности является операцией под общим наркозом.

Кроме того, врач считает рискованным переезд по морю, потому что могут возникнуть осложнения, и советует мне лететь.

Я не могу лечь в клинику немедленно, поскольку должен участвовать в борьбе за медь и в конференции ЮНЕСКО, где выступлю в четверг 19 октября, хотя бы полумертвый.

26 числа того же месяца я иду на прием к Помпиду, чтобы обрисовать ему наше положение из-за эмбарго на медь.

Завтра днем я потащусь в Трибунал, потому что начинаются слушания защиты.

Итак, в больницу я отправлюсь 27 октября, на следующий день после визита к Помпиду.

Сегодня утром я послал тебе телеграмму с просьбой отложить митинг на стадионе до 2 декабря. Тогда у меня будет время, чтобы оправиться после операции и вылететь на самолете с двухдневной остановкой на отдых в Буэнос-Айресе.

Надеюсь, все это осуществится, и прошу тебя обратить внимание на то, что я хочу прямо из Пудауэля поехать в Исла-Негра и там подготовиться к выступлению с помощью Омеро, который приедет со мной. Само собой, очень важно, чтобы никто не знал о моей болезни. Теперь нужно хранить полную тайну.

Хотя я ничего тебе и не сказал, но понял, что ты имел в виду, когда говорил, что я не подам в отставку. Здешняя пресса, не ссылаясь на источник информации, объявила, что в Чили считают, что я подал в отставку. Это известие дорого обошлось мне при решении сложных ежедневных вопросов даже внутри посольства. Не хочу больше затягивать это письмо, в котором я хотел лишь сообщить то, что сообщил. Говорят, в клинике я пробуду неделю. Обнимаю тебя. Пабло».

176. Арауканский камень

Он, прихрамывая, спускается с самолета. Журналисты не преминули спросить, что с ним. «Подагра, аристократическая болезнь англичан», — отвечает он, пытаясь отделаться шуткой. Его встречает много народу, хотя о приезде Неруды не сообщалось. Но ведь он — знаменитость, он возвращается, увенчанный мировой славой. Поэту не до протокола. Его ждет автомобиль, чтобы отвезти прямо в Исла-Негра, не заезжая в Сантьяго, город, который при таких обстоятельствах его пугает. Встреча была омрачена затаенной печалью.

Мы едем повидать поэта в Исла-Негра. Лежа в постели, он диктует речь, которую произнесет на Национальном стадионе во время всенародного чествования. Альенде находится в поездке по зарубежным странам. От имени правительства, народа и страны Неруду будет приветствовать вице-президент республики и главнокомандующий генерал Карлос Пратс.

В стране идет процесс дестабилизации, процветает черный рынок, идет утечка капиталов, ведется психологическая война. Правые уверены, что парламентские выборы в первое воскресенье марта 1973 года принесут оппозиции две трети голосов, необходимые для того, чтобы, не нарушая конституции, устранить президента Республики. Речь идет о «холодном перевороте», тщательно, как шахматная партия, продуманном в Белом доме, в Овальном кабинете которого президент Ричард Никсон в присутствии Генри Киссинджера отдал приказ Ричарду Хелмсу, генеральному директору ЦРУ, свергнуть Альенде любыми средствами. Многие миллионы долларов направляются на подкуп газет, парламентариев, генералов. Правые уже достигли значительного успеха в сеянии смуты под лозунгом, который ежедневно повторяют газеты из компании Эдвардса, — «Копить ненависть!».

Эта атмосфера сказывается на чествовании Неруды на Национальном стадионе. Ожидалось, что соберутся сотни тысяч людей, а на скамейках видны пустые места. Присутствуют карабинеры, а затем, точно дурное предзнаменование, на арене появляются полицейские ищейки: менее чем через год этот стадион будет превращен в концентрационный лагерь.

Вице-президент обращается к собравшимся с речью, которая обнаруживает не только знакомство с поэтом и его творчеством, но и уважение к человеку, который, как немногие, обогатил культурный и патриотический потенциал нации.

Пабло Неруда произносит речь, оригинал которой, уцелевший от пожара в сентябре 1973 года, находится у меня. Это речь-предупреждение. Поэт пережил трагедию Испании и понимает, что означал бы франкизм в Чили. По возвращении на

родину он ощутил атмосферу опасности, которая нависла над страной. Но дуют и свежие ветры. Этим утром его разбудил морской прибой в Исла-Негра. «На этой церемонии, под свист и барабанный бой, я словно вновь обручился с моей Родиной. И не думайте, что это брак по расчету. Речь идет только о любви, великой любви моей жизни».

Это чествование оставило во всех нас тяжелое чувство. Поэт был болен, а в стране копилась страшная зараза, смертельную дозу которой ей привили извне.

Удрученный происходящим, Неруда едет работать в Исла-Негра. Его оружием станет поэзия.

Он присылает мне в конце года открытку, украшенную его экслибрисом — рыбкой между двух армиллярных колец, с неизменным приказом: «31 декабря 1972 года мы вместе встречаем 1 января 1973 года в „Себастьяне“, в Вальпараисо». Когда в полночь, отделяющую один год от другого, завоют портовые сирены, мы вновь сойдемся вместе, в том числе и два гостя из Венесуэлы — Мария Тереса Кастильо и Мигель Отеро Сильва — на просторной плоской крыше, которую Себастьян Кольядо некогда мечтал превратить в вертолетную площадку. Далеко мы не загадывали. Что будет в 1973 году?

Когда занимается заря нового года, Неруда вручает мне только что написанное предисловие к моей книге «Служение обществу». Оно отражает душевное состояние поэта. Неруда полемизирует со статьей, опубликованной в «Меркурио» в воскресенье 17 декабря 1972 года и подписанной Е. Б. Неруда начинает с того, что цитирует целый абзац из этой статьи, показательной для умонастроения тех, кто стремится повернуть историю страны вспять.

> «Это было во времена важно выступавших Фордов, господ с тростью и в гетрах и дам в шляпах с перьями. Когда погас огонь войны, которую все считали „последней“, люди вздохнули свободно, преисполненные иллюзий, не отдавая себе отчета в том, что народился новый мир с родимым пятном большевистского рака, которому предназначено было заразить бездельников, неудачников, бездарей, хамов, преступников, обиженных, завистников и насильников. Нигилистское меньшинство рода человеческого, его мертвый груз, должно было восстать с чудовищным намерением править миром».

Неруда отвечает без обиняков:

«Среди этих прокаженных, хамов, преступников, бездарей и неудачников были и сейчас есть коммунисты, такие, как Максим Горький, как Гагарин и другие первые космонавты, такие авиаконструкторы, как Туполев, ученые, как Жолио-Кюри, художники, как Пабло Пикассо, Анри Матисс, Фернан Леже, гениальные мастера гобеленов, как Люрса, такие удивительные артисты, как Поль Робсон, писатели, как Анатоль Франс, Анри Барбюс, Владимир Маяковский, Луи Арагон, Поль Элюар, Бертольт Брехт, Мариатеги, Сесар Вальехо, такие политические деятели, как Ленин, Георгий Димитров, Антонио Грамши, Хо Ши Мин, Луис Эмилио Рекабаррен. Ваш покорный слуга также принадлежит к числу этих заклейменных хроникером из „Меркурио“».

Несколько дней спустя, около одиннадцати утра, мы с Луисом Карваланом стоим в ожидании на посадочной площадке в Исла-Негра, где дети и местные жители обычно играют в футбол. Какое-то фырчание доносится с неба. Снижаясь, вертолет перестает реветь, планирует в воздухе и садится на землю мягко и даже изящно. Из него выходит президент. Мы направляемся к дому Неруды. После беседы, прерываемой взрывами смеха и фотографированием на память, поэт устраивается за небольшим столиком, и начинается самое удивительное в его жизни выступление перед редкостной аудиторией всего из трех человек во главе с Сальвадором Альенде. Неруда читает перед президентом воззвание с призывом убить другого президента. Он с каким-то особым удовольствием произносит каждое слово из длинного заголовка «Призыв к расправе с Никсоном и хвала чилийской революции».

Голос поэта под стать содержанию. Он звучит свободно и размеренно: «Это подстрекательство к доселе невиданному деянию: книга предназначается для того, чтобы мы, старые и новые поэты, уничтоженные и здравствующие, восстали из руин Истории против холодного и безумного убийцы».

Все трое, с волнением слушающие его, сразу же отмечают, что в этом произведении, как и в «Песне о подвиге», которая, по словам поэта, является первой поэтической книгой на испанском языке, посвященной Кубинской революции, «нет ни озабоченности стилем, ни стремления к изяществу выразительных средств, ни брачного герметизма иных моих метафизических книг». Перед нами человек, который время от времени должен «становиться кондуктором, пастухом, каменщиком, пахарем, газовщиком или просто полковым

сорвиголовой, готовым сойтись врукопашную или поддать огня так, что станет жарко». Иными словами, он будет бардом на службе общества. У него нет иного выхода, и против врагов своего народа он направляет свою песню, «атакующую и крепкую, как арауканский камень… Теперь, внимание! Я стреляю». Он просит подмоги у Уолта Уитмена в борьбе против убийцы из Белого дома. Неруда будет его судить.

Поэт в данном случае выступает не как оракул, а лишь как бард, и все же предсказатель. Он предвещает то, что будет: impeachment[216] и происшедшее впервые в истории смещение президента Соединенных Штатов по имени Ричард Никсон, который направлял не только «уотергейтское дело», но и заговор против Чили. Стоит отметить, что «Призыв к расправе с Никсоном…» был услышан, воспринят и по-своему претворен в жизнь самими американцами, уж не знаем, не при тайном ли соучастии старика Уитмена. Никсона не убили, но с позором сместили с поста.

Неруда на этих страницах получает с Никсона по всем неоплаченным счетам: эмбарго на медь, Вьетнам, заговор ЦРУ, хаос, так профессионально организованный в Чили его агентами. «Вульгарная история» позволит поэту вспомнить акцию человека по имени Вио, из тех, что при свете софитов готовили переворот 11 сентября.

Он прощается с убитым генералом Шнейдером, ярко передав атмосферу чрезвычайного положения, которая давит на человека, точно жар расплавленного металла.

Если он начал с призыва к своему старому брату Уитмену, то заканчивает доном Алонсо де Эрсильей, потому что «все та же извечная безудержная борьба возникает из глубины Араукании… Чили, несравненный плодородный край, лежащий в антарктических широтах… не покорившийся пришельцу».

Когда он кончает читать, мы молчим, пораженные страстностью раненого бойца. Первым прерывает молчание Альенде:

— Пабло, это поразительная поэма. В ней то, что мы все, миллионы чилийцев, ощущаем… — Он делает паузу, затем добавляет: —Но я хочу задать тебе один вопрос.

— Какой же?

— Как ты считаешь, Пабло, после опубликования этой поэмы ты сможешь оставаться послом?

— Я как раз хотел поговорить с тобой об этом, Сальвадор. Я прошу освободить меня от этого поста. Я хочу, мне нужно быть в Чили.

По просьбе «Нью-Йорк таймс» 28 июня 1973 года в Исла-

Негра он пишет статью под названием «Уотергейт: о каком скандале идет речь?».

> «Не могу сказать, что я желаю американцам по 365 уотергейтов в год. Но если они постараются, то получат их».

Во время правления президента Рейгана заговорили о «Дебатгейте», были вытащены на свет или полусвет многие скандальные истории. Чилийский Уотергейт, продемонстрировавший non sancta[217] ответственность господина президента Соединенных Штатов за попрание прав человека в Чили, происходил при жизни Неруды и продолжает повторяться ежедневно на протяжении многих лет.

177. Мечта о «Каталао»

Неруда пишет не только боевую поэзию, но также и лирические стихи. Обдуваемый всеми ветрами, от которых гудит его страна, он продолжает писать книги, планировать разные дела, строить. Он решает, что нужно сочетать морской воздух и климат Кордильер. Начинает строительство нового дома к востоку от Сантьяго, в предгорьях Анд, а именно в Ло-Курро, которое позже диктатор, обуреваемый теми же комплексами, что и Гитлер, изберет для возведения бункера дворцового типа. Неруда будет дышать горным воздухом, не поднимаясь по крутым горным уступам к хижине. У него будет просторный одноэтажный дом. Ночью он сможет глядеть на небо с сияющими созвездиями, которые он знает наперечет, до последней звезды. И будет видеть у своих ног Вавилон в огнях, в котором, как бы то ни было, он нуждается, потому что, среди прочего, там живут его врачи.

Он построит еще один дом для себя, но и задумает возвести поселок для поэтов, которому даст название «Каталао», взятое из «Жителя и его надежды». Он покупает участок земли неподалеку от Исла-Негра, чтобы основать деревню для художников — бедных деньгами, богатых мечтами. Чтобы подготовить проект и профессионально взглянуть на свое творение, он прибегает к помощи знаменитого архитектора, безупречно благородного человека, ректора Католического университета Сантьяго Фернандо Кастильо Веласко.

Однажды утром мы втроем шагаем по холмам, боковые склоны которых пересекают тропинки, резко обрывающиеся вниз, в океан. Мы останавливаемся на плоскогорье, где пасут скот. Неруда построил небольшой дощатый сарай, где хранит

строительные материалы. Мы подходим и обнаруживаем, что сарай кто-то разрушил. Это акт вандализма тех, кто не хочет поселков для поэтов и ненавидит поэта, желающего их построить. На обратном пути Неруда пишет по этому поводу стихотворение, в котором не скрывает своей горечи.

Злые выходки против «Каталао» причиняли ему боль. Не то чтобы они лишали его мужества, скорее они возвещали о том, что настают плохие времена. В конце концов, кому мешал этот проект? Поэт лишь хотел, чтобы его коллеги имели то, чего он добился для себя: место, где жить и работать. Он давно вынашивал мечту основать необычный поселок. В 1970 году Неруда закончил выплачивать взнос за участок на каменистых склонах Пунта-де-Тралка (арауканское название, означающее «мыс грома», потому что в этом месте побережья волны подымаются на высоту до ста метров и разбиваются о скалы). Он имел обыкновение надолго уходить в домик, который он выстроил наподобие сельской хижины, и там работал или отдыхал. Здесь он написал целую книгу. Однажды сюда наведались воры, унесли рваный гамак, два стакана да три книжки. Одна была сборником английской поэзии. На первой ее странице он записал свое стихотворение, которое «теперь, — грустно шутил он, — прочтут только воры».

Но пропажа любимых книг и вещей мало его тронула по сравнению с горем, причиненным политическими налетчиками, которые разбили окна с витражами, разбросали по полу голубые, зеленые и красные осколки. Это была как бы прикидка того разгрома, который они учинят в «Часконе» в день его смерти.

Мечта о «Каталао», поселке для поэтов, — не унес ли ее Неруда с собой навсегда в страну безумных мечтаний?

Теперь, при режиме, который конфисковал Исла-Негра, поскольку он представляет опасность для государства, мечта поэта сдана в архив. Но, может, когда-нибудь она и осуществится.

Однако поэт — неисправимый гражданин — одновременно работает над осуществлением другой идеи: преобразовать Исла-Негра, создать парк и площадь. В парке будут радовать глаз агаты, гладкие цветные камни, найденные Нерудой и Мари Мартинер. Создается комиссия под руководством Серхио Инсунсы, в которую входят также Карлос Матус, Флавиан Левин, Гонсало Мартинер, архитекторы Фернандо Кастильо Веласко, Мигель Лаунер, Федерико Вонг, Серхио Гонсалес, Карлос Мартинер и Рауль Бульнес С. На одном из заседаний решено принять в дар от Общества современного искусства скульптуру Марты Кольвин для площади. Неруда занимается организационными, финансовыми, административными делами.

Он похож то на шумного двадцатилетнего парня, который громко распоряжается, то на сорокалетнего человека, действующего с большим толком, но при этом никогда не перестающего чуть-чуть играть.

178. Ткацкие мастерские бедняков

Неруда добивается от правительства Сальвадора Альенде решения построить Дом культуры в Исла-Негра, где будет постоянная экспозиция произведений ковровщиц. В одно воскресное утро мы отправляемся вместе взглянуть на эти ковры в муниципалитет Киско — в этом округе находился дом Неруды. Он хотел, чтобы творения скромных ковровщиц увидел весь свет. Ему нравилась их гармоничность, она возникала не от свечения изящного бледного шелка, а была светом, отбрасываемым крестьянской лампой, то были творения бедняков, в которых воплотились их нужды, недостижимые мечты и чаяния. После переворота это искусство стало очень популярным в поселениях бедноты не только сельской, но и городской. Царящее там вавилонское столпотворение не способствовало созданию народных фресок под старину. Мурали бригады Рамоны Парры были запрещены; но среди тумана, который поднимался над кровавыми росами, в укрытом от чужих глаз подполье существовали руки, прежде всего женские, которые вновь брались за куски дерюги, воплощая на этих лоскутах свою тоску по утраченной свободе, историю пережитой ими трагедии. Речь идет о ремесле, возникшем в эпоху насилия и не служившем средством к существованию. Это «ночные» ковры. В них использованы цвета, словно обагренные кровью, потому что вокруг ручьем лилась кровь. Ковры рассказывают о превратностях судьбы, нужде и служат напоминанием о былом. Иной раз на них возникают образы Альенде и Неруды. В лабиринтах предместий, в сотнях измученных мятежных душ каким-то образом воскресла и осуществилась мечта поэта разослать эти коврики во все части света как послания миру.

Наперекор смерти и голоду множатся свидетельства страшного времени. Они не имеют ничего общего с роскошными гобеленами из старинных дворцов. Они вытканы скорбным сердцем, которое стремится запечатлеть пережитое, вплетая нитки, выдернутые из ветхого шерстяного жилета. Они выражают народное восприятие несчастья, и это восприятие — безошибочное. Обитатели предместий имеют обыкновение воспроизводить на небольшом прямоугольнике стихотворение поэта, который помогает им высоко держать свое знамя и

выражать протест против изуродованного мира. Нерудовская мечта разослать ковры во все части света исполнилась неожиданным образом, стала массовым явлением. Ведь политическая поэзия, живопись, народный гобелен, бедняцкое тканье — воплощение этой мечты.

179. Исправленное посвящение

Неруда наведывался в Сантьяго главным образом для медицинского осмотра. Тогда он сообщал из Исла-Негра кому-нибудь из друзей, что в такой-то день будет у него обедать, а потом соснет часок-другой. Время от времени он гостил и у меня. Неруда как никогда нуждался в дневном отдыхе, чтобы одолеть усталость и пополнить ночной сон, так как ночь всегда была для него временем захватывающих бесед, которые теперь были окрашены печалью, и она звучала в его чаплинском смехе.

Гарсиа Маркес рассказывает, что у себя дома в Барселоне он предложил Неруде супружескую постель для дневного отдыха. Автор «Ста лет одиночества» хранит книгу Неруды с исправленным посвящением. Первая надпись гласит: «Мерседес, в ее постели». Габо добавляет, что, написав это, Пабло сказал: «Нет, так не годится». И исправил: «Мерседес и Габо в их постели». Потом минуту подумал и решил, что так еще хуже. И снова исправил: «Мерседес и Габо в их постели, братски».

180. В дозоре

Sui generis[218] заговора состояло в том, что готовился он не только в тени, но и на дневном свету. Неруда предупреждает об опасности. По стенам чилийских городов расклеен его плакат в метр высотой, отпечатанный в Исла-Негра 20 мая 1973 года, с заголовком красными буквами: «Художникам и интеллигенции». Это предпоследний призыв осознать трагедию ad portas. Признаки безошибочны, их нельзя не принимать всерьез. Неруда предлагает план действий. Он просит представителей интеллигенции, поэтов в особенности, отправиться в провинции и поселки, на фабрики, в учреждения, школы и разъяснять народу, что готовится в тени. Он призывает драматургов и артистов, танцовщиков, исполнителей народных песен, композиторов, живописцев, графиков, скульпторов и художников-прикладников, профессионалов и ремесленников посвятить свое творчество делу спасения страны от катастрофы. Он обращает свой призыв к друзьям художникам, интеллигенции, деятелям культуры Латинской Америки, Соединенных Штатов и Канады, Европы, Азии, Африки и

Океании.

Так что поэт вовсе не бездействовал. Несмотря на болезнь, он всеми силами старался предотвратить катастрофу.

Результаты парламентских выборов 4 марта 1973 года покончили с надеждами на «холодный переворот». Успех Народного единства превзошел все ожидания. Заговорщики должны были распрощаться со своими планами смещения президента республики. Легальный путь отменяется. Остается путь вооруженного мятежа. Все должно быть направлено на осуществление этой цели. Устанавливаются контакты с военными чинами, отдаются распоряжения политикам, специалистам по экономике, журналистам всех средств массовой информации. Правые будут непреклонны. Они не остановятся ни перед чем: ни перед кровавой баней, ни перед пытками, ни перед исчезновением людей и изгнанием миллиона чилийцев. Осуществление плана идет полным ходом. Неруда видит это яснее других. Потому что поэт обладает антеннами, которые помогают ему улавливать неслышные другим сигналы, волны, которые разливаются в воздухе или скапливаются где-то в недрах общества.

Он ни от кого не скрывает своих горестных предчувствий. Дом взят в осаду журналистами, которые понаехали с разных концов света и хотят взять у поэта интервью.

Однажды, когда я записываю в радиостудии передачу, мексиканский журналист Луис Суарес просит меня отрекомендовать его Неруде. Я не должен этого делать. Однако понимаю, что речь идет о чем-то важном. Набираю номер Неруды. Часа два спустя Луис Суарес звонит в колокольчик, подвешенный к балке над дверью дома поэта. Хозяин принимает журналиста, сидя в кресле, в библиотеке, возле камина, в котором горит огонь. Он одет в серый свитер. Пишет в тетрадь. Отрывается от стихов, когда журналист входит. Рядом — столяр, он что-то мастерит. Журналист хочет говорить о Нобелевской премии, а Неруда — о Чили. Удары молотка мешают расслышать слова. Журналист подсаживается с другой стороны.

Неруда вспоминает о своем «Призыве к расправе с Никсоном…».

> «Это поэтическая книга-памфлет, которая расставляет точки над „i“… Всю свою жизнь я менее всего был сектантом, я против догм. Верю в реализм и ирреализм, и эти два закона — основополагающие в художественном творчестве. Тот, кто упраздняет реализм, удаляется от жизни и становится ходячим

призраком, а художник, отказывающийся от мечты и тайны, терпит кораблекрушение на суше».

181. Куртка

12 июля 1973 года мы вместе с депутатами Гладис Марин и Росендо Уэнуманом едем в Исла-Негра поздравить Неруду с 69-летием. Обычно в этот день в доме устраивался шумный праздник, с маскарадом и шутками, которые лились неудержимым потоком. Теперь все иначе. Организатор шумного веселья в постели. Мы вручаем ему подарок от партии, и он тут же заводит разговор о том, что поглощает все его мысли: о положении в стране. Потом он долго и обстоятельно беседует с Уэнуманом, поэтом-мапуче. У Неруды идея (и, по его мнению, это должно стать одним из начинаний народного правительства) создать Университет Араукании, где преподавали бы на языке исконных обитателей страны и где их литература и культура будут наконец зафиксированы в письменной форме. Индейцы имеют право на то, чтобы их уважали как полноценную национальность. Тема вдохновляет Неруду. Я восхищен той страстью, с какой отдается новому проекту человек, прикованный к постели. Некоторое время спустя входит сын Гонсало Лосады, в руках у которого большой пакет, который он аккуратно разворачивает. Это внушительного вида аргентинская куртка, подбитая мехом патагонских коз.

«Это вам посылает мой отец, он не хочет, чтобы вы, Пабло, мерзли в эту зиму». Молодой Лосада разворачивает куртку, и она является во всем своем великолепии. Пабло отвечает: «Спасибо за чудесный подарок». На лице у него вежливая и грустная улыбка.

Не прошло и недели, как к моему дому в Сантьяго на Матта Ориенте, 394, неожиданно подъезжает автомобиль Неруды. Из окна своего кабинета я с удивлением гляжу на него. Вижу Мануэля Арайю, шофера Неруды, который идет с каким-то свертком в руках. Он вручает мне письмо, которое я читаю, едва сдерживая волнение.

«18–VII–73.

Дорогой Валентин!

Я думаю, что эта куртка (полученная от Досады) тебе больше подойдет, в ней ты будешь выглядеть моложе, чем в твоей сутане. Большое спасибо, если ты

примешь мой подарок; я проведу зиму в постели, а куртка не лучшая пижама для больного.

Обнимаю тебя. Заезжай. П.».

Не нужно большого ума, чтобы понять эти строчки. Это не гоголевская шинель. Этот подарок — метафора, метафора его прощания. Преждевременный дар, помимо завещания, до смерти. Он никогда не говорил мне о смерти, называя ее своим именем, потому что этот хороший человек, которого некоторые ошибочно считали слабым, в жизни был очень сильным. И когда смерть начала кружить вокруг него, он встретил ее с суровым стоицизмом творца. Я говорю это, потому что на подарок Гонсало Посады поэт тут же ответил другим подарком. Немедленно пришла Матильда и принесла несколько тетрадей. Это были восемь неопубликованных книг, которые Неруда официально передал издателю в нашем присутствии. Тот спросил его: «Это для срочной публикации?» «Нет, — ответил Пабло. — Это подарки, которые я делаю себе к своему семидесятилетию. Они должны появиться в первой половине 1974 года».

Это тоже был ответ смерти, которая подмигивала ему из-за двери и в широкое окно, выходившее на море из комнаты, в которой он так любил слушать пение птиц — канареек с золотисто-зеленым оперением, живших в большой клетке.

182. Посмертные произведения

Эти неизданные книги увидят свет как посмертные, чтобы навсегда воспеть безудержную любовь поэта к жизни.

Уже в Европе в августе 1974 года Матильда вручила мне опубликованные книги, оригиналы которых Неруда передал Гонсало Лосаде-сыну в день своего рождения 12 июля 1973 года, лежа в постели, в нашем присутствии. Я беру их дрожащими руками, ведь они написаны человеком, которого стерегла смерть, каждую ночь нашептывая ему, что она уже заждалась.

Те стихи рождают множество воспоминаний.

Поездка на остров Пасхи, куда Неруда звал меня в уже далеком январе — как жаль, что я не смог тогда поехать! — вернула его к теме о неведомых корнях древнего Рапануи, к философским размышлениям обо всем изначальном. В стихах контрапунктом сталкиваются «нелепые путешественники» и маленький остров, сотворенный ветрами Меланезии среди огромного океана.

Поэт ищет лики Вечности, и ему кажется, что их являют

суровые каменные статуи острова Пасхи. Великая чистота, первозданность этих статуй, омытых светом и солью океана, о которых говорится в «Одинокой розе», станут резким контрастом всему, что обрушится на людей, вернувшихся на континент, — нескончаемые споры, распри, войны, оглушительная музыка, лживые улыбки…

Во все щелочки дома, во все поры тела Неруды, прикованного к постели, проникает биение жизни его страны. Вой волков слышится возле сада, огражденного забором. А бытие поэта становится «Зимним садом», где живут воспоминания о былых событиях, страстях, женщинах. На память поэту часто приходят стихи Кеведо: «Все расцвело в округе — ветви яблонь, / дрожащая голубизна лугов / и желтые потеки сорняка»[219]. В комнате нет весны. Есть лишь болезни. А цветенье весны там, снаружи. И пусть она не терзает его думами о стольких «усопших веснах».

За окнами шумит океан. Этим летом он уже не выйдет к нему навстречу. «Я заключен, я заточен в тоннель, / где, словно узник, первобытным слухом / распознаю зеленый рев и гром, / и катаклизмы битого стекла, / шуршанье вечной соли и агоний»[220].

В ту пору в один и тот же день скончались два ни в чем не схожих человека, два ни в чем не схожих писателя — Мануэль Рохас и Бенхамин Суберкасо. Оба лауреаты Национальной литературной премии. Неруда узнает об этом, лежа в постели. Это был вещий знак для поэта. Словно колокол пробил два удара. «Скончались с разницей в какой-то час, / тот в саване Сантьяго, этот — Такны, / два несравненных, только в том сравнимых, / что умерли в один и тот же день»[221].

Мартовским утром мы вместе с Сальвадором Альенде пошли проститься с тем, кто скончался в Сантьяго, — с Мануэлем Рохасом. Он был именно таким, каким его мысленно представил Пабло Неруда, готовясь к уходу в иной мир: «…независимым и хмурым, / суровым и морщинистым душой, / он, как никто другой, ценил молчанье…»[222].

А второй — Бенхамин Суберкасо — «огнецентрист, пронизывающий лучами света», был далеко от столицы. И оба теперь закаменели, свыкаясь с необъятной тьмой. Неруда не знал, когда пробьет его час.

В сердце поэта каждая новая смерть оставляла шрам, отзывалась ударом метронома, который сделал тот портовой старик-хронометрист Астерио Аларкон, кому он посвятил когда-то стихотворение. По сути, это стихотворение было посвящено Времени, вернее, Жизни, а может быть — бог мой! — и самой смерти, что обрела зримые черты, призвав к себе Мануэля и

Бенхамина.

Поэтический цикл «2000» — это попытка дожить до того мгновения, когда будет перевернута страница нового века и нового тысячелетия. Это призыв к тому, чтоб «уцелела старая земля навозного цвета» и «проклятый род, творящий жизни цвет».

Вопрос поэта предельно ясен:

> А мы, умершие, ставшие ступеньками времени,
> Мы, посеянные на спесивых утилитарных кладбищах,
> сваленные в кучу на бедных боливийских погостах,
> мы, мертвые 1925, 26,
> 33, 1940, 1918, тысяча девятьсот пятого,
> тысяча девятьсот тысячного, одним словом,
> погибшие до этой дурацкой двухтысячной цифры, —
> сейчас, когда нас уже нет, — как же с нами?[223]

Мы по крайней мере твердо знаем, что будет с ним, с Пабло Нерудой. Однажды поэт сказал об этом в стихотворной строке: «Значит, я буду жить!»

Он откровенно, без литературных красот пишет о своих «усталых костях», о годе, который его унес, оставляя «не свидетельство, не песню, / а неподатливый скелет из слов»[224]. Скелеты прочны, они неподвластны времени и живут тысячелетиями.

«Желтое сердце» может показаться одним из самых сюрреалистических произведений Неруды. Его главная тема — борение со смертью.

Поэт чувствует, что для некоторых он уже умер: «Газетчики, приставив тут же / свой сумасбродный инвентарь / к моим глазам и к животу, — / валяй, сказали, по порядку, / как будто я уже скончался, / стал профессиональным трупом…»[225]

Нет, не осень царит в эксцентричной поэзии «Желтого сердца». «Я не боюсь двоякой жизни / с тех пор, как в детстве обнаружил / порочность сердца моего, / которое меня влекло / к подводному существованью». Фантазия поэта клокочет. Он говорит, что его сердце пожелтело. Но поэтика «Желтого сердца» близка по своей сути к поэтике сюрреалистического фильма знаменитой группы «Битлз» — «Желтая подводная лодка».

Неруда, точно Галилео Галилей, стоит на своем: «И все-таки я двигаюсь». Прочтите эту книгу, которая вызывает в памяти искусство комиков мирового кино — братьев Маркс, и вы услышите предпоследний смех того, кто смотрит на мир и на собственную жизнь с дерзким вызовом, зная, что времени у него в обрез.

Поэт прощается с нами. А мы — «герои и твари жалкие, / безропотные гордецы и фанфароны, / способные свершить все невозможное…» и даже похитить его «лавры, медали, титулы и имена»; это вполне может случиться в стране, где он живет, едва смерть закроет ему глаза.

В «Книге вопросов» перед нами человек, который в канун смерти работает неустанно, точно множество станков. Лежа в постели, он создает произведение, где каждое двустишие — вопрос. Вопросы задает ребенок, мужчина, поэт и гражданин. «Скажите, роза — нагая / или это ее наряд?»[226], «Почему Христофор Колумб / не сумел открыть Испанию?», «Сенатор, который мне приписал владение замком, — / он и его племянник / насытились тортом убийства?»[227], «Есть ли глупее занятье, / чем зваться Пабло Нерудой?»[228], «Может быть, смерть всего лишь / бесконечная кухня?»[229], «Какая назначена каторга Гитлеру в преисподней? / Он красит забор или трупы? Вдыхает ли газ душегубок?»[230].

Однажды Неруда дал мне рукопись своей новой книги, чтобы услышать мое мнение о ней. Что я мог сказать ему? Это была прекрасная и печальная книга. Моей секретарше чудом удалось спасти ее от бесконечных налетов полицейских на мой дом, особенно усердствовавших в библиотеке.

Кто-то из тех, через кого шла вся корреспонденция — в то время уже нельзя было открыто назвать имя адресата, — снял без моего ведома ксерокопию с этой рукописи. Вскоре вышло пиратское издание книги, и Матильда была страшно огорчена. Книга называется «Элегия». Неруда посвятил ее друзьям, ушедшим из жизни до него. Но стихи книги звучат прелюдией к элегии о самом поэте.

Когда Неруда вспоминает о Назыме Хикмете, о переводчике его стихов Овадии Савиче или об Илье Григорьевиче Эренбурге, человеке с неотутюженными мыслями и в неотутюженных костюмах, когда оплакивает поэта Сёму Кирсанова, он вспоминает, оплакивает и их общего друга — самого себя. Вспоминает того жизнелюбца Пабло, что так любил Альберто Санчеса, толедского мага, пекаря мифов, творца новых форм, которому не удалось вернуться на родину, в Испанию. Готовясь к смерти, Неруда знает, что встретится с Пушкиным, чей памятник отвоевывают друг у друга голуби, и со своим собратом Маяковским, которому нравились шумные публичные выступления. Стихи «Элегии» — это прощанье с Арбатом, с рестораном «Арагви», с гостиницей «Националь». Им больше никогда не свидеться! Поэт воспевает Москву, столицу столиц, он с грустью пишет о тех, кто ушел навсегда, и о том, кто уйдет

сентябрьской ночью, чтобы возвращаться к людям всякий раз, когда они его зовут.

В поэтическом цикле «Море и колокола» поэт говорит о звоне колокола в доме, извещающего о приходе гостя, говорит о всех колоколах, слышанных в жизни, и о море, которое он видит из окна. Враждуют ли море и колокола? Колокола становятся символом жизни. Ну а море? Разве оно олицетворяет смерть? Лежа в постели, Неруда пишет: «…мне, нагому, / оставлены здесь / суровый полдень морской / да колокол»[231]. И поэт чувствует дыханье жизни и в колоколе, и в шуме морских волн. «И море живет. / И существуют колокола»[232]. Неруде мнится, что он владыка многих смертей. Он видит их заостренные профили. Смерть пытается отыскать его, но ей это пока не под силу. Быть может, потому что ему по-прежнему послушен звон колоколов? И он еще не вернулся из плаванья? Советский пароход «Пабло Неруда» бороздит морские воды, и, стало быть, вечно жив старый путешественник-мореход.

Порой Неруда как бы дает свидетельские показания: «Свидетельствую четырех собак: / одна — давно закопана в саду, / две — вечно застают меня врасплох / (две крошечные дикие / стихии, / коротконожки, чьи клыки крепки, / как зубья скал), / и есть еще одна / учтиво-белокурая тихоня, / лохматая отшельница…»[233] Особый смысл обретают слова поэта о разбитом колоколе, который хочет петь вопреки всему. Разбитый колокол — это он сам. До слуха поэта сквозь стены дома долетают все шумы смятенной страны. И он говорит с надеждой: «Да, товарищ, это время — время Сада / и время битвы…»[234]

Ему хочется найти все новые слова благодарности любимой Матильде: «Как это было прекрасно: жить, / когда ты живешь»[235].

Книга стихов «Избранные недостатки» пронизана иронией, вернее — самоиронией. Она вызывает в памяти тот шутливый автопортрет, что однажды нарисовал Пабло Неруда:

> «Я, по-моему, — человек с крупным носом, маленькими глазами и редкими волосами на голове. У меня весьма заметное брюшко, длинные ноги, широкие ступни и желтоватая кожа. Я влюбчив, неспособен к подсчетам и расчетам, путаюсь в словах и медленно хожу. У меня ласковые руки и нержавеющее сердце. Я нежно люблю звезды, морские приливы и обожаю жуков-скарабеев. Мне нравится ступать по песку и мне неприютно в официальных местах. Везде и всюду я — чилиец, — друг моих друзей и предпочитаю не слышать

выпадов врагов. Я без приглашения хожу в гости к птицам, отличаюсь невоспитанностью в собственном доме, робостью — в светских салонах и смелостью — в одиночестве. Я беспричинно каюсь, никудышный администратор, мореход на словах, травник, делающий настои из чернил, тактичен в обществе зверей, счастливчик среди ударов грома, рьяный исследователь рынков. Я робею в библиотеках и сияю перед листом белой бумаги. Я печален в горах, неутомим в лесных чащобах, на все реагирую замедленно, нахожу нужный ответ спустя месяцы, вульгарен круглый год, обладаю монументальным аппетитом и сплю беспробудно. Я — ревизор ночного неба, незримый труженик, безалаберный упрямец, храбрец поневоле и трус без чувства стыда. Я тих в радости, сонлив по призванию, любезен женщинам, деятелен из-под палки, поэт по злосчастью и круглый дурак».

183. Мемуары и неизданное

В марте 1974 года выходят в свет «Мемуары» Пабло Неруды. Он не успел их доработать, его остановила смерть.

Мемуары, названные «Признаюсь: я жил», сразу получили самый широкий отклик. Их тут же стали переиздавать и переводить на разные языки. Позже, в 1977 году, был опубликован сборник нерудовской прозы «Я родился, чтобы рождаться». Эта книга состоит из семи глав: «Еще совсем рано», «Странствующий образ», «Огонь дружбы», «Плаванье по дыму», «Раздумья в Исла-Негра», «Борьба за справедливость», «Говорит Пабло Неруда».

Спустя время мне случилось лететь одним самолетом вместе с Матильдой, и она мне рассказала, что готовится новая книга, куда включены отроческие и юношеские стихи и статьи Неруды, которые дадут нам возможность глубже понять становление поэта и его первые литературные шаги. Книга, о которой шел разговор, вышла в 1982 году под названием «Конец пути». В ней собраны и материалы, которые были рассыпаны по страницам периодической печати разных лет. Среди них есть очень значительные вещи, к примеру диалог Неруды с Германом Мелвиллом и наброски киносценария. Неруда полемизирует, как мы уже сказали, с американским писателем по поводу его известного рассказа «Бенито Серено». В книгу включено незаконченное произведение Неруды «Так начинается мятежник», которое он предполагал переработать в киносценарий и назвать

«Бабо». «Кто такой Бабо?.. Бабо умер век назад. Его повесили в Консепсьоне». Есть в «Конце пути» и «Элегия для голоса», посвященная выдающейся чилийской певице: «Когда ты родилась, / тебя назвали Виолетой Парра[236]. / Священник поднял над твоей судьбой гроздь винограда — и сказал: „Прекрасная лоза, вином ты станешь“. / Святая Виолета, ты превратилась в искристое вино, / ты стала нивой, полнозвучным пеньем, / лесною вишней, / гитарой в листьях, лунным светом окропленных, / голубкой вольной. / Ты — чаша праздника и озорная радость, / ты — душа народа».

3 мая 1963 года, в день рождения Матильды, который праздновали в «Себастьяне», поэт подарил ей воздушный шарик и стихи: «Ты стала старше, Косолапка и владычица моя, на целый год, / его слагают безобидные недельки… / Клянусь я господом, и кардиналом, и отцами церкви, / ты — на год моложе стала».

Особое значение приобретает этот небольшой томик еще и потому, что в нем представлено давно написанное произведение «Голубка внутри». Мы уже говорили о необычайной ценности «Голубки», потому что автор ее стихов — Пабло Неруда, а рисунки к стихам выполнены Федерико Гарсиа Лоркой. Таким образом единственный экземпляр, которым владела светловолосая Сара Торну де Рохас Пас, был воспроизведен в книге, вышедшей в свет в декабре 1982 года.

Матильда сказала мне в том памятном разговоре, что у нее есть и другие рукописи Неруды, еще не подготовленные к печати. О многих из них я знаю достоверно.

184. Прощание

Неруда просил меня навещать его, и я всякий раз, когда мог, приезжал к нему. В последний раз мы виделись с ним 30 июля. На другой день я должен был уехать в Европу — эта поездка откладывалась много раз по тем или иным причинам. Президент Сальвадор Альенде посылал меня в Европу для того, чтобы я изложил там положение дел в Чили и добился ощутимой поддержки правительства Народного единства, всеми силами старавшегося не допустить кровопролития и разгрома демократических институтов.

Неруду очень тревожила ситуация, сложившаяся в стране, он чувствовал, что вот-вот разыграется драма, и просил меня вернуться как можно скорее, рассказать о результатах поездки. В глазах Неруды я прочел страх: он, должно быть, боялся, что, вернувшись, я не застану его в живых. Я ехал в Европу со множеством поручений, но сказал ему, что постараюсь не

задержаться надолго. Неруда еще и еще раз повторил свою просьбу.

Говоря друг с другом, мы оба молчали о главном, и, глядя на него, я понимал, что в эти минуты он думает не только о своей тяжкой болезни, но и о том, что над страной нависла неминуемая беда.

Я обнял Пабло, не зная, что мы видимся в последний раз.

За одиннадцать-двенадцать дней до фашистского переворота к Неруде приехал Луис Корвалан с женой. Поэт предчувствовал близкую трагедию. Он высказал опасение, что, если верх возьмут заговорщики, они разделаются и с ним в Исла-Негра. Луис Корвалан старался его успокоить.

— Да, — сказал он Неруде, — можно ждать и переворота. Но тебя, Пабло, они не тронут. Твоя слава слишком велика, они не посмеют это сделать.

Неруда ответил ему со спокойной уверенностью:

— Ты заблуждаешься. Гарсиа Лорка был первейшим из поэтов… А что с ним сделали?

185. Смерть среди смертей

Фашистский переворот в Чили произошел 11 сентября 1973 года, когда я летел из Рима в Москву. Предполагалось, что из Москвы тем же вечером я отправлюсь в Сантьяго, чтобы там приступить к своим обязанностям. Неруду я думал навестить на следующий день по возвращении в Чили. За несколько часов до отлета на родину я встретился в гостинице с моим кубинским товарищем Бласом Рокой. Он спросил меня, знаю ли я о последних событиях в Чили. «Военные подняли там мятеж. Взят Вальпараисо. Альенде находится в президентском дворце Ла Монеда».

«Взят Вальпараисо». Болезнь окончательно подкосила Неруду в тот зловещий день, 11 сентября, когда он, настраивая приемник на столике возле постели, не смог поймать ни одной станции, кроме «Радио Магальянес». Сжав кулаки, Неруда слушал последние слова президента, пробивающиеся сквозь разрывы бомб: «…я заплачу жизнью за свою верность народу…» А дальше — долгое молчание.

Поэт безуспешно пытается поймать хоть какую-нибудь станцию. На коротких волнах он наконец ловит «Радио Мендоса». Передаются подробности трагических событий. Матильда пытается как-то утешить Неруду. Но все ее усилия бесполезны. Поэта не оторвать от приемника. Он хочет слышать, знать все, пусть это даже приблизит смерть. Матильда в отчаянии звонит

доктору Варгасу Саласару. Тот требует: «Сломайте радио и телевизор. Отключите все. Если он узнает обо всем, что произошло, это убьет его». — «Но, доктор, как можно сломать радио и телевизор, если Пабло точно обезумел. Он хочет знать, что делается в стране».

Летом 1974 года я провел две недели в одном европейском санатории, где встретился с Матильдой. Ей был необходим отдых после таких тяжких испытаний. Для меня это была чрезвычайно важная встреча. Пятнадцать дней подряд Матильда рассказывала мне во всех подробностях о том, что она пережила.

Когда Неруда услышал последнюю речь Сальвадора Альенде, он понял, что все рухнуло. «Может, это не так ужасно…» — сказала Матильда, стараясь его успокоить. «Нет, — ответил он, — это настоящий фашизм». В ту ночь у Неруды поднялась температура. Шесть раз он смотрел по телевизору, как штурмовали дворец Ла Монеда, а сообщение о смерти Альенде поэт услышал по «Радио Мендоса».

Врач посоветовал Матильде перевезти Неруду в Сантьяго. Из-за введения комендантского часа ни он, ни медицинская сестра, которая жила в Сан-Антонио, не смогут приезжать в Исла-Негра, когда будет необходимо. «Перевезите его на машине „скорой помощи“ в клинику». По дороге в Сантьяго машину дважды останавливали солдаты. Они даже заставили поднять носилки с больным в вертикальное положение, чтобы осмотреть машину. Впервые Матильда увидела, как Пабло плачет. Он попросил ее: «Вытри мне лицо, Косолапка». Солдат не тронули слова Матильды: «Это — Пабло Неруда», они только все осложнили. Впрочем, Матильда знала это наперед. Ведь незадолго до этого в дом в Исла-Негра ворвались с обыском мятежники, считая, что там спрятано оружие. У Неруды не было оружия, но в те минуты, когда в доме объявились непрошеные гости, он диктовал Матильде последние страницы своих воспоминаний, считая, что его прямой долг — написать их, пусть они станут его завещанием, его обвинением.

> «Я пишу эти беглые строки — они войдут в мои воспоминания — три дня спустя после не поддающихся здравому смыслу событий, которые привели к гибели моего большого друга — президента Альенде. Его убийство старательно замалчивали. Похороны прошли без свидетелей, только вдове позволили сопровождать гроб бессмертного президента. По версии, распространявшейся палачами, он был найден мертвым и по всем признакам якобы покончил жизнь

самоубийством. Но зарубежная печать опровергала эту версию. Вслед за бомбардировкой в ход пустили танки, много танков. Они „бесстрашно“ вступили в бой против одного человека, — против президента Чили Сальвадора Альенде, который спокойно ждал их в кабинете наедине со своим великим сердцем, объятым клубами дыма и пламенем.

Они не могли упустить такой блестящей возможности. Они знали: он никогда не отречется от своего поста, и потому решили расстрелять его из пулеметов. Тело президента было погребено тайно, в никому не ведомом месте. В последний путь его провожала лишь одна женщина, вобравшая в себя всю скорбь мира. Этот замечательный человек ушел из жизни изрешеченный, изуродованный пулями чилийской военщины, которая снова предала Чили».

Мог ли Неруда предполагать, что через несколько недель он сам будет погребен в безвестной могиле?

В смерти своего друга Сальвадора Альенде поэт предугадывал свою судьбу. Она была для него роковым знамением…

Луис Эчеверриа, президент Мексики, выслал специальный самолет, чтобы перевезти больного Неруду на мексиканскую землю. Посол Мексики в Чили Мартинес Корбала передал ему официальное направление в клинику Санта-Мария. Неруда поблагодарил, но отказался.

Посол всячески старался уговорить его. А Матильда рассказала, что солдатня разграбила их дом «Часкону». Учинив разгром, грабители разбили в саду водосток и вода затопила все комнаты. Посол не отступался: «Там за вами будет лучший медицинский уход, чем здесь. Вы вернетесь здоровым». В конце концов Неруда решился уехать из Чили. Ему было чрезвычайно важно уберечь свои мемуары, и прежде всего их последние страницы. Мемуары были вывезены из Чили дипломатической почтой. Неруда закончил их словами о Сальвадоре Альенде и о преступлении тех, кто предал родину.

Матильда немедля отправилась в Исла-Негра за необходимыми для поездки вещами и за книгами, которые она держала под замком. Вернувшись в Сантьяго, она увидела, что Пабло как-то по-особому неспокоен. Ночью в бреду он говорил: «Их расстреливают». Днем его навещали друзья, но уходили рано, чтобы попасть домой до комендантского часа. Ночью Неруда метался во сне и все повторял: «Их расстреливают, их убивают».

Поэт был отгорожен от внешнего мира прочными стенами больничной палаты. И все же он слышал по ночам рокот вертолетов. Он знал, что происходит с его страной. Со дня военного переворота до дня смерти Пабло Неруды пиночетовские бандиты уничтожили десятки тысяч чилийцев. И поэт отзывался на каждую смерть всем своим существом…

Матильда не отпускала руку Пабло, и вдруг его рука дрогнула. Сердце поэта разорвалось, остановилось. Прибежала сестра и стала делать массаж груди, но вошедший за ней следом врач сказал: «Не надо. Не трогайте его больше».

Это случилось 23 сентября 1973 года в половине одиннадцатого ночи.

186. Кочующий гроб

Матильда открыла чемодан, приготовленный для поездки в Мексику, достала оттуда любимый клетчатый пиджак Пабло, его рубашку из шотландки и красный шелковый платок. В голове ее все время звучали слова врача, который сказал, что Пабло смог бы прожить еще пять-шесть лет, не случись ничего непредвиденного.

Теруса Хамель помогла Матильде одеть умершего Неруду. Чуть погодя обе женщины вышли из палаты — надо было позвонить по телефону друзьям и сообщить о смерти Пабло. Когда они вернулись, кровать была пуста. Матильда с Терусой бросились на первый этаж, но никого не нашли. Тогда они побежали в подвал и увидели перед собой надпись: «Часовня». Было совсем темно. И вокруг ни души. Вскоре послышался шум колес и какой-то металлический скрип — лежавшего на каталке Неруду везли в часовню. У дверей Матильду остановил санитар: «Сеньора, здесь находиться нельзя!» Матильда закричала: «Вы сами уходите отсюда! Вам здесь делать нечего!» И приникла головой к лицу Неруды… Кто-то неслышно подошел. Это была Лаурита. Они провели ночь возле умершего Пабло не в комнате, как положено по обычаю, а в темном коридоре.

Ближе к полуночи диктор объявил по радио:

> «Поэт Пабло Неруда при смерти. Нет никакой уверенности, что он доживет до утра. Категорически запрещается посещать его в клинике „Санта-Мария“».

На другой день, едва кончился комендантский час, в клинику хлынули журналисты и фотографы. Администрация клиники приняла решение перевезти покойного Неруду в холл. Хочешь не

хочешь, а пришлось соблюдать приличия.

Фотографы без конца щелкали затворами, и Матильда взмолилась: «Пожалуйста, не надо больше фотографировать». Приехали друзья поэта: Омеро Арсе, Грасиэла Альварес, Хувенсио Валье, Франсиско Колоане, Аида Фигероа, Энрике Бельо, Хуан Гомес Мильяс и многие другие.

Неруда, завернутый в белый саван, лежал на столе. Лицо его было открыто. Казалось, что он улыбается… С тела Неруды сняли саван и переложили его в гроб, который принесли служащие. Франсиско Колоане застегнул ему пуговку на рубашке. Потом гроб закрыли тяжелой крышкой. Все направились в «Часкону». Но подойдя к дому, увидели, что войти в него нет никакой возможности. Лестница, ведущая к парадной двери, была покрыта размокшей глиной, завалена обломками. Молодчики Пиночета сделали свое дело. Гроб с телом Неруды не смогли пронести по этой покореженной лестнице. Решили войти в дом со стороны холма, через другую дверь. В траурной процессии была небольшая группа молодых людей. Они встали вокруг гроба и подняли вверх сжатые кулаки. Один из них крикнул, разрывая тишину:

— Товарищ Пабло Неруда!

— С нами! — отозвались ему навстречу громкие голоса.

— Ныне…

— и навсегда!

— Ныне…

— и навсегда!

Это была невероятная смелость, равносильная самоубийству. Это было первое открытое выражение протеста в те недели, когда хунта Пиночета начала топить страну в море народной крови, ежедневно уничтожая тысячи людей.

Тщетны оказались попытки попасть в дом и через черный ход. Пиночетовские бандиты запрудили ров, по которому текла вода, и ее потоки преграждали путь. К тому же зачастил дождь. Под ногами была не земля, а жидкое месиво. Гроб опустили на эту землю, не зная, что делать дальше. Кто-то предложил идти в Общество чилийских писателей.

«Пабло хотел, чтобы его отвезли домой! — резко сказала Матильда. — Мы никуда отсюда не пойдем».

Аида Фигероа робко подала голос: «Может, отнесем его в мой дом?» «А ты не думаешь, — спросила Матильда — что, чем сейчас ужаснее в доме, тем лучше?»

Неподалеку в сарае лежали бревна, доски, обтесанные столбы. Кто-то увидел их и предложил сделать мост. Энрике Бельо первый вытащил длинную доску. Его примеру последовали

другие. В считанные минуты был сложен дощатый мост.

Гроб подняли с земли и на руках, с трудом одолевая крутой подъем, внесли в дом. Все кругом было порушено, искорежено, разбито. Под ногами хрустели осколки стекла. То там, то тут виднелись горстки пепла, оставшегося от вещей, которые с такой любовью собирал поэт… Обгоревшие картины и книги, сломанные веера, яркие птичьи перья, втоптанные в грязь.

Был непогожий весенний день, из окон с выбитыми стеклами тянуло пронизывающим холодом. Столовую точно бомбили: со стен свисали клочья обоев, на полу валялись обломки люстр… Вся гостиная была затоптана солдатскими сапогами. Друзья поэта начали подбирать с пола битые стекла. «Не надо, — остановила их Матильда. — Пабло захотел бы оставить все так, как есть».

Гроб поставили посреди гостиной. Матильда положила в изголовье букет красных гвоздик. Чуть позже в гостиную вошел шведский посол Харальд Эдельштам с большим венком и поставил его у гроба. На сине-желтой муаровой ленте было написано:

«Великому поэту, лауреату Нобелевской премии Пабло Неруде. Густав Адольф, король Швеции».

Дом в Исла-Негра не был разграблен, но моряки военного флота разорили, как могли, «Себастьяну» в Вальпараисо.

Энрике Бельо взялся оформить все бумаги и получить справку о смерти и разрешение на похороны. Однако Отдел записей актов гражданского состояния никого не принимал. В те дни погибало столько людей, что выдача документов была прекращена. И все же, когда две молодые сотрудницы услышали, о ком идет речь, они, своей волей, не сказав никому ни слова, сняли печать с книги и выдали необходимые бумаги. Лишь спросили, где будет захоронен Пабло Неруда.

«В склепе Карлоса Дитборна. Улица О'Хиггинс, между улицами Лимай и Лос-Тилос, на Центральном кладбище», — сказал Энрике Бельо.

Неруда хотел, чтобы его похоронили в Исла-Негра. Но это было невозможно, и Адриана Дитборн предложила Матильде захоронить Неруду в ее семейном склепе.

Вскоре появились молодые коммунисты. Они работали неподалеку, в издательстве «Киманту», где в эти дни пиночетовская солдатня отправляла под нож тысячи книг. «Не надо фотографировать, — сказал кто-то из них. — Мы хотим организовать почетный караул у гроба Неруды, чтобы достойно проводить его в последний путь». Пока длилась церемония, никто не фотографировал. Но едва она кончилась, шведский посол

обратился к представителям прессы: «Снимайте как можно больше и так, чтобы были видны следы разбоя. Пусть об этом узнает весь мир».

В начале улицы Маркиза де ла Плата остановился автобус, набитый карабинерами. Увидев это, решили позвонить в комиссариат. С дежурным офицером говорила Матильда. Выслушав ее, он сказал: «Сеньора, мы решили обеспечить безопасность вам и сеньору Неруде».

187. Каменные гости

Люди все прибывали. Преодолев лужи, вязкую грязь и обломки, в дом вошли посол Мексики и посол Франции. Перед их глазами предстала страшная картина разгрома в комнате, где стоял гроб с телом поэта. Откуда-то возник пожилой человек в черном костюме и в темных очках — сухощавый, долговязый, сгорбленный. Он с опаской оглядывался по сторонам, как бы не понимая, что здесь произошло. В свое время этот человек ссудил деньги девятнадцатилетнему Неруде на издание его первой книги, а в последние годы во всех своих статьях ополчался на Альенде, преследуя «дух коммунизма везде и всюду». Имя этого человека — Алоне. Он стоял совершенно потерянный, ошеломленный, должно быть не ожидал такого итога своей борьбы.

Аида Фигероа увидела среди пришедших известного певца Патрисио Манса. Она встревожилась: ему надо быть осторожнее и не появляться на людях, ведь всего несколько дней назад зверски убили Виктора Хару… Настало кровавое время. Людей повсюду подстерегает смерть. И те, кому грозила опасность, должны прятаться в надежных местах.

Кое-как обходя лужи и грязь, к дому приближаются Радомиро Томич, Максимо Пачеко и Флавиан Левин…

Журналистка Вирхиния Видаль, которая присутствовала на церемонии вручения Неруде Нобелевской премии в Стокгольме, вглядывается в его лицо сквозь стекло в крышке гроба. Веки поэта сомкнуты, на полных губах застыла легкая улыбка. Вирхиния вспоминает, какими вопросами засыпали Неруду журналисты, когда он сошел с трапа самолета на шведскую землю. «Назовите вашу самую любимую вещь?» — «Старые башмаки». — «А ваше любимое слово?» — «Любовь». И вот теперь он лежит в разгромленной комнате, окруженный людьми, которые, рискуя жизнью, решили быть рядом с ним в его последние часы на земле.

Древо жизни, это чудо народного мексиканского искусства, расколото на мелкие куски. Вирхиния подбирает отлетевшую от

него глиняную фигурку девы Марии. Полотна чилийских примитивистов исчезли со стен столовой. Потом их обнаружили в водостоке — полусгнившие, они лежали на дне.

Неизвестные грабители добрались и до спальни. Единственное, что там уцелело, — это камин с бронзовым колоколом, на котором выбиты сплетенные инициалы «М» и «П». Кровать сломана. На вспоротом матрасе чернеют следы военных сапог.

В глубине дома, где находится библиотека и рабочий кабинет Неруды, в чьи окна глядятся ветви деревьев, стоит едкий запах жженой бумаги. Роберто Парада берет в руки книгу со смятой обгоревшей обложкой: Мигель де Унамуно «О трагическом ощущении…». Он пытается разгладить обложку, на глазах у него слезы. Напольные часы, похожие на живое существо, тоже стали жертвой варварского разбоя. Вырван маятник и гири. На циферблате нет стрелок.

В разбитые окна врывается пронизывающий ветер. Соседка Кета Кинтано зовет Матильду к себе. Надо согреться, поесть чего-нибудь горячего. «Нет». Она останется здесь, рядом с Пабло. Тот сентябрьский вечер был не по-весеннему холодным… Внезапно, прислушиваясь к громким шагам, Матильда говорит: «Вон они идут. Я их не приму». Она поднимается по ступенькам в свою спальню и громко хлопает дверью. Но перед уходом успевает бросить Аиде Фигероа: «Поговори с ними ты». Непрошеные визитеры приближаются. Да, вот уж где не место для строевого шага! Собравшиеся смотрят на людей в гражданской и военной одежде. Никто из пришедших не обнажил голову. Многие из них одеты в маскировочные халаты, в походную форму, некоторые — в пятнистые зеленоватые костюмы, которые однажды кубинцы метко окрестили «гусанос»[237]. Один из них представился адъютантом генерала Пиночета. «Я бы хотел видеть вдову и родственников великого поэта Пабло Неруды, прославившего нашу литературу, чтобы выразить им соболезнование…» Он замолкает на какое-то мгновенье, а потом спрашивает: «А где вдова? Где кто-нибудь из членов семьи сеньора Неруды?»

В ответ слышится порывистый голос Челы Альварес: «Все мы здесь члены семьи Пабло Неруды и требуем уважения к нашему горю».

Адъютант почти слово в слово повторяет то, что сказал в первый раз. Он желает говорить с вдовой.

Аида Фигероа отвечает: «Вдова отдыхает. Она вас не примет» — и приглашает этих людей пройти в столовую. Они идут, спотыкаясь о валявшиеся в беспорядке разорванные книги и картины, обломки ламп и шарманок. Адъютант повторяет одно и

то же. «Мы пришли выразить соболезнование вдове. — У него явно смущенный вид. — Все это сделали не мы». «Странно, — замечает Аида, — что никто ничего не похитил».

Она ведет пришельцев в кабинет Неруды, показывает им искалеченные часы без маятника, с вывороченными пружинами, выломанной инкрустацией. Потом предлагает взглянуть на портрет старой дамы — в ее глаз вонзен нож, и вниз по лицу идет глубокий надрез. Постепенно вырастает целая гора вещей, извлеченных из водостока. Предводитель пиночетовской делегации твердит свое: «Мы хотим выразить соболезнование…»

Чела Альварес смело бросает ему в лицо:

> «Здесь, среди этой ужасной разрухи, которую вы устроили, мы совершаем обряд бдения у гроба Неруды. Нам нужно, чтоб к этому отнеслись с уважением и не нарушали наш покой в те часы, когда мы воздаем поэту последние почести. Нам необходимы гарантии, что в эту ночь никто не будет нас тревожить».

Адъютант ответил, что «чилийская армия с уважением относится к тем, кто является национальной гордостью страны».

Из водостока меж тем извлекали все новые и новые вещи: подносы, керамическую посуду, изувеченные картины, обломки фарфора.

Затем пиночетовский офицер торжественно уведомил собравшихся, что правительство объявит трехдневный траур в связи со смертью поэта и что траур начнется со дня его кончины. Официальное сообщение о трауре было передано в день похорон Неруды. Таким образом обещанные три дня свелись к одному-двум часам…

Все с каменными лицами смотрели на пиночетовских прислужников. Никто не выразил возмущения. Никто не усмехнулся. Никто не плакал. Те ушли, словно побитые собаки.

Почти одновременно с сообщением об официальном трауре было распространено официальное заявление о том, что группа подростков под предводительством десятилетнего мальчика учинила погром в доме поэта Пабло Неруды.

188. Траурная процессия

Приближался комендантский час, и люди вынуждены были расходиться. У гроба с телом Неруды остались девять человек: Матильда, Лаура Рейес, супруги Каркамо, родственники Матильды, Аида Фигероа, Элена Насименто, Хуанита Флорес,

Кета Кинтано и Эрнан Лойола. Лойола успел сходить домой до восьми вечера, когда начинается комендантский час, и принести в «Часкону» теплые одеяла. После бандитского налета в доме Неруды нечем было укрыться. Казалось, что «Часкона» — воплощение самой смерти. Но несмотря ни на что, все в этом порушенном доме дышало особым достоинством.

Матильда пытается заснуть, но через два часа она снова на ногах и весь остаток ночи сидит возле Неруды, не отводя от него глаз.

Наутро, едва кончился комендантский час, в доме стали собираться писатели, политические деятели, преподаватели университета, рабочие, бедно одетые женщины. На лицах — глубокая скорбь.

Пора отправляться на кладбище. И снова вопрос: как вынести гроб? Пытаются выйти через небольшие ворота. Это требует огромных усилий и изобретательности. Как только процессия выходит на улицу Маркиза де ла Плата, навстречу ей летят громкие возгласы. Кто-то кричит: «Товарищ Пабло Неруда!» И все подхватывают хором: «С нами!»

В утренней тишине зазвучали голоса рабочих и студентов. Но где-то рядом затаились люди, прячущие глаза под темными очками.

У небольшой площади у подножия холма Сан-Кристобаль — это в пятидесяти метрах от дома Неруды — к траурной процессии присоединяется новая группа людей.

Люди, участвующие в этой процессии, проявляют беспримерное мужество; по сути, они бросили вызов самой смерти, которая кружит над ними, следит со всех грузовиков, где сидят солдаты с автоматами наизготове. Никто в траурном шествии не оглядывается по сторонам. Все смотрят только вперед. На углу улицы их ждет плачущая женщина в черном платке. Она встает в ряды идущих. Полицейские мечутся в растерянности. Они, видимо, не представляли, что образуется столь большая колонна людей. Похоже, карабинеры на мотоциклах вот-вот сомнут траурную процессию. Они то приближаются к ней, то отъезжают в сторону.

У электростанции траурное шествие, в которое вливались все новые и новые люди, наталкивается на большую группу «черных беретов» со вскинутыми ружьями.

В какой-то момент идущие за гробом Неруды стали замечать, что происходит там, за скопищем машин с вооруженными солдатами. Поднимая глаза к окнам, они видят ошеломленные лица, восхищенные взгляды. В те минуты каждый взгляд из окна, даже легкое колыханье занавески были проявлением отваги,

говорили об участии в знаменательном событии. На улице Пурисима и на Перуанском проспекте какие-то смельчаки махали из окна рукой или платком, кто-то едва заметно склонял голову. На улице Сантос-Думонт к процессии присоединились люди, вышедшие из своих машин… Один из участников шествия раскрывает книгу Пабло Неруды и торжественным голосом, нараспев, точно священник во время церковной службы, читает: «…шакалы, от которых отступятся шакалы… / Предатели, генералы, / посмотрите на мой мертвый дом, / на разломанную Испанию»[238]. Это стихи из книги «Испания в сердце» и читает их президент синдиката «Киманту». Следом звучат другие стихи поэта. Их знают наизусть.

На проспекте Ла-Пас кто-то осторожно и неуверенно запевает: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов». Другой голос подхватывает: «Кипит наш разум возмущенный…» Песнь затухает. Но вот слова «Интернационала» зазвучали в разных рядах колонны. Поют негромко, приглушенно… Хромой юноша, напрягая голос, начинает декламировать стихи Неруды. Это уже не траурная процессия, а настоящая манифестация. В руках у многих женщин цветы. У морга, набитого неопознанными трупами, процессию ждет множество людей.

В одном из плотных рядов нетвердо ступает высокая женщина с очень бледным лицом, синими глазами и каштановыми волосами. С двух сторон ее поддерживают подруги. Внезапно одна из них неистово кричит. Этот крик, исторгнутый из глубины души, вскидывается в небо:

— Товарищ Виктор Хара!

— С нами!

— Товарищ Виктор Хара!

— С нами!

— Товарищ Виктор Хара!

— С нами!

— Ныне…

— и навсегда!

Бледнолицая женщина, которую ведут под руки, точно закаменела. Она молчит. Это балерина Джоан Турнер де Хара, вдова Виктора, чье тело она недавно нашла в морге, мимо которого движется похоронная процессия.

Небольшую площадь перед Центральным кладбищем окружили бронетранспортеры и джипы с вооруженными солдатами… На территории кладбища гроб осторожно поставили на тележку. Теперь все поют «Интернационал». Поют, не сдерживая слез, навзрыд. Пение становится великим плачем. Кто-

то, бросая вызов всеобщей скорби, раскрывает книгу Неруды и читает рвущимся голосом: «Я отдаю вам мое сердце, / в нем тысячи клинков, / к сражению готовых».

Когда гроб проносили через широкие ворота, кто-то выкрикнул имя, которое прозвучало набатным призывом.

— Сальвадор Альенде!

А в ответ грянуло:

— С нами!

Голоса ударили в высокий купол и скатились гулким эхом: «С нами!»

Мелодия «Интернационала» ширится, растет. Его поют люди, подняв сжатые кулаки. Поют даже те, кто не знает слов, кто никогда не пел этого гимна. И он, достигая небывалой мощи, плывет над умершим поэтом, над всеми, кого в те минуты подстерегала смерть. Плывет, набирая силу, становясь призывом к жизни и к борьбе против всего, что происходит в стране.

Лица у солдат растерянные. Они не хотят верить своим глазам и ушам. Но в толпе многие ждут, что вот-вот раздадутся выстрелы.

Сквозь звуки «Интернационала» пробивается чей-то охрипший голос: «Товарищ Пабло Неруда!» В ответ: «С нами!»

Чуть погодя другой напряженный голос: «Товарищ Виктор Хара!» И тут же выплескивается: «С нами!»

Короткую тишину разрезает возглас: «Товарищ Сальвадор Альенде!» И гром голосов: «С нами!» В этом многоголосом хоре заключено все: верность павшему президенту, ярость против убийц, жажда справедливости, напряжение скорбной минуты, боль за Пабло и за всех погибших, тревога за собственную судьбу. В это решающее мгновение люди одолевали страх и отчаяние и пели «Интернационал» сквозь плач, сквозь рыданье… Некоторые смутно чувствовали, что их оберегает присутствие послов многих государств и иностранных журналистов.

189. «До свидания»

На кладбище траурная процессия приостановилась. Нужно было оформить соответствующие документы. Затем все двинулись по длинной аллее с высокими деревьями и могильными склепами. Журналист Луис Альберто Мансилья вдруг поравнялся с профессором Алехандро Липшутцем, которого Пабло называл «самым главным человеком в Чили». Выдающемуся ученому незадолго до этого исполнилось девяносто лет, но он вместе со всеми провожал друга в последний путь. Много лет они обменивались с Нерудой цветами и стихами;

старый ученый посылал поэту переводы из Овидия, которые делал с латыни… Наклонившись к Мансилье, Липшутц сказал; «Ночью ко мне заявились незваные гости».

Солдаты ворвались в дом Алехандро Липшутца на улице Гамбурга и перевернули там все вверх дном. Всю ночь, пока длился обыск, они не выпускали ученого вместе с его женой Ритой из маленькой комнаты. Пиночетовские ищейки надеялись найти в этом доме Луиса Корвалана и склад оружия. Они перекопали весь сад — он был такой же большой, как у Пабло, когда тот жил неподалеку в «Лос Гиндосе», но куда более ухоженный, потому что в нем, не покладая рук, трудилась прекрасная садовница донья Маргарита. В библиотеке ученого, одной из самых лучших в Чили, солдаты изорвали в клочья ценные документы, похитили старинные издания…

«Эти люди не вечны. Я их повидал. Фашисты делали то же самое в Европе, и вы знаете, чем это кончилось» — так сказал журналисту Мансилье профессор Липшутц, человек с лицом средневекового чернокнижника, вобравший в себя многовековой опыт мировой истории…

Внезапно нарушился порядок в траурном шествии. Люди побежали вперед. Каждому хотелось оказаться поближе к могиле и видеть все собственными глазами. Бежала даже Матильда, а те, кто вез гроб, убыстрили шаг.

Никто не организовывал заранее церемонию прощания с Пабло Нерудой. Все было неожиданно, стихийно. Кто-то читал отрывок из «Всеобщей песни», потом стал читать собственные стихи молодой рабочий. В этих несовершенных стихах, сложенных, должно быть, накануне ночью, он пытался выразить не только собственные переживания, но и горе всех людей, оплакивающих поэта.

Зазвучал сочный голос бывшей актрисы Челы Альварес — она декламировала те стихи, которые Неруда не раз слушал в ее исполнении.

Перед толпой возвышался огромный, величиной с дом, мавзолей, на который взобрались вездесущие фотографы и без конца щелкали камерами. Не было никакого сомнения, что туда же пробрались и переодетые полицейские.

В последний раз запели «Интернационал», когда гроб устанавливали в склеп. Теперь гимн звучал сдержанно, величаво. Наступила минута прощания с поэтом…

Едва закончилась траурная церемония, люди задумались, каким путем безопаснее покинуть кладбище, чтобы не попасть в мышеловку. Пронесся слух, что за воротами хватают всех, кто участвовал в похоронах. Решили, что вернее всего уходить через

ворота, ведущие на улицу Реколета. Кто-то посоветовал: «Надо идти быстрым шагом, не останавливаясь». Вначале на площадь вышли иностранные корреспонденты — надо было выяснить, что происходит: арестовывают людей или нет. На кладбище через две недели после кровавых событий люди самоотверженно прикрывали тех, кому грозила явная опасность.

На маленькой площади у кладбища по-прежнему стояли машины с военной полицией. На людей были нацелены дула автоматов, и все же не раздался ни один выстрел.

Похороны Пабло Неруды стали первой народной демонстрацией против тех, кто 11 сентября 1973 года захватил власть в Чили. Это стало еще одним подвигом поэта. Он продолжал сражаться и после смерти.

190. Значит, буду жить

Неруда недолго пробыл в семейном склепе Дитборнов. Что ни день, возникали какие-то непредвиденные сложности, сыпались угрозы со стороны властей. С гробом Неруды повторилась история, о которой он поведал в своем произведении «Чаша крови». В этом прозаическом произведении рассказывается о том, как в родном Темуко поэту пришлось переносить гроб с телом отца из одной могилы в другую… Вот и на сей раз гроб с телом Неруды, уже покрывшийся плесенью, вынули из склепа Дитборнов и перенесли в новое, последнее жилище. На кладбище пришли Матильда и несколько друзей поэта. Неруду захоронили в скромной нише, вмурованной в стену, где покоятся чилийцы, погибшие в трагическом сентябре 1973 года. Это было место, достойное поэта и борца. Он снова оказался среди своих товарищей — имена многих из них остались неизвестными, — которые пали в борьбе за общее дело в том же месяце, что и он.

Военные правители вынесли решение, согласно которому дом Исла-Негра и прилегающий к нему участок земли были объявлены территорией, угрожающей национальной безопасности страны. Пиночетовская хунта подготовила указ о конфискации дома в Исла-Негра, но его текст был изменен, так как во многих странах поднялась огромная волна протеста. Голоса возмущения раздались и в Чили. Матильде предоставили право пользования всем имуществом до конца ее жизни. Однако никто не посчитался с тем, что Неруда хотел быть похороненным в Исла-Негра и что воля поэта выражена во многих его книгах.

Знамя, выпавшее из рук Неруды, подняла Матильда. Она поклялась, что высшим законом ее жизни станет служение духу Неруды. В каждой ситуации, в каждом случае она поступает так,

как, по ее мнению, поступил бы Пабло, будь он жив; она принимает деятельное участие во всем, что было ему дорого и свято. Проявленное ею мужество и яркий ум достойны восхищения. Матильда стала символом борьбы миллионов чилийцев, выражением их воли к борьбе. Ведь в конечном итоге Неруда — не просто Неруда. Поэт воплощает в себе все то, за что он упорно боролся до последнего вздоха.

Матильда, у которой пропал без вести племянник, вместе с другими родственниками исчезнувших чилийцев, сжимает прутья решетки Национального конгресса, требуя ответа на вопрос: «Где они?» Ее арестовывают, но, несмотря на подорванное здоровье, она стойко выдерживает томительные часы в мрачных стенах полицейского участка. Матильда в гуще всех политических событий. Она ведет активную работу в Культурном центре Мапочо, участвует в создании Народного демократического движения.

Матильде шлют приглашения из множества стран. Но у нее есть две священные даты — 12 июля и 23 сентября, которые она отмечает только в Чили. Это день рождения и день смерти Пабло Неруды.

В Исла-Негра собираются толпы молодежи и уже немолодых людей. В день рождения поэта вся ограда со стороны улицы и дорога к дому покрываются надписями, лозунгами, призывами. Это слова, обращенные к поэту, к его памяти. Исла-Негра стал местом постоянного паломничества.

23 сентября Центральное кладбище в Сантьяго заполняется народом. Не счесть людей, алых гвоздик и… полицейских. Полицейские под любым предлогом задерживают людей, стараются их запугать, разогнать.

Матильда всегда у могилы поэта. Всем своим обликом она воплощает неизбывную жизненную силу Пабло Неруды.

Долгое время ни в одном чилийском театре не проводился вечер памяти Неруды. Но 22 октября 1983 года — а к тому времени чилийцы, поднявшиеся на борьбу за свободу и демократию, добились проведения Дней национального протеста — в здании театра «Кауполикан» был устроен торжественный вечер в трех отделениях по случаю десятилетней годовщины со дня смерти Пабло Неруды. Вечер прошел под названием: «Чили приветствует своего поэта». Столичный театр был заполнен выдающимися представителями чилийской культуры и простым народом. Организаторы вечера получили многочисленные приветственные послания из-за рубежа, в том числе от Бенгта Горанссона (министра культуры Швеции), Клаудио Арау, Рафаэля Альберти, Габриэля Гарсиа Маркеса, Эрнесто Сабато, Альберто

Моравиа, Марио Бенедетти, Жюльет Греко, Бернандо Бертолуччи, Федерико Феллини, Ренцо Росселлини, Этторе Сколы, Джана Мария Волонте, Моники Витти, Виттори Гасмана, Клаудии Кардинале, Ортенсии де Альенде, Хосе Вентурелли, Густаво Бесерры, Харальда Эдельстама, Микиса Теодоракиса, Мелины Меркури, Пако Ибаньеса, Пьерра Галана, Роберто Матты, Мигеля Ороско. В организации вечера приняли участие Чилийская комиссия по правам человека, Общество чилийских писателей и Координационная комиссия по делам культуры. Еще более торжественно было отмечено в зале этого театра восьмидесятилетие со дня рождения поэта. Мы встретились с Матильдой, когда она уезжала на Капри, на тот остров, где родились безымянные «Стихи Капитана». Я слушал, как она выступала в Неаполе, на вечере в честь семидесятипятилетия Неруды. В Неаполь ее пригласил мэр города Маурицио Валенци. Матильда вспоминала уже далекие счастливые дни. В Италии поэт начал писать «Виноградники и ветер» и первую оду «Человек-невидимка», которую теперь знают наизусть все чилийские поэты, и нет нужды объяснять — почему.

Потом я увидел Матильду во Франкфурте-на-Майне, где проходила встреча с писателями, находящимися в изгнании. Оттуда мы вместе с ней вылетели в Стокгольм. В Драматическом театре отмечалась десятая годовщина присуждения Пабло Неруде Нобелевской премии по литературе. И вот, выступая с подмостков этого знаменитого театра, Матильда сумела глубоко тронуть сердца собравшихся своими воспоминаниями о прекрасных днях, столь несхожих со всем тем, что через год обрушилось на поэта и на его родину. В тот знаменательный вечер мне выпало сказать слово о Матильде, о женщине, в руках которой, пронизывая густую тьму, пламенеет флаг с нерудовской рыбкой.

В 1983 году ЮНЕСКО, верховный центр науки и культуры, воздал высокие почести Пабло Неруде — поэту и гражданину. Марсель Марсо, всемирно прославленный мим, никогда не произносивший никаких слов со сцены, нарушил свои правила и сказал перед выступлением несколько фраз. Сидевший со мной рядом представитель ЮНЕСКО шепнул мне на ухо: «Это великое событие. Марсель Марсо никогда не говорил на сцене». Великий мим был краток: «Несколько лет назад я выступал в Чили в присутствии Неруды. Сегодня я выступаю перед его вдовой. Я хочу показать мою новую работу. Она имеет актуальное значение для страны Неруды и Матильды и называется „Клетка“». И далее Марсель Марсо без слов сказал обо всем, что должен сделать человек, чтобы вырваться из застенка…

Лучи света выхватили из темноты Матильду, стоявшую на

сцене посреди зала. Она рассказывала о новых событиях в Чили, о том, как имя Неруды и его поэзия становятся могучим оружием в руках тех, кто сражается с чилийскими фашистами. Потом со своего места рядом со мной поднялся человек гигантского роста. Он неторопливо выпрямился и прошел по ступенькам на сцену, чтобы рассказать об «улыбающемся герильеро». По приезде в Ла-Манкель он озабоченно спрашивал меня: «Как здоровье Неруды?» В тот вечер, когда мы встретились в ЮНЕСКО, мне не случилось спросить этого человека двухметрового роста с добрым, почти детским лицом о его собственном здоровье. После него выступал я. А потом мы обнялись на прощанье с этим сутуловатым синеглазым великаном. Я не знал, что вижу добрейшего и несравненного Хулио Кортасара в последний раз.

На другой день президент Франции Миттеран с супругой должны были принимать Матильду в Елисейском дворце. Ее попросили прийти с четырьмя друзьями. Матильда включила меня в этот почетный список. И вот мне представился случай увидеть, с каким искренним интересом слушают гостеприимные хозяева рассказ о том, как продолжается жизнь поэта, о том, что происходит в Чили, о радостном и печальном. И о том, как ширится, растет сопротивление пиночетовскому режиму.

Матильда отъезжает на родину. Она жертвенно служит великому делу — сохраняет живым наследие Пабло Неруды и стремится к тому, чтобы каждый день оно сверкало новыми гранями.

191. Еще несколько строк

Эрнан Лойола посвятил свою книгу «Пабло Неруда — творец пространства» памяти Лауры Рейес, которая бережно хранила школьные тетради поэта и была его верной спутницей с детства в дождливой южной провинции до его последних секунд, когда он произнес: «Я ухожу, я ухожу». Лаура Рейес ненадолго пережила своего брата. С его смертью она как бы потеряла весь смысл существования. Кто пережил его намного, так это Делия дель Карриль. Когда отмечали восьмидесятилетие со дня рождения Неруды, ей исполнилось сто лет. В то время она уже передвигалась в своем кресле на колесах, среди нарисованных ею гигантских лошадей с выкаченными глазами, среди смутных ускользающих воспоминаний… Порой Делия вырывается на поверхность из глубин старческой пропасти, и наступают мгновенья ясного сознания. А порой ей верится, что Пабло жив, что он рядом с ней и она снова счастлива.

Когда Делия верит, что Пабло Неруда жив, она по-своему

права…

Что касается меня, то в той теплой дубленке, что подарил мне поэт, я выдержал уже одиннадцать русских зим. Добротная дубленка на патагонском овечьем меху служит мне верой и правдой. Она уже состарилась, но не сдается. Не хочет быть музейным экспонатом, как и тот, кто подарил ее мне, словно «последнее прости».

Неруда будет жить, пока жива его поэзия. И то, что нам ведомо, та великая одиссея, та уже прочерченная парабола его жизни дает мне право думать, что ему незачем было говорить: «Признаюсь: я жил». Об этом знали и знают все.

192. Спустя полгода

У каждой книги своя судьба, а порой и свои приключения. Книге «Неруда» не дозволялось пересечь границу Чили, но, вопреки всем запретам, она проникла туда, потому что у нее, помимо прочих дел на чилийской земле, было назначено свидание с женщиной, которую стерегла смерть.

В ноябре 1984 года вышло в свет первое издание «Неруды», и я сразу отправил три экземпляра Матильде Уррутиа. Они добирались до нее тайными дорогами, окольными путями, через друзей. Путешествие «Неруды» стало для меня чем-то вроде заклятья против смерти. Но Матильда знала, что ее болезнь неизлечима.

Да, еще раз подтверждалось, что в жизни есть странный закон схожести судеб двух любящих людей. Матильду тоже настиг смертельный рак… Я мечтал подарить ей хоть несколько радостных минут — пусть она возьмет в руки книгу о Поэте и о себе самой.

Шли дни за днями, и я ничего не знал о состоянии Матильды, чья жизнь угасала по ту сторону океана, за пятнадцать тысяч километров от нас. Меня преследовала мысль: увидит ли Матильда эти три книги, которые совершали такое трудное путешествие? А если она совсем плоха, сумеет ли прочесть или хотя бы перелистать «Неруду»?

Мне позвонили по телефону в день смерти Матильды. У нас был переброшен своеобразный телефонный мост через одну из европейских столиц.

С уходом Матильды замкнулся еще один круг «Жизней поэта».

За неделю до смерти Матильда позвала к себе двух подруг: Марию Малуэнду, актрису и бывшего посла во Вьетнаме, и Кену

Горвиц. В свое время Кена вместе с мужем отвозила Матильду в парижскую больницу Кашен.

Матильда вся высохла, остались одни глаза. Подруги ждали, о чем она станет говорить. Матильда начала с главного. Она хотела умереть, как Пабло, хотела, чтобы ее похороны послужили делу чилийских патриотов. С особым нажимом Матильда выговорила слово «мы».

Мария, стараясь перевести разговор на другую тему, спросила Матильду, знает ли она о книге «Неруда», и стала торопливо рассказывать, что уже прочла ее, но, к сожалению, у нее был экземпляр с большим количеством пропущенных страниц.

Эта книга принадлежала Клаудио. Она попала к нему в тот солнечный январский день, когда мы вместе с ним и с издателями выехали на маленьком автомобиле из Мадрида в местечко Фуэнтабрада, где находилась типография. Войдя в типографию, мы увидели, что книгу уже сверстывают и два мастера подбирают краску для обложки. В спешке один экземпляр сброшюровали не полностью, да и к тому же не успели отглянцевать обложку. Но Клаудио не хотел уезжать из Испании без этой книги, на которой еще не просох клей. Позднее книга оказалась в доме у Марии Малуэнды и Роберто, чьи имена возникают то там, то тут на ее страницах…

Выслушав все это, Матильда сказала, что у нее есть книга без всяких пропусков, и предложила Марии взять ее. «Неруда» должен был стать чем-то вроде пропуска, пароля.

«Приезжай ко мне еще, — сказала Матильда на прощанье. — И пусть эта книга будет нашим паролем. Покажешь ее внизу, и тебя сразу пропустят».

Поздним вечером к Марии пришел секретарь Матильды, поэт Густаво Бесерра. Лицо его потемнело от печали.

«Она умирает», — прошептал молодой поэт.

Кена Горвиц предложила тут же поехать в «Часкону». До комендантского часа оставалось очень мало времени.

«Дождемся утра», — сказала Мария.

Когда они приехали, уже не надо было показывать книгу. Матильда скончалась. Она умерла на рассвете. В доме было несколько человек: сестра Матильды Анхела, их племянница и медицинский персонал. Мария сразу же позвонила в редакцию «Чилийского радио». Часы пробили десять ударов.

Спустя три дня мне позвонил из Парижа наш общий друг. Он видел Матильду в ее последнюю среду. Она рассказала ему, какими разными путями пришли к ней все три экземпляра «Неруды». Быть может, это последняя книга, которую Матильда прочла. В беседе с нашим другом она заметила: «Я бы могла

рассказать Валентину много других вещей».

Нет, Матильда не унесла с собой в могилу свои тайны. У смертельно больной женщины достало сил и решимости, чтобы написать мемуары, где она рассказывает о Неруде и об их большой любви.

Неруда придумывал разные имена для своей Матильды, но чаще всего он называл ее Косолапкой, хотя она была изящной и стройной.

Однажды Неруда написал для своей Косолапки: «Чета влюбленных хлеб единый месит / и брызги лунные роняет на траву, / и ложе их хранит теней сплетенье / и жар иссякнувшего солнца».

И вот в субботу, 5 января 1985 года, в три часа ночи в «Часконе» разбилась черная глиняная лошадка Поэта, улетела в невозвратный край его голубка, раскололась его копилка со слезами, и они пролились над миром.

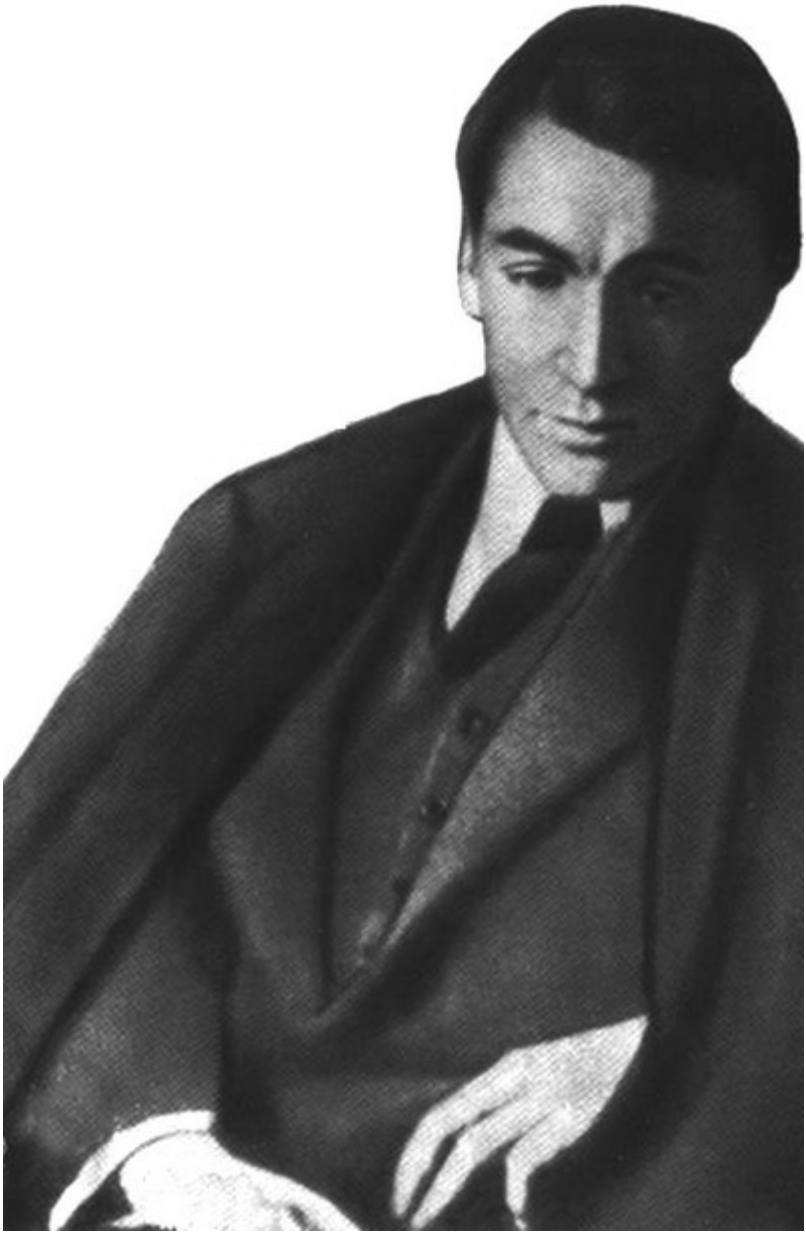
Матильда легла рядом с поэтом, который покоится в нише номер 44 в Мексиканском патио на Центральном кладбище Сантьяго.

Со всеми успела проститься Матильда-Косолапка, возлюбленная Неруды, а с ним ей не надо было прощаться. Ведь сказал поэт: «Два счастливых любовника смерти не знают, они неизбывны и вечны… / Они — как сама природа».

Фотографии

Пабло Неруда.

Пабло 2 года.

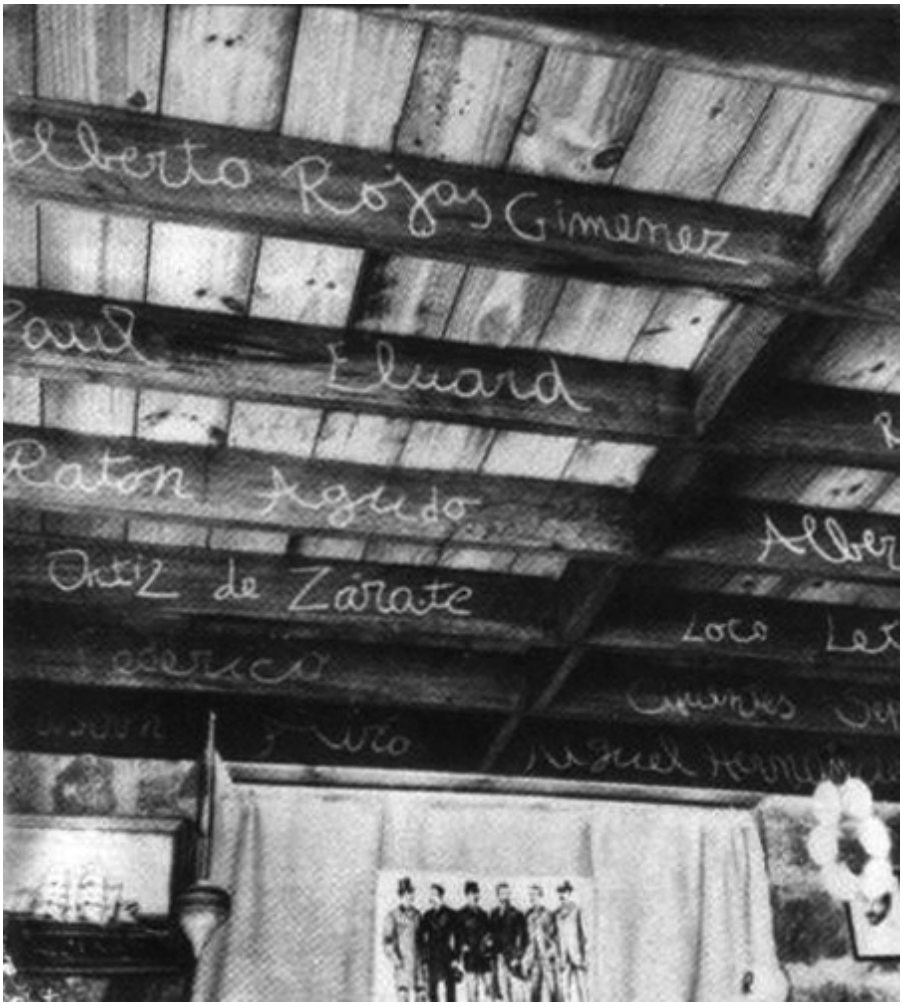


Молодой Неруда.

П. Неруда и Ф. Гарсиа Лорка.
1935.

П. Неруда в дни подпольных скитаний.
1948.

Дом в Исла-Негра.



Одно из помещений дома.

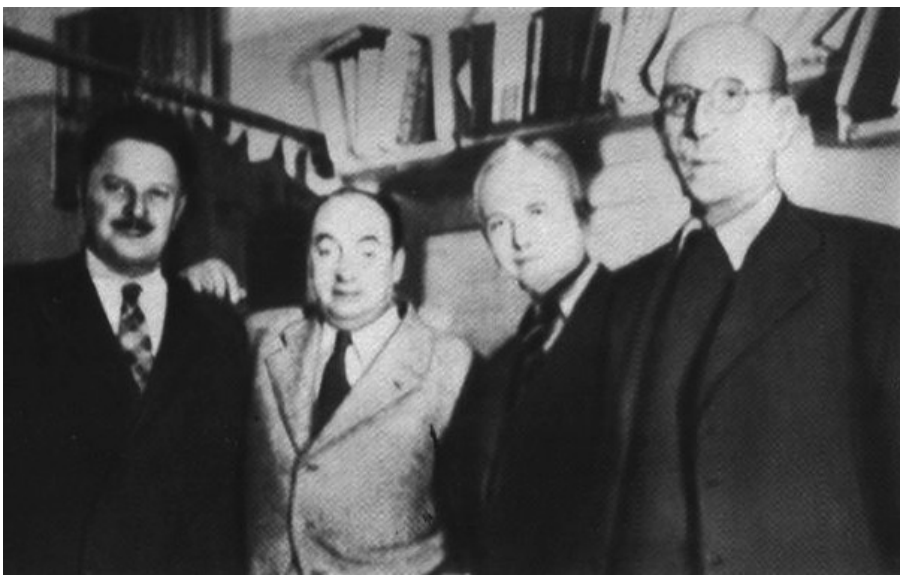
На балках потолка — имена ушедших из жизни друзей Неруды.

П. Неруда с женой Делией дель Карриль в Москве. 1949.

На Пушкинском юбилее в городе Пушкине. 1949.

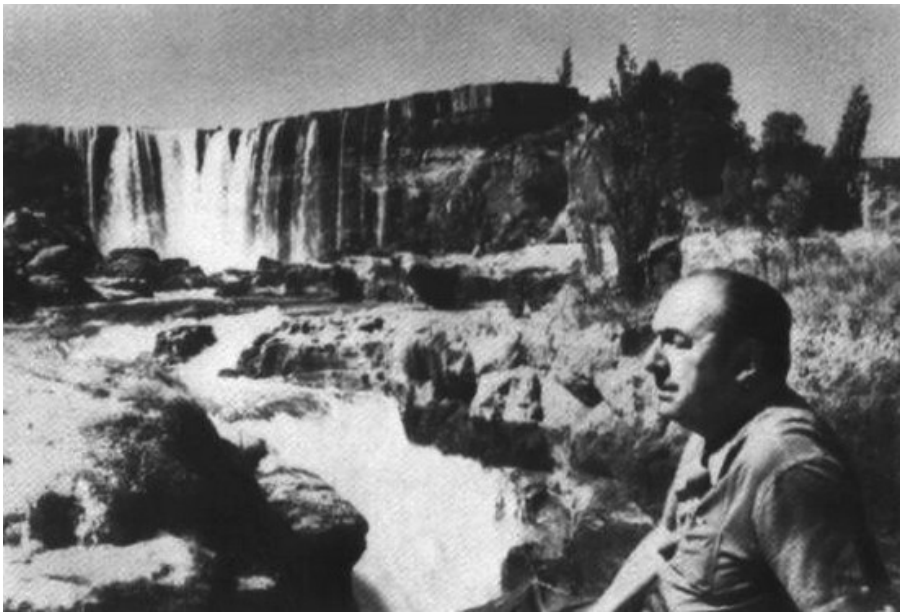
П. Неруда в Сталинграде.

Первое выступление П. Неруды в Москве. Большой зал консерватории, июнь 1949. Справа — А. Фадеев.



Слева направо:
Н. Хикмет, П. Неруда, Л. Арагон, А. Санчес.
1951.

Неруда в Париже.



Чили.

Слева направо: С. Альенде, П. Неруда и гватемальский политический и общественный деятель Х. Х. Аревало.

Слева направо:

В. Тейтельбойм, аргентинский философ Ж. Агости и П. Неруда.

1954.

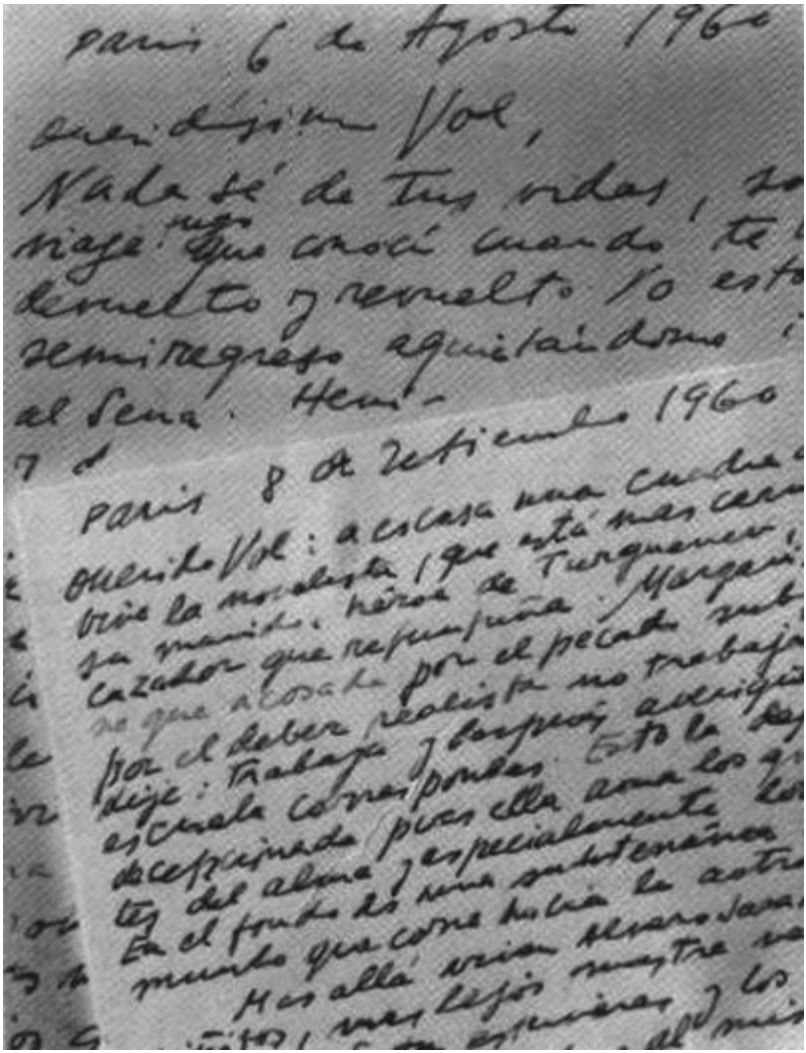
П. Неруда и К. Симонов в Переделкино.

П. Неруда с армянским поэтом А. Исаакяном.

1957.

П. Неруда в мастерской А. Санчеса.
1962.

Дом в Вальпараисо, где жил П. Неруда.



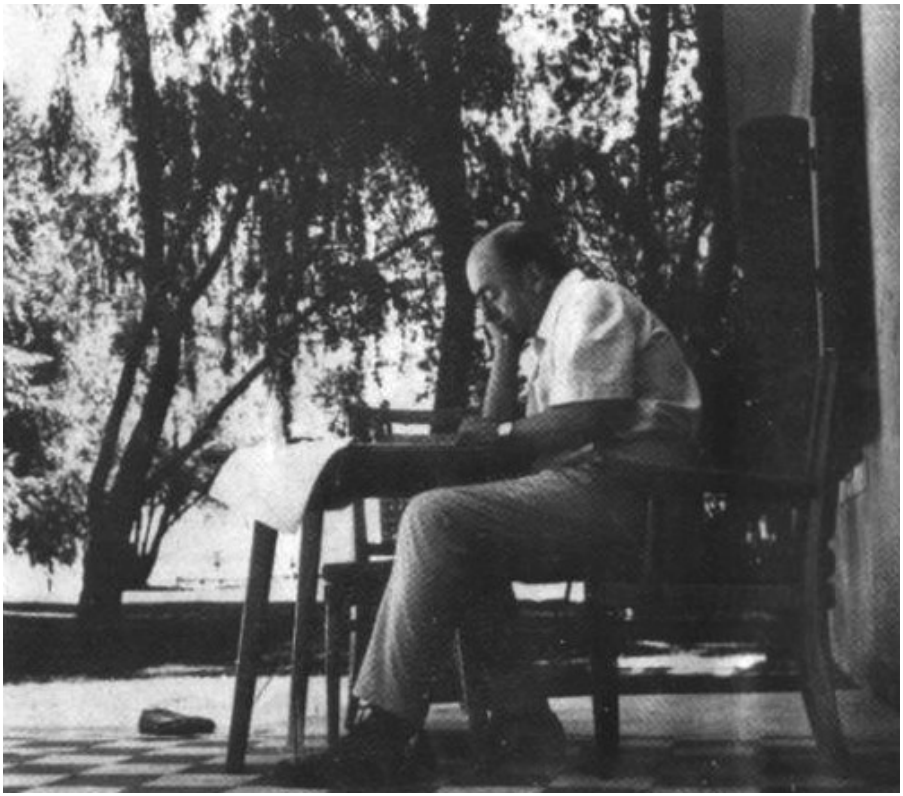
Письма П. Неруды В. Тейтельбому.

П. Неруда в гостях у студентов Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Москва, 21 апреля 1965.

П. Неруда и Л. Корвалан.

П. Неруда с М. А. Астуриасом в Венгрии.



В доме отдыха на берегу озера Балатон. 1968.

Делегация советских писателей в Чили в доме П. Неруды в Исла-Негра. 1969.

Слева направо: Ф. Колоане, М. Уррутиа, С. Баруздин, П. Неруда, И. Нанишвили.

П. Неруда с женой Матильдой в Будапеште. 1968.

В день вручения Нобелевский премии.
Стокгольм.

В. Тейтельбойм.

notes

Примечания

1

Перевод выполнен по изданию: *Volodia Teitelboim*. Neruda. Madrid, 1984. В настоящее издание автором внесены некоторые исправления и дополнения.

Перевод Э. В. Брагинской (гл. 1–101, 182–192) и Н. В. Малыхиной (гл. 102–181).

Редактор, автор предисловия и комментариев к. ф. н. Л. С. Осповат.

2

Дальнем Западе *(англ.)*.

3

Национальный чилийский танец. — *Здесь и далее прим. перев.*

4

Зеленое море *(исп.)*.

5

Зеленое зло *(исп.)*.

6

Перевод И. Лисянской.

Против ее воли *(фр.)*.

8

Птица с черным оперением, разновидность ястреба; кроме того — презрительная кличка священника.

9

Повод к войне *(лат.)*.

10

Перевод Б. Дубина.

11

Прощание *(англ)*.

12

Перевод Б. Дубина.

13

Перевод А. Гелескула.

14

Чувство тоски, вызванное разлукой *(порт.)*.

15

Псевдоним *(фр.)*.

16

Безвозмездно, «ради почета» *(лат.)*.

17

Перевод В. Столбова.

18

Под мальчишку *(фр.)*.

19

«Опьянение» *(фр.)*.

20

Перевод П. Грушко.

21

Перевод П. Грушко.

22

Перевод П. Грушко.

23

Перевод П. Грушко.

24

Перевод П. Грушко.

25

Перевод П. Грушко.

26

Перевод П. Грушко.

27

Перевод П. Грушко.

28

Перевод С. Северцева.

29

Перевод П. Грушко.

30

Перевод П. Грушко.

Зд.: гвоздь программы *(англ.)*.

32

Перевод П. Грушко.

33

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

35

Перевод П. Грушко.

36

Перевод П. Грушко.

37

Перевод П. Грушко.

38

Дело *(фр.)*.

39

Охотник *(ит.)*.

40

Любовь с первого взгляда *(фр.)*.

41

Из последующего *(лат.)*.

42

Перевод П. Грушко.

43

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

47

Перевод П. Грушко.

Перевод С. Гончаренко.

Перевод С. Гончаренко.

Перевод П. Грушко.

51

Разновидность камыша.

52

Перевод Л. Вышеславского.

53

Перевод В. Столбова.

Перевод Л. Вышеславского.

Всего Анкуда *(фр.)*.

Выбыл без указания адреса *(фр.)*.

Перевод Л. Вышеславского.

Виски с содовой *(англ.)*.

59

Алкогольный напиток типа виски *(англ.)*.

60

Женщины лечат страшную ностальгию, одолевающую нас в жарких странах *(фр.)*.

61

Перевод С. Гончаренко.

Молодости *(фр.)*.

Китайской розы *(англ.)*.

Гид, проводник *(ит.)*.

Перевод Б. Дубина.

Перевод П. Грушко.

67

Детская игра, когда две группы поочередно поют или выкрикивают стихи *(исп.)*.

Собрата *(фр.)*.

69

Хуан Рогоносец *(исп.)*.

Перевод Я. Лесюка.

71

Перевод Я. Лесюка.

Туман *(исп.)*.

73

Участник корриды, вонзающий в быка бандерильи — острые пики с флажками.

74

Вид музыкальной комедии.

«Квадратный горизонт» *(фр.)*.

«Эйфелева башня» *(фр.)*.

Зд.: «Обычная осень» *(фр.)*.

«Внезапно» *(фр.)*.

«Жиль де Рец» *(фр.)*.

Метек, чужак *(фр.)*.

81

Перевод И. Эренбурга.

82

Перевод И. Эренбурга.

83

Перевод Л. Вышеславского.

Роковой женщиной *(фр.)*.

Веки *(исп.)*.

Мой дорогой Дардапо *(фр.)*.

87

Перевод О. Савича.

«Набережная Курантов» *(фр.)*.

Зд.: улице Блудливой кошки *(фр.)*.

Месье, у вас есть вот такой ключ? *(фр.)*.

91

Какой ключ, месье? *(фр.)*.

92

Веревочная обувь.

Плута *(исп.)*.

Рисунки, выполненные на тонком слое коры.

Перевод П. Грушко.

Перевод С. Гончаренко.

97

Так мексиканцы называли испанских эмигрантов.

98

Вид кактуса, листья которого употребляют в пищу.

Перевод С. Гончаренко.

100

Перевод Б. Слуцкого.

101

Перевод Б. Слуцкого.

102

Перевод Б. Слуцкого.

103

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

Зд.: почетного *(лат.)*.

106

Перевод М. Зенкевича.

107

Перевод С. Гончаренко.

Перевод С. Гончаренко.

109

Перевод С. Гончаренко.

Перевод С. Гончаренко.

111

Перевод М. Зенкевича.

112

Перевод Л. Синянской.

113

Перевод Л. Синянской.

Перевод Л. Синянской.

115

Избранные стихотворения *(англ.)*.

116

Перевод И. Тыняновой.

117

Перевод И. Тыняновой.

118

Перевод И. Тыняновой.

119

Перевод И. Тыняновой.

120

Перевод И. Тыняновой.

121

Редкая птица *(лат.)*.

Для памяти *(лат.)*.

123

Перевод О. Савича.

Театрального жеста *(фр.)*.

125

Зд.: исподтишка *(ит.)*.

126

Развернутый подзаголовок, аннотация перед статьей *(англ.)*.

127

Если это неправда, то хорошо придумано *(ит.)*.

128

Редакции журнала «Пансе» *(фр.)*.

129

Перевод О. Савича.

130

Перевод О. Савича.

131

Перевод О. Савича.

132

Перевод О. Савича.

Всесоюзного общества культурных связей с заграницей.

134

Перевод О. Савича.

135

Перевод О. Савича.

Перевод С. Гончаренко.

137

Перевод О. Савича.

138

Перевод О. Савича.

139

Перевод В. Столбова.

140

Перевод П. Грушко.

141

Перевод С. Кирсанова.

142

Матильдину лесную *(лат.)*.

143

Пабло черный островной *(лат.)*.

Перевод Ф. Кельина.

145

Перевод О. Савича.

Перевод О. Савича.

147

Перевод О. Савича.

148

Перевод О. Савича.

149

Перевод Б. Слуцкого.

«Королевский естествоиспытатель» *(фр.)*.

151

Перевод Э. Брагинской.

Перевод Э. Брагинской.

153

Перевод Э. Брагинской.

На пороге *(лат.)*; зд.: надвигающейся.

155

Граффити *(ит.)* — древние надписи, рисунки, нацарапанные на стенах зданий, сосудах.

Зд.: соответствующего *(лат.)*.

157

Большой аудитории *(лат.)*.

Бог из машины *(лат.)*.

159

Перевод О. Савича.

Перевод П. Грушко.

161

Перевод П. Грушко.

162

Перевод П. Грушко.

163

Перевод П. Грушко.

Черный *(фр.);* Исла-Негра в перев. с исп. Черный остров.

165

Перевод Л. Осповата.

Перевод О. Савича.

167

Перевод О. Савича.

Перевод М. Алигер.

169

Перевод М. Алигер.

170

Перевод М. Алигер.

171

Перевод М. Алигер.

Перевод М. Алигер.

173

Перевод М. Алигер.

Перевод М. Алигер.

175

Здесь автор употребляет русское слово, транслитерированное латинскими буквами.

Гурман *(фр.)*.

177

Перевод Л. Осповата.

Французской кухни *(фр.)*.

«Новой волны» *(фр.)*.

180

Цветочный рынок *(фр.)*.

181

Здесь и до конца главы поэма цитируется в переводе М. Алигер.

182

Сердец поэтов *(фр.)*.

183

У нас *(фр.)*.

Набережная Бетюн, Париж IV *(фр.)*.

185

Перевод Л. Осповата.

Перевод Л. Осповата.

187

Перевод Л. Осповата.

Puerto — порт, rico богатый, pobre — бедный *(исп.)*.

189

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

191

Перевод С. Кирсанова.

Very Important Person — весьма важная персона *(англ.)*.

193

Clara — ясная *(исп.)*.

Без претензий *(фр.)*.

195

Счастливый конец *(англ.)*.

Перевод Л. Синянской.

197

Перевод Л. Синянской.

Налетчиков *(ит. арг.)*.

199

Охотник *(ит.)*.

200

«Нэшнл джиогрэфик мэгэзин» *(англ.)* — журнал, издающийся Всемирным географическим обществом.

201

Весь Сантьяго *(фр.)*.

Специально по этому случаю *(лат.)*.

Долгоиграющей пластинки *(англ.)*.

Перевод П. Грушко.

205

Мелодия, исполняемая на арауканском духовом инструменте того же названия.

Отсутствующим, покойным *(лат.)*.

207

Так латиноамериканцы презрительно называют североамериканцев.

208

Военный переворот.

209

Перевод П. Грушко.

210

Перевод П. Грушко.

211

Перевод П. Грушко.

212

Сумасшедший Матта *(ит.)*.

213

За́мке *(фр.)*.

Наблюдать со стороны *(англ.)*.

215

Salvador — спаситель *(исп.)*.

216

Привлечение к суду за государственное преступление *(англ.)*.

Неосвященную *(лат.)*.

Своеобразие *(лат.)*.

219

Перевод П. Грушко.

220

Перевод П. Грушко.

221

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

223

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

225

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

227

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

229

Перевод П. Грушко.

230

Перевод П. Грушко.

231

Перевод Л. Осповата.

Перевод Л. Осповата.

233

Перевод П. Грушко.

Перевод П. Грушко.

235

Перевод Л. Осповата.

Parra — виноградная лоза *(исп.)*.

237

Гусеницы *(исп.)*.

238

Перевод И. Эренбурга.

comments

Комментарии Л. С. Осповат

1

Мафусаилов век. — Согласно ветхозаветным преданиям, один из праотцов человечества Мафусаил прославился своим долголетием, прожив 969 лет.

2

Фронтера (*исп.* «граница»; *ср.* североамериканское «фронтир») — так до сих пор называют область на юге Чили, где веками пролегала граница между государственными владениями и землями незамиренных индейцев арауканов (мапуче).

З

Орелио Антонио Первый. — Под этим именем был провозглашен в 1861 г. королем Араукании французский авантюрист Антуан де Туненс (1820–1878), завоевавший большую популярность среди индейцев арауканов.

4

Возвел же… Наполеон III на мексиканский трон Максимилиана! — Австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург, ставленник французских интервентов, был провозглашен императором Мексики в 1864 г., взят в плен и расстрелян патриотами в 1867 г.

5

Перес Росалес Висенте (1807–1886) — чилийский писатель, рассказавший о своей авантюрной жизни в книге «Воспоминания о былом» (1886), которая получила широкую популярность в Чили.

6

Кауполикан (нач. XVI в. — 1558) — вождь арауканов, возглавивший борьбу против испанских конкистадоров после гибели Лаутаро.

7

Лаутаро — вождь индейцев арауканов, сражавшихся против испанских конкистадоров; убит в 1557 г.

8

Кастер Джордж Армстронг (1839–1876) — североамериканский генерал, чье имя стало нарицательным благодаря жестокости, с которой он подавлял сопротивление индейцев.

9

…после войны с Испанией… — Имеется в виду первая Тихоокеанская война (1865–1866), которую Испания навязала Перу. Чили приняла участие в этой войне, вступив в союз с Перу, Эквадором и Боливией.

10

Последняя Тулé (*лат.* Ultima Thule) — считавшаяся концом света полумифическая островная страна, находившаяся, по представлениям древних, на крайнем севере Европы.

11

Индейская Фландрия. — Население Фландрии, одной из провинций Нидерландов, особенно яростно сражалось во время Нидерландской революции XVI в. против испанских войск. Это название приобрело символическое значение.

12

Сефардские фамилии. — Сефарды — евреи, изгнанные из Испании в кон. XV в. и рассеявшиеся по странам Средиземноморья.

13

Альмагро Диего де (1475–1538) — испанский конкистадор, руководивший завоеванием Панамы. Перу, Чили. В ходе борьбы за власть был убит конкистадорами братьями Писарро.

14

Пинеда-и-Баскуньян Франсиско Нуньес де (1607–1680) — автор исторического повествования «Счастливое пленение и причина затянувшихся войн в Чили» (1673, опубл. в сер. XIX в.).

15

Буффало Билл — прозвище североамериканского авантюриста Уильяма Фредерика Коуди (1846–1917), описавшего свои похождения в ряде популярных книг.

16

Варгас Вила Хосе Мария (1860–1933) — колумбийский писатель.

17

Стриндберг Август Юхан (1849–1912) — шведский прозаик и драматург.

18

Триго Фелипе (1865–1916) — испанский романист.

19

Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри (1737–1814) — французский писатель, автор романа «Поль и Виргиния» (1787), где на фоне тропической природы развертывается трогательная история любви сына крестьянки и дочери дворянина.

20

Сальгари Эмилио (1863 1911) итальянский писатель, автор приключенческих романов.

21

Муралисты (от *исп.* mural — произведение настенной живописи) — художники, посвятившие себя настенной живописи.

22

Иосафат — долина в Палестине, где, по христианским представлениям, произойдет Страшный суд.

23

Эса ди Кейрош Жозе Мария (1845–1900) — португальский поэт и писатель.

24

Валентино Родольфо (1895–1926) — актер американского немого кино.

25

Алессандри Пальма Артуро (1868–1950) — чилийский государственный и политический деятель; в 1920–1924, 1925 и 1932–1938 гг. президент Чили.

26

Бароха-и-Несси Пио (1872–1956) — испанский писатель.

27

Асорин (*наст. имя* Мартинес Руис Хосе, 1874–1967) — испанский писатель, знаток и певец испанской провинции.

28

«*Сашка Жегулев*» — опубликованный в 1912 г. роман русского писателя Леонида Андреева (1871–1919) о юноше-анархисте; пользовался большой популярностью в странах Латинской Америки.

Харизматический — зд. осененный свыше.

30

Псевдоним Хуан Герра. — Герра (la guerra) по-испански — война.

31

Движение за университетскую реформу в Кордове. — Возникшее в 1918 г. в городе Кордова (Аргентина) студенческое движение, которое слилось с забастовочной борьбой пролетариата и оказало влияние на все страны Латинской Америки.

32

Унамуно Мигель де (1864–1936) — испанский философ, поэт, романист.

33

Вальдивия Педро де (1500–1533 или 1534) — испанский конкистадор, которого захватил в плен и казнил Лаутаро (см. коммент. к с. 31.).

34

Конрад Джозеф (*наст. имя* Теодор Конрад Коженёвский, 1857–1924) — английский писатель польского происхождения. Его роман «Негр с „Нарцисса“» вышел в 1897 г.

35

Рекабаррен Серрано Луис Эмилио (1876–1924) — деятель чилийского рабочего движения, один из основателей Социалистической рабочей партии, которая в 1922 г. была переименована в Коммунистическую партию Чили.

36

Села Камило Хосе (р. 1916) — испанский писатель.

37

…перепрыгнул через гроб и тут же, не сказав ни слова, удалился. — Как рассказал Неруда, таинственный Незнакомец испросил на это согласие у самого Рохаса Хименеса за несколько лет до его смерти.

38

Ласарильо с Тормеса — герой одноименного анонимного испанского плутовского романа (1554).

39

Гусман де Альфараче — герой романа испанского писателя М. Алемана-и-де-Энеро (1547 — ок. 1614) «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче» (1599–1604).

40

Маэзе Кабра — персонаж испанского плутовского романа.

41

…кеведовского склада… — Зд. гротескного.

42

…выступил в роли благородного Сирано де Бержерака. — В пьесе Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» поэт Сирано сочиняет стихи и пылкие объяснения, адресованные Роксане, от лица влюбленного в нее Кристиана.

43

Феллини Федерико (р. 1920) — итальянский кинорежиссер; в фильме «Амаркорд» (1974) художественно воплотил воспоминания о своем детстве и отрочестве.

44

Д’Аннунцио Габриэле (1863–1938) — итальянский поэт, романист, драматург.

45

Парижский клуб — ассоциация банков ведущих капиталистических держав.

46

О’Хиггинс Рикельме Бернардо (1776–1842) — чилийский государственный и военный деятель, один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке.

47

Братья Каррера Вердуго — Хосе Мигель (1785–1821) — один из руководителей борьбы за независимость Чили; *Хуан Хосе* и *Луис* также участвовали в борьбе за независимость.

48

Родригес Мануэль (1786–1818) — участник борьбы за независимость Чили, организатор партизанского движения.

49

Энрикес Камило (1769–1845) — общественный деятель, публицист, просветитель эпохи борьбы за независимость Чили.

50

Эганья Хуан (1769–1860) — юрист, автор республиканской конституции Чили.

51

Армас Кастильо (1914–1957) — ставленник империализма и внутренней реакции, ставший диктатором Гватемалы в результате контрреволюционного переворота 1954 г.

52

Спустя три года после событий в Африке… — Имеется в виду захват генералом Франко командования испанскими военными частями в Африке (июль 1936 г.), положивший начало франкистскому мятежу.

53

…названная романом или повестью… — роман и повесть по-испански novela.

54

Пеумо — народное название лавровидного дерева, растущего в Чили; его плоды съедобны.

«*Разумом или силой*» — надпись на гербе Чили.

56

Пола Негри (р. 1897) — немецкая и американская актриса немого кино.

57

«Вот скоро в Мексике завершится Революция…» — Мексиканская буржуазно-демократическая революция, начавшаяся в 1910 г., завершилась в 1917 г. Неруда имеет в виду окончательную стабилизацию положения в Мексике.

58

Саша Погодин — настоящее имя героя романа Л. Андреева «Сашка Жегулев» (см. коммент. к с. 66.).

59

Сабат Эркасти Карлос (р. 1887) — уругвайский поэт.

60

Варавва — в Новом Завете имя разбойника, которого по требованию толпы Понтий Пилат помиловал, отдав на распятие Христа.

61

«*На острова! — мы сказали…*» — так начинается стихотворение XIV «Рубен Асокар» в поэме «Всеобщая песнь Чили», составляющей седьмую главу «Всеобщей песни».

62

Васконселос Хосе (1882 1959) — мексиканский общественный деятель, философ, писатель; будучи министром просвещения в 1921–1924 гг. приглашал на работу в Мексику представителей латиноамериканской интеллигенции.

63

Экзегеза — толкование неясных мест в древних, особенно религиозных, текстах.

Фониатрия — отрасль медицины, посвященная физиологии и патологии голосового аппарата человека.

65

Аргус — в греч. миф. великан, сын Геи-Земли, на теле которого было множество глаз, из которых одновременно спали только два; стал нарицательным образом неусыпного стража.

66

Кецалькоатль — на языке ацтеков — пернатый змей, в мифологии науа (ацтеков) — бог науки, покровитель жрецов. Согласно ацтекскому мифу, некогда покинул Мексику и должен впоследствии вернуться.

67

Кришнамурти Джидду (1895 или 1897–1986) — индийский поэт и мыслитель; воспитанный теософами, был объявлен ими мессией, но в 1929 г. отказался от всякого участия в религиозной деятельности, поставив основной целью «воспитание свободы в поисках истины».

68

Марти-и-Перес Хосе Хулиан (1853–1895) — вождь освободительной войны кубинского народа против испанского ига. В 1880–1895 гг. находился в США в качестве корреспондента латиноамериканских газет; здесь он занимался подготовкой военных действий против Испании.

69

Катха — одна из древнейших упанишад, индийских религиозно-философских книг.

Сивиллы — в греч. миф. прорицательницы, в экстазе предрекающие будущее (обычно бедствия).

71

«*Дон Сегундо Сомбра*» (1926) — роман аргентинского писателя Рикардо Гуиральдеса (1886–1927), в центре которого образ свободолюбивого жителя пампы — гаучо.

72

Борхес Хорхе Луис (1899–1986) — аргентинский поэт, писатель, мыслитель.

73

Лоуренс Аравийский (1888–1935) — английский разведчик в странах Ближнего Востока.

74

Веризм — реалистическое направление в итальянской литературе и искусстве последней четверти XIX века.

75

Роман французского писателя А. Мальро (1901–1976) «Условия человеческого существования» вышел в свет в 1933 г.

76

Иссоп — род многолетних трав, употребляемых в пищу как пряность.

77

Дарио Рубен (*наст. имя* Феликс Гарсиа Сармьенто, 1867–1916) — никарагуанский поэт, реформатор испаноязычной поэзии.

Хирондо Оливерио (р. 1891) — аргентинский поэт.

79

Гонсалес Туньон Рауль (1905–1974) — аргентинский поэт.

80

Гомес де ла Серна Рамон (1888–1963) — испанский писатель.

81

Капдевильа Артуро (1899 1967) — аргентинский писатель.

82

Ортега-и-Гасет Хосе (1883 1955) — испанский философ, эссеист.

83

Валье Инклан Рамон Мария дель (1869–1936) — испанский прозаик, поэт, драматург.

Хименес Хуан Рамон (1881–1958) — испанский поэт.

85

Братья Мачадо Антонио (1875–1939) и *Мануэль* (1874–1947) — испанские поэты.

Каро Родриго (1573–1647) — испанский поэт и филолог.

87

Братья Архенсола Луперсио Леонардо де (1563–1613) и *Бартоломе Леонардо* (1562–1631) — испанские поэты и историки.

Аргихо Хуан де (1567–1623) — испанский поэт.

89

Кеведо-и-Вильегас Франсиско де (1580–1645) — испанский поэт и прозаик.

Вальехо Сесар (1892–1938) — перуанский поэт.

91

Морла Линч Карлос (1885 — ок. 1967) — чилийский дипломат, друг Гарсиа Лорки.

92

Фалья Мануэль де (1876–1946) — испанский композитор, друг Гарсиа Лорки.

93

«*Черное двухлетие*» — так называли в Испании период с конца 1933 г. до конца 1935 г., когда у власти стояли правые партии.

94

Тагор Рабиндранат (Тхакур Робиндронатх, 1861–1941) — индийский поэт и писатель, автор произведений на языках бенгали и английском.

Индихенизм (индеанизм) — общественно-культурное движение в защиту интересов коренного населения Латинской Америки.

96

Маринетти Филиппо Томмазо (1876–1944) — итальянский поэт, основоположник футуризма.

97

Лотреамон (*наст. имя* Изидор Дюкас, 1846–1870) — французский поэт, уроженец Уругвая, автор сборника стихотворений в прозе «Песни Мальдорора» (1868–1869).

Культеранизм (культизм) (*исп.* culto — образованный) — поэтический стиль, отличающийся сложной метафоричностью и обилием мифологических реминисценций.

99

Гровист — сторонник Мармадуке Грове (1879–1954), чилийского революционера, одного из руководителей военного переворота в Чили 4 июня 1932 г., в результате которого была провозглашена «Социалистическая республика».

100

Жакоб Макс (1876–1944) — французский поэт и писатель.

101

Блейк Уильям (1757–1827) — английский поэт и художник.

102

Ксиргу Маргарита (1888–1969) — испанская актриса, руководитель театральной труппы.

103

Во Ивлин (1903–1966) — английский писатель.

104

Садуль Жорж (1904–1967) — французский историк кино, критик.

105

Катманду — столица Непала.

106

Хуан де Майрена — апокрифический персонаж Антонио Мачадо: философ, поэт и преподаватель, устами которого автор излагал собственные мысли.

107

Хичкок Алфред (1899–1980) — англо-американский кинорежиссер, постановщик «фильмов ужасов».

108

Амате — изделие мексиканского народного художественного ремесла.

109

Эстридентисты — авангардистская группа в мексиканской поэзии, появившаяся в 1922 г.

110

Итамарати — улица в Рио-де-Жанейро, бывшей столице Бразилии, где находилось Министерство иностранных дел Бразилии; Ла Монеда — резиденция президента Чили.

111

Хирам Бингем — североамериканский ученый, открывший в 1911 г. город-крепость Мачу-Пикчу.

Асадо — аргентинское жаркое.

113

Виракоча — верховное божество в мифологии индейцев кечуа.

114

Гарсиласо де ла Вега Инка (ок. 1539 — ок. 1616) — первый перуанский писатель, историк, философ, внебрачный сын испанского конкистадора и внучки верховного правителя инков.

115

Лаваль Пьер (1883–1945) — французский государственный деятель, неоднократно входил в правительство; во время второй мировой войны проводил политику пособничества фашистской Германии.

116

…фамилию Руис, что принадлежала в разные столетия крупнейшим писателям. — По-видимому, имеются в виду испанцы Хуан Руис, протопресвитер Итский (ок. 1283–1350), Хосе Мартинес Руис (Асорин, см. коммент. к с. 64) и Антонио Мачадо-и-Руис (см. коммент. к с. 235).

117

Касик — индейский вождь, старейшина.

118

Гарсиласо де ла Вега (1503–1536) — испанский поэт.

119

ДИНА — пиночетовская охранка.

120

Гутьеррес Хоакин (р. 1918) — коста-риканский писатель и общественный деятель.

121

Чилам-Балам — жрец-прорицатель, живший в начале XVI в. в Мексике.

122

Сюпервьель Жюль (1884–1960) — французский поэт.

123

Карденас-и-дель-Рио Ласаро (1875–1970) — общественный и государственный деятель Мексики, президент страны в 1934–1940 гг. Правительство Карденаса поддерживало республиканскую Испанию, боровшуюся против фашизма.

124

…прочитал «Песнь Боливару» по чилийскому изданию «Всеобщей песни». — В окончательный текст «Всеобщей песни» это стихотворение не вошло.

125

Гароди Роже (р. 1913) — французский писатель, общественный деятель.

Аррау Клаудио — чилийский пианист.

127

Куньял Алваро (р. 1913) — деятель коммунистического движения Португалии, ныне Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии. С 1949 г. находился в тюрьме, откуда в январе 1960 г. бежал.

128

Аграмонте — персонаж поэмы Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» (1516–1532) — предводитель сарацинов, осаждавших Париж.

129

Грасс Гюнтер (р. 1927) — немецкий писатель.

130

Нимейер Оскар (р. 1907) — бразильский архитектор, строитель новой столицы страны города Бразилиа.

131

Зомби — согласно верования водуистов, человек, которого жрец лишил души и сделал своим рабом.

132

Гарсиа Монхе Хоакин (1881–1958) — коста-риканский писатель, общественный деятель.

133

Полифем — в греч. миф. кровожадный великан, сын Посейдона.

134

Бельо Андрес (1781 1865) — венесуэльский поэт, мыслитель, просветитель. Его поэмы «Обращение к поэзии» и «Сельскому хозяйству тропической зоны», опубликованные в 20-е гг. XIX в., были первыми художественными манифестами самоутверждения Латинской Америки.

Чинос — прозвище чилийских простолюдинов.

136

Оруэлл Джордж (*наст. имя* Эрик Блэр. 1903–1950) — английский писатель, публицист. Его роман-антиутопия «1984» вышел в 1949 г.

Фрай — монах.

138

Карлов Борис — киноактер, исполнявший роль Франкенштейна в одном из «фильмов ужасов».

139

Дракула — легендарный средневековый злодей-вампир. В романе В. Тейтельбойма «Внутренняя война» это «воплощение власти вампиров, живущих человеческой кровью».

Лучо — Луис Корвалан.

141

Менендес Пидаль Рамон (1869 1968) — испанский историк, филолог.

142

Латорре Мариано (1886–1955) — чилийский писатель, основатель креолизма, литературного течения, представители которого посвятили себя описанию жизни сельского населения Чили.

143

«Диван Тамарита» — книга стихотворений Федерико Гарсиа Лорки, законченная в основном в 1936 г., но опубликованная лишь посмертно, в 1940 г.

144

Брийа-Саварен (1755–1826) — знаменитый французский кулинар.

145

Сегер Пьер (р. 1906) — французский поэт и издатель.

146

…Неруда оказался в сложном положении в связи с письмом кубинских писателей… — Речь идет о составленном и подписанном по указанию свыше письме группы кубинских писателей, в котором подвергалось несправедливому осуждению политическая позиция Неруды. Подробнее об этом см: *Пабло Неруда*. Признаюсь: я жил. М., 1988, с. 398–402.

147

Артигас Хосе Хервасио (1764–1850) — уругвайский военный и политический деятель, вождь восстания провинции Восточный берег (современный Уругвай) против испанских властей, а затем руководивший борьбой против вторгшихся бразильских войск.

148

Матта Эчауррен Роберто (р. 1912) — чилийский художник.

149

Санхурхо Хосе (1872–1936) — испанский генерал, один из организаторов заговора против Республики в 1936 г.; собирался возглавить мятеж, но при перелете из Португалии в Испанию погиб в авиакатастрофе.

150

Травен Бруно (*наст. фам.* Торсван, (1890?-1969) — немецкий писатель, живший с нач. 20-х гг. в Мексике и писавший о жизни этой страны.

151

Гаррота — казнь через удушение.

152

Хуан Сегура — имя нарицательное, близкое к русскому Фома Неверующий; так называют человека, который никому не доверяет.